Проф. М. Грушевскій.

Иллюстрированная исторія украинскаго народа

Издательство „Вѣстника Знанія"

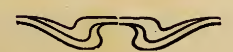
Безплатное приложеніе къ „Недѣлѣ Вѣстника Знанія"

БИБЛІОТЕКА
ПАЛАТЫ

ПРОФ. МИХАИЛЪ ГРУШЕВСКІЙ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ УКРАИНСКАГО НАРОДА.

Безплатное приложеніе къ „Вѣстнику Знанія“.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва «Екатерингофск. Печатное Дѣло», Спб., Екатерингофск. просп., № 7.
1913.

Отъ автора.

Предлагаемая вниманію читателя книга представляетъ собой приспособленную къ цѣлямъ настоящаго изданія обработку моего „Очерка исторіи украинскаго народа“, именно третьяго изданія (1911 г.). Въ общемъ онъ для настоящаго изданія сокращенъ, но мѣстами получилъ нѣкоторыя дополненія; кромѣ того, въ текстъ введены иллюстраціи, въ видѣ снимковъ съ предметовъ стараго искусства и графики, памятниковъ старины и сохранившихся портретовъ историческихъ дѣятелей,—вообще всего того, что можетъ содѣйствовать знакомству со старымъ бытомъ и творчествомъ.

Указанія на важнѣйшую литературу даны только мѣстами; въ большинствѣ случаевъ ссылки сдѣланы на мою большую исторію Украины (послѣдній VIII-й томъ доведенъ до 1650 г.), гдѣ интересующіеся найдутъ не только болѣе подробныя свѣдѣнія по тому или другому вопросу, но и подробныя указанія относительно источниковъ и литературы.

25 іюня 1913 г. *М. Г.*

Западно-украинскій пейзажъ. Восточные Карпаты (Гуцульщина).

I. Украинскій народъ.

Нашею задачею является возсозданіе въ главнѣйшихъ чертахъ историческаго развитія украинскаго народа, или точнѣе, тѣхъ этнографическо-политическихъ группъ, изъ которыхъ на протяженіи столѣтій постепенно формируется то, что мы мыслимъ теперь подъ именемъ украинскаго народа, иначе называемаго „малорусскимъ“, „южнорусскимъ“, „русинскимъ“ или просто „русскимъ“ (какъ онъ до послѣдняго времени, по старой традиціи, назывался и даже теперь еще называется въ Галиціи). Эта разнородность названій не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ покрываетъ понятіе, въ концѣ концовъ, вполнѣ опредѣленное и ясное, но вмѣстѣ съ тѣмъ является характеристическимъ показателемъ тѣхъ историческихъ перемѣнъ, какіе пришлось пережить этому народу.

Его старое, историческое имя: „Русь“, „Русинъ“, „русскій“ въ періодъ его политическаго и культурнаго упадка было усвоено великорусскимъ народомъ, политическая и культурная жизнь котораго развилась на традиціяхъ стараго Кіевскаго, Русскаго государства, и великорусскія государственныя организаціи—великое княжество Владимірское, затѣмъ Московское считали себя преемниками стараго Русскаго государства—въ виду династическихъ связей своихъ съ кіевскою династіею и другихъ связующихъ элементовъ. И вотъ, въ XIV в., когда центръ тяжести политической жизни изъ восточной Украины передвинулся, съ одной стороны, въ направленіи великорусскихъ земель, а украинская государственная

жизнь сосредоточилась въ западной Украинѣ, въ Галицко-Волынскомъ государствѣ, мы встрѣчаемся съ названіемъ „Малой Руси"—пока въ приложеніи къ этому послѣднему. Такъ, Юрій-Болеславъ, галицко-волынскій князь въ одной грамотѣ (1335 г.) титулуетъ себя „княземъ всея Малыя Россіи". Еще чаще встрѣчается это названіе въ грамотахъ константинопольскаго патріархата XIV в., гдѣ подъ названіемъ „Малой Россіи" противоставляются галицко-волынскія епархіи восточнымъ и сѣвернымъ (остававшимся подъ властью митрополитовъ „кіевскихъ и всея Руси", между тѣмъ, какъ галицко-волынскія епархіи получаютъ своего отдѣльнаго митрополита). Возможно, что подъ вліяніемъ этой церковной терминологіи принялъ помянутый титулъ и Юрій-Болеславъ. Позже это названіе выходитъ изъ употребленія; но когда въ XVII в. украинскія земли входятъ въ составъ Московскаго государства и является необходимость отличить ихъ отъ московскихъ, термины „малороссійскій, Малая Русь, Малороссія" получаютъ офиціальное признаніе и широкое распространеніе. Подъ вліяніемъ этой офиціальной терминологіи прежнія названія и въ литературѣ Россіи и Западной Европы начинаютъ вытѣсняться этимъ „малорусскимъ" терминомъ.

Но среди украинскаго общества этотъ терминъ не привился. Нѣкоторое время онъ спеціально прилагался къ офиціальной Малороссіи, т. е. къ областямъ, входившимъ въ составъ Гетманщины XVIII в., для обозначенія же всей народной стихіи и территоріи все болѣе широкое распространеніе получаетъ терминъ „Украина", „украинскій". Это старое названіе въ памятникахъ кіево-галицкихъ XII—XIII вв. употреблялось нарицательно, для обозначенія пограничья, но въ XVI в. оно становится спеціальнымъ, собственнымъ именемъ средняго Поднѣпровья, съ концомъ XV в. превратившагося въ полное опасностей, въ исключительныя условія поставленное и постояннымъ татарскимъ нападеніямъ подверженное пограничье. Въ XVII в., когда эта восточная Украина становится очагомъ новой украинской жизни, развивающейся въ рѣзкомъ противоставленіи соціальному и національному укладу Польскаго государства и сосредоточивающей въ себѣ пожеланія, мечты и надежды современной Украины, тогда и ея „украинское" имя пріобрѣтаетъ особое значеніе. Оно неразрывно сростается съ этими стремленіями и надеждами, съ бурными взрывами украинской жизни, являющимися для послѣдующихъ поколѣній путеводной звѣздой, неисчерпаемымъ источникомъ національнаго и политико-общественнаго сознанія, надеждъ на возрожденіе и развитіе. Литературное возрожденіе XIX в. принимаетъ названіе „украинскаго" для обозначенія этой новой національной жизни. Для того чтобы подчеркнуть связь новой украинской жизни съ ея старыми традиціями, это украинское имя употреблялось одно время въ сложной формѣ „Украïна-Русь", „украïньско-руський": старое традиціонное имя связывалось съ новымъ терминомъ украинскаго возрожденія и движенія. Но въ послѣднее время все шире употребляется и въ украинской и въ другихъ литературахъ простой терминъ „Украина", „украинскій", не только въ примѣненіи къ современной жизни, но и къ прежнимъ ея фазисамъ, и это названіе вытѣсняетъ постепенно всѣ прочія. Для обозначенія же всей совокупности восточно-славянскихъ группъ, у филологовъ называемой обыкновенно „русскою", приходится употреблять названіе восточно-славянской, чтобы избѣжать путаницы „русскаго" въ значеніи великорусскаго, „русскаго" въ значеніи восточно-славянскаго, и наконецъ „русскаго" въ значеніи украинскаго (какъ оно еще и посейчасъ въ полной силѣ остается въ обиходѣ Галиціи, Буковины и Угорской Руси). Эта путаница подаетъ поводъ къ постояннымъ неумышленнымъ и умышленнымъ недоразумѣніямъ, и это обстоя-

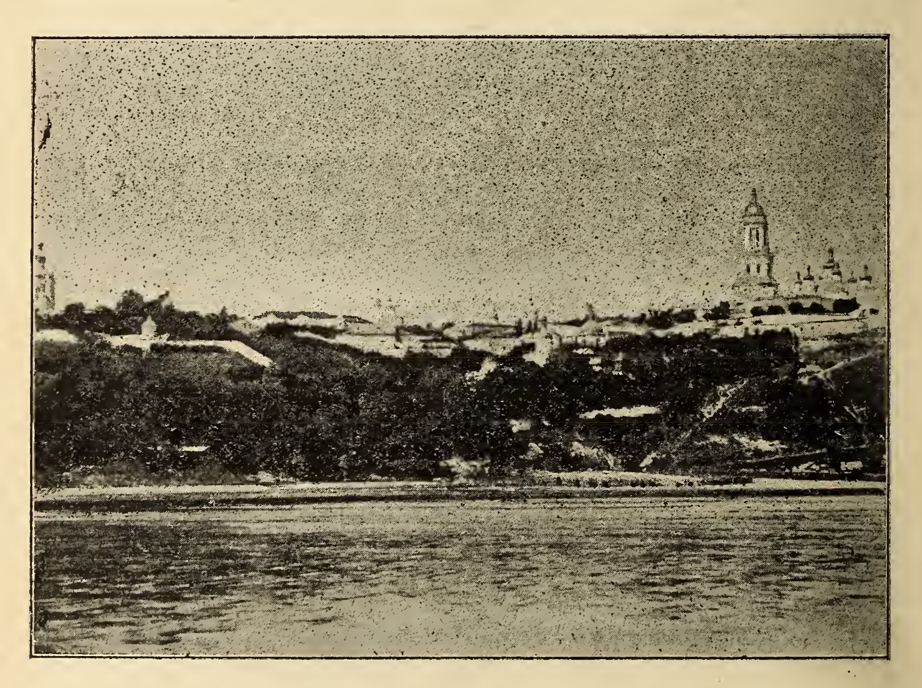
тельство принудило украинское общество въ послѣднее время твердо и рѣшительно принять названіе „Украины“, „украинскаго“.

Въ этой неясности и путанности терминологіи отразилась тяжелая историческая судьба украинскаго народа. Неблагопріятныя историческія условія лишили его всякаго значенія въ современной культурной и политической жизни, хотя по численности онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ народностей Европы. Компактной массой занимаетъ украинскій народъ большую и плодородную территорію, а въ своей исторіи и въ произведеніяхъ своего духа онъ доказалъ свои выдающіяся культурныя способности, богатыя дарованія и право на пріобрѣтеніе своего особеннаго мѣста въ исторической жизни. Разбивъ его политическую жизнь, погрузивъ его на дно экономическаго, культурнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и національнаго упадка, эти неблагопріятныя историческія условія покрыли забвеніемъ свѣтлые и славные моменты его прошлой жизни, проявленія его активности, его творческой энергіи и на цѣлые вѣка бросили на распутьи политической борьбы, какъ безоружную, беззащитную добычу завоевательныхъ аппетитовъ его сосѣдей, какъ этнографическую массу, лишенную національной физіономіи, безъ традицій, даже безъ имени.

Правда, въ настоящее время это паденіе украинской жизни въ значительной степени является уже моментомъ пройденнымъ,—пройденнымъ безвозвратно. Съ каждымъ годомъ замѣтнѣе въ ней ростъ и подъемъ. Возрождается самосознаніе и активность въ обществѣ и въ народныхъ массахъ, возрождаются традиціи. Пониманіе украинской исторіи какъ одного непрерывнаго процесса, проходящаго черезъ всѣ перипетіи историческаго развитія отъ зачатковъ исторической жизни, и даже изъ-за предѣловъ этой послѣдней, вплоть до нашего времени, входитъ все глубже въ сознаніе и перестаетъ представляться чѣмъ то страннымъ и еретическимъ, какимъ представлялось еще такъ недавно.

Восточно-украинскій пейзажъ. На берегахъ Удая (Полтавск. г.).

По традиціямъ старой московской исторіографіи, принятымъ новѣйшею русскою, факты украинской исторіи обыкновенно включались эпизодически въ традиціонную схему восточно-европейской, или, какъ она называется обыкновенно,—русской исторіи. Послѣдняя начиналась старѣйшими извѣстіями о восточной Европѣ (обыкновенно—съ дославянской колонизаціи); послѣ обзора славянскаго разселенія слѣдовало изложеніе исторіи Кіевскаго государства, доводившееся до второй половины XII в., послѣ чего нить повѣствованія переносилась въ в. кн. Владимірское, потомъ Московское, и наконецъ, исторія Московскаго государства переходила въ исторію Русской имперіи. Эпизодически, для выясненія нѣкоторыхъ моментовъ въ политической исторіи Московскаго и Россійскаго государства иногда включались сюда такіе эпизоды, какъ государство Даніила, присоединеніе бѣлорусскихъ и украинскихъ земель къ великому княжеству Литовскому и унія его съ Польшею, казацкія возстанія, войны Хмельницкаго и т.

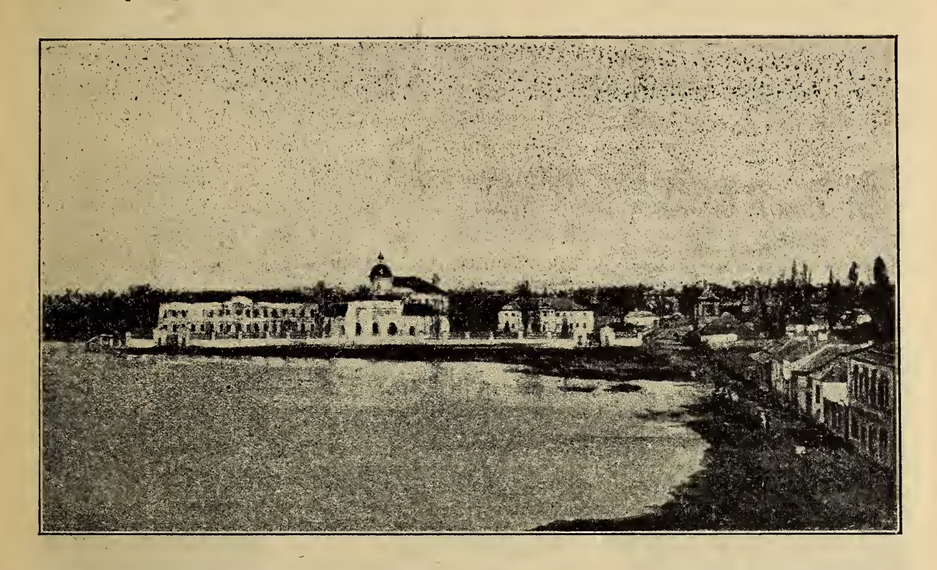


Кіевъ.—Печерская обитель съ берега Днѣпра.

п. Такимъ образомъ, начальныя стадіи исторической жизни украинскаго народа растворялись въ „русской исторіи", средніе вѣка (XIV—XVI) терялись въ исторіи в. кн. Литовскаго и Польши, и при украинской исторіи, какъ она мыслилась обыкновенно (да часто мыслится и посейчасъ), оставалась только эпоха „отпаденія отъ Польши" и „присоединенія къ Россіи", то есть, исторія украинскаго козачества, обрывавшаяся съ упраздненіемъ гетманства или, по желанію, продолжавшаяся исторіей украинскаго возрожденія.

Первыя попытки связать въ органическое цѣлое съ этимъ общепризнаннымъ украинскимъ періодомъ предшествующіе вѣка историческаго развитія украинскаго народа принимались съ недовѣріемъ или даже раздраженіемъ, какъ неумѣстный капризъ, какъ проявленіе какихъ-то тенденцій, своего рода политиканство въ наукѣ,—какъ одно изъ проявленій „украинскаго сепаратизма". Однако, ближе знакомясь съ новѣйшими построеніями украинской исторіи, безпристрастные

ученые имѣютъ возможность убѣдиться, что тенденція тутъ не при чемъ, и что изслѣдованіе исторіи украинскаго народа въ ея цѣломъ послужитъ цѣнною поправкою къ сборной схемѣ „исторіи государства Россійскаго [1]).



Видъ Чернигова.

По мѣрѣ развитія и движенія украинской жизни вообще теряютъ свою остроту споры на тему національной обособленности украинскаго народа, такъ горячо и раздражительно трактовавшіеся еще недавно. Вопросъ о самостоятельности украинской исторіи тоже входитъ въ эти споры, хотя они и происходили главнымъ образомъ на почвѣ филологической, и наиболѣе острымъ и рѣшающимъ пунктомъ въ нихъ являлся вопросъ о томъ, является ли украинская рѣчь самостоятельнымъ языкомъ, или только нарѣчіемъ того „русскаго" языка, въ составъ котораго какъ другой членъ входитъ нарѣчіе великорусское съ бѣлорусскимъ „поднарѣчіемъ". Рядъ выдающихся языковѣдовъ признавалъ украинскую рѣчь отдѣльнымъ языкомъ—какъ съ другой стороны нѣтъ недостатка еще и теперь въ сужденіяхъ, признающихъ украинскую рѣчь только нарѣчіемъ. Лингвистическая близость съ сосѣдними народами—великорусскимъ и польскимъ давала поводъ даже отрицать существованіе украинскаго народа, какъ таковового, и его право на самостоятельное культурное и политическое развитіе. Такіе голоса раздавались,—да и теперь еще не перестаютъ раздаваться,—съ польской и великорусской стороны; они представляли украинскую народность только провинціальной разновидностью польской или великорусской народности хотѣли видѣть въ ней лишь простую этнографическую массу, долженствующую служить строительнымъ матеріаломъ для національности польской или великорусской. Понятно само собою, что въ основа и такихъ взглядовъ лежатъ тенденціи чисто политическаго характера: они являются порожденіемъ эгоистическихъ стремленій народностей, пользующихся преобладаніемъ въ извѣстныхъ частяхъ украинской территоріи и стремящихся задержать украинскую народность въ служебной роли навсегда. Но эти стремленія очень часто прикрываются научной внѣшностью, въ особенности въ Россіи, гдѣ украинскій вопросъ сохраняетъ свою остроту и сейчасъ.

Представители этихъ теченій выдвигаютъ положеніе, что украинская

[1]) Объ этомъ см. мою статью: «Звичайна схема «русскої» історії і справа раціональнаго укладу історії Східньої Европи» въ сборникѣ петербургской академіи: Статьи по славяновѣдѣнію, т. I.

рѣчь, являясь нарѣчіемъ „русскаго языка“, не должна развиваться въ качествѣ литературнаго и культурнаго орудія: Украинцы должны пользоваться „общерусскимъ“, т. е. въ дѣйствительности — великорусскимъ литературнымъ языкомъ. Здѣсь подмѣниваются понятія: великорусскій языкъ, разговорный и литературный, вовсе не составляетъ „общерусскаго“ языка, а подобно украинскому является только „нарѣчіемъ“ того идеальнаго „русскаго“ или восточно-славянскаго языка, къ которому возводятся современныя восточно-славянскія нарѣчія, но который конкретно не существуетъ и даже не существовалъ никогда [1]). Затѣмъ, понятіе языка и нарѣчія вполнѣ условны: они отмѣчаютъ лишь извѣстную градацію, отношенія вида къ роду, но безотносительно ставя вопросъ, собственно невозможно установить тѣ требованія, которымъ должна отвѣчать какая-нибудь

Переяславль.—Покровская церковь Мировича.

рѣчь для того, чтобы быть признанною отдѣльнымъ и самостоятельнымъ языкомъ. Поэтому и украинскую рѣчь одни считаютъ языкомъ, другіе нарѣчіемъ, но то или другое рѣшеніе этого вопроса не предрѣшаетъ культурнаго значенія ея. Культурное и національное значеніе извѣстнаго языка зависитъ не отъ лингвистическихъ опредѣленій, а отъ историческихъ условій, жизненныхъ силъ народности и культурнаго содержанія, вкладываемыхъ ею въ свой языкъ. Безъ сомнѣнія, культурные успѣхи украинской жизни послѣдняго десятилѣтія измѣнили въ пользу украинства взгляды на культурное и національное полноправіе украинской народности гораздо больше, чѣмъ всѣ теоретическіе, научные аргументы, и они, несомнѣнно, будутъ вліять еще сильнѣе съ дальнѣйшимъ ихъ движеніемъ.

Будутъ ли называть украинскую рѣчь языкомъ или нарѣчіемъ, все равно нужно признать, что украинскіе говоры составляютъ извѣстное лингвистическое цѣлое, въ пограничныхъ говорахъ своихъ приближающееся къ сосѣднимъ славянскимъ языкамъ: словацкому, польскому, бѣлорус-

[1]) Весьма опредѣленно выясняетъ эти вопросы записка петербургской академіи, составленная для соображаній по вопросу объ отмѣнѣ запрещеній, тяготѣвшихъ на украинскомъ словѣ: „Императорская Академія Наукъ. Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова“. 1905 г. (новое изданіе 1910 г.).

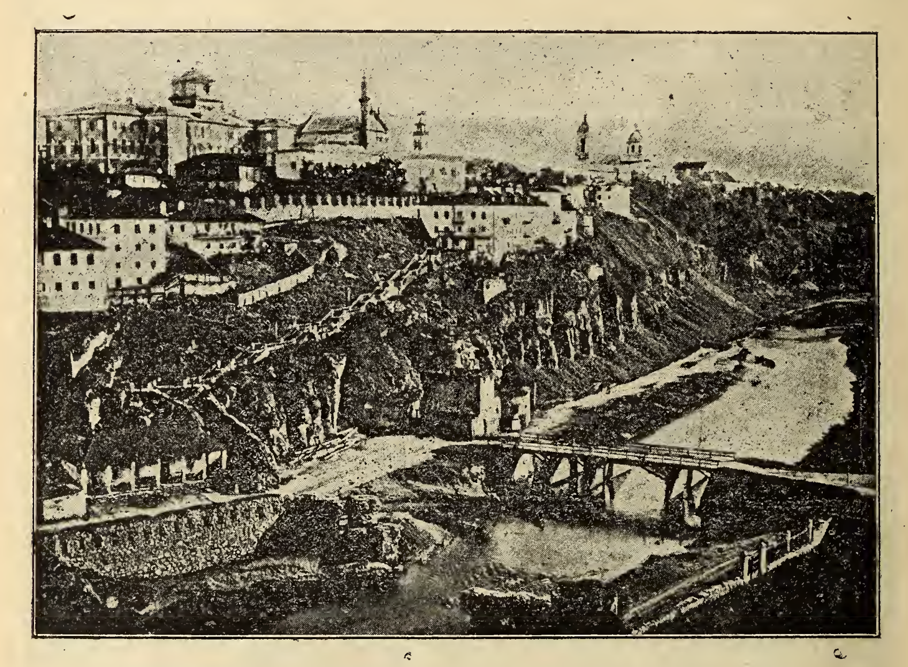
скому и великорусскому, но въ своихъ наиболѣе характеристическихъ и типическихъ діалектахъ отличающееся отъ этихъ сосѣднихъ и наиболѣе близкихъ славянскихъ языковъ весьма замѣтнымъ образомъ въ цѣломъ рядѣ фонетическихъ, морфологическихъ и синтаксическихъ особенностей. Такъ же точно отличается украинская народность отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей особенностями антропологическими (въ устройствѣ тѣла) и психофизическими (въ складѣ индивидуальнаго характера, въ отношеніяхъ семейныхъ и общественныхъ, въ бытѣ и культурѣ матеріальной и духовной). Эти психофизическія и культурныя особенности, имѣющія за собою болѣе или менѣе продолжительную историческую давность—долгій процессъ развитія, совершенно опредѣленнымъ образомъ объединяютъ въ одно національное цѣлое отдѣльныя группы украинскаго населенія, ограничивая ихъ отъ другихъ подобныхъ цѣлыхъ, и превращаютъ въ національную индивидуальность, въ народъ, съ долгою исторіею развитія.

Кіевское Полѣсье.—Видъ Овруча, старой столицы Древлянской земли.

Въ настоящее время состояніе украинскаго разселенія представляется такъ: украинская колонизація въ сплоченныхъ массахъ (т. е. не считая изолированныхъ и удаленныхъ отъ общей массы колоній) окружаетъ широкою полосою сѣверное побережье Чернаго моря приблизительно между 44° и 53° сѣверной широты и 38°—62° восточной долготы [1]). Она обнимаетъ горную область по обѣимъ сторонамъ Карпатъ отъ Магуры до Трансильванскихъ горъ и, огибая нижнее Подунавье, занятое теперь румынскою колонизаціею, охватываетъ бассейны Днѣстра и Южнаго Буга, верхнее и среднее теченіе Западнаго Буга со смежными частями бассейна

[1]) Долгота указана отъ перваго меридіана (это соотвѣтствуетъ 20°—44° долготы отъ Гринвича и 10°—14° отъ Пулкова); восточную границу можно обозначить только условно: я беру область средней Кумы, крайнюю территорію, гдѣ украинское населеніе составляетъ большинство (Новогригорьевскій уѣздъ, гдѣ при переписи 1897 г. насчитано 54% украинскаго сельскаго населенія); но многіе изслѣдователи принимаютъ крайнимъ предѣломъ каспійское побережье, такъ какъ въ ослабленномъ видѣ украинская колонизація продолжается до самаго побережья.

Сана, среднее и нижнее теченіе Днѣпра, почти весь бассейнъ Донца, простираясь въ среднее теченіе Дона, и, наконецъ, значительныя части бассейновъ Кубани, Кумы и Маныча, мѣстами проникая глубоко въ горную область Кавказа и прикаспійскія степи. Сѣверною границею приблизительно служитъ линія р. Припети, за которую украинская территорія выдвигается къ сѣверу двумя выступами, раздѣленными бѣлорусскимъ клиномъ верхняго Днѣпра: въ бассейнѣ Зап. Буга она простирается до области р. Нарева, въ бассейнѣ Десны приблизительно до области р. Судости, и эти порѣчья даютъ крайніе контуры украинской территоріи на сѣверѣ [1]). Южную границу составляютъ берега Чернаго и Азовскаго морей.



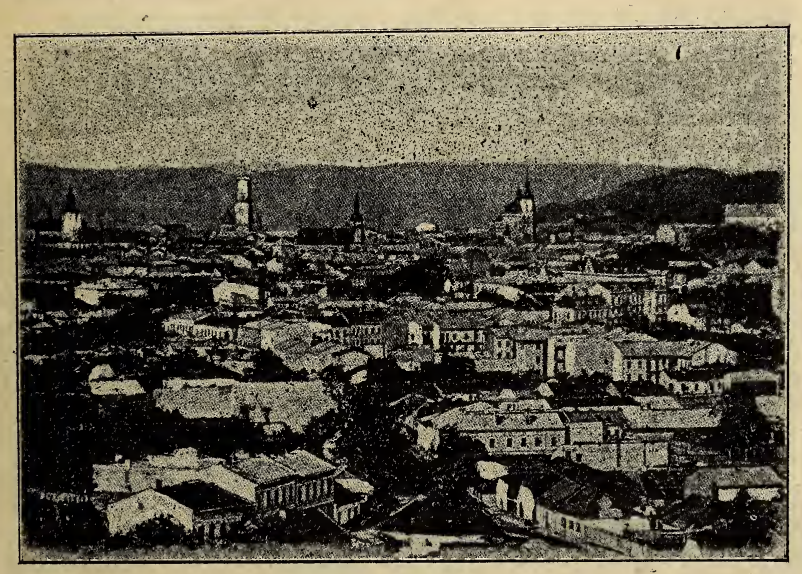
Г. Каменецъ-Подольскій со стороны польскихъ фольварковъ.

Въ политическомъ отношеніи эта территорія входитъ въ составъ Россіи, Австріи и Венгріи. Она заключаетъ въ себѣ: въ Австріи всю восточную Галицію, горную подкарпатскую область Западной Галиціи до „Руської ріки“ (притока Дунайца) на западѣ, и сѣверо-западную часть Буковины; въ Венгріи сосѣднюю съ украинскою территоріею Галиціи горную область (къ югу отъ Карпатъ) въ комитетахъ Спишскомъ, Шаришскомъ, Землинскомъ, Ужскомъ, Бережскомъ и Мармарошскомъ, въ Россіи губерніи: Волынскую со смежными частями Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской и Минской, Кіевскую, Подольскую, значительную часть Бессарабской, всю Херсонскую, Екатеринославскую и материковую часть Таврической, всю Полтавскую и Харьковскую, большую часть Черниговской, юго-западныя части Курской, восточную часть Воронежской губерніи и Донской области, значительныя части Кубанской и губерній Черномор-

[1]) Здѣсь затрудненіе представляетъ существованіе среднихъ, переходныхъ украинско-бѣлорусскихъ говоровъ, большею частью не изслѣдованныхъ достаточно, и это вноситъ извѣстную неясность въ наши представленія объ этнографической границѣ (ср. этнографическія карты Е. Ѳ. Карскаго Бѣлоруссы, т. I).

ской (Новороссійской) и Ставропольской (къ которой примыкаютъ затѣмъ болѣе изолированныя колоніи Астраханской и Саратовской губерніи)[1].

Чтобы установить съ совершенною точностью украинскую территорію, т. е. область, въ которой украинское населеніе является преобладающимъ, нужны точныя, объективно и научно собранныя этнографическо-статистическія данныя. Ихъ въ настоящее время очень мало, такъ какъ офиціальныя статистическія данныя Россіи и Австро-Венгріи (каждыя въ своемъ родѣ) оставляютъ желать очень многаго; поэтому, украинская территорія можетъ быть установлена пока только приблизительно[2]). Такъ, приблизительно въ Австро-Венгріи она занимаетъ около 85 тыс. квадратныхъ километровъ, съ общею численностью населенія около 7 милліоновъ. Въ Россіи свыше 750 тыс. кв. километровъ, съ населеніемъ свыше 33 милліоновъ. Всего около 850 тыс. кв. километровъ, или 15 тыс. кв. миль[3]), съ населеніемъ свыше 40 милліоновъ.



Общій видъ Львова (Лемберга).

Общее число собственно украинскаго населенія на этой территоріи нужно считать около 33 милліоновъ—цифры опять таки не могутъ быть вполнѣ точны, такъ какъ при нынѣшнихъ условіяхъ переписи цифры народностей, находящихся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ всегда выходятъ ниже дѣйствительности, а перепись Россіи 1897 г., на которой приходится главнымъ образомъ основывать свои выводы, составлена притомъ довольно небрежно. На очерченной выше территоріи Россіи она насчитываетъ около 21.400.000 украинскаго населенія[4]), но, несомнѣнно, цифра

---

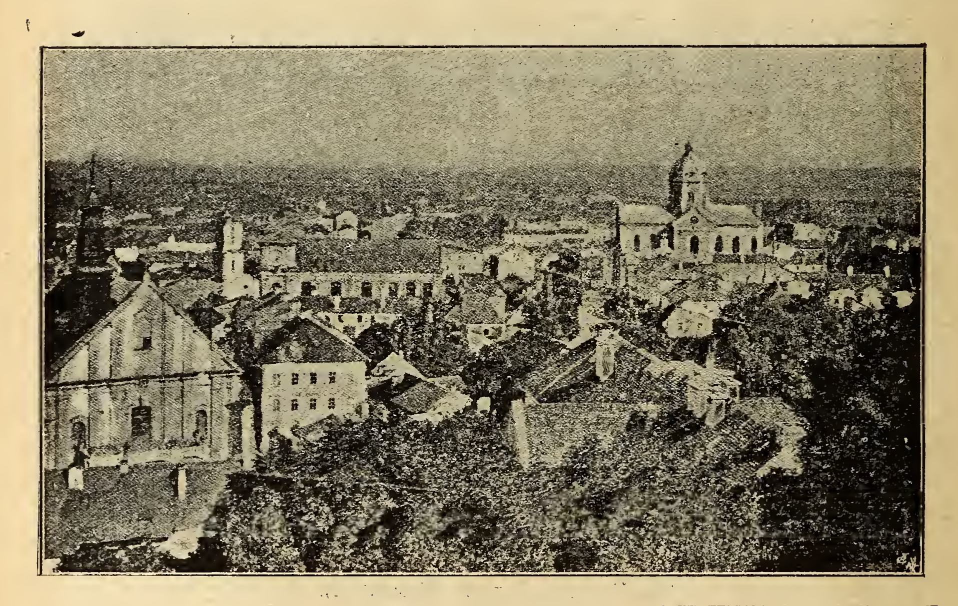
[1]) См. карту на стр. 14; болѣе подробнѣе: Г. Величко «Народописна карта украïнсько-руського народу», Львів, 1895; этнографическія карты въ VII т. «Трудовъ этногр. экспедиціи въ юго-зап. край» (1871); Czoernig, Ethnographische Karte, 1853 (для провинцій Австріи и Венгріи); С. Томашівський, Етнографічна карта Угорськоï Руси, 1910 (Статьи по славяновѣдѣнію, III).

[2]) Результатами переписи 1897 г. въ Россіи для исправленія старыхъ этнографическихъ картъ почти нельзя было воспользоваться, такъ какъ она дала лишь общія поуѣздныя цифры.

[3]) Ср. подсчетъ поверхности у Величка «Введене въ географію Украïни-Руси», Стрѣльбицкаго «Исчисленіе поверхности Европейской Россіи».

[4]) Ср. общій подсчетъ результатовъ переписи также въ статьѣ Ярошевскаго въ «Кіевск. Старинѣ», 1905, кн. VI.

эта гораздо ниже дѣйствительной: счетчики не включили нѣкоторые переходные типы украинскаго населенія на этнографическихъ пограничьяхъ; городское населеніе въ болѣе значительныхъ городахъ и представители высшихъ сословій почти поголовно вошли въ категорію великорусскаго населенія, хотя, несомнѣнно, не принадлежатъ къ таковому. Несомнѣнно, что въ общей сложности недочетъ былъ гораздо больше милліона, такъ что современное украинское населеніе указанной территоріи Россіи, принимая въ расчетъ пятнадцатилѣтній приростъ (колеблющійся обыкновенно между 1,5 и 1,75%), нужно считать не менѣе 28 милліоновъ. Украинское населеніе указанной выше территоріи Австро-Венгріи въ настоящее время нужно считать около 4,5 милліоновъ, а именно: въ восточной Галиціи свыше 3,5 милл., на смежномъ подгорьѣ западной Галиціи около 70 тыс., въ Буковинѣ свыше 300 тыс., въ сѣверной Венгріи около 500 тыс. [1]). Такимъ образомъ, общая численность украинскаго



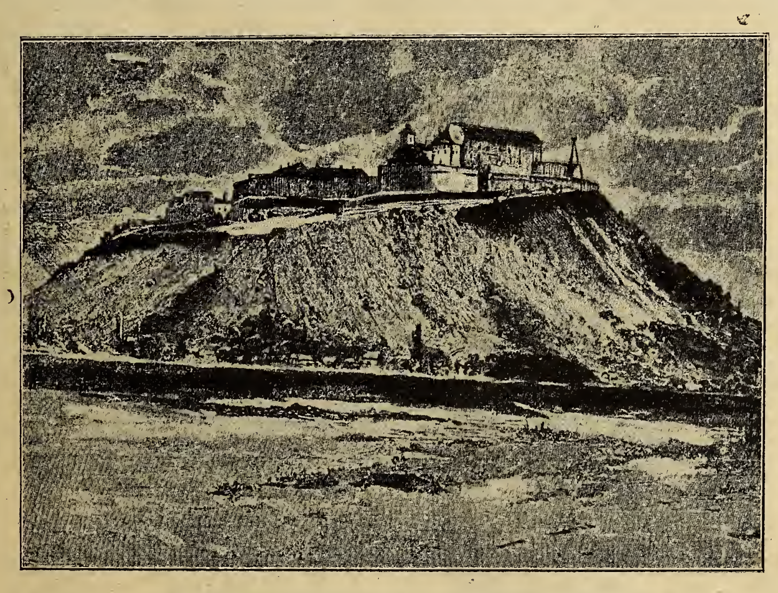
Видъ г. Перемышля.

населенія на очерченой выше территоріи достигаетъ 32—33 милл. Внѣ ея украинское населеніе встрѣчается, во-первыхъ, въ пограничныхъ полосахъ съ преобладающимъ инороднымъ населеніемъ, во-вторыхъ, въ болѣе или менѣе значительныхъ колоніяхъ (иногда въ видѣ цѣлыхъ группъ поселеній), въ другихъ мѣстностяхъ Европейской и Азіатской Россіи, Австро-Венгріи, Румыніи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Канады и Бразиліи, въ общей сложности достигая, вѣроятно, не менѣе 2,5—3 милл., такъ что

[1]) Перепись 1910 г,, судя по предварительнымъ подсчетамъ, насчитала въ Галиціи (восточной и западной) украинскаго (русинскаго) населенія 3.2?3 тыс.; къ нимъ нужно присоединить: а) весьма значительное количество украинскаго населенія, исповѣдующаго католичество и въ силу этого при галицкихъ переписяхъ зачисляемаго въ категорію Поляковъ; б) не поддающійся учсту, но довольно значительный процентъ, при переписи причисляемый къ господствующей народности; в) естественный приростъ (около 1,1% ежегодно). Въ Буковинѣ перепись 1900 г. насчитывала 298 тыс. (ежегодный приростъ около 1,3%). Въ сѣверной Венгріи въ 1900 г. украинскаго населенія насчитано 409 тыс., а съ военнымъ контингентомъ 411 тыс., при приростѣ около 1,16%, но это число, несомнѣнно, было значительно ниже дѣйствительности.

общую численность украинскаго населенія нужно предполагать не ниже 35 милл. [1]).

Изъ украинской территоріи особенною однородностью состава населенія и преобладаніемъ украинскаго элемента отличается среднее Поднѣпровье (губернія Полтавская, южная часть Черниговской, восточная Кіевской и смежныя части Екатеринославской), гдѣ украинское населеніе составляетъ въ общемъ не менѣе 90% населенія, колеблясь между 80 и 98% даже по официальной переписи. Въ западной части оно разрѣжено элементомъ польскимъ и еврейскимъ (Галиція со смежными мѣстностями), мадьярскимъ (въ Венгріи) и румынскимъ (въ Буковинѣ и Бессарабіи) и въ общемъ составляетъ отъ 60 до 70% всего населенія, хотя и здѣсь встрѣчаются мѣстности съ сплошнымъ украинскимъ населеніемъ, такъ, напр., въ нѣкоторыхъ горныхъ повѣтахъ Галиціи и Венгріи, даже по



Мункачъ, столица Угорской Украины.

официальной статистикѣ насчитывается 80—90% украинскаго элемента. Наиболѣе низкій процентъ украинскаго населенія даютъ города: по переписи 1910 г. въ 20-и болѣе значительныхъ городахъ восточной Галиціи насчитано всего 23% украинскаго населенія при 40% польскаго и 33% еврейскаго. Подобную картину даетъ и сосѣдняя Волынь, съ 70% украинскаго населенія по переписи 1897 г. Съ другой стороны, значительно разрѣжено украинское населеніе Черноморья и восточной окраины, колонизированной украинскимъ племенемъ совмѣстно съ великорусскимъ и другими элементами въ теченіе послѣднихъ столѣтій; хотя и здѣсь мы встрѣчаемъ мѣстности съ весьма однороднымъ украинскимъ населеніемъ, достигающимъ даже по официальнымъ исчисленіямъ 80—90%, но въ общемъ для двухъ новороссійскихъ губерній (Херсонской и Екатеринославской) перепись 1897 г. даетъ всего 60% украинскаго населенія, считая

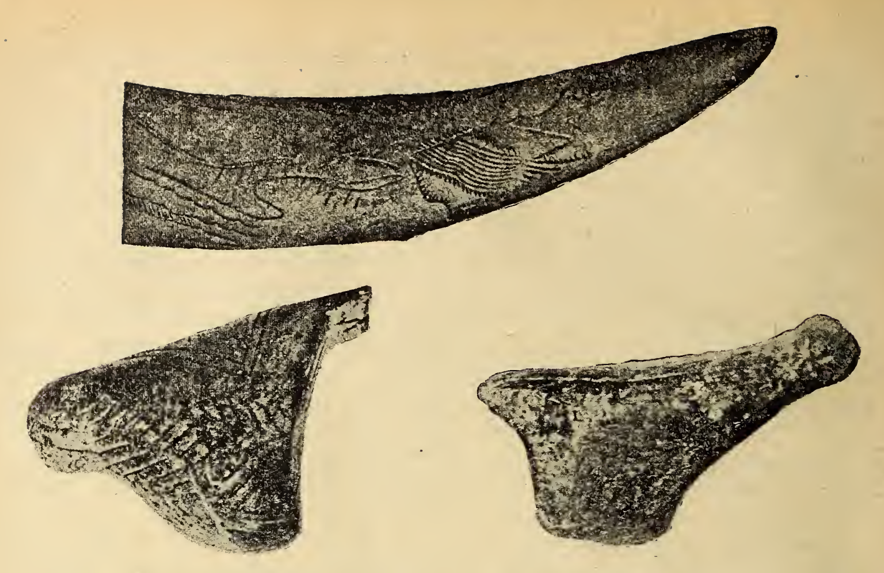
[1]) Значительныя группы украинскихъ поселеній существуютъ, напр., въ Терской обл., въ Астраханской, Саратовской, Самарской и Оренбургской губ., въ Акмолинской и Семирѣченской обл., въ Уссурійскомъ краѣ и т. п. Статистики этихъ колоній, собственно говоря, не существуетъ вовсе. Выходцы изъ украинской территоріи Австро-Венгріи направлялись въ большомъ числѣ въ Соед. Штаты и Бразилію, въ послѣднее время въ Канаду, образуя въ послѣдней отдѣльныя группы украинскихъ поселеній.

Современная украинская территорія (болѣе темною краскою покрыта территорія съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ).

вмѣстѣ съ городами, гдѣ украинскій элементъ, не утратившій своего народнаго сознанія, далъ по переписи всего 20%. Гораздо сильнѣе выступаетъ украинскій элементъ на территоріи болѣе стараго заселенія — Слободской Украины (Харьковской губ.), гдѣ перепись насчитываетъ 80% украинскаго населенія—она соотвѣтствуетъ приблизительно проценту украинскаго населенія Подольской губ. (81%). Наиболѣе прочно держится украинская народность въ Поднѣпровьѣ; въ Кіевской губерніи общій процентъ украинскаго населенія еще понижается городскимъ населеніемъ, съ большими посторонними примѣсями и съ украинскими элементами, утратившими свой народный обликъ въ условіяхъ нынѣшней городской культуры; только южные уѣзды переходятъ за 85% и достигаютъ 90—91%. Въ лѣвобережномъ Заднѣпровьи, при отсутствіи болѣе значительныхъ городскихъ центровъ и меньшей денаціонализаціи городовъ, процентъ украинскаго населенія переходитъ за 90%: въ одиннадцати украинскихъ уѣздахъ Черниговской губ. перепись насчитываетъ 91% украинскаго населенія, даже считая вмѣстѣ съ городами, по Полтавской 93%, а за исключеніемъ болѣе значительныхъ городовъ получается 95% въ Черниговской и 97% въ Полтавской.

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ колонизаціонныя пертурбаціи центръ украинскаго разселенія и теперь лежитъ въ своемъ старомъ историческомъ гнѣздѣ, въ среднемъ Поднѣпровьи, и именно въ его сельскомъ земледѣльческомъ населеніи.

Литература: В. К. Національно-територіальні межі України (Літературно-Науковий Вістникъ, 1907). Михальчукъ, Что такое малорусская (южнорусская) рѣчь, Кіев. Старина, 1899. Соболевскій, Опытъ русской діалектологіи, „Живая Старина", 1892. Въ 1914 г. имѣетъ появиться II томъ энциклопедіи «Украинскій народъ въ прошломъ и настоящемъ», со статьями, посвященными географіи и статистикѣ Украины.



Рѣзная кость изъ палеолитическихъ стоянокъ въ Кіевѣ и Мизыни—древнѣйшіе памятники человѣческаго творчества на украинской территоріи.

II. Общія черты украинской исторіи.

Исторія народа теряется „во мракѣ временъ", какъ говорили въ доброе старое время,—въ зачаточныхъ стадіяхъ обособленія и формированія народности въ отдѣльную географическо-этнографическую, а затѣмъ національную особь. Исторія старается прослѣдить этотъ процессъ, изучить тѣ условія, въ которыхъ происходила эволюція этой особи, проникая такъ глубоко въ ея прошедшее, какъ только можно проникнуть. Еще недавно исторія народовъ начиналась съ первыхъ историческихъ, письменныхъ извѣстій о нихъ; теперь молодыя науки, археологія съ антропологіею, сравнительная этнологія и соціологія и сравнительное языковѣдѣніе (глоттика), расширили историческій горизонтъ далеко за эту границу. Правда, при современномъ состояніи этихъ дисциплинъ не легко выбрать изъ сообщаемаго этими науками то, что должно быть введено въ исторію украинскаго или иного народа для разъясненія ея первыхъ стадій: слишкомъ много здѣсь еще шаткаго, не установившагося; но, несмотря на эти трудности, историкъ никакъ не можетъ пренебречь результатами этихъ наукъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о темныхъ и безъ нихъ вовсе недоступныхъ доисторическихъ періодахъ эволюціи народа и его территоріи.

Порогомъ историческихъ временъ для украинскаго народа можно принять IV в. нашей эры, когда мы располагаемъ извѣстіями, которыя можемъ приложить къ нему спеціально. До этого времени мы можемъ говорить объ украинскихъ племенахъ, лишь какъ о части славянской группы племенъ, а ихъ исторію можемъ изучать не въ ея развитіи, а въ результатахъ, до которыхъ дошли они въ моментъ окончательнаго обособленія отдѣльныхъ славянскихъ группъ. Сравнительное языковѣдѣніе изучаетъ эти результаты длиннаго ряда вѣковъ доисторической жизни по лингви-

стическимъ даннымъ, а факты археологіи и этнографіи и болѣе позднія историческія извѣстія даютъ возможность контролировать и дополнять его выводы.

Разселеніе украинскихъ племенъ или, точнѣе, той южной группы восточно-славянскихъ племенъ, отъ которой ведетъ свое происхожденіе нынѣшняя украинская народность (въ этомъ смыслѣ мы употребляемъ терминъ „украинскій", говоря о древнѣйшихъ эпохахъ), на ихъ нынѣшней территоріи совпадаетъ съ началомъ ихъ исторической жизни. Столѣтія, непосредственно слѣдующія за разселеніемъ, подготовляютъ государственную организацію, исторія которой составляетъ главное содержаніе перваго періода исторической жизни украинскаго народа [1]). Усиліями кіевской династіи и дружины были соединены воедино, въ одинъ политическій организмъ, хотя на недолгое время, всѣ украинскія племена, всѣ части украинской территоріи, и это политическое единство сообщило новыя общія черты культурѣ и общественнымъ отношеніямъ всего украинскаго населенія. Наиболѣе важное значеніе имѣло распространеніе христіанства, въ продолженіе послѣдующихъ столѣтій постепенно проникавшаго въ массу народа и вліявшаго на бытъ и міровоззрѣніе народа, и распространеніе принесенной вмѣстѣ съ христіанствомъ византійской образованности и культуры, кіевскаго права и пр. Въ сферѣ экономическихъ и общественныхъ отношеній этотъ періодъ обозначается такими чертами, какъ раздѣленіе общества на дружину и общину, образованіе купеческо-боярскаго капиталистическо-землевладѣльческаго класса, сильное развитіе (а затѣмъ упадокъ) торговли и промышленности и т. п.

Въ среднихъ десятилѣтіяхъ XIV в. окончательно замираетъ самостоятельная государственная жизнь въ украинскихъ земляхъ, и онѣ входятъ въ составъ двухъ сосѣднихъ государствъ: вел. княжества Литовскаго и королевства Польскаго. Этотъ фактъ открываетъ собою второй, переходной періодъ [2]). Въ сферѣ культурныхъ отношеній западныя вліянія берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ византійскими, въ сферѣ экономической все болѣе ускореннымъ шагомъ идетъ формировка высшаго, привилегированнаго класса и полное экономическое и юридическое порабощеніе имъ массы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ привилегированный классъ все рѣшительнѣе отдѣляется отъ массы народа въ культурномъ и національномъ отношеніи; антагонизмъ массы въ отношеніи къ правительственному и привилегированному меньшинству, существовавшій, конечно, и въ предшествующее время, теперь обостряется національною и религіозною рознью. Все это приготовляетъ конфликтъ, прорывающійся съ концомъ XVI в. въ юго-восточной Украинѣ, благодаря ея колонизаціоннымъ условіямъ.

Исторія борьбы народа съ ненавистнымъ общественнымъ и экономическимъ строемъ, стремящейся къ ниспроверженію его и реформѣ общественныхъ отношеній сообразно народнымъ идеаламъ общественной справедливости, составляетъ содержаніе третьяго періода [3]). Борьба экономическаго и общественнаго характера объединяется съ борьбою религіозною и національною; благодаря этому, она захватываетъ собою необыкновенно широкій кругъ интересовъ и проникаетъ сверху до низу всѣ общественные классы. Ея ареною служитъ, главнымъ образомъ, восточная Украина. Тутъ политическій, общественный и экономическій укладъ подвергается полной перестройкѣ. Національное сознаніе доходитъ до небывалаго еще напряженія; чрезвычайнаго развитія достигаютъ религіозные интересы, въ значительной степени совпадающіе съ національными и даже покрывающіе ихъ въ силу этого совпаденія. Въ западной же Украинѣ, по реакціи,

---

[1]) Онѣ представленъ въ гл. V—VIII настоящей книги.
[2]) Гл. IX—XIII этой книги.
[3]) Гл. XIV—XXI дальнѣйшаго изложенія.

ускореннымъ темпомъ идетъ въ прежнемъ направленіи общественный и культурный процессъ. Въ концѣ концовъ борьба проиграна народомъ и въ восточной Украинѣ, и подъ всеобщею реакціею затихаютъ въ концѣ XVIII в. ея послѣдніе отзвуки.

Новое украинское возрожденіе XIX в. вызываетъ къ новой жизни народныя стремленія предшествующихъ столѣтій, уяснивъ ихъ въ освѣщеніи прогрессивныхъ идей современнаго культурнаго движенія. Усвоенныя новою украинскою интеллигенціею, выростающею подъ вліяніемъ прогрессивныхъ вліяній запада, эти идеи новой культуры приводятся въ единство съ національными, политическими и общественными традиціями бурныхъ столѣтій предшествующаго періода, и на мѣсто старой вооруженной борьбы провозглашается борьба культурная, во имя осуществленія общественныхъ и національныхъ идеаловъ, связывающихъ въ одно цѣлое массы народа съ этою новою интеллигенціею.

Таково, въ короткихъ словахъ, содержаніе украинской исторіи. Оно само собою даетъ руководящія идеи ея изслѣдованію и изложенію. Если въ современной исторической наукѣ вообще центръ тяжести изслѣдованія передвигается на исторію общественно-правовыхъ, экономическихъ и культурныхъ отношеній, а внѣшняя политическая исторія имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе лишь постольку, поскольку она вліяла на эти отношенія,—то въ отношеніи украинской исторіи эти принципы диктуются самимъ ея содержаніемъ.

Самостоятельною государственною жизнью украинскій народъ жилъ сравнительно недолго, въ древнемъ періодѣ своей исторіи и затѣмъ, уже урывками только, въ позднѣйшихъ столѣтіяхъ. Начиная съ XIV вѣка, онъ входитъ въ составъ иныхъ, чужихъ государствъ, то служа пассивнымъ объектомъ ихъ управленія, то стоя въ болѣе или менѣе опредѣленной и рѣзкой оппозиціи этому управленію. Если и въ столѣтія самостоятельнаго политическаго существованія украинскаго народа государственною жизнью руководило правительственное меньшинство, правившее народомъ часто безъ его воли и противъ его воли, то въ дальнѣйшихъ столѣтіяхъ государственная жизнь развивалась большею частью безъ всякаго вліянія на нее не только низшихъ, но и высшихъ слоевъ украинскаго общества. Поэтому внѣшнія политическія и государственныя отношенія этого времени могутъ интересовать насъ лишь постольку, поскольку они, непосредственно или посредственно, вліяли на національную, экономическую и культурную жизнь украинскаго населенія. Экономическая, общественная и культурная исторія украинскаго населенія для нѣкоторыхъ періодовъ—единственно возможная исторія украинскаго народа, а вслѣдствіе этого, даже независимо отъ общихъ руководящихъ принциповъ современнаго историческаго изслѣдованія, въ исторіи украинскаго народа вообще на первый планъ должны быть выдвинуты явленія экономической и культурной эволюціи и прослѣжены на всемъ протяженіи, доступномъ изслѣдованію. Если не по другимъ соображеніямъ, то хотя бы для самого лишь уясненія процесса развитія его исторіи, мы должны удѣлить особое вниманіе общественной, экономической и культурной жизни украинскаго народа въ первыхъ вѣкахъ его историческаго существованія и по возможности даже — его существованія доисторическаго.

Въ этомъ общественномъ и культурно-экономическомъ процессѣ мы имѣемъ то основаніе народной жизни, которое проводитъ насъ чрезъ всѣ стадіи существованія украинскаго народа и связываетъ въ одно органическое цѣлое его исторію. Ея особенности, такимъ образомъ, совпадаютъ съ руководящимъ направленіемъ современной исторической науки за то стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ обычною, привитою школой схемою историческихъ руководствъ. Послѣднія, какъ по вѣхамъ, двигаются за политическими организаціями, возникающими въ восточной

Европѣ, переходя отъ одной къ другой, по мѣрѣ ихъ усиленія и значенія. Сама по себѣ нераціональная, эта система искажаетъ историческую перспективу, насильственно разрывая живую нить народной жизни и не давая понятія объ истинномъ развитии ея. Необходимо отрѣшиться отъ привычныхъ точекъ зрѣнія этой схемы, чтобы уяснить себѣ историческую жизнь какого-либо изъ народовъ восточной Европы, въ томъ числѣ и украинскаго.

Исходною точкою нашею будетъ обособленіе южной группы восточно-славянскихъ племенъ, изъ которой сформировалась украинская народность: изученіе ея географическо-этнографической и культурной эволюціи и той культурной среды, въ которой проходило ея развитіе.

Своею нынѣшнею территоріею украинская группа племенъ овладѣваетъ во время славянскаго разселенія, создававшаго основы нынѣшняго размѣщенія народностей восточной Европы. Двигаясь изъ своей прародины на югъ и западъ, она проявляетъ себя въ концѣ IV в. по Р. Хр. конфликтами съ народами, господствовавшими до того времени на нынѣшней украинской территоріи, знаменуя свое движеніе изъ прародины, гдѣ проходили предшествующія стадіи ея культурнаго и этническаго развитія.

Въ настоящее время прародину индоевропейскихъ племенъ ищутъ не въ передней Азіи, гдѣ предполагали ее прежде, а въ восточной Европѣ: отсюда въ весьма раннее время, которое приблизительно опредѣляютъ двумя тысячелѣтіями до нашей эры, отдѣльныя группы начали распространяться на западъ, югъ и юго-востокъ; литовская и восточно-славянская группы племенъ были бы въ такомъ случаѣ тѣми, которыя остались на старомъ пепелищѣ или въ ближайшемъ его сосѣдствѣ.

Впрочемъ, какъ бы ни обстояло дѣло съ индоевропейскою прародиной, во всякомъ случаѣ, группы славянская и литовская, наиболѣе близкія между собою среди прочихъ индоевропейскихъ племенъ, уже по выдѣленіи прочихъ группъ прожили долгое время въ близкомъ сосѣдствѣ и общеніи несомнѣнно въ восточной Европѣ. Съ движеніемъ германскихъ племенъ на западъ, опредѣлилась западная граница этихъ литовско-славянскихъ обиталищъ—въ бассейнѣ Вислы. Южная обозначалась съ разселеніемъ иранскихъ племенъ въ черноморскихъ степяхъ: изъ историческихъ источниковъ о черноморской колонизаціи видимъ, что кочевое (иранское, по всей очевидности) скиѳско-сарматско-аланское населеніе степей не выходило за предѣлы областей нижняго Днѣпра, южнаго Буга и Днѣстра, и далѣе на сѣверъ мы должны предположить колонизацію славянскую. На юго-западѣ во II в. до нашей эры карпатское подгорье покрываетъ германская (или кельтско-германская) колонизація Бастарновъ; передъ ихъ приходомъ, а также и послѣ ослабленія ихъ, славянская колонизація могла простираться до Карпатъ, въ бассейнахъ верхняго Днѣстра, Сана и Вислы, прорываясь временами и дальше на юго-западъ. Горную же область Карпатъ занимала группа мелкихъ народовъ неяснаго, по всей вѣроятности, ѳракійскаго происхожденія. Все это были народы той же индоевропейской семьи. Только по линіи, перерѣзывавшей восточно-европейскую равнину съ сѣверо-запада на юго-востокъ (точнѣе обозначить ее не можемъ), границы славяно-литовской колонизаціи встрѣчались съ вовсе чужою—финскою колонизаціею.

Въ этомъ треугольникѣ, который ограничивается линіею Вислы на западѣ, Балтійскимъ моремъ на сѣверѣ, на югѣ занимаетъ области средняго Днѣпра и Днѣстра, а на востокѣ бассейнъ Днѣпра (кромѣ, можетъ быть, его большихъ восточныхъ притоковъ), съ наибольшимъ правдоподобіемъ нужно искать славянско-литовскую территорію предъ разселеніемъ. Литовская группа занимала ея сѣверную часть, въ сосѣдствѣ балтійскаго побережья, и, вѣроятно, также земли между Двиной и Нѣманомъ, сла-

вянская—остальное пространство отъ Карпатскаго подгорья до Алаунской (Валдайской) возвышенности и бассейна Волги, постепенно расширяя свою территорію, по мѣрѣ того, какъ подвигались на западъ и юго-востокъ сосѣднія группы—Иранцы, Ѳракійцы, Германцы.

Въ указанной территоріи, въ тѣсномъ сосѣдствѣ и общеніи, славянскія племена прожили рядъ столѣтій, достигнувъ довольно высокаго уровня культуры. Говорю о славянскихъ племенахъ, а не о единомъ славянскомъ племени, потому что племенная дифференціація—зачатки отличій въ племенномъ составѣ, языкѣ и складѣ жизни, должны были въ извѣстной степени проявляться уже въ этомъ періодѣ, хотя мы и не можемъ слѣдить за процессомъ этого обособленія. Объ общемъ уровнѣ культуры можно судить по лингвистическимъ даннымъ (по существованію у отдѣльныхъ славянскихъ племенъ общихъ названій, восходящихъ ко временамъ ихъ совмѣстной жизни). Видимъ у нихъ уже довольно развитое земледѣліе, начатки огородничества и садоводства, довольно широкій кругъ ремеслъ, обработку металловъ и т. д. Если затѣмъ въ періодъ своего разселенія Славяне изображаются своими болѣе культурными сосѣдями какъ населеніе малокультурное, съ преобладаніемъ пастушескаго и охотничьяго быта, то это нужно пояснить отчасти исключительными условіями, въ которыхъ происходили эти международныя соприкосновенія (свѣдѣнія касаются передовыхъ кадровъ движенія, воинственныхъ, пренебрегавшихъ условіями хозяйственности и культуры), отчасти нужно видѣть здѣсь временное паденіе культуры, весьма обычное въ періоды передвиженія и экспансіи.

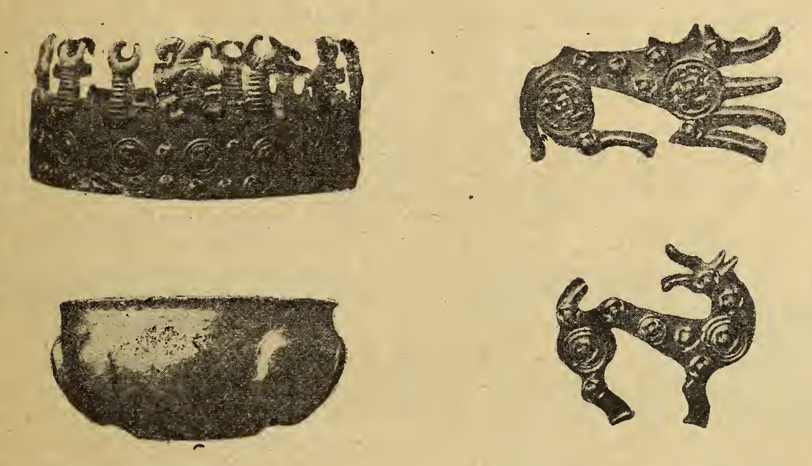
Разселеніе Славянъ должно было начаться не позже III вѣка нашей эры. За движеніемъ германскихъ племенъ должно было послѣдовать движеніе Славянъ на западъ. Ослабленіе иранскихъ ордъ Черноморья открывало дорогу на югъ; гуннскій потокъ, разрушившій остатки иранской колонизаціи и погнавшій на западъ готскія племена Черноморья, окончательно открылъ эти земли для славянской колонизаціи.

Движеніе на югъ восточно-славянскихъ племенъ (южной, украинской группы) даетъ себя знать появленіемъ въ Черноморьѣ такъ называемыхъ (въ византійскихъ источникахъ) Антовъ; подъ этимъ именемъ выступаютъ очевидно южныя племена восточно-славянской группы—предки позднѣйшей украинской народности. Въ исторіи Готовъ Іордана сохранился разсказъ о столкновеніи Антовъ съ Готами, господствовавшими въ то время, въ концѣ IV в., въ черноморскихъ степяхъ. По его словамъ готскій король Винитаръ, т. е. побѣдитель Венетовъ (Славянъ) велъ войну съ Антами, и сначала военное счастье было на сторонѣ Антовъ, но затѣмъ Винитаръ съ удвоенною энергію продолжалъ борьбу и заключилъ ее погромомъ Антовъ: онъ взялъ въ плѣнъ ихъ короля Божа и семьдесятъ старѣйшинъ съ нимъ вмѣстѣ и чтобы страхомъ сломить всякое сопротивленіе на будущее время, велѣлъ распять ихъ на крестахъ и оставить такъ для болѣе сильнаго впечатлѣнія. Но затѣмъ Гунны взяли сторону Антовъ и разгромили Винитара—самъ онъ сложилъ голову въ битвѣ, и правленіе перешло къ вождямъ, признававшимъ надъ собою власть Гунновъ. Въ этомъ разсказѣ, баснословномъ, очевидно, въ разныхъ подробностяхъ, но сохранившемъ въ цѣлости свою фактическую основу, мы имѣемъ древнѣйшее показаніе о движеніи восточныхъ славянскихъ племенъ на югѣ, на свою позднѣйшую территорію; погромъ Готовъ, произведенный еще раньше Гуннами, послужилъ вѣроятно толчкомъ къ этому движенію. Пользуясь разгромомъ прежней колонизаціи юга, явившимся слѣдствіемъ движенія Гуннской и другихъ тюркскихъ ордъ, „антскія" племена широко распространяются затѣмъ. На крайнемъ юго-востокѣ, въ бассейнѣ Дона и сосѣдствѣ Азовскаго моря, мы видимъ Антовъ въ половинѣ VI в., и въ то же время они выступаютъ на лѣвомъ берегу нижняго Днѣстра, составляв-

шемъ тогда крайній предѣлъ ихъ разселенія на западѣ. Въ VII в. уходятъ окончательно за Дунай южные Славяне (предки балканскихъ племенъ), и восточно-славянская (украинская) колонизація занимаетъ земли до сѣвернаго берега Дуная. На западѣ открылись для нея, послѣ движенія Славянъ на западъ и юго-западъ, прикарпатскія земли и горная область Карпатъ, колонизировавшаяся украинскимъ населеніемъ, впрочемъ, только постепенно, въ продолженіе ряда столѣтій. Во второй половинѣ VII в. украинская колонизація могла уже овладѣть своею позднѣйшею территоріею, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, такъ какъ этнографическія границы не установились, конечно, сразу прочно, да и среди украинскаго разселенія могли долго оставаться острова инороднаго, древнѣйшаго населенія.

Позднѣйшія колонизаціонныя пертурбаціи неоднократно вносили значительныя измѣненія въ украинскую разселеніе, какъ оно сложилось въ эту эпоху. Не разъ гнали онѣ съ этой территоріи украинское населеніе на западъ и сѣверъ съ менѣе защищенныхъ, болѣе открытыхъ для всякихъ ударовъ восточныхъ и южныхъ пространствъ.

Но среди всѣхъ этихъ тысячелѣтнихъ перемѣнъ и возмущеній оно



Корона, чаша и застежки (золото) изъ находки въ Михалковѣ (на галицкой границѣ)—памятники ранней металлической культуры—стиль первой половины послѣдняго тысячелѣтія передъ Р. Х.

упорно держится своихъ заимокъ эпохи славянскаго разселенія, при первомъ удобномъ случаѣ стремясь возвратить себѣ утерянное и свои потери, понесенныя въ особенности на западѣ, въ пограничныхъ областяхъ смѣшанной колонизаціи, вознаграждаетъ гораздо болѣе обширными пріобрѣтеніями на югѣ-востокѣ.

Теперь украинская колонизація выступаетъ на западѣ клиномъ въ Карпатахъ, сжатая между польскою и словацкою колонизаціею; на сѣверѣ къ ней примыкаетъ пространство между Вислокомъ и Саномъ, съ преобладающею польскою колонизаціею и слабыми только остатками украинской, а на югѣ, на южныхъ склонахъ Карпатъ, видимъ смѣшанное украинско-словацкое, или совсѣмъ ословаченное украинское населеніе. Уцѣлѣвшее на крайнемъ западѣ въ горной области Карпатъ украинское населеніе производитъ впечатлѣніе обглоданнаго скелета болѣе значительной старой колонизаціи. Еще на нашихъ глазахъ продолжается здѣсь процессъ поглощенія Поляками и Словаками ослабленныхъ остатковъ украинскаго элемента въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ,—поглощенія, которое объясняется не только укоренившимся политическимъ преобладаніемъ

Поляковъ, но и вѣковымъ отливомъ украинскаго населенія на востокъ и юго-востокъ.

Еще въ XVII в. этнографическая украинская граница проводилась современниками гораздо далѣе на западъ и на сѣверъ: до Вислы, и въ окрестности Люблина, который еще въ XVII в. считался городомъ почти украинскимъ. Въ планахъ отдѣленія Украины отъ Польши XVII в. Висла обыкновенно выступаетъ, какъ этнографическая граница Украинцевъ и Поляковъ [1]), хотя, конечно, здѣсь нельзя видѣть границы точной.

На югѣ отъ Карпатъ, кромѣ словацкаго пограничья, украинская колонизація въ тѣхъ же пограничныхъ, смѣшанныхъ областяхъ и по тѣмъ же причинамъ понесла утраты также въ сторону Мадьяръ и Румынъ. Стойкое вообще тамъ, гдѣ оно живетъ въ сплошныхъ массахъ, украинское населеніе подвергается денаціонализаціи особенно въ равнинныхъ пространствахъ карпатскаго подгорья, съ смѣшаннымъ населеніемъ.

Взамѣнъ этихъ утратъ на западѣ, украинская колонизація расширила, какъ можно думать, свои предѣлы нѣсколько на сѣверъ, оттѣснивъ или ассимилировавъ литовскую и бѣлорусскую колонизацію, хотя вообще прослѣдить исторически границу украинской и бѣлорусской колонизаціи очень трудно, въ виду неоднократныхъ колебаній ея.

Довольно трудно опредѣлить новыя пріобрѣтенія украинской колонизаціи на востокѣ, въ бассейнѣ Донца и Дона. Нынѣшняя украинская колонизація этой территоріи—новаго происхожденія; она развилась главнымъ образомъ въ XVII в., когда, послѣ неудачныхъ возстаній противъ Польши, выходили сюда массы переселенцевъ изъ лѣвобережной Украины. Но по большей части эта колонизація только возвращала украинской народности пространства, утраченныя ею во время движенія тюркскихъ ордъ X—XIII в., и если можно въ общемъ догадываться, что колонизація XVII в. не только возвратила, но и раздвинула старыя границы на востокъ, въ область средняго Дона, то все-таки размѣръ этихъ пріобрѣтеній установить невозможно.

Несомнѣнно, новымъ пріобрѣтеніемъ украинской колонизаціи является область Кубани, колонизированная остатками запорожцевъ въ концѣ XVIII в. и потомъ заселявшаяся въ продолженіе XIX в. добровольными и недобровольными украинскими выходцами, поселявшимися въ большомъ числѣ также въ области Кумы и Терека. То же нужно сказать объ украинской колонизаціи Крымскаго полуострова, развившейся въ XIX вѣкѣ. Украинская же колонизація степной полосы, отъ Донца до Днѣстра, и сосѣднихъ частей Бессарабіи, начавшаяся въ XVIII вѣкѣ запорожцами и продолжавшаяся въ теченіе большей половины XIX бѣглыми крестьянами-крѣпостными, только овладѣла старою территоріею, занятою упомянутою группою „антскихъ“ племенъ еще въ первые вѣка славянскаго разселенія и затѣмъ утраченною со времени движенія тюркскихъ ордъ.

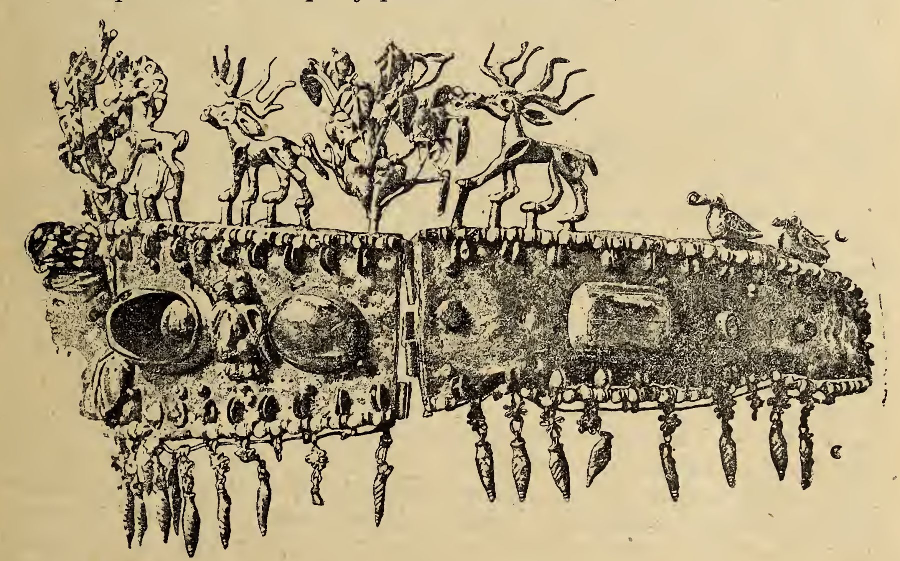
Среднее Поднѣпровье такимъ образомъ, послѣ всѣхъ колонизаціонныхъ пертурбацій, пережитыхъ имъ подъ натискомъ тюркскихъ ордъ, вернулось снова въ то центральное положеніе—среди украинской колонизаціи, какое оно занимало во времена Кіевскаго государства [2]).

---

[1]) Хмельницкій грозилъ въ 1649 г. прогнать Поляковъ за Вислу. Въ проектѣ раздѣла Польши 1657 г. и въ договорѣ Дорошенка съ Турціею Висла также выступаетъ границею православной вѣры и украинской народности (Исторія Украіни-Руси, I, гл. 4).

[2]) Правда, среди великорусскихъ ученыхъ высказывались предположенія, что Кіевская область (земля Полянъ) и земли на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ древнѣйшія времена, до XIV—XV в., были заселены племенами не украинской, а великорусской группы, и эта старая колонизація, ослабѣвшая послѣ монгольскаго погрома XIII в., была покрыта болѣе новою украинскою колонизаціею, шедшею съ запада (такъ назыв. теорія Погодина). Но эти предположенія не имѣютъ подъ собой никакихъ положительныхъ данныхъ. Болѣе умѣренные представители этихъ взглядовъ признаютъ теперь неоснова-

Но, не измѣнивъ своей территоріи въ основныхъ чертахъ, украинское населеніе пережило на ней жесточайшія пертурбаціи—въ особенности въ восточныхъ и южныхъ частяхъ украинской территоріи, преимущественно равнинныхъ и безлѣсныхъ. Когда кочевыя тюркскія орды двигались изъ средней Азіи степными пространствами восточной Европы, украинскому населенію приходилось очень тяжело въ открытыхъ, ничѣмъ не защищенныхъ восточныхъ и южныхъ мѣстностяхъ, въ бассейнѣ Дона и средняго Днѣпра и въ степныхъ пространствахъ Черноморья, и оно отливало отсюда въ лѣсистыя и болотистыя мѣстности сѣверной Украины и въ гористыя области Карпатъ. Въ лѣсныя и болотистыя пространства, такъ же какъ и въ горы, степные хищники заглядывали рѣдко и лишь мелькомъ,—въ такихъ мѣстностяхъ передвиженіе для нихъ было затруднительно, между тѣмъ какъ въ степныхъ, безлѣсныхъ областяхъ они чувствовали себя дома, и если не располагались на кочевку, то появлялись для грабежей охотно и часто. Если мы примемъ во вниманіе, что, начиная съ не запамятныхъ временъ и до XVIII в., эти степи отъ Урала и до равнинъ нижняго и средняго Дуная служили постоянно большою дорогою для разныхъ кочевыхъ ордъ, то намъ будетъ ясно, какое важное значеніе имѣли эти свойства поверхности въ исторіи украинской колонизаціи



Діадема изъ новочеркасскаго клада; интересный образецъ сочетанія элементовъ античныхъ и среднеазіатскихъ, прибл., IV в. по Р. Хр.

Составляя естественное продолженіе среднеазіатскихъ степей, степная область восточной Европы образуетъ клинъ, захватывающій область средняго и нижняго Дона, нижняго Днѣпра и Днѣстра. Болѣе или менѣе параллельно границѣ степи идетъ съ юго-востока на юго-западъ линія лѣса [2]). Она совпадаетъ съ границею песчаной, малопригодной для земледѣлія полосы и полосы хлѣбородной. Лѣсная область охватываетъ песчаныя,

тельность ихъ относительно Кіевской области, а если допускаютъ еще относительно земель заднѣпровскихъ, то больше по традиціи, не рѣшаясь сразу разстаться со старыми воззрѣніями. Интересующіеся найдутъ подробное изложеніе современнаго состоянія этого вопроса въ «Історіи Украіни-Руси», т. I, стр. 197—9 и 551—6 (Кіевская Русь, стр. 235—8 и 468—473) и т. III, стр. 145 сл.

[2]) Приблизительно по линіи Козелецъ-Кременецъ.

неплодородныя поръчья Десны, Тетерева, Припети съ ея притоками, Западнаго Буга; лѣсъ теперь тутъ уже разрѣженъ, прежде онъ былъ несравненно гуще. Полоса предстепья, между областью лѣса и степью, богато орошенная, съ волнистою поверхностью и плодородною почвою, съ значительною лѣсною растительностью, менѣе открытая, опирающаяся на линію лѣса — была областью наиболѣе интенсивной жизни и культуры. Наибольшее значеніе въ первые вѣка нашей исторіи имѣла центральная, поднѣпровская ея часть, потому что восточная была болѣе доступна кочевникамъ, а западная не имѣла такихъ удобныхъ водныхъ дорогъ, какъ Поднѣпровье. Но предстепное Поднѣпровье временами также много терпѣло отъ кочевниковъ; населеніе принуждено было уходить отсюда въ болѣе безопасныя мѣстности, и потому въ историческомъ развитіи этого центра Украины мы видимъ большіе перерывы.

Западная часть—земли Галицкая и Перемышльская, гдѣ лѣсной поясъ сходится съ горною областью Карпатъ, Волынь средняя и сѣверная, и лѣсныя и болотистыя пространства окрестностей Кіева, гдѣ линія лѣса довольно далеко выступаетъ на югъ,—играли роль резервуаровъ, куда украинское населеніе менѣе защищенныхъ пространствъ отливало подъ натискомъ тюркскихъ ордъ, чтобы черезъ нѣкоторое время, когда напоръ кочевниковъ ослабѣвалъ, снова двигаться отсюда въ опустѣвшія пространства на югъ и востокъ. Поэтому культурныя и общественныя традиціи лучше сохранились въ западной части украинскихъ земель, хотя центръ ихъ жизни лежалъ на Днѣпрѣ, и только здѣсь она развивалась могущественно и широко. Степная приморская полоса вслѣдствіе тюркскаго натиска не играла въ жизни украинскихъ племенъ выдающейся роли.

Отъ временъ, когда украинская группа племенъ впервые овладѣла своею нынѣшнею территоріею, и до XVIII в., когда была окончательно сломлена сила кочевыхъ ордъ и положенъ конецъ ихъ движенію въ Европу [1]), на глазахъ исторіи нѣсколько разъ происходили массовые отливы и приливы украинскаго населенія въ указанномъ направленіи. Сначала они происходятъ въ связи съ движеніемъ тюркскихъ ордъ; такъ, въ IX в.— движеніе Венгровъ, въ X вѣкѣ—напоръ Печенѣговъ, въ концѣ XI в.— натискъ Половцевъ, въ XIII в.—потокъ монгольско-татарскихъ ордъ, въ концѣ XV—набѣги ново-сформировавшейся Крымской орды вызываютъ такіе отливы украинскаго населенія, и затѣмъ, нѣсколько десятилѣтій спустя, обыкновенно видимъ новое поступательное движеніе послѣдняго, болѣе или менѣе успѣшное. Пока не прекратилось движеніе кочевыхъ ордъ съ востока, такія движенія украинской колонизаціи на востокъ и югъ не приводили къ прочнымъ успѣхамъ. Только съ конца XVI в., подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, какими были массовое движеніе крестьянъ изъ западныхъ и сѣверныхъ провинцій, развитіе козачества, ослабленіе, а затѣмъ и полное уничтоженіе Крымской орды, прекращеніе движенія кочевниковъ изъ Азіи,—развивается успѣшная и все болѣе и болѣе прочная украинская колонизація въ восточномъ и южномъ направленіи, продолжающаяся затѣмъ въ теченіе XVII, XVIII и даже XIX вѣка.

Затѣмъ, кромѣ движенія тюркскихъ ордъ, колонизаціонныя пертурбаціи вызывали и иныя причины—напр., развитіе крѣпостной зависимости въ XVI и XIX вв. имѣло своимъ слѣдствіемъ переходъ огромныхъ массъ крестьянскаго населенія съ насиженныхъ мѣстъ на востокъ и югъ; народныя движенія XVII в. тоже вызвали передвиженія народныхъ массъ на востокъ и югъ, въ малозаселенныя пространства, дальше отъ театра войны.

---

[1]) Послѣднею ордою, двигавшеюся въ XVIII в. изъ Азіи, были Калмыки, но они уже не проникли въ Черноморскія степи.

Послѣднее передвиженіе украинскаго населенія на востокъ въ XVII в. было особенно велико.

Борьба со степными ордами, служившая въ теченіе столѣтій причиною колонизаціонныхъ передвиженій украинскаго населенія, составляетъ славу и заслугу украинскаго народа предъ исторіей европейской культуры, защищенной отъ потоковъ кочевыхъ ордъ украинскимъ брустверомъ, принявшимъ на себя тѣ удары, которые упали бы иначе на западные народы съ ихъ культурою и благосостояніемъ. Но эта борьба дорого обошлась украинской народности и поглотила огромную массу ея энергіи. Опустошенія, производимыя азіатскими кочевниками, причиняли ужасныя потери въ людяхъ и имуществѣ. Только разоренное въ конецъ населеніе рѣшалось покинуть насиженныя мѣста, переходить въ сравнительно бѣдныя и негостепріимныя горныя или лѣсистыя мѣстности и устраиваться тамъ вновь. Когда же колонизаціонная волна двигалась обратно, въ сосѣдство степи, экономическія средства и силы населенія поглощались этимъ разсѣяніемъ экономической энергіи: приходилось вкладывать массу энергіи и средствъ въ культивированіе, пріобщеніе этихъ одичавшихъ пространствъ къ осѣдлой жизни. Такимъ образомъ, эти приливы и отливы поглотили огромную массу народнаго капитала; массы народа въ теченіе столѣтій не могли подняться выше элементарныхъ заботъ о поддержаніи своего существованія, созданія самыхъ примитивныхъ условій хозяйства.

Народъ не могъ собрать свободныхъ средствъ и силъ для удовлетворенія высшихъ культурныхъ интересовъ. Борьба со степью въ теченіе вѣковъ поглощала энергію народа, его правящихъ классовъ и правительствъ. Колонизаціонныя и экономическія пертурбаціи не давали возможности общественнымъ и политическимъ условіямъ отвердѣть, выйти изъ „жидкаго состоянія". Имѣя предъ собою неугомоннаго врага по всей юго-восточной линіи степного пограничья, политическія организаціи Украины не могли держаться, если въ тылу ихъ, по линіи сѣверо-западной границы, формировались какія-либо значительныя, конкурирующія политическія организаціи. Политическій же упадокъ имѣлъ своимъ слѣдствіемъ поглощеніе всего, что составляло національное достояніе, чужими, господствующими классами, а въ народныхъ массахъ это поглощеніе вызвало реакцію, народныя войны, въ свою очередь поглощавшія въ продолженіе ряда дальнѣйшихъ столѣтій всѣ силы и энергію народа.

Географическія, въ дальнѣйшей послѣдовательности—колонизаціонныя и экономическія условія украинской территоріи такимъ образомъ въ значительной степени обусловили историческую эволюцію украинскаго народа. Съ другой стороны они весьма существенно повліяли на эволюцію его этническаго типа.

Многократныя массовыя передвиженія имѣли весьма важное значеніе для сформированія украинскаго національнаго типа и языка. Только западная окраина и сѣверное Полѣсье сохранили въ болѣе чистомъ и нетронутомъ видѣ первоначальную колонизацію. Хотя приливы населенія изъ болѣе открытыхъ мѣстъ въ періоды отступленій вносили и сюда движеніе и новые элементы, все-таки гористая и лѣсная полоса законсервировались лучше. Это обнаруживается и въ сохранившихся здѣсь діалектахъ, весьма разнообразныхъ и мелкихъ, отмѣченныхъ многими архаическими чертами, и такими же архаизмами въ традиціи и бытѣ. На всемъ остальномъ пространствѣ многократныя массовыя передвиженія, сравнительно недавно только закончившіяся, перетасовавъ и перемѣшавъ этническій матеріалъ (и безъ того принадлежавшій къ одной и той же группѣ племенъ), сообщили народному типу и языку чрезвычайныя и рѣдкія, сравнительно съ такимъ огромнымъ пространствомъ, единство и однородность и сознаніе своей одноплеменности. Здѣшніе народные говоры, съ ихъ болѣе новыми, вторичными образованіями, и этнографическій типъ украинскаго

населенія представляютъ на всемъ пространствѣ отъ Львова до Кумы (почти 2.000 верстъ) только сравнительно слабыя различія и варіаціи.

Этотъ смѣшанный, центральный типъ и служитъ представителемъ украинской народности. Если на нѣкоторыхъ этнографическихъ границахъ (какъ, напримѣръ, на украинско-словацкомъ пограничьѣ на западѣ, или на сѣверѣ—на рубежѣ украинской и бѣлорусской колонизаціи) украинскіе говоры связаны малозамѣтными переходами съ говорами сосѣдей, и самый этническій типъ здѣсь не выдѣляется рѣзко, то центральный типъ, представляющій собою преобладающее большинство, отмѣченъ цѣлымъ рядомъ характеристическихъ чертъ, отличающихъ его отъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ—Великороссовъ, Бѣлоруссовъ, Поляковъ и Словаковъ.

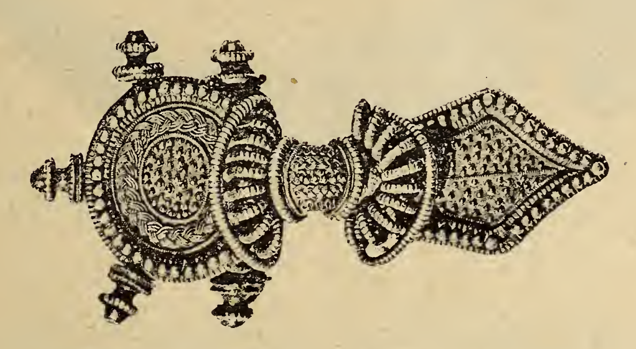
Какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ психофизическомъ отношеніи обособленіе народностей украинской, бѣлорусской и великорусской выходитъ далеко за предѣлы исторіи. Выходя изъ своей прародины, эти группы племенъ, уже тамъ отмѣченныя извѣстными отличіями языка, быта, этнографическаго склада, попадали въ различныя физическія, экономическія и культурныя условія, въ различную этнографическую среду. Такъ, великорусская народность формируется преимущественно на финской почвѣ, бѣлорусская—въ близкомъ общеніи съ литовскою группою, украинская—въ вѣчномъ сосѣдствѣ съ Тюрками. Культурныя вліянія были совершенно иныя въ Поднѣпровьѣ и Поднѣстровьѣ, чѣмъ въ Поволжьѣ и т. д. Исторія вела эти народности въ значительной степени различными дорогами, часто представлявшими больше отличій, чѣмъ схожестей. Въ результатѣ образовалось народное самочувствіе, которое отличаетъ теперь даже совершенно инстинктивно Украинца, Бѣлорусса, и Великоросса, „хохла", „литвина" и „кацапа"[1]) и даетъ себя чувствовать уже на первыхъ страницахъ исторіи.

Съ особою отчетливостью обозначились въ исторіи эти двѣ народности—великорусская и украинская, двѣ наиболѣе крупныя разновидности среди славянскихъ племенъ. Историческая судьба не разъ сводила ихъ вмѣстѣ, причемъ въ первыхъ вѣкахъ ихъ исторической жизни роль зиждущаго, культурно и политически преобладающаго, первенствующаго въ восточной Европѣ элемента играла народность украинская, въ послѣднихъ—народность великорусская. Внѣ этихъ соприкосновеній и одновременно съ ними, историческая жизнь той и другой развивались самостоятельно и своеобразно, все болѣе увеличивая сумму отличій всего склада ихъ жизни и отдѣляя ихъ національные типы все болѣе рѣзкою чертою. Внѣшнія условія, правда, не благопріятствовали уясненію ихъ особности. Внѣшнія формы, въ которыхъ кристаллизировалось обыкновенно въ минувшихъ вѣкахъ неясное само по себѣ понятіе національности,—политическія, религіозныя и культурныя связи, не совпадали обыкновенно съ нашими національными группами: онѣ то связывали ихъ воедино, то раздѣляли по живому тѣлу (особенно народность украинскую). Много неясностей вносило само національное „русское" имя, по традиціи Кіевской державы принятое всѣми тремя племенами и сохранившееся затѣмъ у нихъ болѣе или менѣе устойчиво въ качествѣ національнаго имени. Но если мы обратимся отъ имени и внѣшнихъ оболочекъ къ реальнымъ народностямъ, жившимъ подъ ихъ покровомъ, передъ нашими глазами съ полною

[1]) Хохолъ—насмѣшливое названіе у Великороссовъ для Украинцевъ; оно ведетъ свое начало отъ прически Украинцевъ XVII в., когда они, подбривая волоса, оставляли ихъ только на серединѣ головы. Названіе Литвина ведетъ свое начало отъ в. кн. Литовскаго въ его границахъ XVII—XVIII вѣка. Происхожденіе слова „кацапъ", которымъ презрительно прозываютъ Украинцы Великороссовъ, не такъ ясно; его производятъ довольно правдоподобно отъ тюркскаго casap—мясникъ, живорѣзъ.

отчетливостью выступаютъ вполнѣ опредѣленныя этническія индивидуальности, запечатлѣнныя совершенно ясными чертами особности. Передъ нами, несомнѣнно, двѣ народности, двѣ исторіи.

Литература (кромѣ указаннаго выше): Історія України-Руси, т. I гл. I и 4 (по русски: Кіевская Русь, т. 1),—С. Рудницький, Коротка географія України, Кієвъ, 1910.—Труды этнографической экспедиціи въ юго-западный край. т. VII.—Украинскій народъ въ прошломъ и настоящемъ—отдѣлы антропологіи и эшнографіи, въ т. III (долженъ выйти въ 1914 г.).



Серебряная застежка; изъ находокъ, сдѣланныхъ въ Кіевской губ.

Серебрафированный турій рогъ изъ Черной Могилы (Черниговъ), X вѣкъ.

III. Разселеніе украинскихъ племенъ, ихъ культура и бытъ.

Первыя сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія о восточно-славянскомъ разселеніи мы имѣемъ только, начиная съ X — XI вѣковъ. Болѣе всего данныхъ сообщаютъ этнографическіе обзоры и замѣчанія, собранныя во вступительной части къ древнѣйшей кіевской лѣтописи (т. н. Нестора); хотя они составлены во второй половинѣ XI в., но даютъ указанія и относительно болѣе раннихъ колонизаціонныхъ отношеній, до тѣхъ перемѣнъ, какія произвело во второй половинѣ X в. движеніе Печенѣжской орды. На основаніи этихъ обзоровъ и другихъ историческихъ источниковъ, а также археологическаго и діалектологическаго матеріала, восточно-славянская колонизація представляется въ слѣдующемъ видѣ: области верхняго Днѣпра и верховьевъ Зап. Двины и Волги занимаютъ племена сѣверной группы — Кривичи, Дреговичи, Радимичи, Вятичи, предки нынѣшнихъ Бѣлоруссовъ и Великороссовъ; они распространяются послѣдовательно на востокъ, колонизируя финскія земли, гдѣ выростаютъ затѣмъ настоящіе центры великорусскаго племени. Племена южной (украинской) группы располагаются въ бассейнѣ средняго и нижняго Днѣпра, простираясь на западъ въ область Карпатъ, на востокъ въ область Дона.

Въ центрѣ украинской колонизаціи на правомъ берегу Днѣпра, въ окрестностяхъ Кіева расположилось племя *Полянъ*. Въ концѣ X и въ XI в. оно занимаетъ небольшой треугольникъ между рѣками Днѣпромъ, Ирпенемъ и Росью. Раньше, до печенѣжскаго натиска, область Полянъ могла простираться далѣе на югъ, за Рось, въ болѣе открытыя, безлѣсныя пространства „чистаго поля“, давшаго имъ имя, и только позже они были оттиснуты въ сѣверный уголъ своей территоріи, лѣсистыя и холмистыя окрестности Кіева.

Этотъ небольшой треугольникъ представляетъ собою не только географическій, но и историческій центръ украинскихъ племенъ; впрочемъ, не только послѣднихъ,—въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій онъ былъ политическимъ и культурнымъ центромъ для всей восточной Европы. Отсюда, очевидно, распространилось имя Руси, хотя мы и не можемъ удовлетворительно объяснить его происхожденія. Древнѣйшіе источники прилагаютъ

имя „Руси" спеціально къ землѣ Полянъ, названіе „Русина" къ Полянамъ, хотя съ образованіемъ Кіевскаго государства это имя прилагалось также, въ болѣе широкомъ смыслѣ, и къ цѣлому этому государству, и ко всему восточному славянству, входившему въ составъ „Русскаго", Кіевскаго государства. Редакторъ древнѣйшей кіевской лѣтописи держался того мнѣнія, что это имя было принесено въ Кіевъ Варягами (Норманнами), но это остается догадкою, и во всякомъ случаѣ имя Руси связано съ Полянскою землею и выступаетъ на югѣ гораздо раньше, чѣмъ предполагали кіевскіе книжники X—XII вѣковъ.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ Полянъ на западѣ жили *Древляне*. Лѣтопись поясняетъ, что они назывались такъ потому, что жили въ лѣсахъ, но не указываетъ точнѣе предѣловъ ихъ колонизаціи. Вѣроятно, они жили въ области Тетерева и Случи, до Припети—на сѣверѣ, и до Днѣпра—на сѣверо-востокѣ.

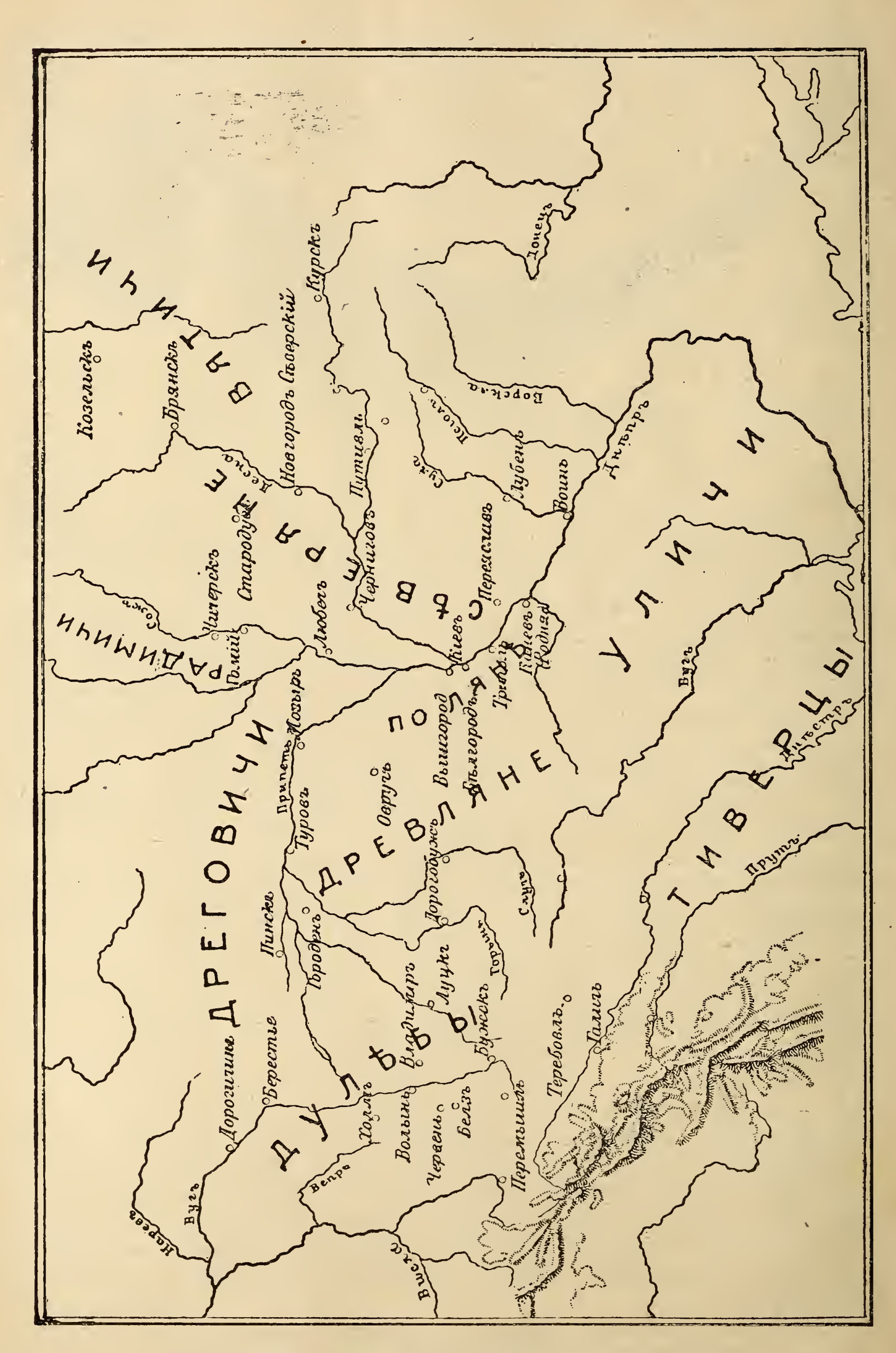
Восточными сосѣдями Полянъ, за Днѣпромъ, были *Сѣверяне*, *Сѣвера*, кажется,—самое большое изъ украинскихъ племенъ: лѣтопись говоритъ, что они занимали область Десны, Сейма и Сулы.

Какія племена жили дальше на юго-востокѣ, за побережьемъ Сулы, лѣтопись не говоритъ. Въ то время, когда она слагалась, побережье Сулы уже сильно запустѣло подъ натискомъ тюркскихъ ордъ, но раньше, до второй половины X в., славянская колонизація занимала бассейнъ Дона, простираясь до Азовскаго моря. Объ этомъ весьма опредѣленно говорятъ арабскіе географы IX и X вв.—они даже называютъ Донъ, а иногда и нижнюю Волгу, которую считаютъ частью той же рѣки,—„Славянскою рѣкою". Тмуторокань на устьѣ Кубани (надъ Керченскимъ проливомъ), оставшаяся во владѣніи кіевскихъ князей въ X и XI в., въ IX—X вѣкахъ, вѣроятно, не представляла собою такого острова, отдѣленнаго тюркскимъ моремъ, какимъ мы видимъ ее въ XI в., а примыкала къ украинской колонизаціи области Дона. Но какое именно племя жило здѣсь, какъ оно называлось, этого мы не можемъ сказать.

На нижнемъ Днѣпрѣ сидѣло первоначально племя *Уличей* (или Угличей), вѣроятно, на правомъ берегу его. Позже, должно быть подъ натискомъ Печенѣговъ, въ серединѣ X в., они передвинулись дальше на западъ, въ область южнаго Буга. Тогда же покинули они и черноморское побережье; лѣтопись сохранила только воспоминаніе объ ихъ поселеніяхъ на черноморскомъ берегу, такъ же, какъ и ихъ западныхъ сосѣдей—*Тиверцевъ*, занимавшихъ земли по Днѣстру и дальше до Дуная. Подъ натискомъ тюркскихъ ордъ эта украинская колонизація, въ концѣ концовъ, должна была отступить на сѣверъ и сѣверо-западъ, оставивъ на черноморскомъ побережьѣ и въ степяхъ только слабые остатки свои, извѣстные въ XII—XIII вв. подъ именемъ „Бродниковъ", „Берладниковъ".

На сѣверъ отъ Тиверцевъ, на западъ отъ Древлянъ жило племя *Дулѣбовъ*. Это старинное племенное названіе, какъ поясняютъ замѣтки Начальной лѣтописи, вытѣснено было затѣмъ позднѣйшими именами—очевидно терминами политическими, происходившими отъ политическихъ центровъ, возникшихъ на территоріи племени: Волынянъ (отъ города Волыня) и Бужанъ (отъ гор. Бужска). Границъ разселенія племени лѣтопись не указываетъ, поясняя только, что оно жило по Бугу (западному).

Далѣе на западъ, въ нынѣшней Галиціи, обыкновенно помѣщаютъ племя Хорватовъ, но существованіе такого племеннаго имени среди украинскихъ племенъ очень сомнительно: хотя оно въ лѣтописи и названо одинъ разъ между украинскими племенами, но это упоминаніе не особенно надежно, и мы собственно не знаемъ, къ какому племени принадлежала старая украинская колонизація верхняго Днѣстра и Карпатскихъ земель,—были ли это Дулѣбы, или иное украинское племя,



Племенныя территоріи X—XI вв.

Эта первоначальная колонизація претерпѣваетъ рядъ перемѣнъ, вслѣдствіе движенія турецко-финскихъ кочевыхъ ордъ, составлявшихъ настоящую историческую язву украинскаго народа, тормазъ его экономическаго и культурнаго развитія, гибель его колонизаціи,—какъ ни почетна для украинскаго населенія была эта тысячелѣтняя борьба съ ордами, по большей части не вышедшими на западъ изъ черноморскихъ степей и истощившими свои силы и энергію въ этой борьбѣ съ украинскимъ народомъ.

Гуннская орда была передовымъ полкомъ смѣшаннаго турецко-финскаго потока, который двигался за нею. Медленно и долго, то задерживаясь и ослабѣвая, то прорываясь сразу, какъ изверженіе вулкана, изливался этотъ потокъ, среди непрестанныхъ войнъ съ осѣдлымъ населеніемъ и ожесточенной борьбы среди самихъ этихъ ордъ, въ которой нѣкоторыя изъ нихъ исчезаютъ безслѣдно.

Въ періодъ разселенія украинскихъ племенъ проходятъ черезъ черноморскія степи орды Болгаръ и Аваровъ. По ихъ слѣдамъ земли нижняго Дона занимаютъ Хозары, орда неяснаго этнографическаго состава (вѣроятно, смѣшанная, финско-турецкая). Она не имѣла разрушительнаго характера другихъ кочевыхъ ордъ и даже была полезнымъ культурнымъ факторомъ, сдерживая натискъ турецкихъ ордъ передней Азіи. Болѣе тяжело для осѣдлой колонизаціи Черноморья было движеніе Мадьяръ (Угровъ), перешедшихъ черезъ черноморскія степи въ IX в. Въ концѣ этого столѣтія ихъ вытѣснили въ свою очередь Печенѣги, прорвавшіеся черезъ хозарскій оплотъ, подъ натискомъ напиравшихъ на нихъ съ востока другихъ турецкихъ ордъ—Узовъ и Кипчаковъ.

Между тѣмъ, какъ предшествовавшія финско-турецкія орды большею частью только переходили черезъ черноморскія степи въ земли средняго и нижняго Дуная, чисто турецкій походъ, открываемый Печенѣгами, не выходилъ изъ черноморскихъ степей и вслѣдствіе этого имѣлъ чрезвычайно тяжелыя послѣдствія для украинской жизни.

Печенѣги (Пацинаки—византійскихъ писателей, Баджнакъ—арабскихъ) прорываются изъ-за Волги въ 70—80-хъ гг. IX в., а въ 890-хъ уже появляются, по слѣдамъ Мадьяръ, надъ нижнимъ Дунаемъ и, овладѣвъ черноморскими степями отъ Дона до Дуная, располагаютъ здѣсь свои кочевья. Сосѣдство этой многочисленной, воинственной и хищной орды оказалось невыносимымъ для осѣдлаго, земледѣльческаго украинскаго населенія черноморскихъ степей, уже отвыкшаго отъ разбойничьихъ походовъ эпохи разселенія, когда оно само принимало дѣятельное участіе въ набѣгахъ Болгаръ и Аваровъ. Оно начинаетъ отступать на сѣверъ и сѣверо-западъ; нѣкоторыя племена—какъ Уличи и Тиверцы, исчезаютъ вовсе въ этой миграціи. Во второй половинѣ X в. Печенѣги начинаютъ нападать и на земли средняго Поднѣпровья, открытыя для ихъ нападеній послѣ отступленія черноморскаго населенія. Окрестности Кіева въ концѣ X вѣка подвергаются непрерывнымъ нападеніямъ. Въ результатѣ—земли на югъ отъ Кіева сильно опустѣли, и Владиміръ Вел. принужденъ былъ заняться устройствомъ новой оборонительной линіи по рѣкамъ Стугнѣ, Остру и Трубежу, въ ближайшемъ сосѣдствѣ Кіева, созидая укрѣпленные города и населяя ихъ колонистами изъ другихъ земель.

Лишь полный упадокъ Печенѣжской орды во второй четверти XI вѣка остановилъ это отступленіе украинскаго населенія за линію лѣса, куда не проникали набѣги кочевниковъ.

Печенѣжская орда, растрачивая свои силы въ войнахъ съ украинскимъ населеніемъ, одновременно выдерживала натискъ тюркскихъ ордъ, двигавшихся по ея пятамъ въ Европу. Когда пала въ 960-хъ гг. подъ ударами Святослава Хозарская орда, движеніе Тюрковъ въ черноморскія степи усилилось. Впереди шла орда Узовъ (Огузъ), называемая въ кіев-

скихъ лѣтописяхъ Торками (т. е. Тюрками). За нею двигалась гораздо болѣе сильная орда Кипчаковъ, называемыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ Половцами или Куманами. Подъ ихъ натискомъ Печенѣжская орда во второй четверти XI в. отступаетъ за Дунай. Черноморскія степи на короткое время занимаютъ Узы, но, имѣя съ фронта Печенѣговъ, а съ тылу Половцевъ, они не были страшными врагами для украинскихъ земель. Походъ на нихъ южныхъ князей въ 1060 г. окончательно сломилъ силы Узовъ, и они вслѣдъ за тѣмъ отступаютъ также за Дунай. Послѣ этого черноморскія степи отъ Урала до Дуная перешли въ нераздѣльное владѣніе Половцевъ, болѣе чѣмъ на полтора столѣтія.

Эта дикая и воинственная орда кочевала, главнымъ образомъ, въ донскихъ степяхъ, хотя мы встрѣчаемъ половецкія кочевья даже на правомъ берегу Днѣпра, особенно позже (въ XII—XIII в.). Она докончила процессъ вытѣсненія украинской колонизаціи изъ степей Черноморья. Только надъ моремъ, на большихъ торговыхъ дорогахъ, держались поселенія съ славянскимъ или смѣшаннымъ населеніемъ. Въ степяхъ и на черноморскомъ побережьѣ мы встрѣчаемъ ватаги нашихъ промышленниковъ и пиратовъ, предшественниковъ позднѣйшихъ козаковъ: Бродниковъ (отъ „бродити“), Берладниковъ (отъ города Берладь у нижняго Дуная, служившаго однимъ изъ сборныхъ мѣстъ этихъ „бродягъ“), галицкихъ рыболововъ на нижнемъ Дунаѣ. Дружины ихъ достигаютъ иногда значительныхъ размѣровъ; но въ суммѣ—это только жалкіе остатки старой украинской колонизаціи, вытѣсненной Тюрками изъ Черноморья.

Обжившись въ черноморскихъ степяхъ, Половцы въ 80-хъ гг. XI в. все чаще и чаще начинаютъ предпринимать набѣги на земли, лежащія по среднему теченію Днѣпра; въ 1090-хъ гг. ихъ безпрестанныя нападенія на окрестности Кіева и Переяслава воскрешаютъ самыя тяжелыя времена печенѣжскаго натиска и снова разрушаютъ колонизацію южной Кіевщины и Переяславщины, возстановившуюся было въ теченіе короткаго затишья.

Головной женскій уборъ изъ славянскихъ погребеній эпохи разселенія (Полтавск. губ.).

Но эти страшныя опустошенія, въ концѣ концовъ, вызываютъ отпоръ: по инцiативѣ переяславскаго князя Владиміра Мономаха, южные князья соединенными силами предпринимаютъ рядъ походовъ въ глубину половецкихъ кочевьевъ. Эти походы въ первой четверти XII в., дѣйствительно, подорвали силы Половецкой орды и ослабили ея агрессивность. Но сами князья затѣмъ помогли ей возобновить свои нападенія, пользуясь половецкими ордами въ своихъ междуусобіяхъ, въ качествѣ

вспомогательныхъ отрядовъ. Во второй половинѣ XII в. Половцы снова начинаютъ часто нападать на земли Кіевскаго и Переяславскаго княжествъ, хотя эти нападенія и не имѣютъ прежней силы.

Для обороны пограничныхъ земель отъ Половцевъ и колонизаціи ихъ, князья селили здѣсь остатки Печенѣговъ, Торковъ и другихъ племенъ, добровольно переходившихъ подъ власть князей Украины, послѣ того, какъ степями завладѣли Половцы. Въ лѣтописяхъ это разноплеменное тюркское населеніе [1]), подвластное русскимъ князьямъ, носитъ общее названіе Черныхъ Клобуковъ (т. е. черныхъ шапокъ—переводъ тюркскаго имени Кара-калпаковъ). Въ нихъ пробовали видѣть предковъ позднѣйшихъ козаковъ, но это – ошибочный взглядъ. Во время монгольскаго нашествія XIII в. тюркская колонизація Руси, несомнѣнно, была увлечена этимъ новымъ вихремъ: она вернулась въ степи, не успѣвъ ассимилироваться съ украинскимъ населеніемъ и не оставивъ никакихъ значительныхъ слѣдовъ въ украинскомъ этническомъ типѣ.

Очертивъ, такимъ образомъ, судьбу украинской колонизаціи на ея новой территоріи, остановимся на общихъ культурныхъ условіяхъ ея жизни въ этотъ періодъ.

Сравнительно спокойный промежутокъ между бурной эпохой разселенія, сопровождавшейся временнымъ пониженіемъ культурнаго уровня славянскихъ, въ томъ числѣ и украинскихъ племенъ, и позднѣйшимъ натискомъ тюркскихъ ордъ,— столѣтія VIII, IX и X,—былъ, несомнѣнно, эпохою весьма интенсивнаго культурнаго развитія украинскаго населенія. Данныя лингвистики, играющія главную роль при изслѣдованіи славянскаго быта предъ разселеніемъ, въ сочетаніи съ историческимъ матеріаломъ рисуютъ намъ довольно обстоятельную картину того культурно-бытового фона, на которомъ развиваются общественныя и политическія отношенія въ періодъ сформированія Кіевскаго государства (IX—X в.).

Общій культурный уровень нашихъ племенъ въ это время стоитъ уже довольно высоко. Земледѣліе, начатки котораго восходятъ еще ко временамъ общеарійскимъ, выступаетъ теперь у нихъ уже въ полномъ развитіи, какъ главная статья хозяйства. Даже въ наименѣе культурныхъ земляхъ, какъ, напр., у Древлянъ, земледѣліе служитъ обычнымъ занятіемъ; въ языческихъ могилахъ Древлянъ и Сѣверянъ были находимы серпы и зерна нѣсколькихъ родовъ хлѣба. Памятники XI в. даютъ уже очень большой ассортиментъ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній (пшеница, овесъ, рожь, ячменный солодъ, просо, горохъ, макъ, ленъ—для волокна и масла), равно какъ и земледѣльческихъ орудій. Существовало собираніе сѣна, огородничество и садоводство. Скотоводство, охота, рыболовство, хотя весьма развитыя, какъ средства пропитанія, отходятъ все болѣе и болѣе на второй планъ. Охота имѣетъ главною цѣлью добываніе цѣнныхъ мѣховъ или становится развлеченіемъ высшихъ классовъ. Разводится даже домашняя птица—явленіе очень поздней культуры.

Въ лѣсистой полосѣ, съ ея песчаной, малоплодородной почвой, чрезвычайно развито было и имѣло большое значеніе въ хозяйствѣ пчеловодство, въ формѣ бортничества (борти—деревья съ выдолбленными для пчелъ дуплами: гораздо рѣже встрѣчаются указанія на пасѣчничество, т. е. разведеніе пчелъ въ ульяхъ). „Медъ и мѣха“, „мѣха, воскъ, медъ и рабы“—это главные продукты земель Кіевскаго государства X в., предметы ихъ богатства: ими населеніе даетъ дань князьямъ и торгуетъ съ сосѣдними землями.

Изъ ремеслъ и вообще формъ промышленности обрабатывающей въ полномъ развитіи видимъ обработку кожи и волокна, дерева, глины и ме-

[1]) Среди него были и Половцы изъ колѣнъ, разгромленныхъ во внутреннихъ войнахъ Половецкой орды.

талла—плотничество, гончарство, кузнечество. Въ глухой Древлянской землѣ археологическія изслѣдованія не только обнаружили слѣды обработки желѣза, но и заставляютъ предполагать добываніе его на мѣстѣ изъ болотной руды. Вообще, металлическія издѣлія изъ желѣза, мѣди и бронзы, серебра, рѣже—золота, весьма часто встрѣчаются въ украинскихъ могилахъ изъ временъ славянской колонизаціи (особенно въ землѣ Полянъ и Сѣверянъ); въ большинствѣ они вышли изъ рукъ мѣстныхъ ремесленниковъ,—даже нѣкоторыя произведенія болѣе художественной, ювелирной техники.

Пища этого времени также вышла уже изъ стадіи примитивной безыскусственности дикаря. Хлѣбъ, каша, вареныя овощи и мясо (вѣроятно, въ большемъ количествѣ, чѣмъ теперь) служили пищею народа. Наиболѣе распространеннымъ напиткомъ былъ медъ, одинаково у низшихъ и высшихъ классовъ. Даже нищимъ Владиміръ въ лѣтописномъ разсказѣ посылаетъ медъ. Въ большемъ употребленіи были также пиво и квасъ; вино было рѣдкостью. Пищу высшихъ классовъ характеризуетъ такса для содержанія княжескихъ агентовъ XI вѣка: агентъ („вирникъ") получаетъ отъ обывателей для себя и своего слуги ежедневно хлѣбъ, пшено и горохъ на кашу, сыръ, пару куръ, комокъ („головажень") соли; теленка и ведро солоду на пиво въ недѣлю; въ постные дни вмѣсто мяса—рыбу.

Одежда отличалась еще большою простотою; названія ея еще очень мало спеціализированы. Ее составляли сорочка, штаны, свита, у богатыхъ поверхъ ея—плащъ; на ногахъ—родъ плетеныхъ чулокъ и кожанные сапоги или поршни; на головѣ—кожаная или вязаная шапка. Предметомъ щегольства служили парчевыя матеріи византійской и восточной работы, дорогіе мѣха и золотыя украшенія (цѣпи, медальоны, серьги, височныя привѣски). У небогатыхъ классовъ были въ широкомъ употребленіи украшенія изъ серебра, часто низкопробнаго (шейные обручи, браслеты, кольца, височныя привѣски и т. п.), а также украшенія стеклянныя, привозимыя съ востока.

Болѣе богатые дома устраивались высоко, въ видѣ двухъ этажей; комнаты были отапливаемыя и холодныя. Жилье окружали хозяйственныя постройки и кладовыя. Все это дѣлалось изъ дерева (а въ степныхъ мѣстностяхъ, вѣроятно, какъ и теперь,—изъ обмазаннаго глиною плетня) [1]. Вся каменная постройка—позднѣйшаго, чужого происхожденія, и терминологія ея состоитъ изъ заимствованныхъ греческихъ и нѣмецкихъ словъ.

Въ сферѣ психо-физической, въ характерѣ Славянъ вообще и украинскихъ племенъ въ частности, чужеземныя извѣстія отмѣчаютъ, съ одной стороны, добродушіе и привѣтливость, съ другой,—воинственность, свободолюбіе и отсутствіе солидарности и общественной дисциплины. Радушіе и гостепріимство Руси, какъ и вообще Славянъ, было общеизвѣстно, такъ же, какъ и строгость семейныхъ отношеній—вѣрность славянскихъ женъ.

Радушію и искренности, отмѣченной еще Прокопіемъ, соотвѣтствовали черты характера поэтическаго, веселаго, падкаго на развлеченія. Пѣсня и музыка были неразлучными товарищами всѣхъ выдающихся моментовъ жизни нашихъ предковъ. „Съ плясаніемъ, гудѣніемъ и плесканіемъ" справлялись свадьбы. „Долгими пѣснями" прощается съ жизнью Русинка въ описанномъ ибнъ-Фадланомъ погребеніи русскаго купца. „Игрища межю селы", на нихъ игры и танцы, и „вся бѣсовскыя пѣсни" были общераспространенною принадлежностью народнаго быта.

Такою же непремѣнною принадлежностью всякаго праздника было

[1]) Такія глиняныя жилища здѣсь существовали еще до эпохи славянскаго разселенія, на рубежѣ каменной и металлической культуры (т. н. до-микенская культура).

бражничанье. „Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того жити",—такой афоризмъ вкладываетъ кіевскій книжникъ XI в. въ уста Владиміра В.; его оправдывали веселые владиміровы пиры, гдѣ меды лились рѣкой. Языческія церемоніи не обходились безъ попойки; „черезъ годъ послѣ смерти покойника", разсказываетъ арабскій источникъ IX вѣка, „берутъ кувшиновъ двадцать меду, несутъ на могилу, тамъ собираются родственники, ѣдятъ и пьютъ". Это ритуальное бражничанье перенесено было потомъ и на христіанскіе праздники.

Въ общемъ, всѣми этими чертами опредѣляется характеръ мягкій, веселый, окрашенный поэзіею. Характеристика Полянъ, данная древнѣйшею лѣтописью,—„обычай имяху тихъ и кротокъ",—находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ извѣстіяхъ. Но этой „кротости", конечно, не нужно преувеличивать. Разбойничьи походы Руси IX—X в. сопровождаются совсѣмъ иными отзывами о ея характерѣ. „Они отважны и смѣлы: напавъ на чужой народъ, не отступаютъ, пока не уничтожатъ его вовсе"; „народъ жестокій и немилосердный, безъ тѣни жалости къ людямъ",—такъ характеризуются военныя дружины Руси у современныхъ арабскихъ и греческихъ писателей, и никакъ нельзя относить этихъ характеристикъ исключительно къ варяжскимъ контингентамъ русскихъ дружинъ.

Религіозное міросозерцаніе до-христіанскихъ временъ имѣло въ своей основѣ культъ природы, въ довольно примитивной, слабо разработанной формѣ. Русско-славянская миѳологія вообще довольно блѣдна и неясна, не только вслѣдствіе скудости извѣстій, а и вслѣдствіе собственной бѣдности: судя по всему, славянское племя не имѣло особенной склонности къ религіозному творчеству.

Наиболѣе ранній источникъ—Прокопій—говоритъ о „Славенахъ" и „Антахъ", т. е. о племенахъ южно-славянской и украинской группы, что они чтили одного бога, владыку вселенной, обнаруживающаго себя въ метеорическихъ явленіяхъ, и рядомъ съ нимъ второстепенныя божества и различныя сверхъестественныя существа, говоря нашимъ языкомъ. Въ позднѣйшихъ упоминаніяхъ памятниковъ къ первоначальному главному богу наиболѣе близко подходитъ Перунъ, богъ грома (отъ *пьрати*—поражать); но это уже вмѣстѣ съ тѣмъ и спеціализація первоначальнаго общаго понятія, какъ и Даждьбогъ-Хорсъ—божество солнца, Сварожичъ—огонь и т. д. Несомнѣнно, что въ этомъ направленіи отъ „единаго" бога неба и свѣта къ спеціальнымъ натуралистическимъ божествамъ шло развитіе миѳологическихъ идей. Параллельныхъ божествъ—представителей свѣтлыхъ и темныхъ силъ, мы не видимъ: сколько-нибудь опредѣленнаго дуализма въ религіозномъ міровоззрѣніи украинскихъ, какъ и вообще славянскихъ племенъ, незамѣтно.

Главныя божества носятъ опредѣленныя черты индивидуализаціи; лѣтописное описаніе идола Перуна, поставленнаго въ Кіевѣ, или разсказъ ибнъ-Фадлана о человѣкообразныхъ идолахъ русскихъ божествъ указываютъ и на начатки антропоморфизма. Но это были только слабые начатки, и индивидуальность славянскихъ боговъ выступаетъ еще очень слабо; мы не находимъ надежныхъ указаній на генеалогію боговъ; интересный также въ этомъ отношеніи фактъ—отсутствіе богинь въ украинской и вообще славянской миѳологіи.

Затѣмъ вся окружающая природа—воды, лѣса, болота—въ глазахъ обитателя была населена разными таинственными существами, вызывавшими къ себѣ страхъ и почитаніе. Нынѣшній Украинецъ, особенно въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ, сохраняетъ еще вполнѣ эти представленія о русалкахъ, водяникѣ, лисовыкахъ или полисунахъ, и разныхъ родахъ „дїдьків"—домовыхъ, болотныхъ, лѣсныхъ и т. п.

Расположеніе высшихъ и низшихъ божествъ предокъ нынѣшняго Украинца, какъ и всѣ другіе народы, снискивалъ молитвами и жертвами.

Предметы домашняго обихода. Изъ древнихъ могилъ Волыни (раскопки К. Мельникъ).

Арабскій источникъ IX в. сообщаетъ намъ одну такую молитву: во время жатвы, говоритъ онъ, они берутъ корецъ проса, поднимаютъ къ небу и говорятъ: „боже, дающій намъ пропитаніе, ущедри насъ имъ и теперь“. Предметами жертвоприношеній являются, главнымъ образомъ, различные виды пищи; лѣтописный разсказъ о человѣческой жертвѣ Перуну въ Кіевѣ довольно сомнителенъ.

Для молитвъ и жертвоприношеній, вообще для культа, служили тѣ мѣста, гдѣ человѣкъ особенно живо чувствовалъ вѣяніе таинственной силы, проникавшей природу въ его представленіяхъ и, собственно, служившей предметомъ обожанія. Въ приведенномъ арабскомъ разсказѣ нашъ предокъ X в. молится небу; туземные памятники XI в. говорятъ о молитвахъ и жертвоприношеніяхъ въ лѣсу, около рѣкъ, ручьевъ и болотъ. Мѣстами существовали человѣкообразные идолы; но о существованіи храмовъ мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Ихъ, очевидно, и не было, какъ не было и спеціальныхъ жрецовъ: общественныя жертвы приноситъ князь или представители общины, бояре и старцы, отъ себя и отъ своей семьи молитвы и жертвы приносилъ каждый глава семейства. Это и вполнѣ понятно при слаборазвитыхъ формахъ религіи и культа. Были, впрочемъ, люди, считавшіе себя спеціалистами во всякаго рода религіозныхъ вопросахъ, это — волхвы-знахари, „вѣдущии“, предки позднѣйшихъ чарівників и вѣдьмъ. Они знали, какъ повліять на таинственныя силы природы, пріобрѣсти ихъ расположеніе и предотвратить бѣду. Однако, и сами они не свободны отъ вліянія этихъ силъ. Судьба одинаково тяготѣетъ надъ всѣми. Представленіе о ней существовало очень опредѣленное — о немъ говоритъ еще Прокопій, а великій поэтъ XI в. Боянъ выразилъ его въ афоризмѣ:

ни хытру, ни горазду,
ни птичю горазду
суда божія ни минути...

Представленія о загробной жизни умершихъ и самостоятельномъ существованіи души независимо отъ тѣла выступаютъ вполнѣ опредѣленно. Они выражаются въ похоронномъ ритуалѣ, въ культѣ предковъ, въ вѣрованіяхъ о переходѣ души по смерти въ новыя существа, возможности ея появленія между живыми и т. п.

Ибнъ-Фадланъ подробно описалъ видѣнный имъ (въ 922 г., вѣроятно въ Итилѣ, на Волгѣ) обрядъ погребенія богатаго русскаго купца: послѣ предварительныхъ церемоній сожигаютъ этого купца въ его лодкѣ, въ богатой обстановкѣ, съ одною изъ наложницъ. Этотъ разсказъ близко соотвѣтствуетъ обряду X в., обнаруженному раскопками въ окрестностяхъ Чернигова. Сожженіе покойниковъ вообще было очень распространено на лѣвомъ берегу Днѣпра; въ X в. оно, вѣроятно, господствовало здѣсь въ нѣкоторыхъ областяхъ. Въ землѣ Полянъ и Древлянъ, наоборотъ, чаще погребали покойниковъ въ землѣ, вмѣстѣ съ предметами вооруженія или хозяйства.

Свѣдѣнія о культѣ предковъ вообще бѣдны; въ почитаніи „рода“ и „рожаницы“ мы, возможно, имѣемъ этотъ культъ, но о немъ очень мало намъ извѣстно. Интересно, что домовые духи, „дідьки“, первоначально — духи предковъ, покойниковъ, позже, смѣшавшись съ низшими божествами природы, являются въ народномъ представленіи, подъ вліяніемъ христіанства, духами злыми, аналогичными съ „бѣсами“.

Формы семейнаго союза, насколько мы можемъ проникнуть въ прошлое украинскихъ племенъ, являются уже весьма выработанными. Родство по женѣ, слабо обозначивающееся въ общеарійской эпохѣ, пріобрѣтаетъ полное значеніе въ періодъ общеславянскій: несомнѣнно, жена уже не разрываетъ своихъ отношеній къ своему роду, вступая въ родъ мужа.

Старыя формы умыканія (похищенія) и покупки перешли въ чисто ритуальные, церемоніальные обряды, и въ такомъ значеніи онѣ существовали рядомъ у разныхъ украинскихъ племенъ. Обычай сожиганія жены, какъ одного изъ предметовъ собственности покойника, перешло уже въ добровольное доказательство любви и вѣрности мужу. Оно практиковалось еще въ X в., хотя едва ли было явленіемъ общимъ.

Греческая ваза изъ Чортомлыцкой могилы (Запорожье), съ изображеніями изъ жизни кочевниковъ южнс-русскихъ степей.

Этотъ обычай много повліялъ на репутацію необыкновенной вѣрности славянскихъ женъ; но и въ дѣйствительности семейныя отношенія у Славянъ вообще и у украинскихъ племенъ въ частности оправдывали эту репуацію. Наоборотъ, мужчинѣ предоставлялась большая свобода половыхъ отношеній: конкубинатъ и многоженство, какъ и легкій разводъ, остались обычными явленіями даже и послѣ распространенія христіанства.

Основою общественныхъ отношеній древнѣйшая кіевская лѣтопись

представляетъ „родъ“. Это слово въ ней означаетъ, однако, не родъ въ собственномъ смыслѣ, а семью, и семья, несомнѣнно, и была основною формою общественной организаціи нашихъ племенъ этого времени. Только это была семья болѣе широкая и сложная, чѣмъ нынѣшняя, состоящая лишь изъ родителей и малолѣтнихъ дѣтей. Въ горныхъ округахъ Галичины и Угорской Руси сохранились мѣстами большія семьи—„газдівства“, подобныя сербской задругѣ (но менѣе многолюдныя, достигающія, самое большое, 25-ти душъ). Въ другихъ мѣстностяхъ Украины такія семьи весьма рѣдки теперь, но въ XVIII в. встрѣчались гораздо чаще. Кромѣ того, извѣстны формы, развившіяся изъ этой старой сложной семьи; въ основаніи ихъ лежитъ кровная связь семьи, но она не исключаетъ участія чужеродцевъ, и формы, первоначально родовыя, въ нихъ переходятъ постепенно въ организаціи экономическія. Такими были такъ наз. „дворища“, „себровства“; „хуторъ“ лѣвобережной Украины также былъ сначала не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же „дворищемъ“.

Ни „дворище“, ни „газдівство“, какъ и задруга, не вырастаютъ до размѣровъ цѣлаго села. Кровная и экономическая связь держится лишь до извѣстнаго предѣла, и изъ первоначальнаго „рода“ съ теченіемъ времени выдѣляются новые, самостоятельные. Село — это уже группа родовъ-дворищъ. Первоначальная кровная связь часто оставалась въ памяти долго и оставляла слѣдъ въ патронимическихъ названіяхъ (такія названія селъ очень распространены на украинской территоріи); но связь эта внутри села уже гораздо слабѣе, чѣмъ внутри „дворища“. Селомъ правитъ уже не старѣйшина, а сходка „старцевъ“. Это—уже не родъ, а община.

Первоначально извѣстная родовая традиція должна была лежать и въ основѣ племенной организаціи; популярныя патронимическія формы племенныхъ названій, сообщавшіяся даже названіямъ географическаго или политическаго характера, остались отголоскомъ этого [1]). Но для IX—X в. это былъ только неясный отголосокъ прошлаго; слѣдовъ болѣе широкихъ родовыхъ организацій въ нашихъ памятникахъ мы уже не видимъ. Описывая разселеніе украинскихъ племенъ въ X—XI в., кіевскій книжникъ, со всею опредѣленностью, на какую онъ былъ способенъ, объясняетъ, что племенная группировка была этнографическою; племена отличались этнографическими различіями, имѣли свои „обычаи, законы отецъ своихъ и преданія“, свой „норовъ“; хотя нѣтъ надобности эти племенныя отличія представлять очень значительными.

Территоріальный, а не родовой принципъ лежитъ и въ основѣ дальнѣйшаго развитія общественныхъ отношеній. Исходною точкою общественной организаціи служитъ городъ, система городовъ.

Колонизаціонныя и общественныя условія дѣлали необходимымъ для группы поселеній устройство общаго убѣжища отъ врага; „городъ“, т. е. огороженное, укрѣпленное мѣсто, удовлетворялъ прежде всего этой цѣли. Его постройка и содержаніе создавали извѣстную связь между устраивавшими его селами,—связь чисто территоріальную. Рядомъ съ этимъ возникали постепенно новыя связи: общая защита противъ врага, охрана общественнаго спокойствія, преслѣдованіе его нарушителей.

Спеціальныя географическія условія, выгоды сообщенія и т. п., выдвигая отдѣльные города изъ группы сосѣднихъ, дѣлали ихъ центрами болѣе широкихъ округовъ и давали ихъ общинамъ преимущественное вліяніе во всякаго рода дѣлахъ. Такой центръ дѣлался „городомъ“ преимущественно передъ сосѣдними, послѣдніе же становились его „пригородами“ и подчинялись его гегемоніи; „что же старѣйшии (т. е. граждане „города“)

---

[1]) Такой же смыслъ имѣетъ употребленіе слова «родъ» въ значеніи племени народа и т. п.

сдумають, на томже пригороди станутъ“. Съ внѣшней стороны возникновеніе такого центра давало себя знать и въ томъ, что населеніе группы округовъ, тянувшихъ къ центральному городу, принимало часто его имя, и это послѣднее вытѣсняло старое племенное названіе. Такъ явились Волыняне, Бужане и Червняне на территоріи Дулѣбовъ; Черниговцы, Переяславцы и Новгородцы на территоріи Сѣверянъ и т. п.

Эти системы городовъ были чрезвычайно важнымъ факторомъ въ дальнѣйшемъ развитіи политическихъ и общественныхъ отношеній среди украинскихъ племенъ. Развивались онѣ не у всѣхъ племенъ одинаково, въ зависимости отъ болѣе или менѣе интенсивной культуры, отъ большаго или меньшаго развитія самой городской жизни. Тогда какъ у Полянъ, Сѣверянъ, Дулѣбовъ городская жизнь была сильно развита, и уже въ самое раннее время городскія организаціи заступаютъ у нихъ мѣсто старыхъ племенныхъ отношеній,—у Древлянъ, Радимичей, Вятичей не развились крупные городскіе центры, эти земли долѣе удерживаютъ первоначальный слабо организованный племенный строй, и самыя племенныя имена живутъ дольше.

Такъ, изъ старыхъ географическо-этнографическихъ территорій—земель формируются новыя территоріи—„волости“ [1]). Территоріи племенъ со слабо развитою городскою жизнью, безъ сильныхъ городскихъ центровъ, притягиваются чужеплеменными центрами: Древляне—Кіевомъ, Радимичи и Вятичи — Черниговомъ. Съ другой стороны, сильное развитіе городскихъ центровъ приводитъ къ распаденію племенной территоріи на нѣсколько княжествъ-земель: такъ, Сѣверщина дѣлится на земли Черниговскую и Переяславскую, въ землѣ Дулѣбовъ появляются земли Владимірская, Червенская, Белзская и т. п.

Что касается первоначальныхъ формъ управленія въ этихъ племенныхъ и городскихъ организаціяхъ, то объ этомъ мы имѣемъ очень мало прямыхъ указаній. Прокопій и Маврикій говорятъ о Славянахъ и Антахъ, что они не знаютъ монархическаго правленія, живутъ въ племенной раздробленности, и всякаго рода дѣла рѣшаетъ воля народа. Изображая кіевскіе порядки предъ образованіемъ позднѣйшаго государства, авторъ древнѣйшей кіевской лѣтописи представляетъ, что дѣла рѣшало тогда совѣщаніе Полянъ, т. е. то, что называется позже вѣчемъ, народное собраніе. Въ исторіи о возстаніи Древлянъ въ половинѣ X в. хотя и упоминаются древлянскіе князья, съ комплиментомъ, что они „добры“ и „распасли древлянскую землю“, но рѣшаютъ важнѣйшіе вопросы все-таки сами Древляне. Очевидно, что и въ тѣхъ племенныхъ и городскихъ организаціяхъ, гдѣ существовали князья-старѣйшины, главную роль играло все же совѣщаніе „старцевъ“ или „лучшихъ людей“, т. е. старѣйшинъ наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ родовъ. Но мѣстами князей могло и вовсе не быть, и правили общиною въ такомъ случаѣ одни „старцы“, совѣтъ старѣйшинъ.

Вообще, мы не знаемъ, выработалась ли гдѣ-нибудь на украинской территоріи, кромѣ Кіева, болѣе сильная княжеская власть, и не можемъ, вслѣдствіе этого, сказать, достигли ли тѣ политическія организаціи, на которыя указываютъ намъ такія имена, какъ Волыняне, Лучане и т. д., значительной внутренней силы прежде, чѣмъ они вошли въ сферу вліянія княжеско-дружиннаго уклада Кіевскаго государства.

Несомнѣнно, на скрѣпленіе связей города съ пригородами, на переходъ этихъ связей въ настоящую зависимость пригородовъ отъ города, какую мы наблюдаемъ позже, княжеско-дружинный строй повліялъ очень сильно, и мы уже на первыхъ страницахъ кіевскихъ памятниковъ видимъ городскія отношенія такими, какими они сложились въ періодъ раз-

---

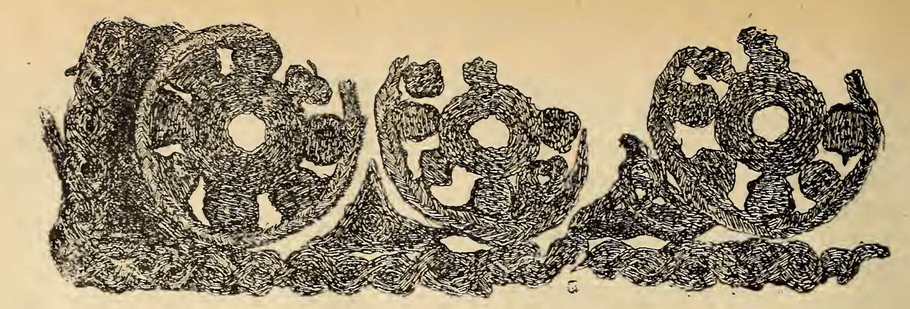
[1]) **Волость—власть, территорія и административная зависимость.**

витія этого новаго политическаго фактора. Безъ него гегемонія города надъ пригородами едва ли была бы очень осязательной. Вполнѣ реальною эта зависимость стала лишь тогда, когда въ „городѣ" сѣлъ князь или его намѣстникъ, съ большимъ или меньшимъ отрядомъ дружины, для поддержанія своего престижа.

Но и этотъ княжеско-дружинный элементъ былъ самъ продуктомъ развитія городской жизни, тѣхъ же условій, какія оживляли эту жизнь.

Подробнѣе—Історія України-Руси, т. I, гл. 6 и начало 7-й (тоже Кіевская Русь, т. I).

Кострище Черной Могилы: на кучѣ лежатъ остатки оружія, вокругъ—остатки хозяйственной утвари (обручи и дужки ведеръ, топоръ, долото, ножи, серпы, хлѣбныя зерна и т. под.).



Остатки византійской парчи, нашитой на воротникъ.—Изъ древнихъ могилъ Каневскаго уѣзда.

IV. Городская жизнь и начало государственной организаціи.

Сношенія, торговля, какъ и въ исторіи другихъ народовъ, такъ и въ исторіи украинскихъ племенъ были весьма важными факторами культурнаго и общественнаго развитія и государственной организаціи.

Слѣды торговыхъ дорогъ, обмѣна и торговли на украинской территоріи можно прослѣдить съ эпохи ранней металлической или даже неолитической культуры. Торговыя сношенія, краснорѣчивыми доказательствами которыхъ служатъ чужеземныя раковины и различныя стеклянныя, глиняныя и металлическія издѣлія, такимъ образомъ, завязались здѣсь еще задолго до славянскаго разселенія. Мѣдная и бронзовая фабрикація вся опиралась на ввозѣ изъ-за границы: желѣзныя издѣлія и желѣзо также, несомнѣнно, въ значительной степени ввозились, такъ какъ своего желѣза, конечно, не хватало на всѣ потребности.

Уже въ эти времена можно съ полною опредѣленностью указать главныя направленія сношеній, которыя потомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, продолжали существовать и въ періодъ славянской колонизаціи— южный, восточный и западный путь.

Южный путь, выходившій изъ финикійскихъ, карійскихъ, позже— греческихъ факторій и колоній черноморскаго побережья, оставилъ документальные слѣды въ видѣ греческихъ металлическихъ и керамическихъ издѣлій и монетъ: эти слѣды идутъ въ глубь средняго Поднѣпровья, а сфера вліянія этихъ сношеній шла еще далѣе на сѣверъ.

Въ черноморскихъ степяхъ южный путь встрѣчался съ восточнымъ: иранская колонизація степей служила живымъ мостомъ, связавшимъ эти степи съ переднею Азіею. Если я скажу, что слова „курица", „чоботъ", „топоръ" несомнѣнно иранскаго происхожденія, то это дастъ понятіе о томъ, какъ разнообразны были культурныя заимствованія, проникавшія этою дорогой съ востока. Археологія даетъ также многочисленныя указанія на сношенія съ востокомъ. Съ полной опредѣленностью можемъ сказать на такъ называемый скиѳскій типъ въ металлическихъ издѣліяхъ (особенно бронзовыхъ): заходя въ районъ средняго Поднѣпровья, онъ, съ другой стороны, глубоко проникаетъ въ переднюю и центральную Азію и служитъ непререкаемымъ доказательствомъ широкаго обмѣна, захватывавшаго своими культурными вліяніями, между прочимъ, и окраины славянской прародины. Позднѣйшій, такъ называемый меровингскій или готскій стиль въ ювелирныхъ издѣліяхъ, представленный кладами на всемъ протяженіи

отъ Западной Европы до передней и центральной Азіи, служитъ доказательствомъ обмѣна, продолжавшагося и въ періодъ славянскаго разселенія. Для позднѣйшаго времени мы имѣемъ уже обильныя письменныя и нумизматическія указанія въ томъ же смыслѣ.

Съ запада культурныя вліянія шли сначала отъ Кельтовъ, позже отъ Римлянъ, непосредственно или при посредствѣ германскихъ племенъ. Латинскія и кельтскія названія въ большомъ числѣ встрѣчаются въ общеславянскомъ запасѣ культурныхъ словъ; германскія заимствованія, въ недавнее время обратившія на себя особенное вниманіе,—также. Археологія даетъ доказательства широкихъ сношеній съ западомъ и юго-западомъ въ эпоху предъ славянскимъ разселеніемъ въ видѣ чрезвычайно многочисленныхъ находокъ римскихъ монетъ,—преимущественно серебряной монеты конца I, затѣмъ II и III вѣковъ по Р. Х.; особенно часты и богаты такія находки въ среднемъ Поднѣпровьѣ (по обѣимъ сторонамъ Днѣпра), а также на Волыни и въ области Днѣстра. Торговыя сношенія приносили эту римскую монету съ запада, съ Черноморья и изъ балканскихъ провинцій. Колонизаціонныя передвиженія II—III вв., очевидно, не остановили этихъ сношеній, и только въ IV—V в. они ослабѣваютъ: монеты этого времени встрѣчаются лишь изрѣдка.

Украинскія племена, разселившись въ новой территоріи, овладѣли этими извѣчными торговыми дорогами. Данныя IX—X в. даютъ намъ довольно полный обзоръ торговыхъ сношеній, какъ они развились уже въ рукахъ нашихъ племенъ.

Первою торговою артеріею въ этотъ періодъ выступаетъ, какъ называетъ ее кіевскій лѣтописецъ, „путь изъ Варягъ въ Греки“,—Днѣпръ. Связанный съ именемъ Константина Порфиророднаго византійскій трактатъ „Объ управленіи государствомъ“ (средины X в.) описываетъ купеческіе караваны, ежегодно снаряжавшіеся изъ Кіева въ Константинополь: жители лѣсныхъ приднѣпровскихъ областей строятъ зимою лодки и съ первою водою спускаютъ ихъ въ Кіевъ и другіе торговые города, гдѣ продаютъ русскимъ купцамъ. Эти послѣдніе изъ разныхъ торговыхъ пунктовъ системы Днѣпра и сосѣднихъ—изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода и др., съѣзжаются со своими товарами въ Кіевъ. Въ этомъ послѣднемъ, пока снаряжались суда и стягивались изъ разныхъ мѣстъ купцы и товары, можно представить огромную ярмарку, на которой сводились счета, перепродавались товары, устанавливались цѣны. Въ іюнѣ караваны двигаются изъ Кіева; послѣдній сборный пунктъ—подъ Витичевымъ, ниже Кіева, гдѣ собираются всѣ суда, чтобы плыть однимъ большимъ вооруженнымъ караваномъ далѣе: въ это время черноморскія степи были въ рукахъ Печенѣговъ, и нужно было вооруженною рукою охранять отъ нихъ караваны, особенно въ нѣкоторыхъ болѣе опасныхъ мѣстахъ. Выйдя въ Черное море, суда плыли вдоль его берега въ Константинополь, который въ X в. былъ главнымъ рынкомъ на этомъ „греческомъ“ пути.

Купцовъ изъ Руси тамъ бывало по нѣсколько сотъ, считая со слугами. Они приходили, очевидно, съ весенними караванами и оставались въ Константинополѣ мѣсяцами: оставаться на болѣе продолжительное время не позволяло имъ византійское правительство, вообще очень тяготившееся русскою колоніею и окружавшее ее всяческими стѣсненіями полицейскаго характера, опасаясь, чтобы подъ именемъ купцовъ не проникали въ Константинополь разные военные авантюристы.

Предметы южной торговли можно установить довольно точно: изъ греческихъ городовъ шли фабрикаты—„паволоки“ (шелковыя узорчатыя ткани), парча и другія дорогія матеріи, произведенія греческаго ювелирнаго искусства („всяко узорочье“), стеклянныя издѣлія, пряности, вино

и южные фрукты. Все это ввозилось для продажи въ сѣверныя и западныя земли и для собственнаго обихода: въ украинскихъ находкахъ встрѣчаемъ очень часто византійскіе фабрикаты, особенно издѣлія изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, эмалированныя и филигранныя украшенія, узорчатыя шелковыя и златотканныя матеріи. Вліяніе византійскихъ художественныхъ издѣлій на туземную, особенно кіевскую, промышленность, усиленно подражавшую имъ въ XI—XII вв., также свидѣтельствуетъ, какъ распространены были (среди болѣе богатыхъ классовъ) и какъ цѣнились эти византійскія издѣлія. Взамѣнъ ихъ русскіе купцы предлагали Грекамъ дорогіе мѣха, невольниковъ, воскъ. Все это добывалось князьями и ихъ дружиною въ видѣ добычи или дани съ подвластныхъ племенъ, или вымѣнивалось и покупалось на ярмаркахъ отъ скупщиковъ и бродячихъ мѣнялъ.

Система Днѣпра, собиравшая со всѣхъ концовъ сырыя произведенія для вывоза въ Византію, взамѣнъ распространяла византійскіе товары не только въ земляхъ Русскаго государства, но и за предѣлы его. Въ глазахъ кіевлянина XI в. днѣпровская дорога была прежде всего путемъ изъ Византіи къ Варягамъ, въ сѣверно-скандинавскія и сѣверно-нѣмецкія земли.

Образцы арабскихъ монетъ, обращавшихся въ восточной Европѣ (VIII в.).

Путь этотъ раздѣляется на двѣ вѣтви: одна шла съ верхняго Днѣпра двинскими притоками черезъ озеро Ильмень, Ладожское и Неву въ Балтійское море; другая выводила въ то же море Зап. Двиною. Кіевскій лѣтописецъ имѣетъ въ виду первую вѣтвь: она болѣе длинна, но на ней лежалъ главный этапъ русской сѣверной торговли—Новгородъ, между тѣмъ какъ двинская дорога была большею частью въ чужихъ рукахъ.

На западъ главная дорога шла черезъ Галицію и Чехію въ южную Германію. Уже арабскій географъ первой половины IX в. ибнъ-Хордадбегъ упоминаетъ о еврейскихъ купцахъ, говорящихъ „по-арабски, персидски, римски, французски, испански и славянски“; по его словамъ, они ѣздятъ съ запада на востокъ и съ востока на западъ моремъ и материкомъ (черезъ центральную Европу) и привозятъ евнуховъ, невольницъ и невольниковъ, дорогіе мѣха и мечи.

Торговлю украинскихъ земель съ Востокомъ по монетнымъ находкамъ можно констатировать уже съ VI в. (монеты Сассанидовъ). Ибнъ-Хордадбегъ (пол. IX в.) представляетъ эту торговлю уже въ полномъ развитіи: русскіе купцы ѣздятъ по Каспійскому морю и торгуютъ въ побережныхъ городахъ или изъ южныхъ портовъ Каспійскаго моря везутъ товары на верблюдахъ въ самый Багдадъ. Прежде чѣмъ украинская торговля достигла такой активности, восточными рынками для нея служили— хозарскій Итиль на нижней Волгѣ и болѣе, вѣроятно, поздній Болгаръ— на средней (около Казани). Эти города и въ X в., когда украинскіе купцы вели уже самостоятельно торговыя сношенія съ восточными землями, оставались важными торговыми пунктами.

Товары, покупавшіеся арабскими купцами отъ восточно-европейскихъ, очень подробно перечисляетъ арабскій писатель конца X в. Мукадесси:

на первомъ планѣ стоять и тутъ дорогіе мѣха и невольники, а также кожи, дерево и янтарь. Отъ Арабовъ покупались шелковыя матеріи, металлическія и спеціально ювелирныя издѣлія, пряности и южные фрукты; однимъ словомъ, характеръ торговли тотъ же, что и съ Византіей. Судя по находкамъ восточныхъ монетъ (очень частымъ и богатымъ), наибольшій расцвѣтъ этой торговли падаетъ на первую половину X в.

Сердцемъ, гдѣ сходились эти главныя торговыя артеріи восточной Европы и второстепенныя дороги, былъ Кіевъ. Стоя на главной торговой дорогѣ—Днѣпрѣ, ниже устьевъ его главныхъ притоковъ Припети и Десны, онъ былъ сборнымъ пунктомъ и складомъ для всего, что шло со всей системы Днѣпра, а эта послѣдняя, въ свою очередь, собирала товары съ сосѣднихъ, тѣсно примыкавшихъ къ ней системъ. Небольшіе водораздѣлы тогда не представляли большихъ затрудненій—легкія суда просто переволакивались, а товары переносились на плечахъ рабовъ.

Съ воднымъ путемъ соединялись въ Кіевѣ и сухопутныя дороги: сѣверо-западная — съ Волыни и „изъ Ляховъ"; юго-западная — черезъ Галицію въ Венгрію и Чехію; сѣверо-восточная—на Курскъ, въ бассейнъ верхняго Дона и средней Волги; юго-восточная—на Переяславль, въ область средняго Дона и нижней Волги. Въ Кіевѣ кипѣлъ торговый обмѣнъ, коммерческое и промышленное движеніе; здѣсь былъ нервный центръ великой восточно-европейской равнины въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій послѣ славянскаго разселенія.

Созданныя благопріятными географическими условіями и скрѣпленныя старыми традиціями, оживленныя торговыя сношенія накопляютъ здѣсь культурный опытъ и матеріальныя средства. Здѣсь скопляются запасы товаровъ и капиталы и формируется могущественное сословіе купцовъ-воиновъ. При тогдашнихъ условіяхъ купецъ, держа одной рукой кошелекъ, въ другой долженъ былъ держать мечъ для обороны его; торговля требовала вооруженной охраны, купеческіе караваны отправлялись въ путь съ оружіемъ въ рукахъ, какъ военныя экспедиціи, и въ каждую минуту караванъ такихъ купцовъ-воиновъ былъ одинаково готовъ открыть торгъ или завязать битву, вступить въ выгодную сдѣлку или поискать добычи, взять контрибуцію, наловить невольниковъ. Здѣсь было гнѣздо той „Руси", которую арабскій источникъ IX в. такъ характерно описываетъ: „Русь не имѣетъ ни недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашень; единственный промыселъ ея—торговля соболями; она нападаетъ на земли Славянъ и захватываетъ тамъ невольниковъ, которыхъ продаетъ потомъ въ Итилѣ и Болгарѣ; добыча въ землѣ Славянъ—ея единственное пропитаніе. Когда у Русина рождается сынъ, отецъ новорожденнаго кладетъ предъ ребенкомъ обнаженный мечъ и говоритъ: я не оставлю тебѣ никакого имущества; ты будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь этимъ мечомъ".

Образецъ византійской монеты, обращавшейся въ восточной Европѣ (X в.).

Этотъ кіевскій патриціатъ, сословіе богатыхъ купцовъ-воиновъ, расширяя районъ своихъ торговыхъ сношеній, долженъ былъ въ своихъ видахъ стремиться къ образованію военныхъ силъ, къ созданію политической организаціи для охраны торговыхъ интересовъ. Затѣмъ охрана дорогъ и сношеній переходила сама собою въ покореніе племенъ, расположенныхъ по этимъ торговымъ дорогамъ; собираніе контрибуцій давало цѣнное подспорье торговлѣ и обращалось въ цѣль политической организаціи, создан-

ной этими купцами-воинами и поддерживаемой ими же. Недаромъ имя Руси, т. е. спеціальное имя Кіевской области, прежде чѣмъ стать именемъ государства, становится у иностранныхъ писателей IX—X вѣка (Арабы, Константинъ Порфирородный) именемъ класса купцовъ - дружинниковъ, державшихъ въ своихъ рукахъ торговлю и сношенія восточной Европы и связавшихъ въ государственную организацію свою систему торговыхъ дорогъ и факторій. Кіевская область была очагомъ этого класса купцовъ-воиновъ и сообщила ему свое имя „Руси", а послѣдній, будучи представителемъ государственной организаціи, созданной кіевскимъ патриціатомъ, передалъ имя „Руси" всей государственной системѣ—племенъ и земель, входящихъ въ ея составъ.

Такъ представляется соціально - экономическая обстановка возникновенія „Русскаго", кіевскаго государства на основаніи изученія общественныхъ отношеній X в. въ ихъ современныхъ источникахъ и ретроспективныхъ выводахъ. Въ древнѣйшей кіевской лѣтописи мы имѣемъ традицію о происхожденіи Кіевскаго государства, вкладывающую его исторію въ иныя формы, и объ этой традиціи нужно сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ обратиться къ его исторіи.

Когда кіевскій книжникъ въ половинѣ XI в. взялся за перо, чтобы выяснить себѣ происхожденіе и первые моменты развитія Кіевскаго государства [1]), процессъ его формированія былъ стариною, достаточно отдаленною, о которой въ памяти современниковъ сохранились очень слабыя воспоминанія, отрывочныя имена, стертыя и расцвѣченныя сказочными, легендарными мотивами преданія, наконецъ, разныя догадки и комбинаціи, замѣнявшія реальныя свѣдѣнія. Отрывки или упоминанія объ этихъ преданіяхъ и догадкахъ сохранились въ древнѣйшей кіевской лѣтописи. Тутъ имѣемъ легенду о трехъ кіевскихъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, якобы построившихъ городъ Кіевъ, названный по имени старшаго брата; эти братья представлялись родоначальниками Полянскаго племени и предками кіевской княжеской династіи (слѣды этихъ разсказовъ остались и въ дошедшемъ до насъ текстѣ лѣтописи). Это, конечно, не что иное, какъ т. н. этимологическій миѳъ: изъ названій мѣстностей сдѣланы имена героевъ - епонимовъ, основателей города. Другая легенда разсказывала иначе: на мѣстѣ Кіева существовалъ перевозъ на Днѣпрѣ, перевозчикомъ на немъ былъ нѣкто Кій, поэтому мѣсто называлось Кіевымъ перевозомъ, а городъ, возникшій здѣсь благодаря оживленнымъ сношеніямъ, получилъ имя Кіева.

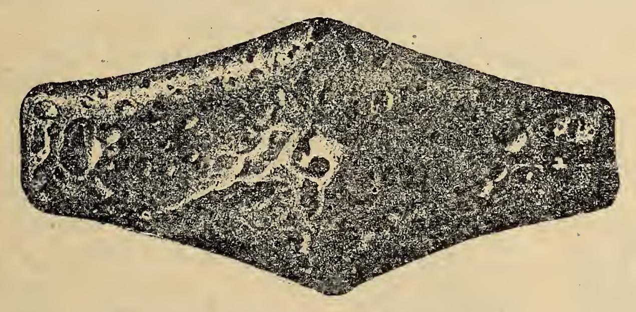
Автора „Повѣсти" эти легенды и комбинаціи не удовлетворили, и

---

[1]) Это произведеніе въ своей первоначальной редакціи кратко описывало событія, кончая, по всей вѣроятности, половиною X в. (Игоремъ) и носило тотъ титулъ, который перешелъ затѣмъ къ его позднѣйшимъ переработкамъ: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ (вѣроятно, переводъ греческаго слова хронографъ), откуда есть пошла Русская земля (т. е. Кіевское княжество, Русь въ тѣсномъ смыслѣ), кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть». Эта первоначальная «Повѣсть» была затѣмъ расширена и продолжена и, перейдя черезъ руки нѣсколькихъ редакторовъ во второй половинѣ XI в., вошла въ составъ исторической компиляціи, древнѣйшей кіевской лѣтописи, по традиціи называемой часто Несторовой лѣтописью, хотя Нестору она, несомнѣнно, не принадлежитъ. Одна редакція ея (сохранившаяся въ сѣверныхъ, великорусскихъ спискахъ, какъ Лаврентьевскій и ему подобные) составлена была въ Кіевѣ въ 1116 г. и доведена до 1110 г.; другая редакція, дошедшая до насъ вмѣстѣ съ южно-русскими продолженіями не имѣетъ такой точной даты, но, несомнѣнно, также принадлежитъ второму десятилѣтію XII в. Лѣтописаніе продолжалось затѣмъ, и въ концѣ XII в. изъ разныхъ записокъ и историческихъ сказаній въ Кіевѣ было составлено продолженіе древнѣйшей лѣтописи, доходившее до 1199 г. Позже къ этому была присоединена хроника событій 1205—1289 гг., составленная отчасти на Волыни, отчасти въ Галиціи. Эта коллекція лѣтописей дошла до насъ въ кодексѣ Ипатьевскомъ (первой четверти XV в.) и ему подобныхъ. Подробнѣе о древнѣйшей кіевской лѣтописи и ея составныхъ частяхъ см. Исторію Украіни-Руси, т. I, экскурсъ 1, а о ея продолженіяхъ—т III, въ послѣдней главѣ.

онъ предложилъ собственную, очень сложную теорію. По его мнѣнію, Русь—это народъ скандинавскій (варяжскій); его привели въ Новгородъ три брата конунги въ концѣ IX в., по приглашенію самихъ Новгородцевъ и ихъ сосѣдей, такъ какъ послѣдніе, освободившись отъ власти завоевавшихъ ихъ передъ тѣмъ варяжскихъ дружинъ, не умѣли установить порядка у себя собственными силами и въ концѣ концовъ порѣшили призвать себѣ правителей изъ варяжскихъ же вождей. Изъ Новгорода эти варяжскіе конунги овладѣли Днѣпровскимъ путемъ и самимъ Кіевомъ и положили начало кіевской княжеской династіи.

Основанія, на которыхъ оперлась эта теорія, довольно ясны. Это, во-первыхъ, традиція о завоеваніяхъ Варяговъ въ сѣверныхъ, финскихъ и славянскихъ земляхъ, и контрибуціяхъ, которыя они тутъ собирали. Далѣе, память о томъ, что въ X и началѣ XI в. въ Кіевѣ были большія дружины Скандинавовъ—Варяговъ, игравшихъ очень важную роль на княжескомъ дворѣ, особенно въ X вѣкѣ, и придававшихъ ему до нѣкоторой степени даже варяжскую окраску. Наконецъ, тотъ фактъ, что эти Варяги, входившіе въ составъ дружины Кіевскаго государства, принимали



Монетная кіевская гривна (полуфунтовый слитокъ).

имя Руси и подъ этимъ именемъ переходили изъ русскихъ земель въ Византію: въ Византіи, въ памятникахъ второй половины XI в., Русь благодаря этому даже является какъ бы другимъ именемъ Варяговъ — „Варяги Русь". Это долженъ былъ знать авторъ „Повѣсти", и это обстоятельство также могло повліять на образованіе его теоріи.

Подъ вліяніемъ этихъ фактовъ и традицій и сложилась у автора „Повѣсти", вообще очень склоннаго къ гипотезамъ и комбинаціямъ (которыя онъ, конечно, передаетъ вполнѣ категоричнымъ тономъ), его теорія, весьма долгое время затѣмъ принимавшаяся за непреложную истину. Очень долго усилія ученыхъ направлялись только на разъясненіе лѣтописнаго разсказа, соглашеніе съ нимъ историческихъ фактовъ, не укладывавшихся въ его рамки. Но послѣ того, какъ обнаружились существенныя невѣрности въ этой теоріи, какъ сталъ яснымъ общій характеръ „Повѣсти", представляющей собою не безыскусственный пересказъ традицій и фактовъ, какъ представляли себѣ прежде, а ученое (для своего времени) построеніе, теорію, полную собственныхъ комбинацій ея авторовъ и редакторовъ, — стало невозможнымъ принимать на вѣру всѣ ея сообщенія, основывая все на ея разсказѣ, что Кіевское государство обязано своимъ возникновеніемъ скандинавскимъ конунгамъ.

Имя Руси указываетъ на Полянскую землю и ея старый центръ— Кіевъ. Географическія, культурныя и экономическія условія подтверждаютъ это указаніе, поясняя, что здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было на восточно-европейской равнинѣ вообще, и въ украинскихъ земляхъ въ частности, должна была почувствоваться нужда въ образованіи постоян-

ныхъ военныхъ силъ, болѣе прочной и интенсивной государственной организаціи, и были на-лицо матеріальныя средства къ ея созданію.

Въ „Повѣсти“ сохранилась память о томъ, что передъ образованіемъ Кіевскаго государства Поляне „быша обидими Деревляны и инѣми окольными“. Дѣйствительно, Кіевъ, расположенный на границѣ Полянской земли, на узкомъ клинѣ между землями Сѣверянъ и Древлянъ, открытый для нападеній днѣпровскихъ пиратовъ, долженъ былъ много терпѣть отъ сосѣдей, и богатые патриціанскіе роды Кіева и ихъ представители, „лѣпшии мужи“, „державшіе“ кіевскую общину и „Русскую“ (Полянскую) землю, рано должны были подумать объ организаціи военныхъ силъ.

Но успѣшное развитіе военныхъ силъ Кіева могло начаться только съ появленіемъ спеціальнаго, постояннаго войска — „дружины“, вмѣсто стараго земскаго ополченія, и это развитіе началось гораздо раньше, чѣмъ представлялъ себѣ авторъ „Повѣсти“. Далекіе морскіе походы Руси, извѣстные намъ изъ иностранныхъ источниковъ уже съ начала IX в., указываютъ, что переходъ къ организаціи постояннаго войска совершился еще раньше, и въ VIII в. Кіевъ обладалъ уже значительными военными силами; стадія пассивной охраны кіевской торговли и торговыхъ путей была оставлена позади, и Кіевская Русь начала пускаться въ смѣлыя и далекія экспедиціи для пріобрѣтенія невольниковъ и добычи.

Въ началѣ IX в. „губительный именемъ и дѣлами своими народъ Русь“, подъ предводительствомъ какого-то, не названнаго по имени воеводы, опустошалъ малоазіатское побережье отъ Пропонтиды до Синопа, какъ сообщаетъ житіе Георгія Амастридскаго, разсказывающее о чудѣ, совершившемся надъ этою Русью въ Амастрѣ, около Синопа. Къ тому же времени — началу IX или концу VIII в. — относятся опустошенія южнаго берега Крыма „русскою ратью“, подъ предводительствомъ „князя Бравлина“. Такимъ образомъ, извѣстный походъ Руси на Константинополь въ 860 г. не былъ самъ по себѣ чѣмъ-либо новымъ. Пользуясь тѣмъ, что имп. Михаилъ со всѣмъ войскомъ отправился въ Малую Азію, Русь явилась тогда на двухстахъ корабляхъ, предъ безоружною столицею; русское войско опустошило предмѣстья Константинополя и привело въ ужасъ его жителей, но вѣсть о возвращеніи императора съ войскомъ принудила его къ отступленію.

Золотая монета Владиміра Святого.

Нѣсколько позже имѣлъ мѣсто походъ Руси на южное побережье Каспійскаго моря: отъ позднѣйшаго историка Табаристана (южнаго берега Каспійскаго моря) узнаемъ, что въ 860—880 гг. Русь приходила походомъ на Абесгунъ (славная въ то время пристань въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря), но мѣстное войско отразило ихъ.

Эти случайно записанныя, случайно сохраненныя для насъ извѣстія даютъ возможность судить, какія далекія экспедиціи предпринимала Русь. Въ дѣйствительности походовъ этихъ въ теченіе IX в., конечно, было гораздо больше. Они могли предприниматься частью населеніемъ черноморскихъ земель, подвластныхъ кіевской Руси, а частью этой послѣдней, или вообще дружинами, такъ или иначе связанными съ Кіевомъ. Авторъ „Повѣсти“ безъ колебанія пріурочиваетъ извѣстныя ему сказанія Византійцевъ о походѣ 860 г. къ Кіеву и Руси кіевской, и это пріуроченіе также имѣетъ цѣнность историческаго документа [1]).

[1]) По всей вѣроятности, къ кіевской Руси также относится записанное подъ 839 г. извѣстіе, что въ этомъ году къ Людовику Благочестивому прибыли послы византійскаго императора Ѳеофила, и съ ними люди, называвшіе себя послами русскаго ко-

Въ IX и особенно X в. цѣнный матеріалъ для кіевскаго войска давали отряды скандинавскихъ выходцевъ „Варяговъ". Это были отличные воины, а какъ элементъ чужеплеменный, онъ былъ очень кстати и тамъ, гдѣ кіевскимъ князьямъ нуженъ былъ вѣрный, съ Кіевомъ ничѣмъ не связанный, союзникъ, — именно въ отношеніяхъ къ кіевскому патриціату и его „старцамъ", политическое значеніе которыхъ должно было умаляться съ возрастаніемъ значенія князя. Въ X вѣкѣ мы видимъ Норманновъ въ большомъ числѣ между боярами кіевскаго князя и его намѣстниками, и варяжское вліяніе на княжескомъ дворѣ было очень сильно вплоть до первой пол. XI в., когда въ Кіевѣ проходитъ мода на Варяговъ. Память объ этой многочисленности и вліятельномъ положеніи Варяговъ въ Кіевѣ въ прежніе времена, какъ я сказалъ, оказала несомнѣнное вліяніе на созданіе историческо-генеалогической теоріи „Повѣсти временныхъ лѣтъ".

Подробнѣе: о торговыхъ сношеніяхъ до-исторической эпохи—«Історія України Руси», т. I, гл. 3 («Кіевская Русь», I), о позднѣйшихъ—гл. 5, о началѣ кіевскаго государства—гл. 7.

ебрянная монета Владиміра Святого.

роля, посланными къ Өеофилу. Өеофилъ просилъ Людовика переслать ихъ отъ себя на родину, такъ какъ изъ Византіи путь имъ былъ прегражденъ какими-то враждебными народами. Вѣроятно, эти дипломатическія сношенія Византіи съ русскимъ правительствомъ были результатомъ нападеній Руси на византійскія земли въ первыхъ десятилѣтіяхъ IX в., подобно тому, какъ и послѣ похода 860 г. византійское правительство высылало на Русь посольства и богатыми подарками старалось удержать русскихъ князей отъ новыхъ походовъ.

Греческая миссія 860-хъ г.г. передъ кіевскимъ княземъ—епископъ обращаетъ князя въ христіанство при посредствѣ чуда съ евангеліемъ.
(Миніатюра изъ византійской рукописи).

V. Кіевское государство въ IX—X вв.—процессъ созиданія.

Далекіе, большіе походы Руси IX в. свидѣтельствуютъ не только о значительномъ развитіи военныхъ силъ, но и заставляютъ предполагать существованіе значительной сферы политическаго вліянія кіевской Руси. Патр. Фотій, впрочемъ, въ своихъ проповѣдяхъ, произнесенныхъ во время осады Русью Константинополя въ 860 г., даетъ и прямое указаніе въ этомъ смыслѣ; онъ говоритъ, что Русь дерзнула напасть на Константинополь послѣ того, какъ покорила своихъ сосѣдей и вслѣдствіе этого стала много о себѣ думать. Источники первой половины X в., позволяющіе заглянуть внутрь этой политической организаціи, вполнѣ подтверждаютъ фактъ существованія уже въ IX в. широкой сферы вліянія и власти кіевскихъ князей.

Изъ первой половины X в. мы имѣемъ цѣликомъ и въ отрывкахъ три договора кіевскихъ князей съ Византіею (907, 911, 944). Сами по себѣ весьма содержательные, они въ связи съ современными арабскими и византійскими извѣстіями и позднѣйшими воспоминаніями „Повѣсти" даютъ намъ довольно ясное представленіе о государственной системѣ, созданной къ этому времени кіевскими князьями.

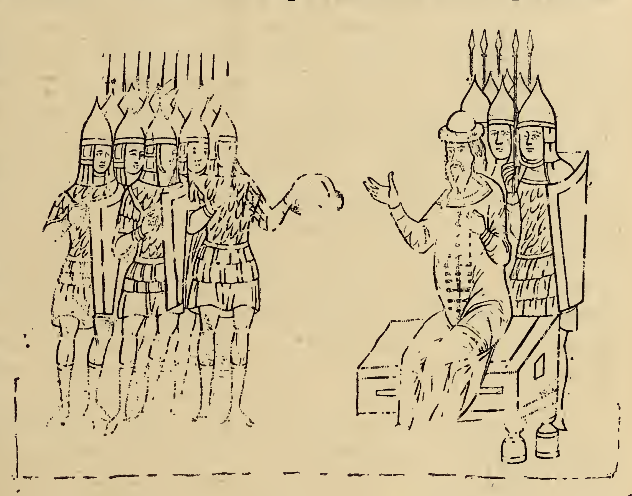
Въ договорѣ 944 г. одновременно съ послами кіевскаго великаго князя выступаютъ послы не менѣе двадцати зависѣвшихъ отъ него „свѣтлыхъ и великихъ князей и великихъ бояръ" (какъ называетъ ихъ договоръ 911 г.). Такое же приблизительно число пословъ видимъ тринадцать лѣтъ спустя въ Константинополѣ съ княгинею Ольгою: очевидно эта система княжествъ и провинцій держалась въ срединѣ X в. довольно устойчиво.

Уже одно число этихъ зависимыхъ княжествъ даетъ представленіе объ обширной сферѣ вліянія кіевскихъ князей. Дѣйствительно, тщательное изученіе историческаго матеріала приводитъ къ выводу, что въ продолженіе IX и нач. X в. (т. е. кончая княженіемъ Олега) Кіевъ уже успѣлъ включить въ сферу своего вліянія почти всю ту территорію, которая вхо-

дила и позже въ составъ Кіевскаго государства. Всѣ восточно-славянскія племена, вмѣстѣ съ нѣкоторыми финскими сосѣдями, стояли уже въ большей или меньшей зависимости отъ Кіева.

Въ началѣ X г. вся днѣпровская артерія на сѣверъ отъ Кіева, съ главнѣйшими своими развѣтвленіями, была, несомнѣнно, уже въ рукахъ кіевскихъ князей. Крайняя торговая станція на этой дорогѣ—Новгородъ—стоитъ подъ властью кіевскаго князя, и князь Игорь, вѣроятно, по ранѣе установившемуся обычаю, посылаетъ туда княземъ своего малолѣтняго сына Святослава во второй четверти X в. Нижнее теченіе Днѣпра было въ рукахъ кіевскихъ князей уже въ концѣ VIII в.—объ этомъ свидѣтельствуютъ черноморскіе походы Руси въ началѣ IX в. Несмотря на натискъ Печенѣжской орды, на устьѣ Днѣпра Русь держалась еще въ серединѣ X в.: договоръ 944 г. обязываетъ Русь не препятствовать Корсунянамъ въ рыболовствѣ на устьѣ Днѣпра.

Сухопутныя и рѣчныя дороги, ведшія на востокъ черезъ земли Сѣверянъ и Вятичей, были также въ рукахъ кіевскихъ князей уже въ IX в. Въ началѣ X в. въ главныхъ центрахъ Сѣверской земли сидятъ уже намѣстники кіевскаго князя, а Русь держитъ въ своихъ рукахъ и область Дона. На это указываютъ походы ея на каспійское побережье, которымъ не сочувствовали, но не могли, очевидно, воспрепятствовать хозарскіе каганы, и совершенно ясныя указанія договора 944 г.: кіевскій князь обѣщаетъ не пропускать Черныхъ Болгаръ, жившихъ на кавказскомъ побережьѣ Азовскаго моря, на крымскій берегъ, гдѣ они разоряли византійскія владѣнія. Очевидно, старая Фанагорія, въ нашихъ памятникахъ называемая Тмутороканью, находилась въ это время уже во власти кіевскаго князя. Другой параграфъ того же трактата, обязывающій русскихъ князей не касаться греческихъ городовъ въ области Херсонеса и не имѣть на нихъ притязаній, даетъ понять, что власть тмутороканскихъ князей переходила и на крымскій берегъ Керченскаго пролива.



Кіевскій князь и его дружина (изъ житія Бориса и Глѣба).

Не столько, можетъ быть, торговые интересы, сколько желаніе обезопасить себя отъ пограничныхъ нападеній, обратило оружіе кіевскихъ князей на покореніе западныхъ сосѣдей, старыхъ обидчиковъ Полянской земли—Древлянъ. Въ первой половинѣ X в. они, несомнѣнно, были уже данниками кіевскихъ князей. Лучанъ, жителей южной Волыни, между подвластными Кіеву племенами называетъ трактатъ Константина Порфиророднаго. Дулѣбовъ и Тиверцевъ „Повѣсть" называетъ вассалами Олега, „толковинами" (такъ назывались автономныя племена, обязанныя только давать военную помощь кіевскому князю), и эта зависимость вполнѣ вѣроятна.

Конечно, различныя части этой огромной территоріи, простиравшейся отъ верхней Волги и бассейна великихъ озеръ до Чернаго моря и ниж-

няго Дона, стояли на очень различныхъ ступеняхъ зависимости отъ кіевскаго князя, какъ то видно отчасти уже и изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, да и вообще вся эта политическая система не отличалась прочностью. Въ наиболѣе тѣсную зависимость были приведены, судя по нашимъ свѣдѣніямъ, славянскія волости по главнымъ торговымъ путямъ и славянскія колоніи въ финскихъ земляхъ, имѣвшія также большое торговое и экономическое значеніе (онѣ собирали контрибуціи сырыми продуктами, прежде всего мѣхами, и вели торгъ съ туземцами). Тутъ расположены были гарнизоны изъ „русской“ дружины и сидѣли „свѣтлые и великіе князья и великіе бояры“—родственники кіевскаго князя или его намѣстники. Цѣлые же округа и племена, болѣе удаленные отъ торговыхъ дорогъ, не представлявшіе торговаго и стратегическаго интереса, были предоставлены сами себѣ, управлялись своими домашними князьями, и зависимость ихъ отъ кіевскаго князя ограничивалась уплатою дани, контрибуцій, или даже только обязанностью посылать войска въ кіевскіе походы.

Вообще, какъ начатки кіевской государственной организаціи были, несомнѣнно, тѣсно связаны съ интересами кіевской торговли, такъ и позже государственные интересы тѣсно сплетались съ торговыми, а купеческій классъ—съ правительственнымъ. Цитированный уже выше разсказъ Константина Порфиророднаго о Русскомъ государствѣ первой половины X в. иллюстрируетъ это очень ярко: русская торговля и управленіе, княжеская дружина и купеческій классъ сливаются здѣсь совершенно. Князья со всею Русью (т. е. со всею дружиною) выходятъ на зиму „на полюдье“ въ подвластныя славянскія земли и тамъ остаются цѣлую зиму, собирая дань: весною „Русь“ стягивается въ Кіевъ и отсюда снаряжаетъ торговые караваны (конечно, не только въ Константинополь, но и на другіе рынки) съ предметами, собранными въ видѣ даней и пріобрѣтенными торговлею. Эта картина слiянія правительственной дѣятельности съ торговлею и торговыми интересами находитъ себѣ полное подтвержденіе въ договорахъ кіевскихъ князей съ Византіею: ихъ главное содержаніе составляетъ обезпеченіе торговыхъ интересовъ. Русскіе князья и бояре—одновременно правительство и негоціанты; кіевская правительственная политика состоитъ на службѣ у торговли, какъ, въ свою очередь, торговля составляетъ ту экономическую основу, на которой опираются князья и правительство.

Расширеніе подвластной территоріи, платящей дани, и умноженіе даней давали возможность содержать болѣе многочисленную дружину. Напр., передавая своему боярину Свенельду дань Уличей, а потомъ Древлянъ, Игорь обезпечиваетъ этимъ содержаніе цѣлаго отряда дружины, содержимаго Свенельдомъ на эту дань. Создавая новые дружинные гарнизоны, содержавшіеся изъ даней и доходовъ, собираемыхъ въ ихъ округахъ, князь получаетъ новые военные отряды, которые въ случаѣ надобности могли быть мобилизованы и двинуты на театръ войны, оставивъ на мѣстѣ только существенно необходимую часть, и въ концѣ концовъ это увеличеніе военной силы давало князю возможность не только расширять сферу своего политическаго вліянія, но и углублять ее, скрѣпляя свое положеніе и относительно кіевскаго патриціата, и въ отношеніяхъ къ подвластнымъ „свѣтлымъ и великимъ князьямъ“ и воеводамъ.

Эволюція Русскаго государства X—XI в. шла именно въ этомъ направленіи расширенія и развѣтвленія системы „русскихъ“ намѣстниковъ и ихъ гарнизоновъ, проникавшей все далѣе и далѣе въ глубь волостей. Въ разсказѣ Константина Порфиророднаго земли новгородскихъ Славянъ, Кривичей, Дреговичей, Древлянъ, Сѣверянъ—это территоріи, куда только временно, зимою, приходятъ русскія дружины съ князьями „на полюдье“. Во внутреннія отношенія земель эти князья еще не вмѣшиваются: земля обязана только дать положенную дань и содержать князя съ дружиною

во время сбора „полюдья". Только постепенно къ сбору дани начинаютъ присоединяться разныя административныя и судебныя функціи. Это очень хорошо иллюстрируетъ позднѣйшій разсказъ кіевской лѣтописи (подъ 1071 г.): въ Бѣлоозеро, въ землю финской Веси, приходитъ бояринъ князя Святослава Янъ Вышатич для собиранія дани; пользуясь этимъ, жители приносятъ ему жалобу на волхвовъ, очевидно, пользовавшихся покровительствомъ домашнихъ властей и обижавшихъ населеніе; Янъ производитъ слѣдствіе, судитъ и казнитъ волхвовъ. Порядки, существовавшіе въ XI в. только въ глухихъ финскихъ краяхъ, въ X вѣкѣ имѣли мѣсто и въ земляхъ славянскихъ.

Управленіе и судъ были источниками доходовъ. Каждый выѣздъ княжескаго намѣстника или его агента на территорію округа сопровождался поборами на содержаніе его и его спутниковъ и сборомъ разныхъ пошлинъ. Поэтому увеличеніе числа княжескихъ намѣстниковъ, учрежденіе военно-административныхъ квартиръ давало новые доходы, возможность содержанія новыхъ отрядовъ дружины, а приростъ дружины, въ свою очередь, давалъ возможность, увеличивая число гарнизоновъ и административныхъ пунктовъ, расширять и усиливать административную сѣть государства.

Этотъ процессъ, конечно, не развивался ровно, безъ скачковъ и колебаній. Государственная машина была еще слишкомъ первобытна и неуклюжа, чтобы дѣйствовать ровно и правильно. Личныя отношенія кіевскаго князя къ его подручникамъ и намѣстникамъ значили слишкомъ много, и перемѣны лицъ на кіевскомъ столѣ, политическія и всякія иныя передряги непосредственно отражались на политической системѣ Русскаго государства, расшатывая и ослабляя ея связи и дѣятельность. „Великіе бояре", отъ себя содержавшіе цѣлые корпуса дружины, какъ упомянутый Свенельдъ, и провинціальные, подручные князья становились иногда слишкомъ сильны, и кіевскій князь долженъ былъ тщательно слѣдить за ними и соразмѣрять силы своей собственной дружины такъ, чтобы онѣ держали этихъ провинціальныхъ князей въ должномъ почтеніи. По смерти кіевскаго князя первые годы правленія его пріемника обыкновенно проходятъ въ домашнихъ войнахъ, походахъ на непокорныя племена и непокорныхъ „русскихъ" князей и намѣстниковъ.

Съ теченіемъ времени, если новый кіевскій князь оказывался на высотѣ своего положенія, онъ упрочивалъ свою власть и наново укрѣплялъ расшатанное зданіе Русскаго государства; непокорныя племена бывали „примучены" и при этомъ приведены въ еще болѣе тѣсную зависимость отъ Кіева: на мѣсто „дани легкой" налагалась „дань тяжка"; непокорные князья и воеводы замѣнялись болѣе надежными подручниками; составъ дружины обновлялся, и среди внутреннихъ войнъ вырабатывались въ ней извѣстныя чувства привязанности и преданности новому князю. Реставрація, такимъ образомъ, сопровождалась болѣе или менѣе значительнымъ движеніемъ въ развитіи и укрѣпленіи государственнаго зданія, и въ концѣ концовъ эти успѣхи обыкновенно завершались болѣе или менѣе значительною серіею далекихъ походовъ въ богатыя, культурныя страны—восточныя или византійскія.

Въ этихъ далекихъ походахъ находила исходъ военная энергія, накопленная предшествующими походами и стараніями князя и не находившая уже приложенія дома, а потому небезопасная для прочности самой государственной машины. Въ случаѣ удачи походъ приносилъ богатую добычу, т. е. большія матеріальныя средства, покрывалъ славою своего главнаго предводителя—кіевскаго князя и поднималъ его престижъ въ глазахъ дружины и подвластныхъ князей. Онъ оживлялъ государственную организацію, собирая воедино разбросанную по всему пространству

государства массу дружины, и давалъ чувствовать единство государственнаго организма. Поэтому походы эти постоянно повторялись отъ времени до времени, пока государственная организація не отяжелѣла, утративъ свой наѣзднический, чисто дружинный характеръ (что случилось во второй половинѣ XI в.).

Такъ представляется въ общихъ чертахъ процессъ развитія кіевскаго государства въ IX—X вв. Въ IX в. мы не имѣемъ возможности пріурочить его къ какимъ либо именамъ: до насъ дошли только оторванныя отъ фактовъ и даже отъ хронологіи имена, какъ „русскій князь Бравлинъ“ (конецъ VIII или начало IX в.), Аскольдъ и Диръ, насильственно соединенные авторомъ Повѣсти въ пару соправителей и пріуроченные къ походу 860 г.; можно догадываться, что былъ гдѣ нибудь въ первой половинѣ IX, что-ли, еще другой князь Олегъ (въ Кіевѣ были двѣ могилы Олега), традиція котораго была перенесена на позднѣйшаго, историческаго Олега и обогатила такою массою событій и легендъ память объ этомъ послѣднемъ.

Историческій князь *Олегъ*, правившій въ Кіевѣ въ концѣ IX и началѣ X в., является первымъ изъ кіевскихъ князей со своею опредѣленною физіономіею. Его время—это эпоха необыкновенныхъ, популярныхъ, изукрашенныхъ легендами походовъ на Византію. Если связанныя въ „Повѣсти“ съ именемъ Олега пріобрѣтенія Кіевскаго государства являются въ значительной степени ученою комбинаціею кіевскаго книжника (и мы разсматривали поэтому ихъ просто, какъ результаты эволюціи Кіевскаго государства на протяженіи IX в.), то этотъ „вѣщій“ князь Олегъ, подъѣзжающій подъ стѣны Константинополя въ поставленныхъ на колеса корабляхъ, заказывающій своей дружинѣ шелковые паруса для кораблей и въ концѣ концовъ умирающій отъ собственнаго коня, какъ живая иллюстрація изреченія Бояна о непреодолимой силѣ рока,—этотъ образъ не мертвое изобрѣтеніе позднѣйшаго книжника, а живое произведеніе народнаго творчества, и съ нимъ нужно съ этой стороны считаться.

Единственная прочная хронологическая дата и историческій документъ изъ времени Олега—это его договоръ съ византійскимъ правительствомъ, заключенный въ 911 г. и цѣликомъ приведенный въ древнѣйшей кіевской лѣтописи.

Судя по широкимъ торговымъ льготамъ, признаннымъ со стороны византійскаго правительства въ этомъ договорѣ 911 г. и въ другомъ, сохраненномъ въ лѣтописномъ пересказѣ съ датою 907 г., этимъ льготамъ должны были дѣйствительно предшествовать какіе-нибудь очень чувствительные удары со стороны Руси. Въ это время могъ дѣйствительно имѣть мѣсто походъ Олега на Византію, описанный съ легендарными подробностями въ „Повѣсти“. Изъ другихъ источниковъ извѣстенъ походъ Руси на Абесгунъ, въ 909/10 г.; онъ окончился неудачею, но въ концѣ 913 г. Русь предприняла новый походъ на востокъ, съ большими силами. Пользуясь мѣстными неурядицами, она въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безпрепятственно грабила земли южнаго Каспійскаго побережья и съ огромною добычею двинулась назадъ, но на возвратномъ пути Хозары отобрали у Руси добычу и истребили значительную часть войска. Эти восточные походы, обойденные молчаніемъ въ „Повѣсти“, оставили, вѣроятно, память въ народной былинѣ о походѣ Вольги (Вольга—Олегъ) на Индѣйское царство, обставленномъ еще болѣе сказочными подробностями, чѣмъ лѣтописная повѣсть о походѣ на Византію. Память о военныхъ подвигахъ и дивныхъ хитростяхъ Олега-Вольги тутъ смѣшивается очевидно съ разсказами о чудесахъ Волхва Всеславьевича. Приготовляясь къ походу на Индѣйское царство, Вольга, обернувшись птицею, подслушиваетъ планы индѣйскаго солтана; обернувшись сѣрымъ волкомъ, да-

витъ его коней; обернувшись горностаемъ, перегрызаетъ тетивы на лукахъ и уничтожаетъ прочее оружіе въ его арсеналѣ, и обезоруживъ такимъ образомъ своего противника, ведетъ на него свою дружины изъ Кіева, беретъ въ полонъ индѣйскую силу и пріобрѣтаетъ несмѣтную добычу.

Послѣ Олега въ „Повѣсти" непосредственно слѣдуетъ *Игорь*. Принадлежалъ ли онъ къ одной династіи съ Олегомъ—мы не знаемъ. По контрасту съ его блестящимъ предшественникомъ Олегомъ и другимъ излюбленнымъ героемъ легенды—его сыномъ Святославомъ, личность и дѣятельность Игоря въ „Повѣсти" представлены въ тонахъ тусклыхъ, вѣроятно,—преувеличенно тусклыхъ. Въ началѣ своего княженія онъ ведетъ войны съ возставшими племенами,—„Повѣсть" знаетъ его войны съ Древлянами и Уличами. Изъ византійскихъ источниковъ извѣстенъ намъ его неудачный походъ на Византію. Флотъ Игоря подошелъ къ Константинополю, но греческая эскадра не пропустила его чрезъ Босфоръ; тогда Игорь направился къ малоазійскому побережью и занялся здѣсь грабежомъ, но подоспѣвшія за это время морскія силы Византіи разгромили корабли Игоря. Эта неудача отразилась на торговыхъ льготахъ русскихъ купцовъ въ Византіи: новый договоръ, заключенный въ 944 г., значительно ограничивалъ льготы, данныя имъ прежде, и, кромѣ того, ставилъ извѣстные предѣлы завоевательной политикѣ кіевскихъ князей въ земляхъ, сосѣднихъ съ крымскими владѣніями Византіи.

Но народная память, расцвѣтивъ своей фантазіею этотъ неудачный походъ на Византію, превратила и его въ добычливое предпріятіе—только Игорь въ согласіи съ общей своей характеристикой не доводитъ дѣла до войны, удовольствовавшись выкупомъ предложеннымъ Греками. Его бояре выступаютъ съ соображеніями о томъ, что всякая война остается рискованною: „кто знаетъ, кто одолѣетъ, мы или они, и съ моремъ кто можетъ уговориться (обезпечиться отъ случайностей)? чего лучше—не бившись взять золото и паволоки?" Игорь уступаетъ такимъ благоразумнымъ совѣтамъ, и этимъ подчеркиваетъ отсутствіе рыцарственности въ своемъ характерѣ.

Дѣйствительно удаченъ былъ походъ Руси на востокъ, предпринятый въ 943/4 г. Походъ этотъ описанъ нѣсколькими восточными писателями, поэтому очень хорошо извѣстенъ. Русь проникла сухимъ путемъ до Дербента, увлекая за собою шайки авантюристовъ, пристававшія къ ней по дорогѣ; отсюда отправилась на корабляхъ къ устью Куры и по этой рѣкѣ проникла до большого и богатаго города Бердаи, овладѣла имъ и производила отсюда набѣги на сосѣднія земли. Пробывъ здѣсь полгода, русскіе полки безпрепятственно, съ богатою добычею, ушли назадъ на корабляхъ. Такъ представляется его фактическая сторона. Въ совершенно фантастическомъ видѣ изобразилъ его позднѣйшій (XII в.) персидскій поэтъ Низами, включивъ это событіе въ качествѣ эпизода въ свою поэму объ Александрѣ Великомъ: противъ Руси, разграбившей окрестности Бердаи и захватившей въ плѣнъ царицу, выступаетъ самъ Александръ Македонскій, Русь идетъ противъ него на слонахъ, „подобные волкамъ и львамъ, не имѣющіе ничего человѣческаго, кромѣ внѣшняго вида". Цѣлый рядъ битвъ вѣнчается въ концѣ концовъ, конечно, побѣдою Александра.

Но конецъ Игоря былъ очень печаленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень характеренъ для отношеній того времени. Богатая дань съ Древлянской земли, отданная Игоремъ Свенельду, возбудила зависть собственной дружины Игоря и, побуждаемый дружиною, Игорь отправился къ Древлянамъ, чтобы сверхъ собранной Свенельдомъ дани вынудить у нихъ контрибуцію еще и для себя. Его вымогательства и насилія вывели Древлянъ изъ себя, и они убили Игоря во время этого „полюдья". Какъ разсказываетъ Левъ Діаконъ, византійскій писатель конца X в., эти бунтовщики разорвали Игоря, привязавъ къ наклоненнымъ вершинамъ двухъ деревьевъ.

Вслѣдствіе малолѣтства сына Игоря, Святослава, по смерти Игоря нѣкоторое время правила его жена *Ольга* съ боярами своего мужа. Изъ ея времени лѣтопись знаетъ два событія. Первое—война съ Древлянами, закончившаяся приведеніемъ возставшей земли въ тѣсную зависимость отъ Кіева; населеніе было наказано избіеніемъ и обращеніемъ въ рабство наиболѣе провинившихся общинъ. Другое событіе—принятіе Ольгою христіанской вѣры. Эти факты переданы въ лѣтописи въ густой легендарной оболочкѣ, представляющей извѣстный параллелизмъ съ легендами объ Олегѣ. Олегъ и Ольга—это пара мудрыхъ и хитрыхъ князей, умѣющихъ всегда и во всемъ постоять за себя и достигнуть своихъ цѣлей той примитивной хитростью, которую такъ высоко цѣнитъ первобытный человѣкъ. Несомнѣнно, созвучность именъ (Ольгъ и Ольга) съ своей формы содѣйствовала уподобленію этихъ двухъ фигуръ въ преданіи, позволяя переносить разные разсказы съ одной на другого; но болѣе глубокая созвучность лежала, очевидно, въ этихъ двухъ типахъ и вела обработку ихъ параллельными путями. Изъ-за позднѣйшей церковной оболочки, покрывшей образъ Ольги благодаря сочетанію церковной традиціи съ народною легендою, выступаетъ образъ хитрой княжны, разработанный последнею въ разсказахъ о томъ, какъ дурачила она темныхъ полѣшуковъ-Древлянъ, и потомъ также точно оставила ни съ чѣмъ прославленныхъ хитрецовъ и каверзниковъ Грековъ—„Ольга мудрѣйшая изъ людей“, какъ характеризуетъ ее потомъ общественное мнѣніе Кіева въ легендѣ о крещеніи Владиміра. Но она не только государыня, но и женщина и это нарушаетъ симметрію съ Олегомъ; какъ женщина, она стойко блюдетъ свою дѣвичью честь (въ позднѣйшей легендѣ о сватовствѣ Игоря), позже свою неприступность вдовы (сватовство древлянскаго князя Мала и византійскаго императора)—всѣми желанная и для всѣхъ недоступная, умѣющая всякаго поставить на свое мѣсто—величайшій комплиментъ для нея какъ для женщины.

Изъ византійскихъ источниковъ извѣстенъ намъ дипломатическій визитъ Ольги въ Константинополь въ 957 г., послужившій, вѣроятно, поводомъ для кіевской легенды. Дипломатическій же характеръ, вѣроятно, имѣла и ея миссія къ имп. Оттону въ 959 г., извѣстная изъ нѣмецкихъ источниковъ. Она была истолкована въ Германіи въ томъ смыслѣ, будто бы Ольга поручила просить присылки епископа и священниковъ на Русь; но извѣстіе это невѣроятно уже тѣмъ, что крещеніе Ольги имѣло характеръ ея личнаго дѣла, и только послѣ крещенія Руси Владиміромъ получило большее значеніе въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній.

Въ началѣ 60-хъ годовъ вступилъ въ управленіе государствомъ *Святославъ*. Несмотря на кратковременность своего правленія, онъ принадлежитъ къ наиболѣе характернымъ и сильно обрисованнымъ фигурамъ среди кіевскихъ князей. Это, такъ сказать, идеалъ дружинности; роль князя-правителя, главы государства, въ дѣятельности Святослава вполнѣ отсупаетъ на второй планъ предъ ролью предводителя дружины, странствующаго рыцаря, и онъ блестяще обрисованъ съ этой стороны въ классическомъ, основанномъ на живой народной традиціи, разсказѣ „Повѣсти“. „Когда князь Святославъ выросъ и возмужалъ, онъ началъ собирать воиновъ—многочисленныхъ и храбрыхъ, ибо и самъ былъ храбръ и легокъ, ходилъ какъ леопардъ, возовъ съ собою не возилъ, ни котловъ, и мяса не варилъ, а тонко изрѣзавъ конину или звѣрину, или говядину, пекъ на угляхъ и такъ поѣдалъ; не возилъ и шатра, а подстилалъ подъ себя подкладъ (подсѣдельникъ), а сѣдло подъ голову; таковы были и воины его. И велъ онъ много войнъ“.

Послѣ нѣсколькихъ походовъ, направленныхъ на расширеніе и укрѣпленіе политической системы Кіевскаго государства (изъ нихъ „Повѣсть“

знаетъ походы, предпринятые для расширенія и укрѣпленія восточныхъ предѣловъ: походы на Оку и Волгу, на Хозаръ, на кавказскихъ Ясовъ и Касоговъ, т. е. Осетинъ и Кабардинцевъ, и покореніе Вятичей), Святославъ очень скоро обратился къ далекимъ военнымъ предпріятіямъ. Очевидно, регентка передала Святославу государственный механизмъ въ очень хорошемъ состояніи, и отъ новаго князя большихъ хлопотъ въ данномъ отношеніи не требовалось. Прелюдіею къ болѣе смѣлымъ предпріятіямъ была война съ Хозарами, загораживавшими русскимъ походамъ дорогу на востокъ. За этимъ походомъ, окончившимся полнымъ разгромомъ Хозарской орды [1]), нужно было ожидать какого нибудь грандіознаго похода на востокъ, вродѣ Игорева, но вниманіе Святослава было неожиданно отвлечено въ другую сторону: императоръ Никифоръ Фока подослалъ къ нему своего агента Херсонесца Калокира съ богатыми подарками, приглашая напасть на Болгарію и завоевать ее для себя.

Переговоры Святослава съ Цимисхіемъ.
(Византійская миніатюра).

Со стороны Никифора это былъ ловкій маневръ, имѣвшій цѣлью натравить Святослава на Болгаръ для ихъ ослабленія, но перспектива завоеванія Болгаріи показалась Святославу очень заманчивою. Можетъ быть, онъ строилъ въ дальнѣйшемъ еще болѣе смѣлые планы относительно самой Византіи; во всякомъ случаѣ со всею энергіею взялся за покореніе Болгаріи. Но когда онъ готовъ былъ дѣйствительно прочно овладѣть Болгаріей, византійское правительство перемѣнило фронтъ, вошло въ союзъ съ Болгарами и обратилось противъ Святослава. Новый императоръ Іоаннъ Цимисхій обложилъ его въ Доростолѣ (Силистріи), и въ концѣ концовъ, не смотря на все свое геройство, очень сочувственно обрисованное не только въ кіевскихъ преданіяхъ, но и въ греческихъ

[1]) Этотъ разгромъ Хозарской орды былъ, впрочемъ, большой ошибкой со стороны Святослава, потому что Хазарія, хотя и сильно ослабленная уже въ то время, все-таки сдерживала тюркское движеніе въ черноморскія степи. Въ виду этого тюркскаго потопа всѣ пріобрѣтенія политики Святослава на юго-восточной границѣ и на Кавказѣ были совершенно эфемерны.

сказаніяхъ—Святославъ принужденъ былъ капитулировать передъ Греками. На возвратномъ пути, на нижнемъ Днѣпрѣ онъ попалъ въ засаду, устроенную Печенѣгами (быть можетъ тоже не безъ иниціативы Грековъ), и былъ ими убитъ (972 г.).

Старшій сынъ Святослава *Ярополкъ*, получившій Кіевъ еще во время болгарской кампаніи, долженъ былъ занять мѣсто отца, но не оказался на высотѣ своего положенія, и его попытки объединенія земель Русскаго государства встрѣтили противодѣйствіе со стороны другого сына Святослава, *Владиміра*, сидѣвшаго въ Новгородѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Святослава, около 980 г., Владиміръ выгналъ Ярополка изъ Кіева и овладѣлъ Кіевскимъ государствомъ.

Первые годы княженія *Владиміра* въ Кіевѣ уходятъ на укрѣпленіе расшатанной въ періодъ раздѣленія и междоусобной борьбы системы Кіевскаго государства. Несомнѣнно, это потребовало отъ Владиміра сильнаго напряженія энергіи; рядъ походовъ его записанъ въ лѣтописи, но онъ, конечно, не даетъ полнаго понятія объ этой кипучей военной дѣятельности новаго кіевскаго князя. Изъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что въ то время какъ Святославъ обращалъ особенное вниманіе на восточныя границы государства, Владиміръ очень много вниманія удѣлялъ западнымъ. Современный польскій документъ даетъ намъ указаніе на западную границу русскаго государства, установленную этими походами Владиміра: на сѣверо-западѣ она доходила до границы Пруссовъ, на юго-западѣ подходила къ Кракову. Здѣсь, на западной границѣ, завязалась борьба за политическое вліяніе съ Польшею, во главѣ которой сталъ тогда талантливый князь Болеславъ; но при Владимірѣ перевѣсъ былъ, очевидно, на сторонѣ Руси.

Весьма важную и трудную работу произвелъ Владиміръ во внутреннихъ отношеніяхъ: онъ не только привелъ въ зависимость отъ себя земли, входившія прежде въ составъ Русскаго государства, но и поставилъ ихъ

Монеты Владиміра (серебряники съ его гербовымъ знакомъ).—Надпись гласитъ: Володимиръ на столѣ а се его серебро.

въ болѣе тѣсную связь съ Кіевомъ, посадивъ во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ ихъ, на мѣсто прежнихъ князей и намѣстниковъ, своихъ многочисленныхъ сыновей. Отсюда беретъ начало династическій принципъ, получающій свое полное развитіе въ послѣдующихъ столѣтіяхъ. Еще болѣе важное значеніе имѣли культурные элементы, введенные Владиміромъ во внутреннія отношенія государства. Созданное внѣшнею силою и не имѣвшее внутренней связи, кромѣ экономическихъ интересовъ созидавшаго и поддерживавшаго его военно-торговаго класса, это государственное зданіе получаетъ при Владимірѣ новые устои, культурнаго и моральнаго характера, въ видѣ новой, заимствованной изъ Византіи, религіи и связаннаго съ нею просвѣщенія, книжности и культуры.

Исходною точкою этого чрезвычайно важнаго въ культурной эволюціи не только украинскихъ племенъ, но и всей восточной Европы явленія были прежде всего политическіе планы Владиміра: стремленіе

поднять престижъ своей власти, пріодѣвъ его византійскимъ ореоломъ. Это было общее стремленіе основателей новыхъ государствъ средневѣковой варварской Европы, искавшихъ средствъ укрѣпить свою власть и съ прискорбіемъ чувствовавшихъ, какъ незначителенъ ихъ авторитетъ въ глазахъ товарищей-вассаловъ и соратниковъ подданныхъ. Между Кіевскими князьями Владиміръ не былъ первымъ на этомъ пути; въ своихъ поученіяхъ сыну имп. Константинъ Порфирородный даетъ ему наставленіе относительно того, какъ слѣдуетъ отдѣлываться, когда владѣтель Хозаръ, Венгровъ, *Руси* или какой нибудь иной варварскій народъ, *какъ то часто бываетъ*, обратится къ нему съ просьбою прислать ему корону или иныя императорскія регаліи, или же породниться съ нимъ. Съ такими просьбами разные варварскіе владѣтели дѣйствительно часто обращались къ императорамъ Рима, какъ западнаго, такъ и восточнаго—Константинополя; этимъ путемъ они стремились позаимствоваться обаяніемъ „вѣчной“ имперіи и ея ореоломъ усилить свой престижъ. Обращались къ нимъ, судя по словамъ Константина, и предшественники Владиміра на кіевскомъ столѣ. Съ такимъ предложеніемъ обратился къ византійскому императору и Владиміръ, съ тѣмъ отличіемъ, что его планы привели къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ, значеніе которыхъ онъ, очевидно, сумѣлъ оцѣнить по достоинству.

Поводъ къ тому далъ самъ императоръ. Византія переживала трудныя времена вслѣдствіе очень опаснаго возстанія, поднятаго племянникомъ покойнаго императора Никифора, Вардою-Фокою, и императоръ Василій обратился за помощью къ Владиміру, какъ то не разъ дѣлали и его преемники, до Никифора Фоки включительно [1]). Владиміръ не отказал въ помощи, но поставилъ свои условія: императоръ Василій и его братъ-соправитель выдадутъ за него свою сестру и—можемъ съ значительною вѣроятностью дополнить разсказъ нашего историка—пришлютъ ему императорскія регаліи [2]). Императоръ потребовалъ, чтобы Владиміръ въ такомъ случаѣ крестился. Владиміръ согласился и дѣйствительно принялъ крещеніе.

Условіе было заключено въ началѣ 988 г.; русскій шеститысячный вспомогательный отрядъ былъ посланъ и сыгралъ важную роль въ подавленіи возстанія; но императоры не спѣшили исполнить свое обѣщаніе. Несмотря на свое могущество, русскій князь въ византійскихъ придворныхъ кругахъ цѣнился не высоко: изъ собранія формулъ императорской канцеляріи мы знаемъ, что грамоты къ кіевскимъ князьямъ писались съ меньшимъ этикетомъ, чѣмъ къ хозарскому кагану, не говоря уже о болгарскомъ царѣ. Выдать „порфирородную дочь порфиророднаго византійскаго императора“ за этого сѣвернаго варвара было весьма тягостнымъ униженіемъ, и византійскій дворъ, очевидно, уклонялся отъ него. Тогда, чтобы принудить его къ исполненію обѣщаній, Владиміръ обратился къ ахиллесовой пятѣ русско-византійскихъ отношеній—крымскимъ владѣніямъ Византіи, которыя она такъ боязливо охраняла трактатами (944 и 971) отъ притязаній кіевскихъ князей. Владиміръ отправился походомъ въ Крымъ и взялъ столицу византійскихъ владѣній—Херсонесъ. Это оказало дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что имперія была снова въ весьма затруднительномъ положеніи. Имп. Василій поспѣшилъ отправить сестру Анну въ Херсонесъ. Тамъ обвѣнчали ее съ Владиміромъ, еще раньше (очевидно, до

---

[1]) Обязательство взаимной помощи Руси и Византіи даже включено было въ трактатъ 944 г.

[2]) Весьма вѣроятно, что отсюда ведетъ свое начало очень популярная легенда о присылкѣ императорскихъ регалій Владиміру, но эта позднѣйшая легенда пріурочиваетъ это событіе къ правнуку Владиміра В.—Владиміру Мономаху. На своихъ монетахъ Владиміръ В. дѣйствительно изображенъ въ императорскихъ регаліяхъ.

крымскаго похода) принявшимъ крещеніе, и Владиміръ возвратилъ Византіи Херсонесъ—„за вѣно", въ качествѣ выкупа за жену.

Будучи выдающимся политикомъ (о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ вся предшествующая его политическая дѣятельность), Владиміръ умѣлъ оцѣнить политическое значеніе христіанства для своей государственной системы, хотя самого его, какъ видимъ, къ крещенію привели чисто политическія комбинаціи. Христіанство было важнѣйшею составною частью византійской культуры, общественной и государственной организаціи Византіи, и Владиміръ, стремясь къ сближенію, къ уподобленію своего государства византійскому, естественно пожелалъ уподобить его и съ этой важной стороны какъ можно ближе. Онъ, очевидно, понималъ, какое огромное политическое значеніе будетъ имѣть распространеніе среди народовъ его государства, съ ихъ разнообразными, примитивными и незаконченными религіозными вѣрованіями, новой культурной религіи съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ и внѣшнимъ блескомъ искусства, съ вполнѣ законченными формами и выработанною іерархіею: распространяемая и покровительствуемая правительствомъ, эта новая религія и въ дальнѣйшемъ должна была держаться княжеской власти, какъ своей опоры, и, связывая новымъ, культурнымъ узломъ племена русской политической системы, должна была укрѣплять ихъ зависимость отъ Кіева и кіевской династіи. Не отрицая вполнѣ мотивовъ нравственныхъ, такъ какъ Владиміръ, несомнѣнно, и самъ стоялъ подъ нравственнымъ воздѣйствіемъ новой религіи,—мы все же въ этихъ политическихъ мотивахъ прежде всего должны искать объясненія той энергіи, съ которою Владиміръ занялся насажденіемъ въ земляхъ Русскаго государства новой религіи и неразрывно связанной съ нею византійской культуры, употребляя для этого все вліяніе своего княжескаго авторитета и не останавливаясь передъ принужденіемъ.

Переломъ, впрочемъ, не былъ рѣзокъ, такъ какъ христіанство было издавна хорошо извѣстно въ болѣе значительныхъ городахъ Русскаго государства, гдѣ группировалось военно-торговое сословіе, имѣвшее возможность близко знакомиться съ христіанской религіей въ своихъ торговыхъ путешествіяхъ по византійскимъ и западно-европейскимъ землямъ. Послѣ похода 860 г. изъ Константинополя была выслана на Русь миссія, обратившая многихъ въ христіанство, такъ что туда былъ затѣмъ посланъ особый епископъ. Вѣроятно, самъ тогдашній князь Аскольдъ былъ христіаниномъ. Въ первой половинѣ X в. была въ Кіевѣ церковь св. Иліи, и въ трактатѣ 944 г. христіане выступаютъ уже значительною группою среди дружины Игоря [1]). Благодаря этому, старанія Владиміра распространить христіанство имѣли полный успѣхъ въ болѣе значительныхъ, особенно южныхъ городахъ; внѣ же ихъ оно распространялось, конечно, медленно и туго.

Владиміромъ заложены были начатки организаціи русской церкви: основана митрополичья и нѣсколько епископскихъ каѳедръ. Создано было нѣсколько монументальныхъ памятниковъ церковнаго зодчества (какъ Десятинная церковь въ Кіевѣ). Привезенныя изъ Херсонеса и поставленныя въ Кіевѣ бронзовыя фигуры коней и статуи обнаруживаютъ во Владимірѣ желаніе пріобщить Русь и къ свѣтскому византійскому искусству. Объ интересѣ къ распространенію византійскаго образованія свидѣтельствуетъ приведенное въ лѣтописи извѣстіе о томъ, что Владиміръ забиралъ дѣтей у лицъ высшихъ сословій и отдавалъ ихъ „на ученіе книжное",—очевидно, съ цѣлью приготовить не духовныхъ, а вообще образо-

[1]) Послѣднія раскопки въ оградѣ Десятинной церкви, судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, тоже дали указанія на существованіе христіанскаго кладбища здѣсь въ непосредственномъ сосѣдствѣ княжескаго двора въ эпоху до крещенія.

ванныхъ людей. Эти стремленія его — ввести Русь въ кругъ интересовъ тогдашняго культурнаго, византійскаго міра—не были напрасны: уже среди первыхъ поколѣній кіевскихъ учениковъ мы видимъ человѣка, стоящаго вполнѣ на высотѣ современной византійской культуры, въ лицѣ митроп. Иларіона, автора похвальнаго слова Владиміру.

Такъ полагались основы новыхъ элементовъ, связавшихъ разноплеменныя провинціи Кіева новою, культурною, могущественною связью, пережившею и самое Кіевское государство. Рука объ руку съ нею шла другая могущественная связь, также еще только зарождавшаяся тогда, въ видѣ единства политико-общественнаго уклада, общественныхъ отношеній и права, впослѣдствіи тоже глубоко проникшихъ въ жизнь земель государства. Съ Владиміра начинается этотъ замѣтный въ эволюціи Кіевскаго государства переходъ отъ князей-насильниковъ, сбивавшихъ свое государство вооруженною силою, къ князьямъ съ болѣе выраженнымъ характеромъ правителей. Дѣдъ Владиміра погибъ, какъ хищный наѣздникъ, „яко волкъ всхищая и грабя"; отецъ сложилъ свою голову въ далекомъ походѣ, какъ странствующій рыцарь; Владиміръ умираетъ въ своей столицѣ, и люди оплакиваютъ его: „бояре акы заступника земли ихъ, убозии акы заступника и кормителя". За князьями-насильниками пришелъ князь, обратившій свою дѣятельность на подведеніе культурныхъ фундаментовъ подъ зданіе, воздвигнутое его предшественниками; въ этомъ его историческое значеніе.

Занятый этою внутреннею созидательною работою во вторую половину своего продолжительнаго правленія [1]), Владиміръ, очевидно, менѣе вниманія обращалъ на экстенсивную, внѣшнюю политику, предоставивъ послѣднюю сыновьямъ, разсаженнымъ именно въ наиболѣе небезопасныхъ, требовавшихъ особеннаго вниманія, пунктахъ государства. Въ народной памяти (въ былинахъ) онъ сохранился въ видѣ „ласковаго" князя, занятаго пирами въ своей столицѣ; вокругъ этого образа группируются разсказы Владимірова цикла о подвигахъ бояръ Владиміра, занятыхъ походами и трудами на пользу русской земли, между тѣмъ какъ самъ онъ въ этихъ разсказахъ играетъ пассивную роль изнѣженнаго сибарита. Народная память не сумѣла оцѣнить по достоинству значенія мирной дѣятельности Владиміра.

Кирпичъ изъ развалинъ Десятинной церкви въ Кіевѣ, съ геральдической фигурой, повторяющейся на монетахъ Владимира.

---

[1]) Онъ умеръ въ 1015 году (15 іюля).
Подробнѣе: „Історія України-Руси", т. I, гл. 7 и 8.

Серьги «Кіевскаго типа». Изъ клада, найденнаго въ Кіевѣ близъ Софійскаго собора.

VI.

IV. Кіевское государство въ XI—XII вв.—процессъ разслоенія.

Время Владиміра Св. или Великаго было кульминаціоннымъ пунктомъ во внѣшнемъ процессѣ образованія Кіевскаго или Русскаго государства, въ его, такъ сказать, механической эволюціи. Процессъ, который можно въ противоположность ему назвать химическимъ — процессъ проникновенія и углубленія въ жизнь провинцій этого государства выработанныхъ имъ политическихъ, общественныхъ, правовыхъ и культурныхъ формъ,—развивался еще интенсивнѣе въ теченіе послѣдующихъ столѣтій. Но самый организмъ государства, очевидно, разрушался, ослабѣвала сила его внутренняго сцѣпленія, его жизненная энергія и экстенсивная способность. Это—процессъ разложенія, такой же медленный, какъ и процессъ созиданія: съ періодами ослабленія и остановками онъ растянулся почти на два столѣтія.

Два момента обозначаются въ этомъ процессѣ: обособленіе отдѣльныхъ земель, входившихъ въ составъ Кіевскаго государства, и ослабленіе самого центра—Кіева. Слѣдствіемъ былъ полный упадокъ значенія кіевскихъ князей. Въ этомъ направленіи агонія стараго Кіевскаго государства закончилась уже въ первой половинѣ XIII в., но, благодаря созданію новаго политическаго центра, притянувшаго къ себѣ часть украинскихъ земель (Галицко-Волынское государство), государственная жизнь въ украинскихъ земляхъ продлилась слишкомъ столѣтіе.

Остановки или задержки въ процессѣ разложенія кіевской государственной системы были результатами болѣе или менѣе счастливыхъ усилій отдѣльныхъ членовъ кіевской династіи — возстановить старую государственную систему. Эти усилія почти въ продолженіе цѣлаго столѣтія по смерти Владиміра задерживаютъ или ослабляютъ процессъ разрушенія, но вернуть Кіевское государство ко временамъ Владиміра не удавалось никому, какъ вообще не удаются такія попытки повернуть назадъ колесо исторической эволюціи.

Самъ Владиміръ умеръ передъ заревомъ семейной усобицы, собираясь походомъ на непокорнаго сына Ярослава. Его смерть была началомъ кровавой борьбы за власть среди его сыновей, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ. Побѣда въ ней достается тому же *Ярославу* [1]), правленіе котораго представляетъ ослабленное повтореніе правленія его отца,

---

[1]) Утверждается прочно на кіевскомъ столѣ съ 1019 г.

характеризуясь тѣмъ же вниманіемъ къ западнымъ границамъ государства, тою же борьбою съ кочевниками и усиленными заботами, посвященнымя развитію культурныхъ начинаній, выдвинутыхъ его отцомъ. Однако, Ярославу не удается объединить въ своихъ рукахъ всѣ земли, принадлежавшія Кіевскому государству при его отцѣ. Прежде всего, ему пришлось подѣлиться отцовскими землями съ братомъ Мстиславомъ, побѣдившимъ его въ рѣшительной битвѣ: Ярославъ уступилъ ему землю по лѣвой сторонѣ Днѣпра. Смерть Мстислава, не оставившаго наслѣдниковъ, вернула Ярославу эти земли обратно (1036), но и послѣ этого одна изъ значительныхъ волостей осталась внѣ владѣній Ярослава — Полоцкая земля Изяслава Владиміровича [1]).

По смерти Ярослава (1054 г.) собранныя имъ земли раздѣлились на шесть частей между его потомствомъ, и уже никому изъ его сыновей и внуковъ, несмотря на всѣ ихъ старанія не удалось собрать земли стараго Кіевскаго государства даже въ той мѣрѣ, въ какой удалось это Ярославу. Династія все разрасталась, а вмѣстѣ съ тѣмъ все больше раздроблялось наслѣдіе Владиміра. Изъ семьи Святослава Игоревича уцѣлѣлъ только одинъ Владиміръ, изъ сыновей Владиміра — уже два (былъ и третій, но онъ былъ лишенъ владѣній); отъ сыновей Ярослава пошло уже цѣлыхъ пять династій! Распространеніе христіанскихъ понятій дѣлало невозможнымъ простое избіеніе претендентовъ, практиковавшееся прежде, и число князей возрастаетъ безпрерывно.

Съ другой стороны, и земли, входившія въ составъ Русскаго государства, перестаютъ быть безучастными зрителями княжескихъ отношеній. По мѣрѣ того, какъ государственная организація проникала глубже въ жизнь земли, земли все болѣе и болѣе проявляютъ стремленіе не только приноровиться къ новымъ государственнымъ отношеніямъ, но и приноровить ихъ къ своимъ интересамъ, и на почвѣ новаго, княжеско-дружиннаго уклада возобновить свою отдѣльную жизнь, обособиться въ автономныя политическія тѣла. Княжеско-дружинный строй локализуется, изъ потомства Владиміра В. образуются мѣстныя, земскія династіи, которыя, не имѣя возможности опереться исключительно на свои, сравнительно небольшія дружины, ищутъ опоры въ самомъ населеніи, въ землѣ, прислушиваются къ голосу ея вѣча, стараются пріобрѣсти симпатіи ея и часто дѣйствительно успѣваютъ въ этомъ. Въ результатѣ кіевскимъ князьямъ, собирателямъ наслѣдства Владиміра В., приходилось вести борьбу не только съ князьями отдѣльныхъ земель, но и съ самими землями, отстаивающими свою обособленность, и центростремительная энергія

---

[1]) Вотъ таблица важнѣйшихъ (для исторіи Украины) линій и вѣтвей потомства Владиміра:

Владиміръ † 1015

- Изяславъ † 1001 (линія полоцкая)
  - Владиміръ † 1052
    - Ростиславъ † 1065 (линія галицкая)
- Мстиславъ † 1038
- Ярославъ † 1051
  - Изяславъ † 1077
    - Святополкъ † 1113 (князья турово-пинскіе)
  - Святославъ † 1076
    - Давидъ † 1123
    - Олегъ † 1115 (линія черниговская)
  - Всеволодъ † 1093
    - Мономахъ † 1152
      - Мстиславъ † 1132
        - Изяславъ † 1154 (кн. волынскіе)
        - Ростиславъ † 1168 (линія смоленская)
      - Юрій † 1157 (линія суздальская)

старой государственной машины ослабляется также и этими центробѣжными стремленіями земель.

На первыхъ порахъ энергія собирателей все-таки преодолѣвала эти препятствія до нѣкоторой степени, достигая отъ времени до времени значительныхъ успѣховъ. Изъ трехъ сыновей Ярослава (Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ), занимавшихъ кіевскій столъ, особенно младшій *Всеволодъ* (1078—1093) ловкою и осторожною политикою успѣлъ собрать значительную часть отцовскихъ земель: ему принадлежали княжества Кіевское, Черниговское и Переяславское (ядро Кіевскаго государства), Смоленскъ и Поволжье, т. е. большая часть наслѣдства Ярослава. Но это не было спокойное и прочное владѣніе: Всеволоду до самой смерти приходилось выдерживать борьбу съ младшими родственниками, по наслѣдству претендовавшими на тѣ или другія волости, захваченныя Всеволодомъ, и призывавшими на помощь орды Половцевъ.

Владиміръ посылаетъ Бориса противъ печенѣговъ. Внизу—приближенные скрываютъ смерть Владиміра (изъ житія Бориса и Глѣба).

Сынъ Всеволода, *Владиміръ Мономахъ*, продолжалъ осторожную политику отца. Уступивъ по смерти отца Кіевъ своему старшему двоюродному брату Святополку, онъ получаетъ этотъ столъ по его смерти (1113) и, утративъ однѣ земли изъ отцовскаго наслѣдства, пріобрѣтаетъ рядъ другихъ. Въ общемъ его владѣнія были все же меньше отцовскихъ: наиболѣе чувствительна для кіевскаго стола была утрата Черниговской земли; политическое единство средняго Поднѣпровья было утрачено безвозвратно. Зато господство Мономаха надъ оставшимися за нимъ землями было болѣе прочнымъ сравнительно съ отцовскимъ, такъ какъ рядомъ походовъ, предпринятыхъ по его иниціативѣ, была сломлена сила Половцевъ, у которыхъ искали помощи обезземеленные претенденты (князья-изгои). Это доставило ему громкую популярность. Сохранившіеся обломки поэтическихъ произведеній прославляютъ этотъ тріумфъ Руси надъ степными хищниками, когда

Погубилъ Мономахъ поганыхъ Измаильтянъ
Загналъ Отрока [1]) за Желѣзныя врата [2]).

---

[1]) Половецкаго хана. [2]) Дербентъ.

А Сырчанъ [1]), оставшись у Дона, рыбою питался [3]).
Тогда пилъ Володиміръ Донъ златымъ шеломомъ,
Пріявъ землю всю и загнавъ окаянныхъ Агарянъ.

На кіевскомъ столѣ Мономахъ пользовался большимъ вліяніемъ, держалъ въ повиновеніи прочихъ князей и сумѣлъ передать Кіевъ послѣ себя непосредственно своему старшему сыну Мстиславу.

Мстиславъ (1125—1132) также умѣлъ поддержать отцовскій престижъ. Это—послѣдній князь на кіевскомъ столѣ, поддерживавшій старыя традиціи, умѣвшій держать если не въ повиновеніи, то въ границахъ почтенія прочихъ князей. Полоцкихъ князей, когда они не прислали ему своихъ полковъ въ помощь противъ Половцевъ, Мстиславъ лишилъ вла-

Монеты Святополка съ его портретомъ и гербомъ.

дѣній и выслалъ въ Византію. Его личныя владѣнія, однако, были уже сравнительно вовсе не велики: кромѣ Кіева, онъ владѣлъ Новгородомъ, Смоленскомъ и послѣ упомянутаго инцидента—также Полоцкомъ. Авторитетъ этого князя опирался больше на его личныя качества и на почтительное отношеніе къ нему братьевъ, получившихъ остальныя земли изъ наслѣдства Мономаха.

Братъ *Ярополкъ* (1132—8), замѣнившій Мстислава на кіевскомъ столѣ, не имѣлъ уже этого престижа. Вопросъ о преемствѣ кіевскаго стола посѣялъ раздоръ между потомствомъ Мономаха и вызвалъ борьбу между сыновьями Мстислава и младшими его братьями. Пользуясь этою распрей, черниговская династія—потомство Святослава Ярославича—поднимаетъ голову послѣ долговременнаго подчиненія авторитету династіи Всеволода и предъявляетъ также притязанія на кіевскій столъ, который династія Мономаха хотѣла сохранить исключительно для себя. По смерти Ярополка черниговскій князь *Всеволодъ Ольговичъ*, дѣйствительно, успѣлъ захватить Кіевъ и сохранить его за собою до смерти.

По смерти Всеволода (1139—1146) начинается еще болѣе ожесточенная борьба князей за Кіевъ. Съ линіей Мстислава соперничаютъ потомки младшаго Мономаховича Юрія (линія суздальская) и черниговская династія Очень дѣятельное участіе, особенно сначала, пока была надежда распутать эту усобицу, принимаетъ въ борьбѣ и само кіевское населеніе, желая помочь утвердиться на кіевскомъ столѣ династіи Мстислава: Изяславу Мстиславовичу, потомъ его брату Ростиславу и сыну Мстиславу. Населеніе хотѣло превратить Кіевскую землю подъ владѣніемъ этой династіи въ такое же обособленное и замкнутое государство, въ какія превратились уже нѣкоторыя другія земли.

Но исключительное значеніе Кіева, какъ самаго большого и богатаго города, старой столицы, съ которой связывались традиціи о первенствѣ и власти надъ прочими князьями, препятствовало этимъ стремленіямъ: другія династіи не хотѣли допустить, чтобы Мстиславичи обратили Кіевъ въ свое исключительное владѣніе. Положеніе запутывалось еще

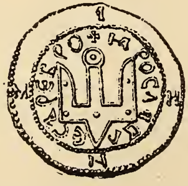
---

[3]) Для кочевника, привыкшаго питаться продуктами стада—самая жалкая пища

болѣе вслѣдствіе отсутствія выработаннаго и признаннаго порядка преемства: принципъ наслѣдованія въ прямой линіи (отъ отца къ сыну) сталкивался съ принципомъ родового старшинства (преемства отъ брата къ брату, и только послѣ младшихъ дядей къ старшимъ племянникамъ). Тридцать пять лѣтъ (1146—1181) проходятъ въ безпрестанныхъ смѣнахъ князей и почти безпрерывныхъ войнахъ за Кіевъ, чрезвычайно тяжело отражающихся на благосостояніи города и земли, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые претенденты (изъ династій суздальской и черниговской) призывали, въ качествѣ союзниковъ, половецкихъ хановъ въ свои походы на Кіевъ, и эти нападенія половецкихъ полчищъ страшно разоряли землю. Нѣсколько разъ подвергается болѣе или менѣе сильнымъ погромамъ самый Кіевъ.

Кіевъ и Кіевская земля вообще въ продолженіе XII в. быстро приходятъ въ упадокъ. Много причинъ способствовало этому. Тюркскій натискъ подорвалъ благосостояніе Полянской земли: за исключеніемъ сѣвернаго угла, она нѣсколько разъ превращалась въ пустыню; населеніе отливало; хозяйство было въ разстройствѣ, и этотъ упадокъ благосостоянія земли отражался, конечно, очень сильно на его старой столицѣ. Торговля очень терпѣла отъ упадка южныхъ и восточныхъ торговыхъ дорогъ, на которыхъ движеніе было, если не прекращено вовсе, то сопряжено съ большими трудностями и вообще ослабѣло послѣ того, какъ тюркскія орды утвердились въ степяхъ и вытѣснили оттуда славянское населеніе. Обособленіе земель—бывшихъ провинцій Кіева, развившихъ въ себѣ свои собственные центры и оттянувшихъ значительную часть военно-торговаго класса, этой „Руси“, безраздѣльно тяготѣвшей прежде къ Кіеву, вліяло тоже на ослабленіе послѣдняго. И къ довершенію всего—полстолѣтія безпрерывныхъ смутъ, войнъ за кіевскій столъ, разореній земли и самого города. Богатство и блескъ Кіева начали исчезать, а это, въ свою очередь, отражалось и на его политической роли.

Младшая, суздальская линія Мономаховичей, сыновья Юрія, которые, какъ младшіе дядья, по родовымъ счетамъ имѣли старшинство передъ старшими племянниками изъ династіи Мстислава, начинаютъ пренебрегать Кіевомъ. Они претендуютъ на старѣйшинство, требуютъ покорности отъ южныхъ, украинскихъ князей, но въ Кіевѣ княжить не желаютъ. Они остаются въ своихъ великорусскихъ владѣніяхъ — землѣ Ростово-Суздальской – и стремятся поднять до значенія новаго политическаго центра эту свою волость и ея новую столицу — Владиміръ на Клязьмѣ. Предоставляя Кіевъ разнымъ младшимъ родственникамъ, они стараются всячески держать ихъ и Кіевъ въ подобающемъ почтеніи и умышленно содѣйствуютъ упадку Кіева. Въ 1169 г. войско Андрея Юрьевича во время войны съ кіевскимъ княземъ Мстиславомъ жестоко разорило Кіевъ, очевидно умышленно, — чтобы еще болѣе подорвать его значеніе. Когда въ 1180—90 гг., послѣ безконечныхъ войнъ, установился компромиссъ между династіею Мстислава и черниговскими князьями, и въ Кіевской землѣ водворилось на нѣкоторое время спокойствіе, братъ и преемникъ Андрея, Всеволодъ, умышленно перессорилъ южныхъ князей, очевидно, опасаясь, чтобы Кіевъ и его князья не усилились и не вышли изъ-подъ его вліянія. Его старанія увѣнчались успѣхомъ, началась новая смута, новая борьба за Кіевъ, и среди нея, въ началѣ XIII в., Кіевъ подвергся снова сильнѣйшему разоренію.



Монета Ярослава съ изображеніемъ св. Георгія, его патрона.

Въ первой половинѣ XIII в. Кіевъ уже совершенно отходитъ на второй планъ. Сильнѣйшіе и болѣе дальновидные князья, какъ упомянутый Всеволодъ или Романъ, сынъ Мстислава Изяславича, уже пренебрегаютъ имъ, какъ позиціею безнадежною, и создаютъ новые политическіе центры: Всеволодъ—въ Ростово-Суздальской землѣ, Романъ—въ Галицко-Волынскомъ княжествѣ, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Борьба за Кіевъ идетъ дальше, но борются за него только менѣе значительные князья: изъ черниговской династіи и изъ потомства Изяслава Мстиславича. Наконецъ, новое азіатское нашествіе — Монгольско-татарской орды въ серединѣ XIII в. окончательно подрываетъ всякое значеніе Кіева и разрушаетъ государственную организацію земли, дезорганизуя княжеско-дружинный укладъ на всемъ пространствѣ предстепного средняго Поднѣпровья.

Новое нашествіе вышло изъ самой глубины центральной Азіи, гдѣ въ началѣ XIII в. зарождается монгольское государство Темуджина. Конфликтъ его съ Ховарезмомъ (нынѣ Хива) обратилъ (въ 1219 г.) его завоевательные планы на западъ. Полководцы Темуджина выступили съ проектомъ завоеванія черноморскихъ степей, представлявшихъ продолженіе только что покореннаго Туркестана. Монгольское войско черезъ Кавказскій перешеекъ прошло въ донскія степи и здѣсь въ 1222 г. разгромило Половецкую орду. Старый половецкій ханъ Котянъ обратился къ украинскимъ князьямъ съ просьбою о помощи. Князья порѣшили помочь Половцамъ противъ новой орды, болѣе могущественной и дикой, и двинули свои войска въ донскія степи. На рѣкѣ Калкѣ (теперь Калецъ, ок. Маріуполя) произошла битва, гдѣ Половцы и украинскіе князья потерпѣли страшное пораженіе (1223). Этотъ походъ ввелъ западный Кипчакъ въ завоевательные планы Темуджина, и его завоеваніе стало только вопросомъ времени. По смерти Темуджина осуществленіе этого плана выпало на долю его внука Бату.

Съ большимъ войскомъ, составленнымъ главнымъ образомъ изъ тюркскихъ народностей (въ украинскихъ и вообще восточно-европейскихъ источникахъ они называются Татарами), Бату двинулся въ Поволжье и, пройдя въ продолженіе 1236—8 гг. опустошительнымъ походомъ все

Ярославъ и его сыновья (фреска кіевскаго собора св. Софіи, нынѣ уничтоженная,—зарисована въ 1651 г.).

пространство до верховьевъ Волги, повернулъ затѣмъ въ черноморскія степи—покончить съ Половцами. Болѣе мелкіе походы—на Кавказъ и на пограничныя украинскія земли, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, заняли Бату на нѣкоторое время послѣ половецкаго погрома (1238—9 г.). Во время этихъ походовъ разорены были Черниговъ и Переяславъ и опустошены сосѣднія мѣстности. Затѣмъ осенью 1240 г. Бату двинулся со всѣми силами на западъ, за Днѣпръ и

въ началѣ декабря обложилъ и взялъ Кіевъ, несмотря на очень энергичное сопротивленіе Кіевлянъ. Столицы Галицко-Волынской земли, Галичъ и Владиміръ, были также взяты и страшно опустошены. Весною 1241 г. Бату былъ уже въ Венгріи и намѣревался здѣсь прочно устроиться, но извѣстіе о смерти главнаго хана Огодая заставило его поспѣшить въ Азію. Бату расчитывалъ занять великоханскій престолъ, но не успѣлъ въ этомъ и остался въ Кипчакѣ. Его столицею сдѣлался г. Сарай на нижней Волгѣ, и здѣсь расположилась главная Орда. Другія три орды—въ нисходящемъ порядкѣ силы и значенія — кочевали на Подоньѣ и по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

Въ литературѣ часто преувеличивали значеніе этого нашествія Бату для украинской колонизаціи. Дѣло представлялось такъ, что татарское нашествіе обратило Кіевскую землю и вообще среднее Поднѣпровье въ совершенную пустыню, истребивъ огромную массу населенія и разогнавъ, принудивъ къ выселенію остальное, такъ что эти земли надолго запустѣли и позже наново колонизировались; Кіевъ совершенно запустѣлъ и т. под. Въ дѣйствительности до такой крайности не дошло; хотя опустошеніе было очень значительно и подорвало еще болѣе экономическій бытъ Поднѣпровья и вообще Украины, но до настоящаго запустѣнія оно, несомнѣнно, не довело. Сосѣдство Татарской орды не было чѣмъ либо болѣе страшнымъ или тяжелымъ, чѣмъ сосѣдство орды Печенѣжской или Половецкой. Въ качествѣ нѣсколько организованнаго государства, считавшаго восточно-украинскія области своими подвластными землями, Татарская орда имѣла причины быть сравнительно сдержанною по отношенію къ нимъ,—насколько, разумѣется, хватало на это дисциплины внутри самой орды.

Важнѣе было вліяніе новаго фактора на политическія и общественныя отношенія Украины. Кіевъ еще болѣе падаетъ послѣ погрома 1240 г.; Переяславъ и Черниговъ, сосѣдніе центры,—также. Жизнь здѣсь отодвигается на сѣверъ, въ лѣса сѣверной Украины. Это особенно замѣтно въ Сѣверской землѣ. Экономическій упадокъ и разложеніе государственнаго строя, о которомъ рѣчь ниже, упадокъ княжеской власти и придворной жизни вызываютъ пониженіе культуры и духовной жизни въ среднемъ Поднѣпровьѣ, служившемъ очагомъ культурной жизни въ прежнее время. Перенесеніе митрополичьей резиденціи изъ Кіева въ великорусскія земли, въ сосѣдство новаго государственнаго центра (1299 г.), служитъ симптомомъ этого упадка. Подробности о томъ, какъ Данило галицкій выбиралъ наиболѣе выдающіяся вещи изъ кіевскихъ церквей для своихъ новыхъ резиденцій — другая мелкая, но характерная черта. Культурная жизнь отливала на сѣверъ и на западъ.

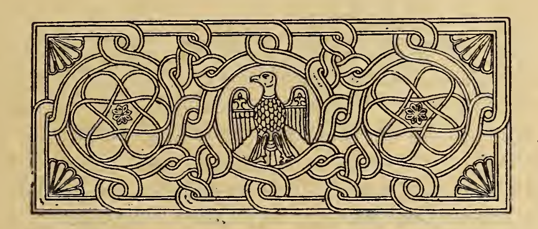
Пользуясь всеобщей паникой, произведенной Татарами въ 1240 г., населеніе и, въ особенности городскія общины начинаютъ разбивать рамки княжеско-дружиннаго уклада. Они предпочитаютъ зависѣть непосредственно отъ Татаръ, чѣмъ отъ князей, давать дань Татарамъ („орать пшеницу и просо Татарамъ“, какъ иронически говоритъ о нихъ враждебный этому движенію галицкій лѣтописецъ), чѣмъ нести тяготы княжеской администраціи, платить дани князю, принимать участіе въ утомительныхъ войнахъ князей между собою и терпѣть вѣчныя разоренія во время княжескихъ усобицъ. Ни угрозы, ни разоренія отъ князей, испуганныхъ этимъ грознымъ для нихъ движеніемъ, не могли повліять на населеніе и возвратить его къ прежнимъ отношеніямъ. Земля разлагалась на отдѣльныя общины, управлявшіяся своими мелкими князьями или совѣтомъ старцевъ, возвращалась къ старому состоянію общинной раздробленности предшествовавшей образованію централизованнаго Кіевскаго государства.

Наиболѣе опредѣленныя указанія относительно этого интереснаго,

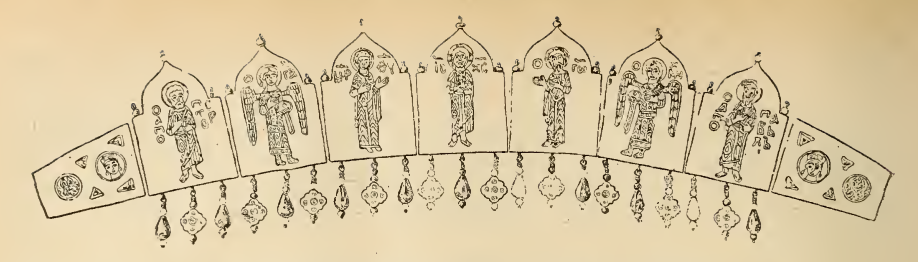
движенія мы имѣемъ только для кіевскихъ земель, пограничныхъ съ Волынью. По всѣмъ соображеніямъ, оно охватило также всю южную часть Кіевской земли, вѣроятно съ окрестностями самого Кіева, Переяславскую, можетъ быть южную часть Черниговской земли. Этимъ и объясняется, почему въ Кіевѣ и Переяславлѣ послѣ татарскаго нашествія 1240 г. мы уже не видимъ и не знаемъ никого изъ князей династіи Владиміра В.,— ихъ здѣсь и не было по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ довольно долгое время.

Въ Черниговской землѣ княжеско-дружинный строй уцѣлѣлъ, особенно въ сѣверныхъ, полѣсскихъ ея частяхъ, но здѣсь онъ очень измельчалъ. Вслѣдствіе большой многолюдности династіи, земля раздробилась на огромное множество мелкихъ княжествъ, изъ которыхъ почти никому изъ князей не удавалось образовать болѣе значительныхъ и прочныхъ владѣній, значительнаго государства; можетъ быть, и татарская политика вліяла въ этомъ же направленіи, не позволяя кому либо изъ князей усилиться и образовать болѣе значительное владѣніе. Государственная жизнь и традиціи княжеско-дружиннаго уклада во второй половинѣ XIII в. въ полной силѣ сохранились почти исключительно въ западной Украинѣ, въ государствѣ Галицко-Волынскомъ.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. II, гл. 1—3 и 8; т. III, гл. 2 и 3.



Рѣзная плита изъ св. Софіи.



Княжеская діадема (изъ кіевскаго клада).

VII. Княжества-земли XII—XIII вв. Галицко-волынское государство.

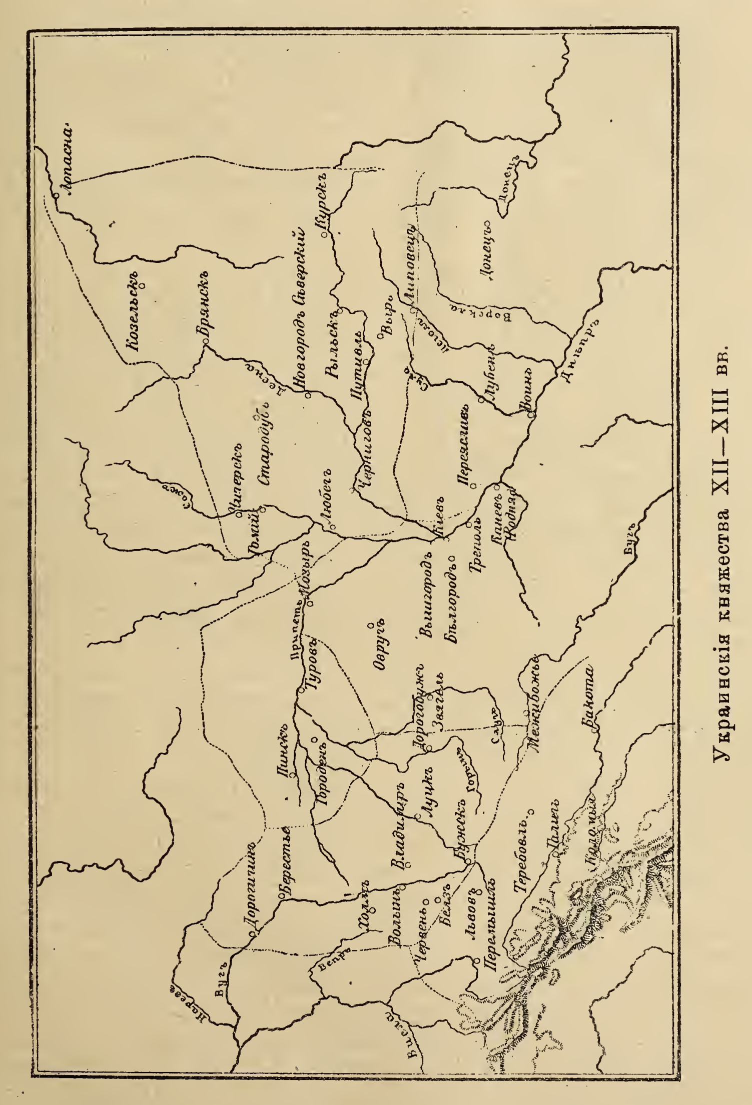
Разложеніе кіевскаго государственнаго организма проявлялось, какъ было сказано, въ ослабленіи значенія Кіева и кіевскихъ князей и въ обособленіи земель подъ властью отдѣльныхъ династій, выдѣлившихся изъ потомства Владиміра В.

Сама *Кіевская* земля стремилась къ обособленію, имѣя свою излюбленную династію въ потомствѣ Мстислава Мономаховича и перенося въ ней свои симпатіи обыкновенно отъ отца къ сыну, т. е. предпочитая преемство по прямой линіи наслѣдованію родовому. Но этому препятствовали историческія традиціи Кіева: каждый князь, возсѣвъ на кіевскомъ столѣ, въ силу этихъ традицій хотѣлъ быть старѣйшимъ между князьями, имѣть на нихъ вліяніе и увеличивать свои владѣнія для скрѣпленія этого вліянія. Поэтому князья не хотѣли уступить Кіева въ исключительное владѣніе потомства Мстислава и признать его первенство, позволивъ ему превратиться въ настоящую кіевскую династію. Вслѣдствіе этого борьба за Кіевъ не прекращается все время, и до самаго татарскаго погрома политическія отношенія въ Кіевской землѣ не устанавливаются прочно. По этой же причинѣ Кіевская земля сохранила свое политическое единство: здѣсь не выработались мѣстныя династіи, не обособились второстепенные центры въ отдѣльныя княжества, — потому что перемѣны на кіевскомъ столѣ встряхивали слишкомъ часто всю политическую систему земли.

Въ составъ Кіевской земли, кромѣ старой Полянской земли, входила еще земля Древлянъ, такъ что территорія Кіевской земли занимала, кромѣ нынѣшней Кіевской губерніи (исключивъ ея южную окраину), еще значительную часть губерніи Волынской (восточную). Жизнь культурная и политическая сосредоточивалась на старой полянской территоріи, преимущественно въ ея сѣверной части, около Кіева, такъ какъ южная часть, слишкомъ часто разоряемая кочевниками, пустѣла и въ XII—XIII в. заселена была въ значительной степени тюркскими военными колонистами, малокультурными и чуждыми мѣстной жизни. Населеніе Древлянской земли также жило особнякомъ и не принимало дѣятельнаго участія въ политической жизни Кіева, въ стремленіяхъ и симпатіяхъ кіевскаго населенія. Политическія стремленія этого послѣдняго мы отчасти знаемъ: они были направлены къ тому, чтобы дать утвердиться въ землѣ симпатичной Кіеву династіи Мстислава и установить прочный порядокъ и спокойствіе въ землѣ; но эти стремленія не осуществились. Жизненный интересъ для Кіева представляла также организація обороны и наступательной борьбы съ Тюрками, такъ страшно подрывавшими благосостояніе земли, и князья,

обращавшіе въ эту сторону свою энергію, пользовались особенными симпатіями населенія.

Изъ городовъ земли (Вышгородъ, Бѣлгородъ, Юрьевъ, Каневъ, Торческъ, Овручъ) ни одинъ не выдвинулся настолько, чтобы играть какую нибудь самостоятельную роль. Кіевъ даже и остатками своего богатства, культуры и славы вполнѣ доминировалъ надъ ними. Только погромъ 1240 г. надолго подорвалъ его значеніе, и, какъ было сказано, Кіевская земля въ значительной части разложилась тогда на рядъ обособленныхъ общинъ, и связь земли разрушилась.



Украинскія княжества XII—XIII вв.

Иначе сложились отношенія въ старой землѣ Сѣверянъ. Ея наибольшій центръ Черниговъ, подобно Кіеву, также притянулъ территоріи съ слабо развитою политическою жизнью—земли Радимичей и Вятичей, которыя, также не играя выдающейся роли въ политической жизни земли, остаются прочно связанными съ Черниговомъ въ продолженіе ряда столѣтій. Но на самой сѣверской территоріи, кромѣ Чернигова, развился другой старинный политическій и культурный центръ—Переяславль, и онъ

оттянулъ къ себѣ южную часть этой территоріи, такъ что послѣдняя раздѣлилась на два княжества, Черниговское и Переяславское. Это раздвоеніе восходитъ къ очень давнимъ временамъ: вѣроятно, оно предшествовало вліянію кіевской государственности и исходило изъ старинныхъ городскихъ организацій. Уже въ разсказахъ о событіяхъ и отношеніяхъ начала X в., въ договорахъ съ Византіею, Переяславъ выступаетъ, какъ равнозначный съ Черниговомъ пунктъ, а тотъ и другой,—какъ наиболѣе важные послѣ Кіева центры въ русской государственной системѣ на югѣ, какъ политическіе и культурные очаги украинскихъ земель. При всякихъ политическихъ комбинаціяхъ они получаютъ своихъ особыхъ князей, и если черниговскіе князья проявляютъ стремленіе присоединить къ черниговскимъ владѣніямъ Переяславское княжество, то переяславское населеніе, очевидно, не имѣетъ ни малѣйшаго желанія примкнуть къ единоплеменной Черниговской землѣ, хотя колонизаціонныя условія земли заставляли его тяготѣть къ сѣверу, къ болѣе защищеннымъ естественными условіями мѣстностямъ Черниговщины: стремленіе къ политической самобытности беретъ верхъ надъ интересами экономическими и колонизаціонными.

Переяславскому княжеству историческая судьба вообще очень не благопріятствовала. Расположенное внѣ линіи лѣса, оно было совершенно открыто со стороны Подонья, и со времени натиска тюркскихъ ордъ, послѣ того какъ украинское населеніе степей отлило отсюда и открыло предстепную полосу нападеніямъ Тюрковъ, положеніе Переяславской земли стало тяжелѣе, чѣмъ какого-либо другого княжества. Значеніе Переяслава и Переяславской земли, очевидно, выросло въ совершенно иныхъ, болѣе благопріятныхъ колонизаціонныхъ условіяхъ, а съ X в., когда эти благопріятныя условія исчезли, мы видимъ лишь постепенный упадокъ Переяслава. Временами Переяславское княжество подвергалось такимъ сильнымъ разореніямъ, что пустѣло почти совершенно (напр., въ концѣ XI в.). Поэтому борьба съ Тюрками составляла тутъ еще болѣе жизненный вопросъ, чѣмъ для Кіева, и переяславскіе князья особенно замѣтны на этой аренѣ.

Само по себѣ небольшое [1]) и ослабленное тюркскимъ натискомъ, Переяславское княжество не могло играть выдающейся роли. Ему приходилось держаться насторожѣ съ одной стороны отъ претензій черниговскихъ князей, съ другой стороны—отдѣлываться отъ кіевскихъ князей, которые тоже хотѣли держать его въ зависимости отъ себя; и въ первой половинѣ XII в. Переяславъ, дѣйствительно, поставленъ былъ въ положеніе кіевской провинціи. Избѣгая сферы вліянія какъ тѣхъ, такъ и другихъ, Переяславская община предпочитаетъ брать князей изъ далекой ростово-суздальской династіи, которая въ силу отдаленности своихъ владѣній не могла превратить ее въ свою провинцію. Но превратиться въ замкнутый политическій организмъ Переяславской землѣ не удалось до самаго татарскаго погрома 1240 г., а послѣ этого исчезаютъ здѣсь всякіе слѣды сколько-нибудь замѣтной государственной жизни.

Черниговское княжество, наоборотъ, обособилось очень скоро. Земля была достаточно велика и сильна для этого [2]), а династія (потомство Святослава Ярославича) была талантливая и достаточно энергичная. Пользуясь несдержанностью Святослава, узурпировавшаго Кіевъ, другія

---

[1]) Если исключить слабо населенныя окраины, пограничныя со степью, то Переяславское княжество занимало сѣверо-западную половину нынѣшней Полтавской губерніи и южный край Черниговской.

[2]) Она занимала нынѣшнюю Черниговскую губернію (кромѣ южной ея части), почти всю Орловскую и значительныя части Могилевской, Калужской, Тульской и Курской.

линіи, правда, попробовали было лишить сыновей Святослава отцовскихъ земель по его смерти, но Святославичи, особенно талантливый и энергическій Олегъ, родоначальникъ послѣдующей черниговской династіи, опираясь на сочувствіе земли и беззастѣнчиво пользуясь тюркскими ордами, какъ союзниками противъ князей-обидчиковъ, такъ упорно боролись, причиняли такое безпокойство и такія опустошенія своими союзными ордами, что въ концѣ концовъ Черниговское княжество было возвращено Святославичамъ и осталось въ ихъ рукахъ до конца. Претендуя на Кіевъ и Переяславль и захватывая первый очень часто, вообще придерживаясь весьма агрессивной внѣшней политики, черниговскіе „Ольговичи“ не допускали никого изъ другихъ династій въ свои черниговскія земли и умѣли удержать послѣднія цѣликомъ въ исключительномъ своемъ владѣніи.

Святославъ и его сыновья, родоначальники черниговской династіи (изъ Изборника Святослава 1073 г.).

Династія эта была очень многочисленна (со второй половины XII в. это были исключительно потомки Олега—другія линіи вымерли). Она отличалась довольно значительною солидарностью и выработала, хотя въ очень несовершенномъ видѣ, нѣкоторый порядокъ перехода столовъ, по принципу родовому. Благодаря этому конфликты и войны между князьями разныхъ линій династіи Олега были сравнительно рѣдки, и земля жила довольно спокойною жизнью. Но съ умноженіемъ династіи земля все болѣе и болѣе дробилась на мелкія княжества, все рѣзче обособлявшіяся и дробившіяся въ свою очередь въ теченіе послѣдующихъ столѣтій на еще болѣе мелкія владѣнія, по величинѣ и характеру своему переходившія просто въ большія вотчины. Такія мелкія княжества развились особенно въ сѣверо-восточной части Черниговскаго княжества, въ старой землѣ Вятичей, куда отливаетъ жизнь изъ южныхъ Черниговскихъ земель послѣ монгольскаго нашествія. Черниговъ теряетъ значеніе, выдвигается Брянскъ, въ землѣ Вятичей. Изъ другихъ городовъ болѣе важными были Новгородъ Сѣверскій, вторая столица послѣ Чернигова (она не обособилась, такъ какъ новгородскій столъ обыкновенно служилъ только ступенью къ черниговскому), далѣе Любечъ—старый торговый городъ на Днѣпрѣ, игравшій роль въ X в., но позже заглохшій, и Курскъ—центръ юго-восточной части, превратившійся въ пограничный со степью городъ въ періодъ развитія тюркской миграціи.

Волынская земля (старая территорія Дулѣбовъ) [1]) также отличалась изстари развитіемъ сильныхъ городскихъ центровъ. Однимъ изъ старѣйшихъ среди нихъ былъ городъ Волынь, въ центрѣ Волынской земли,

---

[1]) Старая Волынь заключала въ себѣ большую (западную) половину нынѣшней Волынской губ., части губерній: Люблинской, Сѣдлецкой и Гродненской (земли по зап. Бугу) и сѣверо-восточной уголъ нынѣшней Галиціи.

сообщившій ей свое имя, но позже совершенно затертый и лишенный значенія возникшимъ въ его сосѣдствѣ городомъ Владиміромъ, основаннымъ, какъ показываетъ его имя, Владиміромъ Вел. Въ южной Волыни центромъ былъ Луцкъ; въ западной—Бужскъ, позже Червень и еще позже Белзъ: въ сѣверной—Берестье и Дорогичинъ. Развитіе нѣкоторыхъ изъ этихъ центровъ, какъ Волыни, Луцка, Червеня, выходитъ совершенно за границы нашихъ свѣдѣній; мы видимъ ихъ важными центрами уже въ X в., а развились—они, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, очевидно, еще значительно раньше. Но такого стремленія къ обособленію, какъ, напр., у Переяславцевъ, у этихъ городскихъ центровъ мы не замѣчаемъ (наиболѣе слабо связана была съ остальною Волынью сѣверная, Берестейско-Дорогичинская область). Несмотря на это, земля представляла собою все время систему ясно обозначенныхъ областей, часто обособлявшихся въ отдѣльныя княжества.

При раздѣлѣ наслѣдства Ярослава Волынь досталась одному изъ младшихъ его сыновей, Игорю, но семьѣ его не удалось удержать въ своихъ рукахъ это владѣніе. Обстоятельства складывались такъ, что волынскія земли отъ времени до времени все попадали въ руки кіевскихъ князей и соединялись съ Кіевскою землею. Только въ серединѣ XII в. Волынь обособляется прочно въ рукахъ потомкомъ Изяслава Мстиславича, на которыхъ мѣстное населеніе смотрѣло, какъ на свою династію, и чувствовало къ нимъ живыя симпатіи. Въ рукахъ внуковъ и правнуковъ Изяслава Волынь раздѣляется по своимъ составнымъ частямъ на цѣлый рядъ княжествъ, но постепенно эти многочисленныя линіи волынской династіи угасаютъ, и къ серединѣ XIII в. вся земля собирается въ однѣхъ рукахъ—кн. Василька Романовича.

Земля жила сравнительно спокойною жизнью. Устойчивость отношеній, установившихся уже со второй четверти XIII в., способствовала образованію здѣсь крупныхъ городскихъ центровъ, богатаго мѣщанства и родовитаго, вліятельнаго боярства, въ среду котораго въ XII в. приливаетъ много служилыхъ князей, малоземельныхъ и безземельныхъ. Такъ слагается могущественное сословіе князей и бояръ, впослѣдствіи (въ вѣкахъ XIV—XVI и позже) сообщающее Волыни характеръ наиболѣе аристократической среди украинскихъ земель. Натискъ тюркскихъ ордъ не давалъ себя чувствовать здѣсь; фронтъ волынской политики обращенъ больше на сѣверо-западъ, противъ Польши, съ которой при постоянныхъ, очень старыхъ спорахъ за пограничныя земли велись и очень оживленныя сношенія, существовали тѣсныя династическія связи и культурныя вліянія, сначала больше со стороны Руси, а позже, съ XIV—XV вв.,—со стороны Польши.

Земля *Галицкая* (нынѣшняя восточная Галиція) обособилась очень рѣзко и рано—уже въ послѣдней четверти XI в. Изъ рукъ старшихъ родственниковъ, завладѣвшихъ этой волостью, отобрали ее князья-изгои Ростиславичи, и ихъ потомство (собственно одного изъ нихъ—Володаря) правило землею въ продолженіе столѣтія. Это была очень энергичная и талантливая династія: она успѣла отстоять свое владѣніе отъ притязаній окружавшихъ его сосѣдей, развить очень значительныя силы и пріобрѣсть вліятельное положеніе. По отношенію къ прочимъ украинскимъ землямъ и князьямъ политика галицкихъ князей сводилась къ тому, что они зорко слѣдили за волынскими князьями, подозрѣвая у нихъ—конечно, не безъ основанія—стремленія по старой памяти присоединить Галицію къ Волыни; поэтому галицкіе князья старались не допустить усиленія волынскихъ. Въ остальномъ всѣ интересы приковывали вниманіе галицкихъ князей къ западу. Съ юга Венгрія, овладѣвъ землями, лежавшими на югъ отъ Карпатъ, стремилась перейти за Карпатскій хребетъ и уже съ конца

XI в. обнаруживала намѣренія овладѣть Галиціею. Въ концѣ XII в. и въ началѣ XIII, во время галицкихъ смутъ, венгерскимъ королямъ удавалось нѣсколько разъ, хотя и на короткое время, посадить на галицкомъ столѣ своихъ принцевъ, и на этомъ основаніи короли Венгріи даже принимаютъ титулъ „королей Галиціи“ [1]). На сѣверо-западѣ галицкіе князья встрѣчались со стремленіями Польши раздвинуть свои границы на счетъ смежныхъ земель Галиціи. Это былъ старый споръ съ Польшею за пограничныя земли, которому много вниманія отдавали Владиміръ В. и Ярославъ, и который теперь достался въ удѣлъ князьямъ галицкимъ и волынскимъ; послѣдніе однако не выступали на этой границѣ солидарно до объединенія Галиціи съ Волынью. Всѣ эти интересы вводили галицкихъ князей въ кругъ европейской политики: противъ Венгріи они, напримѣръ, искали опоры въ союзѣ съ Византіею; въ другихъ случаяхъ обращались къ западной имперіи и т. п.

Ярополкъ князь волынскій съ женою Ириной (Изъ молитвенника матери Ярополка).

Династія Ростиславичей была немногочисленна. Послѣ того, какъ талантливый и беззастѣнчивый сынъ Володаря Володимирко правдами и неправдами объединилъ галицкія волости въ еднѣхъ рукахъ, онѣ оставались долго нераздѣльными. Внутреннія войны были здѣсь почти неизвѣстны, и земля подъ защитой искусной дипломатіи своихъ князей жила такою спокойною жизнью, какъ никакая другая изъ украинскихъ земель. Это дало возможность развиться экономическому благосостоянію земли и особенно повліяло на сформированіе богатаго, могущественнаго и тѣсносплоченнаго боярства. Во второй половинѣ XII в. это боярство чувствуетъ себя настолько сильнымъ, что открыто стремится подчинить своимъ вліяніямъ самого князя, и не останавливается передъ дворцовыми революціями и самыми рѣзкими дѣйствіями для достиженія своихъ плановъ. Такъ, во второй половинѣ XII в. галицкіе бояре нѣсколько разъ прибѣгаютъ къ дворцовымъ революціямъ, чтобы отдѣлаться отъ нежелательныхъ особъ. Въ началѣ XIII в. призванные галицкими боярами князья Игоревичи (изъ черниговской династіи), раздраженные самовластіемъ

[1]) Эти «историческія права» венгерскихъ королей, изложенныя при оккупаціи Галиціи въ 1772 г. въ особомъ оффиціальномъ историческомъ трактатѣ, послужили для имп. Маріи Терезіи основаніемъ для присоединенія Галиціи къ землямъ австровенгерскимъ при первомъ раздѣлѣ Польши.

бояръ, задумали ихъ перерѣзать, и дѣйствительно, много бояръ было при этомъ убито, но оставшіеся въ живыхъ обратились за помощью къ Венгріи и съ помощью ея низвергли ненавистныхъ князей: нѣкоторые изъ этихъ князей-Игоревичей попали въ руки венгерскаго войска, но бояре выпросили ихъ и повѣсили, мстя за смерть своихъ товарищей.

Главными центрами Галицкой земли являются сначала Перемышль, Звенигородъ и Теребовль. Владимірко дѣлаетъ своею столицею Галичъ, сообщающій свое имя землѣ. Въ XIII в. въ сосѣдствѣ Звенигорода (послѣ этого заглохшаго совершенно) появляется Львовъ, въ XIV в. пріобрѣтающій значеніе новой столицы.

Прекращеніе династіи Володаря въ Галицкой землѣ (въ 1198 или 1199 г.) привело къ соединенію ея съ Владимірскимъ княжествомъ на Волыни, въ рукахъ владимірскаго князя Романа. Онъ еще прежде, во время борьбы галицкихъ бояръ съ послѣднимъ Володаревичемъ Владиміромъ, былъ призываемъ боярами на галицкій столъ, но не удержался на немъ. Теперь, по смерти Владиміра, онъ поддержалъ свою кандидатуру военною силою и сѣлъ на галицкомъ столѣ вполнѣ прочно. Это послужило началомъ объединенія Галицкой и Волынской земли въ одно государство и создало на Украинѣ новую политическую силу, которая въ рукахъ такого энергичнаго и весьма талантливаго князя, какимъ былъ Романъ, казалось, была призвана занять мѣсто Кіева, ставъ политическимъ центромъ украинскихъ земель.

Несмотря на очень короткую политическую карьеру, Романъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Украинѣ и внѣ ея; чрезвычайно быстро появляются о немъ легенды и пѣсни, остатки которыхъ сохранились и донынѣ въ украинской и бѣлорусской народной словесности. На него, очевидно, смотрѣли, какъ на человѣка, призваннаго обновить расшатанный политическій строй Украины.

Въ Галицкой лѣтописи сохранился любопытный отрывокъ похвалы ему:

Одолѣлъ онъ всѣ поганскіе языки,
ума мудростію ходя по заповѣдямъ божіимъ!
устремился на поганыхъ—словно левъ
а сердитъ былъ—словно рысь,
и губилъ ихъ—словно крокодилъ,
проходилъ ихъ землю—словно орелъ,
ибо храбръ былъ онъ—словно туръ.

Упорная, острая борьба его съ всесильнымъ галицкимъ боярствомъ доставила ему популярность въ народныхъ массахъ. Когда въ войнѣ со своимъ тестемъ, кіевскимъ княземъ Рюрикомъ, Романъ приступилъ къ Кіеву, Кіевляне открыли ему ворота, очевидно надѣясь, что въ сильныхъ рукахъ Романа Кіевъ достигнетъ снова былой славы и могущества. Но надежды эти не оправдались: Романъ не захотѣлъ оставить за собой Кіевъ, предпочитая держать здѣсь, въ зависимости отъ себя, разныхъ второстепенныхъ князей. Считалъ ли онъ кіевскія отношенія безнадежно запутанными, или данный моментъ не представлялся ему удобнымъ для того, чтобы вмѣшаться самому въ эти отношенія,—во всякомъ случаѣ онъ предпочелъ обратить все свое вниманіе на Галицію, богатую, не истощенную, и здѣсь укрѣпить свое положеніе. Но безъ Кіева его вліяніе осталось мѣстнымъ: Галицко-Волынское государство было слишкомъ западною окраиною Украины, чтобы изъ Галича или хотя бы даже изъ Владиміра держать въ рукахъ восточно-украинскія отношенія.

Случайная смерть, впрочемъ, прервала дѣятельность Романа прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вполнѣ обнаружить свои планы и укрѣпить свое положеніе: онъ былъ убитъ во время похода въ Польшу, въ 1205 г. Послѣ него остались малолѣтніе сыновья: старшему Данилу было три года,

младшему Васильку всего годъ. Придавленное Романомъ галицкое боярство поднимаетъ голову. Опасаясь, что сыновья его унаслѣдуютъ стремленія отца къ сильной власти, бояре выдвигаютъ претендентовъ изъ разныхъ княжьихъ династій, играя ими какъ пѣшками и не позволяя прочно утвердиться; была среди бояръ и венгерская партія, предпочитавшая править землею подъ номинальною властью венгерскаго короля; наиболѣе честолюбивые и смѣлые изъ бояръ пробовали захватить не только управленіе, но и княжескую власть въ Галичѣ въ свои руки. Дѣятельное участіе въ этихъ смутахъ принимали также сосѣди—Венгрія и Польша, стараясь поживиться чѣмъ нибудь изъ наслѣдія Романа; въ 1214 году былъ заключенъ между ними договоръ относительно раздѣла галицко-волынскихъ земель, но онъ не получилъ прочнаго реальнаго значенія.

Эти смуты, захватившія и Волынь и проявлявшіяся иногда въ очень острыхъ формахъ, продолжались цѣлыхъ тридцать лѣтъ; только въ 1230-хъ гг. Данило съ братомъ упрочили свое положеніе на Волыни и затѣмъ начинаютъ замѣтно брать верхъ надъ враждебными партіями и въ Галиціи, проявляя рѣдкую энергію и настойчивость въ этомъ собираніи своей „отчины". Татарскій ураганъ 1240 г. только прервалъ ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи. Рѣшительная побѣда подъ гор. Ярославомъ въ 1245 г. надъ послѣднимъ претендентомъ—зятемъ короля Ростиславомъ, княземъ изъ черниговской династіи, обезпечила господство Данила въ Галиціи. Онъ отдалъ Волынь Васильку, но, благодаря рѣдкой солидарности братьевъ, этотъ раздѣлъ владѣній былъ совсѣмъ не чувствителенъ.

Утвердившись въ Галичинѣ, Данило могъ приступить къ осуществленію болѣе широкихъ плановъ. Онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду расширить свое вліяніе на восточную Украину, взявъ въ свои руки Кіевъ. Но на дорогѣ этихъ плановъ стояли Татары и покровительствуемое послѣдними движеніе „людей Татарскихъ", о которомъ упоминалось выше: оно охватило широкою полосою границы Волыни, а по всей вѣроятности широко распространилось и въ ближайшихъ къ Кіеву мѣстностяхъ. Данило очевидно понималъ и принципіальную опасность этого движенія для его власти и всего государственнаго строя, и спеціальное неудобство для Галицко-волынскаго государства—имѣть татарскихъ вассаловъ непосредственно у самой границы. Татары стремились перенести это благопріятное для нихъ движеніе въ галицко-волынскія земли и подчинить ихъ непосредственно своей власти.

Вообще, отношенія Татарской орды къ Галицко-Волынскому государству были довольно неопредѣленны. Восточно-украинскія княжества и общины были приведены въ тѣсную зависимость отъ Орды; они платили Татарамъ дань, и князья ихъ обращались въ Орду за утвержденіемъ. Данило, когда Орда обнаружила готовность поддержать одного изъ претендентовъ на галицкій столъ, также явился съ поклономъ въ Орду и призналъ надъ собою власть хана. Но роль татарскаго вассала внушала ему отвращеніе. Непосредственно послѣ своей поѣздки въ Орду онъ увлекается планомъ христіанской лиги для борьбы противъ Татаръ, мысль о которой внушили ему папскіе послы, высланные къ Татарамъ. Онъ входитъ въ сношенія съ папою, сближается съ венгерскимъ королемъ и польскими князьями. Но реальной помощи все это ему не дало. Папа прислалъ ему корону, но его планы крестоваго похода не имѣли успѣха, и Данило прерываетъ свои сношенія и переговоры о церковной уніи.

Не дождавшись помощи отъ католической Европы, онъ собственными силами рѣшается вступить въ борьбу съ Татарами, такъ какъ попытки ихъ—поддержать или даже вызвать движеніе противъ князей въ

сосѣднихъ волынскихъ и галицкихъ земляхъ—грозили слишкомъ явною опасностью. Данило начинаетъ рядъ походовъ на территорію „людей Татарскихъ", стремясь терроромъ и опустошеніями подавить опасное движеніе (1254—5). Мягкій отъ природы, онъ тѣмъ не менѣе не останавливался даже передъ разрушеніемъ цѣлыхъ городовъ и массовыми избіеніями, чтобы сломить упорство противниковъ княжеско-дружиннаго уклада. Въ дальнѣйшемъ планѣ, послѣ опустошенія и приведенія къ покорности пограничныхъ областей Случи, Тетерева и Южнаго Буга, Данило имѣлъ въ виду походъ на Кіевъ, но какія-то другія заботы отвлекли его, а между тѣмъ Орда, обезпокоенная походами Данила и его сношеніями съ папою, двинула къ границамъ Галицко-Волынскаго княжества новыя, болѣе значительныя силы подъ предводительствомъ Бурандая. Поддерживая внѣшность добрыхъ отношеній, Бурандай, послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ, какъ бы мимоходомъ по дорогѣ въ Польшу, вступилъ со своими войсками на волынскую территорію и потребовалъ отъ Данила и Василька разрушенія всѣхъ городскихъ укрѣпленій. Захваченные врасплохъ, Романовичи не рѣшились принять вызова, и цѣлый рядъ укрѣпленій былъ сожженъ и разрушенъ самими князьями (1259).

Это событіе произвело страшное, подавляющее впечатлѣніе. Данило убѣдился въ невозможности борьбы съ Татарами. Рушились планы подавленія „татарскихъ людей", немедленно сбросившихъ съ себя вынужденную покорность Данилу. Исчезла возможность расширенія Галицко-Волынскаго государства на востокъ. Оно должно было ограничиться предѣлами западной Украины, восточная оставалась замкнутою для него рядомъ татарскихъ вассальныхъ общинъ, расположенныхъ у восточныхъ и южныхъ границъ Волыни.

Мысль объ этой татарской неволѣ отравила жизнь Данилу. Его широкіе планы относительно расширенія границъ Галицко-Волынскаго государства на счетъ польскихъ и литовскихъ владѣній также не увѣнчались особенными успѣхами, если не считать нѣкоторыхъ завоеваній на сѣверѣ (пріобрѣтеніе Люблина отъ Поляковъ, покореніе Ятвяговъ). Одинъ изъ сыновей Данила, уже по его смерти, получилъ велико-княжескій столъ въ новосформировавшемся Литовскомъ государствѣ, но это былъ мимолетный успѣхъ, и Данило уже не видѣлъ его: онъ умеръ вскорѣ послѣ погрома Бурандая (1264).

Его наслѣдники не вышли изъ предѣловъ мѣстной, галицко-волынской политики, обращенной, главнымъ образомъ, на западъ. Притомъ съ увеличеніемъ династіи, галицко-волынскія земли на нѣкоторое время раздѣлились на нѣсколько владѣній, и былая солидарность галицкихъ и волынскихъ князей ослабѣла. Однако, въ началѣ XIV в. галицко-волынскія волости собрались снова въ однѣхъ рукахъ—во владѣніи Юрія Львовича. Свѣдѣнія наши объ этомъ государствѣ, впрочемъ, становятся очень бѣдными съ прекращеніемъ послѣдней изъ украинскихъ лѣтописей княжескаго цикла—Волынской [1]). Очевидно, продолжаются стремленія къ расширенію галицко-волынскихъ владѣній, но они не приносятъ никакихъ, существенныхъ и прочныхъ результатовъ. Пользуясь ослабленіемъ Польши и ея внутренними смутами, галицкіе князья старались расширить на

---

[1]) Династическія отношенія представляются такъ:

Романъ † 1205
- Данило † 1264
  - Левъ кн. галицкій
    - Юрій
      - Андрей галицкій
      - Левъ волынскій
  - Мстиславъ кн. волынскій (послѣ Владиміра)
- Василько † 1269
  - Владиміръ † 1288 князь волынскій

счетъ ея свои владѣнія; кн. Левъ даже старался завладѣть краковскимъ великокняжескимъ столомъ, но безуспѣшно, и успѣлъ овладѣть только нѣкоторыми пограничными округами, впрочемъ скоро отобранными Польшею обратно. Также незначительны и непрочны были пріобрѣтенія, сдѣланныя въ закарпатскихъ земляхъ на счетъ Венгріи, гдѣ также начинаются смуты съ прекращеніемъ династіи. Участіе галицко-волынскихъ князей въ литовскихъ дѣлахъ также не приноситъ никакихъ существенныхъ результатовъ, и Литовское княжество съ началомъ XIV в. становится грознымъ сосѣдомъ западно-украинскаго государства. Татарскія отношенія въ свою очередь тяжело тяготѣли на его политикѣ.

При всемъ томъ это было государство довольно сильное и благоустроенное, и ничто не предвѣщало его близкаго конца. Сохранившіяся характеристики его за время Юрія Львовича, внука Данила, подобно своему славному дѣду также, повидимому, носившаго королевскій титулъ,

Печать Юрія Львовича «короля Руси».

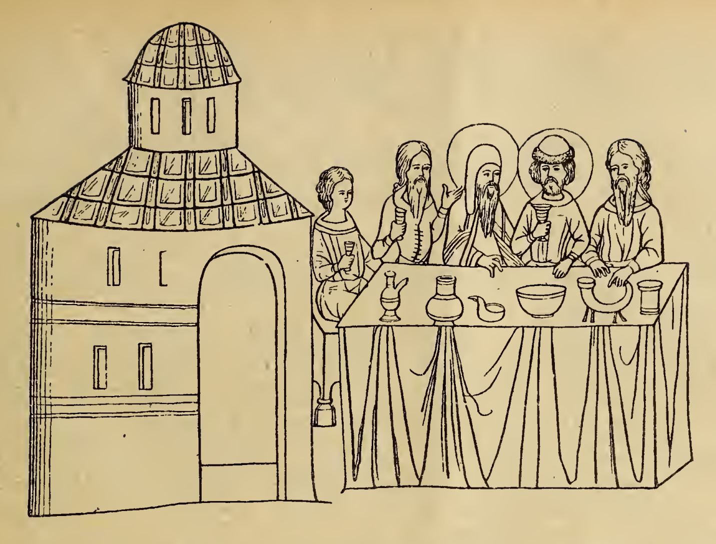
превозносятъ достоинства его правленія, покой, которымъ пользовалась страна въ его управленіе, и богатство, которымъ она отличалась. „Тогда была въ своей чести и времени земля Волынская, всякимъ обиліемъ и славою преимущая—а теперь по многихъ ратяхъ не такова“, характеризует время Юрія въ Галицко-волынскомъ государствѣ житіе волынскаго уроженца митр. Петра, составленное въ концѣ XIV в.

Послѣ смерти Юрія галицкія земли были раздѣлены между его сыновьями. Въ началѣ 1320-хъ годовъ эти послѣдніе представители галицко-волынской династіи умерли, не оставивъ сыновей. Изъ разныхъ претендентовъ галицко-волынское боярство, пользовавшееся и въ это время большимъ вліяніемъ, предпочло одного изъ польскихъ князей, родственника угасшей династіи по матери, галицкой княжнѣ,—Болеслава Тройденовича. Этотъ боярскій ставленникъ, принявшій при этомъ православіе и имя Юрія, однако не поладилъ съ боярами, а его симпатіи къ католицизму и чужеземцамъ-католикамъ, которыми онъ окружилъ себя, подорвали его популярность и у населенія и дали возможность боярамъ возбудить послѣднее противъ Юрія-Болеслава. Съ другой стороны, его не-

прочное положеніе, въ связи съ непріязненною политикою относительно Польши, вызвало планы на галицкія земли у польскаго правительства. Оно сближается съ Венгріею, по старой памяти считавшей за собою историческія права на Галицію, и между ними состоялось соглашеніе относительно совмѣстныхъ дѣйствій въ галицкихъ дѣлахъ. Но Юрій-Болеславъ не дожилъ до его реализаціи: противъ него организовался заговоръ среди бояръ, и 25 марта 1340 г. онъ погибъ отъ отравы, а пользовавшіеся его покровительствомъ католики подверглись избіенію.

Бояре прочили на его мѣсто его родственника изъ литовской династіи, князя Любарта Гедиминовича, женатаго на галицко-волынской княжнѣ. По смерти Юрія-Болеслава онъ былъ признанъ княземъ въ земляхъ Галицко-волынскаго государства. Но одновременно, при первой же вѣсти о смерти Юрія-Болеслава выступили съ притязаніями на галицко-волынскія земли Польша и Венгрія, двинувшія свои войска въ Галицію. Начинается упорная борьба за галицко-волынское наслѣдство, послужившая началомъ похода Польши въ украинскія земли, завершившагося полнымъ ихъ присоединеніемъ два столѣтія спустя—въ XVI—XVII вв.

Подробнѣе объ отдѣльныхъ княжествахъ—Історія України Руси, т. II, гл. 4—7, исторія Галицко-Волынскаго государства—т. III, гл. I.



Княжескій пиръ (изъ житія Бориса и Глѣба).

VIII. Политическое и общественное устройство, право и культура XI—XIII в.

Несмотря на механическій характеръ связи, соединявшей земли стараго Кіевскаго или Русскаго государства, ея неустойчивость, частые перерывы и затѣмъ раннее обособленіе земель, она оставила глубокіе слѣды въ бытѣ и культурѣ земель, входившихъ въ составъ названнаго государства. Такіе слѣды культурнаго вліянія, какъ распространеніе государственной—христіанской религіи, русско-византійской книжности и искусства, которыми эти земли обязаны были указанной государственной связи, слишкомъ осязательны и очевидны. Менѣе обращало на себя вниманіе глубокое проникновеніе въ жизнь земель юридическихъ институтовъ и нормъ, формъ общественной и политической организаціи, выработанныхъ Кіевскимъ государствомъ. Что такое проникновеніе имѣло мѣсто дѣйствительно, это доказывается сходствомъ юридическихъ отношеній отдѣльныхъ земель, часто разительнымъ, и параллелизмомъ въ дальнѣйшемъ развитіи областей сѣверо-восточныхъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства, и земель украинскихъ и бѣлорусскихъ, вошедшихъ въ составъ вел. княжества Литовскаго и Польши [1]). Сходство это объясняется общимъ наслѣдіемъ, полученнымъ всѣми названными землями отъ Кіевскаго госу-

[1]) Въ основаніи государственнаго и частнаго быта Московскаго государства лежатъ формы, выработанныя Кіевскимъ государствомъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ династическою связью, создавало въ правительственныхъ и литературныхъ кругахъ московскихъ сознаніе тѣсной связи съ государствомъ Кіевскимъ, превратившееся наконецъ въ убѣжденіе, что Московское государство является его естественнымъ и непрерывнымъ продолженіемъ и единственнымъ наслѣдникомъ послѣ паденія государственной жизни въ украинскихъ земляхъ. Въ этомъ смыслѣ создаются легенды (напр., сказаніе объ императорскихъ регаліяхъ, принесенныхъ Владиміру Мономаху изъ Византіи и отъ него перешедшихъ къ московскимъ князьямъ), разрабатывается историографическая схема въ московскихъ хроникахъ и лѣтописныхъ компиляціяхъ; этими „историческими правами“ доказываютъ московскіе великіе князья свои права на украинскія и бѣлорусскія земли великаго княжества Литовскаго и т. д. Это же представленіе о Московскомъ государствѣ, какъ непосредственномъ, органическомъ продолженіи Кіевскаго, легло въ основу и новѣйшей историографіи.

дарства. Кругъ общихъ формъ и нормъ, наблюдаемыхъ нами, гораздо шире того, что мы имѣемъ въ сохранившихся сборникахъ кіевскаго права (такъ называемая Русская Правда, въ ея разныхъ редакціяхъ), и сравнительное изученіе политическихъ и общественныхъ отношеній, права и быта этихъ земель открываетъ передъ нами все новыя и новыя общія явленія, восходящія къ упомянутому общему наслѣдству Кіевскаго государства.

Мы бросимъ теперь взглядъ на формы государственныхъ и общественныхъ отношеній, выработанныя столѣтіями государственной жизни украинскихъ племенъ.

Систему земель Кіевскаго государства связывала династическая идея: представленіе, что земли, входившія въ составъ этого государства, составляютъ исключительно владѣніе рода св. Владиміра, его монополію. Основу для такого воззрѣнія создалъ самъ Владиміръ, устранивъ всѣхъ значительныхъ владѣтелей изъ другихъ родовъ и раздавъ важнѣйшіе центры государства своимъ многочисленнымъ сыновьямъ. Потомки Владиміра, за весьма небольшими исключеніями, не ищутъ для себя владѣній внѣ предѣловъ его наслѣдія, но съ другой стороны каждый изъ его потомковъ претендуетъ на владѣніе какою-нибудь частью въ этомъ наслѣдіи. „Развѣ мнѣ нѣтъ части въ Русской землѣ?“—является формулою этихъ притязаній: и дѣйствительно, до времени полнаго разложенія кіевскаго государственнаго строя мы почти не находимъ въ потомствѣ Владиміра князей безземельныхъ. На почвѣ этого представленія о коллективныхъ правахъ княжьяго рода на земли Кіевскаго государства возникаетъ сознаніе коллективнаго интереса и обязанности заботиться о цѣлости этого обще-родового достоянія, не позволяя чужеземцу или чужеродцу захватить какую-нибудь часть въ „отчинѣ“ князей. Понятно также, что съ точки зрѣнія этого принципа, жесточайшею и опаснѣйшею ересью должно было представляться стремленіе населенія обойтись вовсе безъ князи (такія стремленія мы видѣли въ народномъ движеніи XIII в.), какъ, съ другой стороны, дикою и предосудительною является въ глазахъ тогдашняго общества попытка галицкаго боярина—сѣсть самому на княжьемъ столѣ. Земля не можетъ быть безъ князя, а княземъ можетъ быть только членъ кіевской династіи св. Владиміра. Такое представленіе принято было въ княжеско-дружинныхъ кругахъ, и не только въ нихъ—оно было усвоено самимъ тогдашнимъ обществомъ и отступленія отъ этого принципа являются уже симптомомъ разложенія стараго строя.

Всѣ князья, какъ члены одного рода и совладѣльцы, въ принципѣ равноправны. Въ дѣйствительности, конечно, слабѣйшіе князья находились въ очень ощутительной зависимости отъ сильнѣйшихъ, и различіе между ними чувствовалось очень сильно, хотя и покрывалось терминологіей родственныхъ отношеній, которая смягчала суровую дѣйствительность иллюзіей этой родственности: болѣе слабые князья „имѣютъ въ отца мѣсто“ сильнѣйшаго, повинуются ему не какъ суверену, а какъ старшему родственнику. Поэтому между наиболѣе мелкимъ княземъ и наибольшимъ бояриномъ лежитъ непроходимая бездна, особенно въ теоріи; князь не можетъ быть „подручнымъ“, слугою другого князя, какъ бояринъ: всѣ князья—„братья“ между собою: эта терминологія у нихъ въ большомъ ходу, и, какъ таковые, они считаются равноправными, хотя и неравносильны.

Эту видимость патріархальныхъ отношеній старательно поддерживали сами князья, чтобы сглаживать шероховатости своихъ отношеній; усердно подогрѣвали ее публицисты и моралисты, идеею братства и родовой общности стараясь удержать князей отъ внутреннихъ войнъ и развить въ нихъ идею общегосударственнаго интереса. Но она все-таки уже

въ XI и XII в. была фикціею, и въ дѣйствительности только прикрывала реальныя отношенія, зависѣвшія отъ большаго или меньшаго могущества, отъ владѣній того или другого князя, а не его положенія въ родословной династіи Владиміра Великаго.

Кіевскій князь становился „въ отца мѣсто" по отношенію къ остальнымъ, независимо отъ того, былъ ли онъ старшимъ въ родѣ или нѣтъ: родовой терминъ и тутъ покрывалъ преобладаніе чисто политическое.

Такой „старѣйшина", являясь въ отношеніи прочихъ князей патріархомъ, главою рода, долженъ былъ, по представленію современниковъ, быть блюстителемъ справедливости, надѣлять волостями младшихъ представителей рода, требовать отъ нихъ отчета въ проступкахъ, судить (судомъ князей) и наказывать за доказанную вину, заботиться о благѣ рода и его общемъ достояніи—„Русской землѣ". „Младшіе должны были оказывать ему почтеніе и послушаніе, „какъ отцу". Эти моральныя права въ рукахъ могущественнаго и авторитетнаго князя превращались фактически въ настоящую власть надъ прочими князьями, и только прикрывали ее; у князей слабыхъ, невліятельныхъ, они оставались пустымъ звукомъ.

Во внутреннемъ своемъ управленіи князь,—малый или великій,—не зналъ, однако, никакого вмѣшательства старѣйшины, вообще другого князя. Онъ являлся полнымъ хозяиномъ въ своей волости — насколько самостоятельно умѣлъ поставить себя по отношенію къ „землѣ" и къ ея органу—вѣчу.

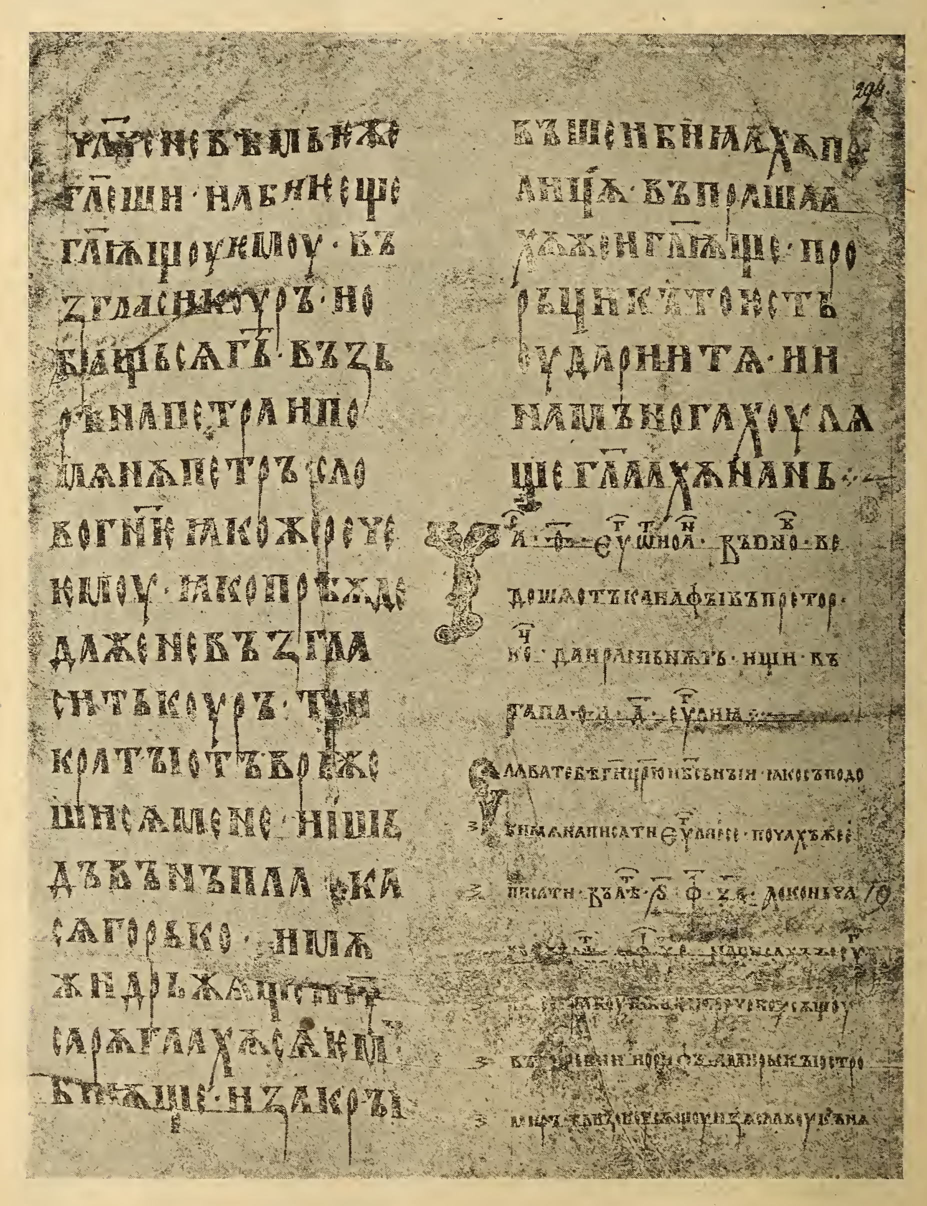
Княжеско-дружинный укладъ въ періодъ своего развитія вообще сильно придавилъ политическую, самоуправляющуюся силу земли, общины. Если въ предшествующей стадіи политико-общественныхъ отношеній княжеская власть, гдѣ она существовала, стоитъ на второмъ планѣ сравнительно съ совѣтомъ, вѣчемъ общины, то изъ періода созданія Русскаго государства это вѣче выходитъ въ состояніи атрофіи, безсилія. Князь со своею дружиною забралъ въ свои руки политику, судъ и администрацію [1]), и населеніе такъ привыкло къ этому, что чувствовало себя безпомощнымъ, когда князя въ трудную минуту не было на-лицо, и некому было распорядиться. „Тяжело было Кіянамъ, не осталось у нихъ ни одного князя въ Кіевѣ",—замѣчаетъ мѣстный лѣтописецъ по одному такому случаю. Способности къ управленію землею вѣче города въ украинскихъ земляхъ съ своей стороны не развило. Не показываетъ оно и охоты ограничивать политическія и административныя компетенціи князя въ свою пользу. Но пользуясь тѣмъ, что упадокъ княжескаго могущества въ періодъ разложенія политической системы заставлялъ князя искать опоры въ самомъ населеніи его волости и прислушиваться къ его голосу, оно поднимало свой голосъ въ обстоятельствахъ необычайныхъ, грозившихъ спокойствію и благосостоянію земли, или при какихъ либо рѣзкихъ аномаліяхъ княжеско-дружиннаго управленія. Въ такіе моменты оно властно, какъ настоящій хозяинъ, высказывало свои желанія и требованія князю.

Изъ украинскихъ земель мы имѣемъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности вѣча для Кіева XII в.; несомнѣнно, что въ силу исключительныхъ, тревожныхъ условій, въ какихъ находилась Кіевская земля, вѣчевая дѣятельность здѣсь отличалась и наибольшею энергіею. Изъ этихъ свѣдѣній видимъ, что и здѣсь вѣче не пріобрѣло никакихъ опредѣленныхъ формъ, ни постоянныхъ и опредѣленныхъ функцій, а осталось явленіемъ экстраординарнымъ. Оно иногда проявляло свою дѣятельность,

---

[1]) Здѣсь я не говорю объ общинахъ, не имѣвшихъ княжескихъ агентовъ и вполнѣ предоставленныхъ себѣ самимъ въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ.

когда дѣло шло о замѣщеніи кіевскаго стола новымъ лицомъ: вѣче заявляло свое сочувствіе кандидату на столъ, или призывало князя болѣе для него симпатичнаго, вмѣшивалось въ борьбу претендентовъ, или прогоняло неугоднаго князя (такое напряженіе энергіи, впрочемъ, было очень рѣдкимъ). Но еще чаще перемѣны на кіевскомъ столѣ происходили безъ



Послѣдняя страница Остромирова евангелія (древнѣйшая изъ мѣстныхъ датированныхъ рукописей, относящаяся къ 1056 году).

всякаго участія вѣча, когда оно не было особенно заинтересовано никѣмъ изъ данныхъ князей или не чувствовало себя въ силахъ оказать вліяніе на ходъ событій, и хотя сами князья признавали за вѣчемъ право высказываться въ вопросахъ о князѣ, но чаще всего эти дѣла рѣшали между собою, вовсе не справляясь съ желаніемъ вѣча.

Внѣ вмѣшательства вѣча все управленіе находилось въ рукахъ князя съ его дружиною. Онъ могъ свободно распоряжаться своею волостью, могъ своею властью начинать войну и заключать миръ, назначить и прекратить походъ—вся военная организація была въ его вѣдѣніи; онъ издавалъ законы и распоряженія, въ его рукахъ была администрація и судъ, который онъ творилъ или самъ непосредственно, или черезъ своихъ чиновниковъ и агентовъ, которыхъ самъ назначалъ; онъ распоряжался доходами земли, налагалъ новыя подати и дани или измѣнялъ прежнія; наконецъ, онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Личность князя пользовалась большимъ уваженіемъ, она считалась почти неприкосновенною, даже въ тяжелыхъ смутахъ и передрягахъ; такіе факты, какъ убійство князя населеніемъ въ Кіевѣ въ 1146 г. или повѣшеніе князей галицкими боярами, озлобленными массовымъ избіеніемъ бояръ, были явленіями исключительными. Но съ другой стороны и византійское ученіе о богоуставленности власти не успѣло распространиться въ обществѣ.

Непремѣннымъ участникомъ княжьяго управленія былъ совѣтъ бояръ, или, какъ называютъ его въ литературѣ позднѣйшимъ, московскимъ терминомъ, — „дума". Бояре считали своимъ существеннымъ правомъ быть участниками не только княжьяго управленія, но и плановъ и замысловъ князя, и если послѣдній не исполнялъ своей обязанности „думать съ дружиною", то это вызывало неудовольствіе, уходъ бояръ со службы, или даже возстанія, какъ бывало въ Галиціи, гдѣ бояре слишкомъ глубоко пустили корни въ мѣстной жизни, чтобы переходить въ другую волость.

Кромѣ князя и его дружины, органомъ центральнаго управленія былъ также княжій дворъ, въ своей организаціи совмѣщавшій функціи государственнаго управленія и княжьяго хозяйства,—какъ обыкновенно бывало въ такихъ примитивныхъ государствахъ. Многочисленные „тіуны", часто набиравшіеся изъ рабовъ, завѣдывали хозяйствомъ, но они же, какъ и прочіе слуги князя, исполняли разныя порученія государственнаго характера, выступали въ роли княжьихъ агентовъ въ мѣстномъ управленіи и т. д. Элементы центральнаго и мѣстнаго управленія соединяются въ должности *тысяцкаго*, вѣнчавшей старую десятичную организацію, сохранившуюся въ XI—XII в. какъ архаизмъ въ ослабленныхъ или сильно видоизмѣненныхъ формахъ. Тысяцкихъ, *сотскихъ* и *десятскихъ* назначаетъ уже князь; они имѣли военно-административныя, отчасти финансовыя компетенціи.

Въ меньшихъ административныхъ центрахъ встрѣчаемъ *посадниковъ*, какъ военно-административную власть. Въ качествѣ судебныхъ агентовъ встрѣчаемъ тіуновъ.

Внѣ этой административной схемы оставалась широкая область самоуправленія сельскихъ и городскихъ общинъ, въ которую княжьи чиновники вмѣшивались очень рѣдко. Широкимъ примѣненіемъ мѣстнаго самоуправленія объясняется, какъ государство могло обходиться съ такимъ несложнымъ административнымъ механизмомъ. Управленіе, собираніе податей, полиція и въ извѣстныхъ размѣрахъ судъ—все это составляло функціи самихъ общинъ, или болѣе сложныхъ ихъ организацій, вродѣ позднѣйшихъ „копъ". Есть основаніе думать, что общины иногда выкупали извѣстною суммою у князя судебныя пошлины своей территоріи, и тогда совершенно освобождались отъ вмѣшательства княжьихъ агентовъ не только въ область управленія, но и суда данной мѣстности. Къ сожалѣнію, о самоуправленіи общинъ источники говорятъ очень мало.

Организацію суда, даже княжескаго, мы знаемъ тоже мало; больше извѣстенъ намъ только процессъ, судопроизводство княжьихъ судовъ. Роль судьи въ процессѣ отличалась большою пассивностью. Слѣдствіе произ-

водитъ сама сторона, она же исполняетъ и приговоръ. Процессъ имѣетъ строго формальный, регламентированный характеръ, и субъективной оцѣнкѣ судьи остается очень мало мѣста,—явленіе вполнѣ понятное, если вспомнить, что судъ производили часто личные слуги князя (тіуны), иногда несвободные, и притомъ единолично. Въ качествѣ судебныхъ доказательствъ широко употреблялись показанія свидѣтелей и присяга: письменныя доказательства въ юридическихъ сборникахъ XI—XII в. (Русская Правда) еще не фигурируютъ вовсе. Апелляціи не существовало, потому что судья представлялъ особу князя, какъ его замѣститель. Кромѣ суда княжьяго и общиннаго, существовалъ судъ доминіальный—господина надъ своими рабами и слугами, и судъ церковный—въ извѣстныхъ, соприкасающихся съ религіею дѣлахъ и надъ церковными людьми.

Церковная организація была устроена по византійскому образцу и въ этотъ періодъ стояла въ тѣсной зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Даже стремленій къ ослабленію этой зависимости мы не встрѣчаемъ. Митрополиты присылались изъ Греціи, по происхожденію Греки же. Епископы избирались обыкновенно князьями, преимущественно изъ людей мѣстныхъ. Князья принимали вообще близкое участіе въ вопросахъ церковнаго управленія, даже въ религіозныхъ спорахъ, и вообще, какъ въ Византіи, такъ и въ старомъ Русскомъ государствѣ православная церковь имѣла весьма сильно выраженный государственный характеръ, пребывала въ тѣсномъ союзѣ и зависимости отъ правительственной власти и нисколько этимъ не тяготилась, усвоивъ византійское воззрѣніе, что свѣтская власть не только должна оказывать покровительство церкви, но и имѣть надзоръ за церковными дѣлами.

Мозаическій образъ „Нерушимой Стѣны“ въ алтарѣ св. Софіи (XII вѣка)—палладіумъ Кіева.

Въ общественной организаціи отличались три категоріи—а) правящій классъ,—люди княжьи, или дружина, б) правимое населеніе—„люди“ въ тѣсномъ смыслѣ, и в) категорія, образовавшаяся съ организаціей православной церкви,—люди церковные, изъятые изъ власти общей администраціи: духовенство и люди, питавшіеся при церкви или находившіеся подъ ея спеціальнымъ покровительствомъ. Въ каждой изъ этихъ категорій рѣзко отграничены классы людей свободныхъ, полноправныхъ, и несвободныхъ, безправныхъ: но между этими двумя классами экономическими отношеніями создаются группы людей, экономически зависимыхъ и потому въ своихъ гражданскихъ правахъ ограниченныхъ. Среди свободныхъ отли-

чаются *люди лѣпшии*, лучшіе, и люди меньшіе, также люди городскіе и волостные. Такимъ образомъ дифференціація была довольно значительная, но если исключить раздѣленіе на свободныхъ и несвободныхъ, она не отличалась рѣзкимъ разграниченіемъ: отдѣльные классы сближались переходными группами, и передвиженіе изъ одной въ другую вовсе не исключалось.

Имя дружины (отъ *другъ* - товарищи, пріятели) подчеркивало свободныя отношенія ея къ князю, которыя дѣйствительно существовали не только въ теоріи, но въ значительной степени и на практикѣ. Дружинникъ, особенно изъ старшихъ, выдающихся ея представителей (они называются „княжьими мужами", „боярами", „огнищанами"), считаетъ себя не слѣпымъ слугою князя, а его товарищемъ; поэтому онъ долженъ знать его намѣренія и планы. Ихъ связываетъ свободный договоръ: дружинникъ можетъ во всякое время оставить князя и перейти къ другому. Поэтому дружина слагалась изъ разнообразныхъ этнографическихъ и общественныхъ элементовъ, слѣдовавшихъ за своимъ княземъ изъ волости въ волость. Въ большинствѣ однако, особенно съ тѣхъ поръ, какъ княжьи династіи прочно основались въ отдѣльныхъ земляхъ,—дружина, и спеціально—ея высшій классъ, пріобрѣтаетъ мѣстный характеръ, пополняясь изъ мѣстнаго населенія, преимущественно изъ высшихъ классовъ мѣстнаго общества, часто изъ поколѣнія въ поколѣніе находившихся на службѣ князя и даже по наслѣдству занимавшихъ извѣстныя должности. Но двери въ это сословіе никогда не были закрыты постороннимъ элементамъ. Даже въ наиболѣе сплоченное боярство Галиціи, гдѣ особенно сложились боярскія династіи, все же проникали и достигали высокаго положенія люди „отъ племени смердья", „поповы внуки", хотя на нихъ и смотрѣли косо въ аристократическихъ кругахъ.

Земская аристократія—*бояре* (изъ боляринъ, большій), первоначально родовая, давно уже превратилась въ аристократію имущественную—классъ богатыхъ купцовъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ, а съ упадкомъ торговли и промышленности въ дальнѣйшихъ столѣтіяхъ все больше существеннымъ признакомъ этого класса становится землевладѣніе, и въ XIV—XV в. бояринъ дѣлается синонимомъ привилегированнаго землевладѣльца.

Эта имущественная аристократія, благодаря экономическому преобладанію, занимала вліятельное положеніе въ общественной жизни и, входя въ значительномъ числѣ въ составъ дружины князя, имѣла непосредственное вліяніе и на управленіе. Княжеско-дружинный строй, будучи изначала созданіемъ этихъ богатыхъ классовъ, и позже стоитъ съ ними въ тѣсномъ союзѣ и связи. Юридическіе кодексы кіевскіе (Русская Правда) ясно указываютъ на близость правительства къ богатымъ классамъ: охрану ихъ интересовъ они имѣютъ въ виду прежде всего. Демагогія была чужда княжескому правительству.

Среди сельскаго населенія ядро составляли такъ назыв. *смерды*, т. е. свободные и экономически самостоятельные крестьяне, сидѣвшіе на своихъ земляхъ и имѣвшіе собственное хозяйство. Это свободное крестьянство пользовалось всѣми гражданскими правами, самоуправленіемъ и собственнымъ судомъ въ своихъ общинахъ (остатки этого крестьянскаго общественнаго суда сохранились еще въ XVI в. въ такъ наз. копныхъ судахъ, которыми правительство пользовалось для слѣдственныхъ и полицейскихъ цѣлей).

Относительно обложенія крестьянскаго населенія данями и повинностями, за недостаткомъ современныхъ данныхъ, можемъ составить понятіе изъ указаній позднѣйшихъ (XV—XVI в.) о порядкахъ, предшествовавшихъ распространенію крѣпостного права и барщинныхъ работъ. Изъ этихъ указаній видимъ, что основаніемъ обложенія служила крупная хо-

зяйственная единица, называвшаяся *дворищемъ* (на Волыни и въ Галиціи), *землею* (въ Кіевской землѣ), *селомъ* (въ Сѣверской) и заключавшая въ себѣ обыкновенно нѣсколько крестьянскихъ семей; величина ея бывала очень разнообразна и ничѣмъ не регулировалась. Подати отличались большимъ разнообразіемъ, даже въ одномъ и томъ же селѣ; въ основаніи ихъ лежала старинная *дань*, которую платили медомъ, мѣхами, деньгами (позже данью спеціально называлась дань медовая, денежная же называлась посощиной, а дань хозяйственными продуктами въ Кіевской и Волынской землѣ называлась подымщиной). Другимъ изстариннымъ поборомъ было *полюдье*; первоначально этимъ именемъ обозначалась обязанность населенія содержать князя съ его дружиною при ихъ ежегодныхъ обходахъ за данью; позже она превратилась въ регулярную подать, собиравшуюся независимо отъ того, пріѣзжалъ ли дѣйствительно князь или его агентъ, или нѣтъ, и получила разныя спеціальныя названія. Наконецъ существовали оплаты для разныхъ княжьихъ агентовъ, въѣзжавшихъ на территорію общины за данями. Эти основныя категоріи обложенія современемъ обростали разными придатками, изъ которыхъ затѣмъ выростали самостоятельныя подати и вносили отмѣченное выше чрезвычайное разнообразіе въ систему податей.

Кромѣ крестьянъ-собственниковъ, работавшихъ на своемъ хозяйствѣ, существовали крестьяне безземельные, хозяйничавшіе на чужихъ земляхъ, или въ качествѣ батраковъ работавшіе на своего „господина", за плату или отрабатывая долгъ. Они называются ***изгоями***, ***сябрами*** и ***закупами*** (подъ этимъ послѣднимъ именемъ выступаютъ они въ постановленіяхъ Русской Правды). Лично они свободны, но ихъ экономическая зависимость отражается и на ихъ гражданскихъ правахъ: закупъ не можетъ, наприм., быть свидѣтелемъ въ судебныхъ процессахъ, кромѣ мелкихъ тяжбъ; его „господинъ" вправѣ наказывать „про дѣло". Только очень тонкая граница отдѣляла этихъ экономически-зависимыхъ людей отъ положенія несвободнаго, и они очень легко въ это положеніе попадали.

Тяжелыя условія жизни, упадокъ торговли и земледѣлія подъ вліяніемъ тюркскихъ опустошеній вели къ уменьшенію свободнаго крестьянства, мелкаго свободнаго промысла и къ увеличенію числа безземельныхъ батраковъ и несвободныхъ. Разоренныя крестьянскія хозяйства увеличивали собою имѣнія бояръ, а ихъ хозяева попадали въ безсрочную службу закупничества, съ тѣмъ, чтобы оттуда при первомъ случаѣ быть переведенными въ категорію холопей. Условія кредита были очень тяжелы; 15% считалось очень легкимъ, „христіанскимъ" процентомъ, а неоплатный должникъ попадалъ въ закупы или неволю. Лишеніе свободы практиковалось даже по закону въ цѣломъ рядѣ случаевъ.

Русская Правда указываетъ слѣдующіе источники рабства: если свободный или свободная вступили въ бракъ съ рабою или рабомъ, не выговоривъ себѣ свободы, или поступали въ дворовую службу безъ такой же гарантіи; если банкротъ признавался обанкротившимся по легкомыслію или недобросовестности (его продавали въ рабство въ пользу кредиторовъ); въ рабство обращались закупы за разные проступки; туда же попадали лица, которыя были не въ состояніи заплатить судебнаго штрафа (эти штрафы были очень велики). Наконецъ, очень распространеннымъ источникомъ рабства былъ плѣнъ во время войны.

По древнерусскому праву рабъ—„холопъ" не былъ юридическимъ лицомъ; законъ имѣлъ въ виду исключительно матеріальный ущербъ, причинявшійся рабомъ или въ его лицѣ наносившійся его господину. Рабъ не несетъ никакой отвѣтственности за свои поступки и не располагаетъ никакими правами. Господинъ имѣетъ надъ нимъ неограниченныя права, и въ эти отношенія господина и раба законъ не вмѣшивается вовсе.

Подъ вліяніемъ общественнаго прогресса и христіанской проповѣди такой принципіальный взглядъ на раба не былъ однако строго выдержанъ. Изъ случайныхъ указаній видимъ, что въ дѣйствительности рабы часто владѣли собственнымъ имуществомъ, вели торговыя операціи и т. д. Если экономическій процессъ переводилъ въ категорію несвободныхъ все большія массы людей полноправныхъ и экономически самостоятельныхъ, то съ другой стороны улучшалось и повышалось положеніе этого все возраставшаго класса несвободыхъ.

Обращаясь отъ общественныхъ и экономическихъ отношеній къ быту и культурѣ украинскихъ земель XI—XIII в., я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ болѣе характерныхъ сторонахъ ихъ жизни, каковы право, религіозныя идеи, книжность.

Источниками для изученія права служатъ, кромѣ договоровъ съ Византіею X в., юридическіе кодексы, извѣстные подъ общимъ именемъ Русской Правды; всѣ они, очевидно, составлены въ Кіевѣ, частными лицами, на основаніи судебныхъ рѣшеній и княжескихъ распоряженій. Несмотря на то, что онѣ даютъ картину юридическихъ отношеній только для первой половины разсматриваемаго періода, кіевское право и въ нихъ носитъ уже ясные признаки долгаго развитія и разработки.

Общественное значеніе преступленія признается уже вполнѣ ясно. Въ оцѣнкѣ его преобладаетъ взглядъ матеріальный, по которому проступокъ оцѣнивается по его результатамъ — по степени причиненнаго имъ вреда; но на ряду съ этимъ начинаетъ приниматься въ разсчетъ и напряженіе злой воли въ проступкѣ, сознательность и вмѣняемость его; однако понятія рецидива и степени участія въ проступкѣ кіевскому праву на данной ступени развитія еще неизвѣстны.

Фреска Кирилловской церкви въ Кіевѣ (XII столѣтіе).

Въ системѣ наказаній Русской Правды главное мѣсто занимали месть и денежный штрафъ. Месть или слѣдуетъ за приговоромъ, или предшествуетъ ему (послѣднее случалось, вѣроятно, чаще), и судъ только рѣшаетъ, имѣлъ ли право на месть и не подлежитъ ли за нее наказанію мститель. Въ полной силѣ оставляетъ ее и послѣдняя редакція Русской Правды. Если мстителя не было, или онъ отказывался отъ права мести, тогда преступленіе оплачивалось штрафомъ. Штрафомъ карались и проступки противъ правъ собственности. Кромѣ штрафа въ пользу пострадавшаго, взимался штрафъ въ пользу правительства. Подъ вліяніемъ византійскаго права правительство нѣсколько разъ пыталось ввести смертную казнь, но она всякій разъ отмѣнялась, слишкомъ противорѣча, очевидно, обычаямъ и правосознанію общества. Тѣлесное наказаніе практиковалось также исключительно только надъ рабами, за которыми человѣческихъ правъ не признавалось.

Въ сферѣ гражданскаго права обращаютъ на себя вниманіе поста-

новленія о займѣ, свидѣтельствующія о широкомъ развитіи кредита. Законодательство оказываетъ спеціальное покровительство торговому кредиту, старается уменьшить формальности для кредитныхъ сдѣлокъ между купцами и дѣлаетъ всякія снисхожденія для банкротствъ, происшедшихъ безъ вины даннаго лица.

Въ наслѣдственномъ правѣ многое остается неяснымъ. Существуетъ наслѣдованіе по закону и по завѣщанію, но кругъ наслѣдниковъ въ обоихъ случаяхъ собственно одинъ и тотъ-же: отецъ только правитъ имуществомъ семьи и потому ограниченъ въ распоряженіи имъ. Больше правъ имѣетъ мать относительно своей части. Объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ членовъ семьи при жизни отца Р. Правда не говоритъ почти ничего, очевидно — признавая за нимъ весьма широкую патріархальную власть въ семьѣ, за то много занимается отношеніями, возникающими по его смерти. Для опредѣленія положенія женщины интересенъ законъ, постановлявшій за ея убійство ту же пеню, что и за убійство мужчины: но если убивалъ мужъ виновную жену, то плата опредѣлялась только въ половинномъ размѣрѣ. При жизни мужа жена юридической роли не играетъ, очевидно, никакой, но по его смерти вдова получаетъ большое значеніе, какъ глава семьи и опекунша, а право очень заботливо оберегаетъ ее отъ притязаній дѣтей и родственниковъ.

Въ дѣйствительности и при жизни мужа жена пользовалась, несомнѣнно, большимъ значеніемъ: такъ, мы видимъ, что княгини принимаютъ замѣтное участіе въ управленіи, а Мономахъ въ своемъ поученіи сыновьямъ совѣтуетъ имъ не давать женамъ власти надъ собою. Въ бурную эпоху галицкой жизни первой половины XIII в. боярыни принимаютъ дѣятельное участіе въ политическихъ и партійныхъ отношеніяхъ и ихъ совѣты рѣшаютъ иногда даже чисто военные вопросы. Вообще въ семейныхъ отношеніяхъ стараго украинскаго быта было много здоровыхъ задатковъ, и если позднѣйшее вліяніе христіанства содѣйствовало упорядоченію и нѣкоторой идеализаціи этихъ отношеній, то съ другой стороны аскетическое недовѣріе и презрѣніе къ женщинѣ дѣйствовали въ совершенно обратномъ направленіи, и вели семейныя отношенія не впередъ, а назадъ.

Усвоеніе христіанскихъ идей и византійской церковности было главною чертою духовной жизни этой эпохи. Въ болѣе значительныхъ культурныхъ центрахъ, гдѣ еще предшествовавшія культурныя сношенія подготовили почву новой религіи и создали христіанскія общины задолго до оффиціальной христіанизаціи общества, это послѣдняя сдѣлала большіе успѣхи въ продолженіе одного столѣтія. Въ Кіевѣ уже въ концѣ одиннадцатаго вѣка видимъ массу домовыхъ церквей, многочисленные монастыри и людей, искренно и сильно преданныхъ христіанскому ученію. Внѣ такихъ центровъ послѣднее, конечно, распространялось медленно и съ количественнымъ умноженіемъ послѣдователей много проигрывало въ своей чистотѣ, приноровляясь къ остаткамъ старой религіи, смѣшиваясь съ ними, и такимъ образомъ превращаясь въ смѣсь элементовъ христіанскихъ и языческихъ, получившую въ старыхъ памятникахъ характерное названіе „двоевѣрія". Языческіе праздники, принявъ имя христіанскихъ или механически присоединенные къ нимъ, существовали далѣе, вплоть до нашего времени; на христіанскихъ святыхъ переносились свойства языческихъ божествъ: къ христіанскимъ обрядамъ присоединялись старые, языческіе (напр. свадебные, поминальные и т. д.).

Но двоевѣріе было только болѣе рѣзкимъ проявленіемъ того сочетанія христіанской внѣшности и языческой жизни, которое въ менѣе яркихъ формахъ совершенно ясно выступаетъ и у меньшинства, съ формальной стороны вполнѣ усвоившаго христіанство и получавшаго похвальные титулы „благовѣрныхъ" и „христолюбцевъ". Обрядъ, внѣшняя на-

божность, какъ стороны легче усвояемыя, главнымъ образомъ и принимались обществомъ, да и самимъ духовенствомъ часто рекомендовались такъ усиленно, что отодвигали на второй планъ нравственное содержаніе христіанства. Построеніе церквей, посѣщеніе богослуженія, постъ, милостыня и приношенія духовенству сдѣлались главными проявленіями благочестія [1]). Что касается непосредственнаго воздѣйствія на жизнь, то въ этомъ отношеніи христіанской проповѣди удалось повліять на ограниченіе свободы половыхъ отношеній, нѣсколько упорядочить бракъ и сдѣлать кое-что для улучшенія семейныхъ отношеній, хотя въ эту сферу она входила очень мало; несомнѣнно также, что она повліяла на улучшеніе положенія несвободныхъ и, можетъ быть, нѣсколько смягчила крайности лихвы. Успѣхи христіанской проповѣди въ этихъ сферахъ облегчались содѣйствіемъ правительства и его законодательства, въ значительной степени подчинившагося ея вліянію.

О силѣ вліянія христіанскаго ученія на наиболѣе искренно отдавшееся ему меньшинство можемъ судить по распространенію аскетизма, по характеру своему совершенно несвойственнаго природѣ первобытнаго Славянина. Христіанизація Русскаго государства совпадаетъ съ эпохою чрезвычайнаго развитія монашества въ Византіи и чрезмѣрнаго уваженія къ нему: монашество признавалось какъ бы нормою христіанской жизни, а всякое благочестіе въ мірѣ—только слабою копіею христіанства. Эти воззрѣнія перешли и въ украинское общество и со всѣмъ пыломъ неофитовъ были усвоены людьми съ болѣе чуткимъ моральнымъ чувствомъ. Уже въ половинѣ XI в. возникаетъ цѣлый рядъ монастырей въ Кіевѣ. Но настоящимъ творцомъ монашества здѣсь былъ игуменъ Печерскаго монастыря Ѳеодосій изъ Курска. Организованный имъ по византійскимъ образцамъ Печерскій монастырь сдѣлался главнымъ очагомъ аскетизма и образцомъ для всѣхъ монастырей восточной Европы. Въ XII и XIII в. монашество получаетъ большое развитіе. Центромъ его остается до полнаго своего упадка Кіевъ, гдѣ въ XII в. знаемъ до 20 монастырей; но они распространяются также и во всѣхъ остальныхъ земляхъ. Основаніе монастыря является почти обязательнымъ дѣломъ для каждаго выдающагося князя. Возникаютъ они и по инціативѣ самихъ монаховъ. Культурное значеніе ихъ и вліяніе на христіанизацію населенія несомнѣнны. Но самъ по себѣ аскетизмъ имѣлъ и нежелательныя стороны; уже самый принципъ—что только внѣ міра возможно истинное христіанское житіе, заставляя относиться къ мірской жизни пренебрежительно, давалъ тотъ выводъ, что къ мирскому житію вообще невозможно предъявлять строгія нравственныя требованія. Это вызывало уже тогда со стороны болѣе дальновидныхъ моралистовъ протесты противъ увлеченія монашествомъ.

Школа и книжность были принесены изъ Византіи, какъ принадлежности христіанства. Цѣлью обученія являлось расширеніе свѣдѣній о христіанскомъ ученіи, возможность преуспѣвать въ благочестіи. Въ литературномъ запасѣ, который получала Русь готовымъ изъ Греціи и Болгаріи, преобладала церковно-учительная литература, а то, что сообщалось изъ другихъ областей знанія, имѣло лишь служебное значеніе по отношенію къ ней и вообще было проникнуто церковностью. Это оказало свое вліяніе и на оргинальное творчество, запечатлѣвъ его на цѣлый рядъ послѣдующихъ столѣтій тѣмъ же религіознымъ характеромъ.

Объ организаціи и пріемахъ обученія намъ извѣстно мало. Оно производилось очевидно по византійскому образцу—въ монастырскихъ и

[1]) Характернымъ проявленіемъ этого преобладанія внѣшняго благочестія служатъ споры о томъ, можно ли поститься въ среду и пятницу, если въ этотъ день приходится праздникъ: споры эти весьма сильно волновали духовенство и интеллигенцію украинскихъ и великорусскихъ земель во второй половинѣ XII в.

каѳедральныхъ школахъ, гдѣ учили такъ наз. дидаскалы и маистры: такія школы должны были появиться и въ украинскихъ земляхъ со временъ Владиміра и Ярослава, о которыхъ лѣтописи сообщаютъ, что они собирали въ большомъ числѣ дѣтей для обученія. Кромѣ такого школьнаго обученія, имѣло мѣсто, конечно, и одиночное, когда желавшій поучиться ученикъ поступалъ въ ученіе къ грамотею, „маистру". Большинство учениковъ не шло въ наукѣ далѣе умѣнія читать. Письмо и счетъ были дальнѣйшею ступенью обученія. Всѣ другія свѣдѣнія почерпались изъ переводныхъ византійскихъ учебниковъ и энциклопедій, чтеніе которыхъ сопровождалось объясненіями наставника, если таковой имѣлся. Наибольшую сумму свѣдѣній они могли дать изъ исторіи (хотя и это были сухіе и не всегда достовѣрные факты), меньше и хуже всего—изъ естественныхъ наукъ.

Изученіе греческаго языка, открывавшее двери къ оригинальной византійской литературѣ, было высшею степенью науки, а вѣнцомъ ея считалось литературное образованіе, усвоеніе тайнъ риторики, стиля, чего очень трудно было достигнуть безъ руководства наставника. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ XI—XIII в. рядъ людей, вполнѣ овладѣвшихъ и литературною манерою, и содержаніемъ византійской образованности, и стоявшихъ вполнѣ на ея уровнѣ, какъ митр. Иларіонъ, Кириллъ еп. туровскій, Климентъ Смолятичъ и нѣкоторые анонимные авторы. Но эти „философы" составляли меньшинство сравнительно съ людьми, писавшими „попросту", т. е. простыми, болѣе или менѣе талантливыми начетчиками.

Объ оригинальной литературѣ этого времени мы вообще располагаемъ очень отрывочными свѣдѣніями. Вслѣдствіе позднѣйшихъ невзгодъ и упадка культурной жизни въ украинскихъ земляхъ въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, до насъ дошло главнымъ образомъ то, что сохранилось въ земляхъ сѣверныхъ, великорусскихъ, и такъ какъ до половины XII в. великорусскія земли стояли въ болѣе тѣсной зависимости отъ Кіева, то и сохранились здѣсь главнымъ образомъ произведенія XI и первой половины XII в. Такимъ образомъ, мы имѣемъ очень мало матеріала для сужденія о литературномъ движеніи въ украинскихъ земляхъ во второй половинѣ XII и въ XIII в., да и для предшествующаго времени ни въ какомъ случаѣ не можемъ положиться на полноту наличнаго матеріала.

Сообразно общему характеру просвѣщенія, наибольшее развитіе получила литература учительная—поученія, въ формѣ проповѣдей и посланій, и житія святыхъ. Литература этого рода находилась, конечно, въ тѣсной зависимости отъ византійскихъ образцовъ: даже авторы житій идутъ слѣпо за византійскими шаблонами, заимствуя изъ нихъ не только пріемы, но и цѣлые эпизоды, даже просто приспособляя византійскія житія къ своимъ святымъ. Больше оригинальности и свѣжести видимъ въ исторической литературѣ, получившей большое развитіе, но сохранившейся для насъ только въ видѣ нѣсколькихъ лѣтописныхъ компиляцій XII—XIII вв. Здѣсь мы встрѣчаемъ разсказы, цѣликомъ вышедшіе, очевидно, изъ-подъ пера людей свѣтскихъ или со свѣтскими интересами, участниковъ политическихъ событій и войнъ, и въ нихъ въ полной свѣжести доходитъ до насъ вѣяніе жизни (такова напр., средняя часть Кіевской лѣтописи XII в., нѣкоторыя части Галицко-волынской). Литературная манера обыкновенно проста, безпритязательна; исключеніе составляетъ вступительная часть Галицкой лѣтописи, въ которой мы имѣемъ, очевидно, произведеніе тогдашней украинской литературной школы, съ ея красивымъ, образнымъ, иногда слишкомъ изукрашеннымъ и тяжелымъ стилемъ, выработавшимся изъ сліянія элементовъ византійскаго риторства и украинскаго поэтическаго творчества. Къ этой школѣ принадлежитъ цѣлый рядъ произведеній конца XII и начала XIII в.—окончаніе кіевской лѣтописи XII в. и галицкая

XIII, слова Кирилла еп. туровскаго, Моленіе Даніила и знаменитое Слово о полку Игоревѣ.

„Слово о полку Игоревѣ“ является единственнымъ сохранившимся въ цѣлости произведеніемъ поэтическаго творчества, но оно заключаетъ въ себѣ указанія на цѣлый рядъ произведеній и поэтовъ, да и самою своею техникою, своимъ стилемъ, усвоившимъ въ изобиліи элементы стараго язычества, массою картинъ и образовъ сжатыхъ, сведенныхъ до намековъ, свидѣтельствуетъ о существованіи поэтической традиціи, очень старой, культивировавшейся въ рядѣ поколѣній, опиравшейся, съ одной стороны, на византійской литературѣ, въ ея славянско-украинскомъ одѣяніи, съ другой стороны—на поэзіи народной. Нѣкоторые обломки этого поэтическаго творчества дошли до насъ также и въ нашихъ лѣтописныхъ компиляціяхъ.

Изъ сферы искусства въ значительномъ количествѣ сохранились произведенія архитектуры и живописи (фрески и миніатюры), къ которымъ примыкаютъ также мозаики и эмали, затѣмъ немного рѣзьбы на камнѣ и очень много декоративнаго искусства въ области ювелирныхъ издѣлій. Въ архитектурѣ и живописи, мозаикѣ и эмальерствѣ украинскіе мастера являются учениками и подражателями Грековъ. Первые, старѣйшіе мѣстные памятники вышли изъ рукъ греческихъ мастеровъ, но уже во второй половинѣ XI в. появляются свои мѣстные артисты, ученики Грековъ; изъ первой половины XII в. мы имѣемъ уже несомнѣнные памятники работы мѣстныхъ мастеровъ (напр., въ монастырскихъ церквяхъ св. Михаила и св. Кирилла въ Кіевѣ). Подражая византійскимъ образцамъ, они вносили и новыя, собственныя особенности въ свои произведенія. Съ теченіемъ времени эти новыя примѣси и новыя теченія должны были выступать все рѣзче; но къ сожалѣнію и тутъ, какъ и въ литературѣ, для наиболѣе интереснаго для насъ времени, XIII—XIV вв., мы не располагаемъ почти никакимъ матеріаломъ. Въ жалкихъ остаткахъ церковной архитектуры Галиціи видны слѣды западнаго вліянія; о нихъ говорятъ также литературныя произведенія. Это сочетаніе элементовъ мѣстныхъ, византійскихъ и западныхъ представляло бы для насъ большой интересъ, но матеріалъ слишкомъ скуденъ, да и тотъ не собранъ и не изученъ достаточно.

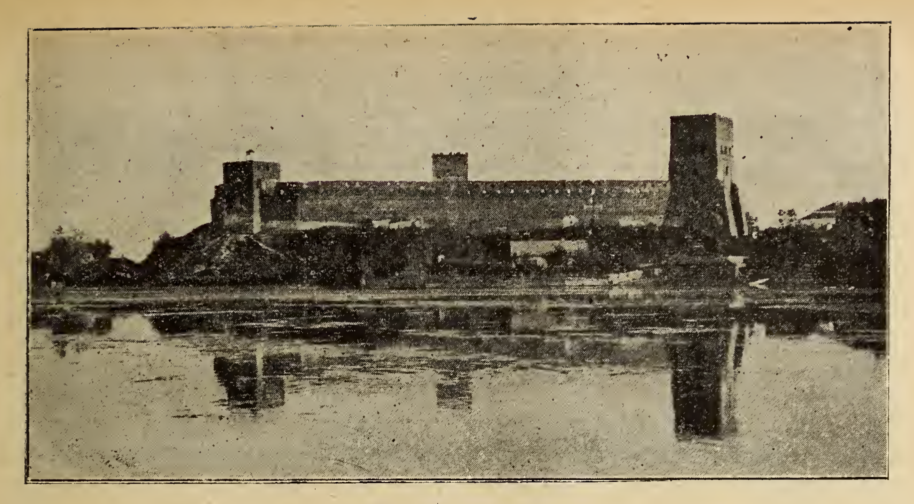
Больше интереса и разнообразія представляютъ богатые остатки древняго прикладного искусства—въ издѣліяхъ ювелирныхъ. Тутъ съ вліяніями византійскими изначала смѣшиваются чрезвычайно старыя и сильныя на украинской территоріи вліянія восточныя, причемъ какъ тѣ, такъ и другія, болѣе или менѣе самостоятельно перерабатываются украинскими мастерами. Мы встрѣчаемъ здѣсь большое богатство орнаментаціонной техники (гравировка, оксидировка, эмаль, филигранъ, зернь) и если для однихъ мотивовъ могутъ быть указаны близкіе образцы въ искусствѣ византійскомъ или восточномъ, то въ другихъ мы имѣемъ очевидно оригинальныя комбинаціи или только очень далекіе отзвуки чужихъ образцовъ. Техника этихъ издѣлій украинскихъ мастеровъ стоитъ очень высоко—иногда значительно выше аналогическихъ западно-европейскихъ издѣлій XI—XII вв.

Вообще жизнь и культура украинскихъ земель XI—XIII вв. отличается значительнымъ развитіемъ и большимъ разнообразіемъ элементовъ, культурныхъ теченій и ихъ вліяній, встрѣчавшихся на украинской территоріи. Тѣсно примкнувъ съ концомъ X в. къ византійской культурѣ, она съ XIII в. все сильнѣе сближается съ западомъ, и его вліяніе въ галицкихъ памятникахъ первой половины XIV вѣка чувствуется очень сильно (князья употребляютъ печати западнаго образца, грамоты ихъ канцеляріи пишутся по-латыни и т. п.). Но подражаніемъ не исчерпывалось содержаніе украинской жизни. Въ ней чувствуется внутренняя сила развитія

и движенія и она могла дать намъ весьма интересные результаты при болѣе благопріятныхъ условіяхъ развитія. Слабою стороною украинской культуры было то, что она опиралась на слишкомъ незначительное верхнее меньшинство населенія. Паденіе государственной жизни, въ связи съ упадкомъ богатаго городского и землевладѣльческаго боярства, подорвало ее вполнѣ, и изъ нея уцѣлѣли только тѣ жалкіе остатки, какіе могли быть усвоены народными массами да темнымъ сельскимъ духовенствомъ,— остатки, которые не даютъ намъ никакого представленія о богатомъ культурномъ содержаніи и развитіи старой Руси и у соприкасавшихся съ ними постороннихъ элементовъ создавали совершенно ложныя понятія о послѣдней.

Подробнѣе объ общественномъ строѣ и управленіи—«Історія України-Руси», т. III, гл. 3, объ отношеніяхъ экономическихъ, бытѣ и культурѣ— тамъ же, гл. 4.

Эмалированная цѣпь и колты (ушныя подвѣски) — изъ клада, найденнаго въ Кіевѣ, въ оградѣ Михайловскаго монастыря.



Луцкій замокъ, резиденція Любарта и Свитригайла

IX. Паденіе государственной жизни — переходъ украинскихъ земель подъ власть в. кн. Литовскаго и Польши.

Съ паденіемъ государственной жизни въ восточной Украинѣ, области ея постепенно становятся владѣніями литовскихъ князей. Галицко-волынскія земли, признавшія въ 1340 г. своимъ княземъ Любарта Гедиминовича, на мѣсто убитаго Юрія-Болеслава,—были не единственнымъ пріобрѣтеніемъ литовской династіи на украинской территоріи этого времени. Среднія десятилѣтія XIV вѣка были временемъ чрезвычайно дѣятельнаго и успѣшнаго собиранія земель стараго Русскаго государства, съ ихъ ослабленнымъ или разложившимся вовсе государственнымъ строемъ, князьями литовскими, представителями новой, только что формирующейся, неизжитой политической силы.

Сильно запоздавшая и въ культурномъ и въ общественномъ развитіи своемъ, литовская народность въ XIII в. начинаетъ организоваться политически, совершаетъ этотъ процессъ чрезвычайно быстро и успѣшно, и одновременно притягиваетъ къ себѣ разбитые остатки стараго Русскаго государства. Мендовгъ, считающійся основателемъ Литовскаго государства, только еще собираетъ литовскія племена въ болѣе сильную и сплоченную государственную организацію, но одновременно владѣетъ уже цѣлымъ рядомъ мелкихъ бѣлорусскихъ княжествъ въ бассейнѣ Нѣмана, Припети и Березины и старается распространять свою власть далѣе, на земли черниговскія, смоленскія, полоцкія (въ серединѣ XIII в.). Галицко-волынскіе князья недружелюбно смотрѣли на эту новую политическую силу, но остановить ея роста не успѣли. Не удались и ихъ династическіе планы — путемъ союзовъ и браковъ провести своихъ членовъ на княжьи столы этого новаго Литовскаго государства; одинъ изъ сыновей Данила, Шварно, дѣйствительно получилъ-было литовскій великокняжескій престолъ отъ сына Мендовга—Войшелка, но умеръ вслѣдъ затѣмъ, и новыя литовскія династіи вскорѣ освобождаются вовсе отъ всякаго вліянія галицко-волынскихъ князей. Съ началомъ же XIV в. утвердившаяся въ литовскихъ земляхъ династія Гедимина съ удвоенною энергіею собираетъ бѣлорусскія и украинскія земли.

Этотъ процессъ собиранія кіевскаго наслѣдія литовскою династіею очень мало извѣстенъ въ деталяхъ. Проходилъ онъ большею частью безъ шума и громкихъ событій, безъ большихъ войнъ и значительныхъ перемѣнъ въ строѣ присоединяемыхъ земель, и потому очень мало оставилъ

слѣдовъ въ источникахъ, тѣмъ болѣе, что изъ этихъ земель отъ XIV в. не сохранилось для насъ никакихъ мѣстныхъ лѣтописей и очень мало актоваго матеріала. Стоя гораздо ниже въ культурномъ и общественномъ развитіи сравнительно съ народностью присоединяемыхъ земель, украинскою или бѣлорусскою, литовская народность подпадала вліянію славянскаго элемента, его государственныхъ и общественныхъ формъ, религіи, быта, письменности. Бѣлорусскій языкъ сдѣлался языкомъ письменности и дѣлопроизводства в. кн. Литовскаго на все послѣдующее время (литовскій языкъ въ письменности не употреблялся); право и политико-общественная схема, выработанная Кіевскимъ государствомъ, легли въ основу государственнаго права в. кн. Литовскаго; сама династія литовская сильно обрусѣла: между ея членами во второй половинѣ XIV в. большинство князей было православныхъ и совсѣмъ обрусѣвшихъ[1]). Вліяніе оказывала особенно бѣлорусская стихія, такъ какъ бѣлорусскія земли раньше были присоединены и тѣснѣе связаны съ в. кн. Литовскимъ, чѣмъ земли украинскія.

Отчасти въ силу культурной бѣдности Литвы, отчасти изъ политическихъ соображеній, литовскіе князья и позже старались вносить какъ можно меньше перемѣнъ въ строй и отношенія своихъ славянскихъ провинцій: „мы старины не рушаемъ, а новины не уводимъ“,—было ихъ лозунгомъ. На первыхъ же порахъ литовская оккупація вносила лишь минимальныя перемѣны въ отношенія присоединяемыхъ земель: нетронутыми оставались всѣ правовыя нормы, общественный строй и жизнь; очень часто оставались на своихъ мѣстахъ и прежніе князья (гдѣ они были), и только въ видѣ высшей власти являлся теперь среди нихъ какой-нибудь членъ литовской династіи, или самъ великій князь, а отношеніе новаго правительства къ новой провинціи ограничивалось, самое большее, требованіемъ участія въ военныхъ походахъ. При такихъ отношеніяхъ и при бѣдности нашихъ источниковъ неудивительно, что мы иногда только позже узнаемъ о совершившейся перемѣнѣ—присоединеніи той или другой земли къ в. кн. Литовскому, а время и обстоятельства этого факта остаются совершенно неизвѣстными.

Въ первой четверти XIV в. большинство бѣлорусскихъ земель уже такъ или иначе было связано съ в. кн. Литовскимъ, и литовскіе князья протягивали руки и къ землямъ украинскимъ. Изъ позднѣйшихъ извѣстій и нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній выходитъ, что уже въ первой четверти XIV в. (при послѣднихъ Романовичахъ галицко-волынскихъ, или въ

---

[1]) Вотъ генеалогія этой династіи (отмѣчаю только интересныхъ для насъ ея членовъ):

Путуверъ (варіанты: Pucuverus, Lutuverus) † около 1293 г.

Витень † 1315 — Гедиминъ † 1341

Гедиминъ: Ольгердъ (см. ниже) — Кейстутъ † 1382 — Коріатъ † ок. 1385 — Любартъ † ок. 1835

Кейстутъ: Витовтъ † 1430 — Сигизмундъ † 1440

Коріатъ: Юрій — Александръ — Константинъ — Федоръ, подольскіе князья

Любартъ: Федоръ † 1431

Линія Ольгерда: Ольгердъ † 1377

Владиміръ кн. кіевскій — Ягайло † 1434 — Свитригайло † 1452

Владиміръ: Олелько † ок. 1454

Олелько: Семенъ † 1470 — Михаилъ † 1481

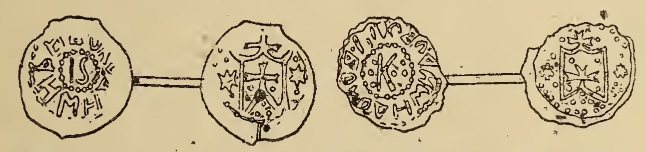
Ягайло: Владиславъ † 1444 — Казиміръ † 1492

Казиміръ: Іоаннъ-Альбрехтъ † 1501 — Александръ † 1505 — Сигизмундъ † 1548

Сигизмундъ: Сигизмундъ-Августъ † 1572

междуцарствіе по ихъ смерти), оторвана была отъ Галицко-волынскаго государства и присоединена къ в. кн. Литовскому волость Берестейско-дорогичинская, т. е. земли по среднему теченію Зап. Буга. Позднѣйшее генеалогическое сказаніе говоритъ, что одинъ изъ литовскихъ князей, котораго оно называетъ Видомъ и помѣщаетъ между Мендовгомъ и братомъ (и предшественникомъ) Гедимина Витенемъ, присоединилъ къ в. кн. Литовскому значительную часть Древлянской земли, то есть сѣверо-западной Кіевщины. При Гедиминѣ уже и Кіевъ стоялъ, очевидно, въ сферѣ политическаго вліянія Литвы, хотя кіевскій князь формально находился еще подъ властью Татарской орды (источники называютъ кіевскимъ княземъ какого-то Федора, маленькаго князька, неизвѣстнаго происхожденія). Подъ власть литовской династіи Кіевъ окончательно перешелъ уже при сынѣ Гедимина, Ольгердѣ, который отобралъ его отъ послѣдняго князя, упомянутаго уже Федора, и посадилъ здѣсь своего сына Владиміра (около 1360 г.). Вмѣстѣ съ Кіевомъ въ зависимость отъ него пришли и огромныя, запустѣвшія пространства на лѣвомъ берегу Днѣпра (земли стараго Переяславскаго княжества и сосѣднія съ нимъ территоріи), и съ тѣхъ поръ, въ XV—XVI вв. они причислялись тоже къ Кіеву.

При Ольгердѣ же приведены были въ зависимости отъ великаго князя Литовскаго и земли старого Черниговскаго княжества, а также край по среднему теченію Днѣстра и Южнаго Буга, который теперь



Монеты Владимира Ольгедровича, князя кіевскаго, съ его геральдическимъ знакомъ и татарскими клеймами.

получаетъ имя Подолья. Въ этомъ краѣ первоначально соперничали вліянія Кіева и Галича, позже онъ былъ притянутъ Галицко-волынскимъ государствомъ, но движеніе „татарскихъ людей“ поставило его въ непосредственную зависимость отъ Татарской орды. Когда Ольгерда, въ 1360-хъ годахъ, произошелъ разрывъ съ Татарами, его племянники, сыновья Коріата Гедиминовича, засѣли въ подольскихъ городахъ, укрѣпили ихъ противъ Татаръ и образовали еще одно княжество, ставшее въ извѣстную зависимость отъ великаго князя литовскаго.

Въ черниговскія отношенія Ольгердъ вмѣшался по связи ихъ съ смоленскими. Главнѣйшимъ изъ черниговскихъ столовъ—Брянскомъ—владѣли тогда смоленскіе князья, и Ольгердъ, старавшійся овладѣть Смоленскомъ, захватилъ Брянскъ въ 1350-хъ годахъ (около 1357—58 гг.). Это было началомъ его дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ черниговскихъ земляхъ; подробностей ихъ не знаемъ, но въ послѣдней четверти XIV в. видимъ всѣ важнѣйшіе столы западной части Черниговской земли (Брянскъ, Новгородъ, Черниговъ, Стародубъ) въ рукахъ нѣсколькихъ князей изъ литовской династіи, а въ восточной—мелкихъ князей изъ старой династіи приведенныхъ въ зависимость отъ Литвы. Эту зависимость поддерживалъ здѣсь рядъ крѣпостей, находившихся въ непосредственной власти литовскихъ князей.

Такимъ образомъ вся восточная Украина въ послѣдней четверти XIV вѣка была подчинена великому князю литовскому. Этотъ блестящій результатъ былъ достигнутъ въ сравнительно непродолжительное время, безъ большихъ хлопотъ и особеннаго напряженія. Населеніе безъ сопротивленія подчинялось великому князю литовскому; прежніе князья оставались

на своихъ мѣстахъ, подъ верховенствомъ князей изъ новой династіи, или были безъ труда смѣщаемы,—слишкомъ были они слабы, чтобы сопротивляться. Татарская орда, считавшая эти земли своими „улусами“, была слишкомъ разстроена и ослаблена во второй половинѣ XIV в., чтобы оказать серьезное противодѣйствіе. Изъ 1360—70-хъ гг. мы имѣемъ извѣстіе о конфликтахъ Литвы съ Татарами, вызванныхъ, очевидно, этимъ движеніемъ ея въ украинскія земли, но эти конфликты не могли остановить литовской оккупаціи. Татарскіе ханы и потомъ считали восточную Украину своимъ улусомъ и претендовали на дань; эти претензіи иногда до нѣкоторой степени удовлетворялись, иногда же отражались вооруженною силою, но во всякомъ случаѣ не мѣшали фактической оккупаціи украинскихъ земель литовскими князьями,—впрочемъ совершенно уже ассимилировавшимися и превратившимися въ украинскихъ князей литовской династіи.

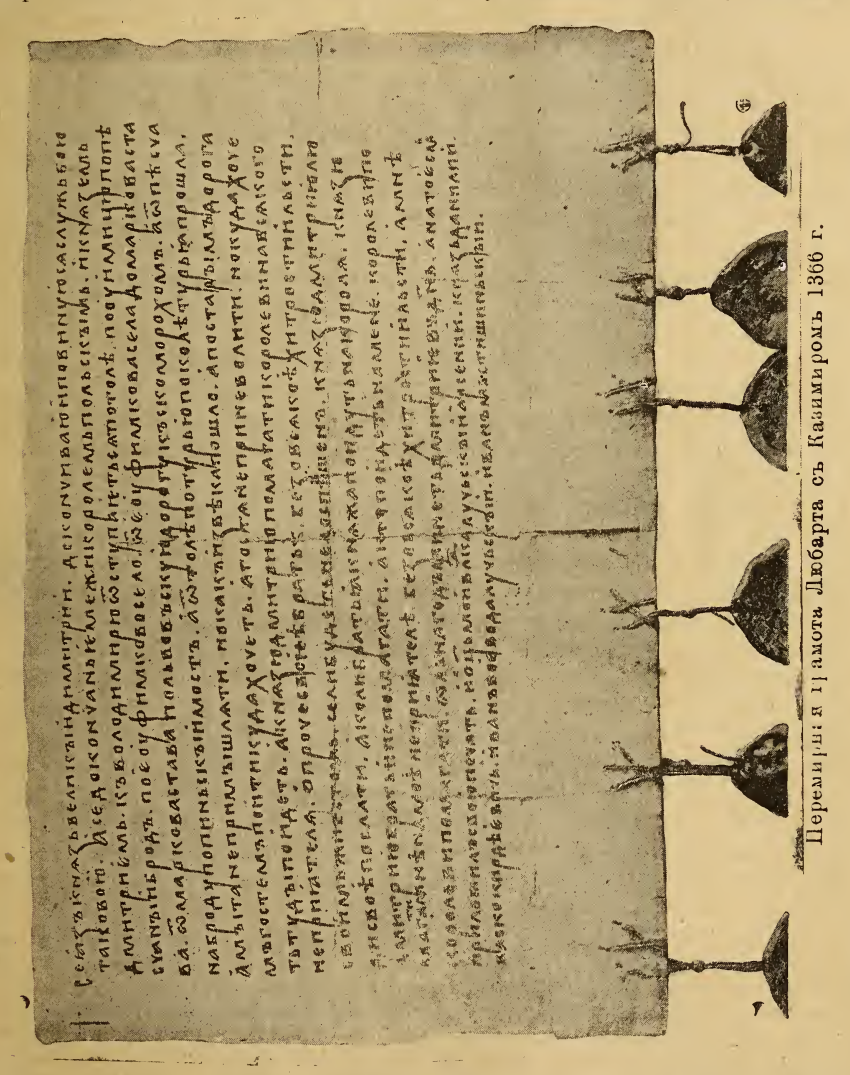
Гораздо большаго напряженія потребовалось отъ литовскихъ князей, чтобы удержать въ своихъ рукахъ западныя земли Украины, и имъ въ концѣ концовъ не удалось собрать въ своихъ рукахъ всѣ украинскія земли.

Я уже упомянулъ, что еще, вѣроятно, при жизни Юрія-Болеслава между польскимъ и венгерскимъ королемъ состоялось соглашеніе относительно совмѣстныхъ дѣйствій въ Галицко-волынскихъ земляхъ. Одновременный походъ ихъ въ Галицію, при первой вѣсти о смерти Юрія-Болеслава, наводитъ на мысль, что уже тогда существовало между ними соглашеніе въ галицкомъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ существованіе такого соглашенія между ними позже не подлежитъ сомнѣнію, и если оно не было заключено передъ смертью Юрія-Болеслава, то состоялось немногимъ позже. Это была династическая комбинація въ родѣ компромисса 1214 г. Венгерскій король предоставлялъ свободу дѣйствія Польшѣ въ Галицко-волынскихъ земляхъ. Польскій король въ случаѣ отсутствія у него мужского потомства обѣщалъ передать послѣ себя польскую корону венгерской династіи. Въ случаѣ же, если бы у польскаго короля явились мужскіе потомки, венгерскій король, сохранявшій и впредъ свои „историческія права“ на Галицію, выговорилъ себѣ право получить ее отъ Польши за уплатою военныхъ издержекъ

Въ силу этого соглашенія Казимиръ въ своей борьбѣ за Галицко-волынскія земли находилъ болѣе или менѣе дѣятельную поддержку въ Венгріи; дѣятельнымъ союзникомъ его былъ также папа. Любартъ же главнымъ образомъ долженъ былъ опираться на мѣстныя, украинскія силы Волыни: Ольгердъ и прочіе литовскіе князья лишь изрѣдка имѣли возможность притти ему въ помощь, такъ какъ при всей своей чрезвычайной экстенсивности Литовское государство было слабо организовано не только теперь, но и позже: многочисленныя и разноплеменныя земли, собранныя литовскими князьями, не были сконцентрированы въ одинъ сильный организмъ, и къ сильнымъ напряженіямъ эта государственная организація не была способна; притомъ до самаго XV в. ея силы и вниманіе постоянно были отвлекаемы борьбою съ нѣмецкими рыцарскими орденами, неустанно опустошавшими литовскія земли и стремившимися къ завоеванію сосѣднихъ литовскихъ территорій. Польша же, потерявшая въ это время свои западныя провинціи, напрягала всѣ усилія чтобы вознаградить себя въ украинскихъ. Въ такихъ условіяхъ развилась упорная и чрезвычайно важная своими послѣдствіями, какъ начало оккупаціи Польшею украинскихъ земель, борьба за Галицко-волынскія земли.

Первый походъ Казимира въ 1340 г. не имѣлъ важныхъ результатовъ: Дмитро Дедько, старѣйшій изъ галицкихъ бояръ, правившій отъ имени Любарта Галиціею, призвалъ на помощь Татаръ, и Казимиръ, въ виду грозившаго татарскаго нашествія, заключивъ договоръ съ Дедькомъ,

долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ притязаній на Галицію. Онъ ихъ не оставилъ однако. Уже около 1345 г. видимъ въ рукахъ Казимира западную галицкую окраину—Саноцкую землю, а въ 1349 г., обезпечивъ себѣ нейтралитетъ Татаръ, онъ, собравъ значительныя силы, внезапнымъ походомъ захватилъ Галицію и большую часть Волыни. Любартъ, правда, немедленно оправился, возвратилъ себѣ Волынь и старался отнять у Казимира Галицію; но здѣсь польская оккупація держалась устойчивѣе.



Перемирная грамота Любарта съ Казимиромъ 1366 г.

Перемиріе 1352 г. оставило въ фактическомъ владѣніи Казимира Галицію, въ рукахъ литовскихъ князей Волынь, и несмотря на то, что борьба продолжалась послѣ того еще четверть столѣтія, доходя по временамъ до очень сильнаго напряженія, только временами той или другой сторонѣ удавалось подвинуть границу своей оккупаціи въ ту или другую сторону; въ главныхъ же чертахъ владѣнія спорящихъ сторонъ держались устойчиво въ предѣлахъ, указанныхъ первымъ перемиріемъ: Галиція, съ Холмскою землею, оставалась въ оккупаціи польско-венгерской, волынскія земли—во власти Любарта.

Причину этой неудачи Любарта въ Галиціи, кромѣ неравенства

силъ, нужно видѣть также въ томъ, что боярство, правившее здѣсь именемъ Любарта, не пользовалось популярностью. Казимиръ же съ первою оккупаціею постарался конфискаціями и репрессіями ослабить наиболѣе ревностныхъ противниковъ Польши и ввести новые элементы, въ видѣ польскихъ, нѣмецкихъ и иныхъ колонистовъ и землевладѣльцевъ, имѣвшихъ всѣ поводы благопріятствовать польской оккупаціи. Галиція осталась во власти Польши, Волынь во власти Любарта.

До смерти Казимира (1370) Галиція находилась въ фактическомъ владѣніи Польши. Такъ какъ у него не было сыновей, то, на основаніи упомянутыхъ соглашеній, польская корона перешла къ венгерскому королю Людовику, соединившему въ своихъ рукахъ Венгрію и Польшу. Но такъ какъ и у Людовика не было сыновей, а наслѣдованіе по женской линіи не было предусмотрѣно предшествовавшими трактатами и встрѣчало довольно сильныя препятствія, то Людовикъ, не считая польскую корону вполнѣ надежною, постарался обезпечить Венгріи владѣніе Галиціею и потому сначала (въ 1372 г.) далъ ее во владѣніе своему вѣрному человѣку Владиславу, князю опольскому (изъ онѣмеченныхъ польскихъ князей Силезіи), какъ венгерскій ленъ, а потомъ обратилъ въ венгерскую провинцію и раздалъ въ управленіе венгерскимъ намѣстникамъ (1379 г.). Но въ 1387 г., устроивъ бракъ кор. Ядвиги съ Ягайломъ, т. е. найдя новую точку опоры противъ Венгріи (которая къ тому была тогда въ чрезвычайно плачевномъ положеніи вслѣдствіе внутреннихъ смутъ), польское правительство снарядило походъ и окончательно присоединило Галицію къ Польшѣ [1]).

Въ концѣ концовъ упорная борьба Польши съ литовскими князьями, или, лучше сказать, съ украинскимъ населеніемъ, поддерживавшимъ этихъ князей въ борьбѣ съ польскою оккупаціею [2]), была прервана этой неожиданною династическою комбинаціею, которой суждено было имѣть чрезвычайно важное вліяніе на всю дальнѣйшую исторію восточной Европы. Польское правильство, т. е. малопольскіе паны, правившіе Польшею по смерти кор. Людовика, устроили бракъ его наслѣдницы на польскомъ тронѣ, королевы Ядвиги, съ сыномъ и наслѣдникомъ Ольгерда на престолѣ велик. княжества Литовскаго, Ягайломъ, и Ягайло, очень заинтересованный надеждою соединить подъ своею властью Литву и Польшу, для ея осуществленія далъ согласіе на цѣлый рядъ условій, поставленныхъ ему польскими правителями. Между прочимъ, онъ обѣщалъ присоединить къ Польшѣ на вѣчныя времена земли вел. князя Литовскаго. Въ этомъ смыслѣ выдана была имъ грамота, 15 августа 1385 г., въ г. Кревѣ

---

[1]) Венгрія опротестовала это нарушеніе своихъ правъ, но болѣе энергично выступить тогда была не въ состояніи. Вопросъ о правахъ на Галицію подымался на дипломатическихъ конференціяхъ, но рѣшеніе его откладывалось все далѣе и далѣе, и наконецъ дѣло это заглохло въ половинѣ XV в. вовсе, и только когда былъ поднятъ вопросъ о раздѣлѣ Польши въ XVIII в., выступили на свѣтъ Божій снова эти историческія права Венгріи на Галицію, и, какъ я упоминалъ, послужили поводомъ къ присоединенію послѣдней къ Австріи, вмѣстѣ съ сосѣдними провинціями.

[2]) Какъ я уже сказалъ, Любартъ велъ войну почти исключительно силами своей Волынской земли, то есть мѣстнаго украинскаго населенія, которое очень стойко держалось Любарта и энергически оборонялось отъ польской оккупаціи (особенно выдаются въ нашихъ небогатыхъ источникахъ двѣ осады польско-венгерскими войсками Белза въ 1352 и 1377 г.г., когда его гарнизоны оказали необыкновенную стойкость и отвагу). Со свойственной литовскимъ князьямъ податливостью для славянской культуры, Любартъ очень скоро приноровился къ мѣстной жизни, и его правленіе было равносильно сохраненію старыхъ общественныхъ и культурныхъ отношеній, между тѣмъ какъ польская оккупація несла смерть имъ подъ наплывомъ польской шляхты и польскаго права. Въ виду этого борьба имѣла глубокое народное значеніе.

(такъ называемая Кревская унія), и затѣмъ въ 1386 г. послѣдовалъ его бракъ съ Ядвигой.

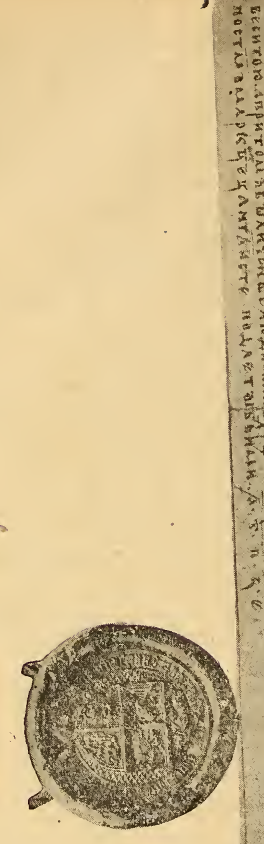
На основаніи Кревскаго акта всѣ земли великаго княжества Литовскаго, въ томъ числѣ всѣ украинскія земли должны были превратиться въ польскія провинціи (не говоря о Галиціи, которую польскіе правители сами непосредственно присоединили къ Польшѣ немного позже), а самое великое княжество Литовское, какъ отдѣльный политическій органъ должно было перестать существовать. Польская дипломатія однимъ почеркомъ пера пріобрѣтала огромныя пространства, превышавшія территорію самого Польскаго государства. Но этотъ тріумфъ пока оставался только на пергаментѣ и реализировать такія дипломатическія пріобрѣтенія иногда бываетъ гораздо труднѣе, чѣмъ достигнуть ихъ въ трактатахъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Правда, князья, владѣвшіе какими либо землями въ границахъ великаго князя Литовскаго, по приказу Ягайла безпрекословно выдавали грамоты, которыми обязывались не только быть вѣрными Ягайлу, его королевѣ и дѣтямъ, но и принадлежать къ Польскому королевству. Ягайло, занимая польскій престолъ, соединялъ въ своемъ лицѣ особы польскаго короля и литовскаго великаго князя и этимъ единствомъ покрывалъ разницу между принадлежностью къ Польшѣ и къ великому княж. Литовскому. Пока въ фактическія отношенія не вносилось никакихъ перемѣнъ, кревское обязательство могло спокойно существовать. Но какъ только польскіе политики захотѣли осуществить на дѣлѣ кое-что изъ кревскаго акта, протестъ былъ неизбѣженъ, и выразителемъ его явился Витовтъ, двоюродный братъ Ягайла, сынъ убитаго имъ Кейстута Гедиминовича.

Витовтъ сначала добивался отъ Ягайла только возвращенія отцовскихъ владѣній. Союзъ съ крестоносцами далъ, однако, ему такое сильное оружіе, что онъ идетъ затѣмъ дальше въ своихъ требованіяхъ. Онъ пріобрѣтаетъ позицію замѣстителя Ягайла въ управленіи великимъ княжествомъ, упрочиваетъ свое положеніе, а въ 1398 г., подъ вліяніемъ раздраженія, которое вызвали среди князей и бояръ вел. кн, Литовскаго претензіи краковскаго двора на нѣкоторые внѣшніе признаки зависимости земель вел. кн. Литовскаго отъ Польши, провозглашается „королемъ литовскимъ и русскимъ“. Однако, неудача, постигшая Витовта вслѣдъ затѣмъ въ большомъ походѣ на Татаръ (1399), заставляетъ его нѣсколько ограничить свои планы. Онъ удовольствовался признаніемъ за собою со стороны Польши титула и значенія великаго князя Литвы и Руси, подъ номинальнымъ верховенствомъ польскаго короля (1400), и только передъ смертью его снова былъ поднятъ вопросъ о коронаціи Витовта королемъ и провозглашеніи полной независимости Литвы отъ Польши. Смерть Витовта (1430) прервала и на этотъ разъ эти планы. Но во всякомъ случаѣ политическая самостоятельность великаго княжества Литовскаго, уничтоженная (чисто теоретически, конечно) Кревскимъ актомъ, была всѣмъ этимъ возстановлена и утверждена трактатами (особенно Городельскимъ актомъ 1413 года).

Кревское обязательство потеряло значеніе. Великое княжество Литовское имѣло и впредь существовать совершенно самостоятельно подъ властью отдѣльнаго великаго князя, при чисто номинальномъ верховенствѣ польскаго короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ теряло всякое значеніе и надежду на осуществленіе и заключавшееся въ Кревскомъ актѣ обязательство присоединенія къ Польшѣ украинскихъ земель—Подолья, Волыни, Кіевскихъ и Черниговскихъ земель. Присяжныя грамоты украинскихъ князей, выданныя съ обязательствомъ принадлежать къ Польшѣ, оставались единственнымъ результатомъ дипломатическаго тріумфа Польши.

Польское правительство не мирилось съ такою неудачею своихъ



Договоръ Владислава-Ягайла съ братомъ Скиргайломъ, 1387 г. (письмо великокняжеской канцеляріи).

плановъ. Скрѣпя сердце дѣлало оно уступки Витовту, но крѣпко держало въ памяти кревское обязательство, надѣясь осуществить его при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Почти на два столѣтія эта идея дѣлается руководящею въ польской политикѣ. Поэтому въ самыхъ трактатахъ, утверждавшихъ политическую самостоятельность великаго княжества Литовскаго (даже въ трактатѣ 1413 г.), польскіе дипломаты повторяютъ фразу о присоединеніи къ Польшѣ земель великаго княжества Литовскаго—теперь казалось бы потерявшую значеніе. По мѣрѣ возможности они обставляютъ всякими неясностями вопросъ о переходѣ великаго княжества отъ одного великаго князя къ другому и, очевидно, надѣются, что рано или поздно польскому правительству удастся улучить удобный моментъ и дѣйствительно превратить земли великаго княжества Литовскаго въ польскія провинціи.

Осуществить этотъ планъ польское правительство надѣялось уже въ моментъ смерти Витовта; для этого была пущена версія, что Витовтъ, умирая, отказалъ великое княжество Ягайлу. Но вопросъ о коронаціи такъ раздражилъ литовскіе правящіе круги, что о низведеніи великаго княжества на степень польской провинціи нельзя было и заикнуться. Великимъ княземъ былъ избранъ братъ Ягайло Свитригайло, и Ягайло долженъ былъ дать на этотъ выборъ свое согласіе. Вслѣдъ затѣмъ вопросъ о Подольѣ (о которомъ я буду говорить ниже) привелъ къ совершенному разрыву между великимъ княжествомъ Литовскимъ и Польшею; началась война, и Свитригайло, оказавшійся очень щекотливымъ на пунктѣ своей политической дѣятельности, и слышать ничего не хотѣлъ о какихъ-либо компромиссахъ и подчиненіи верховенству Польши. Польское правительство, послѣ безплодныхъ попытокъ, рѣшилось наконецъ вовсе отдѣлаться отъ Свитригайла и, пользуясь неудовольствіемъ среди литовской аристократіи на Свитригайла за его симпатіи къ „русскимъ“ (бѣлоруссамъ и украинскимъ) элементамъ, подготовило государственный переворотъ (1432 г.). Но превратиться въ подданныхъ Польскаго королевства не имѣли ни малѣйшаго желанія и противники Свитригайла. Поэтому, польское правительство должно было согласиться на выборъ вмѣсто Свитригайла другого великаго князя и ограничиться только надеждами на уступчивость своего ставленника. Литовскія земли, возставъ противъ Свитригайла, провозгласили вел. княземъ брата Витовта, Сигизмунда, и онъ былъ утвержденъ польскимъ правительствомъ въ великокняжескомъ достоинствѣ. Но бѣлорусскія и украинскія земли остались вѣрны Свитригайлу, и съ ихъ помощью послѣдній нѣсколько лѣтъ боролся съ Сигизмундомъ, стараясь возстановить свою власть надъ всѣмъ великимъ княжествомъ (1432—1435).

Пока Свитригайло держался въ земляхъ великаго княжества, Сигизмундъ долженъ былъ показывать всяческую уступчивость по отношенію къ поддерживающему его польскому правительству и послушно подписывалъ обязательства, какія оно ему диктовало. Но это была вынужденная покорность, и съ полнымъ паденіемъ Свитригайла (1438) Сигизмундъ сейчасъ же подымаетъ голову, ища опоры въ заграничныхъ союзахъ противъ Польши и ея претензій. Онъ погибаетъ впрочемъ вслѣдъ затѣмъ отъ заговора (1440), но на его мѣсто великимъ княземъ былъ избранъ младшій сынъ Ягайла Казимиръ, и независимое положеніе Литвы при этомъ подчеркивается еще яснѣе: Казимиръ, или, вѣрнѣе, руководившіе малолѣтнимъ княземъ литовскіе правители, совершенно разрываютъ сношенія съ польскимъ королемъ Владиславомъ, желавшимъ видѣть въ Казимирѣ только своего намѣстника въ Литвѣ и самовольно здѣсь распоряжаться, и одно время (1443) Литва стояла опять передъ перспективою войны съ Польшею.

Послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ гибель Владислава (1444) давала

великому княжеству Литовскому прекрасный случай вполнѣ и навсегда разорвать династическую связь съ Польшею. Но въ силу той двойственности, какую вообще проявляла въ отношеніяхъ къ Польшѣ литовская аристократія (объ этомъ я буду говорить ниже), послѣдняя не рѣшилась на такой рѣзкій шагъ. Вмѣсто того, чтобы повліять на Казимира въ смыслѣ отказа отъ всякихъ правъ на польскую корону, литовскіе правители послѣ долгихъ проволочекъ согласились на выборъ Казимира польскимъ королемъ, связавъ его лишь различными обѣщаніями относительно сохраненія литовской автономіи и цѣлости земель вел. княжества.

Надѣясь и впредь сохранить полное вліяніе на своего воспитанника, они даже не постарались обезпечить полную самостоятельность великаго княжества Литовскаго выборомъ отдѣльнаго великаго князя. Скоро обнаружилось, насколько это было ошибкой съ ихъ стороны, такъ какъ поставленный между противоположными стремленіями польской и литовской политики Казимиръ не замедлилъ выйти изъ-подъ вліянія литовскихъ круговъ и рѣшительно склонился на сторону Польши. Пользуясь своимъ вліяніемъ въ правящихъ кругахъ Литвы, онъ не допускаетъ и выбора отдѣльнаго великаго князя, къ чему стремились потомъ въ великомъ княжествѣ, и вообще всячески ослабляетъ рѣзкую по отношенію къ Польшѣ политику правящаго класса вел. княжества.

До самой смерти (1492) Казимиръ удерживаетъ въ личной уніи подъ своею властью, Польшу и великое княжество Литовское. Но дальше личной уніи дѣло все-таки не шло: великое княжество остается совершенно отдѣльнымъ и самостоятельнымъ государствомъ, связаннымъ съ Польшею исключительно личностью государя, и раздраженные неуступчивостью польскаго правительства въ вопросѣ о спорныхъ земляхъ и въ переговорахъ о новой формулѣ государственныхъ отношеній Литвы и Польши, литовскіе правители при каждомъ случаѣ умышленно подчеркивали свою полную отдѣльность отъ Польши, хотя и не умѣли пойти дальше довольно безвреднаго будированія.

Встрѣтивъ такія препятствія въ осуществленіи своей программы, выраженной въ Кревскомъ актѣ, польское правительство должно было въ концѣ концовъ убѣдиться, что включеніе въ составъ Польши великаго княжества Литовскаго въ цѣломъ объемѣ — цѣль слишкомъ далекая. Не отрекаясь отъ нея, а только отлагая ея осуществленіе до болѣе благопріятнаго момента, польскіе политики рѣшили прежде всего отобрать отъ вел. княжества Литовскаго земли, издавна служившія предметомъ притязаній Польши, т. е. украинскія земли стараго Галицко-волынскаго государства, которыхъ ей не удалось добыть въ долгой борьбѣ за галицко-владимірское наслѣдіе: Волынь, Подолье и Берестейско-дорогичинскую землю средняго Буга [1]).

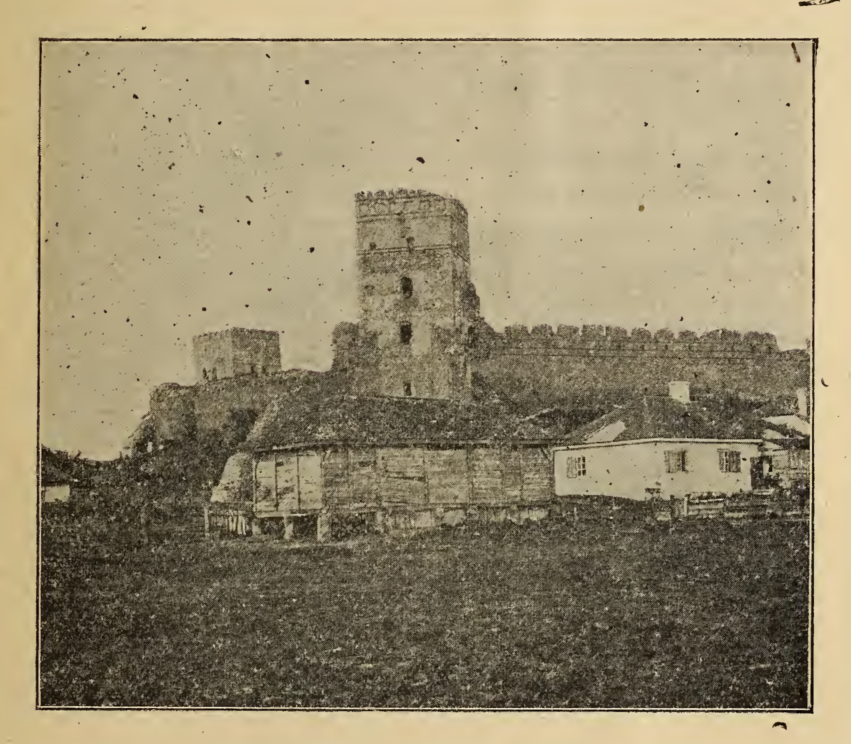
Подолье было на короткое время, въ началѣ XV вѣка, превращено въ польскую провинцію Ягайломъ; но Витовтъ потребовалъ его обратно. Въ моментъ смерти Витовта польскіе шляхтичи Галиціи и Подолья, проникшіе сюда особенно во время упомянутаго только что короткаго господства Польши на Подольѣ, заранѣе подготовивъ заговоръ, захватили столицу Подолья — Каменецъ и присоединили Подольскую землю къ Польшѣ. Это именно и привело къ разрыву между Свитригайломъ и Ягайломъ. Ягайло, по настоянію Свитригайла, задержавшаго его у себя въ плѣну, далъ распоряженіе возвратить Подолье великому князю литовскому, но этотъ приказъ исполненъ не былъ. Восточнаго Подолья, по

---

[1]) Эта старая Дорогочинская земля, расширенная на сѣверѣ, вѣроятно, колонизаціею ятвяжскихъ земель — носила позже названіе Подляшья, т. е. сосѣдней съ Польшей провинціи

среднему теченію Южнаго Буга, съ городами Браславомъ и Винницею, Полякамъ, впрочемъ, не удалось удержать въ своихъ рукахъ: Свитригайло непосредственно затѣмъ возвратилъ его себѣ. Но западное Подолье, пограничное съ Галиціею, гдѣ польская шляхта была уже довольно многочисленна, держалось Польши, и Свитригайлу, не удалось отобрать его отъ Поляковъ. Въ 1440-хъ годахъ такое раздѣленіе устанавливается уже прочно: восточное Подолье принадлежитъ великому княжеству Литовскому, западное—Польшѣ, хотя литовское правительство долго не мирилось съ этою утратою.

Ободренные захватомъ Подольской земли, польскіе политики задумали воспользоваться разрывомъ съ Свитригайломъ, чтобы завладѣть

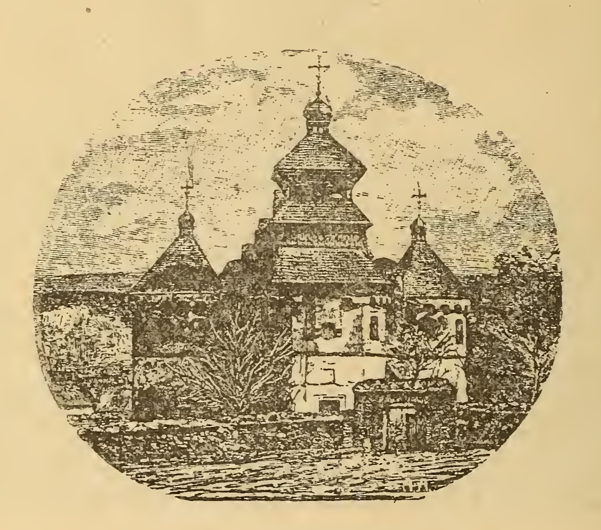


Любартовъ замокъ въ Луцкѣ.

также и Волынью. Лѣтомъ 1431 г. Ягайло съ большими силами двинулся сюда и захватилъ оставленный Свитригайломъ Владиміръ. Но на осадѣ Луцка разбились энергія и силы Поляковъ и имъ пришлось отказаться отъ своихъ притязаній: заключая перемиріе съ Свитригайломъ, они выговорили себѣ владѣніе западнымъ Подольемъ, но должны были вовсе умолчать о Волыни, и даже потомъ, диктуя разныя условія Сигизмунду Кейстутовичу, не рѣшились требовать у него отреченія отъ Волыни. Но мысли о присоединеніи ея Поляки все-таки не оставляли. Когда Свитригайло, совершенно ослабленный, старался разбить какъ нибудь союзъ Польши съ Сигизмундомъ, въ переговоры съ нимъ вошла галицкая шляхта, въ своихъ интересахъ и на свой страхъ особенно энергично поддерживавшая планы присоединенія къ Польшѣ сосѣднихъ украинскихъ земель (ея дѣломъ былъ захватъ Подолья, и теперь она усиленно занялась Волынью). Она обѣщала Свитригайлу поддержку противъ Сигизмунда, и Свитригайло въ своемъ отчаянномъ положеніи обѣщалъ за эту цѣну пере-

дать Польшѣ Волынь гдѣ онъ еще держался. Польское правительство не признало этого условія, не желая разрывать съ Сигизмундомъ, но не смотря на это въ польскихъ кругахъ смотрѣли на Волынь, какъ на близкую добычу, и надѣялись по смерти Свитригайла вступить во владѣніе ею. Но Свитригайло не получивъ изъ Польши никакой реальной поддержки, не считалъ себя ничѣмъ обязаннымъ ей, и предъ смертью, вѣрный государственной идеѣ великаго княжества Литовскаго, передалъ Волынь не Полякамъ, а великому князю литовскому (1452). Это возбудило чрезвычайное негодованіе въ Польшѣ. Поляки даже готовились къ походу на Волынь, но Казимиръ своимъ вліяніемъ нѣсколько охладилъ этотъ воинственный жаръ, и въ концѣ концовъ взаимныя притязанія Литвы и Польши, встрѣтившись, нейтрализировались: Волынь осталась за великимъ княжествомъ Литовскимъ, Западное Подолье—за Польшею.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. IV гл. 1—3.



Церковь въ Сутковцахъ (Подолье), построенная въ XV в. украинскими шляхтичами Ярмолинскими.

Барельефъ Печерской Лавры (въ Кіевѣ), второй половины XV в., повѣствующій о возобновленіи лаврской церкви кн. Семеномъ Олельковичемъ, «отчичемъ (наслѣдственнымъ государемъ) кіевскимъ».

X. Украинскія земли въ XV—XVI в.; собираніе украинскихъ земель Польшею.

Такимъ образомъ единственнымъ реальнымъ пріобрѣтеніемъ Польши изъ той широкой программы, которую она поставила себѣ въ уніи съ Литвою, было пока Западное Подолье. Остальныя украинскія земли входили въ составъ великаго княжества Литовскаго, сохранявшаго свою самостоятельность и стоявшаго только въ шаткой и слабой связи съ Польшею.

Но эта шаткая и слабая связь, эта личная унія съ Польшею оказывала весьма сильное воздѣйствіе не только на общественный строй и право (о чемъ будемъ говорить ниже), но и на все направленіе внутренней политики великаго княжества Литовскаго. Произведенныя ею измѣненія создали чрезвычайно опасное раздвоеніе, этнографическій расколъ Руси и Литвы, весьма скоро сказавшійся и чрезвычайно пагубно отразившійся на государственной жизни великаго княжества Литовскаго.

Пока не сказались эти перемѣны во внутреннихъ отношеніяхъ великаго княжества Литовскаго, украинскія, равно какъ и бѣлорусскія земли чувствовали себя здѣсь у себя дома. Ими правили въ большинствѣ случаевъ вполнѣ обрусѣвшіе, вполнѣ искренно ассимилировавшіеся съ ними князья Гедиминовой династіи. Старый строй земли оставался безъ значительныхъ перемѣнъ. Если въ центральномъ управленіи великаго княжества играли главную роль литовскіе роды, то и они стояли подъ сильнымъ вліяніемъ славянской, старорусской культуры, глубоко проникавшей весь складъ великаго княжества. А главное—центральное управленіе не оказывало особенно ощутительнаго вліянія на жизнь земель, жившихъ своею замкнутою, почти вовсе самостоятельною жизнью подъ управленіемъ своихъ князей. Украина состояла, главнымъ образомъ, именно изъ такихъ большихъ, почти самостоятельныхъ княжествъ, въ дальнѣйшей эволюціи политической системы великаго княжества Литовскаго имѣвшихъ всѣ шансы превратиться въ отдѣльныя государства, почти несвязанныя ничѣмъ

между собою (т. е. повторить исторію разложенія Кіевскаго государства). Волынь составляла владѣніе Любарта, потомъ его сына Федора; Кіевская земля — Владиміра Ольгердовича; Подольемъ владѣлъ Федоръ, послѣдній изъ Коріатовичей, племянниковъ Ольгерда; въ Черниговскихъ земляхъ были двѣ значительныя волости Ольгердовичей: Дмитрія и другого Димитрія-Корибута.

Съ концомъ XIV в. во всемъ этомъ складѣ в. кн. Литовскаго происходитъ рядъ глубокихъ перемѣнъ. Во-первыхъ, правительство Ягайла-Витовта, сильное сознаніемъ опоры, которую давало ему еще ненарушенное объединеніе Литвы и Польши, въ 1390-хъ гг., рядомъ сильныхъ и хорошо расчитанныхъ ударовъ, безъ церемоніи уничтожаетъ всѣ наиболѣе сильныя удѣльныя княжества въ земляхъ великаго княжества Литовскаго и обращаетъ ихъ въ простыя провинціи. Такъ, между прочимъ, отобраны были отъ Димитрія-Корибута его Черниговскія земли (еще раньше потерялъ свои владѣнія, эмигрировавъ въ Москву, другой Димитрій Ольгердовичъ). Въ нѣсколько пріемовъ отнята была Волынь отъ Федора Любартовича (взамѣнъ дали ему владѣнія въ Черниговскихъ земляхъ, но это была такая жалкая замѣна, что обиженный князь даже не принялъ ея). Съ Подолья Витовтъ согналъ Федора Коріатовича. Кіевская земля была отнята отъ Владиміра Ольгердовича, получившаго взамѣнъ маленькое Слуцкое княжество въ Бѣлоруссіи, и, пройдя черезъ нѣсколько рукъ (Скиргайла, Ивана Ольгимунтовича), превратилась въ началѣ XV в. въ простую провинцію. Послѣ этого, въ первой половинѣ XV в., въ украинскихъ земляхъ единственнымъ значительнымъ владѣніемъ осталось княжество, составленное изъ черниговскихъ волостей для безпокойнаго претендента Свитригайла (1420—1430); кромѣ того были второстепенныя княжества, какъ Ратненское (въ сѣверной Волыни) Федора Ольгердовича, Пинское—одного изъ потомковъ Гедимина, Острожское—одного изъ уцѣлѣвшихъ родовъ старой кіевской династіи и т. д. Для государственной системы великаго княжества Литовскаго эти и имъ подобныя княжества, конечно, никакой опасности не представляли.

Это превращеніе сильнѣйшихъ княжествъ въ простыя провинціи, розданныя въ управленіе обыкновеннымъ намѣстникамъ, не только спасло единство великаго княжества Литовскаго отъ грозившаго ему разложенія, но имѣло и чрезвычайно важное значеніе въ эволюціи политическихъ и общественныхъ отношеній украинскихъ (и бѣлорусскихъ) провинцій, отдавъ ихъ подъ непосредственную власть центральнаго правительства и открывъ послѣднему болѣе широкій путь къ воздѣйствіямъ его внутренней политики на складъ и отношенія этихъ земель. Ибо хотя государственная система великаго княжества Литовскаго до полной централизаціи никогда не дошла и довольно значительная провинціальная обособленность земель, съ широкимъ участіемъ въ управленіи мѣстныхъ элементовъ (княжескихъ и панскихъ) существовала и позже,—все же въ смыслѣ воздѣйствія внутренней политики центральнаго правительства была большая разница между этими провинціями и прежними, почти независимыми, княжествами.

А во внутренней политикѣ правительства въ это время происходилъ и постепенно давалъ себя чувствовать важный переломъ.

Въ Кревскомъ актѣ Ягайло между прочимъ обязался крестить въ католичество всѣхъ некрещенныхъ Литовцевъ и исполнилъ это обѣщаніе. Онъ организовалъ католическія епархіи въ литовскихъ земляхъ и, очевидно, подъ вліяніемъ своихъ польскихъ, католическихъ совѣтниковъ, придалъ ново-организованной католической церкви значеніе церкви государственной, господствующей, покровительствуемой сравнительно съ православною церковью Литовской Руси.

Подъ вліяніемъ, вѣроятно, тѣхъ же совѣтниковъ Ягайло стремится создать изъ литовскихъ бояръ-католиковъ новый привилегированный классъ:

польскіе политики, а съ ними и Ягайло, очевидно, расчитывали, что будучи обязана своимъ привилегированнымъ положеніемъ Польшѣ и католичеству, эта литовская католическая аристократія сдѣлается вѣрнымъ приверженцемъ и хранителемъ уніи Литвы съ Польшею. Расчетъ былъ совершенно вѣрный, и съ точки зрѣнія уніи политика эта была совершенно послѣдовательна. Однако въ этомъ же направленіи пошелъ и Витовтъ, хотя былъ противникомъ уніи: вѣроятно, его увлекали фамильныя традиціи, связывавшія его семью ближе съ литовскимъ элементомъ, и онъ, безъ всякой настоятельной надобности, усиленно старался выдвинуть литовскую аристократію и на ней опереться, въ противовѣсъ православнымъ княжескимъ и боярскимъ родамъ: бѣлорусскимъ, украинскимъ и ассимилированнымъ ими литовскимъ. Сойдясь на этомъ пунктѣ, хотя и изъ совершенно противоположныхъ побужденій, Ягайло и Витовтъ энергически создаютъ новую литовскую аристократію: провозглашаютъ уравненіе бояръ-*католиковъ* (т. е. Литовцевъ) въ правахъ съ польскою шляхтою, признаютъ за ними исключительное право на государственныя должности, лишь ихъ допускаютъ до наиболѣе важныхъ государственныхъ актовъ, какъ уніонные трактаты. Витовтъ въ качествѣ фактическаго правителя в. кн. Литовскаго всюду выдвигаетъ Литовцевъ католиковъ оттѣсняя православные роды отъ всякаго вліянія.

Это, конечно, чувствовалось. Литовская Русь сознавала, что ее оттѣсняютъ на второй планъ, лишая всякаго политическаго значенія; католическая же литовская аристократія входитъ очень скоро во вкусъ своего привилегированнаго положенія и, понимая, что такое исключительное положеніе ея основано на поддержкѣ Польши и уніи, дѣйствительно начинаетъ цѣнить связь съ Польшею. Отсюда начинается та двойственность политики литовской аристократіи, о которой я упоминалъ: правящіе литовскіе круги, съ одной стороны, желаютъ сохранить автономію великаго княжества Литовскаго, потому что съ превращеніемъ послѣдняго въ польскую провинцію они потеряли бы значеніе его правителей; съ другой стороны, они хотятъ обезпечить возможно тѣсную связь съ Польшею, такъ какъ, разрывая съ послѣдней, они были бы вынуждены искать опоры въ самомъ великомъ княжествѣ, а въ такомъ случаѣ имъ пришлось бы дать соотвѣтствующее мѣсто и значеніе элементамъ славянскимъ, аристократіи украинскихъ и бѣлорусскихъ земель. Эта двойственность и была причиною нерѣшительности и слабости литовской политики по отношенію къ Польшѣ. Останавливаясь на полдорогѣ, она тѣмъ самымъ облегчала польской политикѣ осуществленіе ея плановъ по отношенію къ Литвѣ.

Облегчалъ послѣдніе, конечно, и указанный національный расколъ. Когда Свитригайло, занявъ мѣсто Витовта, задумалъ исправить его ошибку и, не лишая значенія литовскихъ вельможъ, хотѣлъ дать соотвѣтствующее мѣсто Литовской Руси, это вызвало чрезвычайное неудовольствіе среди литовской аристократіи. Она не хотѣла дѣлиться своимъ исключительнымъ положеніемъ и пошла навстрѣчу интригамъ польскаго правительства противъ Свитригайла, провозгласивъ великимъ княземъ Сигизмунда Кейстутовича. Это была большая услуга польской политикѣ со стороны литовской аристократіи: не ея вина, если реальныхъ выгодъ изъ этой услуги Польшѣ извлечь тогда не удалось.

Сигизмунда признавали литовскія земли; бѣлорусскіе и украинскія остались вѣрными Свитригайлу. Этнографическое раздвоеніе стало фактомъ очевиднымъ и было подчеркнуто современниками, которые называютъ Сигизмунда великимъ княземъ литовскимъ, Свитригайла — вел. княземъ русскимъ. Послѣдующая борьба Свитригайла съ Сигизмундомъ должна была рѣшить — останется ли литовская аристократія господствующею, или центръ тяжести передвинется въ сторону элементовъ бѣло-

русскихъ и украинскихъ. Послѣдніе это понимали, и потому православные князья и бояре съ чрезвычайной энергіей поддерживали Свитригайла, бывшаго издавна ихъ союзникомъ и другомъ [1]). Но при большой энергіи и настойчивости, Свитригайло оказался плохимъ полководцемъ, и дѣло литовской „Руси" было проиграно. Въ 1435 г. Свитригайло потерпѣлъ рѣшительное пораженіе: въ битвѣ надъ р. Святою, около Вилькомира, погибло его войско; однихъ плѣнныхъ князей лѣтописи насчитываютъ 26, а множество ихъ легло на мѣстѣ.

Но и литовская аристократія въ выборѣ Сигизмунда не была счастлива. Онъ оказался врагомъ аристократіи вообще и старался выдвинуть людей худородныхъ, а родовитыхъ преслѣдовалъ, какъ разсказываетъ позднѣйшій лѣтописецъ, представитель аристократическихъ воззрѣній. По его словамъ, Сигизмундъ „сильныя жестокости чинилъ подданнымъ своимъ, а особенно надъ родомъ шляхетскимъ: немилостиво ихъ хваталъ, и тяжкія жестокости надъ ними чинилъ, невинно каралъ и убійства чинилъ,— и тѣ подданные его, шляхта, терпѣли какъ вѣрные рабы отъ господина своего, ничего злого не учинили и не мыслили, онъ же, окаянникъ, князь великій Жигимонтъ не насытилъ злости своея и мыслилъ въ сердцѣ своемъ весь родъ шляхетскій погубить, и кровь ихъ разлить, а поднять родъ хлопскій, „псю кровь". Поэтому Сигизмундъ вскорѣ погибъ отъ руки аристократовъ, составившихъ заговоръ на его жизни—князей русскихъ и пановъ литовскихъ, волю которыхъ осуществили два брата Черторыйскіе. Положеніе было сново поколеблено и только съ провозглашеніемъ великимъ княземъ малолѣтняго Казимира правленіе переходитъ въ руки кружка литовскихъ аристократовъ, захватившихъ бразды правленія прочно и основательно.

Еще на первыхъ порахъ, въ виду тѣхъ трудностей, какія окружали ихъ въ данный моментъ: опасныхъ движеній внутри государства, остраго разрыва съ Польшею, грозившей войной, и опасностей со стороны другихъ сосѣдей—литовскіе правители считали нужнымъ кое-что сдѣлать и для удовлетворенія „Руси". Волынь оставлена въ рукахъ ея героя—Свитригайла; Кіевскую землю отдали сыну бывшаго кіевскаго князя Владиміра—Олельку, очень умѣренному представителю украинскаго княжья, близко стоявшему къ литовской аристократіи. Сынъ и преемникъ Олелька на кіевскомъ столѣ, Семенъ, былъ женатъ на дочери одного изъ виднѣйшихъ литовскихъ вельможъ Гаштовта, бывшаго главы регентства, и въ силу этихъ родственныхъ связей и своей „умѣренности" былъ даже выставленъ кандидатомъ на постъ великаго князя со стороны литовскихъ правителей. Все это давало нѣкоторую иллюзію національной гармоніи—признанія со стороны литовской аристократіи значенія „Руси" въ государствѣ.

Но исключительныя обстоятельства скоро прошли, положеніе литовскихъ правителей упрочилось и они уже не находили нужнымъ кокетничать съ бѣлорусско-украинскою аристократіею вел. княжества; поэтому этой послѣдней, какъ и вообще Литовской Руси, пришлось вскорѣ очень ощутительно почувствовать свое униженіе. Когда въ 1470 г. умеръ кіевскій князь Семенъ Олельковичъ, литовскіе правители не согласились на предоставленіе кіевскаго стола его брату Михаилу и потребовали отъ Казимира, чтобы онъ обратилъ Кіевскую землю въ обыкновенную провинцію, а намѣстникомъ туда назначилъ Литовца-католика Гаштовта. Казимиръ исполнилъ ихъ желаніе, и это чрезвычайно огорчило Кіевлянъ. Они заявили, что предпочитаютъ погибнуть, чѣмъ принять намѣстникомъ

---

[1]) Народнымъ массамъ эта борьба осталась чуждой. Она была дѣломъ князей и бояръ, борьбою двухъ аристократій. Народъ былъ только пассивнымъ участникомъ ея.

Литвина, притомъ не княжескаго рода, и усиленно просили Казимира дать имъ въ Кіевъ кого нибудь изъ князей, если не православнаго, то хотя бы даже католика, лишь бы поддержать традицію кіевскаго стола. Но литовскіе правители стояли на своемъ, а съ ними и Казимиръ, и Кіевляне въ концѣ концовъ должны были принять Гаштовта.

Разсказывая этотъ эпизодъ, Полякъ-современникъ Длугошъ прибавляетъ, что вражда Руси и Литвы въ это время вообще такъ обострилась, что Казимиръ опасался смутъ и умышленно продлилъ свое пребываніе въ вел. княжествѣ, чтобы предотвратить конфликтъ. По его словамъ,

Фреска так. наз. Ягайловской каплицы въ каѳедральномъ костелѣ Кракова, сооруженной Казимиромъ Ягайловичемъ и расписанной литовско-русскими мастерами.

Кіевляне и вообще Литовская Русь горько жаловались на то, что Литва—давній данникъ Руси—превратилась теперь въ ея повелителя.

Обойденный кіевскимъ столомъ, Михаилъ Олельковичъ съ нѣсколькими другими князьями составилъ заговоръ. Насколько можно судить изъ скудныхъ извѣстій, заговорщики ставили своей цѣлью завладѣть великокняжескою властью, посадивъ на престолѣ в. кн. Литовскаго одного изъ русскихъ князей, можетъ быть—самого Михаила Олельковича. Они разсчитывали на помощь московскаго вел. князя и намѣрены были заплатить за нее восточною окраиною вел. княжества Литовскаго. Но заговоръ былъ открытъ; нѣкоторые участники успѣли бѣжать въ Москву, а Михаилъ съ другимъ участникомъ, княземъ Гольшанскимъ, были схвачены и казнены (1481).

Въ этомъ эпизодѣ очень интересны отмѣченныя сейчасъ надежды на помощь изъ Москвы. Какъ литовская партія опиралась на вліяніе и силы католической Польши, такъ обойденные украинскіе и бѣлорусскіе

аристократы начинаютъ обращать свои взоры въ сторону православной Москвы, этого извѣчнаго соперника вел. княжества Литовскаго въ собираніи земель стараго Кіевскаго государства. Московскіе князья, по исторической и династической традиціи, издавна считали себя наслѣдниками Кіевскаго государства, хотя лишь съ концомъ XV в. открыто включили этотъ пунктъ въ программу своей политики; съ другой стороны, вел. князья литовскіе, пока унія съ Польшею не свела ихъ съ этой дороги, тоже сознательно стремились къ объединенію подъ своею властью всѣхъ земель стараго Кіевскаго государства. Во второй пол. XIV в. соперничество этихъ двухъ собирателей обозначилось вполнѣ ясно, и в. кн. Литовское, проникавшееся все глубже культурнымъ наслѣдіемъ Кіевскаго государства, соперничало съ Москвою въ собираніи его старыхъ провинцій весьма успѣшно, хотя ему и не доставало выдержки московской политики. Перемѣны, произведенныя уніею во внутреннихъ отношеніяхъ в. кн. Литовскаго, убили его притягательную силу, какую имѣло оно для земель стараго Кіевскаго государства, да и вниманіе литовскаго правительства обратилось на иные вопросы. Но пока Московское государство переживало при двухъ Василіяхъ время своего застоя и упадка, замѣтнаго особенно въ сравненіи съ импозантнымъ правленіемъ Витовта, и позже, даже въ первой половинѣ правленія Казимира,—перемѣна въ шансахъ старыхъ соперниковъ не была ощутительна. Только въ концѣ правленія Казимира Литва начинаетъ сознавать свою слабость, созданную внутреннимъ раздвоеніемъ. Какъ разъ теперь извѣчный соперникъ поднимался изъ долговременнаго упадка и, ставъ грознымъ сосѣдомъ Литвы, заявлялъ претензіи на украинскія и бѣлорусскія провинціи в. кн. Литовскаго. Тяготѣніе въ сторону Москвы среди аристократіи этихъ провинціи становилось чрезвычайно опаснымъ явленіемъ. Литовское правительство вполнѣ сознавало опасность. Тотъ же Длугошъ говоритъ, что Казимиръ удерживалъ литовскихъ правителей отъ вмѣшательства въ новгородскія дѣла, во время борьбы Новгородцевъ съ Москвою, указывая, что Литовская Русь, на случай войны съ Москвой, можетъ взять сторону послѣдней и обратиться противъ литовской партіи, чтобы свести счеты съ нею. Послѣдущія войны съ Москвою открыли всю глубину упадка Литвы съ ужасающею очевидностью, и московское правительство оцѣнивая отношенія, теперь уже выступаетъ открыто съ программою присоединенія всѣхъ земель стараго Кіевскаго государства, какъ отчизны московскихъ князей. Въ 1493 г. в. князь московскій начинаетъ титуловать себя въ сношеніяхъ съ литовскимъ „государемъ всея Руси“, а во время переговоровъ 1504 г. домогается „Кіева, Смоленска и прочихъ городовъ“, грозя не оставить иначе Литвы въ покоѣ.

Симптомомъ происшедшихъ перемѣнъ въ реальномъ соотношеніи силъ обоихъ противниковъ послужило Черниговское пограничье.

Съ 1470-хъ гг. начинаетъ ясно сказываться тяготѣніе къ Москвѣ на этомъ сѣверо-восточномъ пограничьѣ стараго Черниговскаго княжества, гдѣ издавна соперничали вліянія Литвы и Москвы. Здѣшніе мелкіе князья изъ старой черниговской династіи начинаютъ переходить со своими владѣніями изъ-подъ власти вел. кн. литовскаго подъ власть вел. кн. московскаго. Раньше литовское правительство, сознавая свою притягательную силу, признавало за князьями, въ своихъ собственныхъ интересахъ, полную свободу перехода; теперь, напуганное этимъ движеніемъ, оно начало отрицать законность такихъ переходовъ. Открылись военныя дѣйствія, но успѣхи московскихъ войскъ, благодаря указанному тяготѣнію, оказались настолько значительными, что литовское правительство поспѣшило прекратить ихъ перемиріемъ. За Москвою признаны владѣнія

перешедшихъ князей, но на будущее время рѣшено такихъ переходовъ не допускать (1493).

Они, однако, возобновились вскорѣ (очевидно—не безъ согласія Москвы), въ еще болѣе грозныхъ размѣрахъ. Мотивомъ, несомнѣнно подсказаннымъ изъ Москвы, выставлено религіозное гоненіе на православныхъ въ вел. кн. Литовскомъ; національная причина была такимъ образомъ подмѣнена религіозной. Подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ Москва продолжаетъ принимать князей, между которыми переходятъ со своими землями уже владѣтели большаго калибра, потомки московскихъ эмигрантовъ—Семенъ Можайскій, державшій отъ вел. кн. литовскаго Чер-

Подраздѣленіе украинской территоріи на воеводства въ XVI—XVII вв. (см. с. 119)·

ниговъ, Стародубъ и пр., и Василій Шемячичъ, владѣвшій Новгородомъ Сѣверскимъ. Черниговская земля цѣликомъ переходила подъ власть Москвы, и вел. кн. московскій поспѣшилъ выслать свои войска, которыя и докончили присоединеніе черниговскихъ земель. Среди полнаго упадка духа литовское правительство заключило въ 1503 г. новый договоръ съ Москвою, признавъ за послѣднею всѣ ея пріобрѣтенія, въ томъ числѣ почти всю старую Черниговскую землю, за исключеніемъ небольшой приднѣпровской полосы.

Затѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя организуетъ заговоръ и возстаніе, разсчитывая на помощь в. князя московскаго и крымскаго хана, украинская княжеская семья Глинскихъ, обиженная новымъ вел. княземъ и королемъ Сигизмундомъ. Во главѣ ея стоялъ Михаилъ Глинскій, чрезвычайно вліятельный любимецъ вел. кн. Александра, попавшій въ немилость при его преемникѣ, представитель русской аристократіи въ вел. кн. Литовскомъ, считавшійся ея вождемъ и главою. Это былъ эпизодъ, аналогичный съ княжескимъ заговоромъ 1481 г., и имѣлъ, очевидно, цѣлью посадить Глинскаго на престолѣ вел. княжества. Но ханъ вовсе не поддержалъ возстанія, а московскій вел. князь поддержалъ весьма слабо, и оно очень скоро было подавлено, не вызвавъ сколько-нибудь значительнаго движенія даже среди украинскаго и бѣлорусскаго княжья и боярства, не говоря уже о народѣ. Усилія Глинскихъ поднять Кіевскую землю были

8

безуспѣшны, сосѣдняя Волынь, эта земля князей—осталась совершенно равнодушной. Вожди заговора ушли на московскую территорію (1508), и единственнымъ ощутительнымъ послѣдствіемъ его для в. кн. Литовскаго была потеря Смоленской земли, занятой московскими войсками въ войнѣ, разгорѣвшейся между обоими государствами при содѣйствіи Глинскаго.

Это возстаніе было послѣдней конвульсіей русской (украинско-бѣлорусской) партіи въ вел. кн. Литовскомъ. Оно показало полную неспособность украинскихъ и бѣлорусскихъ магнатовъ къ какому-нибудь энергическому дѣйствію, отсутствіе среди нихъ солидарности, сплоченности, энергіи. Ихъ пѣсня была уже спѣта съ паденіемъ Свитригайла—сами они не въ состояніи были вступить въ борьбу съ литовской партіей. Ихъ тяготѣніе къ Москвѣ также не имѣло въ себѣ никакого болѣе глубокаго, сознательнаго содержанія, вполнѣ опредѣленной программы; въ лучшемъ случаѣ Москва разсматривалась только какъ союзникъ для переворота въ вел. кн. Литовскомъ. Это были движенія небольшихъ кучекъ, слѣпая реакція безъ опредѣленнаго плана и программы. Большинство князей и бояръ помирилось съ тою второстепенною ролью, какую оставляла ему литовская аристократія (главнымъ образомъ въ мѣстномъ управленіи бѣлорусскихъ и украинскихъ земель) и, довольствуясь ею, отложило мысль о борьбѣ.

Впрочемъ, движенія конца XV и начала XVI в. не остались безъ вліянія на литовско-польское правительство: испуганное тѣмъ примѣненіемъ религіозныхъ мотивовъ, какое дѣлалось противниками, въ особенности московскимъ правительствомъ, оно становится болѣе осторожнымъ въ отношеніи украинскихъ и бѣлорусскихъ элементовъ и, напр., оставляетъ занимавшую его передъ тѣмъ мысль объ осуществленіи уніи своихъ православныхъ подданныхъ съ католическою церковью.

Не остались эти событія безъ вліянія и на дальнѣйшую судьбу вел. кн. Литовскаго. Послѣ страшныхъ потерь, понесенныхъ въ борьбѣ съ Москвою (утрата Черниговской и Смоленской земли), Москва дѣлается кошмаромъ вел. кн. Литовскаго. Сознаніе національнаго раздвоенія убиваетъ нравственную силу послѣдняго. Притомъ еще, кромѣ Москвы, выдвинулся и другой сосѣдъ, по отношенію къ которому литовское правительство почувствовало себя совершенно безсильнымъ,—Крымская орда, показавшая свою страшную разрушительную силу на украинскихъ земляхъ Литвы и Польши одновременно съ завоеваніями Москвы. Выдѣлившись при разложеніи старой Татарской орды, „Кипчака“ и окончательно сформировавшись въ половинѣ XV в., подъ владычествомъ Хаджи-гирея, она стояла сначала въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ къ в. кн. Литовскому, однако происки в. кн. московскаго, стремившагося поссоритъ ее съ Литвою, и неловкая политика в. князей литовскихъ, особенно ихъ старанія быть одновременно въ союзѣ и съ Крымомъ, и съ злѣйшимъ врагомъ крымскихъ хановъ – Золотою ордою, скоро разбили эту дружбу. Сынъ Хаджи-гирея, Менгли-гирей, упрочивъ свое положеніе признаніемъ верховной власти Турціи, съ 1482 г. измѣняетъ свои отношенія къ Литвѣ и Польшѣ и начинаетъ своими набѣгами опустошать ихъ земли. Крымъ становится на два столѣтія чрезвычайно важнымъ и пагубнымъ факторомъ въ исторіи украинской жизни.

Слабость государства, въ виду внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей, входитъ въ общее сознаніе правящихъ круговъ вел. кн. Литовскаго, и это обстоятельство въ концѣ концовъ даетъ возможность польскимъ политикамъ осуществить свои завѣтные планы относительно Литвы.

Несмотря на удары, падавшіе на вел кн. Литовское, литовская аристократія твердо держалась программы, которую диктовали ей ея классовые интересы: поддерживать возможно тѣсную связь съ Польшею, но

въ то же время охранять автономію и политическую самостоятельность вел. кн. Литовскаго.

Въ 1499 г., когда Польша хотѣла во что бы то ни стало заручиться содѣйствіемъ Литвы противъ Турокъ, польскіе политики дали даже согласіе на измѣненіе формулы уніи въ духѣ полной равноправности и независимости вел. вел. кн. Литовскаго, какъ желали того литовскіе автономисты. Благодаря тому, что послѣдующіе великіе князья (бывшіе одновременно польскими королями)—Сигизмундъ и Сигизмундъ-Августъ, также не были сторонниками уніи, Литва въ продолженіе всей первой половины XVI в. упорно отклоняла всѣ попытки Поляковъ—привести къ осуществленію свой старый планъ инкорпораціи вел. кн. Литовскаго, такъ что въ продолженіе всей первой половины XVI в. этотъ вопросъ казался совершенно безнадежнымъ. Даже собраться на общій сеймъ съ Поляками, разсчитывавшими въ такомъ случаѣ найти союзниковъ среди самыхъ представителей вел. кн. Литовскаго, особенно среди низшаго дворянства—шляхты, литовскіе правители не соглашались подъ разными предлогами.

Но въ 1560-хъ годахъ начинается поворотъ, неблагопріятный для литовскихъ правителей. Литва неосторожно навлекла на себя войну съ Москвою, вмѣшавшись въ ливонскій вопросъ, и эта война, неудачная для Литвы, требовавшая чрезвычайнаго напряженія силъ и огромныхъ расходовъ на военныя нужды, вызвала здѣсь чрезвычайное неудовольствіе, особенно среди низшаго дворянства. Допущенное незадолго передъ тѣмъ къ участію въ представительномъ правленіи вел. княжества, оно постепенно выходитъ изъ-подъ вліянія магнатовъ и начинаетъ подымать голосъ за тѣсную унію вел. кн. Литовскаго съ Польшею, такъ какъ за проведеніе ея обѣщало участіе Польши въ войнахъ и другихъ нуждахъ вел. княжества Литовскаго, а также расширеніе шляхетскихъ вольностей по польскому образцу и уничтоженіе преимуществъ магнатства, всевластно правившаго въ вел. княжествѣ Литовскомъ. Вел. князь и король польскій Сигизмундъ-Августъ, до сихъ поръ равнодушный къ вопросу объ уніи, подъ вліяніемъ этихъ же и, можетъ быть, еще иныхъ мотивовъ становится также горячимъ сторонникомъ инкорпораціи вел. княжества Литовскаго. Литовскіе магнаты очутились такимъ образомъ въ очень трудномъ положеніи, подвергаясь давленію сверху и снизу. Но такова была сила этой всевластной, тѣсно сплоченной магнатской олигархіи, что она все-таки не уступала этому давленію и держалась своей автономной программы, не допуская до созванія общаго сейма и удерживая представителей шляхты на конференціяхъ съ Поляками въ полномъ подчиненіи. Даже поколебавшись на первыхъ порахъ и сдѣлавъ рядъ уступокъ на конференціи 1564 г., она затѣмъ взяла ихъ обратно и совершенно затормозила вопросъ объ уніи.

Когда послѣ безплодныхъ сеймовъ 1565—66 гг., въ концѣ 1568 г. по вопросу объ уніи въ Люблинѣ былъ назначенъ новый сеймъ съ участіемъ представителей литовскихъ сословій, литовскіе магнаты и здѣсь умѣли удержать представителей шляхты въ полномъ послушаніи и свели общій сеймъ къ конференціямъ двухъ отдѣльныхъ сеймовъ. Замѣтивъ же, что король намѣренъ энергично поддержать польскія стремленія и подъ вліяніемъ Поляковъ готовъ даже оказать давленіе на представителей Литвы, литовскіе магнаты ночью на 1 марта 1569 г. тайкомъ уѣхали изъ Люблина вмѣстѣ съ представителями прочихъ сословій вел. кн. Литовскаго, надѣясь такимъ образомъ „сорвать“ сеймъ. Но расчетъ ихъ оказался неудачнымъ. Поляки, раздраженные долгими безуспѣшными переговорами, теперь, имѣя на своей сторонѣ короля, рѣшили идти на проломъ и покончить съ Литвою, установивъ новую формулу уніи безъ ея участія. Однако, подъ впечатлѣніемъ энергической оппозиціи литовскихъ

магнатовъ, они рѣшили нѣсколько отступить отъ первоначальнаго плана, оставивъ нѣкоторую тѣнь литовской автономіи, но за то отобравъ отъ вел. кн. Литовскаго и присоединивъ къ Польшѣ спорныя земли, на которыя издавна имѣло виды польское правительство.

Непосредственно по отъѣздѣ литовскихъ представителей, польскіе сенаторы на конференціи съ королемъ, въ присутствіи шляхетскихъ депутатовъ [1]), выступили съ проектомъ—постановить относительно уніи заочное рѣшеніе, безъ литовскихъ представителей, какъ самовольно и незаконно оставившихъ сеймъ, а прежде всего присоединить къ Польшѣ Волынь и Подляшье, немедленно опубликовать грамоты объ этомъ присоединеніи и призвать сенаторовъ и шляхетскихъ депутатовъ названныхъ провинцій къ участію въ сеймѣ. Король заявилъ, что находитъ эти предложенія вполнѣ справедливыми и, принимая ихъ, готовъ ихъ осуществить, хотя бы противъ воли литовскихъ представителей. На всякій случай рѣшено было приготовиться къ войнѣ съ Литвою и для этого постараться привлечь на свою сторону Татаръ. О присоединеніи къ Польскому королевству Волыни и Подляшья немедленно были разосланы въ эти провинціи грамоты, въ которыхъ мѣстнымъ сенаторамъ и депутатамъ приказано явиться на сеймъ подъ угрозою отнятія имѣній и должностей.

Затѣмъ сеймъ приступилъ къ редакціи постановленій о присоединеніи этихъ земель; они были составлены почти одинаково, съ полнымъ пренебреженіемъ къ историческимъ фактамъ. Король, отъ имени котораго эти постановленія писались, заявлялъ, что онъ, памятуя свою обязанность—возвратить Польшѣ принадлежавшія ей издревле земли, въ виду напоминаній и просьбъ собранныхъ на сеймѣ представителей, рѣшилъ присоединить къ коронѣ Польской Подляшье и Волынь, какъ земли принадлежавшія ей издавна и только во время правленія Казимира Ягайловича, бывшаго одновременно вел. княземъ литовскимъ и королемъ польскимъ, насильственно присоединенныя къ Литвѣ. Въ дѣйствительности въ XII—XIII в. Поляки во время войнъ за пограничныя территоріи лишь на короткое время захватывали части Подляшья. Поляки привыкли смотрѣть на Подляшье, какъ на свою провинцію вслѣдствіе того, что мелкая мазовецкая шляхта, переселяясь сюда, въ значительной степени полонизировала его уже въ XV в. Объ усиліяхъ Поляковъ захватить Волынь я говорилъ уже: до сихъ поръ всѣ эти попытки были безуспѣшны, и Волынь Польшѣ не принадлежала никогда. Но о такихъ мелочахъ, какъ историческіе факты, теперь менѣе всего былъ кто-либо склоненъ думать серьезно и хотя редакція этихъ хартій подверглась затѣмъ различнымъ измѣненіямъ съ участіемъ представителей Подляшья и Волыни, но историческая мотивировка такъ и осталась въ томъ же противорѣчіи съ исторіею: ей тогда никто не придавалъ значенія, разъ рѣшено было ступить на почву насильственнаго осуществленія вѣковыхъ стремленій польской политики.

Сенаторы и депутаты Волыни и Подляшья долго не являлись; главнымъ образомъ ихъ удерживалъ страхъ репрессій со стороны вел. кн. Литовскаго, да притомъ и слишкомъ ужъ внезапно и страннымъ образомъ все это произошло. Король, наконецъ, приступилъ къ конфискаціи имѣній и должностей ослушниковъ, и эта мѣра оказала ожидаемое дѣйствіе: сенаторы и депутаты явились. Они очень неохотно присягали на вѣрость Польской коронѣ, особенно нѣкоторые волынскіе магнаты, то требовавшіе, чтобы были обезпечены права ихъ народности, ихъ религія и со-

---

[1]) Польскій сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ—сената, гдѣ засѣдали епископы и высшіе чины, и палаты посольской, гдѣ засѣдали выборные депутаты шляхетскаго сословія.

Петиція кіевской шляхты 1571 г., домогающаяся сохраненія правъ „русскаго“ (украинскаго) языка, гарантированныхъ актомъ 1569 г. образецъ (официальнаго языка и письма того времени).

„Особливе теж его кр. м. нашого милостивого пана просимъ, абы листы сеймовые, универсалы, констытуцѣи и кождая справа подле обетницы и привилю его королевское милости при сконченю унѣи выданого не иншими литерами и словы, одно рускими литерами и езыком до земли Киевское писаны и выдаваны были, кгдыж з млодости иншого письма отцове наши учити нас не давали, одно своего прирожоного руского, і школы теж полское в Киеве немашъ, а кгды приносятъ листы его кр. милости писаные полскими литерами з мешанем латинских слов, вырозумете не можем, якож и тен привелей на злучене едности земли Киевскоя даный, иж полскими литерами ест написан, просимы его кролевское милости, жебы по руску былъ преписан, а подъ маетатною печатью и с подписомъ руки его королевское млсти нашого милостивого пна нам былъ выданъ.

словныя преимущества [1]), то просто уклонявшіеся отъ присяги. Но угроза конфискаціей въ концѣ концовъ сдѣлала свое дѣло: присяга была принесена, и представители новоприсоединенныхъ провинцій заняли среди представителей другихъ польскихъ провинцій „издавна принадлежавшія имъ мѣста", какъ выражались Поляки.

Волынскимъ обывателямъ оказаны были разныя любезности: на Волыни оставлено въ силѣ и на будущее время доселѣ дѣйствовавшее право (въ видѣ второй редакціи Литовскаго статута, получившей вслѣдствіе этого имя Волынскаго статута). Мѣстный языкъ (собственно—выработанная канцелярскою практикою вел. кн. Литовскаго бѣлорусско-украинско-польская смѣсь) сохраненъ въ мѣстномъ дѣлопроизводствѣ и въ сношеніяхъ центральнаго правительства съ мѣстными учрежденіями. Шляхтѣ „греческой вѣры" предоставлены одинаковыя права съ католиками, даны обѣщанія назначать православныхъ на всѣ должности; мѣстныя должности должны были раздаваться только мѣстнымъ уроженцамъ.

Правители в. кн. Литовскаго, со стороны которыхъ опасались вооруженнаго противодѣйствія и польскіе политики и населеніе Волыни и Подляшья, въ концѣ концовъ не рѣшились на энергическій протестъ противъ произведеннаго Польшею захвата. Положеніе ихъ дѣйствительно было крайне тяжелое: надъ Литвою продолжала тяготѣть разорительная война съ Москвою, шляхетское сословіе противилось политикѣ магнатовъ, и даже на солидарность магнатовъ украинскихъ земель, на которыя наложила теперь руку Польша, не могли расчитывать литовскіе олигархи вслѣдствіе исключительности своей политики и стараго раздвоенія Литвы и Руси. И вмѣсто войны, которой ждали отъ нихъ, въ концѣ концовъ явилась на сеймъ депутація литовскихъ правителей съ жалкими словами по поводу присоединенія Волыни и Подляшья и съ заявленіемъ готовности продолжать переговоры объ уніи

Такой легкій успѣхъ и безнаказанность ободрили польскихъ политиковъ, и шляхетскіе депутаты, вообще болѣе смѣлые и поедпріимчивые въ своихъ планахъ, чѣмъ сенаторы, выступили съ требованіемъ чтобы къ Польшѣ были присоединены также восточное Подолье, незадолго передъ тѣмъ сформированное въ особое Браславское воеводство, и Кіевская земля. Проектъ присоединенія Браславскаго воеводства былъ принятъ и сенаторами и королемъ очень сочувственно. Его немедленно включили въ постановленіе о присоединеніи Волыни, какъ часть волынскихъ земель [2]); браславскимъ сановникамъ велѣли присягнуть, и въ продолженіе какихъ нибудь двухъ недѣль присоединеніе Браславщины было совершенно, не встрѣтивъ никакихъ затрудненій.

Не то съ Кіевскою землею. О правовой сторонѣ, конечно, никто не думалъ. Но эта обширная, малонаселенная, подвергавшаяся непрестаннымъ нападеніямъ Татаръ и порубежная съ страшнымъ Московскимъ государствомъ страна болѣе хладнокровнымъ польскимъ политикамъ представлялась непосильнымъ бременемъ, какимъ и оказалась дѣйствительно для Польши, съ ея чрезвычайно слабой государственной и военной организаціей. Поэтому большинство сенаторовъ съ королемъ во главѣ несочувственно приняли этотъ проектъ шляхетскихъ депутатовъ. Но послѣдніе

---

[1]) Интересна была рѣчь кн. Вишневецкаго требовавшаго, чтобы православные роды не ставились ниже католическихъ и чтобы старинные княжескіе роды оставлены были при своихъ почетныхъ прерогативахъ; онъ указывалъ на то, что княжескіе и магнатскіе роды украинскихъ земель и вообще украинскій народъ („русскій" по тогдашней терминологіи) не уступаютъ въ благородствѣ и славѣ „никакому другому народу на свѣтѣ".

[2]) Исторически это было совсѣмъ невѣрно, но въ XVI в. Браславщина вительно стояла въ близкой связи съ Волынью

настаивали энергично, и ихъ настойчивость увѣнчалась успѣхомъ. Слѣдуетъ упомянуть, что ихъ поддерживали и Волыняне съ Браславянами: новоприсоединенныя къ Польшѣ провинціи имѣли всѣ причины желать, чтобы съ присоединеніемъ не разрывалась ихъ связь съ прочими украинскими землями — чтобы поэтому и онѣ были вмѣстѣ съ ними присоединены къ Польшѣ. На другой день послѣ присяги браславскаго воеводы (3 іюня) состоялась конференція, на которой шляхетскимъ депутатамъ удалось склонить на свою сторону многихъ сенаторовъ и короля. Король заявилъ, что онъ рѣшилъ присоединить къ Польшѣ Кіевскую землю и прикажетъ кіевскому воеводѣ принести присягу. Тѣмъ же днемъ датирована и грамота о присоединеніи Кіевской земли, которая въ этой грамотѣ представлена также провинціей, издревле принадлежавшей къ Польшѣ. Для успокоенія кіевскихъ обывателей имъ представлены были тѣ же гарантіи, что и волынскимъ.

Литовскіе представители, прибывшіе какъ разъ передъ тѣмъ на сеймъ, не имѣли энергіи протестовать противъ этихъ новыхъ захватовъ: они чувствовали, „что у нихъ обрѣзаны крылья", какъ они выразились. Послѣ тщетной и довольно слабой оппозиціи, приняли они предложенную формулу уніи, добившись только незначительныхъ уступокъ въ ней. Прежняя личная унія замѣнена очень тѣсною реальною: Польша и Литва отнынѣ должны составлять одно государство, съ однимъ, сообща избираемымъ главою, съ общимъ сеймомъ; только отдѣльныя министерства сохраняются въ Литвѣ.

Въ половинѣ августа окончился этотъ сеймъ, такъ памятно записавшій свое имя въ исторіи Восточной Европы: въ нѣсколько засѣданій на немъ было осуществлено, то, чего не могли достигнуть долгія войны и столѣтія дипломатическихъ переговоровъ и ухищреній. Прославляемый позднѣйшими польскими историками, какъ актъ любви и братства, въ дѣйствительности онъ былъ цѣпью насилій надъ чужими правами и убѣжденіями, осуществленныхъ давленіемъ правительственной власти и тяжелыхъ обстоятельствъ, какими была война съ Москвою, ослабленіе вел. княж. Литовскаго, его внутреннее раздвоеніе, и т. п. Все это, впрочемъ, отнюдь не дѣлаетъ и литовскихъ автономистовъ мучениками идеи: ими руководили также эгоистическіе мотивы—интересы олигархіи, во имя которыхъ они подавляли сопротивленіе своей шляхты, стремившейся къ благодатямъ польскихъ шляхетскихъ привилегій.

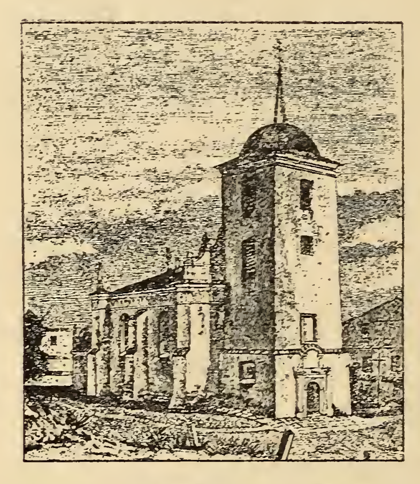
Итакъ, Польша собрала подъ своею властью почти всѣ украинскія земли. Внѣ границъ ея, кромѣ Руси Угорской и украинскихъ округовъ Молдавіи (Буковины), послѣ 1569 г. оставались только: территорія по среднему Бугу и верхней Припети — земли Брестская и Пинская составившія Брестское воеводство, оставшееся въ составѣ вел. кн. Литовскаго,—и Черниговскія, въ это время принадлежавшія Московскому государству [1]). Но вел. кн. Литовское послѣ 1659 г. находилось подъ такимъ сильнымъ воздѣйствіемъ польскаго правительства, права и культуры, что упомянутая Берестейско-пинская территорія все равно что принадлежала къ Польшѣ. Черниговская земля, съ 1503 г. принадлежавшая Москов-

[1]) Административное дѣленіе на воеводства и повѣты, окончательно установившееся передъ 1569 г., раздѣляло украинскія земли на 8 воеводствъ: 1) Русское (Галиція), въ свою очередь состоявшее изъ четырехъ земель: Львовской, Галицкой, Перемышльской и Саноцкой: сюда же номинально причислялась 1) земля Холмская, имѣвшая самостоятельное устройство; столица воеводства Львовъ. 2) Воеводство Белзское (столица Белзъ). 3) Воеводство Подольское (столица Каменецъ). 4) Воеводство Волынское (столица Луцкъ). 5) Воеводство Подляшское, подраздѣлявшееся на земли: Дрогочинскую Мельницкую и Бѣльскую. 6) Воеводство Берестейское (Брестъ). 7) Браславское (Винница). 8) Воеводство Кіевское (Кіевъ). Позже къ нимъ присоединилось девятое, сформированное въ 1635 г.—воеводство Черниговское.

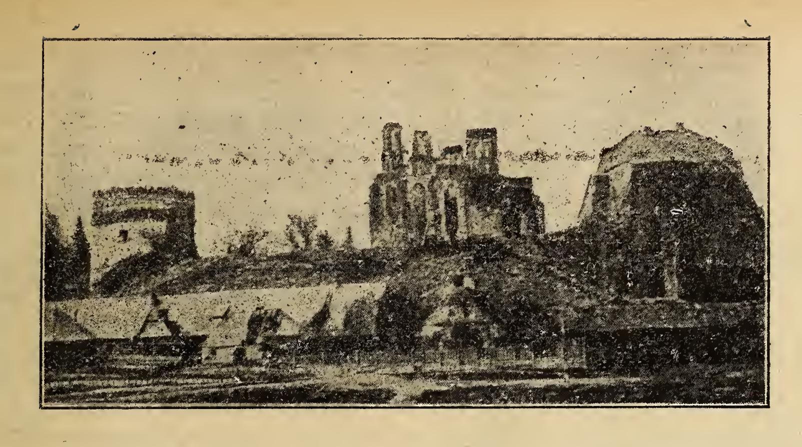
скому государству, въ началѣ XVII в., во время московскаго смутнаго времени, была захвачена Польшею и осталась за ней по послѣдующимъ договорамъ съ московскимъ правительствомъ. Изъ нея было сформировано особое Черниговское воеводство. Правда, владѣніе этою землею продолжалось недолго, только до великаго возстанія 1648 г. Но все-таки, хоть на время, Польшѣ удалось собрать украинскія земли почти цѣликомъ.

Вел. кн. Литовское послужило для нихъ лишь какъ бы ступенью въ переходѣ подъ власть Польши, въ сферу вліянія ея государственнаго строя, права и быта.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. VI, гл. 3—5.



Церковь въ Люблинѣ — памятникъ украинской общины XVI—XVII вв.



Острожскія руины—остатки резиденціи могущественнѣйшей изъ волынскихъ династій.

XI. Общественныя и культурныя отношенія XIV—XVII вв. Привилегированныя сословія.

Съ точки зрѣнія общественныхъ отношеній, состояніе украинскихъ земель подъ властью великихъ князей литовскихъ, въ составѣ великаго княжества Литовскаго, послужило для нихъ тоже лишь ступенью въ переходѣ въ кругъ вліянія польскаго общественнаго строя и польскаго права. Западная часть украинскихъ земель—Галиція, земли Холмская, Белзская и Подольская, присоединенныя непосредственно къ Польшѣ въ продолженіе второй половины XIV и въ первой половинѣ XV вѣка, уже въ это время подпадаютъ воздѣйствію польскаго строя. Центральныя украинскія земли въ продолженіе всего XV и большей части XVI в. находились подъ воздѣйствіемъ юридическаго строя в. княжества Литовскаго. Но его право, создавшееся на основѣ права древне-русскаго, выработаннаго Кіевскимъ государствомъ, со времени уніи 1385 г. развивалось и видоизмѣнялось подъ сильнымъ воздѣйствіемъ право польскаго, особенно во второй половинѣ XV и въ XVI вѣкѣ. Такимъ образомъ пребываніе въ области дѣйствія литовскаго права тоже вводило эти земли въ сферу воздѣйствій права польскаго, съ тѣмъ лишь различіемъ, что черезъ фильтръ литовскаго государственнаго строя эти воздѣйствія проникали сюда въ разжиженномъ видѣ и вліяніе польскаго строя распространялось здѣсь въ замедленномъ темпѣ сравнительно западными украинскими землями. Ту эволюцію, какую послѣднія прошли во второй половинѣ XIV и въ первой половинѣ XV в., центральныя переживали въ теченіе XVI в., а восточная Украина—Черниговскія земли, принадлежавшія въ XVI в. Москвѣ, и Переяславскія—лежавшія впустѣ весь XVI вѣкъ, вступили въ ея сферу лишь на нѣсколько десятилѣтій XVII в., непосредственно предшествовавшихъ движенію 1648 г.

Впрочемъ, и западныя украинскія земли, вошедшія въ составъ Польши, не сразу были перестроены по польскому образцу. И въ нихъ оставалось на первыхъ порахъ довольно много отъ прежнихъ порядковъ, такъ что позже это переходное время даже называлось „временемъ русскаго права". Полное уравненіе этихъ провинцій съ польскими и введеніе польскаго права было провозглашено лишь въ 1434 г., по смерти Ягайла.

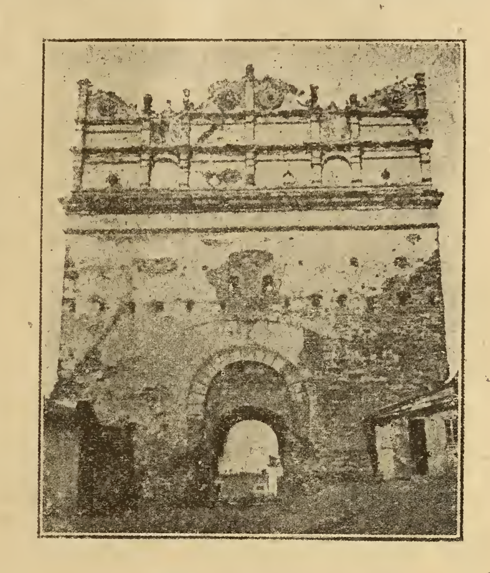
Въ вел. княжествѣ Литовскомъ систематическая перестройка по польскому образцу государственнаго строя, администраціи и сословныхъ отношеній падаетъ на середину XVI в., окончательно же центральныя украинскія земли организуются на польскій ладъ и подвергаются глубокому вліянію польскаго быта только съ 1569 г., когда присоединяются непосредственно къ Польшѣ. Эта же дата имѣетъ значеніе и для Брестской земли: хотя формальнымъ образомъ послѣдняя и не вошла въ составъ Польши, но съ 1569 г. она со всѣми землями в. кн. Литовскаго подпадаетъ весьма сильному воздѣйствію польскаго строя и права. Правда, здѣсь, какъ и на Волыни, въ Браславской и Кіевской земляхъ прежнее право формально оставлено и на будущее время: но его значеніе съ подчиненіемъ новому сеймовому законодательству, при массовомъ движеніи польскихъ привилегированныхъ элементовъ въ эти земли и распространеніи польскихъ порядковъ, становится вскорѣ совершенно призрачнымъ, и можно сказать, что въ послѣдней четверти XVI в. вся Украина до самаго Днѣпра была организована соотвѣтственно польскому праву и польскимъ порядкамъ, а въ первой половинѣ XVII в. польское право и порядки переходятъ и за Днѣпръ, почти достигнувъ въ своемъ распространеніи крайнихъ предѣловъ украинской колонизаціи на востокѣ.

Политическій и общественный строй Польши именно въ XIV—XV вв. слагался окончательно. Его характерною особенностью, имѣвшей важное значеніе въ дальнѣйшемъ воздѣйствіи на строй украинскихъ земель, было чрезвычайное развитіе сословности въ связи съ необыкновеннымъ преобладаніемъ дворянства. Послѣ того, какъ городское сословіе было совершенно выдѣлено изъ государственной организаціи и сдѣлалось государствомъ въ государствѣ (объ этомъ ниже), остальное населеніе уложилось въ два рѣзко разграниченныхъ общественныхъ контраста: всевластное дворянство и безправное крестьянство. Подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, права государства по отношенію къ крестьянину всецѣло переходятъ къ помѣщику: не только права на всякаго рода повинности, поступавшія прежде государству, но и судъ и административная власть. Крестьянство исключается изъ-подъ власти государственныхъ чиновниковъ, права которыхъ переходятъ къ помѣщикамъ: государственная подать ограничивается ничтожною платою 2 грошей съ лана обработанной земли. Одновременно съ этимъ шляхта почти вовсе освобождаетъ себя отъ служебныхъ обязанностей по отношенію къ государству, послужившихъ основаніемъ ея сословныхъ привилегій. Самая власть правительства надъ ней, какъ и вообще правящая и исполнительная власть въ Польшѣ, ослабѣваетъ. Судъ переходитъ къ избираемымъ шляхтою судьямъ. Единственнымъ независимымъ отъ нея органомъ являются на первыхъ порахъ такъ наз. старосты—королевскіе чиновники, обладавшіе полицейскими и судебными полномочіями и исполнительною властью: но съ дальнѣйшимъ ослабленіемъ правительственной власти и старосты превращаются въ представителей шляхетскаго класса и его интересовъ.

Развитіе парламентаризма въ XV в. даетъ шляхтѣ голосъ и вліяніе въ общественныхъ вопросахъ, и въ дальнѣйшемъ движеніи онъ съ одной стороны—ослабляетъ значеніе родовой и служебной аристократіи пановъ сенаторовъ, съ другой—подкапываетъ окончательно силу королевской власти. Въ результатѣ этого процесса Польша къ концу XVI в. окончательно формируется въ шляхетское государство, монархію только по имени, гдѣ правитъ исключительно шляхетское сословіе, прилагающее лишь къ себѣ имя „народа“ („народъ шляхетскій“). Узурпировавъ всѣ права по отношенію къ прочимъ сословіямъ въ своей средѣ, шляхта заботливо проводитъ принципъ равенства (своеобразный „шляхетскій демо-

кратизмъ") и направляетъ законодательство, общественное устройство и экономическія отношенія исключительно въ интересахъ своего сословія.

Въ этомъ направленіи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ польскаго права и посредственнымъ (чрезъ законодательство и практику великаго княжества Литовскаго), видоизмѣнялся въ XIV—XVII вв. строй украинскихъ земель. Разнообразіе общественныхъ классовъ и группъ, съ ихъ незамѣтными переходами при отсутствіи рѣзкихъ сословныхъ границъ, отличавшее древнерусскій общественный строй, замѣняется рѣзко отграниченными сословіями — привилегированнымъ шляхетскимъ и безправнымъ крестьянскимъ. Городъ, бывшій прежде центромъ жизни земли и ея представителемъ, исключается изъ земскаго строя и теряетъ значенія. Самоуправляющаяся земля замѣняется самоуправляющимся шляхетскимъ классомъ [1]) Эти измѣненія общественныхъ отношеній усугубляются еще тѣмъ, что привилегированнымъ классомъ въ украинскихъ земляхъ становятся все болѣе и исключительнѣе Поляки, а въ положеніи непривилегированномъ оказывается туземное, украинское населеніе. Соціальная несправедливость обостряется національною рознью, сознаніемъ національнаго гнета, подмѣниваемымъ чувствомъ совпадающаго съ нимъ гнета религіознаго. Поляки и ополяченые туземцы захватываютъ въ свои руки всю власть, всю силу, всѣ доходы, всѣ земли. Туземная Русь обращена, въ обнищалую, обобранную, презираемую массу польскихъ слугъ и чернорабочихъ; ея культура, религія, правовой и экономическій бытъ доведены до полнаго упадка и униженія этимъ польскимъ господствомъ. Все это придаетъ еще большую жгучесть неудовольствію обдѣленныхъ слоевъ и группъ туземнаго украинскаго населенія и усиливаетъ интенсивность послѣдовавшей борьбы.



Острожскія ворота.

Таковы были главныя черты общественнаго процесса, развивающагося въ украинскихъ земляхъ в. кн. Литовскаго и Польши въ XIV—XVII в. Какъ сказано уже, въ земляхъ, принадлежавшихъ къ в. кн. Литовскому, этотъ процессъ былъ отсроченъ или замедленъ. Но въ большинствѣ случаевъ общественная эволюція в. кн. Литовскаго шла въ направленіи къ польскимъ порядкамъ—частію болѣе самостоятельнымъ процессомъ, частію прямо воспринимая нормы польского права, вслѣдствіе уніи съ Польшею.

[1]) Въ старомъ самоуправленіи земли, котораго особенно идеализировать тоже не слѣдуетъ, преобладали также правящіе классы. Но это преобладаніе было только фактическое, въ разныхъ обстоятельствахъ далеко не одинаковое, и принципіальное право на участіе въ самоуправленіи земли было достояніемъ всего свободнаго населенія. Сами правящіе классы не были такъ рѣзко отграничены, не были такою наслѣдственною кастою, какъ польская шляхта, и ихъ преимущества не были санкціонированы закономъ такъ опредѣленно, какъ безграничныя въ своей исключительности права шляхетскаго сословія Польскаго государства.

Общественное устройство в. кн. Литовскаго исходило отъ права и общественнаго строя, выработаннаго Кіевскимъ государствомъ [1]). Но при всемъ уваженіи къ нимъ литовскаго правительства и принципіальномъ консерватизмѣ его, этотъ старый общественный строй очень рано начинаетъ подвергаться весьма существеннымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ государственнаго строя вел. княжества Литовскаго. Это государство съ сильно выраженнымъ военнымъ характеромъ, съ широкими завоевательными планами, окруженное соперниками и врагами, всю энергію внутренней политики обращало на выработку возможно большей военной силы. Оставляя присоединяемымъ украинскимъ и бѣлорусскимъ землямъ ихъ старый строй и порядки, ихъ автономію, оно ставило имъ одно существенное требованіе — чтобы всѣ эти земли и всѣ сословія ихъ принимали возможно большее участіе въ военныхъ предпріятіяхъ и тягостяхъ государства. Послѣдовательное проведеніе этого принципа приводило къ весьма существеннымъ послѣдствіямъ для правовыхъ и общественныхъ отношеній. Основаніемъ для военнаго обложенія сдѣлалась земля, землевладѣніе, и въ интересахъ военной службы послѣднее подвергается чрезвычайно сильному контролю правительства, такъ что ограничивается самое право собственности и распоряженія недвижимыми имуществами. Правительство допускаетъ послѣднее лишь въ такомъ объемѣ и постольку, поскольку это согласуется съ интересами военной службы, и собственникомъ земель въ сущности становится само государство. Владѣлецъ можетъ пользоваться своею землею только до тѣхъ поръ, пока въ состояніи нести службу, связанную съ этимъ владѣніемъ; онъ можетъ передать наслѣдникамъ или произвести отчужденіе своего имѣнія только съ вѣдома и разрѣшенія правительства, слѣдящаго за тѣмъ, чтобы новый владѣлецъ былъ способнымъ къ службѣ. Эта практика переносится на всѣ роды военнослужебнаго землевладѣнія, будетъ ли то владѣніе, данное правительствомъ подъ условіемъ службы, или унаслѣдованное. То же воззрѣніе переносится также и на землевладѣніе не военнослужебное—крестьянское. Создается убѣжденіе, что крестьянинъ сидитъ не на землѣ своей, а лишь пользуется государственною, подъ условіемъ исправнаго отбыванія связанныхъ съ ней повинностей въ пользу государства или того лица, которому правительство переуступитъ права на крестьянскія повинности взамѣнъ военной службы. „Своего ничего не маемъ, одно божье да государево", такъ говорили даже сами крестьяне въ XVI вѣкѣ. Какія огромныя перемѣны въ общественномъ строѣ производили такія воззрѣнія въ ихъ примѣненіи на практикѣ, увидимъ ниже.

Прежде всего остановимся на судьбѣ военнослужебныхъ, привилегированныхъ классовъ.

Въ присоединенныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ литовское правительство нашло извѣстныя намъ общественныя группы: княжескихъ военнослужебныхъ людей, высшая категорія которыхъ носила имя бояръ; земскую, землевладѣльческую аристократію, называвшуюся также боярами (эти двѣ аристократіи—служебная и земская, несомнѣнно, мѣстами слились очень тѣсно); затѣмъ мѣщанъ, крестьянъ-собственниковъ и другія группы, которыя намъ пока не нужны.

Отмѣтимъ прежде всего, что къ верхнимъ, аристократическимъ слоямъ в. кн. Литовское присоединяетъ еще одну, самую верхнюю и аристократическую — классъ князей. Мы уже отчасти знаемъ этотъ классъ и его происхожденіе. Это бывшіе владѣтельные князья изъ старой династіи и потомковъ Гедимина, а также нѣсколько родовъ изъ другихъ старыхъ литовскихъ династій, совершенно обрусѣвшихъ. Съ сплоченіемъ

---

[1]) См. выше, гл. IX

в. кн. Литовскаго и особенно послѣ конфискаціи сильнѣйшихъ княжествъ въ 1390-хъ гг., эти князья все болѣе и болѣе превращаются въ крупныхъ вотчинниковъ. Правда, сильнѣйшіе изъ нихъ поддерживаютъ еще нѣкоторыя старыя традиціи—пишутся „божьей милостью“, удерживаютъ разные атрибуты государственной власти, но, вообще говоря, со времени Витовта это только аристократія, а отнюдь не государи; немногія исключенія—какъ Свитригайло, Олельковичи кіевскіе не измѣняютъ общей картины, да и имъ далеко до всей полноты государственной власти. Со времени Витовта вообще было употреблено много стараній для того, чтобы подорвать значеніе этого класса, а съ упадкомъ Свитригайла онъ окончательно теряетъ даже вліяніе на государственное (центральное) управленіе, которое переходитъ къ аристократическимъ не-княжескимъ литовскимъ родамъ, собравшимъ огромныя богатства, въ видѣ громадныхъ имѣній. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми украинскими и бѣлорусскими, наиболѣе выдающимися боярскими родами, эти литовскіе магнаты составляють, наряду съ князьями, вторую категорію высшей аристократіи в. кн. Литовскаго; ея составъ выражается и въ ея названіи: „князья и паны“,—такъ обыкновенно обозначаются они въ законодательныхъ и иныхъ памятникахъ в. кн. Литовскаго.

Изъ украинскихъ земель гнѣздомъ этой аристократіи была Волынь, кишѣвшая княжескими родами, такъ что мелкаго дворянства и государственныхъ имѣній было здѣсь сравнительно мало. Она была вообще наиболѣе княжескою землею въ в. кн. Литовскомъ, между тѣмъ какъ литовскія и бѣлорусскія земли бассейна Нѣмана были гнѣздомъ панскихъ родовъ, менѣе многочисленныхъ, но въ общей сложности еще болѣе богатыхъ. На Волыни находились родовыя гнѣзда кн. Острожскихъ, Сангушковъ, Черторыйскихъ, Дубровицкихъ, Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Порицкихъ и Воронецкихъ, Четвертинскихъ, Жеславскихъ, Корецкихъ и т. д., и нѣсколькихъ богатыхъ панскихъ родовъ, какъ Боговитины, Монтовты, Кирдеи, Загоровскіе, Семашки. Княжескіе и панскіе роды Волыни, по сохранившейся переписи 1528 г., высылали около трехъ четвертей всего военнаго контингента, выставлявшагося Волынью, и только одна четверть приходилась на долю прочихъ землевладѣльцевъ. Наоборотъ, царствомъ мелкой шляхты было Подляшье (въ особенности сѣверный—Бѣльскій повѣтъ) и кіевское Полѣсье, а въ районѣ верхней Припети — княжествахъ Кобринскомъ и Пинскомъ, рядомъ съ мелкимъ боярствомъ (существовавшимъ и въ другихъ латифундіяхъ) былъ развитъ также классъ государственныхъ крестьянъ—превратившихся въ государственныхъ съ тѣхъ поръ,

Гербъ кн. Острожскихъ въ Псалтири острожской печати 1580 г.

какъ эти княжества превратились въ государственныя, „господарскія" волости съ прекращеніемъ княжескихъ династій.

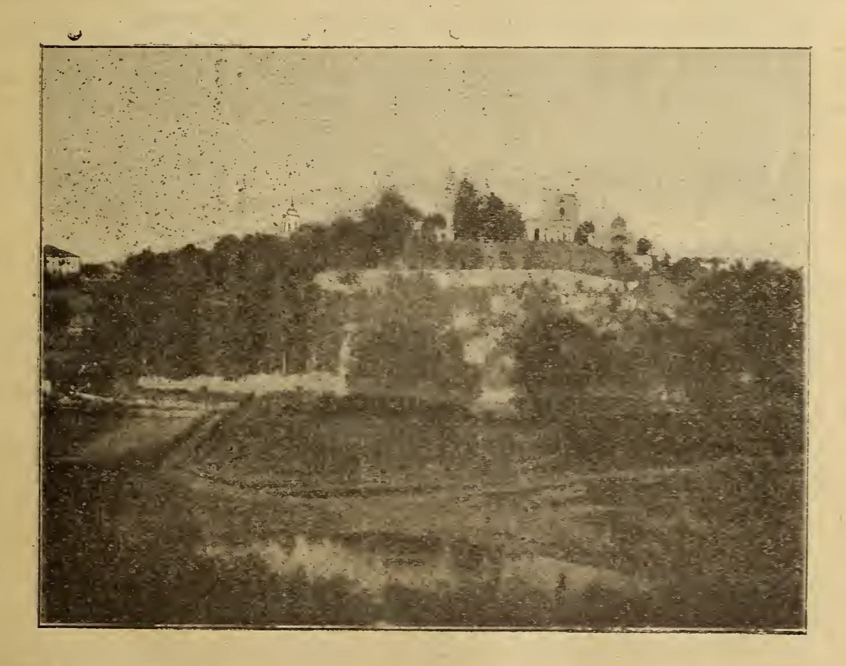
Княжеско-панская аристократія, владѣльцы большихъ имѣній, пользовались разными фактическими и даже юридическими преимуществами— въ сферѣ суда и административно-военнаго устройства. Въ ихъ же рукахъ сосредоточено было все управленіе: должности центральнаго управленія распредѣлялись въ тѣсномъ кругу фамилій, преимущественно литовской аристократіи, должности мѣстныя—между аристократіею данной земли (это даже было гарантировано правительствомъ во многихъ уставныхъ земскихъ граматахъ). Но съ середины XVI в. мелкое дворянство выступаетъ противъ преобладанія аристократіи; одновременно и правительство, слѣдуя польскому устройству, проводитъ рядъ реформъ, поднимавшихъ значеніе мелкаго дворянства и уравнивавшихъ послѣднее съ князьями и панами. Однако фактическаго значенія и преобладанія аристократіи все это, конечно не уничтожило.

Сословіе мелкаго, рядового дворянства формировалось въ великомъ княжествѣ Литовскомъ подъ вліяніемъ польскаго строя. Приложеніе польскихъ нормъ не обошлось однако безъ большихъ затрудненій. Литовское правительство прилагало усилія къ тому, чтобы привлечь къ военной службѣ возможно большее число населенія. Не только крупные и средніе землевладѣльцы, но и мѣщане и болѣе состоятельные крестьяне переводились „на боярскую службу", т. е. освобождались отъ всякихъ иныхъ обязанностей и податей, взамѣнъ которыхъ должны были по первому призыву власти являться въ походъ, на свой счетъ снаряжаясь и содержа себя во время похода.

Въ такихъ условіяхъ этотъ классъ военнослужилыхъ людей, конечно, не могъ отличаться большою устойчивостью: въ него входили постоянно новые разночинные элементы и такимъ же образомъ выходили, когда военная служба становилась имъ неподручною: съ боярской службы переводились на „службу тяглую" или облагались иными повинностями, по собственному желанію или по распоряженію властей, если послѣднія находили данное лицо неспособнымъ къ отправленію „боярской" службы. Кромѣ того, классъ лицъ, несшихъ боярскую службу, былъ связанъ съ крестьянствомъ разными посредствующими категоріями — въ видѣ такъ называемыхъ слугъ, несшихъ военную службу въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ и исправлявшихъ разныя обязанности при замкахъ, различныхъ ремесленниковъ, также привлекавшихся къ военнымъ походамъ, и т. д. Заключить эту обширную, разношерстную массу въ рѣзко опредѣленныя границы, по образцу польской шляхты, было очень трудно.

Правительство сначала имѣло намѣреніе по образцу Польши создать и въ Литвѣ юридически привилегированное сословіе изъ Литвиновъ-католиковъ, и въ этомъ направленіи сдѣлало было нѣсколько попытокъ. Непосредственно послѣ крещенія Литвы въ католичество, въ 1387 г., Ягайло издалъ жалованнюю грамату для бояръ католическаго исповѣданія (слѣдовательно, литовской народности), въ которой признавалъ за ними различныя привилегіи, принадлежавшія шляхтѣ польской. Но затѣмъ очевидно, правительственные круги спохватились что распространеніе привилегій польской шляхты на всю многочисленную категорію бояръ литовскаго происхожденія нанесло бы слишкомъ чувствительный ударъ государственному обложенію. Поэтому послѣдующій, Городельскій актъ 1413 г. поставилъ другія, болѣе тѣсныя границы привилегированному сословію: чтобы пользоваться сословными привилегіями, ближе разъясненными этимъ актомъ, недостаточно было быть бояриномъ-католикомъ, — нужно было сверхъ того имѣть гербъ, что достигалось лишь пожалованіемъ великимъ княземъ

и принятіемъ къ своему гербу какимъ нибудь польскимъ шляхетскимъ родомъ. Эти процедуры, однако, не привились вслѣдствіе уже одной своей сложности. При томъ же оказалось, что при сформированіи такого привилегированнаго сословія невозможно обойти вовсе роды православные — бѣлорусскіе и украинскіе. Желая ослабить Свитригайла и отвлечь отъ него его православныхъ сторонниковъ, въ 1432 г., непосредственно послѣ избранія великимъ княземъ Сигизмунда, послы Ягайла подписали грамоту объ уравненіи православной русской шляхты съ литовскою въ пользованіи шляхетскими привилегіями, а два года спустя в. князь Сигизмундъ опубликовалъ грамоту уже отъ себя объ уравненіи православныхъ князей и бояръ въ шляхетскихъ привилегіяхъ съ католиками; Русины по этой грамотѣ получаютъ право, съ согласія польскихъ шляхетскихъ родовъ, усвоять себѣ гербы ихъ, какъ и Литвины. Однако планъ сформированія спеціальной гербовой аристократіи, такъ называемыхъ „клейнотниковъ", не привился, а допустить всю огромную и разношерстную массу землевладѣльческаго сословія, несшаго военную службу, до сословныхъ привилегій постепенно возраставшихъ и расширявшихся по польскому образцу—правительство рѣшительно стѣснялось. Земскій привилей 1447 г. освободилъ крестьянъ, сидѣвшихъ на шляхетскихъ земляхъ, отъ юрисдикціи государственныхъ чиновниковъ и подчинилъ ихъ юрисдикціи помѣщика. Практика XV в., закрѣпленная земскими привилеями украинскихъ земель начала XVI в., давала важныя преимущества членамъ привилегированнаго сословія на судѣ; изложенное въ Литовскомъ статутѣ 1529 г. право великаго княжества Литовскаго очень настойчиво проводило принципъ юридическихъ преимуществъ шляхтича. Литовскій статутъ въ новой



Руины Корецкаго замка (гнѣзда кн. Корецкихъ).

редакціи 1566 г. имѣетъ еще рѣзче выраженныя черты шляхетскаго кодекса, покровительствующаго шляхетскому сословію, и подтверждаетъ весьма важныя права, предоставленныя послѣднему въ сферѣ государственнаго и мѣстнаго управленія: обязательное участіе шляхетскихъ пред-

ставителей въ сеймахъ съ правомъ рѣшающаго голоса, учрежденія провинціальныхъ шляхетскихъ сеймиковъ и выборныхъ шляхетскихъ судовъ— вполнѣ приближавшія строй земель, входившихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, къ строю шляхетскаго Польскаго государства.

Жалуя шляхетское сословіе такими важными прерогативами, литовское правительство дѣйствительно имѣло причины озабочиваться точнымъ установленіемъ круга тѣхъ лицъ, которыя могли пользоваться этими прерогативами, и искало критерія для опредѣленія границъ этого класса. Я не буду останавливаться на всѣхъ попыткахъ его. Въ концѣ концовъ произведенная въ серединѣ XVI в. (разновременно и въ различныхъ формахъ) ревизія государственныхъ земель и правъ на владѣніе выяснила до извѣстной степени наличный составъ привилегированнаго землевладѣльческаго сословія. Такъ, одновременно съ расширеніемъ привилегій дворянства передъ 1569 г., болѣе или менѣе опредѣлился и составъ его.

Низшія категоріи боярства—малоземельные, захудавшіе роды, или бояре, несшіе кромѣ военной службы разныя другія натуральныя повинности, остались внѣ привилегированнаго сословія, сохранивъ старое имя бояръ. Вслѣдствіе слишкомъ широкаго своего объема это имя было признано непригоднымъ для обозначенія привилегированнаго сословія, и оставшись въ качествѣ обозначенія для группъ полупривилегированныхъ, уже начиная со второй половины XV в. по отношенію къ классу привилегированному вытѣсняется другими, заимствованными изъ Польши названіями—„земянъ“ и особенно—„шляхты“.

Такимъ образомъ къ 1569 г. шляхетское сословіе в. кн. Литовскаго очень близко подошло уже къ своему образцу—шляхетскому сословію Польши. 1569-й годъ завершилъ его развитіе въ центральныхъ украинскихъ земляхъ, принесши мѣстному шляхетству окончательное уравненіе съ польскою шляхтою въ двухъ чрезвычайно существенныхъ пунктахъ: въ освобожденіи шляхетскаго землевладѣнія отъ связывавшихъ его ограниченій и самой шляхты отъ военной службы и государственныхъ повинностей, какія сохранились еще до тѣхъ поръ.

Гораздо быстрѣе совершился этотъ процессъ въ земляхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ непосредственно уже въ XIV и первой половинѣ XV в.

Польское правительство, какъ мы уже знаемъ, не спѣшило вводить здѣсь польскую систему администраціи и сословныхъ отношеній во всей полнотѣ, хотя съ появленіемъ здѣсь привилегированныхъ польскихъ колонистовъ и переходомъ всей высшей администраціи въ руки Поляковъ, польское право и практика стали широко проникать въ мѣстные порядки и отношенія сами собою, даже независимо отъ правительственныхъ мѣръ. Отчасти, можетъ быть, въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ стояли эти земли, отчасти просто въ интересахъ управленія и государственнаго фиска, правительство не вводило даже въ наиболѣе рано присоединенную Галицію шляхетскаго земскаго самоуправленія, оставляло населеніе въ исключительной власти своихъ намѣстниковъ—воеводъ и старостъ, и въ подробностяхъ администраціи и суда сохраняло многое изъ старой, галицко-волынской практики. Мѣстная шляхта, безъ различія происхожденія и національности, должна была нести военную службу въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ тѣ, какіе существовали въ польскихъ земляхъ; шляхетское землевладѣніе подвергалось здѣсь разнымъ ограниченіямъ, неизвѣстнымъ въ польскихъ земляхъ и аналогичныхъ тѣмъ какія мы видимъ еще въ болѣе сильныхъ и развитыхъ формахъ въ в. кн. Литовскомъ.

Конечно, все это очень тяготило шляхту украинскихъ провинцій Польши, особенно шляхту польскую, пришедшую изъ польскихъ про-

винцій. Въ своихъ сословныхъ интересахъ, безъ различія національности, мѣстные землевладѣльцы были заинтересованы въ полномъ уравненіи этихъ провинцій съ чисто-польскими и хлопотали передъ правительствомъ въ такомъ направленіи. Ягайло далъ было обѣщанія въ этомъ смыслѣ, но окончательное уравненіе украинскихъ провинцій Польши съ провинціями польскими провозглашено было только новымъ королемъ Владиславомъ, въ 1434 г. Шляхта освобождалась теперь отъ мѣстныхъ

Дубенская икона, подаренная кн. Василіемъ-Константиномъ Острожскимъ.

повинностей, а въ управленіи и судѣ вводились польскіе порядки и во второй половинѣ XV в. Галиція, Подолье и Белзкая земля уже вполнѣ организуются на польскій ладъ, мѣстная шляхта усваеваетъ польскія права и порядки и одновременно въ значительной степени полонизируется.

Туземный, украинскій элементъ оказался здѣсь въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ украинскія провинціи великаго княжества Литовскаго. Эти послѣднія долго оставались почти совершенно незатронутыми въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ; сюда почти не проникали чуждые имъ

въ культурномъ и національномъ отношеніи элементы; управленіе осталось въ рукахъ мѣстной аристократіи; мѣстное право и культура пользовались полнымъ уваженіемъ власти, а Русь имѣла всякое основаніе считать себя стоящей къ культурномъ и правовомъ развитіи выше, чѣмъ правящая національность. И даже позднѣйшія реформы въ духѣ польскаго права, вплоть до присоединенія украинскихъ земель къ Польшѣ, не наносятъ непосредственнаго ущерба украинской національности: мѣстная украинская жизнь перестраивается на польскій ладъ, не переставая еще быть украинскою; сформированное по образцу польской шляхты шляхетское сословіе, какъ и старая аристократія, не разрываетъ своей связи съ своей національностью, остается украинскимъ.

Совершенно иначе было съ западными украинскими землями. Онѣ вошли въ составъ государства, съ выработаннымъ строемъ и порядками, которое поэтому не имѣло поводовъ относиться съ особеннымъ почтеніемъ къ побѣжденной національности. Вся высшая администрація новыхъ провинцій съ самаго же начала сосредоточивается въ рукахъ чужеземцевъ, главнымъ образомъ Поляковъ, склонныхъ смотрѣть на мѣстное право и культуру, какъ на нѣчто низшее, хотя бы безъ всякаго другого основанія, кромѣ того, что это были покоренныя провинціи, право и культура которыхъ имъ не импонировали, какъ Литвѣ. Точно такъ же относилась къ мѣстному украинскому элементу иноземная, главнымъ образомъ польская шляхта и нѣмецко-польское мѣщанство, въ большомъ количествѣ привлеченное польскимъ правительствомъ въ эти провинціи. Эта колонизація вмѣстѣ съ польской администраціей вносила въ мѣстныя отношенія польскія воззрѣнія, польское право, и благодаря этому послѣднее, еще прежде чѣмъ было введено формально, стало фактически господствующимъ. Перспектива освобожденія отъ тяжелыхъ государственныхъ повинностей и сильной власти правительственной администраціи дѣлала введеніе польскаго права и польскаго строя весьма симпатичнымъ и желательнымъ даже для украинскихъ землевладѣльцевъ края. Сословные интересы такимъ образомъ заставляютъ ихъ сближаться съ Поляками-пришельцами и сплачиваться съ ними въ одну классовую группу. Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что эти украинскіе землевладѣльцы—потомки старыхъ боярскихъ родовъ, были ослаблены политическими конфискаціями и отобраніемъ такихъ земель, на которыя владѣльцы не могли доказать своихъ правъ документально; отобранныя земли, на основаніи королевскихъ пожалованій, переходили обыкновенно въ руки пришлыхъ элементовъ, и украинскіе элементы въ землевладѣльческомъ сословіи были такимъ образомъ ослаблены очень рано, и это также весьма существеннымъ образомъ затруднило сплоченіе украинскаго боярства въ особую и сильную группу.

Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, прежде чѣмъ національные интересы успѣли сплотить остатки украинскаго владѣльческаго сословія, оно уже увидѣло себя залитымъ польскою шляхетскою колонизаціею, оттѣсненнымъ отъ власти, отъ вліянія въ шляхетскомъ самоуправленіи. Вмѣстѣ съ сознаніемъ своего безсилія оно постепенно подпадаетъ и культурному вліянію польскаго элемента, усвояя воззрѣніе Поляковъ на украинскій элементъ и украинскую культуру, какъ на нѣчто низшее въ сравненіи съ польскою, и денаціонализируясь въ весьма сильной степени.

Полный упадокъ украинскаго элемента подъ вліяніемъ этихъ условій въ западной Украинѣ обозначился вполнѣ ясно уже въ первой половинѣ XV в. Во второй половинѣ исчезаютъ остатки стараго строя, самая память о немъ. Большинство стараго украинскаго боярства—все, что было въ немъ болѣе богатаго, вліятельнаго, принятаго въ польскую среду, тонетъ и растворяется въ ней. Остатки украинской шляхты остаются въ

такомъ меньшинствѣ, что съ ними вовсе перестаютъ считаться. Украинскую національность—и то въ видѣ темнаго стихійнаго чувства или сознанія религіозной обособленности—сохраняютъ лишь крестьяне, мелкое мѣщанство и православное духовенство,—сословія, не имѣвшія голоса ни въ государственной жизни, ни въ мѣстномъ управленіи. Единственнымъ, вѣдь, признаннымъ представителемъ земли служитъ шляхта, а она пріобрѣла уже яркую и довольно цѣльную польскую окраску. Украинское населеніе живетъ въ украинскихъ провинціяхъ Польши только какъ этнографическая масса, а не нація, и православная „русская“ церковь остается единственнымъ учрежденіемъ, носящимъ національную форму. Это совершенно ясно выступаетъ уже въ XVI в., даже въ началѣ его. „Нѣтъ Руси, есть только попы и хлопы“, могли бы сказать „обыватели“ (т. е. шляхтичи) „Русскаго воеводства“ въ XVI в., какъ говорили потомъ въ XIX.

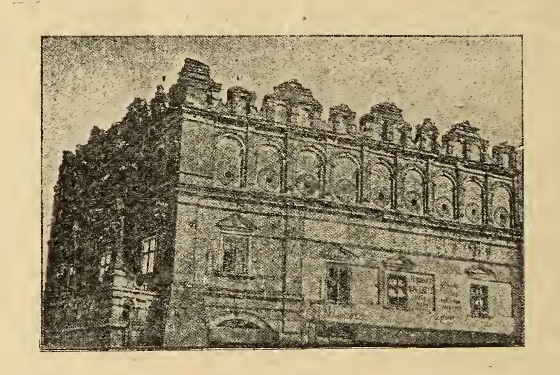
1569 годъ широко отворилъ двери изъ западныхъ воеводствъ въ центральныя украинскія земли этой польской шляхтѣ, которая, сидя на украинской землѣ и живя трудомъ украинскаго крестьянина, привыкла въ то же время игнорировать все туземное, смотрѣть на украинскій народъ, какъ на рабовъ польской народности, на его языкъ, культуру, традиціи, право—какъ на нѣчто неизмѣримо низшее сравнительно съ польскимъ, такъ что всему туземному, нѣсколько поднимавшемуся надъ общимъ жалкимъ уровнемъ, по ея искреннему убѣжденію, была одна дорога—самоскорѣйшаго перехода въ польскій лагерь, перечисленія въ польскую національность. Безконечною вереницею потянулись эти носители польской національности на Волынь, въ Кіевщину и за Днѣпръ, захватывая должности, основываясь на выпрошенныхъ отъ правительства пустыхъ или отобранныхъ отъ „безправныхъ“ владѣльцевъ земляхъ, на полученныхъ за женами въ приданое имѣніяхъ, на огромныхъ коронныхъ земляхъ, раздававшихся имъ въ пожизненное владѣніе, и распространяли съ наивнымъ высокомѣріемъ людей „высшей расы“ презрительное понятіе обо всемъ туземномъ, вытѣсняя его и замѣняя правомъ, культурой и бытомъ польскимъ.

Одновременно съ этимъ польскимъ потокомъ, имѣвшимъ чрезвычайно важное значеніе въ процессѣ ополяченія центральныхъ украинскихъ земель, высшіе слои украинскаго общества новоприсоединенныхъ къ Польшѣ (въ 1569 г.) провинцій, въ силу своей непосредственной принадлежности къ Польскому государству, приходятъ тоже въ соприкосновеніе съ польскимъ обществомъ, польскимъ правомъ и культурою. Это право, уже раньше имѣвшее притягательную силу для шляхты в. кн. Литовскаго благодаря своимъ заманчивымъ шляхетскимъ привилегіямъ и служившее образцомъ для реформъ въ в. кн. Литовскомъ уже передъ уніею, и эта культура, находившаяся какъ разъ въ періодѣ своего расцвѣта подчиняютъ своему вліянію украинскую шляхту новоприсоединенныхъ провинцій очень быстро. Это вѣдь былъ золотой вѣкъ польской литературы, золотой вѣкъ польской общественности, золотой вѣкъ парламентаризма, и все это носило печать шляхетскихъ стремленій, шляхетской программы, шляхетскихъ интересовъ. Развитіе польской литературы во второй половинѣ XVI в. стояло въ тѣсной связи съ развитіемъ общественной жизни и въ частности—общественнымъ движеніемъ среди шляхты, создающей для себя въ это время первую роль въ современной политикѣ Польши.

Понятно обаяніе, какое имѣла польская общественная жизнь и литература для украинской шляхты, льнувшей къ польскимъ порядкамъ въ силу своихъ сословныхъ, шляхетскихъ интересовъ и введенной въ кругъ польской жизни какъ разъ въ моментъ ея апогея. Я упоминалъ

уже, что гарантированное центральнымъ украинскимъ землямъ право Литовскаго Статута само собою очень скоро вышло изъ употребленія, замѣнившись правомъ польскимъ. Высшій судебный трибуналъ, организованный для украинскихъ земель, очень скоро прекратилъ самъ собою свое существованіе. Организація и право полонизируются вполнѣ. Повторяется тотъ же процессъ распыленія высшихъ украинскихъ классовъ, имѣвшій мѣсто предъ тѣмъ въ западной Украинѣ. Весь строй жизни и отношенія высшихъ сословій украинскихъ земель денаціонализируются быстро и глубоко: въ первой четверти XVII в. мы видимъ этотъ процессъ уже въ полномъ развитіи.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. V, гл. I (общая характеристика), организація и управленіе—тамъ же гл. 5, эволюція шляхетскаго сословія-гл. 2.



Такъ наз. домъ Острожскихъ въ Ярославлѣ (Галиція).

Въ руинахъ Кіева (изъ рисунковъ 1651 года).

XII. Крестьянство.

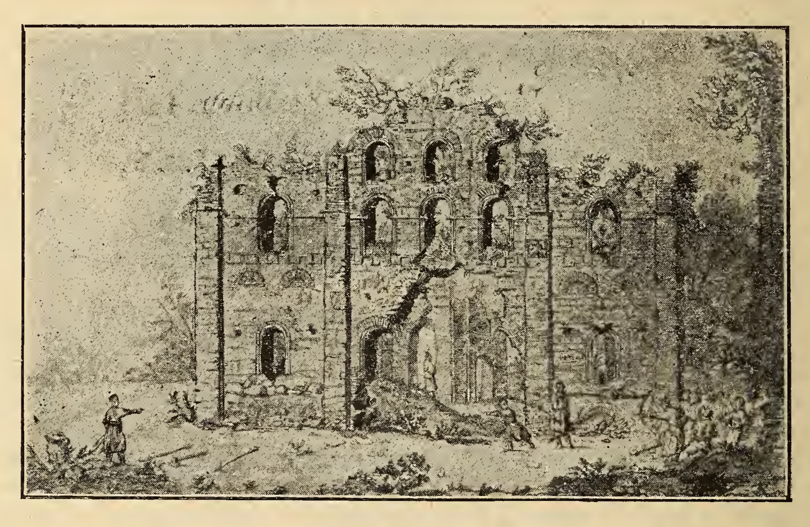
Оборотною стороною процесса развитія шляхетскаго сословія и его привилегій была эволюція крестьянскаго сословія на Украинѣ,—народной массы, за счетъ правъ которой и создавались главнымъ образомъ привилегіи шляхетскаго сословія.

Мы знаемъ, какъ представлялась эта народная масса въ эпоху Кіевскаго государства. Основное ядро населенія состояло изъ свободнаго и экономически независимаго крестьянства, но оно въ сильной степени истощалось неблагопріятными экономическими условіями; за нимъ слѣдуютъ категоріи свободныхъ, но экономически зависимыхъ безземельныхъ, и несвободныхъ—возрастающія за счетъ класса крестьянъ-собственниковъ. Оскудѣніе сословія крестьянъ-собственниковъ и развитіе за ихъ счетъ—съ одной стороны, категорій безземельныхъ и несвободныхъ, съ другой—боярскаго землевладѣнія, распоряжавшагося трудомъ несвободныхъ и безземельныхъ, характеризуютъ судьбу крестьянскаго сословія въ XII—XIII вв. Дальнѣйшая исторія крестьянства, въ XIV—XVI вв., сводится къ послѣдующимъ главнымъ моментамъ. Несвободные исчезаютъ постепенно, переходя преимущественно въ категоріи безземельныхъ, зависимыхъ крестьянъ. Съ другой стороны положеніе крестьянъ-собственниковъ понижается до уровня тѣхъ же безземельныхъ, экономически зависимыхъ категорій; ихъ личная свобода, гражданскія и имущественныя права подвергаются ряду ограниченій, и рядомъ съ прежними данями развивается издѣльная, барщинная повинность. Одновременно проводится строгая регламентація крестьянскаго землевладѣнія и хозяйственныхъ отношеній, разрушающая прежнія формы крестьянскаго хозяйства, болѣе сложныя экономическія единицы, и низводящая ихъ къ мелкимъ дворамъ-хозяйствамъ, причемъ развитіе господскихъ запашекъ, фольварочнаго хозяйства все болѣе уменьшаетъ величину крестьянскаго участка и создаетъ чрезвычайно тяжелыя формы эксплоатаціи крестьянскаго труда.

Начнемъ съ несвободныхъ. Когда, послѣ долгаго перерыва, мы получаемъ, въ серединѣ XV в., довольно значительный документальный

матеріалъ, въ украинскихъ земляхъ Польши несвободныхъ уже нѣтъ: юридически они не существуютъ, а фактически встрѣчаются только въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Въ земляхъ великаго княжества Литовскаго такіе остатки несвободнаго состоянія существуютъ дольше, не только въ XV, но и XVI в. (такъ назыв. „паробки", „челядь невольная" или просто „челядь"); право вполнѣ признаетъ ихъ существованіе и лишь постепенно ограничиваетъ источники рабства. Но жизнь шла впереди законодательства, и XVI в. для земель в. кн. Литовскаго является временемъ вымиранія рабства на практикѣ и наконецъ Литовскій Статутъ 1588 г., уничтоживъ всѣ иныя категоріи рабовъ, кромѣ взятыхъ на войнѣ невольниковъ, предписываетъ перевести рабовъ другихъ категорій, равно и дѣтей полоненниковъ, на крестьянскіе участки и считать ихъ за крестьянъ-отчичей (крѣпкихъ землѣ).

Это постановленіе, какъ и вообще практиковавшійся въ продолженіе XVI в. переводъ остатковъ рабовъ на крестьянскіе участки, въ категорію тяглыхъ крестьянъ, объясняютъ намъ ретроспективно, какъ исчезъ этотъ, нѣкогда такъ многочисленный классъ несвободныхъ: онъ перешелъ въ категорію крестьянъ, сидѣвшихъ на господскихъ земляхъ. Однако



Въ руинахъ Кіева, изъ рисунковъ 1651 года.

этотъ переходъ многочисленнаго класса несвободныхъ въ категорію безземельныхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на господскихъ земляхъ, не проходитъ безъ послѣдствій. Онъ—позволю себѣ такъ выразиться—отравляетъ рабскими свойствами своего юридическаго и экономическаго положенія упомянутую категорію крестьянства, а по мѣрѣ того, какъ исчезала граница между свободными и экономическими независимыми крестьянами-собственниками и крестьянами безземельными, сидѣвшими на господскихъ земляхъ, особенности несвободнаго и экономически зависимаго состоянія несвободныхъ и безземельныхъ переносятся и на эту свободную массу крестьянъ-собственниковъ.

Въ XVI в. въ болѣе чистомъ видѣ это первоначальное свободное крестьянство сохранилось только мѣстами—именно тамъ, гдѣ не было усиленной земледѣльческой культуры, фольварочнаго хозяйства, господскихъ запашекъ,—въ Полѣсьѣ пинскомъ и волынскомъ, въ Кіевской землѣ и за Днѣпромъ (тамъ, гдѣ существовала осѣдлая колонизація). Здѣсь повинности ограничивались данями, весьма, впрочемъ, значитель-

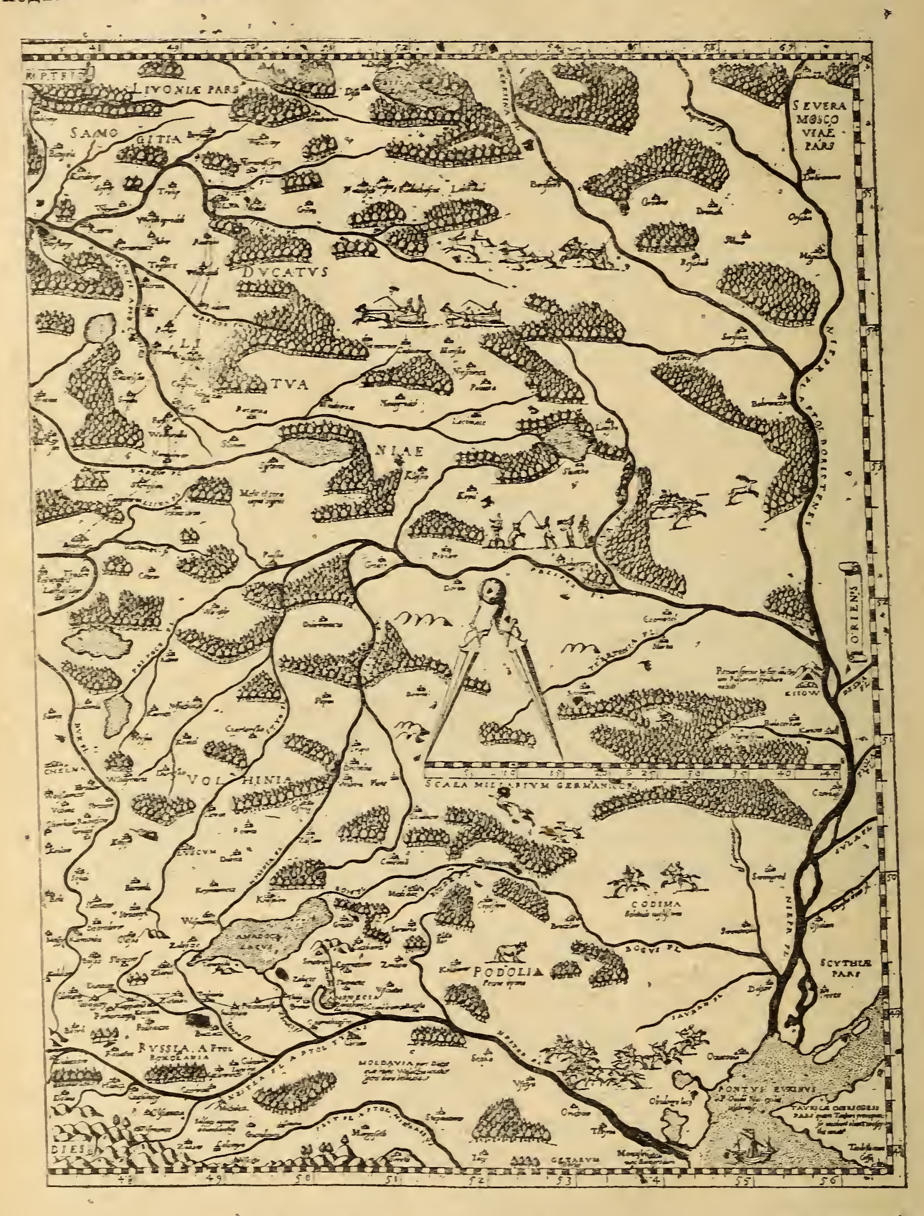
ными; издѣльныхъ работъ не существовало, кромѣ городовыхъ и самое большее—„толокъ", т. е. нѣкотораго участія въ полевыхъ работахъ княжескихъ и господскихъ дворовъ, гдѣ послѣдніе существовали; личныя и имущественныя права крестьянъ вообще не подвергались значительнымъ ограниченіямъ. Наоборотъ, въ мѣстностяхъ съ болѣе значительною земледѣльческою культурою все болѣе и болѣе распространялась и возрастала барщина, „панщина", и въ зависимости отъ этого—типъ крестьянъ „работныхъ", „тяглыхъ", обремененныхъ работою и всячески ограниченныхъ въ своихъ прежнихъ правахъ.

Причина развитія барщины лежала въ усиленномъ распространеніи фольварочнаго хозяйства, господскихъ запашекъ съ конца XV в. Это было время всеобщаго развитія земледѣльческаго хозяйства въ Сѣверной Европѣ, вызваннаго экономическимъ переворотомъ—развитіемъ морской торговли, упадкомъ цѣны денегъ, оживленіемъ оборота капиталовъ. Совершенствуются способы земледѣлія, развивается интенсивное хозяйство и подъ вліяніемъ этихъ условій чрезвычайно расширяется площадь господскихъ запашекъ. Участвуя въ общемъ экономическомъ движеніи, Польша находилась подъ вліяніемъ еще и спеціальныхъ условій, содѣйствовавшихъ оживленію хлѣбной торговли, а слѣдовательно и усиленному распространенію помѣщичьяго хозяйства. Въ 1466 г. она пріобрѣла собственный морской портъ въ Данцигѣ (Гданскѣ), и это оживило ея вывозную торговлю. Шляхта, которая въ это именно время пріобрѣтаетъ рѣшающій голосъ во внутренней политикѣ и законодательствѣ, проводитъ рядъ законовъ, направленныхъ къ облегченію вывоза продуктовъ своего хозяйства: отмѣняются пошлины на предметы шляхетскаго хозяйства, облегчается торговля и движеніе по сухопутнымъ дорогамъ и т. д. Это сказалось развитіемъ вывоза въ балтійскіе порты (преимущественно въ Данцигъ) продуктовъ сельскаго хозяйства—лѣсныхъ товаровъ, волокна и особенно хлѣба. Цѣны на хлѣбъ быстро растутъ: въ 1514 г. корецъ ржи стоилъ 65 грошей, въ 1564 г.—186 грошей, между тѣмъ цѣнность монеты уменьшилась за это время только въ $1^1/_2$ раза, слѣдовательно цѣна хлѣба возросла за эти пятьдесятъ лѣтъ вдвое. Потребность въ рабочихъ рукахъ приводитъ къ чрезвычайному развитію барщины и, благодаря изъятію крестьянъ изъ-подъ правительственной власти и юрисдикціи, помѣщики безъ затрудненія облагаютъ крестьянъ усиленными работами.

Все это приводитъ къ чрезвычайному оживленію фольварочнаго, господскаго хозяйства въ земляхъ Польши, а затѣмъ и в. кн. Литовскаго. Расширяются запашки: отчасти путемъ сбработки новыхъ пространствъ, но гораздо болѣе—посредствомъ принудительнаго отчужденія земли изъ крестьянскихъ рукъ въ формѣ покупки или перевода крестьянъ на новые уменьшенные участки, увеличивается площадь господскихъ земель. Число фольварковъ возрастаетъ чрезвычайно быстро. Прежде существовали на Украинѣ цѣлыя волости, большія группы селъ безъ единаго фольварка, а тамъ, гдѣ послѣдніе существовали, главнымъ назначеніемъ ихъ, какъ и всего вообще господскаго хозяйства, служило производство для собственнаго потребленія—прокормленія господской семьи, слугъ и инвентаря. Теперь сельское хозяйство имѣетъ въ виду заграничный вывозъ, а фольварки основываются вездѣ, гдѣ скопляется мало-мальски значительное число крестьянскихъ рукъ. Все господское хозяйство ведется крестьянскимъ, крѣпостнымъ трудомъ, и возрастаніе этого хозяйства происходитъ цѣною прогрессивнаго увеличенія панщины, барщинныхъ работъ.

Въ XV в. въ Галиціи, гдѣ эти перемѣны скорѣе и сильнѣе давали себя чувствовать сравнительно съ остальными украинскими землями, еще

очень часто встрѣчаемъ весьма небольшую панщину, по нѣскольку дней дней въ годъ; но замѣчаемъ уже и еженедѣльную—по одному дню въ недѣлю. Въ концѣ XV в. панщина начинаетъ сильно возрастать. Шляхта



Карта Украины 1570 г. (Заднѣпровье отсутствуетъ, какъ еще не заселенное).

Холмской земли на своемъ сеймикѣ 1477 г. постановила, что, кромѣ денежнаго чинша и хлѣбной дани, крестьянинъ, занимающій ланъ земли, отнынѣ долженъ во всѣхъ имѣніяхъ работать не менѣе одного дня въ недѣлю на своего помѣщика и кромѣ того исполнять цѣлый рядъ дополнительныхъ работъ, въ общей сложности дающихъ около двухъ дней въ мѣсяцъ, и столько разъ приходить „на толоку" (работу на господскихъ

харчахъ), сколько пожелаетъ помѣщикъ. На сеймахъ 1519 и 1520 гг. шляхтѣ удается провести уже для всего государства, не только относительно помѣщичьихъ, но также государственныхъ и духовныхъ земель, постановленіе, что крестьяне должны работать на владѣльца самое меньшее одинъ день въ недѣлю, и что отъ этого постановленія могутъ быть свободны только тѣ изъ крестьянъ, которые докажутъ письменнымъ документомъ, что панщина была у нихъ переведена на деньги. Если это постановленіе не было проведено въ такомъ видѣ повсемѣстно, то съ другой стороны въ дѣйствительности, какъ на это намекаютъ самыя сеймовыя постановленія, панщина давно уже перешагнула указанную норму и продолжительность ея увеличивалась всѣ болѣе и болѣе. Въ половинѣ XVI в., какъ видно изъ правительственныхъ распоряженій, въ коронныхъ (государственныхъ) земляхъ нормальною, правильнѣе сказать,—минимальною панщиною считалась двудневная панщина съ лана: въ 1570 г. правительственные ревизоры въ тѣхъ селахъ, гдѣ панщина не дошла еще до этой высоты, вводили двудневную панщину, совершенно не считаясь съ фундаційными грамотами и всякими привилегіями. Но очень часто встрѣчается уже трехдневная работа въ недѣлю, и даже ежедневная, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что въ послѣднемъ случаѣ крестьянинъ работалъ на помѣщика не цѣлый день. При этомъ, съ дробленіемъ крестьянскихъ участковъ параллельно съ возрастаніемъ господскихъ запашекъ, двудневная или трехдневная панщина считается уже не съ лана, а съ хозяйствъ полулановыхъ или еще болѣе мелкихъ. И въ добавокъ одновременно съ возрастаніемъ панщины и раздробленіемъ хозяйствъ, дани и чинши не только не уменьшаются, но также обнаруживаютъ тенденцію къ возрастанію.

Въ общемъ вторая половина XVI в. была временемъ чрезвычайнаго и рѣзкаго роста панщины въ западной Украинѣ. Актовыя книги Галиціи переполнены жалобами государственныхъ (королевскихъ) крестьянъ на отягощеніе ихъ работами вопреки прежнимъ порядкамъ и документамъ [1]). Правительство однако оказывало жалобщикамъ очень слабую поддержку: референдарскій судъ, вѣдавшій эти дѣла, былъ слишкомъ тяжелой машиной, да и рѣшенія его точно также какъ и королевскія распоряженія, запрещавшія старостамъ и державцамъ отягощать крестьянъ, очень плохо исполнялись. Въ украинскихъ же земляхъ, болѣе удаленныхъ отъ правительственныхъ центровъ, крестьяне даже и не пробовали искать защиты у правительства, хотя и здѣсь—болѣе медленно, и съ большими колебаніями въ связи съ мѣстными условіями, развивался тотъ же процессъ роста панщинныхъ работъ (двудневную панщину съ лана ввелъ въ государственныхъ имуществахъ в. кн. Литовскаго уже „Уставъ на волоки" 1557 г.).

Параллельно съ этимъ превращеніемъ крестьянина въ рабочую силу помѣщика и въ значительной зависимости отъ тѣхъ же экономическихъ факторовъ, которые приводили къ развитію панщины, происходило ограниченіе личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, доканчивавшее ихъ обращеніе въ своего рода помѣщичій инвентарь. Здѣсь можно указать три главныхъ момента: а) изъятіе крестьянъ изъ-подъ власти государственныхъ властей и подчиненіе полной и безапелляціонной власти и юрисдикціи помѣщика; б) ограниченіе личной свободы и права передвиженія; в) ограниченіе или полное уничтоженіе права крестьянина на землю.

Въ Польшѣ изъятіе помѣщичьихъ крестьянъ изъ-подъ правитель-

---

[1]) Крестьяне помѣщичьи не имѣли права приносить жалобъ на своихъ помѣшиковъ, и никакая инстанція не имѣла права ихъ принимать.

ственной власти и юрисдикціи государственныхъ органовъ было уже совершившимся фактомъ въ то время, когда польское право начало распространяться въ западныхъ украинскихъ земляхъ. Въ земляхъ, не принадлежавшихъ вел. кн. Литовскому, оно было установлено жалованною грамотою Казимира 1449 г. Завершилъ же это изъятіе и подчиненіе крестьянина полной и безконтрольной власти помѣщика принципъ, провозглашенный въ польской правительственной практикѣ уже въ первой половинѣ XVI в.,—что государственные суды не могутъ принимать жалобъ крестьянъ на своего помѣщика и что въ ихъ отношенія не можетъ вмѣшиваться никакая власть, даже самъ король. Этотъ принципъ былъ усвоенъ также практикою вел. кн. Литовскаго, и право жалобы сохранилось только за государственными крестьянами, по отношенію къ управителямъ и держателямъ государственныхъ имѣній. Но, какъ я уже упомянулъ, референдарскій судъ, вѣдавшій подобныя дѣла, былъ организованъ крайне бюрократично, и обращеніе къ этой инстанціи было для крестьянъ связано съ такими трудностями, что предоставленное имъ право жалобъ существенной пользы имъ не приносило, а крестьянство центральныхъ и восточныхъ украинскихъ земель и вовсе имъ не пользовалось.

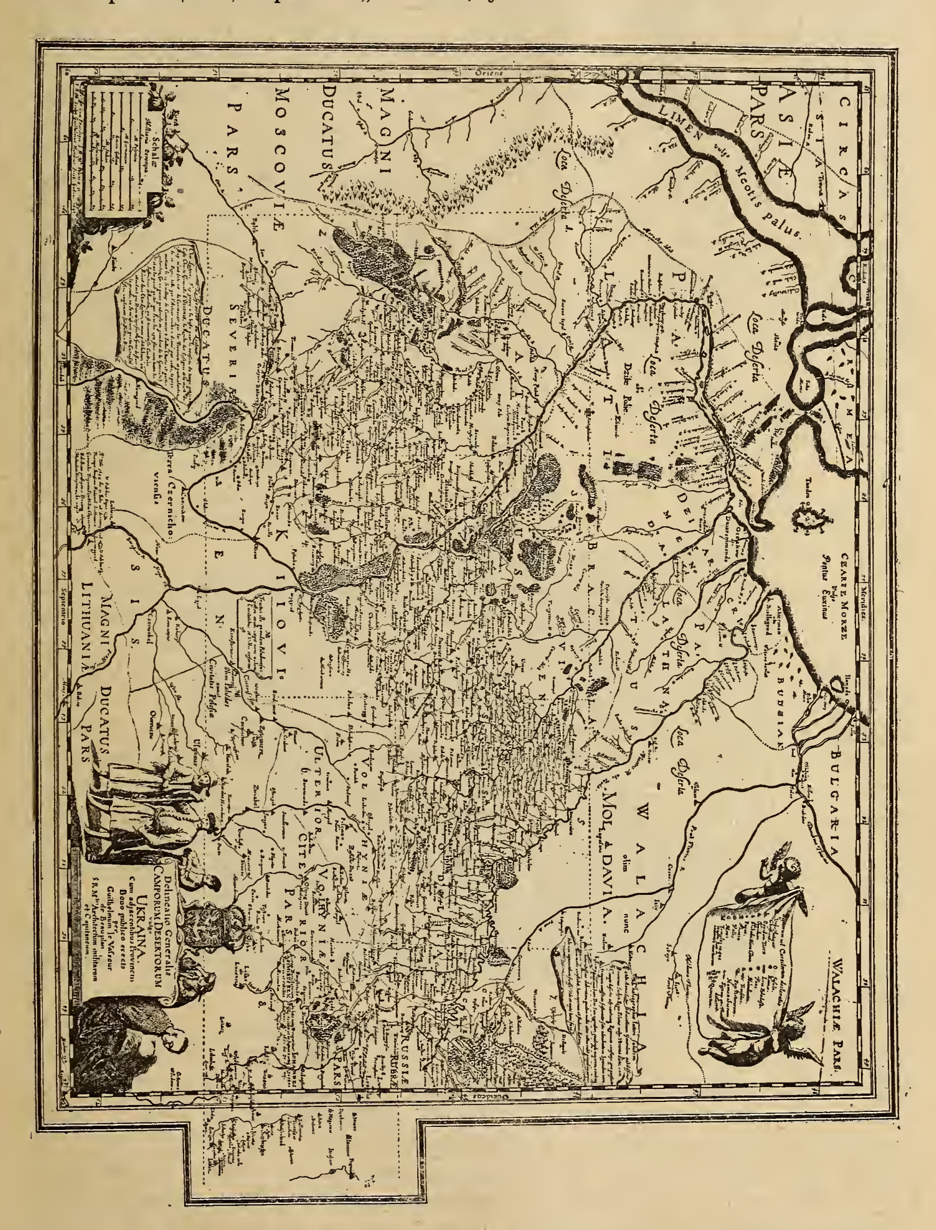
Ограниченіе личной свободы крестьянъ стояло также, съ одной стороны, въ тѣсной связи съ развитіемъ барщины, съ другой—съ вопросомъ о правѣ крестьянина на землю. Въ Польшѣ, гдѣ крестьянинъ считался вообще сидящимъ на господской землѣ, допускалась значительная свобода передвиженія; позже, законодательствомъ Казимира Великаго, въ половинѣ XIV в., передвиженіе было значительно ограничено, но еще не уничтожено. Въ западныхъ украинскихъ земляхъ шляхта въ XV в. допускаетъ передвиженіе крестьянъ, но подъ своимъ контролемъ: крестьянинъ выходитъ не самъ, а его выводитъ помѣщикъ того имѣнія, куда крестьянинъ имѣетъ намѣреніе перейти; онъ же разсчитывается за своего новаго „подданнаго" съ его прежнимъ помѣщикомъ по всякимъ обязательствамъ.

Съ концомъ XV в. развитіе панщины ведетъ къ особенно большимъ ограниченіямъ крестьянскихъ передвиженій, и къ этой общей тенденціи польской шляхты присоединяется теперь и шляхта западныхъ украинскихъ земель. До сихъ поръ регулировался выходъ только крестьянъ-хозяевъ; младшими членами крестьянскихъ семействъ законодательство не занималось. Съ распространеніемъ барщины помѣщику стало выгоднѣе переводить ихъ на мелкіе участки, облагая панщиною и не выпуская изъ села. Сеймъ 1496 г. постановилъ, что крестьянскіе сыновья могутъ выходить изъ села въ ограниченномъ числѣ и не иначе какъ съ согласія помѣщика; изъ хозяевъ не можетъ выйти изъ села больше одного въ годъ. Сеймъ же 1505 г. вообще обусловилъ всякій выходъ крестьянина изъ села разрѣшеніемъ, „доброю волею" помѣщика, другими словами,—упразднилъ вовсе право выхода.

Въ этомъ же направленіи, хотя и иными дорогами—не путемъ законодательства, а практики—слагались отношенія и въ земляхъ вел. княжества Литовскаго.

Пока права крестьянина на землю признавались, свободный выходъ крестьянъ, сидѣвшихъ на собственныхъ земляхъ, создавалъ чрезвычайныя трудности для владѣльцевъ, получавшихъ отъ правительства этихъ крестьянъ и ихъ земли, какъ источникъ доходовъ взамѣнъ военной службы. Поэтому правительство въ интересахъ служилаго землевладѣнія всячески ограничиваетъ право передвиженія крестьянъ-собственниковъ. А такъ какъ граница между крестьянами, сидѣвшими на собственныхъ земляхъ, и крестьянами поселенными на земляхъ господскихъ, въ это

время уже сгладилась, то въ концѣ концовъ были закрѣпощены и тѣ, и другіе. И какъ давность владѣнія и сумма труда, вложеннаго въ землю, создавали права крестьянина на землю, такъ давность стала критеріемъ его закрѣпощенія; терминъ „отчичъ“, указывавшій собственно на наслѣд-



Карта Украины Г. Боплана 1648—1651 г.г.—свидѣтельство колонизаціонныхъ успѣховъ первой половины XVII в. (разсматривая карту, необходимо имѣть въ виду, что югъ находится въ ея верхней части, лѣвый берегъ Днѣпра справа, правый—слѣва).

ственныя права крестьянина на данный участокъ земли, превратился въ терминъ для обозначенія крестьянина, „засидѣвшаго“ въ продолженіе нѣскольких поколѣній и потому потерявшаго право выхода. Для такого крестьянина законодательство вел. кн. Литовскаго, уже въ Литовскомъ

Статутѣ 1529 г., не дѣлаетъ различія отъ „челядина“ и совершенно не вмѣшивается въ его отношенія къ „господину“.

Такимъ образомъ практика великаго княжества Литовскаго и здѣсь встрѣтилась съ практикою и законодательствомъ Польши. То же видимъ и въ вопросѣ о правахъ крестьянина на землю.

На этомъ пункѣ была значительная разница, даже полный контрастъ между обычнымъ правомъ украинскихъ земель и современнымъ правомъ польскимъ: первое знало крестьянина-собственника, второе—крестьянина, пользующагося господскою или княжескою землею. Эти воззрѣнія встрѣтились въ западныхъ украинскихъ земляхъ, и если практика дѣлала уступки обычному праву туземцевъ, то по праву за крестьянами признавалось только владѣніе, а не собственность, и въ случаѣ надобности ихъ земли безцеремонно отчуждались, отбирались и т. п. Особенно въ періодъ распространенія господскихъ запашекъ, фольварочнаго хозяйства принудительное отчужденіе широко практиковалось — съ согласія правительства въ государственныхъ земляхъ, волею помѣщика—въ частныхъ. Это вызывало, конечно, чрезвычайное озлобленіе и развитіе побѣговъ среди крестьянъ, которые не могли разстаться съ воззрѣніемъ на разработанную ими землю какъ на полную свою собственность; даже принимая въ новопоселяемыхъ селахъ участки для разработки, крестьяне затѣмъ, разработавъ ихъ, считали своею собственностью, къ удивленію королевскихъ ревизоровъ, встрѣчавшихся съ такими странными въ ихъ глазахъ притязаніями во время ревизій.

Такъ было въ украинскихъ провинціяхъ Польши. Въ земляхъ вел. кн. Литовскаго съ одной стороны права крестьянъ на землю были подкопаны отмѣченнымъ уже условнымъ характеромъ землевладѣнія вообще, съ другой стороны тѣмъ обстоятельствомъ, что раздачами населенныхъ земель стерта была граница между крестьянами-своеземцами и безземельными, сидѣвшими на господскихъ земляхъ. Крестьяне, правда твердо сознаютъ свои права, и практика допускаетъ за ними право распоряженія землями; но законодательство постепенно вырабатываетъ весьма суровый взглядъ на крестьянское владѣніе. Съ полною опредѣленностью это выступаетъ въ документахъ половины XVI вѣка, можетъ быть, не безъ вліянія польскаго права въ своей окончательной формулировкѣ. „Кметь и вся его маетность наша есть“, говоритъ уставъ 1557 года.

Такимъ образомъ, параллельно съ ограниченіемъ личной свободы ограничены были самымъ рѣшительнымъ образомъ и имущественныя права крестьянства.

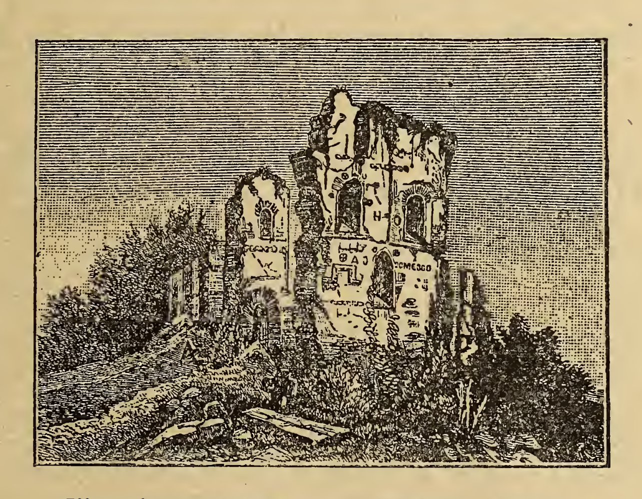
Этотъ процессъ закрѣпощенія крестьянина, лишенія правъ и превращенія въ рабочій инвентарь помѣщика развивался въ продолженіе XVI в. изъ украинскихъ земель главнымъ образомъ въ земляхъ западныхъ и въ бужско-припетскомъ Полѣсьѣ. Поднѣпровье, до 1569 г. недоступное польской шляхтѣ да и непривлекательное для шляхетскаго сословія благодаря своимъ спеціальнымъ колонизаціоннымъ условіямъ (о нихъ ниже), этимъ процессомъ до самаго конца XVI в. было весьма мало затронуто. Только съ улучшеніемъ колонизаціонныхъ условій въ концѣ XVI в. начинается движеніе изъ сосѣднихъ провинцій крупныхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣтающихъ въ Поднѣпровьи разнымъ путемъ огромныя имѣнія въ чаяніи грядущаго заселенія. 1569 годъ открылъ сюда дорогу польской шляхтѣ, съ жадностью бросившейся на здѣшнія плодородныя пространства, выпрашивая у правительства грамоты на земли „пустыя“ (т. е. не имѣвшія владѣльца съ королевскою грамотою, хотя бы и заселенныя) и пожизненныя „державы“, устраивая здѣсь фольварки и пересаживая сюда пріемы барщиннаго хозяйства эксплоатаціи крестьянина и

всѣ тѣ понятія о безправіи крестьянина, развитіе которыхъ мы только что представили.

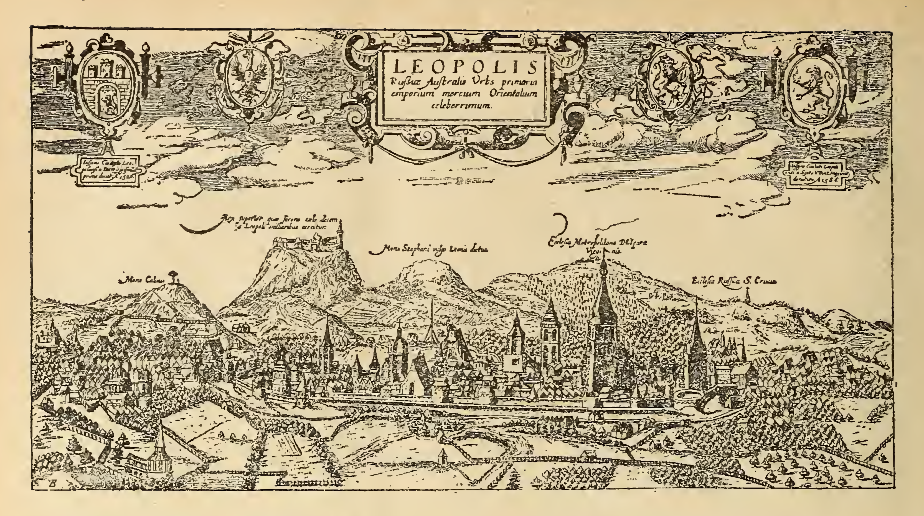
Но насажденіе здѣсь шляхетской культуры не легко дается. Мѣстное крестьянство, составившееся изъ бѣглецовъ, бросившихъ насиженныя мѣста и ушедшихъ въ эти пустынныя пространства, подъ татарскую стрѣлу и арканъ, для того, чтобы избавиться отъ крѣпостныхъ путъ, среди тревожной и трудной жизни выработало въ себѣ независимость и отвагу. Крайне враждебно встрѣчало оно всякій намекъ на крѣпостные порядки, грозило бѣгствомъ, объявляло себя козаками, и всѣ усилія сломить это противодѣйствіе только приготовляли горючій матеріалъ для народныхъ движеній.

Здѣсь складывалась соціальная основа народныхъ движеній XVII в.,— между тѣмъ какъ окраска національной борьбы, усвоенная ими, ведетъ свое начало прежде всего изъ отношеній городскихъ. Городъ былъ первымъ очагомъ національной борьбы, слившейся затѣмъ съ массовымъ соціальнымъ движеніемъ крестьянства.

Подробнѣе: Історія України-Руси т. V, гл. 3 г (эволюція крестьянства), тамъ же въ гл. 5—сельское управленіе, въ т. VI л. 1 и 2—экономическія отношенія.



Кіевскія развалины.—Десятинная церковь.



Львовъ.—видъ города триста лѣтъ назадъ (современная гравюра).

XIII. Города. Религіозно-національное и культурное движеніе XVI—XVII вв.

Въ жизни украинскихъ городовъ вліяніе польскихъ порядковъ выразилось въ преобразованіи ихъ по типу саксонскихъ общинъ „магдебурскаго права“. Правда, начатки такой организаціи, въ особенности по отношенію къ нѣмецкимъ колоніямъ, мы встрѣчаемъ въ Галицко-волынскомъ государствѣ еще передъ польскимъ завоеваніемъ. Но только въ эпоху польскаго господства начинается систематическое преобразованіе старыхъ городскихъ общинъ и основаніе новыхъ по „магдебургскому праву“,—отчасти подъ вліяніемъ общаго увлеченія этими нѣмецкими формами, отчасти изъ политическихъ видовъ, чтобы этимъ путемъ ввести въ городское (и даже сельское) населеніе украинскихъ земель иноплеменныя, приверженныя къ польскому господству колоніи. Въ началѣ XV в. всѣ болѣе значительные города Галиціи и цѣлый рядъ второстепенныхъ городовъ, мѣстечекъ и даже селъ имѣли уже нѣмецкое устройство. Затѣмъ, изъ тѣхъ же политическихъ мотивовъ и подъ вліяніемъ польскихъ порядковъ, хотя и гораздо медленнѣе, оно распространяется также и въ земляхъ в. кн. Литовскаго: въ началѣ XV в. въ Побужьѣ, въ XV—XVI вв. на Волыни, а въ земляхъ Кіевской и Брацлавской—главнымъ образомъ уже послѣ 1569 г.

Это преобразованіе по нѣмецкому праву производило коренной переворотъ въ жизни города. Старый украинскій городъ (какъ вообще города въ старомъ славянскомъ быту) былъ тѣсно связанъ съ землею; можно было сказать: городъ—это земля; онъ былъ ядромъ, гдѣ болѣе плотно группировались тѣ же общественныя клѣточки, изъ которыхъ состоялъ и организмъ земли. Въ Германіи же городской бытъ организовался въ формѣ иммунитета, исключенія изъ общеземскаго строя и этотъ институтъ усвоялся теперь украинскимъ городамъ. Связь города съ землею, съ общимъ государственнымъ устройствомъ совершенно разрывалась этимъ городскимъ иммунитетомъ: каждый городъ существовалъ самъ по себѣ, какъ маленькое государство, даже безъ связи съ другими городами.

Для самаго города исключеніе его изъ общеземской организаціи приводило лишь къ самымъ печальнымъ результатамъ. Обособленныя,

лишенныя взаимной связи городскія общины, за исключеніемъ нѣсколькихъ наиболѣе сильныхъ, попали въ полную зависимость отъ старостъ или помѣщиковъ, и скоро отъ ихъ независимости остался пустой звукъ. Такимъ же пустымъ звукомъ оказалось самоуправленіе, муниципальная свобода, такъ какъ все, что оставалось свободнымъ отъ вмѣшательства мѣстной администраціи (старостъ) или помѣщиковъ, оказывалось или во власти наслѣдственнаго войта, или тѣснаго кружка мѣщанскихъ фамилій, державшихъ въ своихъ рукахъ выборныя должности. Выборныя коллегіи райцевъ (административный совѣтъ) и лавниковъ (судебная коллегія) часто превращались въ ихъ рукахъ въ пожизненныя, замкнутыя корпораціи. Наконецъ, отстраненныя отъ участія въ парламентарной жизни и законодательствѣ государства, подпавъ законодательной власти шляхетскаго сословія, города подвергаются цѣлому ряду тягостныхъ ограниченій и оказываются въ концѣ концовъ въ такихъ условіяхъ, которыя дѣлали вообще невозможнымъ никакое экономическое развитіе.

Въ результатѣ, подъ вліяніемъ этихъ условій города подъ польскимъ режимомъ Украины постепенно хирѣютъ и упадаютъ, какъ и города коренной Польши [1]). Утрачиваютъ свое значеніе культурныхъ центровъ, нищаютъ и отстаютъ все болѣе отъ современнаго прогресса экономической и культурной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ все болѣе инородный характеръ. Уцѣлѣвшіе жалкіе остатки торговли и промысла попадаютъ въ руки Евреевъ, несмотря на всѣ направленныя противъ нихъ запрещенія и ограниченія. Какъ элементъ наиболѣе выносливый, умѣвшій приспособиться къ невозможнымъ условіямъ этой городской жизни и обойти стѣснительныя условія разными кружными путями, они даже вытѣсняютъ прочія національности, такъ что города и мѣстечки западной Украины получаютъ и до сихъ поръ сохраняютъ преобладающій еврейскій характеръ. Это былъ одинъ изъ ощутительнѣйшихъ результатовъ прославленной „культурной миссіи“ Польши въ украинскихъ земляхъ.

Гербъ Львова и похвальные стихи ему въ „Адельфотесѣ“, учебникѣ греческой грамматики, изданной львовскимъ братствомъ для своей школы около 1588—1591 г.

Въ особенно тяжёлыхъ условіяхъ оказался при новыхъ городскихъ порядкахъ туземный, украинскій элементъ. Не говоря уже, что при введеніи магдебургскаго права послѣднее часто становилось удѣломъ только привилегированной колоніи, составленной изъ Нѣмцевъ и Поляковъ [2]), а туземное населеніе лишалось гражданскихъ правъ и всякаго

[1]) Прежде всего въ западной Украинѣ; въ городахъ Поднѣпровья дольше концентрировалась народная жизнь, и города на правомъ берегу Днѣпра получили свой позднѣйшій характеръ уже послѣ паденія козачества.

[2]) Нѣмцы, впрочемъ, вслѣдствіе религіознаго единства съ польскимъ населеніемъ въ концѣ концовъ ополячивались, такъ что вопросъ сводился собственно на отношенія „Руси“ и Поляковъ, оставляя въ сторонѣ Евреевъ и армянскія общины нѣкоторыхъ городовъ.

участія въ муниципальномъ управленіи (такъ наз. „предмѣщане“),— вообще магдебургское право оказалось весьма неблагопріятнымъ для туземцевъ. Оно основано было на принципѣ вѣроисповѣдномъ: къ участію въ гражданской жизни и муниципальномъ управленіи допускались исключительно христіане; а такъ какъ по средневѣковымъ понятіямъ христіаниномъ былъ только католикъ, то туземное, украинское населеніе, какъ „схизматики“, очень часто вовсе не допускалось къ участію въ городскомъ управленіи, къ занятію выборныхъ должностей къ участію въ цехахъ, т. е., говоря иными словами, лишалось права заниматься ремеслами и торговлею, или было стѣсняемо разными ограниченіями. Встрѣчаются даже по отношенію къ украинскому населенію наравнѣ съ Евреями запрещенія права жительства внѣ дозволенныхъ кварталовъ, публичнаго отправленія православнаго богослуженія и церковныхъ церемоній.

Гербъ Львовскаго братства—изъ его изданій; Инициалы: Б(ратство), С(тавропигіальное) У(спенское), Л(ьвовское).

Конечно, съ этими ограниченіями украинское населеніе старалось бороться и собственными силами, и съ помощью правительства, которое, впрочемъ, вполнѣ сознательно стремилось и само къ тому, чтобы дать Полякамъ и католикамъ въ городахъ возможно благопріятныя условія и перевѣсъ. Въ результатѣ городъ становится очагомъ сознательной и организованной національной борьбы. Въ тѣсныхъ городскихъ стѣнахъ, при постоянныхъ сношеніяхъ и совмѣстной жизни съ привилегированными притѣснителями, подвижной и сравнительно интеллигентный мѣщанскій элементъ особенно живо чувствуетъ національное неравенство, національный гнетъ, а привычка къ организаціи, къ самоуправленію, которую давала городская жизнь и цеховая организація, приводитъ къ первымъ попыткамъ національной организаціи. Такимъ образомъ изъ мѣщанскихъ общинъ выходятъ первые кадры борцовъ за права украинской народности.

Обстоятельства сложились такъ, что борьба эта, внѣ чисто сословныхъ и мѣстныхъ интересовъ и стремленій, отливалась прежде всего въ религіозную форму. Это было отчасти слѣдствіемъ того, что и неравенство въ мѣщанскихъ правахъ основывалась на религіозномъ различіи; отчасти сказывалось здѣсь обстоятельство, что національное различіе Руси и Польши, совпадая съ различіемъ религіознымъ, вообще подмѣнивалось этимъ послѣднимъ, такъ что споры и борьба національная понимались какъ борьба религіозная—болѣе понятная для массы, благодаря болѣе опредѣленнымъ своимъ признакамъ.

Мѣстныя религіозныя отношенія давали много поводовъ для націо-

нальнаго обостренія. Съ переходомъ западныхъ украинскихъ земель подъ власть Польши, а въ центральныхъ—съ переходомъ въ католичество Ягайла и новой политикой литовскаго правительства, православная церковь, привыкшая къ роли церкви господствующей, государственной, переходитъ въ положеніе церкви только терпимой, а позицію государственную, господствующую занимаетъ церковь католическая. По первоначальному плану римской куріи и польскаго правительства, католическая церковь собственно должна была совершенно вытѣснить и замѣнить православную: послѣдняя должна была вовсе прекратить свое существованіе, послѣ того какъ православныя каѳедры будутъ замѣщены католическими епископами. Но осуществить этотъ планъ оказалось невозможнымъ. Католическія епархіи пришлось организовать въ украинскихъ земляхъ рядомъ съ православными; онѣ были обезпечены отобранными отъ православныхъ имѣніями и новыми пожалованіями. Затѣмъ православную церковь пробовали привести къ соединенію съ католическою подчиненіемъ папѣ и признаніемъ католическихъ догматовъ. Первая попытка въ этомъ смыслѣ предпринята была Ягайломъ въ 1396 г. и затѣмъ подобныя старанія польскихъ королей и в. кн. литовскихъ идутъ черезъ весь XV в.—во время собора Констанцкаго, Базельскаго, Флорентійскаго, затѣмъ въ 1470-хъ и 1490-хъ гг. Но послѣ того употребленія, какое изъ этихъ попытокъ и вызваннаго ими неудовольствія среди православныхъ сдѣлала Москва, увидѣвшая въ нихъ благовидный предлогъ для вмѣшательствъ во внутреннія отношенія в. кн. Литовскаго, — польско-литовское правительство сдѣлалось осторожнѣе. Уніонные опыты прекращаются на долгое время. Православная церковь оставлена была въ покоѣ, въ положеніи особой, хотя и низшей церкви.

Это приниженное положеніе православной церкви и неравноправность православныхъ сравнительно съ католиками давали себя чувствовать на каждомъ шагу. Православные епископы не входили въ составъ сената и сейма, какъ епископы католическіе. Духовныя должности православной церкви правительство, замѣщавшее ихъ, разсматривало не съ точки зрѣнія церковныхъ интересовъ и каноническихъ условій, а раздавало за денежныя „чолобитья“ или разныя услуги, ничего общаго съ церковными интересами не имѣвшія. Православное духовенство облагалось податями, неизвѣстными духовенству католическому. Религіозные обряды подвергались разнымъ оскорбительнымъ стѣсненіямъ — напр., считалось недозволеннымъ, даже съ разрѣшенія правительства, строить новыя православныя церкви (хотя въ дѣйствительности это обыкновенно и не соблюдалось). Переходы католиковъ въ православіе были воспрещены, и смѣшанные браки обставлены были разными стѣсненіями. Считалось правиломъ, что православные не должны быть допускаемы къ занятію сенаторскихъ и даже вообще всякихъ должностей; о неравноправности въ городскихъ общинахъ я уже говорилъ...

Братская церковь во Львовѣ (конца XVI и нач. XVII в.).

Все это и многое другое давало себя чувствовать православнымъ

очень сильно. Но православная іерархія, отъ которой прежде всего слѣдовало бы ожидать протеста, выказывала полную неспособность къ нему, отсутствіе энергіи къ борьбѣ и полный недостатокъ иниціативы въ улучшеніи положенія православной церкви. Отчасти это было слѣдствіемъ старой привычки, укоренившейся среди православной іерархіи,—опираться на правительственную власть: по старой традиціи внѣ правительственныхъ сферъ, въ самомъ обществѣ она какъ-то не умѣла найти для себя точки опоры. Но въ очень сильной степени здѣсь сказывалось также и послѣдствія права патроната, присвоеннаго королями и в. князьями относительно православныхъ церковныхъ должностей: высшая іерархія, назначаемая правительствомъ по своему усмотрѣнію, чувствовала себя вполнѣ зависимою отъ него. Благодаря тому же обстоятельству, на высшія должности въ православной церкви попадало множество людей, вовсе для этого неподходящихъ, неспособныхъ не только порадѣть объ улучшеніи церковныхъ отношеній, но и сколько нибудь сносно исполнять самыя элементарныя свои обязанности, и вслѣдствіе этого весь строй православной церкви въ XVI в. пришелъ въ сильнѣйшее разстройство

Развалины братской церкви въ Луцкѣ.

Движеніе въ пользу реформы церковныхъ отношеній вышло изъ среды свѣтской, главнымъ образомъ—изъ среды мѣщанства. Исторія возобновленія галицкой православной каѳедры въ 1530-хъ гг. даетъ первый историческій примѣръ всенароднаго участія въ дѣлахъ церковной организаціи: іерархическій вопросъ дѣлается вопросомъ національнымъ и объединяетъ для солидарной дѣятельности духовенство, православную шляхту и мѣщанъ. Хотя при этомъ духовенство и шляхта фигурируютъ на первыхъ мѣстахъ, но несомнѣнно главными организаторами, спло-

тившими вокругъ себя остатки православныхъ шляхетскихъ родовъ, были мѣщане—православная львовская община. Изъ мѣщанской же среды выходятъ специальныя организаціи, посвященныя улучшенію религіозныхъ и іерархическихъ отношеній—такъ наз. братства.

Корни этого любопытнаго явленія идутъ далеко въ глубину; начало ихъ восходитъ къ языческимъ празднествамъ, совершавшимся извѣстными группами родовъ, связанныхъ родовыми традиціями съ даннымъ культомъ. Когда христіанская религія заняла мѣсто языческой, а храмовые праздники—мѣсто языческихъ пировъ, родовыя или территоріальныя группы семей связываются съ извѣстною церковью. Жизненнымъ нервомъ этихъ организацій были пиры въ храмовые праздники, гдѣ потреблялось огромное количество меду, а доходы отъ этихъ праздничныхъ пировъ—въ видѣ платы участниковъ, такъ же какъ и постоянные взносы этихъ приходскихъ организацій, „братствъ"—поступали въ пользу церкви. Древнѣйшій уставъ такой организаціи извѣстенъ въ Новгородѣ въ XII в., но въ немъ можно видѣть слѣды вліянія западныхъ гильдій, между тѣмъ какъ самыя братства—явленіе вполнѣ туземное. О „братчинахъ", братскихъ пирахъ имѣемъ извѣстія въ лѣтописяхъ XII в. и въ сѣверныхъ былинахъ. Позже—для XV—XVI в., мы имѣемъ объ этихъ братствахъ документальныя данныя, особенно относительно бѣлорусскихъ земель: братства имѣли право варить въ храмовые праздники медъ, продавать его безпошлинно, а доходы отъ этого безпошлиннаго корчемства обращались въ пользу церкви и братства. Несомнѣнно, такія братства были широко распространены и въ украинскихъ земляхъ; въ Львовѣ въ XVI в. было ихъ нѣсколько, встрѣчаемъ ихъ и въ провинціальныхъ городахъ. Обыкновенно свѣдѣнія о нихъ доходятъ до насъ по случаю утвержденія братскихъ статутовъ церковною или свѣтскою властью, самыя же братства существовали гораздо раньше. Братчики вносятъ извѣстную небольшую сумму при вступленіи, затѣмъ платятъ періодическіе взносы; гости, приглашавшіеся на храмовые пиры, дѣлаютъ также извѣстные вклады въ братскую казну. Братства поддерживаютъ свои патрональныя церкви, помогаютъ бѣднымъ и впавшимъ въ несчастіе сочленамъ своимъ и корпоративно провожаютъ на мѣсто упокоенія умершихъ своихъ членовъ.

Но по мѣрѣ того, какъ церковные вопросы начинаютъ возбуждать интересъ въ обществѣ, братчики не ограничиваются уже тѣснымъ кругомъ вопросовъ, связанныхъ съ праздничными службами и похоронами сочленовъ, а начинаютъ поднимать голосъ въ вопросахъ церковной организаціи, дисциплины и нравственности. Съ другой стороны—подъ вліяніемъ оживленія церковныхъ интересовъ къ братствамъ примыкаютъ православные шляхетскіе, даже наиболѣе знатные роды, и сообщаютъ ихъ голосу тѣмъ большій вѣсъ и значеніе.

Этотъ поворотъ въ дѣятельности братствъ совпадаетъ съ подъемомъ интересовъ къ просвѣщенію и литературной дѣятельности, вызваннымъ умственнымъ и религіознымъ движеніемъ современной Европы и отразившимся весьма сильно въ земляхъ Польши и вел. кн. Литовскаго. Религіозная борьба протестантовъ и католиковъ, православныхъ и католиковъ отражается въ культурной жизни усиленнымъ издательствомъ, усиленною литературною производительностью. Школу и просвѣщеніе начинаютъ цѣнить, какъ оружіе религіозной или національной борьбы. Протестанты и іезуиты усиленно занимаются организаціей школъ, той же дорогою идутъ и православные. Авторъ интереснаго полемическаго трактата „Пересторога" (какъ предполагаютъ—львовскій мѣщанинъ, писавшій въ началѣ XVII в.) высказываетъ въ сильныхъ выраженіяхъ общее убѣжденіе, что главною причиною печальнаго состоянія православной Руси былъ недостатокъ хорошо организованныхъ школъ. Богатые мецe-

наты, какъ кн. Острожскіе, Ходкевичи, виленскіе мѣщане Мамоничи и др., основываютъ типографіи, поощряютъ литературный трудъ. Гор. Острогъ на Волыни въ 1580—90-хъ гг. дѣлается выдающимся центромъ литературы и просвѣщенія: здѣсь основывается типографія и православная академія, группируется кружокъ литераторовъ (Гер. Смотрицкій, Василій, авторъ книги „О единой вѣрѣ", Хр. Бронскій, анонимный клирикъ острожскій и др.). Онъ откликается на волновавшіе православныхъ событія и вопросы: отсюда выходятъ полемическія сочиненія противъ реформы календаря, отвергнутой православными, какъ новшество, противное традиціямъ православной церкви, а десять лѣтъ спустя — противъ несравненно болѣе важнаго мѣропріятія, церковной уніи.

На тотъ же путь просвѣтительной и литературной дѣятельности вступаютъ и братства. Львовское братство пріобрѣтаетъ въ 1585 г. типографію, въ 1586 г. организуетъ школу съ славянскимъ и греческимъ языками. Оно признается старѣйшимъ изъ украинскихъ братствъ и служитъ образцомъ для прочихъ, организованныхъ во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ (изъ этихъ младшихъ украинскихъ братствъ наиболѣе замѣчательны луцкое и особенно—кіевское).

Въ своихъ стремленіяхъ къ очищенію и поднятію уровня религіозной жизни и церковныхъ отношеній братства очень скоро очутились въ натянутыхъ отношеніяхъ къ епископамъ. Во Львовѣ между епископомъ и братствомъ завязалась очень упорная и шумная война. Братства ищутъ опоры у константинопольскихъ патріарховъ, составлявшихъ высшую власть для украинской церкви. Константинопольскіе и другіе патріархи, въ это время въ своихъ финансовыхъ нуждахъ предпринимающіе довольно частыя поѣздки въ украинскія и бѣлорусскія земли, по дорогѣ за московскими подаяніями, обращаютъ при этомъ вниманіе на разстроенное состояніе украинской церкви, и рѣшительно берутъ сторону братствъ, какъ цѣнныхъ органовъ обновленія церковнаго строя. Освобождаютъ ихъ изъ подъ власти епископовъ, сообщая имъ право такъ наз. ставропигій, подчиненныхъ непосредственно патріарху, даютъ широкія права надзора за церковною жизнью и вообще покровительствуютъ братскому движенію. Одновременно съ тѣмъ стараются съ своей стороны прекратить административными мѣрами и карами непорядки въ украинской церковной жизни, и въ 1589 г. патріархъ даже низлагаетъ тогдашняго митрополита кіевскаго, какъ незаконно поставленнаго.

Патріархъ Іеремія (со старинной гравюры).

Но эти вмѣшательства патріарховъ и оказываемое ими покровительство братствамъ вызываетъ только величайшее неудовольствіе среди епископовъ, и среди нихъ является мысль—отдѣлаться вовсе отъ власти патріарховъ. Уже въ 1589 г. львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ подъ впечатлѣніемъ поддержки, оказанной константинопольскимъ патріархомъ львовскому братству въ его распрѣ съ владыкою, обратился къ мѣстному католическому архіепископу, заявляя о своемъ желаніи освободиться отъ власти патріарха и перейти въ католическую церковь. Въ 1590 г. четыре украинскихъ епископа (львовскій, луцкій, холмскій и туровскій) на съѣздѣ въ Белзѣ рѣшили присоединиться къ католической церкви, мотивируя

это желаніе злоупотребленіями патріарховъ, самовольными ихъ распоряженіями, смѣщеніями епископовъ и покровительствомъ братствамъ. Они вошли въ переговоры съ королемъ, выразившимъ полное сочувствіе ихъ намѣренію. Въ ближайшіе годы къ этому соглашенію примкнулъ митрополитъ и два остальные украинскіе епископы (перемышльскій и владимірскій), и въ 1594 г. епископы рискнули уже выступить со своимъ планомъ открыто: въ 1595 г. епископъ луцкій Терлецкій и владимірскій Потій, по порученію остальныхъ, вступили въ открытые переговоры съ королемъ, затѣмъ явились въ Римъ, чтобы публично заявить папѣ о своемъ соединеніи съ католическою церковью, а въ октябрѣ 1596 г. собранъ былъ въ Брестѣ соборъ для окончательнаго, торжественнаго провозглашенія уніи украинско-бѣлорусской церкви съ католическою.

Когда первые слухи объ этихъ намѣреніяхъ епископовъ проникли въ украинское общество, они вызвали чрезвычайное смятеніе и открытые протесты. Православные магнаты,—во главѣ ихъ кн. Константинъ Острожскій, раньше въ принципѣ вполнѣ сочувствовавшій соединенію церквей,—протестовали противъ того, что епископы сами, безъ участія духовенства и мірянъ и безъ соглашенія съ остальной православной церковью, вошли въ единеніе съ Римомъ. Протестовали духовенство и братства. Между тѣмъ какъ православные магнаты и шляхта дѣлаютъ своею ареною сеймъ и, заключивъ союзъ съ протестантами, домогаются удаленія епископовъ съ ихъ каѳедръ,—духовенство и братства развиваютъ агитацію противъ епископовъ и ихъ уніи въ широкихъ кругахъ общества. Созванный для провозглашенія уніи соборъ въ Брестѣ раздѣлился на два отдѣльныхъ и враждебныхъ собора—православный и уніатскій, и православный соборъ, съ участіемъ патріаршихъ делегатовъ, объявилъ перешедшихъ въ унію епископовъ низложенными. Но правительство продолжало поддерживать епископовъ-уніатовъ: оно объявляетъ унію правосильною и признаетъ за епископами-уніатами власть надъ протестующимъ православнымъ духовенствомъ.

Медаль, выбитая папою въ память установленія уніи.

Этотъ вопросъ о правосильности уніи, о границахъ епископской власти, объ отношеніи къ ней мірянъ и собора вызываетъ чрезвычайный интересъ и оживленіе. Возникаетъ небывалая литературная дѣятельность. Такъ, самому Брестскому собору посвящено до десяти полемическихъ сочиненій съ православной и уніатской сторонъ въ 1596—1604 гг.; наиболѣе замѣчательное произведеніе этого періода—„Апокрисисъ“ Бронскаго, одного изъ членовъ упомянутаго острожскаго кружка, сочиненіе выдающееся основательнымъ разборомъ церковныхъ вопросовъ, волновавшихъ современниковъ (объ отношеніяхъ паствы и епископовъ, собора и іерархіи и т. п.). Къ этому же времени относится литературная дѣятельность Ивана изъ Вышни (Вышенскаго), замѣчательнаго полемиста, отличающагося необыкновенною искренностью чувства, силою ироніи и сарказма, но не всегда умѣющаго оцѣнить запросы времени (напр., онъ довольно неблагопріятно относится къ современнымъ стремленіямъ къ просвѣщенію). Новое оживленіе полемической литературы имѣло мѣсто около 1610 г.; наиболѣе замѣчательное произведеніе этого цикла Θρῆνος, плачъ православной церкви по поводу отступничества отъ нея ея дѣтей, покидающихъ ее для уніи и католичества. Оно принадлежитъ одному изъ талантливѣйшихъ писателей этого періода, Мелетію Смотрицкому, колебанія котораго между

уніею и православіемъ остались краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, какъ нелегко было даже выдающимся людямъ того времени найти выходъ въ запутанныхъ церковныхъ отношеніяхъ. Затѣмъ въ началѣ 1620-хъ гг. появляется новая серія сочиненій, вѣнцомъ которыхъ является замѣчательный церковно-историческій трактатъ Захарія Копыстенскаго „Палинодія“, написанный въ 1622 г., но оставшійся не напечатаннымъ въ свое время.

Эта оживленная литературная дѣятельность является показателемъ современной культурной жизни. Украинскія и бѣлорусскія земли покрываются сѣтью братствъ. Въ большомъ числѣ организуются школы и типографіи. Взамѣнъ захваченныхъ уніатами церквей и монастырей, получившихъ теперь особенно важное культурное и національное значеніе,— усиленно создаются новые. Движеніе переходитъ все въ болѣе и болѣе широкіе круги общества, переносится на улицу, доходя до вооруженныхъ столкновеній (наиболѣе громкій эпизодъ—убійство во время уличнаго движенія 1623 г. полоцкаго уніатскаго архіепископа Кунцевича, озлобившаго православныхъ своими рѣзкими насильственными мѣрами). Вопросъ о сохраненіи православной церкви получаетъ значеніе всенароднаго, національнаго дѣла и надолго сообщаетъ украинской культурной жизни, оживленной этимъ движеніемъ, сильно выраженный религіозный, собственно—вѣроисповѣдный характеръ. Религіозная полемика и апологетика въ продолженіе всего XVII в. господствуютъ въ ней почти безраздѣльно, и свѣтской украинской литературы почти не существуетъ, за исключеніемъ немногихъ историческихъ компиляцій и мемуаровъ.

Надежды православныхъ отстоять свою церковь и уничтожить унію законодательнымъ путемъ, путемъ сеймоваго законодательства, не осуществились. Правда, послѣ долгихъ и безплодныхъ усилій православной шляхтѣ на сеймѣ 1607 г. удалось, благодаря благопріятному стеченію обстоятельствъ, достигнуть законодательнаго признанія существованія православной церкви съ отдѣльною іерархіею; король, имѣя противъ себя враждебное движеніе польской шляхты, т. н. рокошанъ, не рѣшился отклонить открыто требованія православныхъ. Но онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушилъ утвержденный имъ законъ, продолжая назначать уніатскихъ кандидатовъ на православныя каѳедры; православной церкви грозило прекращеніе іерархіи и съ нимъ—полный упадокъ и разложеніе. Положеніе было тѣмъ серьезнѣе, что успѣхи на сеймахъ 1607—9 гг., достигнутые православными, грозили быть первыми и послѣдними, вслѣдствіе чрезвычайно быстраго и широкаго ополяченія православной шляхты и магнатовъ.

Я уже упоминалъ, что оживленіе культурной жизни въ Польшѣ во второй половинѣ XVI и началѣ XVII в. обнаружило большую притягательную силу для высшихъ слоевъ украинскаго общества. Оживленіе католической церкви въ Польшѣ, наступившее въ концѣ XVI в., послѣ реформаціоннаго движенія, и созданное главнымъ образомъ іезуитами, распространившими свои общины и школы также въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ, не осталось тоже безъ весьма серьезнаго вліянія. Православное, украинское просвѣтительное и культурное движеніе запоздало; старанія пойти за современнымъ польскимъ движеніемъ пришли слишкомъ поздно, чтобы удовлетворить потребности высшихъ слоевъ украинскаго (и бѣлорусскаго) общества въ образованіи и культурной жизни: эти высшіе слои оказались уже увлеченными польскою культурою, когда украинская дѣлала первые шаги въ своемъ возрожденіи.

Воспитываясь въ польскихъ и заграничныхъ католическихъ, часто— іезуитскихъ школахъ, связанные съ польскими шляхетскими родами семейными, брачными связями, увлекаемые польскою государственною и

культурною жизнью, представители украинскихъ магнатскихъ и шляхетскимъ родовъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. массами принимаютъ католичество и становятся Поляками. Сыновей ревностныхъ борцовъ за православную церковь 1590-хъ гг. видимъ въ 1620—1630 гг. уже ревностными католиками, чуждыми всякихъ національныхъ украинскихъ интересовъ. Смотрицкій въ своемъ Треносѣ 1610 г. спѣлъ настоящую надгробную пѣснь украинской аристократіи, перечисливъ безконечный рядъ магнатскихъ и шляхетскихъ украинскихъ родовъ, уже оставившихъ свою національность и національную религію.

Безъ магнатовъ-братчиковъ и покровителей, при легализированномъ преобладаніи католиковъ, предоставленныя сами себѣ мѣщанскія братства оказывались безсильными въ оборонѣ православной церкви и національныхъ интересовъ противъ союза правительства съ католическимъ обществомъ и ренегатами украинской національности.

Печать львовскаго братства 1590-хъ гг.

И вотъ въ такомъ критическомъ, казалось—безвыходномъ, положеніи борцы за православіе обращаются къ новой силѣ — созданной процессомъ соціальнымъ и экономическимъ — козачеству. Они закрываютъ глаза на соціальный характеръ этой силы, весьма мало имъ симпатичный, и, видя въ ней только оппозиціонную силу, связанную съ ними единствомъ національности и исповѣданія, ищутъ у нея отклика въ этомъ единствѣ. Козачество дѣйствительно откликается на религіозно-національный кличъ. Изъ Львова и Вильны центръ борьбы за старую религію и національность переносится въ Кіевъ, въ ближайшее сосѣдство козачества. При его содѣйствіи кіевское удховенство и мѣщанство даютъ отпоръ уніатской іерархіи. Кіевская Лавра, древній Печерскій монастырь, подъ руками новыхъ дѣятелей изъ Галиціи, какъ Плетенецкій, Копыстенскій и др., превращаются въ крупнѣйшій очагъ церковно-національной дѣятельности. Рядомъ съ ней въ 1615 г. основывается братство, въ которое козацкій гетманъ вписывается „со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ“, и оно скоро занимаетъ первенствующее мѣсто въ современной культурной и религіозной жизни украинскаго народа; основывается при немъ школа, изъ которой выростаетъ кіевская академія, служащая въ продолженіе XVII и XVIII в. высшею украинскою школою. Подъ охраною козацкаго войска возобновляется въ 1620 г. православная іерархія и держится подъ тою же охраною, пока правительство не было принуждено признать ея существованіе, и т. д., и т. д.

Религіозно-національное движеніе сверху, начатое мѣщанствомъ, поддержанное дворянствомъ и духовенствомъ, украшенное блестящими именами первѣйшихъ вельможъ и князей логикою событій сходится съ движеніемъ снизу, съ общественнымъ броженіемъ, созданнымъ бездомными бѣглецами, уходившими изъ-подъ гнета панщины и шляхетскаго всевластія. Козачина дѣлается представителемъ и обдѣленныхъ соціально-экономическимъ процессомъ народныхъ массъ, и разбитаго на аренѣ политической, религіозной и національной борьбы духовенства и мѣщанства. Это сліяніе элементовъ соціальной и культурно-національной оппозиціи происходитъ на границѣ первой и второй четверти XVII в., и въ

это время входитъ въ новую стадію исторія украинскаго народа. Ея главнымъ факторомъ становится козачество.

Подробнѣе—о городскихъ отношеніяхъ Історія України-Руси въ т. V, гл. 3 и 5, объ отношеніяхъ церковныхъ тамъ же гл. 3 и 6, о современномъ національномъ, религіозномъ и культурномъ движеніи—т. VI гл., 3—6, о кіевскомъ періодѣ его—т. VII гл. 7.

Колоколенка въ с. Юрковщинѣ на Волыни.

Козаки на иконѣ Покровской церкви въ Сѣчи.

XIV. Козачество—его происхожденіе и развитіе.

Козачество—явленіе очень интересное, но весьма сложное. Вслѣдствіе своей оригинальности, а также и благодаря громкой роли, сыгранной имъ въ исторіи восточной Европы, оно обращало на себя вниманіе издавна, имъ занимались немало, но невыясненнаго все же оставалось въ немъ до послѣдняго времени очень много, и въ литературѣ по этому вопросу высказывались и высказываются нерѣдко сужденія очень смутныя и ошибочныя.

Очагомъ козачества было среднее Поднѣпровье, его предстепная полоса, ниже Кіева, входившая XIV—XV в. въ составъ Кіевскаго княжества, позже—Кіевскаго воеводства, а почву для него приготовили колонизаціонныя условія этого края.

Начиная съ половины X в. онъ жилъ тревожною, воинственною жизнью, на границѣ осѣдлой колонизаціи, въ вѣчной борьбѣ съ кочевниками. Къ населенію его какъ нельзя болѣе приложима поэтическая характеристика, данная Словомъ о полку Игоревѣ порубежникамъ Посемья:

А мои ти Куряне свѣдоми кмети:
Подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни,
Конецъ копия въскоръмлени;
Пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми,
Луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени.

И слово „козакъ“—тюркское слово, издавна жившее въ устахъ кочевого населенія нашихъ степей, извѣстное уже въ половецкомъ словарѣ 1303 г. въ значеніи „сторожъ“ „воинъ“—вполнѣ приложимо было въ этомъ значеніи къ порубежному населенію, этой передовой стражѣ Украины. Вмѣстѣ съ воинственностью и выносливостью порубежная жизнь развивала личность, чувство свободы. Предоставленные княжеско-дружиннымъ правительствомъ своимъ собственнымъ силамъ, эти пограничники очень чутки были къ его притязаніямъ. Въ XIII в. какъ разъ пограничныя со

степью территоріи видимъ средп „людей Татарскихъ“, и эти пограничные враги княжеско-дружиннаго строя являются полнымъ прототипомъ козачества, а союзъ ихъ съ ордою предвосхищаетъ политику вождей козачества XVI—XVIII в. въ ихъ стремленіяхъ найти въ турецко-татарскихъ силахъ помощь противъ соціально-политическаго строя Польши и централизаціонной политики Москвы.

Съ упадкомъ государственной жизни въ Поднѣпровьѣ въ серединѣ XIII в., населеніе этихъ пограничныхъ со степью пространствъ было еще болѣе предоставлено себѣ, а жизнь подъ татарскою протекціею не отличалась спокойствіемъ, особенно въ періоды разложенія Орды. В. кн. Литовское, присоединивъ эти пространства, также очень мало занималось ими, а возстановленное подъ властью князей Гедиминовой династіи Кіевское княжество очень слабо насаждало здѣсь привилегированное владѣльческое сословіе и еще слабѣе прививало формы и результаты соціальной эволюціи в. кн. Литовскаго. Страшные періодическіе набѣги Татаръ Крымской орды Менгли-гирея, съ 1482 г. обрушивающіеся на украинскія земли и затѣмъ въ нѣсколько ослабленныхъ формахъ продолжающіеся почти все XVI стол., смели съ лица земли и эти слабые результаты правительственныхъ попеченій и вмѣстѣ съ ними—всю осѣдлую колонизацію предстепной полосы Поднѣпровья, — вплоть до Кіева, Чернигова, Житомира, Винницы, Летичева.

Территорія по обѣимъ сторонамъ Днѣпра до Кіева и даже выше его превратилась въ совершенную пустыню и въ такомъ видѣ пролежала до послѣдней четверти XVI в. Единственными осѣдлыми поселеніями были городки, снабженные замками, небольшими гарнизонами и артиллеріею—Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Житоміръ, Браславъ, Винница, — на правой сторонѣ Днѣпра, Остеръ и Черниговъ—на лѣвой. Подъ стѣнами этихъ укрѣпленій ютилось все населеніе этихъ обширныхъ пространствъ: здѣсь жили крестьяне сосѣднихъ селъ и отсюда выходили на полевыя работы. Все населеніе жило подъ постояннымъ страхомъ татарскихъ набѣговъ, на военномъ положеніи: мѣщане и крестьяне этихъ пограничныхъ мѣстностей обязаны были имѣть коней и принимать участіе въ походахъ и погонѣ за Татарами, и они дѣйствительно „имѣютъ ружья и умѣютъ хорошо стрѣлять“, какъ свидѣтельствуютъ ревизоры пол. XVI в. Земледѣльческое и всякое другое хозяйство внѣ стѣнъ города велось вооруженною рукою—какъ описываетъ путешественникъ конца XVI в. пограничныхъ крестьянъ Волыни: „выходя на работу, онъ несетъ на плечѣ ружье, а къ боку привѣшиваетъ саблю или тесакъ“.

Но природныя богатства этихъ дѣвственныхъ странъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра увлекали населеніе далеко отъ замковъ, въ такъ называемые „уходы“—рыбныя ловли и мѣста охоты, къ устроеннымъ въ степномъ привольѣ бортямъ и пасѣкамъ. Тутъ эти промышленники проживали по долгу, соединяясь въ вооруженныя партіи, строя для обороны блокгаузы, городки и засѣки. Оборона въ этихъ степяхъ, сосѣдившихъ съ кочевьями Татаръ, въ районѣ ихъ нападеній незамѣтно переходила въ нападенія на такихъ же промышленниковъ противной татарской стороны, въ мелкія степныя войны—„лупленье татарскихъ чабановъ“, какъ онѣ технически назывались. Каждый годъ, весною, пограничное населеніе и промышленники изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, привлекаемые привольемъ и природными богатствами этого края расползались по этимъ „уходамъ“ на десятки миль, до днѣпровскихъ пороговъ, Ворсклы, Орели, Самары и т. п.; они проживали здѣсь цѣлые мѣсяцы, предоставленные себѣ самимъ, не зная никакой власти, и возвращаясь въ замки только на зиму. Это подвижное, кочевое, закаленное въ невзгодахъ военно-промышленное населеніе и составило основу козачества.

Первыя такія извѣстія о козакахъ, въ которыхъ можно подозрѣвать козаковъ именно украинскихъ, относятся къ 1470 гг. (колебаніе въ этомъ случаѣ возможно потому, что имя „козаков" прилагалось также къ добычникамъ татарскимъ и къ степному населенію великорусскому, въ бассейнѣ Дона, гдѣ позже формируется донское козачество). Вполнѣ ясныя документальныя указанія на козаковъ кіевской территоріи носятъ даты 1492, 1493 и 1499 гг. Это тюркское слово, означавшее въ тогдашнемъ употребленіи легковооруженнаго добычника, бродягу-воина, только столѣтіемъ позже пріобрѣло значеніе официальнаго, общепринятаго имени для извѣстной группы украинскаго населенія, извѣстнаго сословія. Первоначально оно означало занятіе, родъ жизни, и притомъ, кажется, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ пренебреженія къ такому несолидному времяпрепровожденію. Во всякомъ случаѣ, сначала это не сословіе, не классъ людей: это люди, занимающіеся „козачествомъ", ходящіе „въ козаки", а не козацкое сословіе. Для большинства такое „хожденіе въ козаки" не было постояннымъ занятіемъ—ему предавались временами, особенно съ молоду, чтобы потомъ перейти къ другимъ, болѣе серьознымъ занятіямъ. Офиціально оно означало хозяйственные промыслы въ „дикихъ поляхъ", неофиціально—удалые походы на Татаръ, „лупленье чабановъ", купцовъ и всякихъ проѣзжихъ, и съ этимъ двойнымъ характеромъ выступаетъ имя козаковъ уже въ первыхъ извѣстіяхъ—1492-3 и 1499 гг.

„Козакъ Мамай"—народная украинская картинка.

Среди этихъ степныхъ авантюристовъ оказывались люди разныхъ общественныхъ классовъ и національностей. Встрѣчаются люди съ именами восточными—очевидно, разные забулдыги изъ Татаръ же, разные „Москвитины", „Литвины", „Ляхи". Когда козачество пріобрѣло себѣ громкую военную славу, молодые люди шляхетскихъ фамилій принимали участіе въ козацкихъ походахъ, въ этой очаровавшей ихъ своими опасностями и удальствомъ жизни; въ первыхъ казацкихъ движеніяхъ встрѣчаемъ въ качествѣ участниковъ и даже предводителей представителей мѣстныхъ, украинскихъ шляхетскихъ фамилій. Но инородные элементы были лишь сравнительно незначительною примѣсью среди козачества [1]), а люди изъ высшихъ общественныхъ классовъ—временными гостями. Глав-

[1]) Довольно распространенное до сихъ поръ воззрѣніе, что ядро козачества составилось изъ тюркскаго населенія степей, основано на ошибочныхъ извѣстіяхъ и недоразумѣніяхъ.

ный и наиболѣе постоянный контингентъ „козаковавшихъ" все время поставляло пограничное украинское крестьянство и мѣщанство—наиболѣе закаленное и выносливое, привычное къ жестокимъ лишеніямъ и неудобствамъ неразлучно связанныхъ съ этимъ занятіемъ.

На протяженіи XVI в. очень медленно слагается изъ этихъ „козаковавшихъ" козацкое сословіе. Въ половинѣ XVI в. видимъ только начатки этого процесса; въ главномъ гнѣздѣ козачества—Черкасахъ ревизія 1552 г. записываетъ прихожихъ козаковъ „о полтретьяста" (около 250),—только всего. Но „козакуютъ" мѣстные крестьяне, мѣщане, мелкая шляхта и бояре мѣстнаго происхожденія. Этимъ поясняется то обстоятельство, что между тѣмъ какъ вся эта „Украина" въ XVI в. полна извѣстій о козацкихъ походахъ и своевольствахъ, мы въ современныхъ документахъ почти не можемъ отыскать козаковъ, какъ извѣстную постоянную группу населенія—козацкое сословіе, козацкій классъ. Документы,

„Козакъ Мамай" (позднѣйшая редакція).

говорящіе о козацкихъ своевольствахъ и обращающіеся по поводу ихъ къ мѣщанамъ пограничныхъ городовъ, или извѣстія, поясняющія составъ „козацкихъ" экспедицій, участниками которыхъ оказывается въ концѣ концовъ мелкая украинская шляхта,—разъясняютъ эту загадку: въ это время были въ большомъ числѣ люди козаковавшіе, но почти или и вовсе еще не было козацкаго сословія. Послѣднее формируется только въ концѣ XVI и началѣ XVII в., благодаря чрезвычайно быстрому возрастанію козачества и подъ вліяніемъ, съ одной стороны, колонизаціоннаго роста украинскаго предстепья, а съ другой—идеи козачьяго иммунитета.

Усиленный приливъ сельскаго населенія въ юго-восточную часть Украйны былъ вызванъ тѣмъ же улучшеніемъ колонизаціонныхъ условій: отпоръ, который козачество дало татарскимъ набѣгамъ, и самое уплот-

неніе населенія, умноженіе укрѣпленныхъ поселеній создали болѣе обезпеченное существованіе мѣстному хозяйственному населенію. Съ другой стороны повліяли спеціальныя обстоятельства, усилившія бѣгство крестьянъ изъ западной Украины и Полѣсья: ухудшеніе положенія крестьянства въ этихъ областяхъ, развитіе панщины, отчужденіе крестьянскихъ земель. Все это вызвало чрезвычайное усиленіе побѣговъ изъ гуще заселенныхъ и вкусившихъ уже всю сладость помѣщичьяго хозяйства западныхъ и сѣверныхъ областей Украины. На ряду съ природными богатствами, привлекавшими этихъ бѣглецовъ въ восточную Украину въ концѣ XVI в., притягательною силою становится козацкій иммунитетъ, идея котораго сложилась опять-таки подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда такихъ условій, какъ вѣчная борьба козаковавшихъ авантюристовъ съ городскими и провинціальными властями, протекція, которую оказывали имъ мѣстные администраторы въ своихъ интересахъ; еще болѣе важное значеніе въ ея формированіи имѣли здѣсь пробы организаціи козацкаго сословія самимъ правительствомъ: сначала главнымъ образомъ литовскимъ, а позже съ 1569 г.—польскимъ, и наконецъ—сознаніе собственной силы у самого козачества.

Условія колонизаціи и обороны сыграли и здѣсь главную роль. Татарскія опустошенія, превратившіяся въ страшное хроническое бѣдствіе украинскихъ земель съ 80-хъ гг. XV в., не нашли никакого отпора въ литовско-польскомъ правительствѣ; оно только увѣщевало и задаривало Орду, а къ энергическому противодѣйствію и оборонѣ оказалось совершенно неспособнымъ. Былъ даже проектъ—предложить крымскому хану поголовную подать съ населенія земель Кіевской, Волынской и Подольской, т. в. возобновить данническія отношенія этихъ земель, прекратившіяся со временъ Витовта, чтобы откупиться отъ татарскихъ набѣговъ. Этотъ проектъ не осуществился, но ежегодная дань, хотя не въ такой откровенной формѣ, а подъ мягкимъ именемъ „упоминковъ" (подарковъ), дѣйствительно стала обязательною въ отношеніяхъ польско-литовскаго правительства въ Крыму. Однако эти „упоминки" не прекращали татарскихъ набѣговъ, и начальники пограничныхъ украинскихъ провинцій, предоставленные центральнымъ правительствомъ ихъ собственному промышленію, приходятъ къ мысли организовать систематическую оборону изъ этихъ „козаковавшихъ" авантюристовъ, по собственному побужденію занимавшихся мелкою войною съ Татарами. Разновременно, въ большихъ и меньшихъ размѣрахъ такія попытки образованія козачьей милиціи видимъ на протяженіи почти всего XVI в. Эти опыты обращали на себя вниманіе и центральнаго правительства; въ 1524 г. вел. кн. Сигизмундъ поручалъ правительству вел. кн. Литовскаго заняться организаціею постояннаго корпуса изъ козаковъ; напоминая, что онъ не въ первый разъ обращаетъ вниманіе правительства на нихъ, онъ проектируетъ на этотъ разъ навербовать 1.000—2.000 козаковъ, взять ихъ на жалованье и составить изъ нихъ нѣсколько гарнизоновъ по Днѣпру. Но этотъ проектъ не былъ осуществленъ, также какъ и аналогичный проектъ, предложенный позже, въ 1533 г., польскому сейму черкасскимъ старостою Евст. Дашковичемъ уже отъ себя [1]).

Нѣсколько позже однако жалобы крымскаго правительства на козацкіе набѣги и его объясненія, что татарскія нападенія на украинскія земли служатъ лишь местью за козацкіе погромы, даютъ другой оборотъ отношеніямъ центральнаго правительства къ козакамъ: въ 1514 г. тотъ

---

[1]) Этотъ Дашковичъ и другой пограничный староста Предславъ Лянцкоронскій (староста хмельницкій) попали въ позднѣйшіе реестры козацкихъ гетмановъ благодаря тому обстоятельству, что они организовали изъ козаковъ экспедиціи на Татаръ.

же в. кн. Сигизмундъ выслалъ своего „дворянина“ съ порученіемъ переписать козаковъ кіевскихъ, каневскихъ и черкасскихъ и поручить ихъ усиленному наблюденію мѣстныхъ старостъ. Конечно, изъ этого ничего не могло выйти, уже по тому одному, что козачество вовсе еще не сложилось въ опредѣленную группу. Преемникъ Сигизмунда, в. кн. Сигизмундъ-Августъ въ цѣляхъ обузданія козаковъ, вернулся къ старому проекту отца: взять ихъ на правительственную службу. По его порученію коронный гетманъ [1]) дѣйствительно навербовалъ изъ козаковъ отрядъ; эти козаки получали изъ казны содержаніе, были освобождены изъ-подъ власти и юрисдикціи всѣхъ иныхъ властей и подчинены назначенному правительствомъ „старшему и судьѣ всѣхъ низовыхъ козаковъ“ (1570) [2]). Въ этотъ небольшой отрядъ вошла только небольшая часть козакующихъ, всего 300 человѣкъ, но такъ какъ помянутому старшому ввѣренъ былъ надзоръ надъ всѣмъ козачествомъ, то логически изъятіе изъ всякой иной юрисдикціи и подчиненіе спеціальному козацкому суду распространялось и на все козачество не включенное въ офиціальный реестръ. Такимъ образомъ это первое сформированіе козацкаго войска, не оказавъ никакого вліянія на прекращеніе „козацкаго своеволія“, сыграло немалую роль въ прогрессѣ сформированія полупривилегированнаго козацкаго сословія, тѣмъ болѣе что было затѣмъ повторено нѣсколько разъ на протяженіи послѣдней четверти XVI в. Наборъ небольшого трехсотеннаго отряда, какъ я сказалъ, не повліялъ нисколько на самовольные козацкіе походы. Козаки продолжали свои набѣги на Татаръ и на земли, стоявшія подъ властью Турціи, особенно Молдавію, бывшую ареною постоянныхъ внутреннихъ войнъ. Въ 1577 г. отрядъ такихъ своевольныхъ козаковъ ходилъ походомъ на Молдавію, и отвѣтомъ на этотъ походъ былъ набѣгъ на Украину Татаръ (1578) и ультиматумъ Турціи польскому правительству: усмирить козаковъ, вывести ихъ съ „Низу“, взявъ на службу лучшую ихъ часть, а остальныхъ задавивъ репрессіями. На эти требованія и совѣты новый король польскій Стефанъ Баторій отвѣтилъ скептическими замѣчаніями, свидѣтельствовавшими, что недостаточность рекомендованныхъ ему мѣръ была ему достаточно ясна. Однако онъ сдѣлалъ все, чтобы показать свою готовность удовлетворить желанія турецкаго правительства: навербовалъ изъ козаковъ отрядъ въ 500 человѣкъ (которымъ воспользовался въ войнѣ противъ Москвы), а противъ остального козачества издалъ рядъ суровыхъ распоряженій, которыя однако могли служить администраціи поводомъ для придирокъ и взятокъ съ козаковъ, но совершенно не могли остановить „козацкаго своевольства“. Чтобы исполнить правительственныя распоряженія, поручавшія ловить и аресто-

---

[1]) Гетманомъ (отъ нѣмецкаго Hauptmann) назывался главнокамандующій и военный министръ; эта должность почти одновременно появляется въ Польшѣ и великомъ княжествѣ Литовскомъ въ началѣ XVI в. Польскій гетманъ называется великимъ коронный гетманомъ или просто короннымъ („корона“ „коронный“ вообще значитъ „польскій“), его помощникъ—гетманомъ польнымъ; гетманъ литовскій—найвысшимъ (позже великимъ) литовскимъ, его помощникъ—дворнымъ (позже польнымъ) литовскимъ. По примѣру ихъ и предводители козаковъ, съ сформированіемъ козацкаго войска, уже съ 1570-хъ гг., также называются гетманами, не только въ частномъ обиходѣ, но и въ правительственныхъ актахъ; если было одновременно нѣсколько козацкихъ предводителей, ихъ также сплошь да рядомъ называли гетманами всѣхъ. Но *офиціальнымъ* титуломъ козацкихъ предводителей, до самаго Хмельницкаго, было наименованіе „старшій“—„старшій войска его королевской милости низового Запорожскаго“. Хмельницкому первому польское правительство дало офиціально титулъ гетмана, при первомъ перемиріи (въ 1648 г.).

[2]) „Низомъ“ называлось нижнее теченіе Днѣпра; такъ какъ козаки занимались промыслами въ этихъ краяхъ, имъ усвояется названіе „низовыхъ“.

вывать участниковъ козацкихъ походовъ, нужна была полицейская и административная власть, которой не было на Украинѣ, гдѣ старосты покровительствовали и дѣлились добычею съ козаками, не говоря уже о низовыхъ просторахъ, куда никакой надзоръ за козаками не могъ проникнуть. А сформированный въ 1578 г. отрядъ распался съ окончаніемъ московской войны, такъ что въ 1583 г. нужно было сдѣлать новый наборъ — не съ большимъ успѣхомъ произведенный, чѣмъ первый. Такимъ образомъ эти распоряженія Баторія, совершенно аналогичныя съ мѣрами 1570 и 1590 гг. никакого особеннаго значенія въ исторіи козачества не имѣли въ свое время, и совершенно незаслуженно сдѣлались эпохою въ его исторіи въ позднѣйшей исторической традиціи: отъ нихъ выводили позднѣйшую организацію козачества, козацкій реестръ изъ 6.000, раздѣленіе на полки и т. д.—все явленія значительно позднѣйшія.

Въ 1580 гг. козачество какъ разъ начинаетъ сильно

Карта Днѣпра Боплана—отъ Бужина до Хортицы.

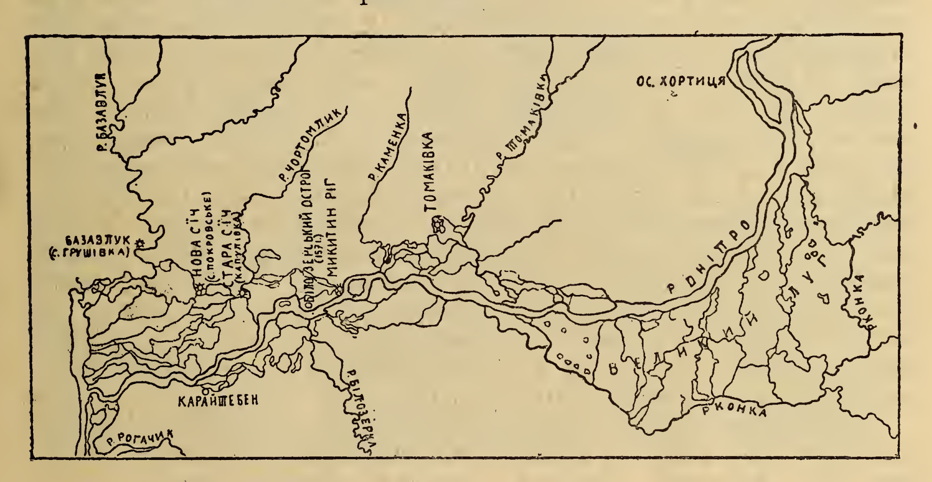
возрастать въ численности. Появляется рядъ козацкихъ предводителей —гетмановъ, какъ ихъ называютъ. Козаки продолжаютъ свои походы на турецкія и татарскія земли, особенно на Молдавію, принимая участіе въ борьбѣ разныхъ претендентовъ на нее. Турки и Татары грозятъ войною. Испуганное этими угрозами польское правительство еще разъ рѣшается повторить ту же, столько разъ испытанную и оказавшуюся негодной мѣру. Оно поручаетъ организовать козацкій отрядъ, возможно большій (наибольшая численность его достигала трехъ тысячъ). Эти козаки имѣли очистить „Низъ“ отъ своевольныхъ козаковъ и занять гарнизоны на степномъ пограничьѣ. Но, очевидно, не надѣясь на осуществимость такого очищенія Низа, правительство одновременно отдало приказъ не пускать никого на Низъ, хотя бы на промыслы, не впускать въ города и мѣстечки людей, приходящихъ съ Низу, не продавать имъ никакихъ припасовъ, арестовывать тѣхъ, которые будутъ приносить изъ степей какую-нибудь добычу и т. д. (1590).

Всѣ эти правительственныя мѣропріятія, не достигая цѣли, какую имѣли въ виду—т. е. прекращенія козацкихъ походовъ на сосѣднія земли, усмиренія „украиннаго своеволія“, производили эфектъ, о которомъ я уже упомянулъ выше: всѣ эти опыты правительственной организаціи козачества весьма существенно повліяли на сформированіе идеи козацкаго иммунитета. Они дали ей извѣстное юридическое оправданіе. Принимая козаковъ на службу, правительство освобождало ихъ изъ-подъ власти всякихъ „урядовъ“: отнынѣ они подлежали власти и суду только своихъ, козацкихъ властей. И хотя эта привилегія собственно предназначалась только для козаковъ, вписанныхъ въ правительственный реестръ [1]), въ дѣйствительности на нее претендуютъ всѣ, причислявшіе себя къ козакамъ, всѣ „козаковавшіе“. Они уже и прежде очень неохотно и слабо подчинялись всякимъ властямъ; теперь изъятіе реестровыхъ козаковъ давало извѣстное юридическое оправданіе стремленіямъ козачества къ полной независимости отъ всякой правительственной или помѣщичьей власти. Создается убѣжденіе, что всякій козакъ по роду своихъ занятій свободенъ отъ всякихъ властей: отъ власти старосты, если онъ сидитъ на землѣ, входящей въ непосредственное вѣдѣніе правительственныхъ чиновниковъ, отъ власти городского магистрата—если онъ сидитъ на территоріи общины магдебургскаго права, отъ власти помѣщика—если сидитъ на землѣ помѣщичьей; онъ не подлежитъ ихъ юрисдикціи, свободенъ отъ всякихъ даней, оплатъ и работъ на нихъ вмѣстѣ со своимъ хозяйствомъ и семьею, потому что онъ несетъ службу королевскую: оберегаетъ границы и воюетъ со врагами государства. Нужды нѣтъ, внесенъ ли онъ въ реестръ или нѣтъ: вѣдь и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ не перестаетъ себя считать козакомъ, ничѣмъ не уступающимъ реестровому; всѣ козаки считаютъ себя привилегированнымъ военнымъ сословіемъ, взамѣнъ своей пограничной службы освобожденнымъ отъ всякихъ иныхъ обязанностей. Оправданіе такому взгляду даетъ само правительство, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужны были болѣе значительныя военныя силы, оно безъ разбора привлекаетъ къ участію въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ реестровыхъ и нереестровыхъ. И если реестровые должны были, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, подчиняться своимъ спеціальнымъ властямъ, назначеннымъ отъ правительства, то вся остальная масса козачества, оставшаяся внѣ реестра, не признаетъ надъ собою иной власти и юрисдикціи, кромѣ выборной козацкой старшины.

---

[1]) Отсюда терминъ „реестровыхъ“ козаковъ—состоящихъ на правительственномъ жалованіи и легально пользующихся привилегіями козацкаго званія.

Можно себѣ представить, какой переворотъ производитъ въ общественныхъ отношеніяхъ юго-восточной Украины эта идея, когда она входитъ въ сознаніе населенія—что мы видимъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Въ это время, подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ указанныхъ представленій о привилегіяхъ, связанныхъ съ козацкимъ званіемъ, окончательно формируется понятіе о козачьемъ сословіи, и къ нему начинаютъ причислять себя въ этихъ пограничныхъ краяхъ всѣ общественные элементы, желавшіе освободиться отъ стѣснительныхъ рамокъ польской общественной схемы: крестьяне помѣщичьихъ и государственныхъ имѣній, мѣщане городовъ самоуправляющихся и подчиненныхъ власти старостъ или помѣщиковъ, даже боярство и мелкая шляхта, привлекаемая старостами къ тяжелой замковой службѣ [1]). И такъ какъ на это время падаетъ, съ одной стороны—небывалый до тѣхъ поръ приливъ крестьянскаго населенія въ юго-восточную Украину, а съ другой—распространеніе въ нихъ польскихъ порядковъ, господство шляхты и крѣпостныхъ отношеній, отъ которыхъ считали себя освобожденными всѣ причислившіеся къ козачеству,—то козачество необыкновенно быстро растетъ, увеличиваясь съ сотенъ на тысячи и десятки тысячъ. Вѣдь и колонизаціонныя условія были того рода, что каждый поселенецъ все равно долженъ былъ одновременно быть воиномъ. Въ виду этого совершенно не составляло затрудненія причислиться къ военному сословію, если оно давало такія важныя общественныя и экономическія привилегіи.



Запорожье (въ скобкахъ нынѣшнія названія селеній).

Но, конечно, ни правительство, ни тѣмъ менѣе—мѣстные помѣщики и державцы государственныхъ земель не имѣли ни малѣйшаго желанія признавать этой узурпированной свободы и привилегій. Въ ихъ глазахъ „покозачившіеся“ ихъ „подданные“ были только „непослушные крестьяне“, „непослушные мѣщане“, какъ они часто и обозначаютъ ихъ въ тогдашнихъ актахъ. Они старались принудить ихъ къ послушанію, къ отбыванію повинностей, но это удавалось плохо, вслѣдствіе слабости исполнительной власти, и только увеличивало обоюдное раздраженіе.

[1]) Какъ было сказано выше (въ гл. VI), нижніе слои военно-служебныхъ категорій не были допущены къ привилегіямъ шляхетскаго званія и остались въ полупривилегированномъ состояніи, изъ котораго всячески старались выбиться, достигнувъ шляхетскихъ правъ, и въ этомъ смыслѣ вели упорную борьбу со старостами. На Украинѣ было нѣсколько большихъ гнѣздъ такой непривилегированной шляхты.

Безтолковая же политика правительства, которое то старалось задавить строгими репрессіями все козачество, за исключеніемъ горсти реестровыхъ, то, нуждаясь въ войскѣ, обращалось къ помощи неестровыхъ и даже, случалось, приглашало вступать въ козаки всѣхъ желающихъ,—окончательно лишала мѣстную администрацію и помѣщиковъ возможности положить предѣлъ „украинному своеволію". Давленіемъ военной силы правительство иногда принуждало „непослушныхъ" къ повиновенію помѣщикамъ и старостамъ, разгоняло „своевольныхъ" козаковъ и заставляло ихъ бѣжать въ степи или притаиваться на время, но такой „порядокъ" держался очень недолго. Только въ десятилѣтіе передъ возстаніемъ Хмельницкаго, послѣ большихъ народныхъ движеній 1637 и 1638 гг., сдѣланы были серьезныя усилія, чтобы задавить козачину и это удалось на довольно продолжительное время (почти цѣлое десятилѣтіе); но было уже слишкомъ поздно: ферментъ былъ уже настолько силенъ, что этотъ правительственный гнетъ только увеличилъ силу народной реакціи.

Въ своей политикѣ по отношенію къ козачеству правительство имѣло вообще двоякіе мотивы. Такъ какъ набѣги казаковъ на татарскія и турецкія земли давали Татарамъ поводъ оправдывать ими свои набѣги, а Турція серьезно грозила за нихъ войною, которая страшно пугала Польшу съ ея вѣчнымъ недостаткомъ денегъ и войска и казалась неотразимымъ бѣдствіемъ,—то временами, подъ впечатлѣніемъ этихъ угрозъ, правительство хотѣло во что бы то ни стало задавить козачество и не жалѣло для этого суровыхъ циркуляровъ и военныхъ экспедицій. Но вполнѣ задавить козачество было невозможно, потому что козаки уходили въ степи, совершенно недоступныя польскимъ войскамъ. Тамъ устроили они себѣ неприступныя убѣжища на нижнемъ Днѣпрѣ, ниже пороговъ, на островахъ, которые образуетъ здѣсь Днѣпръ; одинаково недоступные и для польскихъ войскъ, и для турецкихъ судовъ, старавшихся иногда проникнуть сюда съ моря, эти острова давали козакамъ вполнѣ безопасное убѣжищѣ [1]). Также неприступными были и „уходы" въ глубинѣ заднѣпровскихъ пространствъ, откуда въ особенно тяжелыя времена украинскіе козаки уходили даже за границу, на Донъ, въ московскія земли. Такимъ образомъ въ наилучшемъ случаѣ польскимъ войскамъ удавалось очистить отъ своевольнаго украинскаго козачества только заселенныя пространства Поднѣпровья, такъ называемую тогда „волость", но не уничтожить козачество совершенно.

Однако съ другой стороны, польское правительство не могло серьезно полагаться на увѣренія Татаръ, что ихъ набѣги прекратятся съ прекращеніемъ козацкихъ нападеній, и такъ какъ козаки служили собственно главною, а иногда и единственною защитою восточной Украины отъ Татаръ, то правительство полнаго уничтоженія козачества никогда не желало. По своей дешевизнѣ и сноровкѣ, отвагѣ и выносливости это были незамѣнимыя войска, и извѣстную часть козачества, болѣе дисциплинированную, правительство всегда желало оставить для государственной службы. Эта легальная часть козаковъ, по планамъ правительства, имѣла служить также для обузданія остальной, „своевольной" массы козачества: она должна была удерживать ее въ повиновеніи и не допускать ея походовъ на чужія земли. Но тутъ вѣчное безденежье польской казны создавало новыя трудности: правительство не имѣло средствъ взять на жа-

---

[1]) На этихъ островахъ устраивались укрѣпленные засѣками городки такъ называемыя „сѣчи"; они переносились съ острова на островъ; такъ „сѣчь" разновременно была на уроч. Базавлукѣ, Чертомлыкѣ, Микитномъ Рогѣ, Томаковкѣ. Отъ этихъ убѣжищъ низовые козаки назывались также запорожскими, и въ XVII в. „Запорожское войско" становится ихъ офиціальнымъ именемъ.

лованье болѣе значительное число козаковъ; оно брало ихъ на службу одну—двѣ тысячи, самое большее, да и тѣмъ платило такъ плохо и неисправно, что они должны были искать себѣ иныхъ источниковъ пропитанія. По этой причинѣ даже этихъ служилыхъ, „реестровыхъ“ нельзя было содержать въ послушаніи и дисциплинѣ, а о томъ чтобы сдѣлать ихъ дѣйствительными блюстителями порядка на Украинѣ, нечего было и думать. Съ нѣсколькими сотнями реестровыхъ нельзя было ни организовать обороны Украины, ни тѣмъ менѣе—удержать массы нереестроваго козачества. Въ интересахъ обороны польскіе старосты и военачальники были вынуждены постоянно обращаться къ помощи нереестровыхъ; часто обращалось къ нимъ, какъ было сказано, и само центральное правительство, и это все, конечно, обращало въ пустой звукъ проекты обузданія украинскаго своеволія. Вообще польскія правящія сферы не были ни достаточно сильны, ни достаточно дальновидны, чтобы или уничтожить козачество, или дисциплинировать и организовать его (восточной Украинѣ онѣ вообще очень мало удѣляли вниманія въ своей внутренней политикѣ). Репрессіи и кровопролитія не останавливали роста козачества и лишь раздражали его наиболѣе воинственную часть.

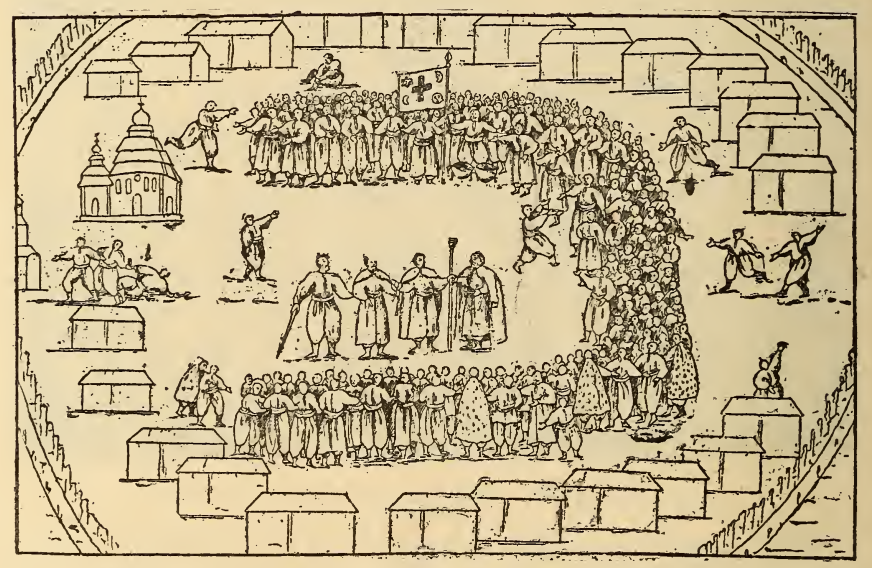
Забавляющіеся запорожцы (со стариннаго рисунка).

Если значительная часть козаковъ — эти покозачившіеся мѣщане и крестьяне—цѣнили въ козачествѣ его соціальныя и общественныя привилегіи и, состоя подъ козацкимъ „присудомъ“, спокойно хозяйничали на своихъ земляхъ, то для иной, значительной массы козачества война была его настоящею стихіею, главнымъ источникомъ пропитанія, а походы на татарскія и турецкія земли—такимъ же незамѣнимымъ рессурсомъ, какъ рыбные и звѣриные промыслы. Въ интересахъ поддержанія добрыхъ отношеній съ Турціею и Крымомъ польское правительство хотѣло прекратить эти походы. Но въ такомъ случаѣ нужно было дать иной исходъ энергіи этой воинственной части козачества и одновременно нужно было подыскать для нея иной источникъ пропитанія. Безъ этого удержать козаковъ отъ походовъ не могли и наиболѣе вліятельные вожди козачества. Правительственныя же запрещенія, стѣсненія и преслѣдованія со стороны украинскихъ старостъ и помѣщиковъ только возбуждали въ немъ раздраженіе и ненависть. Чувствуя невозможность при такихъ усло-

віяхъ установить прочныя отношенія къ правительству и понимая, что только фактическая сила козачества не даетъ правительству и шляхтѣ возможности его сломить, вожди козачества стремятся возможно увеличивать численную силу послѣдняго, расширять его территорію все далѣе и далѣе вглубь осѣдлой колонизаціи, привлекая въ его среду все новыя и новыя массы украинскаго крестьянства. Съ другой стороны, раздраженія на стѣсненія и репрессіи выливаются въ борьбѣ съ пограничными старостами и панами.

Такъ начинаются первыя козацкія войны. Въ нихъ обыкновенно идутъ солидарно козаки реестровые и вся масса вольницы. Правительство, какъ я уже сказалъ, не было въ состояніи дисциплинировать реестровыхъ; притомъ эти послѣдніе чувствовали, что ихъ сила и значеніе лежитъ въ массѣ вольницы, стоявшей за ихъ спиной. Поэтому только временами правительству удавалось разъединить эти двѣ категоріи козачества, по большей же части между ними не было никакой ощутительной границы, и самый реестръ очень часто существовалъ только на бумагѣ или даже въ воображеніи.

Подробнѣе происхожденіе и дальнѣйшая исторія козачества изложены въ VII т. Історії України-Руси, гл. 1—3 и 5.



Казацкая рада въ Запорожской Сѣчи (рисунокъ XVIII в.).

Взятіе козаками Кафы подъ предводительствомъ Сагайдачнаго (изъ книги—„Виршина жалосный погребъ Сагайдачнаго“—1622 г

XV. Козачество и козацкія войны до 1648 г.

Уже на исходѣ 80-хъ гг. XVI в., послѣ недавнихъ репрессій кор. Стефана Баторія и его попытокъ организовать козачество, подъ шумъ борьбы польскихъ партій по его смерти, чрезвычайно учащаются козацкіе походы въ Крымъ, Молдавію и въ турецкія владѣнія на черноморскомъ побережьи, гдѣ рядомъ набѣговъ разорены были Очаковъ, Тегиня, Козловъ въ Крыму, и одновременно происходятъ наѣзды, мелкая война „на волости“, въ смежныхъ съ козацкимъ райономъ частяхъ воеводствъ Кіевскаго и Браславскаго. Козачество, очевидно, начинало раздвигать свою территорію на сѣверъ и западъ. Отвѣтомъ была извѣстная уже намъ новая попытка организаціи козачества 1590 г., проектъ репрессій противъ своевольныхъ элементовъ и раздача земельныхъ маетностей наиболѣе выдающимся вождямъ „лучшей“ части его. Мѣры эти однако совершенно не достигли своей цѣли, и уже въ 1591 г. гетманъ козацкій Криштофъ Косинскій, представляющій интересы козаковъ, взятыхъ правительствомъ на службу, такъ называемыхъ позже реестровыхъ, жалуется, что козаки обѣщаннаго жалованья не получаютъ и поэтому, грозилъ онъ, будутъ сами о себѣ промышлять. Самъ этотъ козацкій предводитель, вѣроятно—украинскій шляхтичъ по происхожденію, незадолго передъ тѣмъ получившій за свою службу въ козачьемъ войскѣ пожалованіе на имѣніе въ южной Кіевщинѣ, изъ-за этого имѣнія столкнулся съ кн. Ян. Острожскимъ, владѣвшимъ сосѣднимъ Бѣлоцерковскимъ староствомъ, и началъ вооруженную борьбу со своими обидчиками и поддерживавшими ихъ магнатами.

Въ концѣ 1591 г. Косинскій съ козацкимъ войскомъ напалъ на Бѣлоцерковское староство и затѣмъ въ продолженіе цѣлаго 1952 г. его козаки хозяйничали въ панскихъ имѣніяхъ и державахъ Кіевскаго воеводства и прилегающихъ мѣстностяхъ Волыни. Документальныя свѣдѣнія мы имѣемъ только о разореніи панскихъ имѣній, но современники приписывали Косинскому очень широкіе и радикальные планы: по ихъ словамъ, онъ намѣревался заручиться помощью крымскаго хана и московскаго царя и уничтожить шляхту на Украинѣ. Насколько это справедливо, трудно сказать, такъ какъ дѣятельность Косинскаго слишкомъ скоро

окончилась. Въ началѣ 1593 г. онъ перенесъ свою дѣятельность въ Волынское воеводство; кн. Острожскіе, которыхъ Косинскій спеціально преслѣдовалъ своими нападеніями и опустошеніями, собрали значительныя силы изъ своихъ имѣній и другихъ мѣстныхъ магнатовъ и съ ними наголову разбили Косинскаго подъ мѣстечкомъ Пяткою. Козаки капитулировали, обѣщавъ смѣстить Косинскаго и не нападать на имѣнія Острожскихъ и ихъ союзниковъ-магнатовъ. Но, отступивъ, Косинскій собралъ новыя силы и съ ними двинулся снова походомъ вверхъ по Днѣпру. Онъ приступилъ къ Черкасамъ, чтобы свести счетъ съ черкасскимъ старостою Вишневецкимъ (однимъ изъ ближайшихъ союзниковъ Острожскихъ), но ему здѣсь приготовлена была засада, въ которой онъ и былъ убитъ.

Войско его отступило, но движеніе не прекратилось. Оно продолжалось весь 1593 г. въ Кіевскомъ и Браславскомъ воеводствахъ (между прочимъ, козацкое войско взяло и Кіевъ). На короткое время вниманіе козаковъ отвлечено было въ иную сторону: имп. Рудольфъ обратился къ нимъ (весною 1594 г.) съ приглашеніемъ принять участіе въ его войнѣ съ Турціею, и козаки дѣйствительно произвели диверсію: напали на Очаковъ и разрушили его, потомъ опустошили Молдавію. Но затѣмъ они обращаются снова къ походамъ на панскія имѣнія Украины. Рядомъ съ низовымъ войскомъ, во главѣ котораго стоятъ въ эти годы Микошинскій, Лобода, Шаула, организуетъ еще болѣе своевольныя полчища Наливайко, бывшій служебникъ кн. Острожскаго, разошедшійся съ Запорожцами изъ за кампаніи Косинскаго, въ которой Наливайко стоялъ на сторонѣ Острожскаго. Наливайко со своими козаками также занимается походами въ Молдавію и наѣздами на панскія имѣнія Украины. Оба войска хозяйничаютъ въ Кіевскомъ, Браславскомъ и Волынскомъ воеводствахъ, отсюда проникаютъ въ бѣлорусскія земли, собирая контрибуціи, принимая участіе въ наѣздахъ и домашнихъ войнахъ пановъ, разоряя шляхту и мѣщанъ, которые не хотѣли войти въ союзъ съ ними и отдаться подъ ихъ протекцію, и привлекая все новыя массы населенія въ свои ряды (1595 г.). Такимъ образомъ огромная территорія восточной Украины оказалась фактически во власти козаковъ въ продолженіе почти пяти лѣтъ; шляхетское хозяйство было разрушено, крестьяне въ огромныхъ массахъ покозачились.

Правительство все это время оставляло мѣстную шляхту ея собственнымъ заботамъ и силамъ и лишь освободившись отъ молдавской войны (1594—95), обратило серьозное вниманіе на козацкое движеніе. Въ началѣ 1596 г. польный гетманъ Жолкевскій получилъ приказъ идти на козаковъ. Жолкевскій, одинъ изъ лучшихъ польскихъ полководцевъ, быстро двинулся въ походъ, надѣясь напасть на козаковъ раньше, чѣмъ отдѣльныя партіи ихъ соединятся. Но это ему не удалось. Наливайко, на котораго онъ обрушился прежде всего, успѣлъ ускользнуть и ушелъ въ степь, и затѣмъ войдя въ соглашеніе съ Запорожцами въ виду грозившей опасности, присоединился къ нимъ. Жолкевскому не удалось разъединить бывшихъ реестровыхъ и „своевольныхъ“, ни посѣять раздоръ между ихъ вождями, какъ онъ хотѣлъ. Козаки успѣли объединиться и стянуть свои силы къ окрестностямъ Кіева. Но все же они въ значительной степени были захвачены врасплохъ, не приготовленными къ войнѣ. Около Бѣлой Церкви произошелъ рядъ упорныхъ битвъ, послѣ которыхъ козаки, сильно потерпѣвшіе, несмотря на свою численность, отъ лучше организованнаго и вооруженнаго польскаго войска, отступили за Днѣпръ, къ Переяславу и заняли своими отрядами берега Днѣпра, не позволяя Полякамъ переправлятся черезъ Днѣпръ. Однако Жолкевскому удалось устроить переправу ловкою диверсіею и тогда козаки, бросивъ оказавшуюся неудобною позицію около Переяслава, начали отступать

въ глубину Поднѣпровья, тогда еще очень слабо колонизированнаго. Жолкевскій, рѣшившись искоренить „своеволю", замышлявшую, по его словамъ, уничтожить шляхту и разбить Польшу, двинулся слѣдомъ за козаками и опасаясь, чтобы они не задумали перейти границу, перерѣзалъ козакамъ дорогу и принудилъ ихъ стать лагеремъ на довольно неудобной позиціи около Лубенъ, у рѣки Сулы, на ур. Солоницѣ.

Сильно уменьшившееся во время предшествовавшихъ переходовъ, притомъ отягощенное большимъ обозомъ, въ которомъ находились козацкія семьи, козацкое войско съ большимъ трудомъ выдерживало блокаду, подвергаясь безпрестаннымъ нападеніямъ Поляковъ и артиллерійскому огню; внутреннія несогласія между предводителями Низовцевъ и Наливайковцевъ, не изгладившіяся и послѣ ихъ объединенія въ одно войско, также оказывали очень вредное дѣйствіе. Однако козаки держались стойко, и только послѣ двухнедѣльной осады, потерявъ надежду получить подкрѣпленіе, такъ какъ Низовцы, пришедшіе на помощь, не могли пробиться подъ Лубны, осажденные начали переговоры. Жолкевскій обѣщалъ амнистію подъ условіемъ, что козацкое войско выдастъ предводителей, артиллерію, казну и разойдется по домамъ. Козаки исполнили это требованіе, но тогда польское войско вѣроломно напало на нихъ и множество народу перерѣзало. Предводителей казнили въ Варшавѣ; особенно жестоко поступили съ Наливайкомъ: его четвертовали, а позже сложились легенды, что его короновали раскаленной желѣзной короной, какъ претендента на украинскую корону, или сожгли въ мѣдномъ быкѣ. Сеймъ объявилъ всѣхъ козаковъ врагами отечества, лишенными охраны законовъ: всѣ привилегіи ихъ были отмѣнены. Но козачество не было уничтожено: Низовцевъ, въ ихъ недоступныхъ степяхъ, невозможно было преслѣдовать, и ихъ оставили въ покоѣ.

На Гербъ Силного Войска Е К: М: Запорозкого.

Кгды щензства Запорозцовъ Кролеве дознали
Тогды за Гербъ такого имъ рыцера дали.
Который ото готовъ Отчизнѣ служити.

Гербъ Запорожскаго войска (страница изъ той-же книги).

Впрочемъ, лубенская бойня и на нихъ произвела впечатлѣніе: на нѣкоторое время Запорожье притихаетъ, и среди него обозначается партія болѣе умѣренныхъ, ставившая цѣлью прежде всего добиться возстановленія козацкихъ привилегій. Это ей удается дѣйствительно, такъ какъ скоро козаки снова понадобились Польшѣ. Уже въ 1599 г., вмѣшавшись въ молдавскія дѣла, правительство обратилось къ низовому козачеству съ приглашеніемъ принять участіе въ войнѣ. Тѣ потребовали полной реабилитаціи, возстановленія старыхъ порядковъ и возвращенія привилегій. Ихъ обнадежили, и они приняли участіе въ молдавской войнѣ, а въ 1601 г. сеймъ, имѣя предъ собою новую войну, шведскую, и разсчи-

тывая опять-таки на козаковъ, возстановилъ козацкую организацію. И хотя онъ оговорилъ при этомъ, что козацкія права возстановляются лишь для участниковъ шведской кампаніи и что власть помѣщиковъ и старостъ надъ козаками должна остаться въ силѣ, но эта оговорка не имѣла никакого значенія: козаки, почувствовавъ, что правительство въ нихъ нуждается, становятся снова хозяевами въ юго-восточной Украинѣ, такъ что нѣсколько лѣтъ спустя правительство видитъ себя вынужденнымъ опять опубликовать разныя распоряженія „объ обузданіи украинскаго своеволія“. Но одновременно ему же приходится констатировать, что эти распоряженія не имѣютъ никакой силы, что козаки не признаютъ власти старостъ и помѣщиковъ, организовали свое собственное выборное управленіе и принимаютъ подъ свою власть и въ свой „присудъ“ не только отдѣльныхъ крестьянъ и мѣщанъ, но и цѣлые города. Участіе польскаго правительства въ московскихъ дѣлахъ такъ наз. смутнаго времени, потребовавшее большихъ военныхъ силъ и затянувшееся въ долгую, хроническую войну, заставляло его въ значительной степени смотрѣть сквозь пальцы на козачество, такъ какъ оно постоянно нуждалось въ немъ для этой войны, и многочисленныя постановленія сейма противъ козацкихъ своеволій издавались больше для успокоенія шляхты украинскихъ земель, сильно терпѣвшей отъ козаковъ.

Они дѣйствительно хозяйничали какъ дома въ шляхетскихъ имѣніяхъ, ссылаясь на надобности войска въ припасахъ и амуниціи для королевской службы. Судебные акты наполнены жалобами шляхты на козацкія своевольства и поборы; съ другой стороны слышимъ о частыхъ нападеніяхъ козаковъ на татарскія и турецкія владѣнія. Не довольствуясь сухопутными походами на Крымъ и турецкіе города на сѣверномъ берегу Чернаго моря, козаки пускаются на своихъ утлыхъ ладьяхъ (такъ наз. чайкахъ) въ далекія морскія экспедиціи, съ невѣроятной отвагой и пренебреженіемъ къ опасностямъ.

Въ народной украинской поэзіи сохранились чрезвычайно живыя картины этихъ опасностей, которымъ подвергались козацкія экскурсіи:

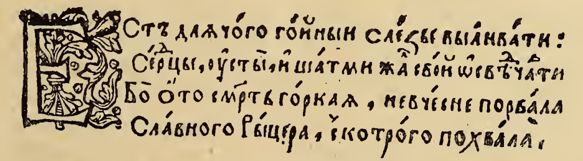
На Чорному морі, на білому камені,
Ясненький сокіл жалібно квилить—проквиляє,
Смутно себе має, на Чорнеє море спильна поглядає,
Що на Чорному морю недобре ся починає:
Що на небі усі звізди потьмарило,
Половину місяця въ хмари вступило,
А із низу буйний вітер повіває,
А по Чорному морю супротивна хвиля вставає,
Судна козацькі на три части разбиває.
Одну часть взяло—въ землю Агарську занесло,
Другу часть гірло Дунайске пожерло,
А третя де ся має—в Чорному морю потопає.

Второе и третье десятилѣтіе XVII было героическою эпохою этихъ морскихъ походовъ, когда козаки держали въ страхѣ все Черное море, „окуривали мушкетнымъ дымомъ“ стѣны Константинополя и Синопа и заставили дрожать того самаго султана, предъ которымъ дрожала Польша, да и остальная Европа. Въ 1614 г. они разрушили Синопъ и сожгли его цейхгаузъ, причинивъ убытку на 40 мил. Въ началѣ 1615 г. они на 80 ладьяхъ напали на окрестности Константинополя, сожгли гавани Мизевны и Архіока, безнаказанно опустошили мѣстность и ушли, а когда турецкій флотъ нагналъ ихъ около устья Дуная, смѣло бросились на турецкіе корабли, овладѣли ими и сожгли въ виду Очакова. Турки отомстили, выславъ Татаръ на Волынь и Подолье, но турецкій флотъ, отправленый противъ самихъ козаковъ, былъ разбитъ ими въ Днѣпров-

скомъ лиманѣ, причемъ козаки взяли больше десятка большихъ галеръ и множество болѣе мелкихъ судовъ, а вслѣдъ затѣмъ напали и сожгли Кафу, и т. д., и т. д.

Эти походы и слѣдовавшія за ними угрозы Турокъ и набѣги Татаръ сильно раздражали польское правительство противъ козаковъ, такъ же какъ и хозяйничанье ихъ на Украинѣ; но они были нужны, а главное—не было силъ принудить ихъ къ повиновенію. Въ виду слабости польскихъ военныхъ силъ, экспедиціи на козаковъ, предпринимавшіяся нѣсколько разъ въ продолженіе втораго десятилѣтія XVII в.—такъ наз. комиссіи, оканчивались обыкновенно тѣмъ, что козацкіе вожди давали обѣщанія прекратить походы на Турокъ и Татаръ и нападенія на шляхетскія имѣнія, привести къ порядку и повиновенію козаковъ „на волости“, исключить всѣхъ „своевольныхъ“ изъ своей среды и т. д. Эти увѣренія приходилось принимать за чистую монету, а фактическое положеніе вещей не измѣнялось, и козаки оставались далѣе господами положенія юго-восточной Украины—всей южной части огромнаго Кіевскаго воеводства.

Одновременно съ этимъ небывалымъ доселѣ развитіемъ силъ козачества, его славы и значенія, развивалась его организація и расширялась программа. Первыя козацкія движенія конца XVI в. имѣютъ еще очень хаотическій характеръ: въ немъ трудно видѣть что либо большее, кромѣ оппозиціи шляхетскимъ польскимъ порядкамъ и стихійной экстенсивной силы. Проблески болѣе опредѣленной политической программы, вродѣ упомянутыхъ выше плановъ, приписывавшихся Косинскому, трудно считать общимъ мѣриломъ. Болѣе сознательное идейное содержаніе, хотя нѣсколько иное и даже болѣе узкое сравнительно съ тѣми зародышами соціальной программы, которые мы видимъ въ первыхъ козацкихъ движеніяхъ и которые въ такой же зародышовой формѣ остаются и въ дальнѣйшемъ,—козачество получаетъ въ связи съ союзомъ съ духовенствомъ и вообще украинской интеллигенціею. Этотъ союзъ, заключенный во имя общихъ религіозныхъ и національныхъ интересовъ, причемъ на первомъ планѣ фигурировала именно религія, прикрывая національныя стремленія и интересы,—получаетъ свое полное осуществленіе какъ разъ въ этомъ періодѣ козацкой силы и славы, во второмъ и третьемъ десятилѣтіяхъ XVII в.



Первый Спудей.

Естъ для чого гойныи слезы выливати:
Сердцы, усты, и шатми жа(л) свои отвѣчати
Бо ото смерть горкая, невчесне порвала
Славного Рыцера, котрого похвала.

Гетманъ Сагайдачный (страница изъ той же книги).

Уже въ движеніи Наливайка видѣли извѣстную связь съ оппозиціею

православныхъ противъ уніи, но эта связь очень слаба и сомнительна, хотя противники и прозывали послѣ этого православныхъ „Наливайками“. Болѣе краснорѣчивый эпизодъ, съ опредѣленно выраженнымъ характеромъ сохранили намъ источники изъ болѣе поздняго времени: въ 1610 г. тогдашній козацкій гетманъ Тискиневичъ, очевидно, подъ вліяніемъ сообщеній изъ кіевскихъ православныхъ круговъ, прислалъ письмо кіевской администраціи съ предостереженіемъ, что если уполномоченный уніатскаго митрополита будетъ препятствовать православнымъ въ свободномъ отправленіи богослуженія, то онъ на такой случай уже далъ приказъ козакамъ убить его „яко пса“. Исторія эта окончилась тѣмъ, что упомянутаго уніатскаго администратора козаки позже дѣйствительно утопили въ Днѣпрѣ; для насъ же интересна, такъ сказать, программная сторона этой первой козацкой деклараціи. Козаки заявляютъ, что они вмѣстѣ съ представителями украинскаго дворянства и всѣмъ народомъ будутъ непоколебимо стоять при старинной своей православной вѣрѣ и защищать ее и ея духовныхъ представителей не щадя своей жизни. Съ своей стороны представители украинской интеллигенціи объявляютъ козаковъ непосредственными преемниками традицій старой кіевской культуры и государственности—„племенемъ стараго народа Русскаго“, наполнявшаго восточный миръ своею славою во время Олега и Владиміра и создавшаго православную русскую церковь и культуру—естественными, традиціонными покровителями церкви и ея интересовъ.

Благодаря заступничеству всесильнаго въ восточной украинѣ козачества, кіевскіе православные отстояли себя, такъ что уніатскій митрополитъ кіевскій Потій не рѣшался даже показываться здѣсь. Во второмъ десятилѣтіи XVII в. въ Кіевѣ, какъ мы видѣли, организовался подъ покровомъ козачества новый центръ религіозно національной и просвѣтительной дѣятельности, а въ 1620 г. кіевское духовенство и тогдашній гетманъ Петръ Сагайдачный воспользовались проѣздомъ изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, чтобы возстановить православную іерархію. Сагайдачный сдѣлался вершителемъ ея судебъ и умѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ въ ея интересахъ. Такъ какъ польское правительство и безъ того очень подозрительно относилось къ Ѳеофану, подозрѣвая въ его путешествіи политическіе планы, то Сагайдачный взялъ его подъ свою спеціальную охрану, и затѣмъ подъ такою же усиленною охраною, съ разными предосторожностями, осенью этого года были посвящены патріархомъ митрополитъ и нѣсколько епископовъ. Такое самовольное, безъ разрѣшенія правительства, возстановленіе православной іерархіи было шагомъ очень смѣлымъ, даже и при покровительствѣ козаковъ. Но обстоятельства благопріятствовали ему: Польша въ этотъ моментъ нуждалась въ козакахъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и, разъ они сдѣлали изъ возстановленія православной іерархіи свое дѣло, правительство, предпринимая различныя репрессіи противъ возстановленной іерархіи въ другихъ областяхъ, не рѣшилось наложить руку на главные очаги новаго движенія, находившіеся подъ охраною козачества.

По отношенію къ послѣднему польское правительство считало нужнымъ быть особенно сдержаннымъ, потому что какъ разъ въ это время Турція, послѣ неоднократныхъ угрозъ, двинула наконецъ свои войска противъ Польши. Козаки или вовсе не приняли участія въ войнѣ, или если и приняли, то очень слабое: среди нихъ въ это время одержала побѣду партія крайнихъ, рѣшительно враждебная польскому правительству; Сагайдачный, вождь умѣренныхъ, устранился отъ дѣлъ и тоже не принялъ участія въ кампаніи. Жолкевскій, выступившій навстрѣчу Туркамъ со своимъ малочисленнымъ войскомъ, былъ разбитъ подъ Цецорой и самъ палъ въ битвѣ. Ожидали новаго, еще болѣе грознаго похода Ту-

рокъ на слѣдующій годъ; Польша была въ страшной паникѣ, и единственная надежда была на козаковъ. Кіевскіе круги надѣялись заставить правительство, за цѣну участія козацкаго войска въ турецкой кампаніи, признать новопоставленную православную іерархію. Сагайдачный и его партія старались удержать козацкое войско отъ участія въ кампаніи, пока требованія православныхъ не будутъ исполнены правительствомъ. Самъ Сагайдачный отправился къ королю, чтобы предложить ему требованія православныхъ. Однако козацкое войско, не ожидая благопріятнаго рѣшенія вопроса, уже двинулось на театръ войны. Сагайдачный былъ принужденъ удовольствоваться довольно общими обѣщаніями короля и рѣшилъ сдѣлать какъ можно больше въ предстоящей кампаніи, чтобы тѣмъ болѣе обязать правительство по отношенію къ козачеству и его требованіямъ.

До насъ вообще дошло мало подробностей объ этой выдающейся личности, оставившей такой замѣтный слѣдъ въ исторіи козачества. По происхожденію украинскій шляхтичъ изъ Галиціи, изъ-подъ Самбора, онъ является ближайшимъ сподвижникомъ галицкихъ представителей религіозно-національнаго движенія, перенесшихъ въ это время свою дѣятельность въ Кіевъ и подъ покровительствомъ гетмана-земляка создавшихъ новый центръ его въ Кіевѣ. Самъ воспитанникъ острожской школы, Сагайдачный вполнѣ искренно и глубоко сочувствовалъ и раздѣлялъ стремленія и планы своихъ земляковъ Галичанъ—какъ Плетенецкій, Борецкій, Копыстенскій и др., вводившихъ это движеніе въ новый фазисъ и заключавшихъ тѣсный союзъ съ козачествомъ для огражденія церковныхъ и національныхъ интересовъ украинскаго народа. Къ сожалѣнію вся предшествующая дѣятельность Сагайдачнаго погибла для насъ. Въ нашихъ источникахъ онъ упоминается очень поздно—уже въ качествѣ козацкаго гетмана, предводителя въ смѣломъ морскомъ походѣ 1616 г. на Кафу. Искусный и отважный полководецъ, онъ одновременно обнаруживаетъ большіе таланты политика и администратора. Очевидно, въ значительной степени благодаря его вліянію, все второе десятилѣтіе первой четверти XVII в., бывшее временемъ наибольшаго развитія козацкихъ силъ и значенія, проходитъ безъ всякихъ серьезныхъ конфликтовъ съ правительствомъ. Будучи представителемъ умѣренной козацкой партіи, старавшейся избѣгать конфликтовъ съ правительствомъ, Сагайдачный цѣною обѣщаній и внѣшнихъ уступокъ успѣшно охранялъ козацкія пріобрѣтенія отъ правительственныхъ репрессій. Онъ успѣшно лавировалъ между неисполнимыми желаніями правительства—съ одной стороны, и требованіями крайней козацкой партіи—съ другой, стараясь дать исходъ энергіи козацкой вольницы внѣ конфликтовъ съ правительствомъ. Правда, обстоятельства ему благопріятствовали, такъ какъ Польша въ это время очень нуждалась въ козакахъ, но нужно было много умѣнія, чтобы использовать эти обстоятельства. Включеніе въ козацкую программу религіозно-національнаго вопроса было, несомнѣнно, въ значительной степени дѣломъ Сагайдачнаго и это обнаруживаетъ въ немъ патріота съ довольно широкимъ кругозоромъ. Роль, какую онъ сыгралъ въ турецкой войнѣ 1621 г., дала ему возможность закрѣпить успѣхи своей политики даже для послѣдующихъ годовъ, и они пережили его смерть, хотя и не надолго.

Въ войнѣ 1621 г., такъ называемой Хотинской кампаніи, козаки подъ предводительствомъ Сагайдачнаго сыграли главную роль. Его партія устранила вождя крайнихъ — Бородавку и объединила въ рукахъ Сагайдачнаго всѣ силы козачества. Козацкое войско оказывало чудеса храбрости въ битвахъ, и успѣшное окончаніе этой кампаніи въ Польшѣ открыто признавали заслугою козаковъ. Сагайдачнаго считали спасителемъ Польши отъ страшной опасности, грозившей ей отъ Турокъ. Но онъ только нѣ-

сколькими мѣсяцами пережилъ этотъ тріумфъ, скончавшись отъ раны, полученной во время этой войны.

При Сагайдачномъ сила и значеніе козачества въ Польскомъ государствѣ, въ рамкахъ его государственной системы, достигли своего апогея. Преемники власти и политики Сагайдачнаго оказались однако въ трудномъ положеніи. Хотинская побѣда освободила Польшу отъ страха турецкаго нашествія; козаки болѣе не нужны были правительству. Походы же ихъ на турецкія и татарскія земли продолжались по-прежнему, и, когда въ польскихъ кругахъ изгладились первыя впечатлѣнія признательности за хотинскую услугу, выдвинулся снова вопросъ объ обузданіи украинскаго своеволія для поддержанія добрыхъ отношеній съ Турціей и успокоенія украинской шляхты, жестоко терпѣвшей отъ усиленія козачества. Религіозный вопросъ оставался неразрѣшеннымъ, правительство рѣшительно уклонялось отъ удовлетворенія требованій православныхъ, а вмѣшательства козаковъ въ религіозную борьбу вызывали сильное раздраженіе въ правительственныхъ сферахъ. Въ началѣ 1625 г. козаки произвели въ Кіевѣ возстаніе, во время котораго были убиты кіевскій войтъ Ходыка, осмѣлившійся поддерживать унію, и уніатскій священникъ Юзефовичъ; послѣ недавняго убійства въ Полоцкѣ уніатскаго архіепископа Кунцевича этотъ инцидентъ вызвалъ тѣмъ большее раздраженіе. Съ другой стороны большую тревогу въ польскихъ правительственныхъ кругахъ вызвали политическіе замыслы козачества, неожиданно принявшіе чрезвычайно широкіе размѣры. Козаки заключаютъ тѣсный союзъ съ крымскимъ ханомъ Махметомъ и его братомъ Шагиномъ, возставшими противъ своего турецкаго сюзерена, затѣмъ среди нихъ появляется претендентъ на султанскій тронъ Александръ Яхія, съ планами христіанскаго союза противъ Турціи и организаціи возстанія среди христіанскаго населенія Балканскихъ земель. Пользуясь этимъ случаемъ, кіевскіе православные круги и предводители козачества входятъ въ сношенія съ московскимъ правительствомъ, чтобы побудить его къ дѣятельномму вмѣшательству въ польско-украинскія отношенія; послы православнаго духовенства заводятъ рѣчь о принятіи Украины Москвою въ свою протекцію и вооруженномъ вмѣшательствѣ ея въ грозившій Украинѣ конфликтъ козацкаго войска съ польскимъ правительствомъ. Темные слухи о сношеніяхъ козачества съ Москвою и Крымомъ временъ Косинскаго такимъ образомъ получали теперь вполнѣ конкретную планомѣрную форму.

Все это чрезвычайно встревожило польское правительство. Козакамъ предъявленъ былъ ультиматумъ: прекратить набѣги на сосѣднія государства и исключить изъ своей среды всѣхъ не вписанныхъ въ реестръ. Но это вызвало только взрывъ негодованія въ козацкихъ кругахъ. Снова верхъ взяла партія крайнихъ; гетманомъ былъ выбранъ одинъ изъ ея представителей—Жмайло. Вмѣсто обѣщаній покорности, козаки заявили, что ихъ вовсе не обязываютъ трактаты Польши съ Турціею и начали готовиться къ войнѣ. Тогда правительство поручило кор. гетману Конецпольскому двинуть противъ нихъ войска, и осенью 1625 г., задаривъ Гиреевъ и обезпечивъ ихъ нейтральность, онъ дѣйствительно открылъ походъ на козаковъ.

Кампанія 1625 г. служитъ типическимъ образчикомъ козацко-польскихъ войнъ. Козачество было тяжелою машиною. Чтобы стянуть разсѣянныхъ въ степяхъ на промыслахъ Низовцевъ, тѣмъ болѣе—чтобы мобилизировать земледѣльческое осѣдлое козачество, жившее въ государственныхъ и частныхъ имѣніяхъ на огромномъ пространствѣ юго-восточной Украины, нужно было много времени. Не успѣла еще мобилизироваться эта козацкая масса, какъ Конецпольскій быстрымъ походомъ, стягивая на пути силы, прошелъ правобережную Украину, остановивъ козацкую

мобилизацію и заставивъ мелкіе козацкіе отряды отступить на югъ, къ Запорожью, и, прежде чѣмъ Жмайло съ Низовцами „выгребся на волость“, онъ стоялъ уже подъ Черкасами. Жмайло поджидалъ козаковъ, отправившихся въ морской походъ, затѣмъ много времени потерялъ, добиваясь помощи отъ хана, согласно договору; но ханъ, получивъ большія суммы отъ Польши, измѣнилъ союзу. Козаки, собравшіеся около Черкасъ, старались переговорами протянуть время, и за это время Жмайло дѣйствительно подоспѣлъ съ Запорожья „съ арматою“ (артиллеріею). Конецпольскій предложилъ ему условія правительства: число козаковъ будетъ ограничено старыми постановленіями (1000—2000), остальные вернутся въ крестьянское или мѣщанское сословіе; старшій козацкій будетъ назначаться правительствомъ; войско прекратитъ на будущее время морскіе походы и сношенія съ иностранными правительствами и выдастъ ихъ участниковъ. Козаки отказались принять эти условія, дѣйствительно неосуществимыя: козаковъ считалось до 50,000, и какой-нибудь двухтысячный реестръ въ виду этого былъ просто ироніею. Начались военныя дѣйствія.

Первая битва, около Крылова, очень упорная, окончилась нерѣшительно; козаки отступили и около Курукова озера (у теп. Крюкова) расположились хорошо устроеннымъ укрѣпленнымъ лагеремъ. Конецпольскій предпринялъ рядъ штурмовъ козацкаго лагеря, но козаки защищались очень упорно, и Поляки были отбиваемы съ большими потерями. Положеніе Поляковъ становилось очень рискованнымъ, и Конецпольскій возобновилъ переговоры. Подъ вліяніемъ понесенныхъ потерь и среди козаковъ тоже одержали верхъ умѣренные элементы, стремившіеся возстановить добрыя отношенія съ польскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что перспектива близкой войны Польши со Швеціей подавала надежду, что въ дѣйствительности требованія польскаго правительства не будутъ строго осуществляться. Послѣ обоюдныхъ торговъ и уступокъ, козаки согласились на шеститысячный реестръ и дали обѣщаніе не производить походовъ на сосѣднія государства. „Старшимъ“ правительство утвердило предложеннаго ему вождя умѣренной партіи, уже раньше занимавшаго этотъ постъ—Михайла Дорошенка, человѣка, несомнѣнно способнаго, талантливаго администратора и полководца.

Предъ лицемъ расквартированнаго на Украинѣ польскаго войска, отъ котораго всѣмъ было желательно избавиться какъ можно скорѣе, составленіе реестра прошло безъ сколько нибудь серьезныхъ осложненій. Эта реформа, грозная сама по себѣ, изъ десятковъ тысячъ козачества при козацкихъ правахъ оставлявшая только шесть тысячъ вписанныхъ въ реестръ, а остальныхъ обращавшая въ „послушныхъ подданныхъ“ своихъ помѣщиковъ и старостъ, въ дѣйствительности, несомнѣнно, не была проведена сколько нибудь строго, и затѣмъ массу „выписчиковъ“, т. е. исключенныхъ изъ реестра казаковъ, взяло на службу для шведской войны само правительство, уничтоживъ такимъ образомъ собственными руками результаты кампаніи 1625 г. Съ другой стороны, Дорошенку удавалось удержать козаковъ отъ морскихъ походовъ, благодаря тому, что исходъ ихъ воинственной энергіи дали вновь обострившіяся крымскія междоусобія: борьба Махметъ и Шагинъ-гирея съ турецкимъ правительствомъ и его ставленниками. Участіе козаковъ въ этой крымской усобицѣ не было противно планамъ польскаго правительства и не грозило конфликтомъ съ послѣднимъ: польское правительство, не рѣшаясь открыто вмѣшаться въ эту усобицу, находило желательнымъ поддерживать непокорныхъ Турціи Гиреевъ.

Но въ крымскомъ походѣ 1628 г. Дорошенко былъ убитъ. Его преемникъ, Грицько Саввичъ Чорный, не обладалъ, очевидно, тактомъ и спо-

собностями Дорошенка и не умѣлъ держать въ повиновеніи выписчиковъ, несмотря на благопріятныя условія, созданныя вмѣшательствомъ польскаго правительства въ крымскія дѣла. Если Дорошенко, будучи гетманомъ по назначенію, тѣмъ не менѣе былъ представителемъ національныхъ интересовъ, какъ показываютъ его петиціи въ интересахъ православія, и пользовался большимъ авторитетомъ среди козачества и украинскаго общества вообще, то въ Чорномъ видѣли лишь правительственную креатуру. Крайніе элементы скоро усилились на Запорожьѣ настолько, что Чорный вынужденъ былъ выйти оттуда „на волость", а на Низу появлются самовольно выбранные выписчиками гетманы, не признающіе Чорнаго. Въ ихъ сторону обращаются симпатіи украинскаго населенія и интеллигенціи: не къ Чорному, а на Запорожье обращается православный митрополитъ за содѣйствіемъ противъ новыхъ мѣръ правительства, предпринятыхъ въ интересахъ уніи.

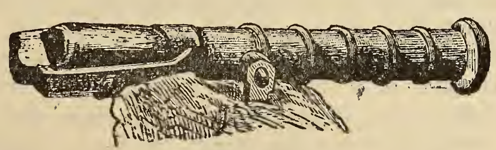
Казаки на современной гравюрѣ 1625 г.

Крайняя партія—запорожскіе „выписчикики"—разрываетъ съ лояльною политикою Дорошенка, предпринявъ большой морской походъ на малоазіатское побережье и возобновивъ самостоятельныя политическія сношенія. Положеніе достигаетъ еще большаго напряженія, когда съ окончаніемъ шведской войны правительство возвращаетъ на Украину навербованные козацкіе полки и одновременно—гетмана Конецпольскаго съ польскимъ войскомъ. Конецпольскій, раздраженный нарушеніемъ куруковскихъ статей, горѣлъ желаніемъ залить кровью козацкія своеволія. Подъ его вліяніемъ или опираясь на его помощь, Чорный дѣлаетъ попытку подавить противную партію, но этимъ только ускоряетъ развязку. Низовцы подъ предводительствомъ своего гетмана Тараса Федоровича весною 1630 г. вступаютъ въ предѣлы Кіевскаго воеводства. Чорный, прибывшій къ нимъ по ихъ приглашенію, былъ ими убитъ; большинство подчиненныхъ ему козаковъ присоединилось къ Низовцамъ. Въ народѣ распространялись грамоты Тараса, приглашавшія населеніе возставать противъ правительства и присоединяться къ козакамъ. Польскія войска, отказавшіяся по требованію Тараса выйти изъ своихъ квартиръ, подвергались избіеніямъ со стороны возставшихъ козаковъ и крестьянъ.

Возстаніе захватило Конецпольскаго врасплохъ, почти безъ войска Онъ однако поспѣшилъ противъ козаковъ, собирая по пути шляхетскія ополченія. При его приближеніи козаки изъ-подъ Кіева отступили за Днѣпръ и расположились лагеремъ около Переяславля. Повторилась кампанія, напоминавшая событія 1625 г., но гораздо болѣе благопріятная козачеству, такъ какъ послѣднее на этотъ разъ не было захвачено врасплохъ. Польское войско дѣлало усилія взять козацкій таборъ, но это ему не удалось. Понесши огромныя потери, Конецпольскій принужденъ былъ начать переговоры: положеніе его было тѣмъ затруднительнѣе, что возстаніе отрѣзало ему сообщеніе съ западными провинціями. Но и среди козацкаго войска, очевидно; наступило раздвоеніе — умѣренные элементы начали опять поднимать голосъ. Въ концѣ-концовъ козаки согласились принять условія Куруковскаго трактата 1625 г., взамѣнъ чего Конецпольскій долженъ былъ признать полную амнистію для всѣхъ участниковъ возстанія. Молчаливымъ соглашеніемъ было установлено, что въ фактическія отношенія козаковъ и Украины Конецпольскій не будетъ вмѣшиваться. Выписчики обѣщали разойтись по домамъ. Официальнымъ гетманомъ былъ назначенъ нѣкій Орендаренко.

Такимъ образомъ, если козакамъ и не удалось добиться юридическаго расширенія козацкихъ привилегій, къ которымъ стремился Тарасъ, требуя отмѣны куруковскихъ ограниченій, то фактически они удержали свои позиціи. Нѣкоторыя формальныя уступки также были ими достигнуты, что, можетъ быть, было отвѣтомъ на петицію козаковъ правительству. Реестръ былъ увеличенъ до 8.000, что представляло, впрочемъ, цѣну лишь въ смыслѣ прибавки жалованья, такъ какъ фактическаго значенія реестръ не получилъ; обѣщано было удовлетвореніе „какъ относительно ихъ правъ, такъ и въ вопросѣ религіи“.

Война съ Москвою, затѣмъ со Швеціей заставляла польское правительство дорожить козаками: выписчики были призваны на службу и всѣ куруковскія ограниченія остались въ забвеніи. Но болѣе дальновидные въ политическомъ отношеніи представители козачества не удовлетворяются уже этой фактической свободой отъ правительственныхъ ограниченій, а стремятся легализировать ее и доставить козачеству вліяніе на государственную жизнь Польши. Эту программу особенно ясно видимъ у тогдашняго гетмана Петражицкаго-Кулаги (1631 — 2). Во время безкоролевья по смерти Сигизмунда III (1632) козаки выступаютъ съ требованіемъ допущенія ихъ къ участію въ выборѣ короля и съ своей стороны заявляютъ сыну Сигизмунда Владиславу о своей готовности поддерживать его кандидатуру даже вооруженною силою. При этомъ они выступаютъ не какъ репрезентанты только своихъ сословныхъ интересовъ, а какъ представители украинскаго народа: въ петиціяхъ, присланныхъ на избирательный сеймъ 1632 г., они на первомъ мѣстѣ ставятъ требованія, чтобы „народъ нашъ русскій пользовался принадлежащими ему правами и привилегіями“, а православное духовенство нигдѣ не подвергалось ограниченіямъ въ свободномъ отправленіи своихъ функцій и пользованіи церковными имуществами и не терпѣло притѣсненій отъ уніатовъ. Для себя козаки ходатайствовали только о прибавкѣ жалованья и обезпеченіи правъ козаковъ, проживающихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: нужно сказать, что эти столкновенія козачьихъ „вольностей“ съ помѣщичьими правами составляли одинъ изъ наиболѣе щекотливыхъ пунктовъ въ общественныхъ отношеніяхъ юго-восточной Украины: помѣщики никакъ не


Козацкая пушкв.

хотѣли отречься вполнѣ отъ своихъ правъ по отношенію къ „покозачившимся“ подданнымъ, и вопросъ этотъ постоянно всплывалъ при опредѣленіи козачьихъ отношеній.

Эти козацкія петиціи, поддержанныя вдобавокъ вооруженными манифестаціями, не остались вполнѣ безплодными. Несомнѣнно, онѣ сильно повліяли на благопріятное рѣшеніе вопроса о православной іерархіи, какъ онъ былъ поставленъ въ такъ называемыхъ „пунктахъ успокоенія русскаго народа“, выработанныхъ сеймовою комиссіею. Главными борцами по этому вопросу выступили украинскіе парламентаристы посольской палаты: волынскіе, браславскіе и кіевскіе депутаты, давно уже, въ виду непреклонности въ религіозныхъ вопросахъ кор. Сигизмунда, поставившіе своею задачею, добиться улучшенія религіозныхъ и національныхъ отношеній въ моментъ безкоролевья. Украинская шляхта, уже сильно разрѣженная массовымъ отпаденіемъ своихъ сочленовъ отъ вѣры и народности своихъ предковъ. напрягла всѣ свои силы и дѣйствительно съ чрезвычайною энергіей и самоотверженіемъ выступила съ своими требованіями, главнымъ образомъ въ вопросѣ о признаніи православной іерархіи и правъ православныхъ. Владиславъ, носившійся съ планами войны съ Москвою и обезпокоенный извѣстіями объ агитаціи въ пользу Москвы, которую вели среди козаковъ представители кіевскихъ духовныхъ круговъ, съ своей стороны энергически поддерживалъ требованія православныхъ и несмотря на упорное сопротивленіе клерикально настроеннаго сената провелъ помянутые „пункты“. Этими пунктами, подтвержденными присягой новоизбраннаго короля, офиціально признавалась рядомъ съ уніатскою возстановленная православная іерархія и православная церковь, свободное исповѣданіе православія и т. д.

Миръ однако не былъ продолжителенъ. Крайніе элементы среди козачества были такъ сильны, что съ ними трудно было совладать. Кулага-Петражицкій, напр., навлекъ на себя упреки въ излишней уступчивости правительству, хотя въ дѣйствительности это обвиненіе не имѣло за собой никакихъ данныхъ. Онъ былъ смѣненъ, а потомъ и убитъ; главной причиной неудовольствій были его усилія удержать козаковъ отъ морскихъ походовъ, которые предпринимались Низовцами и грозили испортить отношенія къ правительству и воспрепятствовать осуществленію лойяльной программы умѣренныхъ. На ряду съ этимъ имѣла также рѣшительное значеніе и агитація со стороны кіевскихъ духовныхъ круговъ, непримиримо настроенныхъ по отношенію къ правительству и враждебныхъ всякому оппортунизму. Офиціальное признаніе православной іерархіи и назначеніе новыхъ епископовъ (между прочимъ Петра Могилы, смѣнившаго представителя непримиримыхъ, Исаію Копинскаго), положили конецъ этой агитаціи и улучшили положеніе представителей умѣренной политики. Послѣднимъ удалось еще продержаться нѣсколько лѣтъ, хотя положеніе ихъ становилось все болѣе затруднительнымъ. Набѣги козаковъ на турецкія земли вызывали рядъ новыхъ сеймовыхъ постановленій противъ нихъ; между прочимъ, рѣшено было построить крѣпость на Днѣпрѣ, чтобы воспрепятствовать походамъ козаковъ на море. Подобные планы возникали и раньше, но на этотъ разъ такая крѣпость была дѣйствительно построена, у перваго порога и, названа Кодакомъ. Помѣщенный здѣсь гарнизонъ не замедлилъ дать себя почувствовать козакамъ разными притѣсненіями и придирками. Все это вызвало сильнѣйшее раздраженіе среди козаковъ.

Разсчитывая на шведскую войну, начинавшуюся тогда на балтійскомъ побережьи и потребовавшую сейчасъ же и козацкихъ контингентовъ (польское правительство разсчитывало воспользоваться козаками на морѣ, за полнымъ отсутствіемъ флота у Польши и козацкія чайки дѣйствительно произвели здѣсь большой эффектъ)—козаки рѣшили

воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы отдѣлаться отъ ненавистнаго надзора. Козацкое войско, подъ предводительствомъ героя морскихъ походовъ, Сулимы, неожиданнымъ нападеніемъ захватило Кодакъ, разорило, а гарнизонъ избило.

Козаки надѣялись, что правительство, нуждаясь въ козацкомъ войскѣ, не будетъ очень строго къ такому своевольству. Но сеймъ, весьма неблагопріятно относившійся къ военнымъ планамъ Владислава и пресѣкавшій одну за другою всѣ войны, какія онъ начиналъ, успѣлъ въ самомъ началѣ прекратить и шведскую войну. Представители польскаго правительства, поддерживавшіе сношенія съ козацкимъ войскомъ — въ особенности Лука Жолкевскій (братъ гетмана) въ качествѣ переяславскаго старосты игравшій роль главнаго комиссара по козацкимъ дѣламъ, начали стращать козаковъ новымъ походомъ Конецпольскаго, съ другой стороны пустили въ ходъ подкупы среди козацкой старшины, и достигли того, что послѣдняя не допустила возстанія. Реестровые удержали Низовцевъ и выдали предводителей кодацкаго погрома—Сулиму и другихъ; они были отосланы въ Варшаву и казнены.

Эта некорректность однако только усилила недовольство противъ представителей умѣренной политики. Броженіе все усиливалось и охватывало все болѣе широкіе круги. Съ окончаніемъ московекой и шведской кампаній козаки отпущены были по домамъ, на Украину, а наемныя польскія войска расположились въ юго-восточной Украинѣ на квартиры. Такіе моменты вообще содѣйствовали скопленію горючаго матеріала: расквартированіе польскихъ войскъ приводило къ утѣсненію украинскаго населенія и вызывало среди него крайнее озлобленіе, переходившее очень часто въ ссоры, схватки и стычки. Козаки были раздражены тѣмъ, что за цѣлый рядъ лѣтъ имъ не было выплачено жалованье; притомъ возвращеніе по домамъ большого числа козаковъ придало новую остроту вопросу о козацкой осѣдлости, отношеніяхъ къ помѣщикамъ, старостамъ и пр. Походъ въ Крымъ, организованный однимъ изъ участниковъ похода Сулимы Павлюкомъ (полное имя его было Павло Бутъ, но онъ извѣстенъ подъ этимъ уменьшительнымъ именемъ), нѣсколько ослабилъ напряженіе: вмѣшательства въ крымскія смуты не были противны политикѣ правительства, а между тѣмъ отвлекали вниманіе козаковъ. Умѣренные, во главѣ которыхъ стоялъ гетманъ Томиленко, между тѣмъ старались петиціями склонить правительство къ удовлетворенію козацкихъ претензій и жалобъ. Но послѣднее совсѣмъ не кстати стало неуступчивымъ: уменьшило жалованье, не согласилось удовлетворить просьбы козаковъ относительно нѣкоторыхъ правъ ихъ—между прочимъ злобою дня было воспрещеніе помѣщиками козакамъ свободнаго винокуренія для собственнаго потребленія.

Когда Павлюкъ, вернувшись изъ крымскаго похода весною 1637 г., началъ агитацію въ духѣ крайней оппозиціи, это направленіе начало одерживать верхъ. Козацкую „армату“ сторонники Павлюка насильно забрали изъ Черкасъ и перевезли въ Запорожье, гдѣ начало организовываться движеніе противъ правительства. Правительственная партія ускорила развязку, смѣнивъ Томиленка, подозрѣваемаго въ сочувствіи Павлюку, и выбравъ новаго гетмана Кононовича. Отвѣтомъ была прокламація Павлюка, объявлявшая Кононовича и его сторонниковъ измѣнниками и приказывавшая арестовать ихъ. Кононовичъ со всею старшиною были арестованы и приведены въ лагерь Павлюка; нѣкоторыхъ изъ нихъ козаки казнили, прочихъ подвергли другимъ наказаніямъ. Отряды Павлюковыхъ козаковъ, разсѣявшись по юго-восточной Украинѣ, принялись разорять панскія имѣнія, возбуждая населеніе къ возстанію. Были распространены воззванія, приглашавшія всѣхъ исповѣдующихъ „благоче-

стивую“ (т. е. православную) вѣру къ возстанію противъ Поляковъ, замышляющихъ уничтожить козаковъ и обратить всѣхъ въ своихъ невольниковъ. Вездѣ формировались отряды возставшихъ, такъ что шляхта принуждена была спасаться бѣгствомъ.

Ея жалобы понудили правительство обратиться къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Польный гетманъ Потоцкій получилъ приказъ отправиться для усмиренія возставшихъ. Ему удалось пройти до Днѣпра раньше, чѣмъ изъ Запорожья прибылъ съ Низовцами и арматою Павлюкъ, который за это время старался привлечь на свою сторону Крымъ и упустилъ моментъ, когда могъ овладѣть территоріею Кіевскаго воеводства. Часть реестровыхъ присоединилась къ войску Потоцкаго; среди самихъ возставшихъ не было единства плана и рѣшимости продолжать борьбу во что бы то ни стало. Перейдя р. Рось у Днѣпра, Потоцкій встрѣтилъ Павлюка у с. Кумеекъ, и здѣсь 6 (16) декабря произошла битва. Козаки ударили на Поляковъ, окруживъ себя подвижною стѣною возовъ (такъ наз. таборомъ); но ихъ нападеніе было отбито, и Поляки перешли сами въ наступленіе. Козаки начали отступать; польское войско пошло по ихъ слѣдамъ. Заставъ въ Мошнахъ оставленныхъ козаками раненыхъ и отставшихъ и перебивъ ихъ, оно настигло около Боровицы войско Павлюка. Понесенныя козаками значительныя потери подорвали энергію въ козацкомъ войскѣ. По словамъ польскаго дневника похода, козаки выслали депутацію къ Потоцкому съ просьбой о мирѣ, затѣмъ по его требованію выдали Павлюка и Томиленка, обѣщали сжечь чайки и выгнать изъ Запорожья своевольную „чернь“. На этихъ условіяхъ состоялся миръ. Польскіе комиссары составили реестръ; Потоцкій, чиня жестокія экзекуціи надъ возставшими — казня и сажая на колъ, прошелъ по Украинѣ, и для поддержанія спокойствія расположилъ свое войско на зимнія квартиры.

Но изъ Запорожья козаковъ выбить не удалось; туда укрылись разсѣянные отряды, и тамъ производились дѣятельныя приготовленія къ новой войнѣ. Гетманомъ выбрали Острянина. Съ наступленіемъ весны (1638 г.) онъ двинулся изъ Запорожья и на этотъ разъ перенесъ театръ возстанія на лѣвый берегъ Днѣпра. Обойдя польское войско, старавшееся преградить ему дорогу, Острянинъ прошелъ до впаденія Голтвы въ Псіолъ и устроилъ здѣсь свой лагерь на черезвычайно удобной позиціи. Поляки предприняли нѣсколько попытокъ атаковать его, но въ концѣ концовъ вынуждены были отступить съ огромными потерями. Увлеченный успѣхомъ, Острянинъ пошелъ по ихъ слѣдамъ, надѣясь во время похода соединиться съ отрядами козаковъ, подходившихъ ему на помощь. Но здѣсь его постигла неудача: Поляки перехватывали и громили отряды, подходившіе на помощь Острянину, и самъ Острянинъ, вступившій въ битву подъ Лубнами, потерпѣлъ большой уронъ и началъ отступать на юго-западъ, къ Днѣпру. Послѣ новой неудачной битвы, онъ бѣжалъ изъ козацкаго войска, боясь въ случаѣ окончательной неудачи быть выданнымъ Полякамъ, и затѣмъ съ большимъ числомъ земляковъ эмигрировалъ за московскую границу, въ такъ наз. Слободскую Украину.

Козацкое войско не смутилось потерею вождя и не оставило позиціи. На мѣсто Острянина былъ выбранъ Дмитро Гуня. Онъ успѣлъ отступить къ Днѣпру и окопался здѣсь въ очень удобной позиціи. Это отступленіе и послѣдовавшая затѣмъ шестинедѣльная осада составляютъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ козацкихъ войнъ и завершили славу Гуни какъ замѣчательнаго вождя, прославившагося уже въ предшествовавшей войнѣ искуснымъ отступленіемъ изъ-подъ Кумеекъ. Козаки чрезвычайно стойко выдерживали кононаду, отбивали приступы и терпѣливо переносили недостатокъ припасовъ, надѣясь на подкрѣпленія и транспортъ, которые велъ изъ-за Днѣпра полковникъ Филоненко. Но Поляки перехватили въ

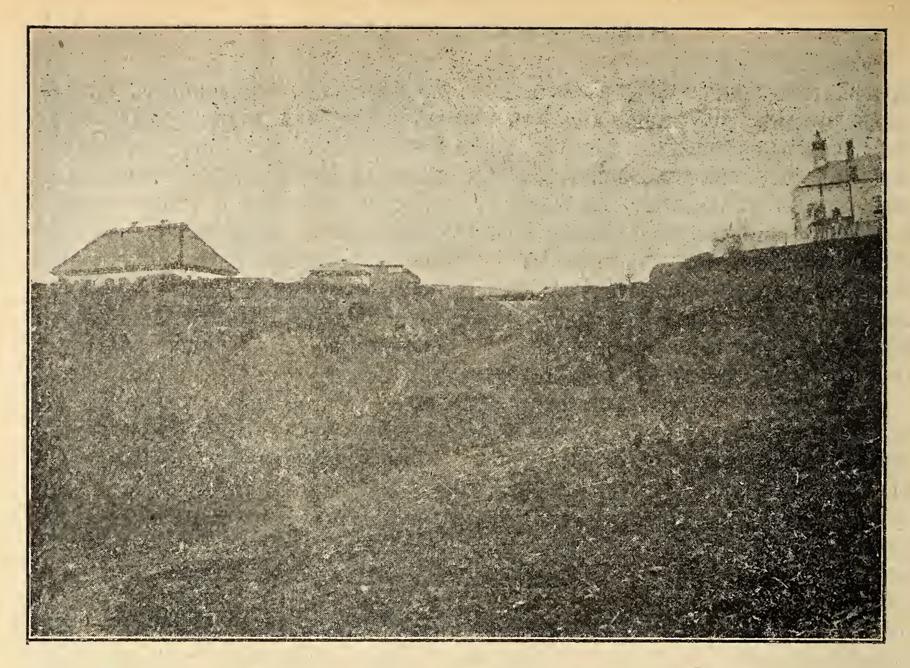
дорогѣ этотъ транспортъ, и Филоненко пробился къ осажденнымъ съ пустыми руками. Это рѣшило участь кампаніи. Козаки должны были принять тяжелыя условія, которыя поставилъ имъ сеймъ. Они надѣялись еще, что, быть можетъ, депутація ихъ, высланная къ королю, что нибудь измѣнитъ въ ихъ пользу, но надежда оказалась напрасною. Единственно, чего достигло козацкое войско своимъ упорнымъ сопротивленіемъ—это полной амнистіи для участниковъ возстанія (поскольку, впрочемъ, не перерѣзали ихъ въ предшествующихъ битвахъ польскіе солдаты, обнаружившіе въ этой войнѣ вообще крайнее ожесточеніе). Но въ общемъ положеніе козачества сравнительно съ предшествующимъ сильно ухудшилось вслѣдствіе этого неудачнаго возстанія.

Козаки потеряли свое самоуправленіе—всѣ высшія должности въ ихъ войскѣ стали замѣщаться по назначенію, и притомъ польскими шляхтичами, относившимися къ козачеству весьма недружелюбно. Было включено также немало постороннихъ козачеству элементовъ и въ реестръ, возвращенный къ старому шеститысячному составу. Козакамъ разрѣшено было жить только въ предѣлахъ старостствъ Черкасскаго, Корсунскаго и Чигиринскаго, и всѣ, не вошедшіе въ реестръ, были фактически исключены изъ козачьяго званія. Козачество такимъ образомъ было локализировано и поставлено подъ строгій контроль. Возобновленный Кодакъ преградилъ козакамъ дорогу на Запорожье: безъ паспортовъ отъ своего начальства козаки не должны были пропускаться въ степь и на Запорожье. Расквартированныя на Украинѣ польскія войска имѣли слѣдить за поддержаніемъ этого порядка и спокойствія.

Благодаря тому, что въ польской внѣшней политикѣ наступило довольно продолжительное затишье и ни войска, ни козаковъ правительству не требовалось, ему удалось въ первый разъ выдержать характеръ и поддержать новый порядокъ довольно долго—въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Король Владиславъ, мечтавшій объ организаціи европейской лиги противъ Турокъ, имѣлъ, правда, планы направить противъ Турціи козаковъ, чтобы впутать Польшу въ войну съ Турціею и принудить сеймъ, по прежнему враждебно относившійся къ воинственнымъ планамъ короля, къ ассигнованію кредита на войну. Онъ даже вошелъ по этому вопросу въ секретныя сношенія съ козаками: осенью 1646 г. козацкіе старшинъ, въ томъ числѣ Хмельницкій пріѣзжали по его приглашенію въ Варшаву, получили отъ него грамоту, разрѣшавшую имъ наборъ войска для морского похода и деньги на постройку лодокъ—изъ субсидіи, полученной королемъ для этой цѣли отъ венеціанскаго правительства. Но казацкая старшина была настолько терроризирована тогдашнимъ режимомъ, что не рѣшилась откликнуться на эти секретныя приглашенія короля, и послѣднія сыграли свою роль только впослѣдствіи, въ агитаціи Хмельницкаго, когда явились легенды о томъ, что король, выражая свое сочувствіе утѣсненному козачеству, совѣтовалъ Хмельницкому и его товарищамъ пустить въ дѣло свои сабли и оружіемъ отвоевать свои вольности отъ всевладнаго магнатства.

Однако всѣ указанныя репрессіи, несмотря на свою интенсивность, явились слишкомъ поздно. На Украинѣ скопилось столько горючаго матеріала, предшедствовавшія войны такъ расколыхали народныя массы, что нуженъ былъ только толчокъ, чтобы привести ихъ снова въ движеніе. И этотъ толчокъ былъ сдѣланъ въ 1648 г. человѣкомъ, съ именемъ котораго связано величайшее народное движеніе Украины, произведшее переворотъ въ ея жизни и въ политическихъ отношеніяхъ всей Восточной Европы. Это былъ чигринскій сотникъ Богданъ Хмельницкій.

Подробнѣе—Історія України т. VII, гл. 4 6 и 7 и т. VIII, гл. 1—5.



Мѣсто усадьбы Хмельницкаго въ Суботовѣ (такъ назыв. Великій Льохъ).

XVI. Хмельниччина

Украинскій мемуаристъ, такъ назыв, Самовидецъ, описавшій великое украинское народное движеніе XVII в. по личнымъ воспоминаніямъ и представляющій взгляды украинской буржуазіи, стоявшей въ сторонѣ отъ чисто-козацкихъ интересовъ, указываетъ слѣдующія причины возстанія: недовольство своимъ положеніемъ козаковъ выписчиковъ, обращенныхъ въ крѣпостныхъ крестьянъ и слугъ; гнетъ и несправедливости, испытываемыя реестровыми подъ управленіемъ польскихъ шляхтичей въ роли старшины; раздраженіе крестьянъ, „хотя и богато жившихъ", на „вымыслы" помѣщиковъ, старостъ и арендаторовъ-Евреевъ, и наконецъ— притѣсненіе православія и распространеніе уніи и католичества въ восточной Украинѣ послѣ подавленія козачества.

Указанія сдѣланы довольно полно и вѣрно, хотя сравнительное значеніе указанныхъ причинъ авторъ учесть при этомъ не старался. Главную массу участниковъ возстанія дало крестьянство, которое сильно возрасло численно въ юго-восточной Украинѣ (это было время наибольшаго развитія крестьянской колонизаціи въ Поднѣпровьи и Заднѣпровьи, наполнившей ихъ огромными слободами, гдѣ скоплялся наиболѣе свободолюбивый и энергичный элементъ, съ развитіемъ шляхетскихъ польскихъ порядковъ среди десятилѣтняго затишья на Украинѣ проникавшійся острымъ раздраженіемъ противъ польско-шляхетскаго господства: помѣщичье обложеніе. сравнительно съ западными и сѣверными областями, совершенно задавленными крѣпостнымъ ярмомъ, здѣсь, въ юго-восточной Украинѣ было очень невелико, но оно раздражало, какъ симптомъ ненавистнаго режима, отъ котораго спасались въ эти пустыни крестьяне эмигранты. Значительный матеріалъ доставила масса выписчиковъ, лишенныхъ козацкихъ правъ и особенно живо чувствовавшихъ на себѣ давленіе польскихъ порядковъ. Буйства и притѣсненія расквартирован-

ныхъ на Украинѣ польскихъ солдатъ создавали вѣчно новую и обильную пищу этому раздраженію. Религіозныя притѣсненія дали кличъ, объединившій въ борьбѣ противъ польскихъ порядковъ всѣхъ недовольныхъ ими, безъ различія сословныхъ и экономическихъ интересовъ, во имя интересовъ національныхъ [1]), а къ украинскимъ элементамъ примыкали и польскіе или ополяченные, обойденные новымъ режимомъ, водворявшимся на Украйнѣ—какъ напр., мелкая шляхта, не только украинская, но и польская по происхожденію, недовольная господствомъ магнатовъ, этихъ „королевять", захватившихъ въ свои руки восточную Украину—она сыграла потомъ большую роль въ возстаніи и въ позднѣйшихъ козацкихъ отношеніяхъ, въ большомъ числѣ присоединившись къ Хмельницкому. Толчокъ къ движенію вышелъ изъ среды реестроваго козачества, раздраженнаго притѣсненіями со стороны поляковъ-начальниковъ, установленныхъ ординаціею 1638 г., обращавшихся въ большинствѣ случаевъ съ козаками надменно, грубо и своекорыстно. Самовидецъ передаетъ позднѣйшую память о томъ, какъ эти шляхтичи-полковники утаивали козацкое жалованіе, присылавшееся изъ коронваго скарба употребляли козаковъ для своихъ домашнихъ надобностей, отбирали у нихъ добычу: „если козакъ приходилъ изъ степи, добывъ у Татаръ добраго коня, отнимали у него; изъ Запорожья черезъ дикія степи не жалѣли посылать бѣднаго козака съ соколомъ, ястребомъ, орломъ или хортомъ (гончею собакою) въ подарокъ кому-нибудь въ города—хотя бы пришлось ему и погибнуть отъ Татаръ; а если бы татарскаго плѣнника поймали козаки, то съ этимъ плѣнникомъ къ коронному гетману полковникъ посылаетъ своего жолнера, а козацкая храбрость остается въ неизвѣстности".

Типическимъ образцомъ этихъ притѣсненій, этого униженія козачества, было дѣло Богдана Хмельницкаго, заставившее его открыто выступить противъ водворившихся на Украинѣ порядковъ и, связавъ свою личную участь съ участью другихъ обиженныхъ этими порядками, искать отклика у всѣхъ угнетенныхъ польско-шляхетскимъ режимомъ.

Богданъ Хмельницкій происходилъ изъ мелко-помѣщичьей, считавшій себя шляхетскою чигринской семьи; онъ получилъ для своего времени довольно хорошее образованіе, издавна служилъ въ козацкомъ войскѣ и достигъ въ немъ выдающагося значенія. Послѣдующая дѣятельность обнаруживаетъ въ немъ опытнаго и искуснаго воина и человѣка вообще очень талантливаго, но импульсивнаго, порывистаго, безъ большой выдержки и настойчивости. Даровитый полководецъ, геніальный, можно сказать, администраторъ, искусный политикъ-дипломатъ, онъ не способенъ былъ къ созданію и послѣдовательному проведенію плановъ, далеко идущихъ въ даль будущаго, тѣмъ болѣе что и самъ онъ не возвышался надъ уровнемъ политическихъ и общественныхъ воззрѣній выростившей его среды. Его дѣятельность до возстанія извѣстна намъ очень мало. Въ моментъ ликвидаціи возстанія 1637 г. встрѣчаемъ его въ должности войсковаго писаря, т. е. правителя войсковой канцеляріи; при организаціи 1638 г., когда всѣ высшіе посты въ козацкомъ войскѣ были замѣщены Поляками, онъ получилъ должность чигринскаго сотника—одну изъ высшихъ должностей, какая была доступна для козаковъ въ нововведенныхъ порядкахъ, и въ 1646 г. въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ старшинъ онъ былъ вызванъ для секретныхъ переговоровъ въ Варшаву. Но, несмотря на заслуги и значеніе Хмельницкако, когда у него произо-

---

[1]) Даже о православныхъ епископахъ говорили, что они посылали военные запасы Хмельницкому во время возстанія; эти слухи даютъ понятіе объ общемъ убѣжденіи въ солидарности самыхъ различныхъ общественныхъ элементовъ на почвѣ религіозно-національныхъ украинскихъ интересовъ

шло столкновеніе съ администраціею чигринскаго староства, въ которомъ онъ проживалъ, ему пришлось подвергнуться цѣлому ряду тяжелыхъ обидъ и матеріальныхъ утратъ: у него было отобрано отцовское имѣніе, сынъ его забитъ на смерть плетьми при наѣздѣ на его домъ, устроенномъ его недругомъ подстаростою, самъ онъ былъ арестованъ и жизнь его подвергалась опасности. Въ концѣ концовъ, выпущенный изъ-

Современный гравированный портретъ Хмельницкаго (Вильг. Гондіуса изъ Данцига 1651 г.).

подъ ареста, онъ бѣжалъ на исходѣ 1647 г. въ запорожскія убѣжища и началъ возбуждать выписчиковъ и своевольныхъ козаковъ, скитавшихся здѣсь, къ возстанію противъ порядковъ, созданныхъ реформою 1638 г.

Его слова нашли на Запорожьѣ сочувственный откликъ—недовольство существующимъ порядкомъ было сильнымъ и всеобщимъ, а Хмельницкій, въ качествѣ участника секретныхъ переговоровъ съ королемъ, обнадеживалъ въ сочувствіи самого короля угнетенному козачеству. Созда-

вались легенды о томъ, что король, раздраженный самовластіемъ магнатовъ, лишившихъ его всякой инициативы, ищетъ помощи козачества для борьбы съ ними, желаетъ видѣть возстаніе въ интересахъ защиты православной вѣры и козацкихъ правъ и готовъ поддержать его съ своей стороны. Независимо отъ такой агитаціи среди недовольныхъ элементовъ Украины, Хмельницкій для успѣха возстанія старался заручиться, какъ и цѣлый рядъ его предшественниковъ, помощью Крыма, и ему дѣйствительно удалось то, что не удавалось его предшественникамъ. Обстоятельства сложились благопріятно для него: крымскій ханъ Исламъ-гирей былъ раздраженъ на Польшу за неаккуратную уплату „упоминковъ", въ Крыму только что прошла очень опасная смута, свирѣпствовалъ сильный голодъ, и Татарамъ непремѣнно нужна была война и добыча. Ханъ обѣщалъ Хмельницкому помощь и дѣйствительно исполнилъ обѣщаніе; правда, самъ онъ не захотѣлъ принять участія въ войнѣ, но поручилъ одному изъ сильнѣйшихъ мурзъ, Тугай-бею перекопскому, помогать Хмельницкому. Это была очень важная гарантія успѣха: благодаря помощи Татаръ, Хмельницкій успѣлъ удачно выдержать первыя столкновенія съ польскими войсками и овладѣть театромъ возстанія. Обѣщаніе же Татарами, помощи, несомнѣнно, съ самаго начала повліяло и на рѣшимость къ возстанію среди низового козачества, къ которому присоединился также гарнизонъ, расположенный на Запорожьѣ и состоявшій изъ реестровыхъ.

Между тѣмъ, вѣсти о приготовленіяхъ къ войнѣ вызвали сильнѣйшее броженіе на Украинѣ,—какъ ни была она, казалось, основательно придавлена. Шляхта требовала помощи отъ коронныхъ гетмановъ, призывала ихъ къ репрессіямъ противъ готовящагося возстанія. Король въ своихъ письмахъ совѣтовалъ гетманамъ не доводить до войны, пустить козаковъ „на море", чтобы ихъ энергія нашла исходъ въ походѣ на Турцію. Великій гетманъ Ник. Потоцкій принималъ мѣры предосторожности—отбиралъ оружіе у украинскаго населенія, мобилизировалъ польскія войска и реестровыхъ козаковъ и одновременно велъ переписку съ Хмельницкимъ, призывая его къ покорности. Вопреки ходившимъ позже анекдотамъ о самонадѣянности Потоцкаго, вообще не придававшаго, дескать, значенія возстанію,—онъ очень серьезно смотрѣлъ на дѣло, не раздѣляя оптимистическаго настроенія короля. Требованія, поставленныя Хмельницкимъ — отмѣна ординаціи 1638 г. и выводъ изъ Украины польскихъ войскъ, были имъ признаны невозможными, оскорбительными, и война была рѣшена.

Въ половинѣ апрѣля 1648 г. оба гетмана — великій (Потоцкій) и польный (Калиновскій) двинулись со всѣми силами на Хмельницкаго. Впередъ, чтобы преградить Хмельницкому путь на волость, жаждавшую возстанія, былъ посланъ сынъ Ник. Потоцкаго Стефанъ съ отрядомъ польскаго войска и реестровые козаки подъ предводительствомъ своего комиссара Шемберга; другой отрядъ козаковъ съ польскими войсками былъ посаженъ въ лодки и посланъ по Днѣпру. Но реестровые козаки не замедлили перейти на сторону Хмельницкаго, двинувшагося съ своей стороны навстрѣчу Потоцкому. Сначала возмутились они въ отрядѣ, плывшемъ по Днѣпру, у ур. Каменный затонъ, а затѣмъ въ отрядѣ Потоцкаго и Шемберга. Присоединились къ Хмельницкому и навербованные изъ украинскаго населенія драгуны. Оставленные ими Потоцкій и Шембергъ защищались нѣкоторое время въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ на р. Желтыхъ водахъ отъ окружившихъ ихъ войскъ Хмельницкаго, затѣмъ пробовали отступить, но тутъ ихъ отрядъ былъ смятъ и совершенно уничтоженъ въ ур. Княжій Байракъ. Стеф. Потоцкій былъ взятъ въ плѣнъ, Шембергъ убитъ. Покончивъ съ передовымъ отрядомъ, Хмельницкій дви-

нулся противъ главной польской арміи. Гетманы почувствовали опасность, хотя вѣсти отъ передового отряда до нихъ и не доходили, и заблаговременно начали отступать, разрушая города и мѣстечки, „чтобъ не достались врагамъ“. Но подъ Корсунемъ настигъ ихъ Хмельницкій съ Татарами: отступая, польская армія попала въ устроенные козаками на ея пути рвы и засѣки и была совершенно уничтожена 16 (26 мая); Потоцкій и Калиновскій попали въ плѣнъ и были отданы Татарамъ.

Это было событіе сенсаціонное, въ польско-казацкихъ отношеніяхъ небывалое. Между тѣмъ какъ недоброжелатели Потоцкаго и его партіи изощрялись въ обвиненіяхъ его въ распутствѣ и пьянствѣ, которыми онъ погубилъ кампанію, а мелкая шляхта, не терпѣвшая его и ему подобныхъ за магнатское высокомѣріе, насмѣхалась надъ трагическимъ оборотомъ его судьбы, украинское населеніе торжествовало небывалое пораженіе польскаго режима:

Которіи пришли Хмельницкого оба поимали,
Леч сами в неволю бѣсурманскую впали:
Поихали бучно до Криму ридвани—
З совѣтникамъ обои полскіе гетмани,
А вози скарбніе козакомъ остали,
Обы худобу свою полатали.
Хотѣли Ляхи зъ козаковъ славу мати,
Ажъ Богъ далъ тому, хто ся вмѣетъ смиряти:
Той вознесъ нынѣ смиренныхъ Руснаковъ,
А гордыхъ зъ престола низложи Поляковъ,
Богатыхъ тщихъ отпусти до Криму,
Хотѣвшихъ Русси наклонить до Риму [1]).

Польско-шляхетскій режимъ Украины остался беззащитнымъ—войска были уничтожены, вожди очутились въ плѣну. Возстаніе безпрепятственно охватило правый берегъ Днѣпра и Заднѣпровье, значительно колонизированное въ теченіе предшествовавшаго десятилѣтія. Ватаги возставшихъ крестьянъ подъ предводительствомъ выписчиковъ жестоко расправлялись съ шляхтою, Евреями-арендаторами и со всѣми причастными ненавистному режиму и присоединялись къ козацкимъ войскамъ. Уцѣлѣвшая шляхта спасалась бѣгствомъ. Іеремія Вишневецкій, самый крупный магнатъ лѣвобережной Украины — измѣнившій своей народности потомокъ стараго волынскаго рода, организовалъ сильный отрядъ, но не былъ въ состояніи совладать съ массой возставшаго крестьянства и едва успѣлъ пробраться изъ-за Днѣпра въ Кіевское Полѣсье, а оттуда на Волынь. Въ какой-нибудь мѣсяцъ вся восточная Украина — воеводства Кіевское, Черниговское и Браславское—была вполнѣ охвачена возстаніемъ и находилась во власти Хмельницкаго, о которомъ ходили слухи, что онъ замышляетъ образовать новое государство, украинскую монархію, принять титулъ великаго князя, и тому под.

Но о такихъ планахъ Хмельницкому тогда вовсе еще и не снилось. Мы знаемъ, какія условія ставилъ онъ Потоцкому передъ возстаніемъ; только отказъ Потоцкаго привелъ его къ войнѣ. Разгромъ польскихъ войскъ могъ столько же радовать Хмельницкаго, сколько и безпокоить: это былъ ударъ слишкомъ сильный сравнительно съ его непосредственною цѣлью—произвести на польское правительство давленіе для отмѣны ординація 1638 г. Онъ могъ раздражить польское правительство и затруднить разрѣшеніе вопроса, и Хмельницкій главнымъ образомъ былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы смягчить впечатлѣніе отъ такого рѣзкаго выступленія. Остановившись послѣ Корсунской битвы лагеремъ подъ Бѣлою Церковью,

---

[1]) Изъ лѣтописи Гр. Грабянки — образецъ литературнаго творчества эпохи (ѣ нужно читать какъ и).

онъ пишетъ отсюда письма къ вліятельнымъ въ Польшѣ особамъ, оправдывая свое возстаніе и прося для козаковъ защиты отъ притѣсненій. Въ

Портретъ Хмельницкаго и его гербъ (изъ рукописи Сам. Величка).

петиціи, посланной правительству отъ козацкаго войска, козаки просятъ увеличенія реестра до 12 тыс., уплаты задержаннаго жалованья и отмѣны постановленій 1638 г. относительно замѣщенія высшихъ должностей въ

козацкомъ войскѣ Поляками. Какъ видимъ, желанія очень скромныя, тѣмъ болѣе, что увеличеніе реестра до 12 тыс. проектировалъ самъ король въ своихъ планахъ войны съ Турціею, и это, вѣроятно, послужило основаніемъ для даннаго пожеланія. Но нужно помнить, что полувѣковая практика научила козаковъ въ сношеніяхъ съ шляхетскимъ правительствомъ, въ виду его неуступчивости, довольствоваться малымъ, на бумагѣ по крайней мѣрѣ.

На бѣду, какъ разъ въ это время (20 мая) умеръ король Владиславъ, къ которому питали большое довѣріе какъ самъ Хмельницкій, такъ и козаки вообще. Ни временное правительство, ни сеймъ не имѣли въ ихъ глазахъ достаточно авторитета, и отлагали рѣшеніе козацкаго вопроса до выбора короля, а тѣмъ временемъ уполномочили для переговоровъ съ Хмельницкимъ воеводу Ад. Киселя, стараго специалиста по козацкимъ дѣламъ (одного изъ немногихъ уже сенаторовъ Украинцевъ) для переговоровъ съ Хмельницкимъ, чтобы добиться прекращенія военныхъ дѣйствій съ его стороны, обѣщая амнистію и возвращеніе старыхъ порядковъ. Хмельницкій, охотно прервавшій военныя дѣйствія уже послѣ первыхъ обращеній къ нему Киселя, распустилъ войска, отступивъ „на обычныя мѣста“, къ Чигрину; но его отступленіе не прервало движенія возстанія, со стихійною силою продолжавшаго развиваться, двигаясь все далѣе на западъ. Героемъ его на этомъ западномъ пограничьи былъ знаменитый Кривоносъ, воспѣтый въ народной пѣснѣ-маршѣ подъ именемъ Перебійноса:

Гей не дивуйте, добрії люде,
Що на Вкраіні повстало:
Що за Дашевим, під Сорокою,
Множество Ляхів пропало!
Перебійніс водить не много,
Сім сот казаків з собою,
Рубае мечем голову з плечей,
А решту топить водою
. . . .
Ой чи бач, Ляше—ще по Случ наше,
По Костяную могилу,
Як не схотіли, забунтовали,
Та й утеряли Вкраїну.

Іер. Вишневецкій, прибывшій въ своемъ странствованіи изъ-за Днѣпра на этотъ театръ возстанія (на кіево-браславскомъ пограничьи), еще болѣе подлилъ масла въ огонь, вступивъ въ кровавую борьбу съ возставшими, и своею безчеловѣчною расправою давъ новый импульсъ и оправданіе кровавой энергіи возстанія. Хмельницкій увидѣлъ себя вынужденнымъ выйти изъ своей пассивной роли, чтобы не дать возможности возстанію пойти своими дорогами помимо его. Въ іюлѣ онъ двинулся на этотъ новый театръ возстанія, передвинувшійся еще далѣе къ западу, на волынскоподольское пограничье. Изъ миссіи Киселя нечего не вышло—ему даже не удалось пробиться къ Хмельницкому среди бушующаго боя народной войны.

Когда польскія войска, наново организованныя и порученныя цѣлому штату комиссcаровъ съ бездарнѣйшимъ волынскимъ магнатомъ—кн. Доминикомъ Заславскимъ (наслѣдникомъ Острожскихъ) во главѣ, съ своей стороны перешли въ наступленіе, произошла новая катастрофа. 20 сентября польское войское напало на Хмельницкаго подъ Пилявцами (въ южной Волыни), но послѣ перваго же сраженія, довольно неудачнаго для Поляковъ, въ польскомъ лагерѣ среди приготовленій къ отступленію распространилась паника, и въ безграничномъ страхѣ это большое войско разбѣжалось, куда глаза глядятъ.

Польша опять очутилась безъ войска. Волынь и почти вся Подолія оказались во власти возстанія. Движеніе скоро распространилось и въ Галиціи. Здѣсь, въ западной Украинѣ,—на Волыни, Подольи и въ Галиціи возстаніе имѣло, впрочемъ, переходящій успѣхъ: не поддержанное съ достаточной энергіей козаками, оно не развило значительныхъ силъ и было подавлено шляхтою; во власти Хмельницкаго осталось позднѣе только восточная Украина—Кіевское, Браславское и Черниговское воеводства.

Хмельницкій по инерціи двигался на западъ, приступилъ ко Львову и прекратилъ его осаду, получивъ незначительный окупъ; затѣмъ двинулся къ Замостью и осадою послѣдняго занялъ на нѣсколько недѣль вниманіе своего войска въ ожиданіи окончанія безкоролевья. Наконецъ выбранъ былъ король—братъ Владислава Янъ-Казиміръ, кандидатуру котораго поддерживалъ также и Хмельницкій, хотя, какъ оказалось, худшаго выбора онъ не могъ сдѣлать: подобно своему отцу новый король былъ враждебно настроенъ и къ козачеству и къ украинскому элементу. Хмельницкій, конечно, этого предвидѣть не могъ, а выборъ давалъ ему выходъ изъ положенія, которое его самого очень тяготило. Получивъ отъ новоизбраннаго короля увѣдомленіе объ избраніи, съ просьбою прекратить возстаніе и ожидать рѣшенія козацкаго вопроса, которое сообщатъ ему королевскіе коммиссары, Хмельницкій воспользовался этимъ поводомъ, чтобы прекратить походъ и вернуться въ Кіевъ, куда должны были прибыть королевскіе послы для установленія новыхъ отношеній.

До сихъ поръ движеніе, вызванное Хмельницкимъ, только своими размѣрами и небывалымъ дотолѣ успѣхомъ отличалось отъ предшествующихъ козацкихъ движеній. Оно исходило изъ интересовъ козачьяго сословія и, хотя оперировало крестьянскими массами, все же вращалось въ рамкахъ козацкой сословной программы, съ нѣкоторымъ только оттѣнкомъ общенаціональныхъ требованій, сообщеннымъ ей уже со временъ Сагайдачнаго. Мы видѣли требованія возставшихъ—они не выходили за границы чисто-козацкихъ интересовъ; позже Хмельницкій присоединилъ къ нимъ еще требованіе отмѣны уніи, но собственно настоящею цѣлью движенія оставалась отмѣна стѣсненій, введенныхъ въ 1638 г., и возстановленіе козачьихъ вольностей, такъ что Хмельницкій пока являлся только непосредственнымъ преемникомъ Сагайдачнаго, Дорошенка, Тараса Федоровича и др. Только въ Кіевѣ, по возвращеніи изъ побѣдоносной кампаніи, почувствовалъ онъ разницу въ положеніи. Его подхватила волна небывалаго народнаго воодушевленія и подъ вліяніемъ послѣдняго происходитъ переломъ во взгладахъ Хмельницкаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ входитъ въ новый фазисъ и все освободительное движеніе.

Хмельницкаго въ Кіевѣ встрѣтили не какъ простого козацкаго вождя, а какъ національнаго героя. „Весь Кіевъ“ оказывалъ ему почести гораздо большія, чѣмъ какому-либо воеводѣ, съ горечью отмѣчаетъ свидѣтель-шляхтичъ. Депутаціи отъ кіевскихъ школъ привѣтствовали его какъ „украинскаго Моисея“, освободителя отъ „лядской неволи“, посланнаго Богомъ и въ знакъ того „Богданомъ названнаго“. Высшее духовенство, во главѣ съ гостившимъ тогда въ Кіевѣ іерусалимскимъ патріархомъ, встрѣтило его знаками глубокаго уваженія, какъ провиденціальнаго спасителя православія. И вотъ среди этого общаго энтузіазма, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ высшими представителями интеллигенціи тогдашняго культурнаго центра Украины, мысли Хмельницкаго начинаютъ выходить за горизонтъ чисто-козацкихъ интересовъ. Конечно, на сцену выступалъ прежде всего религіозный вопросъ—тогдашнее боевое національное знамя. Но на немъ мысли Хмельницкаго не остановились и, разъ выйдя изъ атмосферы чисто-козацкихъ требованій, шли гораздо дальше. Передъ его

взоромъ поднимался образъ возрожденія украинскаго народа, совершенно освобожденнаго отъ польскаго господства и устроеннаго на новыхъ началахъ, подъ охраною козацкаго войска. Онъ начиналъ сознавать возможность созданія иныхъ политическихъ и общественныхъ отношеній, чѣмъ тѣ, какія давала политико-общественная схема польской Рѣчи Посполитой. Трудно безъ волненія слѣдить за подъемомъ политической и общественной мысли у этого даровитаго человѣка, олицетворявшаго въ себѣ современное ему украинское общество, весь украинскій народъ, неожиданно вырвавшійся изъ связывавшихъ его вѣковыхъ путъ политическаго, экономическаго и національнато порабощенія, съ восторгомъ и смятеніемъ созерцавшій открывавшіеся передъ нимъ горизонты и открывавшій въ нихъ возможность совершенно новыхъ, немыслимыхъ передъ тѣмъ общественныхъ и политическихъ отношеній.

Когда въ февралѣ 1649 года прибыли къ Хмельницкому королевскіе комиссары, чтобы вручить ему знаки гетманскаго достоинства, впервые офиціально признаннаго за козацкимъ вождемъ, и установить новую козацкую ординацію,—вмѣсто увѣреній въ вѣрности и преданности королю и Рѣчи Посполитой польской, которыя такъ щедро расточалъ Хмельницкій въ прошломъ году, они услышали отъ него совершенно иныя рѣчи. Онъ не хотѣлъ уже вступать ни въ какіе договоры, заявлялъ рѣшимость „выбить изъ лядской неволи весь украинскій народъ“, опершись на крестьянствѣ и для охраны его организовавъ многотысячное козацкое войско. Онъ называлъ себя главою Руси, „русскимъ самодержцемъ“, упоминалъ объ украинскомъ государствѣ „по Львовъ, Холмъ и Галичъ“ и грозилъ прогнать Поляковъ за Вислу.

Въ этихъ словахъ, вырывавшихся у гетмана въ минуты возбужденія, конечно, нельзя искать какого либо вполнѣ опредѣленно, окончательно обдуманнаго плана. Его и не было еще у Хмельницкаго. Онъ и его сподвижники постоянно сбивались съ этихъ широкихъ плановъ на старую козацкую программу, ограничивавшуюся интересами козачества и православной церкви. Но все же было теперь ясно видно желаніе выйти изъ рамокъ польско-шляхтетскаго режима и козацкихъ ординацій и поискать новыхъ условій существованія для всего украинскаго народа.

Отказавшись отъ переговоровъ, Хмельницкій дѣятельно приготовлялся къ войнѣ. Въ Польшѣ также почувствовали, что это будетъ борьба не на жизнь, а на смерть. Самъ король двинулся въ походъ. Но перевѣсъ силъ и таланта былъ несомнѣнно на сторонѣ Хмельницкаго. Театромъ войны оказалась снова южная Волынь. Неосторожно двинувшіяся противъ него польскія войска Хмельницкій окружилъ подъ Збаражемъ, въ очень неудобной для нихъ позиціи, и довелъ до крайпости, а когда на отчаянный призывъ осажденныхъ двинулся на выручку король во главѣ шляхетскаго „посполитаго рушенія“ (всеобщаго ополченія), онъ попалъ въ руки Хмельницкаго. Послѣдній слѣдилъ за движеніями короля и, перерѣзавъ ему путь недалеко отъ Збаража, подъ Зборовымъ, поставилъ короля съ его арміею въ безвыходное положеніе. Но въ этотъ моментъ, когда Хмельницкій готовился уже диктовать королю свои условія, всѣ планы его разбились объ измѣну Татаръ: Полякамъ удалось подкупить хана, находившагося со своею ордою въ лагерѣ Хмельницкаго; послѣдній очутился между двухъ огней и долженъ былъ пойти на уступки. Подъ Зборовымъ, въ половинѣ августа 1648 г., заключенъ былъ трактатъ между Хмельницкимъ и королемъ. Козацкій реестръ установлялся въ размѣрѣ 40 тыс., въ него могли быть вписаны козаки, жительствовавшіе въ коронныхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго; на территорію этихъ воеводствъ не могли быть вводимы польскія войска, въ нихъ не могли жить ни Евреи, ни

іезуиты. Православная церковь должна была получить удовлетвореніе въ своихъ жалобахъ на уніатовъ на ближайшемъ сеймѣ; православный митрополитъ получалъ мѣсто въ сенатѣ; на всѣ должности въ упомянутыхъ трехъ воеводствахъ впредь должны были назначаться только православные.

Все это было огромнымъ тріумфомъ, если сравнить съ первоначальными требованіями Хмельницкаго, но полнымъ фіаско—въ сравненіи съ тѣми болѣе широкими планами, для осуществленія которыхъ онъ возобновилъ войну. Если въ Польшѣ были возмущены чрезмѣрностью уступокъ, сдѣланныхъ Зборовскимъ трактатомъ козакамъ, то на Украинѣ онъ возбудилъ негодованіе противъ Хмельницкаго, какъ измѣна цѣлямъ возстанія.

Дѣйствительно, трактатъ возвращалъ все къ старой программѣ козацкихъ движеній: обезпечивались права козачьяго сословія, весьма тщательно оговоренныя въ трактатѣ, а также интересы православной религіи,—и совершенно игнорировались интересы крестьянства, которое должно было вернуться въ прежнюю зависимость отъ помѣщиковъ. Народныя массы, такъ дружно двинувшіяся на призывъ Хмельницкаго, почувствовали себя обманутыми и отвернулись отъ него. Можно сказать, что со Зборовскимъ договоромъ Хмельничина теряетъ характеръ свободнаго народнаго движенія, народной войны. Хотя народная масса принимаетъ участіе и въ дальнѣйшихъ войнахъ подъ вліяніемъ вражды къ Полякамъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, иногда даже по прямому принужденію, но въ ней нѣтъ уже былого одушевленія, и во время послѣдующихъ войнъ Хмельницкаго развивается массовая колонизація украинскаго населенія, разочарованнаго неудачею возстанія: массы народа двигаются на востокъ, внѣ сферы досягаемости польскаго режима, за московскую границу, въ Слободскую Украину.

Хмельницкій нѣкоторое время дѣлалъ возможное для выполненія Зборовскаго трактата: составилъ реестръ—оставшійся, впрочемъ, только на бумагѣ, опубликовалъ универсалы противъ „своевольныхъ бунтовщиковъ"—крестьянъ и т. д. Но очень скоро онъ долженъ былъ убѣдиться въ невозможности выполнить этотъ трактатъ въ дѣйствительности, т. е. возстановить прежній польско-шляхетскій режимъ. Война была неизбѣжна, тѣмъ болѣе, что и съ польской стороны не было искренняго желанія установить какія-либо сносныя отношенія. Но Хмельницкій не рѣшался опереться исключительно на народныя силы, тѣмъ болѣе, что перемѣна въ настроеніи массъ для него не была секретомъ, и потому искалъ помощи извнѣ. Онъ замышляетъ очень сложную систему союзовъ противъ Польши: входитъ въ непосредственныя сношенія съ Портою и, признавъ себя вассаломъ султана, заручается оттуда наказомъ для крымскаго хана—помогать Хмельницкому противъ Польши. Кромѣ того, старается втянуть въ войну съ Польшею Москву, и одновременно съ подобными же цѣлями входитъ въ сношенія съ господаремъ Молдавіи, съ энергическимъ владѣтелемъ Трансильваніи Юріемъ Ракочи, а нѣсколько позже и со Швеціею.

Однако Хмельницкому пришлось разорвать отношенія съ польскимъ правительствомъ раньше, чѣмъ эти дипломатическіе ходы доставили ему реальное содѣйствіе новыхъ союзниковъ. Война возобновилась уже въ 1650 г. Единственнымъ союзникомъ Хмельницкій имѣлъ только хана, да и тотъ помогалъ ему неохотно, подчиняясь распоряженіямъ султана; у него были иные планы: онъ замышлялъ войну съ Москвою, въ союзѣ съ Польшею и Хмельницкимъ, и—снова испортилъ кампанію Хмельницкому.

Начало кампаніи было очень благопріятно для Хмельницкаго,

ознаменовавшись погромомъ подъ Винницею гетмана Калиновскаго, неосторожно, безъ приготовленій, вступившаго на козацкую территорію. Хмельницкій, исподволь приготовлявшійся къ войнѣ, готовился дать жестокій урокъ Польшѣ, но медленность хана, котораго онъ поджидалъ на помощь, заставила его упустить удобный моментъ для войны. Когда ханъ наконецъ явился и Хмельницкій, соединившись съ татарскимъ войскомъ, приготовлялся къ рѣшительному сраженію съ Поляками подъ Берестечкомъ (въ сѣверной Волыни), Татары ушли отъ Хмельницкаго въ критическій моментъ, и вдобавокъ ханъ захватилъ и самого Хмельницкаго, когда онъ прибылъ въ татарскій лагерь, чтобы уговорить хана принять участіе въ сраженіи. Оставшись безъ предводителя, козацкое войско начало отступать и было почти уничтожено при переправѣ черезъ болота. Кампанія закончилась Бѣлоцерковскимъ трактатомъ, который представлялъ собою ухудшенную, обрѣзанную копію Зборовскаго и, конечно, еще меньше могъ установить прочныя отношенія, чѣмъ послѣдній.

На этотъ разъ Хмельницкій не могъ, конечно, имѣть ни минуты иллюзій относительно возможности установленія отношеній на основаніи этого договора, но воевать не рѣшался въ виду отсутствія союзниковъ и сильнаго ослабленія и апатіи народныхъ массъ. Онъ снова принужденъ былъ политиканить и лицемѣрить передъ Польшею. Снова составляется реестръ, производятся экзекуціи надъ непокорными крестьянами, не мирившимися съ возвращеніемъ на Украину шляхты и съ возобновленіемъ постоевъ польскихъ войскъ и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ такого невыносимаго мира — снова открывается война. Военныя дѣйствія возобновились лѣтомъ 1652 г. Холодное ожесточеніе смѣнило былое воодушевленіе. Обѣ стороны, утомленныя безплодною борьбою, напрягали послѣднія силы, стремясь добить противника. Однако ни та, ни другая сторона не осмѣливалась сдѣлать первый шагъ къ рѣшительной битвѣ, и почти два мѣсяца стояли обѣ арміи на Подоліи въ бездѣйствіи, пока измѣна Татаръ (6 декабря 1653 г.) не прервала еще разъ кампаніи. На этотъ разъ однако Хмельницкій не придавалъ уже значенія такому обороту: его дипломатическія комбинаціи начинали приносить плоды. Въ это именно время, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась вмѣшаться въ его борьбу съ Польшею Москва. Объ установленіи отношеній къ Польшѣ Хмельницкій въ виду этого больше не думалъ.

Хмельницкій вошелъ въ сношенія съ Москвою почти въ самомъ началѣ своего возстанія. Когда онъ рѣшился начать съ Польшей борьбу на жизнь и на смерть, онъ всячески старался втянуть въ эту борьбу и Москву, направивъ послѣднюю на Польшу, и не щадилъ для этого обѣщаній и возможно соблазнительныхъ для московскаго правительства перспективъ. Онъ предлагалъ признать надъ собою верховную власть царя (какъ онъ уже призналъ, для той же цѣли, власть султана), завоевать для него Крымъ и т. п. Но московское правительство не рѣшалось нарушить свой миръ съ Польшей, вступивъ въ рискованную войну, и отвѣчало на всѣ предложенія Хмельницкаго ничего не стоющими комплиментами. Однако обстоятельства скоро заставили московское правительство призадуматься. Съ одной стороны, польскіе политики обнаруживали намѣреніе направить козаковъ и Татаръ противъ Москвы, чтобы отвлечь ихъ силы въ эту сторону, и Москва имѣла всѣ основанія опасаться, что Хмельницкій при всемъ желаніи въ концѣ концовъ не будетъ въ состояніи уклониться отъ этой войны, потерявъ силу сопротивленія. Съ другой стороны неудачи, которыя терпѣла Польша въ борьбѣ съ козаками, возбуждали въ московскихъ политикахъ желаніе воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ, чтобы вознаградить

себя за утраты, понесенныя въ эпоху Смутнаго времени. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній московское правительство рѣшило въ концѣ концовъ выйти изъ своего нейтральнаго положенія, и созванный по этому вопросу земскій соборъ вполнѣ одобрилъ его намѣренія—принять Украину подъ свою протекцію и объявить по этому поводу войну Польшѣ. О принятомъ рѣшеніи немедля извѣстили изъ Москвы Хмельницкаго, а вслѣдъ затѣмъ было выслано на Украину чрезвычайное посольство—привести населеніе Украины къ присягѣ на вѣрность московскому царю.

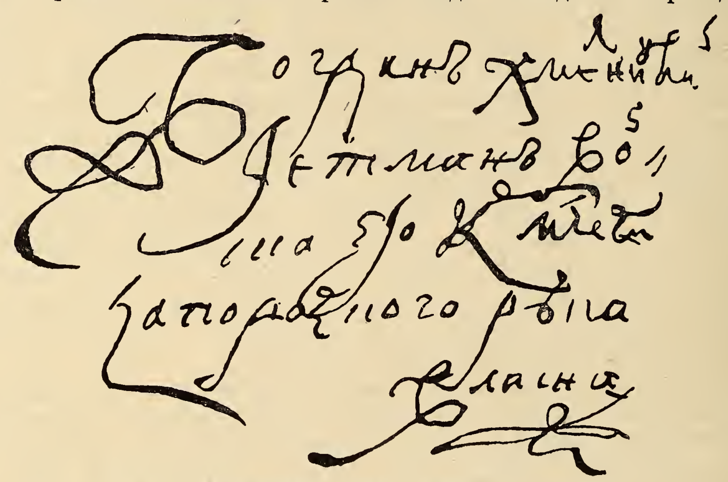
Мы не знаемъ, какъ представлялъ себѣ Хмельницкій свои отношенія къ Москвѣ, но все заставляетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ думалъ о созданіи какой либо прочной и тѣсной связи. Союзъ съ Москвою, къ которому онъ стремился, былъ только составною частью цѣлой системы союзовъ, которую онъ приготовлялъ противъ Польши. Такъ какъ Москва представляла себѣ этотъ союзъ не иначе, какъ въ формѣ присоединенія Украины къ Московскому государству, то Хмельницкій, стараясь попасть ей въ тонъ, высказывалъ готовность признать надъ собою власть московскаго царя, обѣщалъ ему доходы съ украинскихъ земель и заявлялъ готовность предоставить московскому правительству подобную же роль во внутреннихъ отношеніяхъ Украины, какая ранѣе принадлежала правительству польскому. Ближайшею цѣлью Хмельницкаго было — втянуть московское правительство въ войну съ Польшею, и для достиженія ея онъ не находилъ нужнымъ считаться съ обѣщаніями и заглядывать въ далекое будущее. Но когда, наконецъ, московское правительство рѣшилось на этотъ шагъ, Хмельницкому пришлось весьма скоро убѣдиться, что онъ сдѣлалъ очень двусмысленное пріобрѣтеніе для осуществленія своихъ плановъ.

Недоразумѣнія возникли на первыхъ же порахъ, когда конституціонныя привычки украинскаго населенія столкнулись съ самодержавными принципами Москвы. Когда козацкая старшина приносила, по желанію московскаго правительства, присягу на вѣрность царю, она потребовала, чтобы царскіе послы также присягнули отъ имени царя въ исполненіи принятыхъ имъ на себя обязательствъ по отношенію къ Украинѣ. На это послѣдовалъ отказъ: послы заявили, что царь, какъ самодержавецъ, не связываетъ себя присягою по отношенію къ своимъ подданнымъ. Это заявленіе привело старшину въ полное недоумѣніе, такъ какъ совершенно противорѣчило ея понятіямъ о государственныхъ (конституціонныхъ) отношеніяхъ. Она ссылалась на примѣръ польскихъ королей, приносившихъ присягу при избраніи, но въ концѣ концовъ увидѣла себя принужденной отказаться отъ своего требованія. Правда, это была пока формальность, а формальностямъ въ козацкихъ кругахъ не привыкли придавать значеніе, но вслѣдъ за тѣмъ начали обнаруживаться расхожденія уже вполнѣ реальныя.

Жизнь украинскаго общества шла впереди теорій. Идея автономнаго украинскаго государства, замкнутой украинской территоріи, только начинала формироваться въ умахъ украинскихъ вождей, но фактически уже нѣсколько лѣтъ Хмельницкій былъ главою государства, обнимавшаго восточно-украинскія земли и жившаго вполнѣ самостоятельною жизнью. Эти фактическія отношенія Хмельницкій и козацкая старшина хотѣли оставить въ силѣ и подъ московскою протекціею, хотя и не ставили этого требованія вполнѣ опредѣленно (въ своихъ переговорахъ съ Москвою они, впрочемъ, ссылались на примѣры вассальныхъ владѣній султана—Молдавіи и Валахіи). Но московскіе политики схватились за заявленіе Хмельницкаго, неосторожно сдѣланное имъ въ томъ смыслѣ, что московское правительство должно утвердить сословныя привилегіи—козачества, шляхты и православнаго духовенства, а въ остальномъ

можетъ править Украиной, занявъ мѣсто правительства польскаго. Московское правительсво въ виду этого не хотѣло дать никакихъ гарантій автономіи Украины. Прежде всего другого оно распорядилось поставить въ Кіевъ сильный гарнизонъ, устроивъ для него отдѣльную крѣпость, цѣлый особый городокъ, и посадивъ воеводу, который являлся непосредственнымъ представителемъ московской власти на Украинѣ. Затѣмъ такихъ воеводъ московское правительство намѣревалось ввести и во всѣ болѣе значительные города Украины, чтобы передать имъ администрацію и сборъ налоговъ.

Когда Хмельницкій и козацкая старшина уяснили себѣ эту перспективу, понравиться имъ она никакъ не могла, но, дорожа союзомъ съ Москвою и не желая сразу же портить свои отношенія къ ней, они не рѣшились рѣзко поставить вопросъ. Когда вслѣдъ за приведеніемъ



Подпись Хмельницкаго подъ реестромъ 1649 года

Украины къ присягѣ царю, пришлось выяснить дальнѣйшее положеніе Украины подъ московскою протекціею, и московскіе послы направили украинскую старшину къ центральному правительству [1]), Хмельницкій со старшиною въ петиціяхъ, предложенныхъ московскому правительству (въ мартѣ 1654 г.), не ставя вопроса по существу, хотѣли обойти его и рядомъ оговорокъ по возможности свести на нѣтъ участіе московскаго правительства во внутреннемъ управленіи Украины. Но въ Москвѣ оказались очень несговорчивыми относительно этого пункта и хотя по московской осторожности въ виду заявленій козацкой старшины отложили дальнѣйшее осуществленіе своихъ плановъ непосредственнаго управленія Украиною, но отвѣтили отказомъ на всѣ тѣ желанія козацкой старшины, которыя имѣли цѣлью ограничить роль Москвы во внутреннихъ отношеніяхъ Украины.

Эти мартовскія резолюціи на петиціи Хмельницкаго и старшины, подъ именемъ „статей Богдана Хмельницкаго", сыграли весьма важную роль, ставъ основою устройства Украины въ теченіе цѣлаго столѣтія. Но такая роль припала имъ совершенно незаслуженно: петиціи не заключали въ себѣ никакой продуманной программы, были составлены наскоро (о весьма существенныхъ вещахъ козацкимъ посламъ высланы были наказы уже въ догонку), многое вошло сюда просто по традиціи договоровъ съ поль-

[1]) Они совѣтовали явиться въ Москву самому Хмельницкому, но тотъ уклонился подъ предлогомъ грозящей войны съ Поляками.

скимъ правительствомъ. Такой традиціонный характеръ въ значительной степени имѣютъ пункты о казачьемъ войскѣ, которому посящено въ этихъ петиціяхъ главное вниманіе — всѣ эти подробности о казацкомъ реестрѣ, установленномъ въ размѣрѣ 60 тыс., о правахъ казачьихъ семействъ, о содержаніи казацкихъ чиновъ и т. п., вопросы вовсе второстепенные въ сравненіи съ тѣми, какіе въ дѣйствительности выдвигала теперь жизнь: объ общегосударственной власти гетмана, объ автономіи Украины и т. п.

Этой послѣдней сферы касаются только немногіе пункты, содержащіе слѣдующія постановленія: гетмана выбираетъ войско и только извѣщаетъ царское правительство объ избраніи; гетманъ и войско могутъ сноситься съ прочими государствами и извѣщаютъ царское правительство только о томъ, что ближайшимъ образомъ его касается. Высказано было пожеланіе, чтобы московское правительство получало извѣстный доходъ съ Украины въ круглой суммѣ, — въ такомъ случаѣ гетманъ удержалъ бы въ своихъ рукахъ управленіе страною, и не было бы надобности въ московскихъ воеводахъ (этотъ пунктъ, впрочемъ, былъ поставленъ очень неясно, такъ что разъясняется лишь устными петиціями козацкихъ пословъ, кромѣ того обставленъ былъ разными оговорками на случай несогласія московскаго правительства, и дѣйствительно не нашелъ у него сочувствія). Затѣмъ есть нѣсколько пунктовъ, касающихся отдѣльныхъ сословій — о сохраненіи правъ сословій свѣтскихъ и духовнаго, о сохраненіи за шляхтою, которая принесетъ присягу царю, всѣхъ преимуществъ и сословныхъ учрежденій, какія существовали при польскомъ управленіи, о сохраненіи въ городахъ выборнаго управленія.

Несомнѣнно, мы составили бы очень невыгодное понятіе объ уровнѣ политическаго развитія казацкихъ правящихъ круговъ, если бы хотѣли искать въ этихъ петиціяхъ полнаго образа ихъ политическихъ стремленій. Но петиціи не договаривали до конца очень многаго, чтобы не разстраивать только что налаживавшихся отношеній.

Но благодаря этимъ недомолвкамъ съ обѣихъ сторонъ, между Украиною и Москвою этими мартовскими статьями 1654 года устанавливались довольно неопредѣленныя отношенія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за гетманомъ были признаны права верховной, суверенной власти (напр., право сношеній съ иностранными государствами); фактически оставлены были за нимъ функціи общегосударственнаго управленія [1]). Но московское правительство принципіально оставляло за собою право непосредственнаго управленія и осуществляло дѣйствительно такіе акты, которые входили въ эту сферу. И при этомъ, въ противоположность стремленіямъ козацкой старшины къ расширенію и упроченію украинской автономіи, оно имѣло въ виду именно расширять со временемъ свое непосредственное участіе во внутреннихъ отношеніяхъ Украины, превращая ее постепенно въ обыкновенную провинцію Московскаго государства.

Самъ Хмельницкій очень скоро почувствовалъ тяжесть своей зависимости отъ Москвы. Этотъ искусный игрокъ-дипломатъ, получивъ карту, которой такъ долго желалъ, неожиданно замѣтилъ, что она совершенно спутала ему игру. Этимъ объясняется загадочное на первый взглядъ поведеніе Хмельницкаго послѣ осуществленія союза съ Москвою. Вмѣсто того, чтобы съ новыми силами, при помощи Москвы, рѣшительно ударить

[1]) Опираясь на эти признаки, анализировавшій эти отношенія покойный государствовѣдъ проф. Сергѣевичъ опредѣлялъ Украину, какъ государство, связанное съ Москвою только личною уніею (см. его „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права", изд. 1903, стр. 106—7); проф. Дьяконовъ готовъ видѣть здѣсь скоѣе реальную унію (Очерки обществ. и госуд. строя, изд. 1910 г. 258), Коркуновъ, Мякотинъ и др. — отношеніе вассальное.

на Польшу, онъ избѣгаетъ войны, уклоняется отъ походовъ, проектируемыхъ московскимъ правительствомъ, или ведетъ себя въ нихъ двусмысленно.

Театромъ войны сдѣлалась Бѣлоруссія, которой московское правительство задумало теперь овладѣть. Въ оккупаціи Бѣлоруссіи принималъ участіе и козацкій корпусъ, высланный Хмѣльницкимъ по требованію московскаго правительства. На этой почвѣ возникъ дипломатическій конфликтъ, не улаженный, а насильственно разрѣшенный по смерти Хмельницкаго: занятыя ими въ сосѣдствѣ съ Украиною бѣлорусскія земли козацкое войско хотѣло оставить въ своемъ владѣніи, а московское правительство на это не соглашалось. Одновременно съ оккупаціей Бѣлоруссіи оно поручило Хмельницкому открыть также военныя дѣйствія на Украинѣ и соединиться съ московскою арміею, дѣйствовавшею въ Бѣлоруссіи, но Хмельницкій этого порученія не исполнилъ и подвергся упрекамъ со стороны Москвы. Только наступленіе польскихъ войскъ на Бреславщину, зимою 1654 года, принудило его къ отпору, но, отразивъ ихъ (въ битвѣ подъ Охматовымъ, въ началѣ 1655 г.), онъ не воспользовался удобными обстоятельствами и прекратилъ военныя дѣйствія.

Лѣтомъ 1655 г. Хмельницкій двинулся на Западную Украину, такъ какъ этого требовало не только московское правительство, но и новый союзникъ, шведскій король, начавшій войну съ Польшей и желавшій диверсіи съ юга. Хмельницкій предпринялъ походъ на Подолію, оттуда въ Галицію, но съ нимъ шло московское войско и это парализовало всю его энергію: Хмельницкій дѣйствовалъ чрезвычайно вяло и, наконецъ, покинувъ московское войско, вернулся назадъ. Съ начальниками московскаго войска онъ находился въ открытой враждѣ и во время осады Львова соединенными казацкими и московскими силами, генеральный писарь Выговскій, человѣкъ очень близкій къ Хмельницкому, совѣтовалъ львовскимъ мѣщанамъ не сдаваться на царское имя, а шведскому королю Хмельницкій объяснилъ, что царскіе воеводы хотѣли занимать города на царское имя и ставить въ нихъ своихъ воеводъ, и это побудило его прервать походъ.

Одновременно съ такимъ неблагопріятнымъ отношеніемъ къ военнымъ и завоевательнымъ планамъ Москвы, Хмельницкій дѣятельно продолжалъ свои дипломатическія сношенія, ища новыхъ союзниковъ, новыхъ политическихъ комбинацій, на которыхъ онъ могъ бы опереться и противъ Польши, и противъ Москвы. Онъ возобновляетъ свой союзъ съ Турціею (1655), потомъ съ Крымомъ: въ концѣ 1656 г. заключаетъ союзъ съ Юріемъ Ракочи и еще болѣе важный для него союзъ съ Швеціей.

По своимъ значительнымъ силамъ и престижу и большой географической удаленности, исключавшей всякія территоріальныя поползновенія, Швеція для Украины была союзникомъ чрезвычайно цѣннымъ и такъ какъ еще въ 1620-хъ гг. она сама искала сближенія съ козачествомъ въ своихъ тогдашнихъ военныхъ планахъ, обращенныхъ противъ польско-австрійскаго союза, то Хмельницкій всѣми мѣрами старался привести къ такому сближенію теперь. Но правительство кор. Христины не желало разрыва съ Польшею, и только новый король Карлъ X въ 1655 г. рѣшается возобновить войну съ Польшею. Въ связи съ этимъ онъ входитъ въ сношенія съ Хмельницкимъ, приглашая его къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Польши и одновременно — всячески совѣтуя разорвать новыя отношенія, завязанныя съ Москвой, конфликтъ съ которой для Швеціи тоже былъ неизбѣженъ. Карлъ обѣщалъ Украинѣ съ своей стороны содѣйствіе противъ Москвы и Польши, помощь для достиженія полной политической независимости, самостоятельности украинскаго государства и

усиленно предостерегалъ отъ московской протекціи, доказывая, что „Московитяне не потерпятъ у себя свободнаго народа“ и рано или поздно отмѣнятъ украинскія вольности, замѣнивъ свободный украинскій строй деспотическими московскими отношеніями.

Хмельницкій очень высоко цѣнилъ этотъ новый союзъ и перспективы, открываемыя имъ, и если съ начала старается повести дѣло такъ, чтобы союзъ его со Швеціею не нарушалъ только что заключеннаго союза съ Москвой, и проситъ шведскаго короля избѣгать разрыва съ послѣдней, чтобы не поставить Украину въ трудное положеніе между воюющими союзниками, то позже, поставленный передъ дилеммой выбора между Москвой и Швеціей, онъ рѣшительно выбираетъ послѣднюю. Независимо отъ малопривлекательныхъ перспективъ, какія открывались во внутреннихъ отношеніяхъ Украины въ связи съ московской политикой и подтверждали зловѣщія предсказанія шведскаго короля, внѣшняя политика Москвы шла тоже въ разрѣзъ съ желаніями Украины, совершенно не справляясь съ ними. Поляки подали надежду царю Алексѣю, что онъ будетъ избранъ польскимъ королемъ и въ надеждѣ на осуществленіе личной уніи московское правительство начинаетъ щадить Польшу, заключаетъ съ нею перемиріе и въ союзѣ съ польскимъ правительствомъ начинаетъ войну противъ Швеціи. Отъ Хмельницкаго требуетъ, чтобы онъ тоже прекратилъ военныя дѣйствія противъ Польши и разорвалъ свои сношенія со Швеціею.

Такой рѣзкій и неожиданный поворотъ, произведенный безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ украинскими кругами, безъ ихъ вѣдома и участія, вызвалъ негодованіе на Украинѣ. Поведеніе Москвы разсматривалось какъ измѣна обязательствамъ, принятымъ ею по отношенію къ Украинѣ при ея присоединеніи. Въ особенности подозрительнымъ и неумѣстнымъ казалось, что козацкіе депутаты, высланные для участія въ московско-польскихъ переговорахъ, не были допущены къ нимъ по настоянію Поляковъ. Хмельницкій заявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не разорветъ союза со Швеціею, цѣня ея давнія и искреннія отношенія къ Украинѣ, и очень рѣзко отзывался о двоедушной политики Москвы.

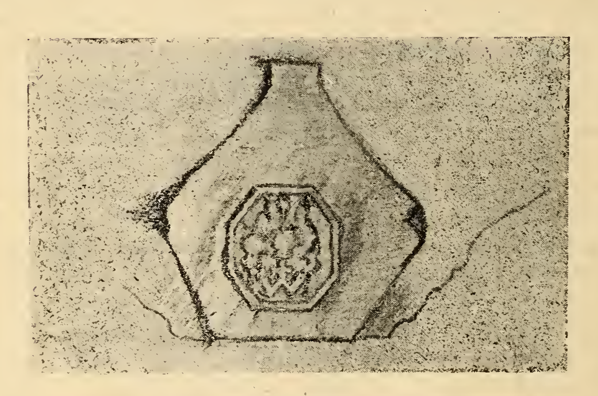
Противъ союза Москвы и Польши составился такимъ образомъ союзъ Украины, Швеціи и Трансильваніи, имѣвшій цѣлью полное уничтоженіе Польши и раздѣлъ ея между союзниками. Переговоры относительно формальнаго оборонительнаго и наступательнаго союза Украины и Швеціи, гарантировавшаго государственную независимость Украины, не были доведены до конца при жизни Хмельницкаго, но фактически онъ уже существовалъ. Разрывъ съ Москвою былъ неизбѣженъ, и Хмельницкій сознательно шелъ на встрѣчу ему. Заручившись новыми союзниками, онъ, очевидно, рѣшилъ освободиться отъ своей зависимости отъ Москвы и занять положеніе вполнѣ самостоятельнаго государя. Настойчивость, съ какой московское правительство, не обращая вниманія на всѣ представленія гетмана и старшины, стремилось къ осуществленію своей централистической политики на Украинѣ, чрезвычайно раздражала гетмана и дѣлала отношенія невыносимыми въ виду опредѣленныхъ стремленій послѣдней къ автономіи. Очень характерна для положенія дѣлъ на Украинѣ грамота, данная Хмельницкимъ въ это время (въ іюнѣ 1657 г.) шляхтѣ Пинскаго повѣта, признавшей надъ собою власть Хмельницкаго, а не московскаго правительства, производившаго оккупацію Бѣлоруссіи. Это настоящая конституціонная хартія, которая показываетъ, что Хмельницкій въ это время считалъ себя уже вполнѣ государемъ Украины: онъ гарантируетъ права шляхетскаго самоуправленія, свободу католическаго вѣроисповѣданія, ненарушимость имущественныхъ правъ и т. под.

Но среди этихъ плановъ, въ критическій моментъ отношеній къ

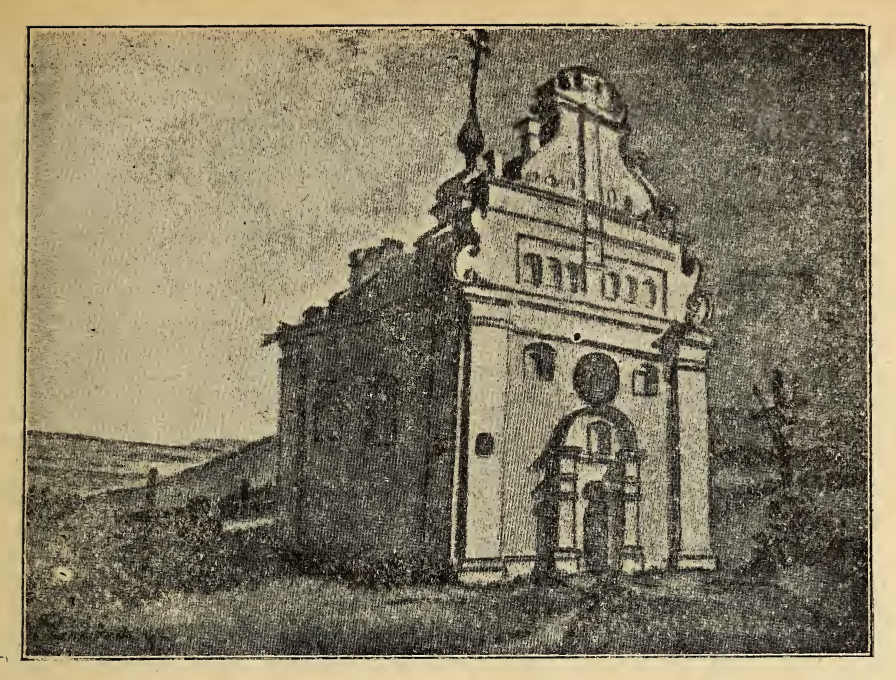
Москвѣ, подъ впечатлѣніями неудачной кампаніи 1657 г., предпринятой противъ Польши соединенными силами новаго союза, Хмельницкій умеръ внезапно отъ апоплексіи 27 іюля 1567 года, къ общему огорченію украинскаго общества. Тѣло его съ высочайшимя почестями было погребено въ имъ построенной церкви-усыпальницѣ въ его имѣніи Суботовѣ, сохранившейся до нашего времени. Это единственный монументальный памятникъ славнаго гетмана,—воспѣтый Шевченкомъ:

Стоïть в селï Суботовi
На горi високiй
Домовина Украïни —
Широка, глибока.
Ото церкви Богданова:
Тамъ то вiн молив ся,
Щоб Москаль добром i лихом
З козаком дïлив ся.
Мир душi твоïй, Богдане —
Не так воно сталось —
Занапастив єси убогу
Сироту Вкраïну!

Для этихъ событій—мой краткій этюдъ: Хмельницький і Хмельнищина 2-е изд. Львовъ, 1911 и VIII т. Исторіи Украины. Наиболѣе полнымъ изложеніемъ внѣшнихъ фактовъ остается старый трудъ Костомарова — Богданъ Хмельницкій, I — III, написанный увлекательно, но безъ освѣщенія и съ весьма, малою дозою критики. — Изъ другихъ трудовъ: Kubala Szkice historyczne, I—II и W. Lipinskii. Z dziejów Ukrainy, 1913.



Частная печать Хмельницкаго, съ его универсала, подписаннаго въ его отсутствіе женой.



Церковь, построенная Богданомъ Хмельницкимъ въ Субботовѣ (рис. Шевченка).

XVII. Строй и отношенія созданныя Хмельниччиной.

Хмельницкій оставилъ своимъ сподвижникамъ и преемникамъ очень мудреное наслѣдство. Уже одно управленіе такимъ слабоорганизованнымъ механизмомъ, какимъ была тогдашняя Украина, требовало очень большихъ талантовъ. Если съ одной стороны можно удивляться организаціонному генію народа, экспромтомъ создавшаго сложную организацію огромнаго края и приводившаго ее въ движеніе, то съ другой стороны, необходимы были выдающіяся дарованія для того, чтобы управлять ею. Ни въ чемъ, можетъ быть, не сказался такъ ясно выдающійся административный талантъ Хмельницкаго, какъ въ томъ, что эти мало культивированныя, недисциплинированныя народныя массы, вырвавшіяся изъ рамокъ одного общественнаго и государственнаго строя и создавшія, руководясь только неяснымъ инстиктомъ, новыя формы общественности и государственныхъ отношеній,—онъ умѣлъ держать въ извѣстномъ порядкѣ, координировать ихъ, править ими, притомъ—все это среди очень сложныхъ и затруднительныхъ внѣшнихъ условій и при глубокомъ раздвоеніи внутри самого національнаго организма Украины.

Внѣшнія политическія отношенія заключали въ себѣ огромныя трудности. Хмельницкій оставилъ неразвязаннымъ узелъ, которымъ онъ связалъ такъ поспѣшно Украину съ Москвою, — конфликтъ внѣшней политики и еще болѣе серьезный конфликтъ на почвѣ государственныхъ отношеній. Политическій кругозоръ козачьей старшины быстро расширялся, со дня на день она выростала политически, и въ умахъ сподвижниковъ Хмельницкаго первоначальныя неясныя представленія вырисовывались все яснѣе, слагаясь въ идею автономнаго государства, выраженную уже довольно ясно годъ спустя въ Гадячскомъ трактатѣ съ Польшею.

Въ этомъ государствѣ, стремившемся обнять всю этнографическую территорію Украины, организованномъ на конституціонныхъ избирательныхъ

началахъ, гетманъ являлся государемъ — главою всесословной, государственной организаціи, главою всего народа, а не только козачьяго войска. Отношенія этого автономнаго государства къ московскому правительству, московскому царю, могли быть только отношеніями вассальности, признанія верховенства, протектората. Московское же правительство хотѣло воспользоваться смертью Хмельницкаго, чтобы ввести на Украинѣ свое управленіе, водворивъ здѣсь своихъ воеводъ и финансовыхъ агентовъ, ограничить власть гетмана сферою козачьяго войска и подчинить московскому патріарху украинскую церковь, до сихъ поръ вполнѣ автономную, признававшую надъ собою только вполнѣ номинальное верховенство константинопольскаго патріарха. Весь строй украинскаго управленія съ его принципами свободнаго избранія: суверенности народа и отвѣтственности передъ нимъ, былъ противенъ строго монархическому строю Московскаго государства, съ его безпощадной централизаціей, и поэтому съ точки зрѣнія московской бюрократіи дѣйствительно подлежалъ перестройкѣ и упраздненію, какъ предостерегалъ Хмельницкаго шведскій король.

Встрѣчаясь съ такими стремленіями московской политики, украинскіе автономисты, отъ Выговскаго до Мазепы, поочередно старались опереться на тѣ же политическія силы, у которыхъ искалъ опоры уже Хмельницкій: на Турціи и Крымѣ, Польшѣ, Швеціи. Въ союзѣ съ ними носители идеи украинской автономіи пробовали сбросить съ себя зависимость отъ Москвы и обезпечить автономію Украины. Но у Москвы оказалась мертвая хватка. Такъ нерѣшительно принявъ протекцію надъ Украиною, она потомъ, когда присоединеніе Украины стало совершившимся фактомъ, держалась за нее упорно. Убѣдившись, что всей Украины она удержать не въ силахъ, Москва отказалась отъ земель на западъ отъ Днѣпра (правобережныхъ), оставивъ ихъ Польшѣ, къ великому негодованію украинскихъ патріотовъ, роптавшихъ на это раздѣленіе украинской и тѣснѣе — козачьей территоріи, тѣмъ болѣе, что этотъ важный шагъ московское правительство сдѣлало безъ ихъ участія и вѣдома. Зато лѣвобережной Украины (на востокъ отъ Днѣпра) и Кіева съ окрестностями Москва не выпускаетъ изъ рукъ и при этомъ настойчиво и неуклонно, ни передъ чѣмъ не останавливаясь и ничѣмъ не смущаясь, ведетъ политику ограниченія украинской автономіи, стѣсненія самоуправленія, а въ виду сопротивленія козацкой старшины, чтобы подорвать ея силу и оппозицію, пользуется внутреннимъ раздвоеніемъ, антагонизмомъ старшины и народныхъ массъ.

Для пониманія этого политическаго процесса намъ нужно познакомиться здѣсь, хотя въ общихъ чертахъ, съ новымъ строемъ Украины, формировавшимся въ это время, и съ ея общественными отношеніями, такъ какъ это дастъ намъ ключъ къ уразумѣнію многаго въ событіяхъ этого времени. Мы должны только помнить, что имѣемъ дѣло съ отношеніями, еще не опредѣлившимися вполнѣ, формами еще не отвердѣвшими во многомъ и позже недоразвившимися до полной опредѣленности вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Начнемъ съ организаціи Украины. Основаніемъ ея послужило старое устройство козачьяго войска, выработавшееся на протяженіи XVI—XVII вв., только въ болѣе широкомъ масштабѣ, сообщенномъ ему Хмельниччиной.

Мы знаемъ, что къ козацкому войску, къ козацкому „присуду“ издавна причисляли себя значительныя массы крестьянскаго и мѣщанскаго населенія, и только репрессіи и ограниченія польскаго правительства сдерживали ихъ возрастаніе. Теперь эти ограниченія исчезли: цифры реестра оставались на бумагѣ. Потребность въ военныхъ силахъ застав-

ляла, наоборотъ, всячески содѣйствовать увеличенію числа козаковъ, причисленіямъ къ козачьему званію, и всѣ имѣвшіе средства снарядиться въ походъ и предпочитавшіе свободное состояніе козака безпрепятственно „писались въ козаки“.

Одновременно съ такимъ расширеніемъ границъ козачества козацкое устройство превращается въ администрацію болѣе общаго характера. Затянувшійся конфликтъ съ польскимъ правительствомъ держитъ край на военномъ положеніи въ продолженіе ряда лѣтъ, и это временное положеніе начинаетъ превращаться въ норму. Начальникъ козацкаго войска—гетманъ со своимъ штабомъ, представлявшій временное правительство края, превращается въ правительство постоянное и заступаетъ мѣсто исчезнувшей администраціи польской.

Его штабъ, носящій названіе „генеральной старшины“: генеральный обозный, генеральный судья, генеральный есаулъ, генеральный писарь, носящіе титулы „генеральныхъ“ для отличія отъ такихъ же „полковыхъ“ чиновъ, появляющихся въ каждомъ полку и составляющихъ штабъ и совѣтъ полковника,—получаетъ характеръ совѣта министровъ при главѣ правительства. Край, находящійся подъ гетманскимъ „региментомъ“, раздѣляется на полки, и территорія, изъ которой комплектуется данный полкъ, цѣликомъ переходитъ подъ власть полковника, являющагося не только начальникомъ своего полка, какъ военнаго контингента, но и правителемъ приписанной къ нему территоріи, заступая мѣсто польскихъ старостъ. Уже съ 1630-хъ гг. мы встрѣчаемся съ такими полками, связанными съ извѣстными территоріями, гдѣ козачья старшина осуществляла свои административныя и судебныя права надъ козачьимъ населеніемъ, исключавшимъ себя изъ подсудности всякой иной администраціи. Гнѣздятся они главнымъ образомъ въ королевщинахъ, которыя правящая шляхта въ первую голову уступала козачеству (полки чигринскій, черкасскій, корсунскій, бѣлоцерковскій и т. д.), но захватываетъ и частныя имѣнія (видимъ въ 1630-хъ гг. отдѣльный полкъ лубенскій, въ имѣніяхъ Вишневецкихъ).

Послѣ того, какъ возстаніе упразднило коронныя староства и магнатскія латифундіи, козацкія власти могли закрѣпить за собою не только всю полноту власти по отношенію къ козачьему населенію, но распространить ее и на другія сословія, за счетъ исчезнувшей старостинской и доминіальной власти. Войсковой власти подчиняется и крестьянское неслужилое населеніе и въ значительной степени также мѣщанское, вообще чрезвычайно многочисленное, такъ какъ масса общинъ, совершенно лишенныхъ всякихъ признаковъ торгово-промышленныхъ поселеній, называются городами, „мѣстами“. Въ принципѣ эти города и мѣстечка должны были пользоваться самоуправленіемъ по типу нѣмецкаго права; но военныя полномочія полковника и полковой старшины на практикѣ приводятъ не только къ полному подчиненію мѣстечекъ съ упрощенной, „ратушной“ организаціей, но и къ весьма значительной зависимости болѣе значительныхъ городовъ съ полной системой „магистратовъ“ нѣмецкаго права.

Въ связи съ военными и политическими обстоятельствами, составъ этой покозаченной территоріи мѣнялся; въ общемъ она охватывала территоріи прежнихъ воеводствъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго (западная Украина осталась въ status quo, во владѣніи Польши). Въ связи съ тѣми же обстоятельствами мѣнялось число полковъ, ихъ имена и территоріи. Въ реестрѣ 1649—50 г. видимъ 16 полковъ: на правомъ берегу Днѣпра Чигиринскій, Черкасскій, Каневскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Уманскій, Браславскій, Кальницкій и Кіевскій, на лѣвомъ—Переяславскій, Кропивенскій, Миргородскій, Полтавскій, Прилуцкій, Нѣжинскій и Черниговскій. Составъ полковъ и численность ихъ были весьма

неодинаковы; даже въ упомянутомъ реестрѣ число сотенъ въ полкахъ колеблется отъ 7 до 20, а козачьи контингенты отъ тысячи до трехъ слишкомъ тысячъ; въ дѣйствительности же колебанія были еще болѣе значительны.

Полковая власть составляетъ главную основу новаго строя, и съ теченіемъ времени ея полнота имѣла тенденцію усиливаться и упрочи-

Хмельницкій и современная Украина (картина конца XVII в.). Подъ фигурою Хм. карта Украины (съ птичьяго полета), раздѣленной на полки, означенные полковничьями булавами; на низовьяхъ Днѣпра Січь (шатеръ со знаменемъ и булавою). Съ лѣвой стороны козацкое войско, представленное группою старшины (по числу полковъ), справа гетманская палатка, надъ нею войсковой гербъ, внизу группа испуганныхъ Поляковъ съ подписью: „А Ляхамъ такъ страшно, что гдѣ-либо повѣютъ вѣтры, всѣ яко Хмельницкій идетъ, разумѣютъ".

ваться, съ одной стороны пріобрѣтая все большую опредѣленность и самодовлѣемость по отношенію къ власти гетманской, съ другой стороны — постепенно подавляя элементы народовластія во внутреннихъ отношеніяхъ полка. Постепенно она пріобрѣтаетъ самовластный и безотвѣтственный характеръ по отношенію къ полчанамъ, которымъ первоначально принадлежалъ и выборъ полковника (конкурировавшій однако постоянно съ

гетманскимъ назначеніемъ) и рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ полковой жизни. Съ другой стороны власть полковника чрезвычайно усиливается также въ отношеніяхъ къ своимъ ближайшимъ помощникамъ: полковой старшинѣ и сотникамъ, начальникамъ болѣе мелкихъ округовъ, на которые подраздѣлялся полкъ, въ ослабленной миніатюрѣ отражавшимъ собою власть полковника.

Вообще принципъ единоличной власти, военной диктатуры, создавававшейся опасными, критическими условіями жизни края, постоянно боролся съ принципомъ козацкаго народовластія. Принципы выборности и коллегіальности козацкихъ чиновъ, широкаго участія въ ихъ управленіи массъ, могущихъ въ каждую минуту потребовать отъ нихъ отчета, смѣнить и подвергнуть суровой отвѣтственности—республиканскіе принципы, выработанные въ козацкихъ кругахъ долголѣтней жизнью козацкой республики, были въ теоріи перенесены вполнѣ на новое военно-народное управленіе. Въ принципѣ они должны были соблюдаться во всей полнотѣ. Гетманъ избирается свободнымъ выборомъ войсковой „рады—собранія козаковъ, не знавшаго, какъ и его прототипъ—старорусское вѣче, никакихъ спеціальныхъ формъ представительства. Въ радѣ принимали участіе всѣ явившіеся на нее козаки, голосуя каждый за себя. Хотя позже обращалось вниманіе на то, чтобы, для правосильности рѣшенія рады, въ ней принимали участіе представители всѣхъ полковъ (отсутствіе этого условія давало поводъ не признавать рѣшенія рады тѣмъ полкамъ, козаки которыхъ не принимали въ ней участія), однако никакихъ нормъ пропорціональнаго представительства, избранія депутатовъ или представительскихъ полномочій не существовало ни теперь, ни позже.

Этой же войсковой радѣ принадлежало рѣшеніе и наиболѣе важныхъ вопросовъ политической жизни. Въ принципѣ ей подлежали собственно всѣ важнѣйшіе вопросы текущаго управленія, войны и мира. Но съ тѣхъ поръ, какъ козачество стало такою огромною массою, разсѣянною на такой огромной территоріи, войсковая рада стала механизмомъ тяжелымъ; функціонированіе ея осложнялось разными формальностями, не получившими никогда вполнѣ опредѣленнаго разрѣшенія. Поэтому обсужденіе и рѣшеніе вопросовъ текущаго управленія и политики фактически переносились въ совѣтъ старшины, а за войсковою радою остались наиболѣе кардинальные вопросы: выборъ или смѣщеніе гетмана, установленіе отношеній къ сюзеренному государству: признаніе его верховенства, санкція формъ зависимости отъ него. Все остальное отошло къ совѣту старшины, въ концѣ концовъ оттѣснившему и лишившему всякаго значенія войсковую раду.

Рада старшины имѣла своимъ ядромъ совѣтъ генеральной старшины, т. е. ближайшій штабъ и совѣтъ министровъ гетмана. Кромѣ того сюда входили полковники и „значныя“ лица, хотя не занимавшія должностей генеральныхъ или полковницкихъ, но по своему вліянію въ войскѣ, по своимъ заслугамъ, связямъ и т. п занимавшія видное положеніе въ немъ, (то, что обозначается позже выработавшимся терминомъ: „значний войсковой товарищъ“). Болѣе или менѣе полный составъ этой рады, собиравшейся по приглашенію гетмана или по собственной иниціативѣ, зависѣлъ отъ большей или меньшей важности вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію, и отъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ происходило совѣщаніе.

Сфера вліянія и значеніе рады зависѣли отъ положенія, занимаемаго гетманомъ, и отъ степени зависимости или независимости отъ него старшины. Въ теоріи старшина и ея рада были независимы отъ гетмана: старшину, какъ и гетмана, должно было избрать войско. Козаки сотни должны были выбирать своего сотника, козаки полка—своего полковника,

полковники и прочая старшина должны были выбирать генеральную старшину. Такимъ образомъ рада старшины, какъ и гетманъ, должна была служить органомъ суверенной воли народа-войска, состоя изъ его избранниковъ и представителей, органомъ только болѣе устойчивымъ, чѣмъ гетманъ. Между тѣмъ какъ послѣдній могъ быть смѣненъ въ каждую минуту рѣшеніемъ войсковой рады,—измѣненіе состава старшины требовало процесса болѣе сложнаго и продолжительнаго. Такимъ образомъ рада старшины являлась коррективомъ возможной неустойчивости гетманской власти, точно также случайности и измѣнчивости рѣшеній войсковой рады, и должна была придавать политикѣ народа-войска большую устойчивость.

Съ этой точки зрѣнія перенесеніе изъ сферы вѣдѣнія войсковой рады въ раду старшины вопросовъ текущаго управленія и текущей политики не нарушало бы рѣзко интересовъ народовластія. Но дѣло въ томъ, что практика уже далеко разошлась съ теоріею, съ принципами демократическаго строя козачьяго войска; и въ дѣйствительности конкуренція войсковой рады съ радою старшины получала характеръ борьбы козацкаго демоса съ старшинскою олигархіею.

Старшина, сложившись въ ясно выраженный общественный классъ, съ опредѣленными сословными, экономическими и политическими стремленіями, отодвигая на второй планъ войсковую раду, вообще стремится устранить рядовое козачество, козацкую „чернь“ отъ всякаго вліянія на политику и управленіе. Она старается захватить въ свои руки судьбы гетманскаго уряда, подчинить своему вліянію замѣщеніе должностей генеральной старшины, полковниковъ и другихъ войсковыхъ чиновъ и такимъ образомъ сосредоточить фактически въ своихъ рукахъ все управленіе, устранивъ или ослабивъ до простыхъ формальностей выборную систему, козацкое народовластіе, какъ съ другой стороны старается освободиться отъ вмѣшательствъ въ управленіе и внутреннія отношенія Украины со стороны московскаго правительства. Но эта борьба на два фронта оказывается непосильною для нея. Козацкія массы поддерживаютъ московское правительство противъ старшины. Съ другой стороны козацкая „чернь“ находитъ сочувствіе и поддержку въ народныхъ массахъ, такъ какъ политическая борьба козацкой „черни“ съ старшиной усложнялась борьбой чисто-классовой, на почвѣ чисто-экономическихъ и общественныхъ отношеній, и эта ожесточенная борьба только расшатываетъ въ ихъ основахъ конституціонныя формы украинскаго устройства, и безъ того неособенно прочныя, едва складывавшіяся.

Какъ видно уже изъ предшествующаго краткаго очерка въ козацкомъ устройствѣ были весьма цѣнныя основы конституціоннаго (республиканскаго) строя, но онѣ требовали весьма тщательнаго приспособленія къ требованіямъ общегосударственнаго управленія, искусной разработки и нормировки ихъ формъ. Но ничего этого не было сдѣлано, и противорѣчія, въ которыя вошло это козачье устройство съ первыхъ шаговъ, не устраненныя своевременно, исказили весьма существенно эти цѣнныя основы конституціоннаго строя.

Уже самое соединеніе республиканскихъ формъ съ чисто-военнымъ характеромъ устройства заключало въ себѣ огромныя трудности. Военная организація требуетъ большой дисциплины, субординаціи органовъ и сильной, диктаторской власти вождя. Удивительный духъ организаціи, вообще поражающей насъ въ козачествѣ—этой полудикой ордѣ, на взглядъ многихъ нынѣшнихъ изслѣдователей, умѣлъ сочетать эти два почти несовмѣстимые принципа: строгой военной дисциплины и неограниченнаго народовластія. Пока къ вождю, къ его талантамъ и честности, питали довѣріе, его не стѣсняли—онъ пользовался диктаторской властью въ военное

время, въ походѣ, во время кампаніи, и обращался къ голосу рады, когда и поскольку самъ находилъ это нужнымъ. Его не ограничивали въ переговорахъ, въ назначеніяхъ, во всякаго рода распоряженіяхъ, и онъ дѣйствовалъ на свой страхъ и рискъ почти такъ широко, какъ самъ того хотѣлъ.

Такою диктаторскою властью пользовался Хмельницкій среди хронической, перемежающейся борбы съ Польшею, требовавшей чрезвычайнаго напряженія. Къ такой широкой власти стремились и его пріемники. Но такіе періоды военныхъ диктатуръ, внѣ нормальнаго состоянія не могли благопріятно отражаться на конституціонномъ развитіи отношеній. Гетмановъ тяготитъ контроль войсковой рады и даже старшины. Они предпочитаютъ обходиться безъ нихъ, править съ участіемъ тѣснаго круга довѣренныхъ приверженцевъ. Они замѣщаютъ отъ себя, безъ войсковаго выбора, должности полковниковъ и генеральной старшины, этимъ стараются упрочить свое положеніе и свою власть.

Богданъ Хмельницкій.—Современная гравюра (Waumans).

Въ этомъ же смыслѣ дѣйствовало и другое противорѣчіе, крывшееся въ новомъ устройствѣ. Будучи по своему существу войсковымъ, т. е. обнимая собою лишь одно военное, козацкое сословіе, фактически гетманское правленіе превратилось въ общегосударственное и стремится сохранить за собою это значеніе.

Гетманъ разсматриваетъ себя какъ главу государства, и разсматривается какъ таковой украинскимъ населеніемъ; за гетманомъ и его министры—генеральная старшина, и рада старшины смотрятъ на себя какъ на высшіе органы общаго управленія. Имъ дѣйствительно приходилось заниматься вопросами, далеко выходившими за границы чисто козацкихъ интересовъ, касавшимися другихъ сословій, между тѣмъ какъ войсковая

рада представляла только козацкое сословіе и собственно не могла имѣть голоса въ вопросахъ, касавшихся другихъ сословій. Сознаніе этого противорѣчія проявляется въ формулѣ гадячской конституціи 1658 г.: гетманъ долженъ избираться сословіями Украины, т. е. войскомъ, шляхтой, духовенствомъ и представителями городовъ (возможности такого же права за крестьянскимъ сословіемъ тогда не подозрѣвали). Но конституція эта не нашла своего осуществленія на практикѣ, и указанное противорѣчіе продолжало существовать. Между понятіемъ общегосударственнаго правленія и правленіемъ войсковымъ оставалась щель, которую не удалось выполнить.

Несомнѣнно, это не оставалось безъ вліянія на постепенное ослабленіе значенія войсковой рады, какъ съ другой стороны облегчало вмѣшательства въ украинскія отношенія московскаго правительства.

Эти послѣднія особенно гибельно отразились на судьбахъ украинской демократіи. Правленіе украинскаго демоса такъ глубоко противорѣчило всему государственному складу Москвы, что въ сферѣ вліянія этой послѣдней ему не могло быть мѣста. Москва поддерживала иногда гетмана, если имѣла къ нему довѣріе, иногда держала сторону старшины, если не довѣряла гетману; но съ демосомъ она не могла имѣть ничего общаго, хотя онъ и старался иногда найти въ ней содѣйствіе въ своей борьбѣ со старшиною, и Москва пользовалась его призракомъ, чтобы терроризовать старшину. Признавъ по традиціи за войсковою радою право выбора гетмана, Москва вообще склонна была игнорировать на дѣлѣ ея участіе; старшина съ гетманомъ, имѣя поддержку у московской бюрократіи, игнорировали ее также. Поэтому со времени капитуляціи старшины передъ Москвою (въ послѣдней четверти XVII в.) войсковая рада теряетъ всякое значеніе, и все переходитъ въ руки старшины. Но это была довольно сомнительная побѣда: плоды борьбы старшины съ козацкимъ демосомъ собралъ московскій централизмъ, подчинивъ къ тому времени старшину своему контролю и ограничивъ ее такъ, что ей собственно осталось только иллюзія управленія. Правила Украиною уже московская бюрократія.

Старые принципы козацкаго демократизма удержались въ полной силѣ и чистотѣ только на Запорожьѣ, т. е. у козаковъ, жившихъ внѣ полкового устройства Украины, въ степныхъ пространствахъ нижняго Днѣпра. Они имѣли свою особую организацію, центромъ которой былъ „кіш“ — Сѣч на Днѣпрѣ, и свое управленіе, во главѣ котораго стоялъ кошевой атаманъ, избираемый войсковою радою.

Издавна существовало извѣстное соперничество между козачествомъ запорожскимъ, гдѣ группировались наиболѣе радикальные элементы, и козачествомъ „городовымъ“, жившимъ въ осѣдлыхъ мѣстностяхъ Поднѣпровья, организованныхъ теперь въ полковомъ устройствѣ. Теперь, сохранивъ у себя вполнѣ старое народовластіе, правленіе войсковой рады, Запорожье особенно неодобрительно смотрѣло на старанія украинской старшины захватить власть въ свои руки, оттѣснивъ на второй планъ козацкій демосъ, и неизмѣнно поддерживало этотъ послѣдній въ его борьбѣ со старшиною. По старымъ традиціямъ польскихъ временъ, когда Запорожье дѣйствительно служило центромъ козачества, оно претендуетъ и теперь на руководящую роль въ украинскихъ дѣлахъ, требуетъ, чтобы гетманы выбирались на Запорожьѣ, и кошевые часто отказывали въ повиновеніи гетману, особенно если послѣдній являлся ставленникомъ старшины, къ которой Запорожье относилось весьма враждебно.

Всѣ эти противорѣчія въ устройствѣ Украины, несовершенства ея строя, конкуренція разныхъ элементовъ и тренія различныхъ органовъ управленія не давали себя такъ чувствовать во время управленія Хмель-

ницкаго, подъ его сильною рукою. Благодаря своему высокому авторитету и обаянію своего имени въ козачествѣ, смотрѣвшемъ на него какъ

Заглавная страница реестра войска Запорожскаго 1649 г.

на своего прирожденнаго вождя и героя, Хмельницкій при своихъ выдающихся дарованіяхъ правителя успѣвалъ стирать шереховатости отно

шеній и двигалъ довольно успѣшно этотъ тяжелый, непригнанный механизмъ. Это было не легко, Хмельницкому нерѣдко измѣняли средства нравственнаго воздѣйствія и онъ обращался тогда къ террору, а отъ людей внушавшихъ ему опасенія, отдѣлывался безъ церемоній. А его преемники не обладали ни его обаяніемъ, ни его талантами и ни предъ чѣмъ не останавливающейся энергіей, и внутреннія коллизіи украинскаго строя начали выходить наружу, усложняясь соціальными отношеніями—столкновеніемъ старшины съ козацкимъ демосомъ и еще болѣе широкими массами народа на почвѣ соціально-экономическихъ отношеній.

Объ этомъ соціально-экономическомъ антагонизмѣ, оказавшемъ весьма сильное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Украины, я долженъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Мы видѣли, что козачество съ началомъ XVII вѣка сложилось въ общественный классъ, полупривилегированное военное сословіе, претендовавшее на право польскаго военно-служилаго сословія. т. е. шляхты. Сословныя идеи были усвоены особенно верхними слоями — родовитымъ козачествомъ, занимавшимъ высшія должности въ войскѣ, отличавшимися достаткомъ и гордившимся заслугами своими и своихъ фамилій. Оно смотрѣло на себя, какъ на высшее, привилегированное сословіе. Хотя оно боролось противъ польско-шляхетскаго режима, но въ его представленіи общественныя отношенія укладывались не иначе какъ по типу того же сословнаго государства, прежде всего той-же Польши, въ порядкахъ которой оно выросло. Начиная съ Хмельницкаго и кончая послѣднимъ украинскимъ демагогомъ Петрикомъ (конца XVII в.), украинская интеллигенція вообще и козацкая старшина спеціально не представляла себѣ общественнаго строя безъ сословныхъ привилегій, безъ подданныхъ и господъ, и ихъ чувство оскорблялось только тѣмъ, что господами были Поляки, люди чужой народности и вѣры, или тѣмъ, что претендовали на панство люди худородные, не заслуженные. „Кто козакъ — будетъ вольности козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ — тотъ будетъ должность обыклую царскому величеству отдавать“,—гласитъ въ великорусскомъ переводѣ одна изъ статей, предложенныхъ правительствомъ Хмельницкаго московскому правительству въ 1654 г. А его послы—представители козацкой старшины — во время переговоровъ выпрашивали у московскаго правительства для себя грамоты на имѣнія и домогались, чтобы въ нихъ было спеціально упомянуто о неограниченныхъ правахъ ихъ надъ крестьянами, какіе окажутся въ этихъ имѣніяхъ или будутъ ими на-ново поселены.

Характерно въ высшей степени, что грамотъ этихъ послы Хмельницкаго не рѣшились никому предъявить на Украинѣ, и онѣ остались въ секретѣ. Въ этомъ обнаружилось сознаніе противорѣчія такихъ сословныхъ стремленій старшины со стремленіями и настроеніемъ народныхъ массъ. Ко всему, что напоминало хотя бы отдаленно шляхетско-панщинные порядки, эти народныя массы относились чрезвычайно подозрительно и враждебно. Нужно было время, чтобы сломить эту силу народнаго сопротивленія, и потому процессъ созданія новаго господствующаго сословія изъ козацкой старшины и закрѣпощеніе крестьянства начинаетъ развиваться вполнѣ осязательно только съ конца XVII в., когда старшина нашла для своихъ сословныхъ стремленій опору въ московскомъ правительствѣ. Но существованіе сословныхъ и крѣпостническихъ тенденцій у своей интеллигенціи, у козацкой старшины украинскій народъ почуялъ очень скоро.

До нашего времени сохранилась прекрасная народная дума „О запорожскомъ гетманѣ Ганжѣ Андыберѣ“ — одна изъ лучшихъ по своимъ поэтическимъ достоинствамъ и свѣжести историческаго колорита. Дума

ображаетъ контрастъ аристократничествующей старшины, которую дума азываетъ „дуками-сріблянѝками“ и даже „ляхами“, и козацкой „голоты“ (голи) или „черни“. Она рисуетъ сцену въ степной „корчмѣ“, дѣ пьютъ „три ляхи дуки-сріблянѝки“: Гаврило Довгополенко переяславскій, Війтенко ниженскій и Золотаренко черниговскій (полковники). Туда же приходитъ оборванный козакъ-нетяга; „дуки“ издѣваются надъ нимъ, но затѣмъ оказывается, что этотъ оборвышъ — гетманъ „запорожскій“ Ганжа Андыберъ, въ лицѣ котораго дума изображаетъ, вѣроятно, Брюховецкаго, выставленнаго ультра-демократическимъ Запорожьемъ противъ представителя старшины — переяславскаго полковника Сомка (Довгополенка думы). На призывъ Ганжи къ „рікамъ низовим, помощницям дніпровим“ приносятъ ему козаки дорогіе уборы и знаки власти. Дуки, послѣ такого превращенія, приглашаютъ Ганжу въ свою компанію —

Присунь ся ти до нас, кажуть, ближче,
Поклонимось ми тобі низче,
Будем радить ся, чи гаразд добре на славній Україні проживати!

Но Ганжа пренебрегаетъ ихъ обществомъ и поручаетъ своимъ козакамъ проучить зазнавшихся старшинъ, что тѣ и исполняютъ съ полною готовностью:

„Ей козаки“, каже, діти, друзї, молодцї!
Прошу я вас, добре дбайте,
Сих дуків-сріблянѝків за лоб наче волів із-за стола
вивождайте,
Перед вікнами покладайте, у три березини потягайте,
Щоб вони мене споминали, мене до віку памятали!
Тодї ж то козаки—дїти друзї молодцї—добре дбали,
Сих дуків сріблянѝків за лїб брали,
Із-за стола наче волів вивождали,
Перед вікнами покладали, у три березини потягали,
І ще стиха словами промовляли:
„Ей дуки, дуки, за вами всї луги й луки,
нїде нашому брату, козаку нетязї, стати—
й коня попасти!“

Представителями „дукъ“ выступаютъ въ думѣ историческія лица довольно ранняго времени — дѣятели 1660-хъ гг. Итакъ уже они запечатлѣлись въ народной памяти, подъ вліяніемъ демагогической агитаціи Запорожья, какъ типическіе представители панскихъ тенденцій старшины.

Дѣйствительно, въ историческихъ фактахъ контрастъ старшины и „черни“ выступаетъ вполнѣ осязательно уже непосредственно по смерти Хмельницкаго, хотя пока еще главнымъ образомъ въ сферѣ политики. Партія старшины стремится оттѣснить гетмана, избраннаго войсковою радою, провести своего человѣка и вообще оттѣснить войсковую раду и козацкую „чернь“ на второй планъ. Въ защиту козацкихъ массъ и войскового правленія выступаетъ Запорожье и агитируетъ среди черни. Противники старшины ищутъ поддержки у московскаго правительства, которое и пользуется этимъ раздвоеніемъ въ своихъ видахъ, чтобы сбить старшину съ позиціи, сломить ея стремленія къ автономіи и принудить къ уступкамъ въ вопросахъ политики за цѣну неприкосновенности сословныхъ интересовъ.

Вопросы сословные и экономическіе еще не выступаютъ въ полной опредѣленности; мы встрѣтимся съ ними въ такой вполнѣ опредѣленной формѣ только спустя четверть столѣтія. Но самое противоставленіе „пановъ“ и „черни“ даетъ понять, что уже въ этой борьбѣ, начинающейся въ концѣ 1650-хъ годовъ и продолжающейся затѣмъ въ 1660-хъ, участвовали интересы классовые и экономическіе, придававшіе политической борьбѣ ея жгучесть и упорство.

Эти классовые и экономическіе конфликты сильно усложняли чисто политическій, организаціонный процессъ. Но украинское общество жило

быстро и скоро проходило школу самостоятельной политической жизни. Создавъ экспромтомъ новую организацію Гетманщины, оно вѣроятно успѣло бы приготовить ее къ потребностямъ жизни и ввести въ русло новыхъ отношеній классовыя и экономическія противорѣчія. Для этого нужно было только извѣстный періодъ болѣе или менѣе спокойнаго и свободнаго существованія. Но этого то и не было.

Украинскому обществу пришлось жить въ состояніи кризиса, постоянно видя передъ собой перспективу гибели всего завоеваннаго. Со всѣхъ сторонъ жадно сторожили сосѣди-враги, пользуясь всякимъ расхожденіемъ, всякимъ затруднительнымъ положеніемъ правящей партіи, чтобы раздуть смуту и использовать ее для себя. Приходилось жить неотложными интересами минуты, принося имъ въ жертву все. Основы новой украинской конституціи безжалостно коверкались, вмѣсто того, чтобы планомѣрно и цѣлесообразно развиваться, а затѣмъ ея же недочеты использовались противъ нея, когда остановленная въ своемъ развитіи, она застыла въ такомъ недодѣланномъ видѣ, подъ гнетущей рукой московской бюрократіи.

Строй Гетманщины еще весьма мало изученъ, особенно для этого, болѣе ранняго времени. Можно указать: Лазаревскаго, Описаніе старой Малороссіи, II — III, его-же Сотники (Рус. Архивъ 1873), Суды въ старой Малороссіи (К. Стар. 1898, VII). Слабченко: Малорусскій полкъ въ административномъ отношеніи (1909). Модзалевскій: Очерки по исторіи Лохвицкой и др. сотень (1905). Миллеръ: Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII в. (1896). Новая (начатая лишь) работа Мякотина: Очерки соціальной исторіи Малороссіи: 1. Возстаніе Б. Хмельницкаго и его послѣдствія (Русс. Богат. 1912).

Войсковая печать Хмельницкаго.

Заграничные послы у Хмельницкаго.—Рисунокъ Шевченка.

XVIII. Событія по смерти Хмельницкаго (1657—1663).

Отъ общихъ замѣчаній переходимъ къ событіямъ, исходною точкою которыхъ послужила кончина Хмельницкаго.

Его смерть не была неожиданностью; онъ тяжело хворалъ и чувствуя ея приближеніе, самъ предложилъ войску выбрать ему преемника. Изъ уваженія къ его заслугамъ и къ его имени—„аби була тая слава, що Хмельницький гетьманом", войсковая рада преемникомъ объявила его малолѣтняго сына Юрія:

„Будем ми старих людей біля його держати,
Будуть вони його научати, будем його добре поважати,
Тебе, батька нашого гетьмана споминати",

какъ мотивируетъ этотъ выборъ позднѣйшая дума.

Но большинство старшины не сочувствовало этому выбору и по смерти Богдана Хмельницкаго подъ разными предлогами обошло Юрія и выбрало гетманомъ Ивана Выговскаго, долгое время занимавшаго постъ войскового писаря. Это былъ мелкій кіевскій шляхтичъ по происхожденію, довольно интеллигентный и образованный для своего времени, несомнѣнный украинскій патріотъ, человѣкъ способный, но болѣе ловкій, чѣмъ талантливый.

Выборъ Выговскаго былъ исключительно дѣломъ старшины и произведенъ былъ безъ настоящаго участія козачьей рады, такъ какъ козацкая масса стояла за Юрія Хмельницкаго и старшина опасалась встрѣтить съ ея стороны продиводѣйствіе кандидатурѣ Выговскаго. Эта предосторожность однако ему мало помогла. Противъ Выговскаго, какъ противъ ставленника старшины, шляхтича и человѣка безъ военныхъ заслугъ, немедленно возникла оппозиція на Запорожьѣ, представлявшемъ, какъ мы

знаемъ, наиболѣе демократическую, радикальную часть козачества. Къ ней примкнули южные лѣвобережные полки—Полтавскій и Миргородскій, въ силу сосѣдства стоявшіе въ наиболѣе тѣсныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Запорожьемъ и подъ непосредственнымъ его вліяніемъ. Этимъ движеніемъ воспользовался полтавскій полковникъ Мартинъ Пушкарь, надѣясь, по всей вѣроятности, при поддержкѣ этихъ радикальныхъ элементовъ занять мѣсто Выговскаго, какъ это нѣсколькими годами позже удалось Брюховецкому. Отъ Пушкаря и отъ запорожскаго кошевого Барабаша пошли въ Москву донесенія, что Выговскій избранъ неправильно, безъ участія войсковой рады, что войско гетманомъ имѣть его не желаетъ, что онъ склоняется къ Польшѣ и замышляетъ измѣну противъ Москвы и т. п.

Обвиненія эти не имѣли основаній, кромѣ упрека въ нарушеніи формальности выбора. Чтобы загладить эту неформальность, Выговскій созвалъ войсковую раду и былъ на ней еще разъ избранъ. Московское правительство послѣ этого признало вполнѣ законность выбора. Однако противники Выговскаго все-таки не унимались, продолжая сношенія съ Москвою и агитируя противъ Выговскаго среди народныхъ массъ, обнадеживая ихъ помощью изъ Москвы и т. п. Все это, конечно, очень раздражало Выговскаго. Онъ требовалъ, чтобы московское правительство прекратило сношенія съ его противниками, какъ бунтовщиками, отреклось отъ нихъ и помогло ему подавить враждебное движеніе. Московское правительство однако не хотѣло выдать ему головою своихъ корреспондентовъ, заявлявшихъ свою чрезвычайную преданность Москвѣ. Оно посылало имъ только увѣщательныя граматы и самаго Выговскаго удерживало отъ вооруженныхъ репрессалій, а между тѣмъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ гетмана, спѣшило выполнить задуманныя реформы: ввести воеводъ въ украинскіе города, передать имъ управленіе и сборъ налоговъ и подчинить кіевскую митрополію московскому патріарху.

Юрій Хмельницкій.—Рисунокъ изъ лѣтописи Величка.

Сначала Выговскій, скрѣпя сердце, покорно исполнялъ эти домогательства московской политики, надѣясь, что московское правительство съ своей стороны его поддержитъ. Но въ концѣ концовъ двоедушная и своекорыстная политика московскаго правительства вывела его изъ терпѣнія и онъ, потерявъ надежду на Москву, началъ дѣйствовать собственными средствами. Онъ откликается на предложенія, шедшія непрерывно, еще со временъ Хмельницкаго, изъ Польши, съ приглашеніемъ вернуться подъ власть польскаго короля; одновременно возобновляетъ сношенія съ Кры-

момъ и получаетъ оттуда подкрѣпленія. Движеніе на лѣвомъ берегу становится на столько опаснымъ, что Выговскій не считалъ возможнымъ оставаться долѣе пассивнымъ зрителемъ его. Въ маѣ 1658 г. онъ съ татарскою ордою двинулся на своихъ противниковъ. Подъ Полтавою произошла битва, въ которой Пушкарь былъ убитъ, а его партія разгромлена и Полтава сожжена. За это Выговскій получилъ выговоръ изъ Москвы и раздраженный поведеніемъ московскихъ воеводъ и самаго правительства, считая отношенія испорченными безвозвратно, рѣшаетъ возобновить связи съ Польшею.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ къ Выговскому были высланы польскимъ сеймомъ делегаты, которые 6 (16) сентября 1658 г. заключили съ нимъ въ Гадячѣ трактатъ (такъ наз. Гадячская комиссія). Украина по этому трактату возвращалась подъ власть польскаго короля, но не какъ простая провинція. Воеводства Кіевское, Браславское и Черниговское должны были составить вел. кн. Русское (по образцу в. кн. Литовскаго), со своими особыми министрами, казною, монетою и съ гетманомъ во главѣ. Гетманъ избирается сословіями в. княжества Русскаго, точнѣе — утверждается королемъ изъ кандидатовъ, предложенныхъ ему сословіями. Козацкій реестръ опредѣляется въ 30 тыс., кромѣ 10 тыс. наемнаго гетманскаго войска. Православная религія на всей территоріи, заселенной Русью, должна быть уравнена въ правахъ съ католическою; всѣ имѣнія, принадлежавшія православной церкви, должны быть ей возвращены; православный митрополитъ и четыре епископа получаютъ мѣста въ сенатѣ. Кіевская академія должна получить права краковскаго университета и, кромѣ нея, сословіямъ Украины предоставляется право заложить въ одномъ изъ городовъ Украины еще одну академію.

Иванъ Выговскій—оттуда-же.

Хотя условія эти не были осуществлены, они интересны какъ выраженіе стремленій украинской старшины. Правда принятый комиссіей текстъ не вполнѣ выражаетъ эти послѣднія. Нѣкоторыя существенныя пожеланія, не включенныя въ этотъ текстъ, были затѣмъ выражены въ петиціи, высланной на сеймъ 1659 г. и дѣлавшей нѣкоторыя существенныя поправки къ тексту комиссіи. Наиболѣе важная изъ нихъ требовала, чтобы въ составъ в. кн. Русскаго были включены также воеводства Волынское, Подольское и Русское (Галиція), т. е. почти вся украинская территорія. Въ первоначальныхъ набросках текста обращаетъ на себя мысль обезпечить Украинѣ нейтральное положеніе между Польшею и Москвою—зародышъ идеи Украины какъ вѣчно нейтральнаго государства

подъ протекторатомъ Польши и Москвы. Къ сожалѣнію, эта идея не получила дальнѣйшаго развитія.

Еще раньше чѣмъ окончились переговоры съ польскимъ правительствомъ, Выговскій перешелъ къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Москвы. Онъ попробовалъ выбить московскій гарнизонъ изъ Кіева, но это ему не удалось. Московское правительство объявило его измѣнникомъ и распорядилось произвести выборъ новаго гетмана. Но извѣстіе о заключеніи Выговскимъ трактата съ польскимъ правительствомъ чрезвычайно смутило московскихъ политиковъ; въ первый и послѣдній разъ они поколебались и готовы были пойти на уступки въ своей централистической политикѣ: воеводѣ Трубецкому поручено было войти въ переговоры съ Выговскимъ, обѣщать ему полную амнистію и согласиться на уступки примѣнительно къ его трактату съ Польшею, въ крайности даже на выводъ московскаго воеводы изъ Кіева.

Положеніе Выговского было тоже достаточно тяжелое. Со стороны Польши значительной поддержки онъ не имѣлъ, такъ какъ изнуренная тяжелой войной Польша сама разсчитывала на козацкія силы. Между тѣмъ связь съ нею была въ высокой мѣрѣ непопулярна среди украинскихъ массъ. Враждебное Выговскому движеніе въ лѣвобережной Украинѣ ожило, какъ только московское правительство выступило противъ гетмана. Выговскій колебался нѣкоторое время, но рѣшеніе разорвать съ Москвою превозмогло: онъ не вѣрилъ уже искренности московскаго правительства и въ его предложеніяхъ видѣлъ только хитрую уловку.

Борьба была рѣшена на жизнь и на смерть. Европейскимъ правительствамъ былъ разосланъ отъ имени старшины циркуляръ, объяснявшій причины разрыва и объявлявшій войну съ Москвою (первый фактъ обращенія къ европейскому общественному мнѣнію):

„Заявляемъ и свидѣтельствуемъ предъ Богомъ и всѣми, что война съ Поляками, начатая и веденная нами, имѣла не иную причину и не иную цѣль, какъ лишь защиту святой восточной церкви и предками завѣщанной свободы нашей: преданность ей руководила нами, вмѣстѣ съ покойнымъ вождемъ нашимъ безсмертной памяти Богданомъ Хмельницкимъ и тогдашнимъ писаремъ нашимъ (Выговскимъ). Свои личные интересы мы отодвинули на дальній планъ передъ славою божьею и дѣломъ народнымъ. Для нихъ вошли мы въ союзъ съ Татарами, а затѣмъ и свѣтлѣйшимъ Карломъ-Густавомъ королемъ шведскимъ. Всѣмъ имъ мы сохранили вѣрность ненарушимо. Не дали мы и Полякамъ никакого повода къ нарушенію договоровъ, соблюдая по отношенію ко всѣмъ нашу присягу, договоры и союзы. Не изъ другихъ побужденій приняли мы и протекцію в. князя московскаго, какъ для того лишь, чтобы сохранить и пріумножить для себя и потомства нашего за споспѣшествованіемъ божьимъ оружіемъ нашимъ пріобрѣтенную и кровью столько разъ возвращенную вольность нашу. Осыпанное обѣщаніями и обязательствами в. кн. московскаго, войско наше надѣялось, что въ виду общности вѣры и добровольнаго нашего присоединенія в. князь будетъ для насъ справедливъ, благожелателенъ и милостивъ, будетъ поступать съ нами искренно, не злоумышляя противъ нашей вольности, но приумножая ее еще болѣе, согласно своимъ обѣщаніямъ. Но надежды эти насъ обманули. Министры и вельможи московскіе побудили этого почтеннѣйшаго, благочестивѣйшаго и всемилостивѣйшаго государя къ тому, что въ первый же годъ, какъ только завершились переговоры между Москвою и Польшею, изъ видовъ на польскую корону рѣшилъ онъ насъ подавить и поработить и, занявъ насъ войною со Шведами, хотѣлъ тѣмъ легче это осуществить“...

Эту московскую измѣну Украинѣ, которую московскіе политики приносили въ жертву своимъ видамъ въ Польшѣ, поставлено такимъ

образомъ во главу обвиненій московской политикѣ. Въ качествѣ другого тяжелаго обвиненія была выдвинута московская политика во внутреннихъ отношеніяхъ Украины, гдѣ она создала смуту и расколъ, давъ почву для разныхъ демагоговъ, подрывавшихъ престижъ украинскаго правительства.

Въ началѣ 1659 г. Выговскій выступилъ за Днѣпръ противъ московской партіи. Навстрѣчу ему двинулся московскій воевода Трубецкой, соединившись со своими украинскими партизанами. Выговскій ретировался назадъ за Днѣпръ, чтобы подождать подкрѣпленій отъ союзниковъ, а Трубецкой между тѣмъ двинулся въ Сѣверскія земли, державшіяся Выговскаго, и осадилъ нѣжинскаго полковника Гуляницкаго въ Конотопѣ. Осада тянулась два съ половиною мѣсяца; положеніе осажденныхъ сдѣлалось отчаяннымъ, но сдаваться московскому войску они не хотѣли. Гуляницкій бомбардировалъ Выговскаго просьбами о помощи; Выговскій поджидалъ Татаръ. Наконецъ прибылъ самъ ханъ съ ордою, и Выговскій двинулся съ нимъ подъ Конотопъ. Московскіе воеводы не имѣли точныхъ свѣдѣній о его силахъ и когда навстрѣчу Выговскому изъ-подъ Конотопа выслано было войско, оно очутилось между двухъ огней: между казаками Выговскаго и Татарами.

Печать Выговскаго, гетмана великаго княжества Русскаго (т. е. Украины), учреждавшагося Гадячскою уніею (изображеніе голубя съ оливковой вѣтвью—символъ мира).

Произошла неслыханная катастрофа: московское войско уничтожено цѣликомъ; двое окольничьихъ *) попало въ плѣнъ. Трубецкой поспѣшилъ снятъ осаду и отступилъ за московскую границу.

Московская партія утратила всякую энергію и отвагу. Шансы Выговскаго поднялись неизмѣримо; но онъ или не съумѣлъ, или не успѣлъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Московскіе гарнизоны въ лѣвобережныхъ городахъ удержались. Запорожскій кошевой Сирко, врагъ Выговскаго, какъ и все Запорожье, пользуясь отсутствіемъ Татаръ, помогавшихъ Выговскому, произвелъ удачный набѣгъ на Ногайскую орду **) и затѣмъ двинулся на Чигиринъ. Эта диверсія заставила Выговскаго выйти изъ лѣвобережной Украины раньше, чѣмъ были уничтожены московскіе гарнизоны, а съ его уходомъ московская партія начала вновь поднимать голову. Даже въ Сѣверщинѣ обнаружилось движеніе, враждебное Польшѣ и Выговскому: расквартированныя здѣсь вспомогательныя польскія войска, присланныя на помощь Выговскому, по старой памяти возбуждали такую ненависть въ украинскомъ населеніи, что ихъ въ концѣ концовъ перерѣзали.

Въ этой рѣзнѣ погибъ и одинъ изъ выдающихся представителей партіи старшины Юрій Немиричъ; его считали истиннымъ авторомъ Гадячскаго трактата.

*) Очень высокій боярскій чинъ (второго класса).

**) Это было первое громкое дѣло знаменитаго въ исторіи Сѣчи вождя, славнаго воина, но совершенно лишеннаго способностей политика.

Примѣръ Запорожья и лѣвобережныхъ полковъ началъ вліять и на правобережные: многіе полковники заявили, что они не желаютъ признавать власти Польши. Уманскій полковникъ Ханенко соединился съ войскомъ Сирка и двинулся къ Кіеву, гдѣ въ то время находился Юрій Хмельницкій. Его, какъ лицо, выбранное уже разъ гетманомъ и только оттѣсненное Выговскимъ, противники послѣдняго теперь съ разныхъ сторонъ выдвигали и прочили на гетманство.

Въ первыхъ числахъ сентября 1659 г. подъ м. Германовкой, недалеко отъ Бѣлой Церкви, стали другъ противъ друга оба лагеря — Юрія Хмельницкаго и Выговскаго. Съ Выговскимъ былъ только отрядъ Поляковъ и остатки его „затяжцевъ", наемнаго войска. Козаки всѣ перешли къ Хмельницкому, да и Поляки и затяжцы начали разбѣгаться отъ него. 11 сентября состоялась козацкая рада. Козаки рѣшительно заявили, что они не хотятъ сражаться противъ Москвы; общее раздраженіе противъ Выговскаго проявилось такъ сильно, что его едва не убили. Онъ долженъ былъ удалиться изъ рады, которая вслѣдъ затѣмъ провозгласила гетманомъ Юрія Хмельницкаго. Выговскій послѣ этого счелъ свою роль, какъ козацкаго гетмана, оконченною и отослалъ Хмельницкому знаки гетманской власти. Однако, не оставляя все же своего плана—оторвать Украину отъ Польши, онъ старался вліять въ этомъ направленіи и на новаго гетмана, и дѣятельность его въ этомъ направленіи не была безплодна. Но окончилась она очень плачевно: нѣсколько лѣтъ спустя бывшій гетманъ былъ разстрѣлянъ польскимъ полевымъ судомъ по обвиненію въ измѣнѣ, выразившейся въ намѣреніи произвести возстаніе противъ Польши. Обвиненіе было, несомнѣнно, совершенно неосновательно, да и съ формальной точки зрѣнія самый полевой судъ надъ такимъ важнымъ лицомъ, носившимъ послѣ гетманства титулъ кіевскаго воеводы, былъ вопіющей безправностью и характернымъ проявленіемъ полной дезорганизаціи польскаго управленія.

Юрій Хмельницкій.—Современная гравюра.

Въ виду нерасположенія къ Польшѣ, рѣзко выраженнаго массой козачества въ движеніи противъ Выговскаго, старшина не рѣшалась поднимать вопроса объ осуществленіи Гадячскаго трактата и польской протекціи, хотя весьма многіе—въ интересахъ украинской автономіи — этому несомнѣнно сочувствовали. Но рѣшаясь, подъ давленіемъ массъ, возстановить зависимость Украины отъ Москвы, украинскіе автономисты хотѣли по крайней мѣрѣ опезпечить въ будущемъ автономію Украины, принудивъ московское правительство къ нѣкоторымъ существеннымъ уступкамъ. Подъ ихъ вліяніемъ Хмельницкій, принявъ гетманство, увѣ-

домилъ объ этомъ только переяславскаго полковника Цыцюру, выдвинувшагося на первый планъ въ лѣвобережной Украинѣ во время предшествующаго движенія, и этимъ ограничился, не входя ни въ какія сношенія съ московскими воеводами. Придвинувшись къ Днѣпру со своимъ войскомъ, онъ выжидалъ перваго шага съ ихъ стороны. Когда воевода Трубецкой обратился къ нему съ призывомъ—признать власть московскаго царя по-старому, на старыхъ правахъ и вольностяхъ, Хмельницкій и старшина отвѣтили ему предложеніемъ условій, на которыхъ они согласны признать власть Москвы.

Они домогались, чтобы московскихъ воеводъ и гарнизоновъ не было нигдѣ кромѣ Кіева, какъ было при Богданѣ Хмельницкомъ; чтобы московскія войска, присылаемыя на Украину, находились подъ командой гетмана; чтобы гетмана выбирало само войско, безъ вмѣшательства московскаго правительства и его воеводъ, и выбранный гетманъ былъ признаваемъ московскимъ правительствомъ безъ всякихъ оговорокъ; чтобы оно не сносилось помимо гетмана съ старшиною и войскомъ, не принимало никакихъ писемъ, не контрасигнованныхъ гетманомъ и войсковой печатью, и вообще чтобы административныя и судебныя права гетмана не подвергались никакимъ исключеніямъ и ограниченіямъ; право сношеній съ иностранными державами должно было остаться за нимъ вполнѣ, московское же правительство въ дипломатическихъ переговорахъ, касающихся Украины, должно приглашать къ участію представителей гетманскаго правительства, съ правомъ голоса; украинская церковь должна оставаться подъ властью константинопольскаго патріарха; школы „всякаго языка“ должны свободно основываться и впредь.

Эти условія были отвѣтомъ на событія послѣднихъ лѣтъ и обнаружившіяся въ нихъ стремленія московской политики къ ограниченію украинской автономіи и самобытности. Безъ такихъ поправокъ украинское общество считало зависимость отъ Москвы невозможною, и этимъ объясняется, почему всѣ участники изложенной формулы соглашенія, когда Москва ея не приняла, оказались потомъ въ рядахъ враговъ Москвы.

Трубецкой, получивъ условія, промолчалъ о томъ, что онъ имѣетъ отъ московскаго правительства совершенно иныя инструкціи, и пригласилъ Хмельницкаго со старшиною явиться къ нему дли переговоровъ и принесенія присяги. Хмельницкій не рѣшался ѣхать къ нему, опасаясь попасть въ ловушку, требовалъ заложниковъ и только тогда лишь, когда одинъ изъ московскихъ бояръ переѣхалъ на правый берегъ, Хмельницкій явился въ Переяславль со старшиной, въ числѣ которой былъ Сирко, Дорошенко и др. Но опасенія козацкой старшины оказались справедливыми: это была ловушка. Трубецкой теперь отъ переговоровъ о предложенныхъ условіяхъ уклонился, заявивъ, что долженъ прежде всего созвать въ Переяславлѣ раду для выбора гетмана и принятія „статей“. Это былъ рѣшительный ударъ, противъ котораго Хмельницкій со старшиною не протестовали только потому, что были въ рукахъ Трубецкого. Какъ я упоминалъ, на радѣ представительства не существовало, какъ и на старорусскомъ вѣчѣ, и мѣсто, гдѣ собиралась рада, рѣшало и составъ ея; поэтому на радѣ въ Переяславлѣ подавляющее большинство должны были дать козаки изъ лѣвобережныхъ полковъ, враждебно настроенные уже противъ партіи старшинъ-автономистовъ и исходившей отъ нихъ оппозиціи Москвѣ. Кромѣ того, Трубецкой привелъ съ собою свое войско, прибылъ также и другой московскій воевода Ромодановскій съ другой арміей и сторонникъ Москвы Безпалый со своими козаками. Трубецкой, очевидно, разсчитывалъ, что при такой обстановкѣ автономисты не осмѣляться поднять голосъ, и предложилъ имъ „статьи“, приготовленныя московскимъ правительствомъ.

Здѣсь къ статьямъ Богдана Хмельницкаго были сдѣланы, между прочимъ, слѣдующія дополненія и поправки: гетманъ долженъ безпрекословно посылать войско по распоряженію московскаго правительства и наоборотъ—безъ его наказа не посылать никуда; смѣнять гетмана безъ царскаго указа войско не можетъ; московскихъ партизановъ—Безпалаго, Цыцюру и др.—гетманъ не долженъ подвергать взысканіямъ безъ слѣдствія, произведеннаго московскимъ правительствомъ; люди близкіе къ Выговскому подъ страхомъ смертной казни лишаются права впредь занимать какія либо должности въ войскѣ, а также участвовать въ радѣ; кромѣ Кіева, московскіе воеводы имѣютъ быть введены въ Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ, Браславль и Умань.

Старшина дѣйствительно не рѣшилась протестовать; только противъ переданнаго Трубецкимъ желанія московскаго правительства, чтобы Сѣверщина, принадлежавшая въ XVI в. къ Московскому государству, была изъята изъ гетманскаго управленія и обращена въ московскую провинцію, — выступила даже московская партія, и отъ этого требованія Трубецкой отказался.

Павелъ Тетеря (изъ лѣтописи Величка).

Въ остальномъ предложенныя Трубецкимъ статьи были приняты на радѣ 7 октября ст. ст.—это такъ называемыя переяславскія статьи. Хмельницкій былъ вновь избранъ и принесъ присягу въ соблюденіи этихъ новыхъ статей. Объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе тяжелыхъ нововведеній, онъ ходатайствовалъ вслѣдъ затѣмъ передъ московскимъ правительствомъ чрезъ депутацію, но просьба эта не была принята во вниманіе.

Автономисты покорились, но ихъ вынужденная покорность, конечно, не могла быть искреннею, и раздраженіе противъ московской политики готово было прорваться наружу при первомъ же испытаніи. Критическій моментъ не заставилъ себя долго ждать. Лѣтомъ 1660 г. московское правительство задумало большую кампанію противъ Поляковъ въ Галиціи, чтобы отвлечь польскія силы отъ Бѣлорусскихъ земель, гдѣ вели въ то время операціи московскія войска. Воевода Шереметьевъ съ лѣвобережными козаками двинулись на Волынь, Хмельницкій съ правобережными шелъ южною границею, чтобы охранять Украину отъ Татаръ. Польскіе гетманы, получивъ значительную помощь изъ Крыма, отрѣзали армію Шереметьева отъ сообщенія съ Хмельницкимъ и подвергли блокадѣ. Шереметьевъ очутился въ отчаянномъ положеніи. Пользуясь этимъ, Поляки начали переговоры съ Хмельницкимъ, убѣждая его порвать союзъ съ Москвой и возобновить Гадячскій трактатъ; въ этомъ же направленіи

вліялъ на Хмельницкаго Выговскій. Хмельницкій колебался; не успѣвъ пробиться и соединиться съ арміею Шереметьева, онъ въ концѣ концовъ началъ переговоры.

Однако возобновить Гадячскую унію полностью Поляки, пользуясь выгодами своего положенія, уже не соглашались: изъ нея были вычеркнуты наиболѣе существенныя постановленія — о „вел. княжествѣ Русскомъ". Такое искалѣченное изданіе трактата не могло, конечно, разсчитывать на долговѣчность, но при данныхъ условіяхъ Хмельницкій не считалъ возможнымъ упорствовать, и трактатъ былъ принятъ съ указанными измѣненіями. Цыцюрѣ было сообщено объ этомъ, и онъ пытался вырваться изъ лагеря Шереметьева, но это ему не удалось. Шереметьевъ, осажденный подъ Чудновымъ, въ концѣ концовъ капитулировалъ на весьма унизительныхъ условіяхъ и сорвалъ сердце на козакахъ Цыцюры: онъ выдалъ ихъ головой Полякамъ, а тѣ передали ихъ Татарамъ. Этотъ поступокъ везбудилъ на Украинѣ чрезвычайное омерзеніе въ народѣ и раздраженіе противъ московской власти.

Но и возобновленіе Гадячскаго трактата, да еще въ такомъ искалѣченномъ видѣ, большинству козаковъ казалось актомъ вынужденнымъ, и они не имѣли серьезнаго намѣренія признавать эту новую зависимость отъ Польши. Хотя послѣ вѣстей о чудновской катастрофѣ во многихъ мѣстностяхъ Заднѣпровья обнаружились народныя движенія противъ московскихъ людей и воеводъ, успѣвшихъ заявить себя населенію съ весьма несимпатичной стороны (буйствами, притѣсненіями, высокомѣрнымъ отношеніемъ) *), но серьезныхъ послѣдствій это движеніе противъ Москвы не имѣло. Поляки не поддержали его достаточно энергично, а ихъ походы на лѣвый берегъ Днѣпра, предпринятые съ этой цѣлью, скорѣе имѣли обратное дѣйствіе, еще болѣе оттолкнувъ населеніе отъ Польши. Шуринъ Хмельницкаго Сомко и другой его родственникъ, нѣжинскій полковникъ Золотаренко, объявившіе себя сторонниками Москвы въ надеждѣ получить гетманскую булаву при этой оказіи, подавили враждебное Москвѣ движеніе, несмотря на то, что ошеломленное чудновскою катастрофою московское правительство съ своей стороны довольно слабо ихъ поддерживало. Послѣ недолгаго колебанія лѣвобережная Украина вернулась подъ власть Москвы.

И въ правобережной Украинѣ верховенство Польши не пользовалось популярностью. Особенно постои вспомогательныхъ войскъ и крымскихъ ордъ, приходившихъ въ помощь Хмельницкому даже безъ его приглашенія, возбуждали сильнѣйшее раздраженіе въ народѣ и приводили къ переселенію значительныхъ массъ населенія за Днѣпръ. У крымскаго хана возникъ даже планъ обратить Украину въ подвластную провинцію, и эта комбинація находила сторонниковъ и среди старшины, недовольной на польское правительство, не проявившее ни достаточно энергіи, чтобы закрѣпить за собою Украину, ни желанія удовлетворить требованія старшины. Но народъ былъ страшно раздраженъ опустошеніями, которыя постояно производили крымскіе союзники, и о татарской власти съ нимъ и говорить было нечего. Въ концѣ концовъ противъ Ю. Хмельницаго возникло общее неудовольствіе, и этотъ больной и лишенный способностей человѣкъ нѣсколько разъ намѣревался отречься отъ гетманства. Въ началѣ 1663 г. онъ дѣйствительно сложилъ гетманскую булаву и принялъ монашество, а на его мѣсто избранъ былъ правобережными полками его зять, Павелъ Тетеря, беззастѣнчивый эгоистъ, о которомъ говорили, что онъ получилъ гетманство путемъ подкупа старшины.

---

[1]) Ср. Розыскъ 1666 г. о злоупотребеніяхъ московскихъ ратныхъ людей въ Малороссіи—Кіевская Старина, 1895 г., XII.

Въ лѣвобережной Украинѣ, остававшейся подъ верховенствомъ Москвы, соперничали за гетманскую булаву Сомко и Золотаренко, и вслѣдствіе этого соперничества, а также въ надеждѣ, что, можетъ быть, удастся еще склонить къ возвращенію подъ верховенство Москвы Хмельницкаго съ правобережною Украиною, московское правительство не спѣшило выборомъ гетмана. Среди этихъ проволочекъ на сценѣ появился новый кандидатъ—запорожскій кошевой Иванъ Брюховецкій. Этотъ беззастѣнчивый карьеристъ и интриганъ задумалъ повторить планъ Пушкаря. Противъ Сомка и Золотаренка, въ виду кандидатуры Брюховецкаго примкнувшаго къ Сомку, Брюховецкій обращается къ демагогіи—выдвигаетъ противъ нихъ, какъ представителей старшинскихъ круговъ, украинскій демосъ, играетъ на демократическихъ струнахъ, на нерасположеніи „черни“ къ старшинѣ и на соперничествѣ Запорожья съ городовыми козаками, выдвигая вопросъ объ участіи запорожцевъ въ избраніи гетмана. Одновременно онъ старается пріобрѣсть расположеніе московскаго правительства, распространяя слухи о неблагонадежности Сомка и стараясь представить себя сторонникомъ Москвы болѣе усерднымъ, а главное болѣе податливымъ на ея желанія, чѣмъ Сомко.

Иванъ Брюховецкій.—Рисунокъ изъ лѣтописи Величка.

Это ему удается, такъ какъ Сомко своими жалабами на самоуправства и злоупотребленія московскихъ воеводъ успѣлъ вооружить ихъ противъ собя и испортить впечатлѣніе въ московскихъ правительственныхъ кругахъ.

На окончательную раду, назначенную на іюнь 1663 г. подъ Нѣжиномъ, Брюховецкій привелъ множество запорожцевъ и „черни“ изъ южныхъ полковъ, державшихъ сторону Запорожья. Сомко въ виду этого пришелъ также съ отрядомъ козаковъ и даже артиллеріею. Рада перешла въ схватку и была прервана, но затѣмъ Брюховецкому удалось перетянуть на свою сторону козаковъ Сомка; тѣ подняли бунтъ, Сомко съ товарищами долженъ былъ укрыться въ московскомъ лагерѣ, а тамъ ихъ арестовали. Послѣ этого на вновь составленной радѣ Брюховецкій былъ объявленъ гетманомъ и московскій делегатъ утвердилъ этотъ выборъ, а

Сомко, Золотаренко и ихъ сторонники подвергнуты были суду по обвиненію въ измѣнѣ; четверо были казнены, остальные отправлены въ ссылку, въ Москву.

Эти событія сомкнули окончательно заколдованный кругъ, въ которомъ очутилась Украина послѣ своего великаго возстанія, разрыва съ Польшею и подданства Москвѣ. Рѣшенный уже Б. Хмельницкимъ, въ виду противорѣчія политики украинской и московской, разрывъ съ Москвою былъ осуществленъ Выговскимъ, но слишкомъ неискусно, неловкою рукою недоучившагося ученика великаго мастера дипломатіи. Хмельницкій не хотѣлъ возврата къ Польшѣ, онъ желалъ создать такую политическую комбинацію, которая могла бы обезпечить Украинѣ совершенно независимое положеніе, и для этого опирался главнымъ образомъ на Швеціи. Выговскій по его смерти пошелъ тѣмъ же путемъ и довелъ переговоры со Швеціею до трактата, гарантировавшаго со стороны Швеціи свободу и независимость украинскаго народа. Но диверсія со стороны Даніи заставила Швецію прекратить военныя дѣйствія противъ Польши и на шведской помощи уже нельзя было опереться. Нужно было подождать какой-нибудь другой комбинаціи, но обстоятельства не позволяли медлить. Выговскій вернулся къ Польшѣ, но тѣмъ совершенно испортилъ весь планъ.

Польшѣ можно было ставить условія. Чувствуя себя слишкомъ слабой, она готова была на уступки, по крайней мѣрѣ временныя, какъ она надѣялась. Но народныя украинскія массы не хотѣли и слышать о возвратѣ къ Польшѣ, и въ средѣ самой старшины обнаружилось раздвоеніе. Принужденные этимъ къ возвращенію подъ власть Москвы, автономисты—то есть все, что было болѣе порядочнаго и политически развитаго въ средѣ старшины,—хотѣли путемъ обоюдныхъ уступокъ создать сносный modus vivendi подъ верховенствомъ Москвы. Но московское правительство, разсчитывая на слабость автономистскихъ группъ, рѣшило съ ними не церемониться и угрозою вооруженной силы заставило ихъ принять свои условія. За это игнорированіе стремленій украинской интеллигенціи московская политика была наказана годами войнъ и тревогъ, потерей правобережной Украины и того импозантнаго положенія во внѣшней политикѣ, которое создалъ ей союзъ съ украинскимъ козачествомъ, наконецъ—призракомъ украинскаго сепаратизма, съ этихъ поръ тяготѣющаго надъ политикой Москвы.

Украинскіе автономисты не могли отказаться отъ своихъ требованій, не могли помириться съ ролью безгласныхъ исполнителей распоряженій московской бюрократіи и—метались въ своемъ заколдованномъ кругѣ, стараясь найти точку опоры противъ московскаго централизма... Событія 1657—60 гг. не открыли имъ глазъ на дѣйствительную причину ихъ слабости, но обратили ихъ лицомъ къ народнымъ массамъ и ихъ стремленіямъ. Обезпечивая Гадячскимъ трактатомъ автономію Украины, они оставляли безъ вниманія нужды и интересы этихъ народныхъ массъ и соглашались на возстановленіе на Украинѣ шляхетскаго режима, вызвавшаго великое народное движеніе. Съ такимъ же непониманіемъ интересовъ и стремленій массъ строили они и свои дальнѣйшіе планы, разбивавшіеся неизмѣнно объ отсутствіе солидарности передового, правящаго меньшинства съ народомъ, съ его задушевными, хотя и не ясными, не поддающимися формулировкѣ стремленіями къ установленію общественныхъ отношеній „без холопа і без пана“.

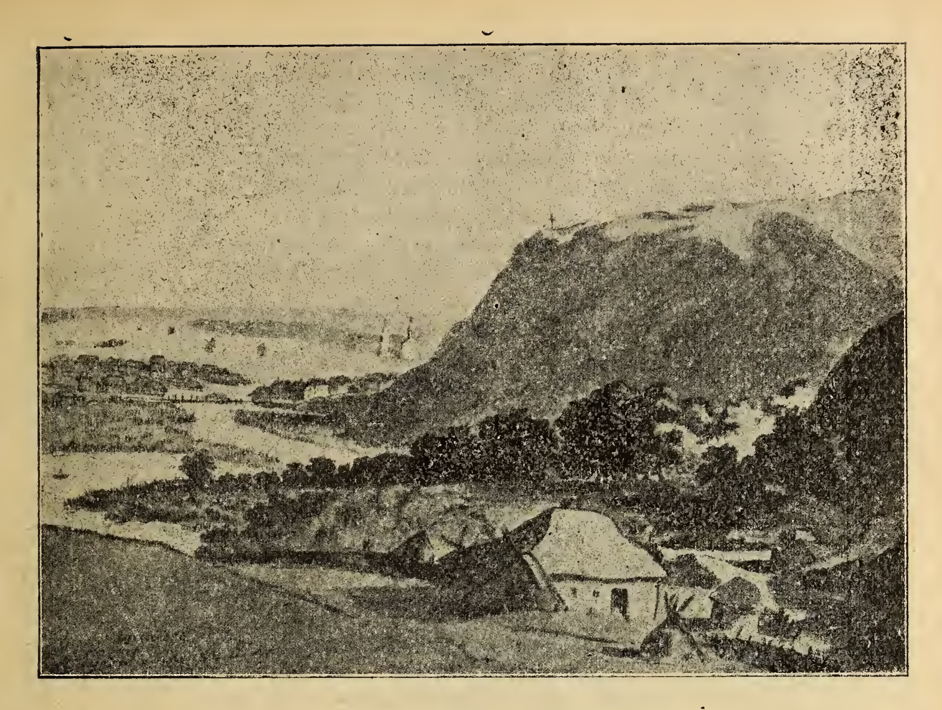
Пользуясь этимъ раздвоеніемъ, московское правительство неизмѣнно поражаетъ украинскихъ автономистовъ во всѣхъ ихъ попыткахъ противостать централистической политикѣ, пока не приводитъ ихъ къ полному отчаянію—къ тому, что они махнувъ рукою на всякую политику, заня-

лись, при благосклонномъ участіи московскаго правительства, устройствомъ своего сословнаго благополучія—т. е. пошли всею компаніею по той дорогѣ, на которую отдѣльныхъ лицъ политическая деморализація начала увлекать уже съ первыхъ же событій по смерти Б. Хмельницкаго.

Подробно слѣдить за исторіею дальнѣйшей смуты, попытокъ автономистовъ вырваться изъ тисковъ московскаго централизма и ихъ неудачъ было бы долго и утомительно. Мы остановимся только на болѣе интересныхъ моментахъ этой борьбы.

Обзоръ событій 1657—60 гг., въ статьяхъ Костомарова: Гетманство Выговскаго и Гетманство Юрія Хмельницкаго (въ его Монографіяхъ) и болѣе новый—въ статьяхъ В. Герасимчука въ Запискахъ Наук. тов. ім. Шевченка т. 59, 87, 110: Виговський і Юрій Хмельницький, Виговщина і Гадяцький трактат, Чуднівська кампанїя 1660 р. О Гадячской уніи кромѣ того статьи: М. Стадника въ Запискахъ кіевск. наук. тов. т. VII и моя въ Лит. Наук. Вістникѣ 1909 г. Липинскаго въ сборникѣ: Z dziejów Ukrainy. О нѣжинской радѣ 1663 г. Востокова въ Кіев. Старинѣ 1888.

Автографъ Юрія Хмельницкаго.



Чигиринъ.—Рисунокъ Шевченка.

XIX. Смуты 1660—1680-хъ годовъ.

Съ 1660-хъ гг., какъ мы видѣли, Украина формально раздѣлилась. Правобережная получила своего гетмана, лѣвобережная—своего, первая подъ верховенствомъ Польши, вторая подъ верховенствомъ Москвы. И тамъ и здѣсь на верхъ всплыли беззастѣнчивые интриганы, дѣлавшіе собственную карьеру среди этихъ безнадежно запутанныхъ отношеній. Но положеніе было слишкомъ серьезно для того, чтобы можно было держаться однѣми интригами: и Тетерѣ и Брюховецкому долго удержаться на гетманствѣ не удалось. Первымъ кончилъ Тетеря. Свое гетманство онъ началъ съ совѣтовъ королю предпринять походъ за Днѣпръ для присоединенія лѣвобережной Украины. Въ концѣ 1663 г., послѣ долгихъ проволочекъ, король дѣйствительно двинулся и прошелъ за Днѣпръ до Глухова, но успѣха не имѣлъ никакого, и это послѣднее усиліе Польши вернуть себѣ лѣвобережную Украину окончилось полнымъ фіаско. Когда Брюховецкій съ московскими войсками въ отвѣтъ на него предпринялъ походъ въ правобережныя земли, здѣсь обнаружилось сильное движеніе противъ Польши. Московское правительство не поддержало его, да и движеніе это собственно не обнаруживало особаго тяготѣнія къ Москвѣ, но польская власть въ правобережной Украинѣ была имъ подорвана въ конецъ. Несмотря на жестокія экзекуціи надъ возставшими (особенно выдавался своими жестокостями извѣстный польскій полководецъ Чарнецкій), движеніе противъ Польши продолжалось. Одинъ изъ предводителей его Дроздъ на-голову разбилъ Тетерю, а когда вслѣдъ затѣмъ, весною 1665 г., были выведены изъ Украины польскія войска, въ которыхъ представлялась настоятельная надобность въ другихъ мѣстахъ, Тетеря счелъ свое дѣло безнадежнымъ и уѣхалъ изъ Украины. Онъ сходитъ послѣ этого со сцены.

Брюховецкій, какъ я уже сказалъ, старался снискать себѣ поддержку Москвы угодливостью московской политикѣ. Этой тактики онъ держался и послѣ своего выбора. Съѣздилъ на поклонъ въ Москву, чего не хотѣлъ сдѣлать, не смотря на желаніе московскаго правительства, ни одинъ изъ его предшественниковъ, изъявилъ намѣреніе жениться на московской боярышнѣ, выразилъ желаніе, чтобы въ Кіевъ прислали митрополита изъ Москвы. Наконецъ, исполняя волю московскаго правительства, во время своего пребыванія въ Москвѣ подалъ петицію о введеніи московской администраціи на Украинѣ. Московское правительство за это пожаловало Брюховецкому боярскій чинъ и немедля приступило къ переписи Украины и къ введенію новаго податного оклада. Но эти мѣры возбудили величайшее недовольствіе среди населенія, и безъ того уже чрезвычайно недовольнаго московскими воеводами и ратными людьми. Масла въ огонь подлилъ и самъ Брюховецкій, постаравшись до введенія московскаго оклада собрать съ населенія возможно больше денегъ въ свою казну.

Со всѣхъ сторонъ поднималось неудовольствіе на него и на московское правительство. Духовенство было раздражено проектомъ подчиненія украинской церкви московскому патріарху. Старшина негодовала за введеную Брюховецкимъ систему—отправлять неугодныхъ ему лицъ въ ссылку въ Москву. Запорожье гнѣвалось за своего ставленника за обремененіе населенія и введеніе московскаго оклада. Всеобщее негодованіе вызвало также совпавшее съ этими фактами соглашеніе Москвы съ Польшею (оформленное потомъ перемирнымъ трактатомъ 1667 г.) объ уступкѣ Польшѣ правобережной Украины, которая какъ разъ передъ тѣмъ, какъ мы видѣли, собственными силами снова освободилась было отъ польской власти.

Брюховецкій сначала хотѣлъ заглушить эти неудовольствія терроромъ—ссылалъ старшину, а непокорныя села и мѣстечки совѣтовалъ московскому правительству жечь, населеніе избивать. Но движеніе становилось все сильнѣе. Это почувствовалъ Брюховецкій и съ легкостью настоящаго карьериста онъ рѣшаетъ повернуть въ противоположную сторону. Движеніе противъ Москвы казалось ему теперь настолько сильнымъ, что онъ задумалъ самъ примкнуть къ нему, тѣмъ болѣе, что на поддержку московскаго правительства, судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ не могъ особенно разсчитывать: если бы Украина обратилась рѣшительно противъ него, московское правительство не стало бы его отстаивать. Въ концѣ концовъ Брюховецкій приготовляетъ возстаніе противъ Москвы и входитъ въ союзъ съ Дорошенкомъ, который въ это время сталъ во главѣ правобережной Украины.

Фактически освободившись отъ всякой зависимости отъ Польши, правобережная Украина, какъ я уже сказалъ, не спѣшила признать верховенство Москвы. Заявлялъ притязанія на нее крымскій ханъ, и сотникъ Опара былъ первымъ, который пошелъ навстрѣчу этимъ планамъ: онъ принялъ отъ хана утвержденіе въ званіи гетмана, съ обязательствомъ зависимости. Но очень скоро Татары арестовали его и предложили козакамъ въ гетманы болѣе крупную личность—Петра Дорошенка. Это былъ родовитый козакъ: „з прадіда козак", какъ онъ о себѣ говорилъ. Онъ былъ полковникомъ уже при Хмельницкомъ, игралъ видную роль по его смерти въ кругахъ украинскихъ автономистовъ и теперь выдвигается на первый планъ, являясь въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія, можно сказать, центромъ украинской политики. Человѣкъ несомнѣнно способный, съ желѣзною энергіею, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ онъ могъ бы создать нѣчто крупное, при данныхъ же—только довелъ положеніе дѣлъ до крайности, до абсурда. Это—настоящій герой без-

временья, вызывающій трагизмомъ своего положенія и силой духа глубокій интересъ и сочувствіе.

Устраняя Опару, Дорошенко имѣлъ въ виду планъ болѣе широкій. Пользуясь поддержкою Крыма и Турціи, онъ разсчитывалъ создать себѣ прочную основу въ правобережной Украинѣ, свободной отъ вліяній и Москвы и Польши. Опираясь на нее, онъ надѣялся снова соединить воедино правобережную и лѣвобережную Украину, а такъ какъ послѣднюю слишкомъ было трудно, какъ показали послѣднія событія, поставить внѣ зависимости отъ Москвы, то Дорошенко имѣлъ въ виду признать верховенство Москвы, но подъ условіемъ прочныхъ гарантій украинской автономіи, къ которымъ онъ надѣялся принудить московское правительство страхомъ своего союза съ Турціею и Крымомъ.

Петръ Дорошенко. Современная фламандская гравюра.

Провозглашенный на войсковой радѣ гетманомъ подъ протекціею крымскаго хана, въ августѣ 1665 г., Дорошенко входитъ затѣмъ въ непосредственныя сношенія съ Турціею (1666). Разбивъ оставшіеся польскіе отряды, онъ овладѣваетъ Браславщиной. Московскихъ партизановъ въ правобережной Украинѣ Дорошенко также разсѣялъ и старался овладѣть Лѣвобережьемъ. Съ Брюховецкимъ онъ вошелъ въ сношенія и подавалъ ему надежду, что оставитъ ему гетманство, но одновременно упрекалъ Москву, что она поддерживаетъ подобныхъ авантюристовъ — причину украинскихъ смутъ. Очевидно, противъ такого господина, какъ Брюховецкій, Дорошенко считалъ всякій способъ борьбы позволительнымъ.

Разсчитывая на Дорошенка и Татаръ, Брюховецкій съ началомъ 1668 г. поднялъ возстаніе противъ Москвы. Старшина приняла въ немъ участіе, московскіе гарнизоны изгонялись или избивались. Но самъ Брюховецкій сдѣлался слишкомъ ненавистенъ на Украинѣ, чтобы его могъ спасти этотъ поворотъ политики. Когда прибылъ изъ-за Днѣпра Дорошенко и потребовалъ, чтобы Брюховецкій сложилъ гетманство, козаки объявили Брюховецкому, что не желаютъ сражаться изъ-за него съ Дорошенкомъ; разграбили его лагерь, самого арестовали, привели къ Дорошенку, и тутъ,—какъ разсказываетъ современникъ,—по ошибочно понятому жесту Дорошенка, толпа бросилась на Брюховецкаго и растерзала. Послѣ этого Дорошенко, соединившись съ татарскою ордою, прибывшею на помощь Брюховецкому противъ Москвы, двинулся противъ московскаго войска, подъ предводительствомъ Ромодановскаго вступившаго

въ границы Украины для подавленія возстанія. Въ виду силъ, которыми располагалъ Дорошенко, Ромодановскій отступилъ за границу, и Украина, за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, гдѣ держались еще московскіе гарнизоны, оказалась въ рукахъ Дорошенка.

Это былъ единственный по своему значенію моментъ въ политической дѣятельности Дорошенка. Трудно угадать, удалось ли бы ему удержать Украину въ своемъ вліяніи, наэлектризовать утомленныя двадцатилѣтнею борьбою массы, взять въ руки расшатанную и въ значительной степени деморализованную старшину. Достаточно сказать, что представившимся ему благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ Дорошенко воспользоваться не успѣлъ. Какъ разъ въ эту минуту наибольшаго

П. Дорошенко—рисунокъ изъ лѣтописи Величка.

успѣха онъ бросилъ армію и уѣхалъ въ Чигиринъ, какъ передаетъ современникъ—вслѣдствіе извѣстія объ измѣнѣ жены. Воспользовавшись его уходомъ, Ромодановскій двинулся снова въ Сѣверскія земли. Архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ выступилъ съ проповѣдью покорности Москвѣ; оставленный Дорошенкомъ въ качествѣ замѣстителя („наказного гетмана") Демьянъ Многогрѣшный съ мѣстною старшиною рѣшилъ вернуться къ московской власти. Но при этомъ и старшина и Барановичъ хотѣли добиться уступокъ—вывода воеводъ, возвращенія къ статьямъ Богдана Хмельницкаго, и Многогрѣшный ставилъ ультиматумъ: или московское правительство возстановитъ „козацкія вольности", или онъ пойдетъ въ подданство Туркамъ. При этомъ онъ выступалъ уже не какъ представитель Дорошенка, а какъ самостоятельный „гетманъ сѣверскій".

Выводъ воеводъ былъ, несомнѣнно, всеобщимъ желаніемъ. Въ томъ смыслѣ, что это было общее пожеланіе украинскаго населенія, доносилъ и воевода Шереметьевъ: „Черкасы" желаютъ непремѣнно, чтобы „русскихъ" людей не было на Украинѣ въ городахъ, и жить съ ними не хотятъ. Вообще это былъ моментъ, когда стремленія гарантировать Украину отъ вмѣшательства московскаго правительства и администраціи проявились особенно сильно и широко въ украинскомъ обществѣ. Возможно, что ихъ популярностью—тѣмъ что это было всеобщее и непремѣнное условіе дальнѣйшихъ отношеній, объясняется та значительная твердость, съ которою Многогришный и старшина отстаивали свои требованія.

Но московское правительство, очевидно, возлагало надежды на расколъ, выразившійся въ отдѣленіи Многогришнаго отъ Дорошенка, и рѣшило все-таки не уступать украинскимъ требованіямъ. Оно позондировало Дорошенка, котораго продолжали еще держаться южные лѣвобережные полки, но когда и Дорошенко поставилъ то же требованіе о выводѣ воеводъ, московское правительство рѣшило держаться Многогришнаго. Оно могло разсчитывать, что послѣдній въ своемъ фальшивомъ положеніи между Дорошенкомъ и Москвою окажется уступчивѣе и, не имѣя духу отказаться отъ гетманской булавы, отступится отъ своего ультиматума. Дѣйствительно, уже къ марту 1669 г. Многогришный уступилъ. На радѣ въ Глуховѣ, хотя и не безъ значительной оппозиціи, были приняты „статьи"—договоръ между Украиною, собственно—украинскою старшиною, и московскимъ правительствомъ, составленный въ стилѣ международнаго трактата (т. н. глуховскія статьи). Послѣ этого Многогришный былъ еще разъ подтвержденъ на гетманствѣ и получилъ знаки власти отъ московскаго делегата.

Въ окончательно принятой редакціи этихъ глуховскихъ статей постановлялось, что московскіе воеводы, кромѣ Кіева, будутъ назначаться въ Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ и Остеръ, но они не будутъ имѣть права вмѣшиваться въ судъ и управленіе—имъ будутъ подчиняться только московскіе ратные люди ихъ гарнизоновъ. Такимъ образомъ, послѣ обнаруженнаго народомъ неудовольствія московское правительство отказалось отъ введенія московской администраціи и податного оклада на Украинѣ. За гетманомъ не признавалось право сношеній съ иностранными государствами, но сохранялось на будущее время участіе козацкихъ делегатовъ въ московскихъ дипломатическихъ конференціяхъ.

Это былъ очень чувствительный ударъ для плановъ Дорошенка, но онъ не смутилъ его, и—къ чести Дорошенка нужно сказать—онъ не сталъ тратить силъ и энергіи на борьбу съ Многогришнымъ. Хотя онъ смотрѣлъ на послѣдняго свысока, какъ на самочиннаго „покутнаго гетманчика", но поддерживалъ съ нимъ добрыя отношенія, тѣмъ болѣе, что и безъ того имѣлъ достаточно заботъ, а общность національной программы сближала его съ Многогришнымъ; мы уже видѣли, что ихъ пожеланія въ сферѣ отношеній къ Москвѣ болѣе или менѣе были одинаковы.

Вопросъ о передачѣ Польшѣ Кіева, перемиріемъ 1667 г. оставленнаго только на два года подъ властью Москвы, возбуждалъ тогда большую тревогу на Украинѣ. Москву обвиняли въ пренебреженіи къ національнымъ интересамъ Украины и излишней уступчивости въ отношеніяхъ къ Польшѣ. Подозрѣнія росли тѣмъ болѣе, что козацкіе делегаты, вопреки обѣщаніямъ, не были допущены къ конференціямъ, происходившимъ между уполномоченными Москвы и Польши. Эти общія заботы и огорченія сближали Дорошенка съ Многогришнымъ, очень огорченнымъ поведеніемъ московскихъ политиковъ. И въ концѣ концовъ жалобы на

поведеніе московскаго правительства, которыя заявлялъ Многогришный, послужили поводомъ къ скорому его паденію.

Многогришный вообще не умѣлъ поставить себя въ хорошія отношенія къ старшинѣ. Послѣдняя была склонна смотрѣть на него свысока, какъ на человѣка новаго, „мужичьяго сына", и притомъ довольно простодушнаго. Постоянно подозрѣвая старшину въ интригахъ, Многогришный позволялъ себѣ временами рѣзкія выходки противъ нея. Недовольные дѣйствительно устроили заговоръ, въ мартѣ 1672 г., и по соглашенію съ московскимъ отрядомъ, находившемся при гетманѣ, схватили его и стослали въ Москву, обвиняя въ измѣнѣ московскому правительству и прося разрѣшенія выбрать новаго гетмана.

Обвиненія были совершенно ложны, а насколько все это имѣло характеръ личной интриги, доказываетъ страхъ заговорщиковъ, что войско и населеніе выступятъ противъ нихъ. Поэтому раду для выбора новаго гетмана они даже не рѣшились устроить на украинской территоріи, а

Демянъ Многогришный.—Рисунокъ изъ лѣтописи Величка.

перенесли за московскую границу, подъ охрану московскаго войска (на урочищѣ Козацька діброва). Но, несмотря на очевидную ложность обвиненій, московское правительство сочло за лучшее придать имъ значеніе. Надъ Многогришнымъ былъ наряженъ въ Москвѣ судъ; гетмана подвергли пыткамъ, и хотя никакихъ уликъ противъ него не найдено, тѣмъ не менѣе его съ семьею и ближайшими сторонниками сослали въ Сибирь, гдѣ Многогришный въ весьма тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ жилъ еще въ первыхъ годахъ XVIII в.

Среди всеобщаго возмущенія и паники, вызванной на Украинѣ такимъ произволомъ и жестокостью, кружокъ заговорщиковъ, съ разрѣшенія московскаго правительства, благоволеніе котораго онъ старался пріобрѣсти крайнею угодливостью, поспѣшилъ произвести выборъ новаго гетмана подъ охраною московскаго войска. Избранъ былъ генеральный судья Самойловичъ, настоящій кандидатъ старшины, исполнитель ея соціально-экономической программы, человѣкъ ловкій, искательный, но ничѣмъ особеннымъ себя не загрязнившій, а по отношенію къ Москвѣ очень лояльный. Онъ также былъ человѣкомъ новымъ—сынъ священника, онъ и позже носилъ кличку „Поповича", которою хотѣли подчеркнуть

его позднѣйшія аристократическія замашки и высокомѣріе, возбудившее потомъ всеобщее неудовольствіе. При избраніи его возобновлены были глуховскія статьи 1669 г., за исключеніемъ только права участія украинскихъ делегатовъ въ дипломатическихъ конференціяхъ: это право, составлявшее послѣднюю тѣнь государственной самостоятельности Украины, было отмѣнено теперь. Кромѣ того, старшина выговорила себѣ разныя гарантіи отъ гетманского самовластія.

Съ Дорошенкомъ Самойловичъ не поддерживалъ уже такихъ тѣсныхъ и солидарныхъ отношеній, какъ Многогришный, и раздвоеніе Украины чувствовалось вполнѣ осязательно. Была еще и третья политическая группа—Запорожье съ сосѣдними южными территоріями на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, въ это время не подчинявшееся ни Самойловичу, ни Дорошенку, а выставлявшее своихъ собственныхъ гетмановъ, довершавшихъ тогдашнее расчлененіе Украины.

Правда, эти гетманы не имѣли большого значенія: наоборотъ, за Дорошенкомъ чувствовалось все еще большая нравственная сила, и Самойловичъ постоянно боялся, что московское правительство можетъ ножертвовать имъ для соглашенія съ Дорошенкомъ. Поэтому онъ усиленно старался разсорить съ нимъ Москву и по возможности всячески ослабить. Московское правительство дѣйствительно было очень озабочено Дорошенкомъ и не находило способа поладить съ нимъ. Южные полки все еще стояли большею частью внѣ зависимости отъ Москвы, тяготѣя къ Дорошенку или къ гетманамъ, которые одинъ за другимъ всплывали на Запорожьѣ. Съ другой стороны московское правительство заботилъ союзъ Дорошенка съ Турціей, пріобрѣтавшій все болѣе осязательное значеніе и грозившій большими осложненіями.

Я упоминалъ, что въ сношенія съ Турціею Дорошенко вошелъ уже вскорѣ послѣ того, какъ сталъ гетманомъ. Въ 1669 г. онъ вступаетъ въ окончательный договоръ съ Портою, признавъ себя вассаломъ султана, за что послѣдній обѣщалъ ему помощь для освобожденія Украины въ ея этнографическихъ границахъ — по Перемышль и Самборъ, по Вислу и Нѣманъ, до Сѣвскъ и Путивль (т. е. до московской границы). Но союзъ съ Турціею и Крымомъ, даже помимо признанія ихъ верховенства, былъ весьма не популяренъ среди козачества. Свое подданство султану Дорошенко по возможности маскировалъ передъ народными массами, но имъ достаточно претили уже и союзныя отношенія съ „невѣрными", вѣковѣчными врагами; тѣмъ болѣе, что каждый приходъ на Украину „союзниковъ" Татаръ сопровождался обыкновенно опустошеніями самой союзной территоріи и уводомъ въ плѣнъ ея жителей. Хотя Дорошенко въ своемъ трактатѣ съ Турціей и поставилъ условіемъ, что такія безчинства впредь не должны имѣть мѣста, но всѣ его представленія въ этомъ смыслѣ турецкому и крымскому правительству оставались безплодными.

Среди населенія правобережной Украины подъ впечатлѣніемъ этихъ татарскихъ опустошеній начинается формальное бѣгство; развившаяся уже передъ тѣмъ эмиграція въ лѣвобережную Украину все усиливается, доходя до размѣровъ массовыхъ. А противъ самого Дорошенка въ виду непопулярности его политики, выступаютъ все новые и новые претенденты, особенно со стороны Запорожья, особенно враждебнаго союзу съ Крымомъ. Въ 1669 — 72 гг. Дорошенку приходилось вести постоянную борьбу съ такими запорожскими гетманами—Суховіемъ, Ханенкомъ.

Но, несмотря на эту непопулярность и всѣ тревожные симптомы, Дорошенко упорно держался союза съ Турціею. При помощи ея онъ прежде всего хотѣлъ окончательно покончить съ претензіями Польши на Украину и призывалъ турецкое правительство къ активнымъ выступленіямъ. Но Порту не легко было склонить къ рѣшительному шагу, и Дорошенко, не

рѣшаясь съ собственными силами вступить въ открытую борьбу съ Польшею, заключалъ трактаты, тянулъ переговоры, подавалъ надежды, пока наконецъ польское правительство не потеряло терпѣнія и, такъ какъ Дорошенко ставилъ очень высокія требованія — обратилось къ Ханенку. Съ этимъ болѣе податливымъ авантюристомъ оно заключило въ 1670 г. договоръ, признавъ его гетманомъ. Ханенко удовлетворился ничего не стоющими обѣщаніями относительно свободы православной религіи, неприкосновенности козацкихъ земель и т. под. Но договоръ этотъ не имѣлъ никакого значенія уже потому, что Ханенка признавали гетманомъ только небольшія территоріи въ южной части правобережной Украины. Зато Дорошенку этотъ договоръ не могъ внушить добрыхъ чувстсъ къ Польшѣ, и онъ съ удвоенною энергіею понуждалъ турецкое правительство къ походу на Украину.

Наконецъ султанъ Магометъ IV рѣшилъ двинуться на Польшу. Въ концѣ 1671 г. онъ началъ готовиться къ походу и выслалъ польскому правительству извѣщеніе, что вслѣдствіе нападеній Поляковъ на территорію его вассала Дорошенка, онъ, султанъ, рѣшилъ предиринять походъ на Польшу. Въ маѣ 1672 г. султанъ, дѣйствительно, двинулся въ походъ съ огромною арміею.

Михайло Ханенко.—Рисунокъ изъ лѣтописи Величка.

Ханъ со своей ордой высланъ былъ впередъ и вмѣстѣ съ Дорошенкомъ разсѣялъ находившіеся на Украинѣ польскіе отряды и козаковъ Ханенка. Турецкая армія осадила Каменецъ, плохо вооруженный и сдавшійся послѣ недолгой осады, затѣмъ двинулась на Галичину и осадила Львовъ. Никто въ Польшѣ не думалъ о сопротивленіи. Польскіе комиссары, прибывшіе въ турецкій лагерь во время осады Львова, согласились на всѣ условія Турокъ, уступивъ Турціи Подолію и обязавшись кромѣ того платить ежегодную дань. „Украина въ давнихъ границахъ“ отдавалась Дорошенку, и польскіе гарнизоны, какіе еще тамъ оставались, польское правительство обязывалось вывести оттуда. На этихъ условіяхъ былъ подписанъ договоръ подъ Бучачомъ 7 октября 1672 г., и турецкая армія, занявъ Подолію, ушла обратно.

Такимъ образомъ первая половина плана Дорошенка повидимому была исполнена. Недалекимъ казалось и его дальнѣйшее осуществленіе. Московское правительство, озабоченное союзомъ Дорошенка съ Турціею и предостереженіемъ, какое давало ему нашествіе Турокъ на Польшу, готово было идти на всяческія уступки, лишь бы обезопасить себя отъ Турокъ. По Украинѣ ходили слухи, что визирь обѣщалъ на слѣдующій

годъ привести войско для покоренія лѣвобережной Украины, и это вызвало здѣсь общую панику, настраивавшую очень тревожно правительственныя сферы. Правительство и земскій соборъ рѣшили принять Дорошенка съ правобережною Украиною подъ московскую протекцію въ виду того, что по Бучацкому договору Польша отказалась отъ правъ на правобережную Украину, и перемиріе съ Польшею не связывало больше московское правительство по отношенію къ Украинѣ. Московское правительство готово было пойти на уступки требованіямъ Дорошенка.

Каковы были условія Дорошенка, узнаемъ изъ одного нѣсколько болѣе поздняго его письма (1673). Онъ требовалъ, чтобы на всей Украинѣ въ предѣлахъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго воеводствъ былъ одинъ гетманъ; его власти должно было подчиняться Запорожье, а также и Кіевъ, то есть московскіе воеводы должны быть выведены даже изъ Кіева, и ихъ нигдѣ не должно было быть; но московское правительство возьметъ на себя обязательство охранять Украину. Это было повтореніемъ программы 1668 г., и она была теперь очень близка къ осуществленію. Но успѣхъ Дорошенка былъ весьма не проченъ, такъ какъ былъ результатомъ только преходящей паники, наведенной Турками, и эта непрочность не замедлила обнаружиться.

Прежде всего планы московскаго правительства встрѣтили препятствія со стороны Польши.

Польское правительство заявило, что оно не отказывается отъ правъ на правобережную Украину и не намѣрено исполнять Бучацкаго договора, поэтому принятіе Дорошенка подъ московскую протекцію сочтетъ нарушеніемъ перемирія. Дѣйствительно, Польша не вывела своихъ гарнизоновъ изъ правобережной Украины и продолжала поддерживать Ханенка противъ Дорошенка. Это остановило Москву. Между тѣмъ страхъ, наведенный Турками, скоро разсѣялся. На слѣдующій годъ Турки похода не повторили. Польша осмѣлилась перейти въ наступательную войну, и подъ Хотиномъ Собѣсскій одержалъ надъ Турками побѣду. Самойловичъ, старавшійся всѣми мѣрами помѣшать соглашенію московскаго правительства съ Дорошенкомъ, такъ какъ оно лишило бы гетманства его самого, совѣтовалъ не довѣрять Дорошенку и дѣйствовать оружіемъ. Московское правительство въ концѣ концовъ рѣшилось слѣдовать этому совѣту.

Въ началѣ 1674 г. Самойловичъ и Ромодановскій получили приказъ двинуться за Днѣпръ. Имъ было поручено повести военныя дѣйствія только въ томъ случаѣ, если бы не удалось прійти къ соглашенію съ Дорошенкомъ; но Самойловичъ умышленно не вступалъ съ нимъ ни въ какіе переговоры, а постарался привлечь на свою сторону правобережное войско и населеніе.

Дѣйствительно, почти все населеніе правобережной Украины перешло на сторону Самойловича, когда онъ явился здѣсь со своими и московскими войсками. Обстановка, въ которой происходилъ турецкій походъ 1672 г.,—превращеніе христіанскихъ церквей Подоліи въ мечети, наборъ мальчиковъ въ янычары, случаи насильственнаго обращенія въ магометанство,—все это еще болѣе обострило негодованіе противъ Дорошенка за его союзъ съ Турціей, такъ что оно проявлялось даже среди его приближенныхъ. За отсутствіемъ Турокъ, единственною опорою и надеждою Дорошенка были Татары, но и они не пришли на его призывъ. Ханъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Дорошенко помимо его вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Турціей, и неохотно исполнялъ приходившіе оттуда приказы помогать гетману. Когда явились войска Самойловича, полное отсутствіе сочувствія къ Дорошенку — собственно къ его политикѣ, обнаружилось среди украинскаго населенія во всей наготѣ, и по реакціи все обратилось къ Самойловичу и Москвѣ.

Дорошенко увидѣлъ себя оставленнымъ всѣми. Въ его резиденціи—Чигиринѣ съ окрестностями, осталось съ нимъ, какъ говорили, всего 5.000 козаковъ, среди которыхъ также было много недовольныхъ. Самойловичъ занялъ гарнизонами Поднѣпровье, депутаты десяти правобережныхъ полковъ, явившись къ нему, признали верховенство Москвы. По приглашенію Самойловича, послѣ оккупаціи Поднѣпровья возвращавшагося за Днѣпръ, они явились въ Переяславль, и здѣсь по предложенію Ромодановскаго, признали гетманомъ правобережной Украины Самойловича и еще разъ приняли протекцію Москвы. На этой же радѣ сложилъ знаки гетманскаго достоинства Ханенко, и они были переданы также Самойловичу, который такимъ образомъ былъ признанъ единымъ гетманомъ для всей Украины (15 августа 1674 г.).

Самъ Дорошенко поколебался и готовъ былъ капитулировать, но его удержалъ Сирко, проникшійся ненавистью къ Москвѣ съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ въ московской ссылкѣ, и въ этомъ же направленіи вліявшій теперь на Запорожье.

Когда по уходѣ московскаго войска пришли на помощь Дорошенку крымскіе Татары, онъ попытался вернуть отпавшую Украину, дѣйствуя терроромъ и экзекуціями. Но его пріобрѣтенія были утрачены снова, когда появился здѣсь отрядъ, высланный Самойловичемъ. Наконецъ пришли Турки, на которыхъ возлагалъ всю надежду Дорошенко, но они не обратились на Кіевъ и лѣвобережную Украину, а занялись экзекуціями въ Подоліи и Браславщинѣ, такъ что и этотъ походъ ихъ не принесъ желательныхъ для Дорошенка результатовъ. Страхъ передъ Турціею окончательно исчезъ. Однако и предпринятый Самойловичемъ съ Ромодановскимъ новый походъ въ правобережную Украину не отличался энергіею. Положеніе оставалось неопредѣленнымъ. Слѣдующій 1675 годъ прошелъ въ мелкой войнѣ. Къ экзекуціямъ Самойловича и Дорошенка, московскимъ, татарскимъ и турецкимъ присоединились еще и польскія: Польша, сначала не опротестовавшая присоединенія правобережной Украины къ лѣвобережной, выступила теперь съ претензіями и выслала войска.

Эта безтолковщина, экзекуціи со всѣхъ сторонъ, постои Татаръ и Турокъ и т. п. привели наконецъ населеніе къ полному отчаянію. Когда оказалось, что и московское верховенство не доставляетъ покоя и безопасности, населеніе правобережной Украины начинаетъ поголовно выселяться. Эмиграція, чрезвычайно развившаяся уже съ 1660-хъ гг., переходитъ въ поголовную въ 1674—76 гг. Правобережное Поднѣпровье и Браславщина совершенно опустѣли; движеніе охватило и территоріи, лежавшія далѣе къ западу; Поляки и Дорошенко напрасно старались его остановить.

Дорошенку это запустеніе Украины наносило послѣдній ударъ; напрасно онъ прибѣгалъ къ крайнимъ мѣрамъ террора — громилъ ватаги переселенцевъ, отдавалъ ихъ въ неволю Татарамъ — эмиграція шла со стихійною силою, и уже въ 1675 г. Самойловичъ доносилъ въ Москву, что за Днѣпромъ осталось очень мало населенія. Такъ какъ въ лѣвобережныхъ полкахъ уже было мало свободныхъ земель, то переселенцы шли дальше, за московскую границу, въ округа Ахтырскій, Сумской и др.

Дорошенко окончательно созналъ безнадежность своего положенія. Необычное зрѣлище представлялъ этотъ „послѣдній козакъ“, всѣми оставленный, безъ войска и запасовъ сидѣвшій на своей Чигиринской горѣ и все еще служившій предметомъ тревогъ для сосѣднихъ государствъ, дипломатическихъ переговоровъ и политическихъ комбинацій. Дорошенко пытался теперь добиться у московскаго правительства, чтобы оно признало его гетманомъ хотя для извѣстной части Украины: но московское прави-

тельство уже упорно стало на томъ, что единственнымъ гетманомъ украинскихъ земель долженъ быть Самойловичъ, и не обѣщало Дорошенку ничего, кромѣ амнистіи.

Но признать „регментъ" Самойловича не хотѣлось ни Дорошенку, ни Сирку — его единственной опорѣ на Украинѣ. Сирко выступилъ съ теоріей, что выборъ гетмана принадлежитъ Запорожской сичѣ. Дорошенко сложилъ предъ ея представителями свои гетманскія „клейноты" — знаки власти, Сирко носился съ планомъ созвать новую раду для выбора гетмана. Переговоры обь этомъ затянулись на нѣсколько мѣсяцевъ. Между тѣмъ, послѣ долгихъ проволочекъ, Самойловичъ съ Ромодановскимъ, по порученію московскаго правительства двинулись снова къ Днѣпру. Дорошенко призывалъ на помощь Турокъ и Татаръ,—они не пришли. Когда передовой корпусъ украинско-московской арміи подошелъ къ Чигирину, Дорошенко рѣшилъ, что часъ его пробилъ: онъ вышелъ навстрѣчу передовому полку со старшиною и духовенствомъ и принесъ присягу, а затѣмъ съ двухтысячнымъ оставшимся при немъ отрядомъ явился въ лагерь Самойловича и Ромодановскаго, расположенный на лѣвомъ берегу Днѣпра, и сложилъ клейноты, которые и были переданы Самойловичу (сентябрь 1676 г.).

Этимъ закончилась политическая карьера Дорошенка. Свой вѣкъ онъ намѣравался дожить на Украинѣ, въ качествѣ частнаго человѣка, но его скоро потребовали въ Москву. Самойловичъ пытался противиться, видя въ этомъ нарушеніе своей присяги Дорошенку относительно свободы и неприкосновенности его личности и опасаясь, что общественное мнѣніе обвинитъ его въ этомъ нарушеніи. Но московское правительство настояло, и Дорошенко вынужденъ былъ повиноваться. Изъ Москвы на Украину, несмотря на всѣ его просьбы, Дорошенка уже не отпустили, а держали въ почетномъ заключеніи. Позже онъ былъ назначенъ воеводою въ Вятку, а послѣ двухлѣтней службы получилъ помѣстье Ярополче, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, гдѣ и окончилъ свои дни (умеръ въ 1898 г.).

Вопросъ о правобережной Украинѣ былъ законченъ лишь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ капитуляціи Дорошенка. Турція не хотѣла отказаться отъ нея и, не поддержавъ во время Дорошенка, послѣ его капитуляціи начала готовиться къ походу, а на мѣсто Дорошенка выставила гетманомъ Юрія Хмельницкаго. Схваченный турецкими войсками на Украинѣ и присланный въ Константинополь въ 1672 г., онъ содержался здѣсь въ заключеніи; теперь султанъ приказалъ патріарху снять съ него монашество и выслалъ на Украину въ качествѣ своего вассала.

Лѣтомъ 1677 г. турецкая армія, имѣя съ собою Хмельницкаго, прибыла на Украину и осадила Чигиринъ, гдѣ послѣ капитуляціи Дорошенка былъ поставленъ московскій гарнизонъ. На выручку двинулись изъ-за Днѣпра Самойловичъ съ Ромодановскимъ, и Турки, снявъ осаду, ушли, но въ слѣдующемъ (1678) году повторили походъ снова. Такая настойчивость Турціи испугала московское правительство, и оно, посылая снова Самойловича съ Ромодановскимъ, въ тайной инструкціи послѣднему поручило разрушить Чигиринъ, населеніе вывести и войти съ Турками въ соглашеніе, чтобы правобережноо Поднѣпровье оставить пустымъ и безъ укрѣпленій.

Инструкція эта дана была тайкомъ отъ Самойловича, который не соглашался на отреченіе отъ правобережной Украины, и несмотря на его желаніе отстоять Чигиринъ, кампанія 1678 г. окончилась тѣмъ, что послѣ упорной обороны московскій гарнизонъ вышелъ изъ Чигирина по приказу Ромодановскаго, а чигиринскій замокъ былъ взорванъ порохомъ. Остатки населенія изъ приднѣпровскихъ мѣстностей были насильно перегнаны за Днѣпръ въ 1679 г.—это такъ называемый въ народной традиціи „згін".

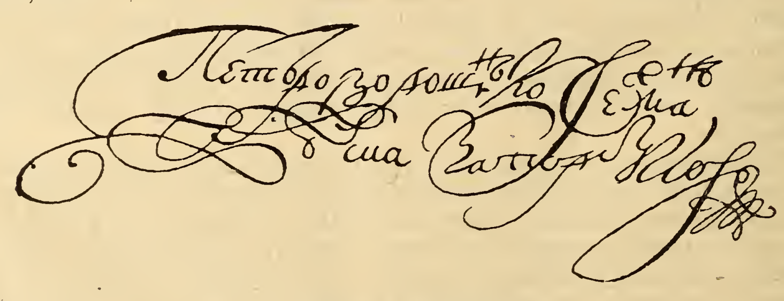
Самойловичъ проектировалъ поселить этихъ Заднѣпрянъ въ Слободской Украинѣ, передавъ послѣднюю въ гетманское управленіе, но московское правительство на это не согласилось, и заднѣпровскіе переселенцы въ концѣ концовъ были поселены на юго-восточной окраинѣ, на сѣверъ отъ р. Орели.

Старанія Юр. Хмельницкаго укрѣпить свое положеніе на Украинѣ съ помощью Татаръ и Турокъ между тѣмъ не удалось. Подъ вліяніемъ Сирка нѣкоторое время колебалось еще Запорожье—не присоединиться ли къ Хмельницкому; но въ концѣ концовъ и Сирко не захотѣлъ связывать себя съ Турками. Надежды Турокъ, что имя Хмельницкаго привлечетъ къ нему населеніе, совершенно не оправдались, и въ 1681 г. онъ былъ отозванъ.

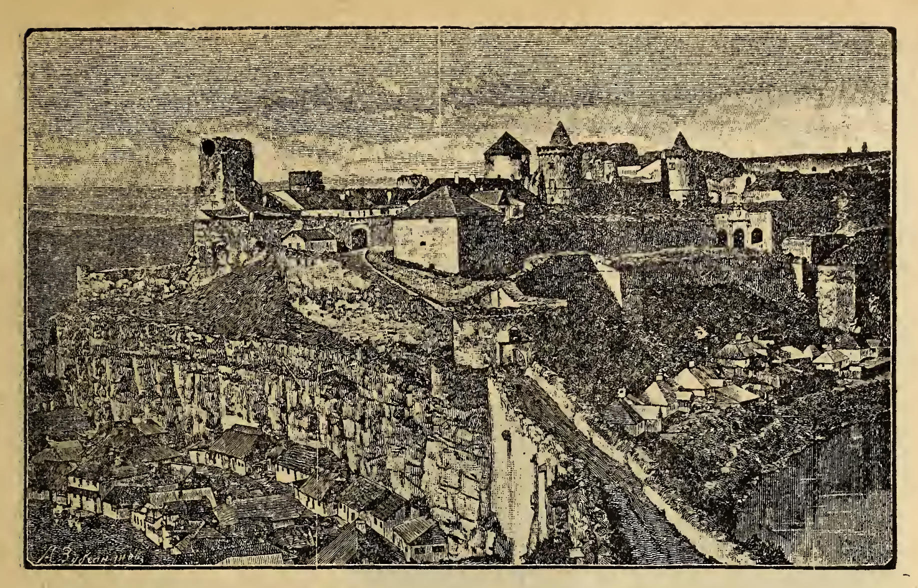
Борьба за правобережную Украину успѣла между тѣмъ утомить и Турцію и Москву, и между ними начались переговоры о мирѣ. Польша, мечтавшая о возвращеніи Подоліи, желала привлечь Москву къ противотурецкой лигѣ; въ 1680 г. она заключила съ Москвою трактатъ, по которому за уплату 200 тыс. рублей отказалась на всегда отъ Кіева, считавшагося до сихъ поръ только во временномъ владѣніи московскаго правительства, и теперь предлагала послѣднему союзъ противъ Турціи. Московское правительство, въ виду этой дилеммы, обратилось за совѣтомъ къ Самойловичу. Тотъ совѣтывалъ не входить въ союзъ съ Польшей, а помириться съ Турціей, но выговорить себѣ земли между Днѣпромъ и Днѣстромъ, или по крайней мѣрѣ—до Южнаго Буга. Московское правительство приняло эту точку зрѣнія и старалось придти къ соглашенію съ Турціей. Но крымскій ханъ рѣшительно воспротивился уступкѣ правобережнаго Поднѣпровья, и московское правительство согласилось признать Днѣпръ границей, съ тѣмъ, чтобы край между Днѣпромъ и Юж. Бугомъ оотался незаселеннымъ.

На этихъ условіяхъ заключенъ былъ трактатъ въ 1681 г. Однако при ратификаціи его въ Константинополѣ турецкимъ правительствомъ была исключена оговорка о томъ, что Поднѣпровье должно остаться пустыней, и даже сдѣлано добавленіе, что переселеніямъ изъ лѣвобережной Украины на правый берегъ не должны ставиться препятствія. Эти измѣненія вызвали большое неудовольствіе Самойловича и вообще на Украинѣ, но было уже поздно—трактатъ былъ подписанъ.

Первое мѣсто въ литературѣ для этихъ годовъ остается за монографіей Костомарова: „Руина“ (оканчивается низложеніемъ Самойловича). Не много прибавили болѣе новыя работы: Эварницкаго—Исторія Запорожскихъ козаковъ, т. II, 1894, и Волкъ-Карачевскаго —Борьба Польши съ козачествомъ во 2-ой пол. XVII и нач. XVIII в., 1899 г. Изъ болѣе спеціальныхъ упомяну: о Брюховецкомъ—статью Е. С. въ „Кіевской Старинѣ“ 1885, о Дорошенкѣ Целевича въ Записках Н. тов. ім. Шевченка, т. XXV; кромѣ того: Эйнгорнъ — Сношенія малорусскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ, 1899.



Автографъ П. Дорошенка.



Турецкая крѣпость въ Каменецъ-Подольскѣ.

XX. Послѣдняя четверть XVII вѣка.

Капитуляція Дорошенка была очень важнымъ симптомомъ въ украинскихъ отношеніяхъ. Это былъ послѣдній сподвижникъ Хмельницкаго, послѣдній представитель кружка автономистовъ, взлелѣявшихъ идею самостоятельнаго украинскаго государства. Своей настойчивостью и непреклонностью онъ свелъ въ глазахъ современниковъ эту идею до абсурда. Необходимость помириться съ тѣсною зависимостью отъ Москвы и подчиниться московской политикѣ—для огромнаго большинства украинскаго общества стала очевиднымъ фактомъ.

Гетманство Самойловича, представителя полной лойяльности по отношенію къ московскому правительству, воплощало это сознаніе. Когда московскимъ политикамъ понадобилось сдѣлать Самойловича козломъ отпущенія своихъ неудачъ, и онъ былъ принесенъ въ жертву этой нѣкоторымъ образомъ „государственной необходимости“, занявшій его мѣсто новый гетманъ Иванъ Мазепа пошелъ вполнѣ по стопамъ Самойловича. И во внутренней политикѣ и въ отношеніяхъ къ московскому правительству, онъ исполнялъ требованія и желанія послѣдняго, всячески стараясь доказать свое усердіе, хотя они часто больно задѣвали интересы Украины и гетманской власти. Болѣе тридцати лѣтъ „Гетманщина“, какъ называлась лѣвобережная Украина, тихо плыла, безъ всякихъ конфликтовъ и пертурбацій, на буксирѣ московской политики, пока неожиданныя политическія комбинаціи не увлекли Мазепу съ его лойяльнаго пути. Но и эта пертурбація собственно не измѣнила общаго направленія политическаго и соціально-экономическаго процесса лѣвобережной Украины—только ускорила его темпъ.

Будучи ставленникомъ старшины, Самойловичъ вѣрою и правдою служилъ ея сословнымъ и экономическимъ интересамъ, усиленно рекомендуя крестьянскому населенію оказывать всякое „послушенство“ своимъ помѣщикамъ и тщательно преграждая дорогу къ козацкому званію „жителямъ тяглымъ“. Это не могло доставить ему популярности въ народныхъ массахъ, раздраженныхъ также введеніемъ косвенныхъ налоговъ на

разные предметы потребленія и сбора продуктовъ на военныя нужды и издержки управленія. Особенное неудовольствіе—не только массъ, но и зажиточной буржуазіи возбуждало введеніе правительственной монополіи винокуренія, продажи табаку и дегтя, отдававшейся на откупъ („оранда"). Нерасположеніе народныхъ массъ къ Самойловичу, какъ представителю интересовъ старшины, выражалось и въ недружелюбномъ отношеніи къ нему Запорожья, живо отражавшаго настроенія массъ. Офиціально подчиненное гетманской власти оно вѣчно пререкалось и отказывало въ покорности Самойловичу, какъ и преемнику его булавы и политики Мазепѣ. Съ своей стороны старшина была недовольна непотизмомъ Самойловича, его стремленіями проводить на высшія должности своихъ родственниковъ. Жаловались на его корыстолюбіе и взяточничество, на панскія замашки. Все это особенно непріятно поражало въ выскочкѣ, не помнившемъ, по словамъ современника, „на подлость своего рожаю" (своего низкаго происхожденія); самъ же по себѣ гетманъ и его семья были лишь типичными представителями старшинскаго класса.

Иванъ Самойловичъ.—Со стариннаго портрета.

Наученный горькимъ опытомъ своего предшественника, Многогрішнаго, влачившаго подневольное существованіе въ Сибири, „скитаясь межъ дворовъ и помирая голодною смертью", по его собственнымъ словамъ, Самойловичъ усиленно старался не подать московскому правительству никакого повода къ неудовольствію. Онъ даже не отказалъ въ своемъ содѣйствіи осуществленію давнишняго плана, занимавшаго московское правительство со временъ Хмельницкаго и теперь снова поставленнаго на очередь — подчиненія украинской церкви московскому патріархату. По настоянію московскаго правительства, Самойловичъ провелъ на кіевскую митрополію человѣка, изъявившаго готовность принять посвященіе отъ московскаго патріарха и признать его власть надъ собою. Это былъ родственникъ Самойловича, кн. Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій, епископъ луцкій. Самойловичъ поставилъ однако условіемъ, что московское правительство само уладитъ дѣло съ константинопольскимъ патріархомъ, т. е. получитъ отъ него отреченіе отъ власти надъ кіевскою митрополіею. Но константинопольскій патріархъ съ другими патріархами не пожелалъ на это согласиться, и московское правительство обратилось къ содѣйствію вел. визиря. Такъ какъ Порта тогда была заинтересована сохраненіемъ добрыхъ отношеній съ Москвою, въ виду противотурецкихъ происковъ Польши, то визирь не

отказалъ въ своемъ содѣйствіи въ семъ деликатномъ дѣлѣ и своими средствами дѣйствительно заставилъ патріарховъ исполнить требованіе Москвы. Такимъ не особенно благочестивымъ способомъ было достигнуто „великое дѣло церковнаго возсоединенія восточной и западной Россіи“, какъ называетъ его московскій историкъ [1]), а въ автономной жизни Украины пробита была еще одна немаловажная брешь.

Московское правительство должно было цѣнить эту непоколебимую лойяльность Самойловича, покладистость въ виду требованій московской политики и разсчетливую, осторожную политику. Самойловичъ разсчитывалъ на эту благосклонность Москвы и во вторую половину своего правленія сталъ дѣйствительно высокомѣрнымъ и самовластнымъ во внутреннихъ отношеніяхъ Украины. Онъ начинаетъ устранять старшину отъ участія въ управленіи, поступаетъ самовластно, безъ участія рады старшины, какъ поспѣшила пожаловаться на него послѣдняя, когда пробилъ часъ его паденія: „все самъ дѣлаетъ, никого къ думѣ не призываетъ“, „старшинѣ генеральной нѣтъ у него чести належащей ни безопасенія: больше отъ гнѣва и похвальныхъ его словъ мертвы бываютъ, нежели покойны живутъ“ [2]).

Двухъ сыновей своихъ Самойловичъ устроилъ на полковничьихъ должностяхъ, дочь выдалъ за московскаго боярина и устроилъ его назначеніе воеводою въ Кіевъ. Располагая такими связями, онъ вѣроятно надѣялся передать гетманскую булаву послѣ себя одному изъ сыновей и упрочить за своей семьей первенствующее положеніе. Это возбуждало сильнѣйшее неудовольствіе противъ него старшины, которая и пробовала на немъ отъ времени жало доноса и интриги и не замедлила повалить зазнавшагося выскочку, какъ только измѣнилось къ нему отношеніе московскаго двора.

Вообще въ душной атмосферѣ произвола и безправія, установившейся на Украинѣ подъ московскимъ режимомъ, интриги, подкупы и доносы начинаютъ пріобрѣтать первенствующее значеніе въ мѣстной „политикѣ“, и исторія паденія Многогришнаго и его преемника Самойловича даютъ яркія иллюстраціи тогдашнихъ отношеній.

Возможность низвергнуть Самойловича дала старшинѣ внѣшняя политика. Очень лойяльный и покладистый относительно московской политики вообще, Самойловичъ не могъ никакъ помириться съ сближеніемъ съ Польшею, которое обозначилось въ московской политикѣ 1680-хъ гг. Въ этомъ случаѣ онъ былъ выразителемъ воззрѣній украинской старшины, въ особенности лѣвобережной, очень недоброжелательной Польшѣ. Самойловичъ не мирился съ отреченіемъ отъ правобережной Украины и не скрывалъ своего неудовольствія, когда московское правительство, подъ вліяніемъ тогдашняго временщика Вас. Голицына, рѣшительно перешло на почву союзныхъ отношеній къ Польшѣ.

Въ 1686 г. былъ заключенъ съ Польшей вѣчный миръ. По этому миру польское правительство окончательно отказалось отъ Кіева съ его округомъ, еще разъ выговоривъ за это денежную сумму—146 т. р., также отъ власти надъ Запорожьемъ. Самойловичъ, поставившій это требованіе относительно Запорожья, домогался также, чтобы Польша уступила подъ московскую протекцію земли между Кіевомъ и Чигриномъ, и московскіе уполномоченные поставили также и это требованіе, но Поляки не согласились, и было рѣшено оставить спорныя области незаселенными впредь до новаго рѣшенія.

Ставъ союзницею Польши, Москва вошла въ образованный противъ Турціи союзъ, въ которомъ кромѣ Польши участвовала Германская

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, III, стр. 986.
[2]) Источники малорос. исторіи, собр. Бантышемъ-Каменскимъ т. I стр. 304

имперія (точнѣе Австрійскія земли) и Венеція. Свое участіе въ общей борьбѣ съ Турціей московское правительство рѣшило осуществить походомъ на Крымъ, предводительство въ которомъ взялъ на себя Голицынъ, а гетманъ Самойловичъ долженъ былъ участвовать также самолично съ козацкимъ войскомъ. Несмотря на свое несочувствіе этому походу, старый гетманъ не устранился отъ участія въ походѣ и далъ рядъ дѣльныхъ указаній относительно условій, которыя должны были обезпечить его успѣхъ. Эти указанія однако не были приняты въ разсчетъ Голицынымъ, и снаряженный съ большой помпой крымскій походъ 1687 г. окончился полнымъ фіаско.

Это грозило сильно пошатнуть положеніе Голицына и его покровительницы—правительницы Софіи, и ему во что бы то ни стало нужно было сложить вину неудачи на кого либо другого. Самойловичъ, какъ самое важное лицо въ походѣ послѣ Голицына, могъ для этого послужить лучше, чѣмъ кто либо, а его извѣстное нерасположеніе къ антитурецкой лигѣ давало поводъ обвинить его въ недоброжелательномъ отношеніи къ походу. Убѣдившись, что съ этой стороны обвиненія на Самойловича будутъ благопріятно приняты московскимъ правительствомъ, старшина на возвратномъ пути изъ крымскаго похода подала доносъ на Самойловича, гдѣ обвиняла его въ недоброжелательномъ отношеніи къ московскому правительству и въ томъ, что онъ, будучи противникомъ похода въ Крымъ, сдѣлалъ все для того, чтобы этотъ походъ не удался.

Гетманъ Самойловичъ.—Рисунокъ изъ лѣтописи Величка.

Доносъ былъ благосклонно принятъ московскимъ правительствомъ, хотя оно, очевидно, само нисколько не вѣрило обвиненіямъ Самойловича въ измѣнѣ. Голицыну было поручено, въ виду общаго нерасположенія къ Самойловичу украинской старшины и войска, во избѣжаніе какихъ либо волненій устранить Самойловича, выслать его съ родственниками въ Москву и произвести выборъ новаго гетмана. Самойловичъ и его сыновья были немедленно арестованы. Старшина заявила при этомъ, что терпѣла отъ Самойловича разныя притѣсненія и незаконности, но ни слѣдствія, ни суда по всѣмъ этимъ обвиненіимъ не было произведено. Стараго гетмана съ сыномъ Яковомъ, стародубскимъ полковникомъ, безъ суда сослали въ Сибирь, а имущество ихъ было конфисковано. Другого сына Самойловича, Григорія, черниговскаго полковника, постигла еще

болѣе жестокая участь. Такъ какъ мѣстный воевода донесъ, что Гр. Самойловичъ „бунтовалъ", т. е. старался избѣжать показаній при арестѣ, то явились подозрѣнія въ нерасположеніи его къ Москвѣ; его подвергли суду, и, хотя серьезныхъ винъ собственно никакихъ за нимъ не оказалось, онъ былъ приговоренъ боярскою думою къ смертной казни и въ томъ же году приговоръ былъ исполненъ. Гр. Самойловичу отрубили голову въ Сѣвскѣ, а имущество его конфисковали. Старикъ Самойловичъ, сосланный въ Тобольскъ, умеръ тамъ два года спустя.

Такъ какъ при вѣсти объ арестѣ гетмана на Украинѣ начались волненія, направленныя противъ старшины, „людей значныхъ", откупщиковъ и т. п., и выражавшіяся мѣстами въ весьма рѣзкихъ эксцессахъ, то считали нужнымъ поспѣшить съ выборомъ новаго гетмана и приступили къ нему немедля, все въ томъ же лагерѣ, на возратномъ пути изъ Крыма, гдѣ произошелъ арестъ Самойловича. Всесильный Голицынъ рекомендовалъ старшинѣ генеральнаго есаула Ивана Мазепу. Позже открылось, что за эту рекомендацію Мазепа обязался заплатить Голицыну 10 тыс. рублей и выплатилъ ихъ послѣ своего избранія, вѣроятно изъ имущества своего предшественника (половина имущества Самойловича была забрана въ царскую казну, а половина въ войсковую). Этотъ подкупъ и рекомендація всесильнаго временщика рѣшили выборъ: старшина приняла къ свѣдѣнію желаніе московскаго правительства.

Избирательной радѣ предшествовала ревизія украинской конституціи—установленіе „статей". Политическая автономія Украины была уже и предшествующими ограниченіями и практикою введена въ очень скромныя рамки; теперь къ старымъ (глуховско-конотопскимъ) статьямъ 1672 г. московское правительство прибавило еще новыя ограниченія. Постановлено было, что не только гетманъ не можетъ быть низложенъ, но и генеральная старшина не можетъ быть смѣщена „безъ воли и указу" царскаго. Рекомендовалось „гетману и старшинѣ народъ малороссійскій всякими мѣрами и способы съ великороссійскимъ народомъ соединять и въ неразорванное и крѣпкое согласіе приводить супружествомъ и инымъ поведеніемъ,— чтобъ никто голосовъ такихъ не испущалъ, что Малороссійскій край гетманскаго регименту, а отзывались бы вездѣ единогласно ихъ царскаго величества самодержавной державы гетманъ и старшина, народъ малороссійскій обще съ великороссійскимъ народомъ".

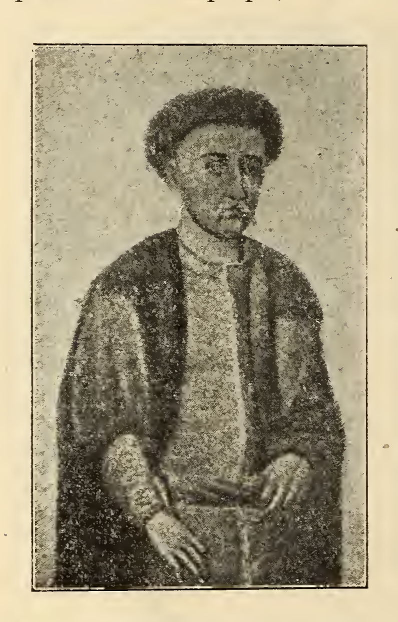
Зато сдѣлано было нѣсколько постановленій въ сословныхъ и экономическихъ интересахъ старшины: подтверждены имѣнія, розданныя гетманами и старшиною; рѣзко отграничено козацкое сословіе отъ мѣщанскаго и крестьянскаго; имѣнія старшины и монастырей освобождены отъ налоговъ на содержаніе войска. Ограничивая автономію, московское правительство вознаграждало старшину содѣйствіемъ ей на почвѣ классовыхъ матеріальныхъ интересовъ, идя навстрѣчу стремленіямъ старшины къ превращенію въ наслѣдственно-привилегированное владѣльческое сословіе, и съ своей стороны усердно направляло въ этомъ направленіи внутреннія отношенія Украины.

За установленіемъ статей послѣдовало избраніе гетмана: въ виду вышесказаннаго оно было простою формальностью. Впрочемъ, новый гетманъ былъ вполнѣ вѣрнымъ выразителемъ сословныхъ и политическихъ стремленій старшины, и съ этой стороны старшина не могла ничего имѣть противъ него.

Мазепа по происхожденію былъ кіевскій шляхтичъ, изъ среднихъ фамилій. Свою молодость онъ провелъ при польскомъ дворѣ въ качествѣ пажа; позже употреблялся для дипломатическихъ порученій порученій на Украинѣ. Затѣмъ, въ 1660-хъ гг. онъ оставилъ придворную службу, —

какъ предполагаютъ, вслѣдствіе романическаго приключенія, получившаго громкую огласку и въ болѣе или менѣе украшенныхъ легендою и фантазіею формахъ воспѣтаго рядомъ знаменитыхъ поэтовъ (Байрономъ, Пушкинымъ, Словацкимъ). Послѣ этого онъ выступаетъ въ козацкомъ войскѣ— сначала подъ регментомъ Дорошенка, затѣмъ, захваченный въ плѣнъ, дѣлаетъ карьеру подъ покровомъ Самойловича и занимаетъ видное положеніе въ „войскѣ его царскаго величества запорожскомъ", какъ оффиціально называлась козацкая организація гетманщины.

Шляхтичъ по рожденію и воспитанію, въ эпоху народныхъ войнъ Украины противъ польско-шляхетскаго режима выроставшій въ атмосферѣ интригъ королевскаго двора разлагающейся Польши, довольно случайно очутившійся въ козацкомъ войскѣ и едва ли искавшій въ немъ чего-либо кромѣ личной карьеры, новый гетманъ, подобно своему предшественнику былъ очень сомнительнымъ пріобрѣтеніемъ для гетманщины въ ея тогдашнемъ очень серьезномъ положеніи. Человѣкъ способный и честолюбивый, но слишкомъ уклончивый и осторожный, слишкомъ учитывающій всякій рискъ и опасность для своего „я", бюрократъ и дипломатъ по складу понятій и темпераменту, онъ мало годился для самостоятельной, отвѣтственной роли правителя.



Мазепа.—Портретъ изъ алтаря Кіево-печерской лавры.

Подобно своему предшественнику, Мазепа ставилъ своею первою и главною цѣлью поддерживать хорошія отношенія съ московскимъ правительствомъ во всѣхъ обстоятельствахъ и за какую угодно цѣну, и это ему удавалось. Неудача новаго крымскаго похода, предпринятаго Голицынымъ въ слѣдующемъ году и окончившаго также фіаско, не повредила Мазепѣ. Его покровитель Голицынъ палъ, но новое правительство Петра приняло ласково Мазепу, случившагося въ Москвѣ какъ разъ вовремя, чтобы устроить свои отношенія. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, Мазепа предъявилъ на Голицына жалобу за взятую съ него взятку и постарался такимъ образомъ возвратить себѣ издержки своего повышенія. Затѣмъ съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій въ 1695 г. Мазепа очень предупредительно исполнялъ военныя порученія Петра заявляя при всякомъ случаѣ полное сочувствіе его планамъ, и снискалъ прочное расположеніе царя.

Во внутреннихъ отношеніяхъ новый гетманъ на первыхъ же порахъ достаточно опредѣленно обозначилъ свой политическій курсъ кровавыми репрессіями, которыми были усмирены бунты противъ старшины, прорвавшіеся при низверженіи Самойловича, и возстановлена была, по словамъ современнаго лѣтописца, „тишина и безбоязненное людемъ тамошнимъ мешканє". Силою и властію своею гетманскаго регимента Мазепа, подобно своему предшественнику, поддерживалъ со всею энергіею престижъ старшины и ея претензіи по отношенію къ „подданскому" населенію, и помогалъ старшинѣ консолидироваться въ сплоченное наслѣдственно привилегированное сословіе. Въ этомъ отношеніи правленіе Мазепы было

какъ и во внѣшней политикѣ, непосредственнымъ и непрерывнымъ продолженіемъ правленія Самойловича.

Болѣе характерную особенность его правленія составляло то усердіе къ церкви и тѣсно связанной съ нею тогдашней культурной украинской жизни, какое замѣчаемъ у Мазепы—болѣе чѣмъ у кого-либо изъ гетмановъ. Какъ бы для того, чтобы разсѣять предубѣжденіе противъ своей особы, какъ человѣка чужого—Мазепа съ первыхъ же лѣтъ своего правленія съ небывалой энергіей и щедростью созидаетъ цѣлый рядъ роскошныхъ и величественныхъ для своего времени построекъ, конечно церковныхъ главнымъ образомъ, въ духѣ своей эпохи. Онъ осыпаетъ наиболѣе чтимыя церкви и монастыри Украины и за предѣлами ея богатыми дарами и пожертвованіями. Даже теперь еще, послѣ всѣхъ офиціальныхъ преслѣдованій, обрушившихся на имя и память Мазепы, Украина, начиная

Мазепа.—Рисунокъ изъ лѣтописи Величка.

съ центра своей церковной жизни, Кіева, и кончая разными полковыми и неполковыми городами, полна Мазепинскихъ сооруженій, пожертвованій, традицій, величавшихъ могущество, богатство и щедроты „ясновельможнаго“.

Всѣ эти щедрыя жертвы и вызываемыя ими пышныя похвалы и панегирики, ѳиміамъ церковныхъ и всякихъ иныхъ витій не въ силахъ однако были примирить низшіе слои украинскаго населенія съ политикой гетманскаго правительства, такъ осязательно дававшей себя чувствовать именно всякой „черни“, козацкой и не козацкой.

И та предупредительность, съ которой Мазепа шелъ на встрѣчу желаніямъ московскаго правительства, не жалѣя людей и издержекъ, высылая козацкіе полки то въ походы, то на разныя военныя работы, и его угодливость крѣпостническимъ вожделѣніямъ старшины чрезвычайно вооружали противъ него народъ. Безпрерывные, ежегодные далекіе походы въ войнахъ, не затрагивавшихъ совершенно интересовъ Украины и являвшихся

для Украины совершенною новостью, столкновенія съ великорусскими начальниками и вся вообще неприглядная обстановка петровской солдатчины возбуждали на Украинѣ сильное неудовольствіе не только противъ московскаго правительства, но и противъ не въ мѣру усерднаго приспѣшника его, гетмана.

Но можетъ быть еще больше не любили его въ народѣ, какъ протектора старшины, представителя и виновника все возраставшей зависимости крестьянскаго населенія и рядового козачества отъ помѣщиковъ-старшинъ, все усиливавшагося обложенія, отягощенія прямыми и косвенными налогами, натуральными повинностями и барщиною. И безъ того непопулярный, Мазепа становился мишенью всевозможныхъ обвиненій. Если Самойловича не любили какъ высокомѣрнаго выскочку, то на Мазепу смотрѣли подозрительно, какъ на человѣка чужого, „католика“, „Поляка“. Доносы на него, начиная съ первыхъ лѣтъ его гетманства, почти не прекращались за все время его правленія. А характернымъ симптомомъ отношеній къ нему народа является агитація послѣдняго украинскаго демагога Петрика Иваненка.

Войсковая печать Мазепы.

Этотъ загадочный человѣкъ, бѣглый канцеляристъ войсковой канцеляріи, въ 1690-хъ гг. пытался вызвать народное движеніе противъ гетмана, старшины и московской власти, разсчитывая опереться на враждебномъ Мазепѣ Запорожьѣ и на помощи крымскаго хана. Онъ говорилъ о себѣ: „я стою за посполитый народъ, за самыхъ бѣдныхъ и простыхъ людей; Богданъ Хмельницкій избавилъ народъ малороссійскій изъ неволи ляхской, а я хочу избавить его отъ новой неволи Москалей и своихъ пановъ“. Освобожденіе Украины изъ-подъ ярма московскаго въ его глазахъ неразрывно соединялось съ соціальнымъ переворотомъ, направленнымъ противъ старшины. Онъ ставилъ на видъ Запорожцамъ, что московское правительство умышленно содѣйствуетъ закрѣпощенію украинскаго населенія, позволяя гетману раздавать старшинѣ населенныя имѣнія, „записывая нашу братію себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчность“, „работая будто невольниками своими“. По его словамъ, московская политика ставила себѣ цѣлью обратить Украину въ обыкновенную провинцію и „осадить своими городами“, когда украинское населеніе „чрезъ такія излишнія подати и тяжести замужичѣетъ и оплошаетъ“.

Онъ былъ увѣренъ, что это угнетенное населеніе, озлобленное на гетмана и старшину, на московское правительство и воеводъ, гетманскихъ старостъ и откупщиковъ, не замедлитъ присоединиться къ нему, лишь только онъ явится съ войскомъ въ предѣлы Украины. „Пане кошевый,—говорилъ онъ запорожскому кошевому, уговаривая принять участіе въ походѣ, — развѣ не помогутъ намъ наши братья „голоколѣнки“, съ бѣдными людьми, которыхъ сердюки (гетманская гвардія), аренцари (откупщики) да тѣ дуки, что имъ цари маетности понадавали, едва живымъ не ѣдятъ? Они какъ услышатъ, что ты съ войскомъ двинешься изъ Сѣчи, то они сами тѣхъ чертей-пановъ подавятъ, и мы придемъ на готовый ладъ!“ [1]).

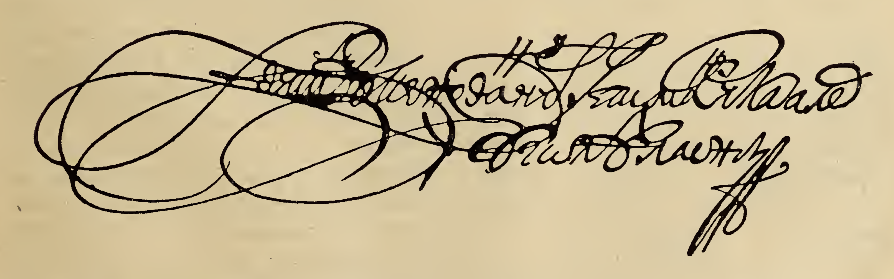
[1]) Документы у Эварницкаго — Источники для исторіи запорожскихъ козаковъ, т. I, с. 324, 420—2, и у Костомарова—Мазепа, с. 107.

Среди Запорожцевъ рѣчи Петрика находили созвучный откликъ Кошевой запорожскій Гусакъ въ своихъ письмахъ тоже упрекалъ Мазепу, въ тонѣ Петрика, что бѣдному люду въ Гетьманщинѣ стало горше чѣмъ въ польскія времена: всякій заводитъ себѣ подданныхъ, чтобы они ему сѣно и дрова возили, въ печахъ топили, конюшни чистили (упреки совершенно аналогическіе съ тѣми, которыми современникъ Самовидецъ объяснялъ возстаніе козачества противъ Польши въ 1648 г.).

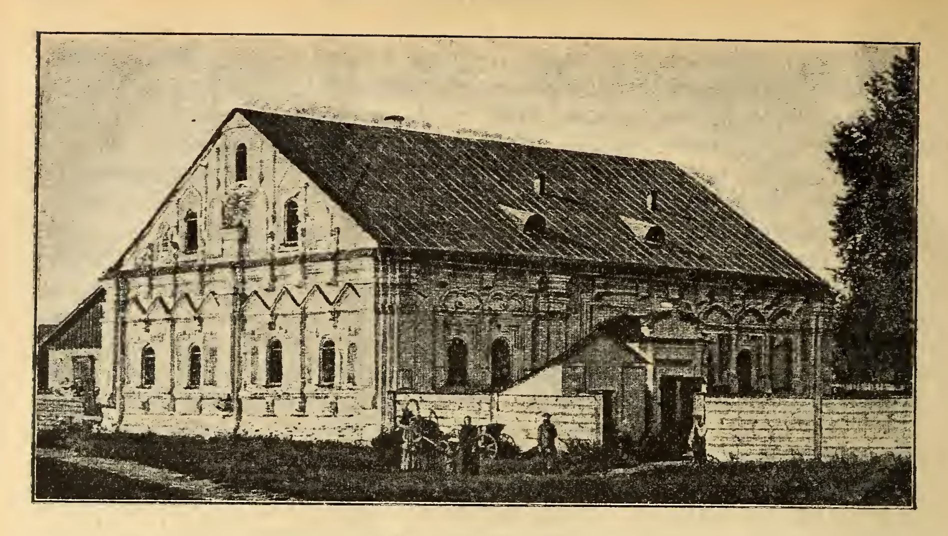
Однако поддержать Петрика сколько нибудь энергически Запорожье въ полномъ составѣ не рѣшилось. предоставивъ это добровольцамъ, которыхъ тоже нашлось не много. Крымскій ханъ, признавшій Петрика въ званіи украинскаго гетмана, тоже не оказалъ большой помощи. Пограничное населеніе, загодя похвалявшееся, когда придетъ Петрикъ, побить старшину и орендарей и завести давніе порядки, чтобы всѣ были козаки, а пановъ не было, — теперь, въ виду незначительныхъ запорожскихъ и татарскихъ силъ, приведенныхъ Петрикомъ, не рѣшилось подняться. Мазепа, обезпокоенный тревожными симптомами, заблаговременно двинулъ свои полки на границу, и первый походъ Петрика въ 1692 г. потерпѣлъ полную неудачу, а послѣдующіе походы 1693 и 1696 гг. уже не возбудили никакого интереса среди украинскаго населенія, и въ послѣднемъ походѣ кончилъ безславно и самъ Петрикъ, убитый козакомъ, прельщеннымъ большой наградой, объявленной за голову его.

Совершенно безплодный, этотъ эпизодъ интересенъ главнымъ образомъ агитаціонными рѣчами самого Петрика, единственными по свой рѣзкости и силѣ: онѣ впервые бросаютъ яркій свѣтъ на общественный процессъ, развивающійся въ гетманщинѣ со второй половины XVII в. и кристаллизирующійся именно на рубежѣ XVII и XVIII вв. Какъ разъ среди политическаго затишья и лойяльной покорности старшины подъ регментомъ Самойловича и Мазепы закладывались крѣпкія основы сословныхъ правъ козацкой старшины и помѣщичьяго владѣнія на Украинѣ, развивающихся затѣмъ параллельно съ постепеннымъ уничтоженіемъ автономіи и формъ выборнаго козацкаго правленія. Представивъ тѣ политическія условія, среди которыхъ зарождался и развивался этотъ соціально-экономическій процессъ, я долженъ здѣсь нѣсколько подробнѣе остановиться на немъ.

Для внѣшней исторіи: Костомарова „Руина“ и „Мазепа“. Уманецъ: Гетманъ Мазепа, 1897 и замѣчанія Лазаревскаго въ Кіев. Старинѣ 1898. Рядъ мелкихъ замѣтокъ Востокова въ Кіев. Старинѣ за 1886, 1889 и 1890 гг. Для внутреннихъ отношеній общій очеркъ Л. Ч.: Украіна після 1634 р. (Записки Наук. тов. ім. Шевченка т. 29 и 30).



Подпись Мазепы („звышъ менованный гетманъ и кавалеръ рукою власною“).



Домъ Мазепы въ Черниговѣ.

XXI. Соціально-экономическій процессъ въ восточной Украинѣ XVII—XVIII вв.

Предводители украинскаго движенія XVII в., сами проникнутые сословными понятіями Польскаго государства, въ которомъ они выросли, несомнѣнно, менѣе всего имѣли въ виду созданіе соціальнаго переворота. Наоборотъ, на каждомъ шагу въ ихъ дѣятельности сквозитъ эта непоколебимая увѣренность въ томъ, что старый соціальный строй долженъ и будетъ существовать и впредь [1]). Тѣмъ не менѣе, Хмельниччина въ дѣйствительности превратилась въ соціальную революцію, не только въ представленіяхъ народа, который шелъ на кличъ ея вождей именно для перестройки общественныхъ и экономическихъ отношеній, — но и фактически, по своимъ окончательнымъ результатамъ.

Напрасно трактаты польскаго правительства съ козаками цѣной уступокъ въ политической и культурной сферѣ старались вернуть восточную Украину шляхетскому землевладѣнію, возвратить изгнаннымъ польскимъ шляхтичамъ ихъ имѣнія. Это было ближайшею цѣлью всѣхъ договоровъ отъ Бѣлоцерковскаго трактата 1649 г. до договора съ Ханенконъ 1670. Но ни одинъ изъ этихъ трактатовъ не могъ осуществиться, даже при желаніяхъ правящихъ украинскихъ круговъ, вслѣдствіе непобѣдимой оппозиціи народныхъ массъ и ихъ рѣшимости не допускать возвращенія „лядскаго панования“. Только шляхетскія фамиліи, перешедшія подъ козацкій регементъ, остались на Украинѣ, сохранивъ свои имѣнія. Вообще же позже существовало убѣжденіе, что во время Хмельниччины всѣ прежнія документы на владѣніе были „козацкою шаблею скасованы“. Старыя землевладѣльческія права требовали для своей правосильности подтвержденія со стороны новаго, козацкаго строя: тамъ гдѣ этого не было — владѣніе изъ привилегированнаго, опиравшагося на грамотахъ и документахъ, превращалось въ фактическое, основанное на реальномъ владѣніи или такъ называемой „заимкѣ“, оккупаціи.

„Когда при помощи Божіей Малороссіяне съ гетманомъ Богданомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ

---

[1]) См. выше, гл. XVII и XVIII.

ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей,—въ ту пору на обѣихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была для Малороссіянъ „сполная и общая“, пока эти земли не были заняты отдѣльными хозяйствами и селеніями — и послѣ этого всѣ земли перешли въ собственность „черезъ займы“. „Оные же займы Малороссіяне разными означали способами: одни опахивали, иные окружали „копцами“ или рвомъ, означали знаками на деревьяхъ, и на этихъ заимкахъ устраивали, что хотѣли: ростили рощи, заводили сады, хутора, слободы и деревни заселяли на свое имя“. Это показаніе украинскихъ козаковъ, данное въ одномъ процессѣ о владѣніи (въ концѣ XVIII в.), довольно вѣрно представляетъ отношенія послѣ Хмельниччины, и даже эта картина какъ бы новаго заселенія Украины, которую даетъ оно, только односторонне преувеличена, но не ложна. Хотя весьма значительная часть земель и осталась безъ перемѣны въ фактическомъ владѣніи крестьянъ, мѣщанъ, козаковъ, шляхты, церквей и монастырей, но огромная масса шляхетскихъ земель послѣ бѣгства шляхты сдѣлалась никому не принадлежащею. Значительная масса земель освободилась вслѣдствіе большой убыли населенія во время этихъ страшныхъ народныхъ войнъ, а также массовыхъ движеній на востокъ, — всей этой гигантской перетасовки, которою сопровождалось движеніе пол. XVII в.

Типы Гетманщины XVIII в.—Крестьянинъ (современный рисунокъ).

Благодаря этому оказалось очень много свободныхъ, никому не принадлежавшихъ земель, цѣлыя огромныя пространства, на которыхъ первый встрѣчный могъ поселяться и заимкою и обработкою обращать занятый участокъ въ свою собственность. Заимкѣ представлялося широкое поле.

Такимъ образомъ во второй половинѣ XVII в. землевладѣніе восточной Украины, главнымъ образомъ лѣвобережной, о которой веду здѣсь рѣчь (такъ какъ въ правобережной въ концѣ концовъ, въ первой четверти XVIII в. шляхетское землевладѣніе было возстановлено), вернулось какъ бы къ первобытнымъ условіямъ, и ему, казалось, предстоялъ длинный путь соціально-экономической эволюціи. Въ дѣйствительности однако и землевладѣніе и вообще соціально-экономическія отношенія Гетманщины прошли этотъ путь чрезвычайно быстро, въ продолженіи нѣсколькихъ—не столѣтій, а десятилѣтій. Причиною было то обстоятельство, что въ общественномъ и экономическомъ строѣ ея оказались на лицо факторы, съ необыкновенною быстротою возстановившіе, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, разрушенныя формы сословныхъ и экономическихъ отношеній.

Традиціи привилегированнаго землевладѣнія и крѣпостническаго

хозяйства были непосредственно сохранены землевладѣніемъ церквей и монастырей, послѣ паденія польской власти поспѣшившихъ выхлопотать себѣ подтвержденіе на свои имѣнія отъ гетмановъ и московскаго правительства, и уцѣлѣвшихъ (перешедшихъ подъ гетманскій регигментъ) шляхетскихъ родовъ. Еще важнѣе было, что весь правящій классъ — козацкая старшина, и интеллигенція вообще выросли поголовно въ тѣхъ же традиціяхъ, и самый радикальный выводъ, какой они были въ состояніи сдѣлать изъ пережитаго, былъ только тотъ, что мѣсто польской шляхты должно занять новое привилегированное сословіе изъ родовъ, ознаменовавшихъ себя заслугами въ козацкомъ войскѣ. Мы видѣли уже, что сподвижники Хмельницкаго въ самый разгаръ освободительнаго движенія обнаруживаютъ стремленія превратиться въ привилегированныхъ землевладѣльцевъ въ духѣ польской шляхты. Это были общія стремленія, которыя ждали только благопріятныхъ условій для того, чтобы заявить себя съ полною опредѣленностью.

Типы Гетманщины XVIII в.—Крестьянка.

Эти условія полностью дала связь Украины съ Московскимъ государствомъ—зависимость отъ послѣдняго и вліяніе московскаго общественнаго уклада, съ его крѣпостнымъ строемъ и привилегированнымъ землевладѣніемъ.

Этотъ укладъ вліялъ прежде всего самъ собою—своимъ примѣромъ и черезъ своихъ представителей, служилыхъ людей, приходившихъ на Украину въ московскихъ ратяхъ, въ роли ихъ командировъ, воеводъ, позже—полковниковъ-Великороссовъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовало московское правительство, награждая старшину за ея уступки въ сферѣ автономіи подтвержденіями за нею пріобрѣтенныхъ имѣній и раздачею новыхъ. Такія раздачи практиковались „за службу великому государю“ все въ болѣе широкихъ размѣрахъ по мѣрѣ того, какъ московскія вліянія проникали глубже во внутреннія отношенія Украины. И одновременно съ тѣмъ, всѣмъ своимъ вліяніемъ, всею силою своей централизированной государственной машины, всею грозою своей исполнительной власти московскій режимъ утверждалъ, укрѣплялъ и освящалъ перемѣны, производимыя старшиною въ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ Гетманщины.

Всѣмъ этимъ московско-петербургскій факторъ сыгралъ чрезвычайно важную роль въ перестройкѣ украинской жизни,—облегчая и поддерживая работу старшины и затѣмъ санкціонируя законодательными актами произведенную ею перестройку общественнаго строя. Только благодаря

ему фактическія пріобрѣтенія старшины получили полную опредѣленность и незыблемую прочность.

Роль тѣмъ болѣе интересная, что въ продолженіе всего XVIII в. петербургское правительство, какъ мы еще будемъ имѣть случай видѣть, не переставало въ своей украинской политикѣ носить демократическую личину, заигрывая на демократическихъ и даже демагогическихъ струнахъ и заговаривая отъ времени до времени о неправедныхъ пріобрѣтеніяхъ козацкой старшины, порабощеніи народа и захватѣ земель. Но эти заигрыванія имѣли значеніе тактическихъ ходовъ, расчитанныхъ на то, чтобы держать въ спасительномъ страхѣ старшину. Послѣдняя сознавала очень хорошо, какъ непрочны, безъ поддержки петербургскаго правительства, оставались всѣ ея благопріобрѣтенія, всѣ сословныя права, и дѣйствительно готова была на всякія уступки въ виду такихъ демагогическихъ ходовъ центральнаго правительства.

Общественной строй восточной Украины послѣ ея освобожденія отъ польскаго режима отличался большой неустойчивостью. Сословія существовали, но между ними не было никакихъ прочныхъ и рѣзкихъ границъ. Козаки—военнослужилый классъ—были привилегированнымъ, свободнымъ отъ податей сословіемъ, но совершенно не замкнутымъ. Вопросъ о реестрѣ фигурировалъ въ „статьяхъ" и трактатахъ, но не имѣлъ никакого реальнаго значенія: при сильномъ, хроническомъ напряженіи военныхъ силъ каждый желающій могъ быть козакомъ и увеличеніе народныхъ контингентовъ могло быть только желательнымъ. „Можнѣйшіе granted писались въ козаки, а подлѣйшіе (бѣдные) осталися въ мужикахъ", какъ потомъ вспоминали. Въ козачій „компутъ" (compte, реестръ) можно было такъ же свободно вписаться, какъ и выписаться изъ него и перейти въ сословіе мѣщанское, крестьянское или духовное.

Правда, какъ прежде польское правительство, такъ теперь московское, и сама старшина, какъ мы видѣли, исходя изъ фискальныхъ и хозяйственныхъ соображеній, старались прекратить эти переходы и такимъ образомъ отграничить козачество отъ крестьянства. Но это удалось только позже—въ XVIII в. Тогда въ козачьи „компуты" могли попадать обыкновенно только дѣти козаковъ, и такъ какъ въ этомъ замѣшаны были экономическіе, владѣльческіе интересы правящаго сословія, старшины, то за компутомъ слѣдили строго, и если выйти изъ казачьяго званія было легко, то попасть туда, напротивъ, было очень трудно. Но зыбкое состояніе козацкой массы предшествовавшее такому отвердѣнію, продолжалось долго.

Изъ общей массы козачества выдѣлялся верхній слой его, правящій классъ—старшина. По происхожденію своему это аристократія главнымъ образомъ должностная. Въ принципѣ должности эти имѣли характеръ избирательный и должны были замѣщаться свободнымъ козацкимъ выборомъ, но фактически выборъ очень рано началъ замѣняться назначеніемъ или имѣлъ значеніе чисто формальной процедуры, и должности распредѣлялись между членами правящаго класса, естественно стремившагося къ тому, чтобы превратиться въ наслѣдственно-привиллегированное сословіе. Въ Гадячскомъ трактатѣ это было оформлено въ постановленіи, что ежегодно извѣстное число лицъ козацкаго сословія будетъ нобилитовано, т. е. получитъ шляхетскія права. Постановленіе это не получило силы, и процессъ такого превращенія осуществлялся фактически. Въ отношеніяхъ къ московскому правительству старшина уже въ концѣ XVII в. (въ статяхъ 1687 г.) приравниваетъ себя къ наслѣдственному, служилому дворянству и настойчиво проводитъ этотъ взглядъ въ продолженіе всего XVIII в., пока дѣйствительно не добивается этого признанія, въ концѣ XVIII столѣтія.

До тѣхъ поръ привиллегированное положеніе членовъ старшинскаго класса приходилось поддерживать если не дѣйствительной войсковой службой, то фикціей послѣдней. Такъ какъ военно-административная схема Гетьманщины не въ состояніи была размѣстить по урядамъ представителей все умножающихся и разростающихся старшинскихъ фамилій, то создаются титулярныя званія: „войсковыхъ", „значковыхъ" и „бунчуковыхъ товарищей", жалуемыя гетманомъ и сообщающія ихъ носителямъ извѣстное официальное положеніе въ войсковой іерархіи. Такъ „бунчуковый товарищъ" считается въ рангѣ непосредственно за полковникомъ, выше полковой старшины; значковый товарищъ считается въ рангѣ низшей полковой или сотенной старшины. Постепенно, съ наростаніемъ старшинскаго класса число носителей такихъ титулярныхъ званій достигаетъ огромнаго количества. „Бунчуковые товарищи", пользовавшіеся особенно значительными правами и привиллегіями, въ половинѣ XVIII в. насчитываются сотнями, и подъ сѣнью этого званія находитъ такимъ образомъ прибѣжище огромное количество старшины, не занимавшей реальныхъ должностей, но пользовавшейся большими привилегіями и вліяніемъ.

Должности и связанная съ ними власть даютъ возможность этимъ старшинскимъ фамиліямъ собирать въ своихъ рукахъ значительныя средства и особенно земли, и онѣ превращаются во владѣльческое сословіе, классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Къ нимъ примыкаютъ богатыя фамилія шляхетскаго, мѣщанскаго и духовнаго происхожденія: ихъ представители очень часто пріобрѣтаютъ патенты на разныя дѣйствительныя или титулярныя войсковыя должности и такимъ образомъ переходятъ въ составъ войсковой старшины. Такъ формируется новое привилегированное сословіе, настойчиво величающее себя „шляхетскимъ".

Оно создаетъ со временемъ традицію своего преемства и связи со шляхтой предреволюціонной, выводитъ себя отъ разныхъ польскихъ шляхетскихъ фамилій, принимаетъ ихъ гербы, усердно ищетъ случая породниться съ настоящими шляхетскими родами, хотя бы и захудалыми. Употребляя по старой традиціи уже со второй половины XVII в. въ качествѣ юридическаго кодекса Литовскій Статутъ, оно усвояетъ и прилагаетъ къ себѣ тѣ права привилегированнаго сословія, которыя этотъ старый шляхетскій кодексъ признаетъ за шляхтою. Одновременно проявляетъ сильное стремленіе къ образованію и усвоенію внѣшней культуры: въ этомъ отношеніи оно стояло несомнѣнно выше общаго уровня современнаго великороссійскаго дворянства. Но главная основа его силы и значенія, его raison d'être—это его богатство, въ частности—земельное, крупное землевладѣніе.

Оставляя въ сторонѣ шляхтскія имѣнія уцѣлѣвшія отъ предшествующей эпохи (главнымъ образомъ въ Сѣверскомъ Заднѣпровьи), основою старшинскаго, какъ и всякаго землевладѣнія считалась заимка; только старшина производила эту заимку въ несравненно болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ масштабѣ не крестьянскаго, а помѣщичьяго хозяйства, къ созданію котораго она усиленно стремилась. Одновременно, уже съ XVII в., получаетъ она пожалованныя „маетности" отъ гетмана и московскаго правительства. Эта раздача земель — преимущественно населенныхъ, занятыхъ (такъ какъ незанятыя, пустыя не нуждались въ пожалованіи и просто присваивались заимкою)—съ теченіемъ времени практикуется все въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Раздаютъ земли не только гетманы (не говоря о московскомъ правительствѣ), но и полковники и генеральная старшина. Но такъ какъ такія гетманскія и старшинскія пожалованія не считались правосильными, то закрѣпленіе ихъ дѣлается однимъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ въ политикѣ старшины относительно москов-

скаго правительства. Уже при выборѣ Мазепы (1687) взамѣнъ сдѣланныхъ московскому правительству уступокъ старшина ходатайствовала, чтобы земли, полученныя отъ гетмана и старшины, а также купленныя, безпрепятственно утверждались московскимъ правительствомъ за владѣльцами. Но московское правительство не хотѣло дать такого общаго обѣщанія и предоставляло каждому отдѣльно добиваться для себя „жаловальной грамоты". И старшина старалась добиться—„заслугами передъ великимъ государемъ".

Кромѣ „займанщинъ" и пожалованій, имѣнія старшины расширялись „скуплею", выкупомъ земель крестьянскихъ и козачьихъ. Особенно въ XVIII в., когда уже исчерпались свободныя земли и не осталось мѣста для заимки, выкупъ практиковался весьма широко: пожалованія могли получать главнымъ образомъ люди, бывшіе на виду у правительства, „скуплю" могли практиковать всѣ стоящіе такъ или иначе у власти, хотя бы очень мелкой—сотницкой, напримѣръ, или имѣвшіе связи въ правящихъ сферахъ.

Типы Гетманщины XVIII в.—Крестьянская дѣвушка.

Связи и административное вліяніе были нужны потому, что покупка очень часто была принудительною: скупщики не только пользовались тяжелыми матеріальными обстоятельствами владѣльца, но часто прибѣгали и къ давленію административной власти, даже къ ничѣмъ не прикрытому насилію. При этомъ, такъ какъ выкупъ козачьихъ земель былъ ограниченъ или даже вовсе запрещенъ, чтобы козаки, обѣднѣвъ, не становились неспособными къ службѣ, подъ покровомъ власти практиковался переводъ козаковъ въ крестьянское сословіе. Насильственно или добровольно, но во всякомъ случаѣ незаконно, козаки вычеркивались изъ „компутовъ" и разными путями переводились въ разрядъ крестьянъ, „посполитыхъ" [1]).

Всѣми этими путями создана была въ продолженіе столѣтія огромная площадь привилегированнаго землевладѣнія старшины—рядъ огромныхъ латифундій и моей имѣній средней руки. На займанщинахъ и всякихъ пустыхъ земляхъ поселялись прихожіе люди, огромныя массы которыхъ давало особенно развившееся во второй половинѣ XVII в. и еще разъ повторившееся во второмъ десятилѣтіи XVIII в. массовое переселеніе на-

[1]) Подробно перечисляетъ такія несправедливости и эксплоатацію козаковъ старшиною петиція, приготовленная сотниками и сотенною старшиною Черниговскаго полка для подачи имп. Елисаветѣ во время путешествія ея на Украину въ 1744 г. (опубликована въ Кіевской Старинѣ 1894, IV). Самый фактъ заступничества за козаковъ со стороны представителей той же старшины, хотя и низшей, показываетъ, что помѣщичьи стремленія все-таки не успѣли деморализовать ее до конца.

рода изъ правобережной Украины. Отношенія владѣльца къ такимъ новопоселяемымъ на его землѣ крестьянамъ, или такъ называемымъ „підсусідкамъ“, нормировались или договоромъ, или общею практикою.

Гораздо щекотливѣе были отношенія владѣльца къ крестьянамъ заселенныхъ уже имѣній, пріобрѣтавшихся пожалованіемъ или попадавшихъ въ руки старшины въ качествѣ „ранговыхъ“—такъ назывались имѣнія связанныя съ извѣстною должностью и предназначавшіяся на содержаніе занимавшаго эту должность лица (эти ранговыя имѣнія современемъ сдѣлались очень значительны и позже часто присваивались старшиною).

По отношенію къ этимъ крестьянамъ стараго поселенія не было такого средняго термина, какимъ былъ договоръ для новопоселенцевъ, и тутъ контрастъ стремленій и воззрѣній владѣльцевъ-старшины и крестьянъ выступалъ въ полной наготѣ. Старшина стремится превратить послѣднихъ, какъ и подсусѣдковъ, въ своихъ крѣпостныхъ, и дѣйствительно успѣваетъ въ этомъ, постепено легализируя ихъ крѣпостное состояніе. Для достиженія этой цѣли она всѣми мѣрами содѣйствуетъ возможно рѣзкому отграниченію козаковъ отъ крестьянъ (такъ называемыхъ „посполитыхъ“) и дѣлаетъ для послѣднихъ невозможнымъ переходъ въ козацкое званіе. Посполитые, первоначальные собственники, обезземеливаются всякими способами: покупкой, захватомъ ихъ земель или же всякими притѣсненіями принуждаются къ выходу, причемъ земли ихъ, согласно Литовскому Статуту, помѣщики въ такомъ случаѣ берутъ себѣ и поселяютъ на нихъ вполнѣ отъ себя зависимыхъ подсусѣдковъ. Оставшихся посполитыхъ и переведенныхъ въ ихъ категорію козаковъ они облагаютъ повинностями по образцу подсусѣдковъ, примѣняя къ нимъ принципы шляхетскаго права.

Гетманство Самойловича было временемъ, когда „обыклое послушенство подданныхъ“ по отношенію къ землевладѣльцамъ-старшинѣ впервые начинаетъ усиленно пропагандироваться гетманскою властью и подкрѣпляться ея престижемъ. Тогда это „послушенство“, т. е. повинности крестьянина по отношенію къ помѣщику, выражалось въ обязанности помогать при уборкѣ сѣна, устройствѣ гатей и т. п. Но уже въ первой четверти XVIII в. видимъ панщину настоящую и сильно развитую: въ одномъ универсалѣ 1701 г. гетманъ Мазепа признаетъ законною двудневную панщину въ недѣлю, и кромѣ нея дань овсяную, и это для крестьянъ, сидѣвшихъ на своихъ земляхъ, а не подсусѣдковъ. Въ общемъ къ половинѣ XVIII в крѣпостная зависимость крестьянъ, и владѣльческія права по отношенію къ нимъ въ лѣвобережной Украинѣ достигаютъ размѣровъ, вполнѣ аналогичныхъ съ прежнимъ шляхетско-польскимъ режимомъ,—имъ не достаетъ только нѣсколькихъ штриховъ для полной законченности.

Конечно, среди народной массы, сохранявшей живую память о великомъ движеніи, „скасовавшемъ“ шляхетскій режимъ, этотъ процессъ новаго закрѣпощенія вызывалъ сильнѣйшее неудовольствіе. Мы видѣли, что еще одно лишь предчувствіе или подозрѣніе въ шляхетскихъ тенденціяхъ въ первые годы послѣ этого движенія давало поводъ для народной оппозиціи противъ Выговскаго, Сомка и Золотаренка, да и самого Богдана Хмельницкого, и народъ клеймилъ представителей этой старшины ненавистнымъ именемъ „Ляховъ“. Можно судить о чувствахъ, какія питалъ онъ къ сословію, явно и открыто возстановлявшему теперь на Украинѣ „панщину“ и всѣ панскіе порядки.

Правда, на какое-нибудь смѣлое, рѣзкое движеніе противъ этихъ „новыхъ Ляховъ“ у народныхъ массъ уже не было энергіи. Онѣ устали отъ предшествовавшихъ тяжелыхъ и безплодныхъ усилій, извѣрились въ успѣхѣ, потеряли довѣріе и къ демагогамъ, призывавшимъ къ борьбѣ съ панами, и къ московской политикѣ, въ которой онѣ надѣялись найти

опору и которая въ дѣйствительности поддерживала панскую програму старшины (это разочарованіе должно было особенно сильно подѣйствовать на народъ). Глубокій упадокъ духа, отсутствіе вѣры и даже возбудимости въ народныхъ массахъ живо иллюстрируютъ упомянутые попытки послѣдняго украинскаго демагога—Петрика, разсчитывавшаго, что одно появленіе его отрядовъ вызоветъ возстаніе простого народа противъ „дуків і панів“. Мы видѣли, что эти надежды совершенно не оправдались,—народъ, въ виду гетманскихъ полковъ, не рѣшился подняться.

Но глухое недовольство на „пановъ“, на всю систему, ими созданную, было сильно и всеобще. Оно прорывалось въ волненіяхъ, избіеніяхъ старшины при смѣнѣ гетмановъ, въ отдѣльныхъ вспышкахъ, вызванныхъ злоупотребленіями того или другого пана [1]), очень рѣзкихъ иногда. Всеобщее недовѣріе встрѣчали всякія административныя и финансовыя мѣры выходившія отъ этого ненавистнаго панскаго правящаго сословія: въ нихъ видѣли только посягательство на свободу и имущество массы. Такъ, я уже упоминалъ, чрезвычайное недовольство встрѣчали косвенные налоги, введенные въ концѣ XVII в.—на винокуреніе, производство и продажу табаку, дегтя и т. п.

Типы Гетманщины XVIII в.—„Козацкій подпоможчикъ“ (неслужилый).

Это раздраженіе массъ чувствовалось правящимъ классомъ очень живо. Не довѣряя козачьему войску, такъ какъ козаки наравнѣ съ посполитыми терпѣли отъ экономической политики старшины, гетманы и старшина завели неамныя войска, набиравшіяся изъ всякаго сбора—такъ называемыхъ сердюковъ, компанейцевъ, а при всякой опасности народнаго движенія взывали о помощи къ московскому правительству, требуя присылки московскаго войска — какъ это имѣло мѣсто во время движеній Петрика.

Это отчужденіе отъ народа, это „средостѣніе“ между правящими классами и народными массами Украины было ахиллесовою пятою украинской старшины. Даже наиболѣе выдающіеся, горячіе украинскіе патрі-

---

[1]) Ихъ можетъ иллюстрировать бунтъ въ с. Турбаяхъ, описанный Ал. Ефименко (Южная Русь, т. II): крестьяне, „искавшіе козачества“ (терминъ для подобныхъ, очень многочисленныхъ процессовъ), т. е доказывавшіе, что они неправильно переписаны были изъ козаковъ въ посполитые, добились рѣшенія, что потомки лицъ, нѣкогда вписанныхъ въ компутъ, должны быть возстановлены въ козацкомъ званіи. Опасеніе, что помѣщики при помощи властей, взявшихъ ихъ сторону, постараются еще повернуть дѣло въ свою пользу, привело крестьянъ въ такое возбужденіе при объявленіи имъ рѣшенія, что они перебили всю помѣщичью семью.

оты, вродѣ Полуботка, были грѣшны общимъ грѣхомъ въ своей экономической политикѣ по отношенію къ посполитымъ и козакамъ, и сознаніе этого отчужденія подрывало ихъ силу и стойкость въ защитѣ политическихъ интересовъ, въ борьбѣ за автономію Украины.

Центральное правительство пользовалось этою слабою стороною старшины очень искусно. Какъ увидимъ ниже, при всякой атакѣ на автономію Украины, оно ударяло по струнамъ народныхъ интересовъ, поднимало вопросъ о злоупотребленіяхъ старшины и необходимости ихъ разслѣдованія и пресѣченія, объ охранѣ народа отъ этой старшинской эксплоатаціи и т. п. И старшина всегда уступала, боясь своимъ сопротивленіемъ толкнуть центральное правительство еще дальше по тому же пути разрушенія ея благосостоянія. Тѣ же факторы вліяли и на образъ дѣйствій отдѣльныхъ представителей украинскаго „шляхетства“: уступчивые и угодливые могли разсчитывать на пожалованіе обширныхъ имѣній, подтвержденіе своихъ благопріобрѣтеній и покрытіе покровомъ снисхожденіе всякихъ грѣховъ по отношенію къ населенію. Строптивыхъ и упорныхъ пугала перспектива слѣдствія о неправильно захваченныхъ земляхъ, о несправедливомъ закрѣпощеніи „ищущихъ козачества“ и т. п. Мало кто изъ украинской старшины не чувствовалъ себя уязвимымъ на пунктѣ этихъ общесословныхъ грѣховъ и рѣшался итти на ссору съ правительствомъ и его представителями.

Типы Гетманщины XVIII в.—Козакъ строевой.

Въ результатѣ украинская старшина, хотя и не безъ сопротивленій, не безъ оппозиціи, должна была въ концѣ концовъ помириться съ утратою автономіи и превращеніемъ Украины въ обыкновенныя губерніи. Взамѣнъ она получила права россійского дворянства (въ 1781 и окончательно въ 1785 г.), ея экономическія и сословныя пріобрѣтенія были санкціонированы и нашли охрану въ сильной полицейской организаціи имперіи. Крѣпостное право было формально утверждено (такое окончательное значеніе имѣли указы 1763 и 1783 гг., запрещавшіе крестьянамъ переходить отъ одного помѣщика къ другому). Центральное правительство помирилось на этой почвѣ съ „малыми тираннами“, какъ называла украинскихъ помѣщиковъ имп. Екатерина, издавшая всѣ эти важные указы. Цѣною интересовъ народа, которому петербургскіе политики оказывали такое сочувствіе, когда нужно было терроризовать старшину, а въ остальномъ покровительствовавшіе и насаждавшіе на Украинѣ принципы крѣпостническихъ отношеній тогдашней Россіи,—было получено молча-

ливое согласіе украинскаго общества на ликвидацію политическаго наслѣдія гетманщины.

Два слова объ аналогическомъ процессѣ, въ меньшемъ масштабѣ и въ менѣе яркихъ формахъ, развивавшемся въ зарубежномъ лѣвобережьи, такъ называемой Слободской Украинѣ.

Выше не разъ упоминалось объ украинской колонизаціи, искавшей безопаснаго убѣжища отъ польско-шляхетскаго господства за московскимъ рубежомъ. Извѣстія объ этой эмиграціи имѣемъ уже отъ второй половины XVI в., еще болѣе значительные размѣры пріобрѣтаетъ она въ XVII вѣкѣ, когда шляхетское хозяйство начинаетъ утверждаться по обоимъ берегамъ Днѣпра. Особенно острые конфликты съ польскимъ режимомъ своимъ послѣдствіемъ имѣли болѣе или менѣе значительныя передвиженія за московскій рубежъ, за предѣлы досягаемости. Такъ большія партіи переселенцевъ вышли туда въ 1638 г.: масса ихъ устроилась въ пограничныхъ городахъ, а большій отрядъ съ гетманомъ Яцкомъ Остряниномъ, въ которомъ однихъ козаковъ было бы 800 душъ, не считая ихъ семей, поселился въ окрестностяхъ Чугуева, образовавъ отдѣльное козацкое войско; однакó между чугуевскими поселенцами вышли разныя неудовольствія, окончившіяся тѣмъ, что эти чугуевскіе козаки взбунтовались, убили Острянина и ушли обратно за польскій рубежъ.

Затѣмъ большіе размѣры эмиграція стала пріобрѣтать со времени неудачъ, постигшихъ движеніе Богдана Хмельницкаго. Большія партіи крестьянъ и козаковъ, извѣрившись въ успѣхахъ возстанія, утомленныя тяжелою непрерывною войною, уходили за рубежъ и селились въ окрестностяхъ укрѣпленій „бѣлгородской черты“—московской пограничной линіи, преграждавшей путь татарскимъ набѣгамъ въ московскія владѣнія, и на югъ отъ нея, на „татарскихъ шляхахъ“, основывая слободы и города, строя укрѣпленія и организуясь въ военно-административныя формы по образцу Гетманщины. Такъ въ 1652 г. тысяча козаковъ подъ предводительствомъ полковника Дзинковскаго, съ семьями и всѣмъ хозяйствомъ поселилисъ по р. Соснѣ, построили городъ Острогожскъ и положили начало Острогожскому полку. Другія партія переселенцевъ поселились по р. Пслу и положили начало городу Сумамъ и сумскому полку. Въ 1655 г. положено начало Харькову, вокругъ котораго выростаетъ харьковскій полкъ.

Переселеніе продолжалось затѣмъ въ теченіе 1660—1680-хъ годовъ, въ большихъ размѣрахъ, и создало огромную, новую украинскую территорію, захватившую пространства нынѣшней Харьковской губерніи и смежныхъ частей Курской и Воронежской. Поселенцамъ предоставлено было жить и управляться „по своимъ черкасскимъ обыклостямъ“ и взамѣнъ военной службы они освобождены были отъ всякихъ другихъ повинностей и налоговъ. По образцу Гетманщины они сорганизовались въ сотни и полки. Полковъ такихъ въ концѣ концовъ сформировалось пять: Ахтырскій, Харьковскій, Изюмскій, Сумскій и Острогожскій. Но они стояли въ гораздо болѣе тѣсной зависимости отъ московской администраціи, чѣмъ полки Гетманщины. Старанія гетмановъ относительно передачи слободскихъ полковъ подъ гетманскій региментъ оставались напрасными. Наоборотъ, слободскіе полки служили московскому правительству какъ бы пробнымъ камнемъ для реформъ войскового украинскаго строя, и то, что осуществилось въ смыслѣ нивелляціи мѣстной жизни въ Слободской Украинѣ, спустя нѣкоторое время примѣнялось затѣмъ къ Гетманщинѣ. Весьма скоро заведено было здѣсь московское право Уложенія, и уже въ 1732 г. произведенъ былъ первый опытъ отмѣны войскового козацкаго устройства, замѣненнаго наборомъ козаковъ въ драгунскіе полки. Но общее неудовольствіе населенія, вызванное этой реформой,

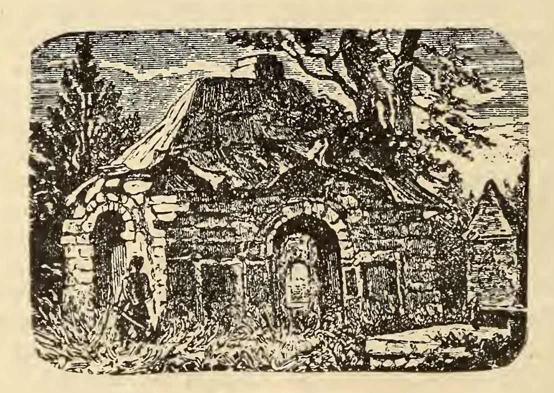
заставило правительство отказаться отъ этой первой попытки ликвидаціи козацкаго устройства и она была отложена до болѣе поздняго времени.

Подобно общему устройству, и мѣстныя общественныя отношенія складывались подобнымъ же образомъ какъ въ Гетманщинѣ.

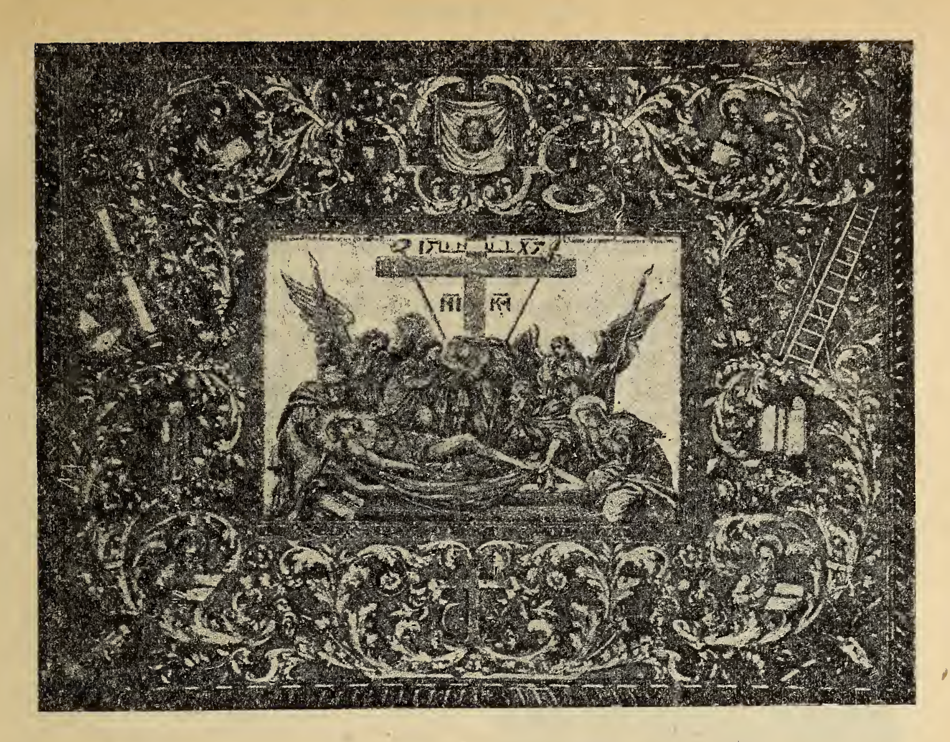
Путемъ заимки и присвоенія войсковыхъ земель въ рукахъ войсковой старшины создавались крупныя земельныя владѣнія и населялись крестьянскимъ населеніемъ. Московское правительство щедро надѣляло имѣніями вѣрныхъ и преданныхъ старшинъ, не пристававшихъ къ движеніямъ сосѣдней Гетманщины и возстаніямъ Донского войска, и подтверждало за ними ихъ самостоятельныя пріобрѣтенія, съ своей стороны содѣйствуя созданію крупной земельной собственности въ рукахъ слободской старшины. Извѣстный своими заслугами и непоколебимою вѣрностью сумскій полковникъ Герасимъ Кондратьевъ получилъ такія огромныя пожалованія, что во владѣніи его потомковъ въ 1770 г. оказалось 120 тысячъ десятинъ! Мѣстная казачья старшина постепенно превращалась въ крупныхъ помѣщиковъ, свободное не козачье населеніе—въ ихъ крѣпостныхъ. Практика имперіи воздѣйствовала здѣсь еще сильнѣе и непосредственнѣе, чѣмъ Гетьманщинѣ.

При обсужденіи проекта новаго уложенія въ 1767 г. нѣкоторые слободскіе депутаты возбуждали вопросъ объ отобраніи отъ старшинъ присвоенныхъ земель и перечисленіи закрѣпощенныхъ ими подданныхъ въ категорію свободныхъ крестьянъ, но эти проекты не вышли изъ сферы благихъ пожеланій.

Литература. А. Ефименко: Малорусское дворянство и его судьба (Южная Русь, т. I) Д. Миллеръ: Превращеніе казацкой старшины въ дворянство 1897. Лазаревскій: Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783), 1866 (новое изд. 1907 г.). В. Мякотинъ: Прикрѣпленіе крестьянства въ лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст. (Русское Богатство 1894, II—IV), Формы землевладѣнія въ Лѣвобережн. Малороссіи (ibid. 1913). В. Барвинскій, Крестьяне въ лѣвобережной Украинѣ въ XVII—XVIII в., 1909. О Слободской Украинѣ: Багалѣй: Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной Украины Московскаго государства, 1887. Шимановъ: Главные моменты въ исторіи землевладѣнія Харьковской губ. (Кіев. Старина 1382—3).



Развалины дома Мазепы въ Батуринѣ.
Со старинняго рисунка.



Даръ Мазепы Гробу Господню.

XXII. Возстаніе Мазепы и первая отмѣна гетманства.

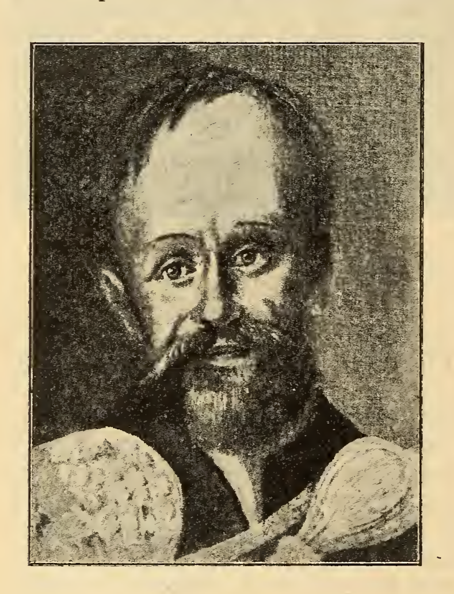
Медленное и постепенное развитіе политическихъ и общественныхъ процессовъ Гетманщины, которые мы очертили, было потрясено внезапной и непредвидѣнной катастрофой, сразу поколебавшей весь строй Гетманщины и сообщившей новый, ускоренный темпъ ликвидаціи старыхъ отношеній. Потрясеніе это было причинено послѣдней громкой вспышкой украинскаго ирредентизма—союзомъ Мазепы со шведскимъ королемъ и возстаніемъ его противъ Россіи. Разбивъ эту попытку къ отложенію, русское правительство использовало ее, какъ удобный поводъ къ ускоренію ликвидаціи украинской автономіи, какъ оправданіе дѣйствій рѣзкихъ и рѣшительныхъ, не считавшихся ни съ какими правами и прецедентами.

Для этого политическій шагъ Мазепы былъ раздутъ, какъ поступокъ небывалый и чрезвычайный. Но въ дѣйствительности въ этомъ поступкѣ Мазепы и его единомышленниковъ не было ничего чрезвычайнаго, ничего новаго. Это была только одна изъ очень многочисленныхъ попытокъ украинскихъ автономистовъ найти опору въ какой-нибудь внѣшней силѣ, чтобы освободиться изъ путъ московскаго централизма. Швеція была въ числѣ тѣхъ державъ, на которыя пробовала опереться Украина еще при Хмельницкомъ и только благодаря долгому перерыву въ этой политикѣ, послѣдовавшей тридцатилѣтней лойяльности украинской старшины Гетманщины, поступокъ Мазепы и его товарищей могъ показаться чѣмъ-то особеннымъ. Представители центральнаго правительства постарались возможно раздуть это событіе, для того чтобы, воспользовавшись имъ, произнести смертный приговоръ всему старому строю Гетманщины, ея автономіи и козацкому самоуправленію, якобы дискредитировавшимъ себя „измѣною“ Мазепы. Въ дѣйствительности, эта „измѣна“ дискредитировала только централистическую политику правительства,

безъ конца испытывавшую терпѣніе даже самыхъ невзыскательныхъ представителей украинской старшины и украинскаго населенія вообще.

Въ болѣе глубокихъ причинахъ и ближайшихъ мотивахъ для поступка Мазепы не было недостатка. Лойяльность его и старшины подвергалась частымъ испытаніямъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ царь Петръ съ незнавшею удержу и мѣры энергіей и рѣшительностью принялся за пересозданіе Московскаго государства. Онъ распоряжался козацкими войсками совершенно какъ своими, посылая ихъ безустанно въ далекіе походы, гдѣ они не только несли большія потери въ сраженіяхъ и отъ непривычнаго климата, но и подвергались всякимъ притѣсненіямъ и оскорбленіямъ отъ великорусскихъ и чужеземныхъ офицеровъ, употреблялись на тяжелыя крѣпостныя работы и т. п. Даже генералы Петра позволяли себѣ безцеремонно распоряжаться украинскими войсками и самимъ Мазепою, что не разъ приводило его въ крайнее раздраженіе.

Украинская автономія стала совсѣмъ призрачною. Населеніе стонало подъ бременемъ тяжелыхъ походовъ, изнывало отъ притѣсненій московскихъ войскъ и воеводъ, отъ тяжелыхъ работъ и поборовъ. Все болѣе „отпадало у него сердце къ великому государю“, по выраженію современника, и это неудовольствіе падало также и на Мазепу, вѣрнаго и услужливаго царскаго приспѣшника. А одновременно въ безпокойной головѣ царя появлялись проекты, грозившіе полнымъ переворотомъ Украинѣ: то онъ думалъ о замѣнѣ козацкаго войска рекрутскимъ наборомъ, то намѣревался выкроить изъ нея княжество для герцога Марльборо, а Мазепу намѣревался вознаградить княжескимъ титуломъ Римской имперіи и даже выхлопоталъ уже для Мазепы титулъ имперскаго князя (его княжескій гербъ доселѣ фигуруетъ въ гербовникахъ). Въ вопросѣ о правобережной Украинѣ, о которомъ скажу ниже, также рѣшительно столкнулись интересы Украины и Мазепы съ планами Петра, и т. д., и т. д.



Портретъ Мазепы (Подгорцы, Галиція).

Все это должно было вызвать сильныя сомнѣнія въ душѣ стараго гетмана, особенно по мѣрѣ того, какъ Сѣверная война принимала, какъ казалось, все болѣе неблагопріятный для Россіи оборотъ и придвигалась къ границамъ Украины. Шведскій король разгромилъ Саксонію, смялъ саксонскую партію въ Польшѣ и перешелъ въ Литву, приблизившись къ украинской территоріи. Положеніе становилось критическимъ. Было почти несомнѣннымъ, что въ случаѣ дальнѣйшихъ неудачъ Петра, на Украинѣ прорвется возстаніе, которое можетъ смести московское верховенство и вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ его приспѣшниковъ, связавшихъ съ нимъ свою судьбу.

Шведскій союзъ, заключенный въ свое время Хмельницкимъ и Выговскимъ, и гарантировавшій свободу, независимость и неприкосновенность Украины, остался для украинской старшины своего рода завѣ-

томъ предкомъ, требовавшимъ исполненія. Не реализированный въ свое время вслѣдствіе прекращенія шведско-польской войны (см. гл. XVIII), онъ теперь снова становился на очередь съ приближеніемъ шведской арміи къ предѣламъ Украины. Наиболѣе горячіе автономисты среди старшины уговаривали Мазепу подумать объ обезпеченіи независимости Украины и не оставлять ее въ нынѣшнемъ положеніи. Близкій къ Мазепѣ Орликъ въ позднѣйшихъ запискахъ передаетъ слова одного изъ нихъ, прилуцкаго полковника Горленка, сказанныя Мазепѣ: „такъ какъ мы неустанно молимъ Бога за душу Хмельницкаго, такъ наобротъ мы и дѣти наши во вѣчные роды будемъ проклинать душу и кости твои, если ты при своемъ гетманствѣ оставишъ насъ въ такой неволѣ". Было ясно, что въ случаѣ перевѣса Шведовъ надъ Москвою наиболѣе горячіе автономисты не останутся пассивными зрителями и если не съ Мазепою, то противъ Мазепы подымутъ возстаніе и въ такомъ случаѣ при всеобщемъ нерасположеніи къ нему народа, лишенный помощи Москвы, онъ погибнетъ неминуемо, а Петръ заранѣе предупреждалъ, чтобы онъ на него не расчитывалъ въ случаѣ вторженія Шведовъ на Украину.

Положеніе гетмана становилось все болѣе опаснымъ, но нерѣшительный, не способный на смѣлый рискъ, старый гетманъ не могъ отважиться на рѣшительный шагъ. На всякій случай, въ виду возможнаго рѣшительнаго пораженія Россіи, онъ велъ переговоры со шведскимъ союзникомъ, королемъ польскимъ Станиславомъ Лещинскимъ (уже съ 1707 г.), но не рѣшался открыть карты и, опасаясь доноса, не посвящалъ даже наиболѣе близкихъ лицъ изъ старшины. Онъ хотѣлъ остаться пассивнымъ зрителемъ до окончательнаго выясненія шансовъ воюющихъ сторонъ, тщательно избѣгалъ всего, что могло бы бросить на него подозрѣніе передъ московскимъ правительствомъ и никакихъ приготовленій къ разрыву не дѣлалъ. Когда въ 1707—08 гг. на границахъ Украины вспыхнуло весьма опасное для московскаго правительства возстаніе донскихъ козаковъ подъ предводительствомъ атамана Булавина, Мазепа, чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ, занялся вмѣстѣ съ московскими войсками его усмиреніемъ и такимъ образомъ наканунѣ своего разрыва съ Москвою убилъ весьма цѣннаго союзника.

Мазепа разсчитывалъ на общее нерасположеніе народа къ „Москалямъ", на сильнѣйшее неудовольствіе на московское отягощеніе и думалъ, что всегда успѣетъ поднять Украину къ возстанію противъ Москвы, но забывалъ при этомъ, что до сихъ поръ ничѣмъ не отдѣлялъ себя отъ этого московскаго режима. Надѣялся на свою сильную власть на Украинѣ, но ничего не сдѣлалъ, чтобы снискать и обезпечить довѣріе народа. Для подготовленія возстанія онъ ничего не предпринялъ. Наоборотъ, наканунѣ разрыва, въ виду жалобъ Мазепы на „непостоянность и малодушіе" украинскаго народа, Петръ распорядился послать въ центръ Украины, въ Нѣжинъ, московскій отрядъ, и самъ гетманъ, чтобы усыпить подозрѣнія, отправилъ по требованію Петра отряды козаковъ въ Бѣлоруссію и въ Западную Украину, на территорію Польши.

Полная неподготовленность замысловъ Мазепы обнаружилась вполнѣ, когда обстоятельства принудили его, наконецъ, къ рѣшительному шагу.

Осенью 1708 г. шведская армія Карла XII стояла у границъ Украины и Московскаго государства, ожидая похода за московскую границу, какъ вдругъ Карлъ, опасаясь, что въ опустошенныхъ русскими войсками областяхъ его войско не въ состояніи будетъ найти пропитаніе, внезапно повернулъ на Стародубъ, на Украину. Петръ двинулъ свои войска также на Украину и требовалъ, чтобы Мазепа прибылъ въ его главную квартиру для совмѣстныхъ дѣйствій. Нужно было рѣшиться.

Собственно говоря, въ этотъ моментъ уже не было возможности выбора: украинскіе полки были разосланы по требованію Петра, для возстанія Украины не было ничего приготовлено, русскія войска уже стояли на ея территоріи и поднять Украину ввиду ихъ нечего было и думать. Но украинскіе автономисты и самъ Мазепа, очевидно, за послѣднее время успѣли слишкомъ сжиться съ мыслью объ освобожденіи Украины съ помощью Шведовъ и не имѣли силъ разстаться съ нею и хладнокрвно оцѣнить положеніе. Старшина настаивала на совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ Карломъ, и Мазепа, уступая ея настояніямъ, вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Карломъ, приглашая его пройти за Десну, чтобы соединиться съ украинскими войсками, а Петра извѣстилъ, что по болѣзни не можетъ прибыть.

Карлъ на этотъ призывъ дѣйствительно двинулся къ Деснѣ, и Мазепа 24 октября с. ст., оставивъ гарнизонъ въ своей резиденціи, Батуринѣ, съ кружкомъ посвященныхъ въ его планы и 4.000 козаковъ (все что онъ имѣлъ въ данный моментъ) отправился на встрѣчу Шведамъ и присоединился къ арміи Карла не далеко отъ Новгорода Сѣверскаго. Какой договоръ былъ заключенъ между ними, на какихъ условіяхъ Мазепа присоединялся къ Карлу, мы не имѣемъ достовѣрныхъ данныхъ, и потому можемъ судить только по позднѣйшимъ актамъ, составленнымъ при выборѣ преемника Мазепы кружкомъ его товарищей, оставшихся при шведскомъ королѣ (1710 г.). Въ этихъ статьяхъ, утвержденныхъ Карломъ XII, значилось, что Украина составляетъ самостоятельное государство, въ границахъ по р. Случь (т. е. на территоріи старыхъ воеводствъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго), подъ протекціей шведскаго короля. Ни Швеція, ни другія союзныя государства ни подъ какимъ предлогомъ не должны претендовать на какую либо власть надъ Украиною или войскомъ Запорожскимъ, ни на какіе доходы, ни территоріи, не занимать гарнизонами украинскихъ крѣпостей, но, наоборотъ, свято хранить цѣлость ея границъ, вольностей, законовъ и правъ, свободнаго и безпрепятственнаго пользованія ими.

Мазепа.—Съ гравюры конца XVIII вѣка.

Моментъ для осуществленія этихъ плановъ былъ выбранъ вовсе неудачный.

Вѣсть о переходѣ Мазепы къ Карлу немедленно дошла до Петра. Войска его, подъ предводительствомъ Меньшикова, тотчасъ осадили Батуринъ; вслѣдствіе измѣны одного изъ Батуринцевъ городъ былъ взятъ и совершенно разоренъ, а жители поголовно вырѣзаны. Одновременно разосланы были грамоты, призывавшія населеніе оставаться вѣрнымъ царю и возводившія на Мазепу разныя болѣе или менѣе фантастическія обвиненія.

Онъ не только обвинялся въ угнетеніи народа, обремененіи его незаконными и своекорыстными поборами, но и въ тайныхъ планахъ противъ православія—этотъ протекторъ православной церкви, какого Гетманщина не видѣла ни прежде ни послѣ! Старшина получила приглашеніе собраться въ Глуховъ для выбора новаго гетмана, причемъ Меньшикову поручено было обращаться съ нею возможно ласково. Оно поспѣшилъ донести, что ни въ средѣ старшины, ни въ народѣ не замѣчаетъ никакого сочувствія Мазепѣ.

Дѣйствительно, населеніе застигнутое поступкомъ Мазепы совершенно врасплохъ и видя передъ собою московскія войска, осталось совершенно пассивнымъ. Грамоты Карла и Мазепы, призывавшія къ возстанію, чтобы не упустить послѣдней возможности освободить Украину „отъ тиранскаго московскаго ига“, оставались безъ отклика. Страшная расправа московскихъ комендантовъ со всѣми лицами, чѣмъ нибудь заподозрѣнными въ склонности къ Мазепинцамъ, отбивала всякую охоту рисковать. Только обычные эксцессы противъ старшины повторились мѣстами.

Старшина въ началѣ ноября послушно съѣхалась въ Глуховъ. Съ разными церемоніями было произведено низложеніе Мазепы. Его изображеніе было подвергнуто разнымъ поруганіямъ и затѣмъ повѣшено; по распоряженію правительства на него наложено церковное проклятіе (анаѳема), торжественно провозглашенное по всей Украинѣ и Россіи [1]).

Послѣ этихъ церемоній старшинѣ предложено было выбрать новаго гетмана. Въ виду того, что почти вся высшая старшина ушла съ Мазепой, кандидатовъ было собственно два: старый и неспособный стародубскій полковникъ Скоропадскій и молодой, талантливый черниговскій полковникъ Полуботокъ. По одному вполнѣ правдоподобному извѣстію, Петръ заявилъ, что не хочетъ видѣть гетманомъ Полуботка, потому что онъ слишкомъ способный человѣкъ: „изъ него можетъ выйти второй Мазепа“. Въ виду этого избрали Скоропадскаго, а Полуботку въ утѣшеніе Петръ пожаловалъ огромныя имѣнія (Любечъ съ цѣлымъ рядомъ селъ). Получили большія помѣстья также и другіе старшины, оставшіеся вѣрными Россіи, и это послужило сигналомъ къ настоящей оргіи выпрашиванья „измѣничьихъ маетностей“. Настоящій дождь пожалованій пролился на представителей старшины, умѣвшихъ чѣмъ нибудь заявить свое рвеніе русскому правительству; по позднѣйшему подсчету изъ всѣхъ пожалованій, розданныхъ до 1730-хъ годовъ включительно, не менѣе 4/5 падаетъ на гетманство Скоропадскаго.

За незначительными исключеніями лѣвобережная Украина единодушно признала гетманомъ Скоропадскаго, правобережная также. Запорожье колебалось нѣкоторое время, но подъ вліяніемъ своего кошевого Костя Гордіенка, горячаго автономиста, склонилось на сторону Мазепы, и въ мартѣ 1709 г. депутація съ Гордіенкомъ во главѣ явилась въ лагерь Карла. Это было единственнымъ успѣхомъ Мазепы, который теперь уже ясно убѣдился въ неудачѣ своего замысла: кромѣ приведенныхъ имъ козаковъ, онъ не располагалъ болѣе никакими силами, да и изъ пріѣхавшихъ съ нимъ старшинъ многіе возвращались къ Скоропадскому, пока Шведы не взяли подъ бдительный надзоръ оставшихся. Самъ Мазепа заявилъ Петру о своемъ желаніи вернуться и даже обѣщалъ захватить Карла, но затѣмъ раздумалъ, очевидно не разсчитывая на хорошій пріемъ у царя, хотя послѣдній обѣщалъ ему полную амнистію.

Для самого Карла украинскій эпизодъ имѣлъ очень печальныя послѣдствія. По совѣту Мазепы, для котораго это являлось послѣдней доской спасенія, Карлъ остался зимовать на Украинѣ, и этимъ сильно повредилъ

[1]) Оно затѣмъ было включено въ обрядъ анаѳематствованія, совершавшійся въ недѣлю Православія.

себѣ, позволивъ отрѣзать свою армію отъ подкрѣпленій, ослабивъ ее тяжелой зимовкой, причинившей большія потери, и потерявъ напрасно время. Весною онъ, по совѣту того же Мазепы, двинулся еще далѣе на югъ, чтобы войти въ непосредственное сообщеніе съ Запорожьемъ, и осадилъ Полтаву. Пока онъ былъ занятъ этою осадою, войска Петра отрѣзали шведскую армію отъ Січи, осадили самую Січ, уговорили сдаться на капитуляцію, обезпечивъ присягою полную неприкосновенность, и затѣмъ подвергли обезоруженныхъ січевиковъ жесточайшимъ казнямъ съ тѣмъ мастерствомъ террора, которое усвоили себѣ „птенцы гнѣзда Петрова". Вслѣдъ затѣмъ Петръ со свѣжими войсками напалъ на ослабленную, деморализованную армію Карла и нанесъ ей рѣшительное пораженіе подъ Полтавой, 27 іюня. Карлъ и Мазепа съ небольшими отрядами шведскихъ драбантовъ, козаковъ и Запорожцевъ успѣли бѣжать за Днѣпръ. Остатки шведской арміи были настигнуты надъ Днѣпромъ и капитулировали.

Значительная часть бывшей съ Мазепою старшины перешла на сторону Петра еще передъ Полтавской битвой, другія непосредственно послѣ нея: этихъ послѣднихъ отправляли въ ссылку. Взятыхъ въ плѣнъ козаковъ отпускали, но Запорожцевъ подвергали казнямъ или также ссылали.

Мазепа съ Карломъ и свитою едва спаслись отъ преслѣдованія на турецкую территорію въ Бендеры, гдѣ Карлъ оставался затѣмъ нѣсколько лѣтъ. Петръ предлагалъ визиру 300 тыс. талеровъ за выдачу Мазепы, и хотя его не выдали, но боязнь такой перспективы доконала старика, и безъ того убитаго тревогами и неудачами, и онъ вскорѣ затѣмъ умеръ (22 августа 1709 года).

Украинская старшина, оставшаяся при Карлѣ, послѣ долгихъ совѣщаній, выбрала гетманомъ генеральнаго писаря Филиппа Орлика (1710). При выборѣ была составлена интересная хартія, опредѣлявшая международное положеніе Украины и внутреннюю ея политику. Здѣсь между прочимъ видимъ вполнѣ опредѣленные начатки представительнаго правленія: устанавливаются періодическія собранія (трижды въ годъ) войсковой рады, въ которой участвуютъ не только полковники, сотники и полковые старшины, но и депутаты отъ полковъ и запорожскаго козачества; указывается на необходимость прекращенія гетманскаго самовластія и притѣсненій козаковъ и населенія со стороны старшины и т. п. [1]). Но принципамъ этимъ не суждено было осуществиться. Карлъ, утверждая эту хартію, обязался не заключать мира съ Россіею, не добившись предварительно возстановленія независимости Украины, но звѣзда его уже закатилась. Силы же самой старшины были ничтожны,—съ нею было 3—4 тыс. козаковъ и Запорожцевъ, и она возлагала надежды лишь на поддержку Швеціи, Турціи и другихъ державъ.

Весною 1711 г. Орликъ съ Татарами и шведскими сторонниками изъ Польши двинулся на правобережную Украину. Населеніе перешло на его сторону, и онъ имѣлъ сначала успѣхъ, но неудача подъ Бѣлою Церковью заставила его отступить, а обычные грабежи Татаръ оттолкнули отъ него населеніе. Потомъ неудачный походъ Петра въ Молдавію въ 1711 г., когда онъ со своей небольшой арміей попалъ въ руки Турокъ и долженъ былъ принять продиктованныя ему послѣдними условія, оживилъ было надежды Орлика и его партіи. Договоръ, продиктованный Петру, долженъ былъ обезпечить между прочимъ независимость Украины. Но Петру удалось подкупить визиря, и пунктъ относительно Украины

[1]) Pacta et consuetudines legum libertatumque exercitus Zaporowiensis inter illustr. d. d. Ph. Orlik neoelectum ducem exercitus Zaporowiensis et inter generales, colonellos necnon eundem exercitum Zaporowiensem publico utriusque partis laudo conventa—Чтенія моск. общ. ист. и др. 1847.

былъ стилизированъ въ договорѣ такъ неясно, что правительство Петра отказалось понимать здѣсь Украину, находившуюся подъ властью Россіи.

Правда, Порта приняла толкованіе Орлика, что Петръ отказался отъ всякихъ притязаніи на Украину, находившуюся подъ властю Москвы, и объявила Петру войну. Но подкупъ снова все измѣнилъ: договоръ былъ возобновленъ, и спорной пунктъ истолковалъ такъ, что Россія отказывается лишь отъ правобережной Украины. Но на эту послѣднюю заявила претензіи Польша, и Орликъ со своею партіею остались не при чемъ. Орликъ попытался еще вступить на территорію правобережной Украины, но его небольшой отрядецъ былъ безъ труда разсѣянъ польскими войсками. Большинство сторонниковъ Орлика послѣ этого оставило его. Запорожцы, послѣ погрома 1709 г. перенесшіе Січ на территорію крымскаго ханства, также начали тосковать за Украиною и несмотря на всѣ отговариванія Гордіенка и Орлика стали хлопотать передъ рускимъ правительствомъ о разрѣшеніи вернуться, и руское правительство дало въ принципѣ свое согласіе, откладывая лишь его осуществленіе до ближайшаго разрыва съ Турціей, съ которой связывалъ его договоръ 1711 года. Орликъ напрасно пытался найти себѣ какую-либо поддержку въ Европѣ, стараясь заинтересовать европейскія державы украинскимъ вопросомъ при всякомъ конфликтѣ ихъ съ Россіей,—нигдѣ не находилъ онъ серьознаго отклика.

Иванъ Скоропадскій.

Такъ окончилась это послѣдняя громкая вспышка украинскаго автономизма. Эпизодъ показывалъ собственно, что украинское общество уже потеряло энергію борьбы, что населеніе ничего не хочетъ, кромѣ покоя,—словомъ, что украинскій сепаратизмъ потерялъ всякую опасность. Но центральное правительство, какъ я уже сказалъ, воспользовалось этимъ моментомъ, чтобы окончательно превратить Украину въ свою провинцію. Неспособность царскаго ставленника Скоропадскаго, компрометировавшаго себя потакательствами злоупотребленіямъ своихъ родственниковъ, не умѣвшаго ни поддерживать порядокъ во внутреннихъ отношеніяхъ, ни даже держать себя съ достоинствомъ, значительно облегчала этотъ планъ.

Когда улеглась шведская буря, Скаропадскій обратился къ Петру съ просьбою о подтвержденіи украинскихъ правъ и устраненіи на будущее время вмѣшательствъ въ украинское управленіе со стороны россійскихъ чиновниковъ и офицеровъ, какія имѣли мѣсто во время войны. Петръ подтвердилъ права, но съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ относительно этого невмѣшательства, а на практикѣ украинская автономія и вовсе потеряла всякое значеніе. Центральное правительство стало непосредственно само

назначать и смѣщать полковниковъ и генеральныхъ старшинъ. На полковничьи должности оно начало назначать Великороссіянъ. Первымъ такимъ полковникомъ былъ Петръ Толстой, любимецъ имп. Петра, за котораго Скоропадскій, по желанію царя, выдалъ свою дочь и усыновилъ, и въ 1719 г. императоръ назначилъ его нѣжинскимъ полковникомъ, якобы во вниманіе къ заслугамъ Скоропадскаго. За этимъ первымъ назначеніемъ послѣдовали дальнѣйшія. Къ самому гетману въ 1709 г. приставленъ былъ для надзора правительственный резидентъ. Въ официальномъ наказѣ ему поручалось совмѣстно съ гетманомъ принимать мѣры къ поддержанію порядка и благоустройства, ловить возмутителей, слѣдить, чтобы замѣшанные въ возстаніе Мазепы люди не возвращались на Украину, слѣдить за дѣйствіями гетмана и его сношеніями съ иностранцами, собрать свѣдѣнія о войсковыхъ доходахъ, и пр. Въ тайной инструкціи поручалось ему имѣть неослабное наблюденіе за гетманомъ и старшиной и въ случаѣ измѣны или возстанія принять мѣры къ подавленію его великорусскими войсками. Годъ спустя вмѣсто одного такого резидента назначено состоять при гетманѣ двумъ. Гетманская резиденція по распоряженію правительства перенесена была въ Глуховъ, на границу Украины съ имперіей, и здѣсь поставленъ гарнизонъ изъ двухъ россійскихъ полковъ, состоявшихъ въ распоряженіи резидента на случай „измѣны или возстанія“.

Наконецъ, въ 1722 г. произведена была реформа, окончательно лишившая гетмана и генеральную старшину всякаго значенія. При гетманѣ учреждена была такъ наз. „малороссійская коллегія“, составленная изъ шести великороссійскихъ штабъ-офицеровъ, изъ гарнизоновъ, стоявшихъ въ украинскихъ городахъ, подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова. Коллегія эта имѣла назначеніемъ принимать жалобы на всѣ судебныя и административныя учрежденія Украины, кончая генеральнымъ судомъ и войсковою (гетманскою) канцеляріею; надзирать за сборомъ всякаго рода налоговъ и пошлинъ, собирать ихъ и расходовать, представляя отчетность въ россійскій сенатъ (между прочимъ выплачивать содержаніе наемнымъ войскамъ, сердюкамъ и компанейцамъ); слѣдить, чтобы отъ старшины не было утѣсненія козакамъ и посполитымъ и принимать противъ этого мѣры по соглашенію съ гетманомъ; имѣть наблюденіе за правильнымъ дѣлопроизводствомъ въ войсковой канцеляріи и контролировать входящія и исходящія бумаги. О всякихъ замѣченныхъ безпорядкахъ коллегія должна была относиться въ сенатъ.

Учрежденіе ея Петръ въ своемъ указѣ гетману мотивировалъ безпорядками и злоупотребленіями въ генеральномъ судѣ, предсѣдателемъ котораго былъ зять гетмана Чарнышъ, и прочихъ судебныхъ инстанціяхъ, въ войсковой канцеляріи, въ собираніи доходовъ, а также злопритѣсненіями, какія позволяла себѣ старшина по отношенію къ козакамъ и посполитымъ, отнимая у нихъ земли, принуждая къ панщиннымъ работамъ, обращая въ своихъ крѣпостныхъ и т. д.

Эта реформа, понятное дѣло, превращала украинскую автономію въ лишенный содержанія призракъ и настоящимъ правителемъ Украины дѣлала предсѣдателя коллегіи; такъ дѣйствительно и понялъ свою роль бригадиръ Вельяминовъ. Напрасно Скоропадскій „всепокорственно со слезами“ просилъ отъ имени „всѣхъ малороссійскихъ людей“ возвратить Украину къ прежнимъ порядкамъ и увѣрялъ, что жалобы на безпорядки—интриги враговъ. Петръ остался непреклоненъ, а чтобы дать благопріятное освѣщеніе реформѣ въ глазахъ массы населенія, онъ распорядился распространить среди послѣдняго печатный указъ, гдѣ пояснялось, что коллегія учреждена „не для чего иного токмо для того, дабы

малороссійскій народъ ни отъ кого какъ неправедными судами, такъ и отъ старшины налогами утѣсняемъ не былъ", и въ доказательство того при указѣ напечатана была инструкція коллегіи, указывавшая сферу ея вѣдѣнія.

Отъ огорченія Скоропадскій заболѣлъ и умеръ еще прежде пріѣзда Вельяминова. Смерть его дала поводъ Петру сдѣлать еще одинъ шагъ—онъ рѣшилъ фактически отмѣнить гетманскую власть.

Исправленіе обязанностей гетмана сенатъ поручилъ черниговскому полковнику Полуботку съ генеральною старшиною, но съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ онъ совѣщался съ Вельяминовымъ. При этомъ Украина изъ вѣдомства коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которая вѣдала ее доселѣ, переведена была въ вѣдомство сената, какъ обыкновенная провинція. На просьбу же старшины—разрѣшить произвести выборъ гетмана, Петръ, послѣ долгихъ проволочекъ, отвѣтилъ въ 1723 г. указомъ, гдѣ объявлялось, что правительство озабочено пріисканіемъ на гетманскій урядъ надежнаго человѣка, въ виду того, что всѣ гетманы, за исключеніемъ перваго—Хмельницкаго и послѣдняго — Скоропадскаго, оказывались измѣнниками, и такъ какъ текущее дѣлопроизводство обезпечено, то правительству не слѣдуетъ докучать выборомъ гетмана. Такимъ образомъ вопросъ откладывался на неопредѣленное время.

Павелъ Полуботокъ.

Между тѣмъ правительство систематически назначало на полковничьи должности Великороссіянъ, приготовляло введеніе общеимперскихъ законовъ въ украинскія учрежденія, а бригадиръ Вельяминовъ командовалъ генеральною старшиною какъ своими подчиненными. Украинскіе козаки тысячами гибли на далекихъ работахъ—при устройствѣ Ладожскаго канала, гдѣ они вымирали отъ непривычнаго холода и сырости, на постройки крѣпости св. Креста, около Дербента, гдѣ убивали ихъ южныя лихорадки, и т. п., такъ что изъ партіи въ 5—10 тыс. человѣкъ на этихъ работахъ вымирало до трети и даже до половины и въ общей сложности эти рабочіе походы 1721—1725 гг. стоили Украинѣ не меньше 20 тыс. козаковъ, не говоря о возвратившихся полуживыхъ и обнищавшихъ, безъ лошадей и амуниціи.

Одновременно населеніе разоряли и удручали переходы и постои великороссійскихъ войскъ, расположенныхъ въ огромномъ количествѣ на Украинѣ и содержавшихся, противъ всякихъ правъ и прецедентовъ, за

счетъ мѣстнаго населенія. Въ нѣкоторыхъ украинскихъ полкахъ было расквартировано по цѣлому полку, въ другихъ значительныя части. Населеніе и безъ того ослабленное тяжелою шведскою войною, должно было доставлять огромое количество „порцій и рацій", состоявшихъ изъ разныхъ продуктовъ, и независимо отъ того уплачивать въ войсковой скарбъ налоги. Послѣдніе вопреки всѣмъ обѣщаніямъ правительства со введеніемъ новой смѣшанной (фактически великорусской) администраціи возрастали тоже съ головокружительной быстротой. Такъ, напримѣръ, по вѣдомостямъ представленнымъ малороссійской коллегіей въ сенатъ, въ 1722 г. поступило въ войсковую казну 45 тыс. рублей деньгами и 17 тыс. четвертей муки; въ 1723 г. поступило уже 85 тыс. рублей; въ 1724 деньгами 140 тыс. рублей и 40 тыс. четвертей муки; въ 1725 173 тыс. рублей, и т. д.

Никто не осмѣливался возвысить голоса противъ этого положенія дѣлъ. Полуботокъ въ роли временнаго (наказного) гетмана въ тѣсныхъ рамкахъ того вліянія, какое оставили ему еще новыя реформы, старался упорядочить украинскую администрацію и тѣмъ ослабить аргументы Петра, ссылавшагося на злоупотребленія старшины. Онъ воспретилъ старшинѣ подъ страхомъ тяжкихъ наказаній употреблять козаковъ для своихъ надобностей, ввелъ коллегіальность въ суды полковые, сотенные и сельскіе, установилъ порядокъ апеляціи и реформировалъ генеральный судъ. Но Петръ въ сущности имѣлъ въ виду лишь „Малую Россію къ рукамъ прибрать", какъ характеризовалъ его намѣренія его сподвижникъ Толстой; злоупотребленія старшины служили только предлогомъ, и поэтому дѣятельность Полуботка по искорененію этихъ злоупотребленій и безпорядковъ украинскаго управленія была правительству вовсе неопріятна. Въ отвѣтъ на донесенія Вельяминова, что Полуботокъ противится его дѣйствіямъ, Петръ поспѣшилъ расширить власть и компетенцію президента коллегіи. Полуботка же съ нѣкоторыми другими выдающимися старшинами рѣшилъ удалить изъ Украины и вызвалъ ихъ въ Петербургъ, а во избѣжаніе какого-либо сопротивленія распорядился вывести украинскіе полки на южную границу—подъ предлогомъ охраны Украины отъ Татаръ.

Въ Петербургѣ Полуботокъ подалъ Петру петицію отъ имени старшины, гдѣ ходатайствовалось о возстановленіи прежняго управленія. Но одновременно поступила, какъ объяснилъ Полуботокъ,—подстроенная Вельяминовымъ, петиція отъ пограничнаго съ Великороссіей Стародубскаго полка, ходатайствовавшая о введеніи великорусскаго суда и назначеніи полковникомъ великороссіянина. Петръ выслалъ на Украину одного изъ своихъ довѣренныхъ людей, Румянцева, произвести опросъ, желаютъ ли козаки великороссійскихъ полковниковъ и учрежденій, или солидаризуются съ поданной Полуботкомъ петиціей, а также собрать матеріалы о злоупотребленіяхъ старшины. Такимъ образомъ ревизія эта имѣла цѣлью получить нѣчто вродѣ плебисцита о введеніи великороссійскаго управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ—обвинительный актъ противъ старшины.

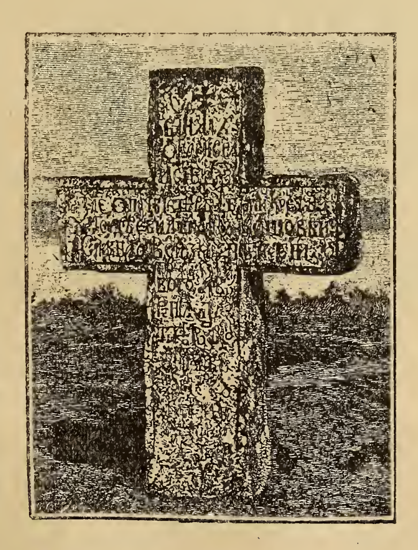
Полуботокъ, узнавъ о миссіи Румянцева и совершенно справедливо опасаясь, что онъ своимъ вліяніемъ понудитъ опрашиваемыхъ давать такіе отвѣты, какіе были желательны правительству, выслалъ изъ Петербурга инструкціи на Украину, о томъ, какъ держать себя относительно этой ревизіи и какіе давать отвѣты. По его же иниціативѣ собранные на южныхъ границахъ Украины старшина и козаки прислали изъ лагеря на р. Коломакѣ петиціи, въ которыхъ жаловались на отягощеніе козаковъ и населенія постоями, походами, поборами коллегіи, и просили разрѣшить имъ избраніе гетмана.

Но эта скромная попытка противодѣйствія еще болѣе раздражила

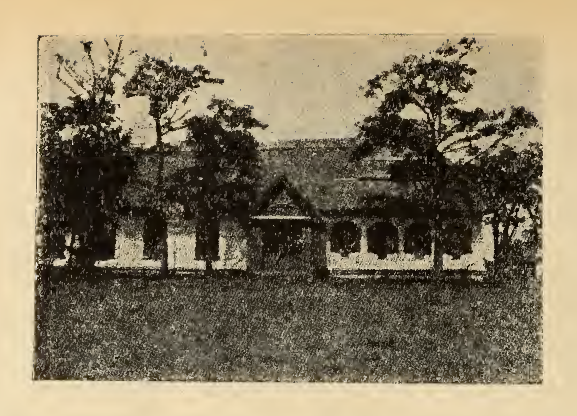
Петра I. Онъ распорядился арестовать Полуботка и бывшихъ съ нимъ старшинъ, а также схватить и прислать въ Петербургъ составителей коломацкихъ петицій. Противъ Полуботка былъ возбуждено дѣло о злоупотребленіяхъ по управленію и притѣсненіяхъ населенія—общихъ всей тогдашней старшинѣ грѣхахъ по отношенію къ козакамъ и посполитымъ, въ которыхъ онъ былъ виноватъ столько же, сколько и всякій другой. Не дождавшись суда, Полуботокъ умеръ въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, въ концѣ 1724 г.

Для украинской старшины онъ сдѣлался героемъ-мученикомъ. Въ позднѣйшей легендѣ онъ произноситъ передъ Петромъ смѣлую обличительную рѣчь, упрекая въ утѣсненіи Украины, и за это грозный царь обрекаетъ его на муки и смерть; но узнавъ о тяжкой болѣзни Полуботка, Петръ навѣщаетъ его въ крѣпости и ищетъ примиренія; Полуботокъ отказываетъ въ немъ, говоря, что Петра (императора) и Павла (Полуботка) разсудитъ Богъ, и дѣйствительно вслѣдъ за гетманомъ Павломъ предъ лицо предвѣчнаго судіи послѣдовалъ и царь Петръ. Въ интеллигентскихъ домахъ Украины XVIII и первой половины XIX в. былъ очень распространенъ портретъ Полуботка съ подписью „изъ рѣчи, говоренной Полуботкомъ имп. Петру“: „вступаючись за отчизну, я не боюсь ни кандаловъ, ни тюрмы и для меня лучше найгиршою смертю умерти, якъ дивитись на повшехну гибель моихъ землякивъ“. Портретъ, впрочемъ, невѣрный (какъ думаютъ—вмѣсто Павла Полуботка взято изображеніе его отца).

О катастрофѣ 1708—9 гг. и ея послѣдствіяхъ, кромѣ болѣе общихъ работъ о времени Мазепы, статьи Алекс. Грушевскаго: По катастрофі 1708 року (Записки Наук. тов. ім. Шевченка т. 75, 78, 30) и рядъ статей, разныхъ авторовъ въ т. 92 тѣхъ же Записокъ, спеціально посвѣщенномъ этой эпохѣ. О Полуботкѣ статьи Костомарова (Монографіи т. XIV), Лизаревскаго (Рус. Архивъ 1880) и Шульгина (Кіев. Старина 1890) о „канальскихъ работахъ“ Радаковой (Записки Наук. тов. Шевченка т. 12). Много матеріаловъ и замѣтокъ для этого и послѣдующаго времени въ Кіевской Старинѣ.



Могила Гордіенка у Алешекъ (на крымской територіи, гдѣ находилась тогда Січ).



Домъ полковн. Галагана въ с. Липовомъ, постр. въ 1720 г. (лѣвая сторона сохранила свой первоначальный видъ).

XXIII. Послѣдніе гетманы и строй Гетманщины въ XVIII в.

Итакъ, старшина передала свою тяжбу съ центральнымъ правительствомъ на судъ божій. Выдающіеся ея представители были арестованы въ Петербургѣ. Правительство могло безпрепятственно производить перестройку украинскихъ отношеній по централистической программѣ. Но двѣ непослѣдовательности, явившіяся отступленіями отъ плана, поставленнаго правительствомъ Петра, замедлили сліяніе Украйны съ прочими провинціями имперіи и отсрочили на нѣсколько десятилѣтій ликвидацію украинской автономіи.

Первое отступленіе имѣло мѣсто съ восшествіемъ на престолъ внука Петра I—Петра II въ 1727 г.

Еще нѣсколько ранѣе, въ виду перспективы войны съ Турціей, въ въ правительственныхъ кругахъ считали нужнымъ сдѣлать что нибудь для „удовольства и приласканія" Украины,—чтобы недовольная старшина,—энергію которой вообще склонны были сильно преувеличивать въ петербургскихъ кругахъ,—пользуясь войною, не произвела возстанія.

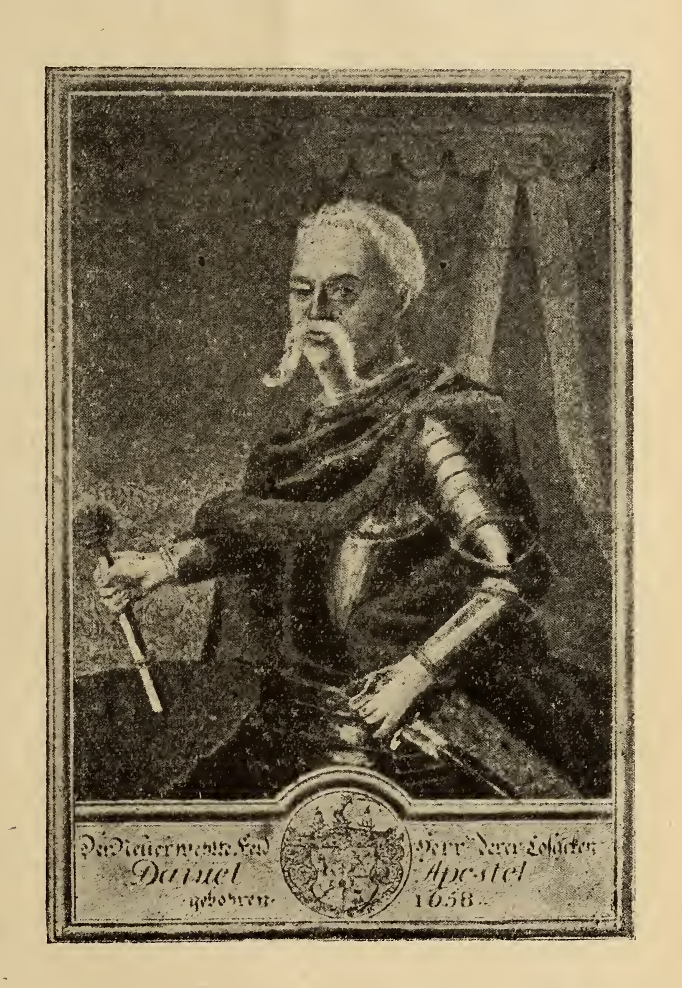
Предполагалось разрѣшить произвести выборъ гетмана, возстановить прежній, украинскій составъ въ учрежденіяхъ гетманщины и сложить съ украинскаго населенія нововведенные налоги. Но традиціи петровской политики были еще слишкомъ свѣжи, и одинъ изъ „птенцовъ" Петра, наиболѣ посвященный въ украинскую политику покойнаго императора, П. Толстой, прямо протестовалъ противъ либеральныхъ проектовъ новаго правительства, ссылаясь на то, что „бл. памяти е. и. в. въ томъ намѣреніи гетмана въ Украинѣ не учинилъ и у полковниковъ и старшинъ власти убавилъ, дабы Малую Россію къ рукамъ прибрать, и чрезъ тотъ способъ полковники и старшины съ поданными пришли уже въ немалую ссору" [1]). Эти традиціи на этотъ разъ возобладали.

Но съ воцареніемъ Петра II вліяніе временщика Меньшикова, очень неблагопріятно настроеннаго для малороссійской коллегіи, а позже—партіи сторонниковъ старыхъ, допетровскихъ порядковъ, подчинившихъ себѣ молодого императора, взяли верхъ надъ петровскимъ курсомъ въ украинскихъ отношеніяхъ. Это сказалось сейчасъ же по вступленіи на престолъ Петра II. Новые налоги были сложены (но все-таки украинское населеніе должно было и впредь содержать девять кавалерійскихъ великорусскихъ

[1]) Сборникъ историч. общества, т. 55, стр. 60.

полковъ). Вельяминова потребовали къ отчету по жалобамъ на неправильности въ его дѣятельности. Украинскихъ старшинъ, сидѣвшихъ въ Петербургѣ со времени полуботковской исторіи, отпустили на Украину. Издано запрещеніе Великоруссамъ покупать земли на Украйнѣ и т. п. Наконецъ, дано разрѣшеніе и на выборъ гетмана, чрезвычайно обрадовавшее украинское общество, чувствовавшее себя совершенно безпомощнымъ въ всеобщемъ разстройствѣ, какое надвигалось на украинскія отношенія вмѣстѣ съ натискомъ московскаго централизма.

Кандидата на гетманство правительство имѣло уже готоваго — въ лицѣ престарѣлаго и предшествующими событіями достаточно умудреннаго полковника миргородскаго Даніила Апостола. Правительственному комиссару Наумову, отправленному для производства выборовъ, поручено было не допускать до выбора иного лица. Но опасенія были напрасны: умудренная долговременнымъ сидѣньемъ въ Петербургѣ старшина безпрекословно приняла правительственнаго кандидата, тѣмъ олѣе что Апостолъ бблъ вовсе недурнымъ кандидатомъ — однимъ изъ послѣднихъ представителей лучшихъ временъ старыхъ поколѣній автономистовъ, еще не извѣрившихся въ возможности принципіальной политики. Апостолъ былъ единогласно избранъ и утвержденъ въ гетманскомъ достаоинствѣ, 1 октября 1727 г. О какихъ либо статьяхъ не было уже и разговора, но Украина снова была переведена въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а малороссійская коллегія упразднена, тѣмъ болѣе, что въ ея управленіи дѣйствительно обнаружилось немало злоупотребленій.



Гетманъ Даніилъ Апостолъ.—Современная гравюра.

Взамѣнъ ея реформировали въ новомъ духѣ генеральный судъ, съ отмѣною малороссійской коллегіи долженствовавшій служить высшею апеляціонною инстанціею: теперь онъ долженъ былъ состоять поровну изъ членовъ

украинскихъ и великороссійскихъ (по три). При гетманѣ возстановлена должность резидента, на которую назначенъ упомянутый Наумовъ, и гетману вмѣнено въ обязанность совѣщаться съ нимъ въ дѣлахъ управленія. Въ военныхъ дѣлахъ онъ былъ подчиненъ фельдмаршалу россійскихъ войскъ. Для большой вѣрности одинъ изъ сыновей Апостола оставался въ Петербургѣ въ качествѣ заложника.

Возвращеніе къ старинѣ, такимъ образомъ, было далеко не полнымъ. Ободренная скромными льготами, предоставленными Украинѣ, старшина съ Апостоломъ во главѣ расчитывала при удобномъ случаѣ добиться большаго. По случаю коронаціи Петра II, Апостолъ съ другими представителями старшины отправился ко двору и здѣсь болѣе полугода путемъ всякого рода просьбъ и иныхъ воздѣйствій старался приготовить почву для болѣе полнаго возстановленія старыхъ вольностей. Плодомъ этихъ стараній были такъ называемые „рѣшительные пункты"—резолюціи правительства на предложенныя петиціи, отъ 22 авг. 1728 г. Они устанавливали точныя основанія новой украинской конституціи. Въ общихъ выраженіяхъ было ими обѣщано сохраненіе „прежнихъ правъ и вольностей", но въ дѣйствительности украинская автономія оставалась при цѣломъ рядѣ существенныхъ ограниченій сравнительно даже съ эпохою Мазепы, не говоря уже о настоящихъ статьяхъ Богдана Хмельницкаго, на которыя дѣлались ссылки.

Свободный выборъ оставленъ только для низшихъ должностей: кандидатовъ на сотниковъ должны выбирать сотенные козаки, кандидатовъ на полковыя должности—полковая старшина съ сотниками предоставлять на утвержденіе гетмана; но утвержденіе полковниковъ и генеральной старшины центральное правительство предоставляло себѣ. Оставленъ въ силѣ смѣшанный войсковой судъ, совершенно противорѣчившій основному принципу статей Хмельницкаго, о возстановленіи которыхъ просила старшина, а правительство ихъ подтверждало [1]). Для завѣдыванія финансами учреждались должности двухъ подскарбіевъ, одного изъ украинской старшины, другого изъ великорусскихъ офицеровъ. Сохранено было расквартированіе великорусскихъ войскъ, и т. п.

Апостолу и его сотрудникамъ оставалось въ тѣсныхъ границахъ, оставленныхъ ихъ самоопредѣленію, стараться фактически усилить значеніе органовъ стараго гетманскаго управленія, по возможности упорядочивая послѣднее и ослабляя вмѣшательства агентовъ постороннихъ. Апостолъ старался упорядочить судопроизводство гетманщины въ духѣ предпринятыхъ Полуботкомъ реформъ: его инструкція украинскимъ судамъ, данная въ 1730 г., собственно проводила планъ Полуботка. Произведена была общая ревизія владѣльческихъ документовъ старшины, для провѣрки правъ владѣнія. Особая комиссія занялась сводомъ примѣнявшихся въ украинскихъ судахъ нормъ въ одинъ общій сводъ.

Возстановленіе старыхъ отношеній было дополнено еще одною чертою—возвращеніемъ Запорожцевъ. Я уже упоминалъ, что на новыхъ своихъ поселеніяхъ, отрѣзанные отъ Украины правительствомъ, не допускавшимъ никакихъ сношеній съ „измѣнниками", Запорожцы очень живо почувствовали свое отчужденіе и скоро начали проситься назадъ. Съ своей стороны русское правительство было заинтересовано на случай войны съ Турками имѣть ихъ на своей сторонѣ, а не на непріятельской, и такъ какъ перспектива новой войны съ Турціей съ 1720-хъ становилась все болѣе близкой, то Запорожцамъ было дано принципіальное

[1]) „Суду и расправѣ быть по-прежнему ихъ обыкновенію, какъ о томъ именно въ пунктахъ гетмана Богдана Хмельницкаго изображено, по котораго пунктамъ подтвержденія сами они просятъ"—Рѣшительные пункты у Бантыша-Каменскаго Ист. Малой Россіи IV прил. 32.

согласіе на возвращеніе, съ тѣмъ, чтобы они выждали только окончательнаго разрыва.

Въ этомъ смыслѣ въ 1733 г. имъ была выдана и оффиціальная царская грамота, а въ началѣ 1734 г. они возвратились на старыя пепелища и заложили свой кошъ на ур. Базавлукѣ. Затѣмъ въ Лубнахъ делегатами ихъ и представителями русскаго правительства были выработаны постановленія, опредѣлявшія дальнѣйшія отношенія. Запорожцамъ предоставлено жить по старымъ порядкамъ, и свободно пользоваться всякаго рода степными промыслами, получая за сторожевую и военную службу 20 тыс. рублей въ годъ. Править ими должна была выборная старшина, непосредственно, помимо гетмана, подчиняясь командующему россійскими войсками, расположенными на Украинѣ.

Установленный въ 1727 г. порядокъ въ это время уже рѣшительно поколебался. Правительство имп. Анны вернулось къ традиціямъ политики Петра I по отношенію къ Украинѣ, и возвращеніе къ его мѣропріятіямъ было только вопросомъ времени: въ виду все еще угрожавшей войны съ Турціей, событій польскаго безкоролевья и агитаціи агентовъ Лещинскаго и Орлика на Украинѣ и на Запорожьѣ, правительство считало несвоевременными какія либо рѣзкія перемѣны. Благовидный предлогъ дала для новыхъ реформъ болѣзнь Апостола, разбитаго параличемъ въ 1733 г. Правительство не позволило ему передать управленіе генеральной старшинѣ, а поручило правленіе своему резиденту съ коллегіей, составленной поровну изъ Великороссіянъ и Украинцевъ. А когда вскорѣ затѣмъ Апостолъ умеръ (1734), правительство поручило правленіе Украиною коллегіи изъ шести членовъ, трехъ Великороссіянъ и трехъ Украинцевъ (назначенныхъ правительствомъ), съ правительственнымъ резидентомъ Шаховскимъ и генеральнымъ обознымъ Лизогубомъ во главѣ.

Правленіе это было организовано якобы временно, до выбора гетмана, но въ инструкціи Шаховскому пояснялось, что о выборѣ гетмана упомянуто только во избѣжаніе волненій: правительство вовсе не имѣло въ виду назначать выборы. Украина снова перешла въ вѣдомство сената, а фактическимъ правителемъ ея сталъ первоприсутствующій малороссійской коллегіи кн. Шаховской. Правительство, поручая ему самое бдительное наблюденіе за благонадежнымъ поведеніемъ украинской старшины, предоставило ему право смѣщать украинскихъ членовъ малороссійской коллегіи, если бы за ними оказалось что-либо подозрительное, подвергать аресту старшинъ, заподозрѣнныхъ въ какой-либо „противности", и назначать на вакантныя мѣста кандидатовъ по своему усмотрѣнію, „усматривая во всякихъ обхожденіихъ, кто изъ старшинъ и изъ козаковъ къ намъ и къ сторонѣ нашей доброжелательны", и въ случаѣ надобности не связывать себя данной инструкціей.

Шаховскій такимъ образомъ являлся настоящимъ правителемъ Украины, но эти широкія полномочія еще не удовлетворяли его и въ представленіи своемъ петербургскому правительству онъ рекомендовалъ отмѣнить коллегіальное управленіе и замѣнить его единоличнымъ правленіемъ назначеннаго правительствомъ намѣстника, имѣя въ виду по всей вѣроятности свою особу. Однако правительство не рѣшилось на такой рѣзкій шагъ и въ отвѣтъ Шаховскому успокаивало его, что участіе украинскихъ членовъ въ коллегіи не можетъ вліять на ходъ дѣлъ, а полное устраненіе украинской старшины отъ всякаго участія въ управленіи могло бы привести „малороссійскій народъ въ какое сомнѣніе". При этомъ было отмѣчено, что установленная форма управленія отнюдь не имѣла въ себѣ чего-либо постояннаго, и императорское правительство предоставляло себѣ отмѣнить его и ввести новую организацію, какая будетъ признана соотвѣтствующею „для интересовъ е. и. в.".

Въ инструкціи Шаховскому поручалось обращать вниманіе на то, чтобы должности великороссійскихъ членовъ малороссійской коллегіи и генеральнаго суда занимали лица достойныя, которыя бы могли внушать украинскому населенію выгодное понятіе о великорусской администраціи, „дабы оный малороссійскій народъ правосудіемъ тѣхъ великороссійскихъ судей былъ доволенъ и пріобыкалъ къ великороссійскому правленію". Предостереженіе это было внушено горькимъ опытомъ, такъ какъ полковники изъ Великороссіянъ и другіе представители великорусской администраціи на Украинѣ далеко не оказывались на высотѣ своего положенія и отнюдь не были способны внушить хорошаго мнѣнія о великорусскомъ благоустройствѣ.

По старой традиціи рекомендовалось внушать населенію (главнымъ образомъ низшимъ слоямъ), что реформы, ограничивающія украинскую автономію, имѣютъ въ виду интересы массъ и защиту ихъ отъ злоупотребленій старшины, а все неустройство сваливать на гетманское управленіе, чтобы охладить стремленія къ его возстановленію.

Въ видахъ обрусѣнія, Шаховской долженъ былъ „секретно подъ рукою особенно трудиться Малороссіянъ съ Смольняны (ополяченною смоленскою шляхтою) и съ Поляки и съ другими зарубежными жителями отводить, а побуждать ихъ и искуснымъ образомъ приводить въ свойство съ великороссійскими". Въ своемъ надзорѣ за благонамѣренностью старшины правительство шло такъ далеко, что приказывало обыскивать и арестовывать бумаги даже наиболѣе высокопоставленныхъ и совершенно ни въ чемъ не заподозрѣнныхъ лицъ, какъ, напр., обознаго Лизогуба, первоприсутствующаго изъ украинской старшины. Поводовъ къ такимъ подозрѣніямъ старшина, совершенно терроризованная этой ломкой старыхъ отношеній, не подавала никакихъ, но грозный призракъ украинскаго сепаратизма неизмѣнно преслѣдовалъ правительство и великорусскую администрацію въ ихъ заботахъ, направленныхъ къ уничтоженію остатковъ старой украинской автономіи, и дѣлалъ ихъ еще болѣе нетерпимыми и неразборчивыми въ истребленіи остатковъ всего, что говорило объ особности этого края.

Для характеристики этой неразборчивости приведу одинъ примѣръ: въ 1737 г. тогдашній правитель Украины (первоприсутствующій малороссійской коллегіи) кн. Барятинскій, придравшись къ какому то поводу, арестовалъ въ полномъ составѣ кіевскій магистратъ и при этой оказіи забралъ грамоты г. Кіева, въ томъ расчетѣ, что если эти документы задержать болѣе продолжительное время, то въ концѣ концовъ привилегіи г. Кіева выйдутъ изъ памяти, „и ссылаться имъ будетъ въ вольностяхъ не на что".

Отъ принятаго курса правительство однако отступило еще разъ, благодаря личнымъ симпатіямъ новой императрицы Елисаветы. Любимцемъ ея былъ украинскій козакъ изъ с. Лемешей (Черниговской губ.) Алексѣй Разумовскій, съ которымъ она обвѣнчалась, возвела въ фельдмаршалы, и пріобрѣла для него титулъ графа Римской имперіи. Онъ внушилъ императрицѣ свои симпатіи къ Украинѣ, и хотя она вообще усердно слѣдовала традиціямъ своего отца Петра I, но была склонна сдѣлать нѣкоторыя уступки желаніямъ украинской старшины.

Когда во время путешествія ея въ Кіевъ въ 1744 г. генеральная старшина и полковники подали ей петиціи о выборѣ гетмана, она приняла эту просьбу благосклонно и посовѣтовала по этому вопросу прислать въ Петербургъ спеціальную депутацію къ торжеству бракосочетанія наслѣдника престола. Кандидатъ на гетманство былъ у нея намѣченъ въ лицѣ младшаго брата ея любимца, Кирилла Разумовскаго; но онъ былъ еще слишкомъ молодъ тогда (родился въ 1724 г.), находился въ то время

за границей для окончанія образованія, а потому выборъ былъ отложенъ. Только въ 1747 г. императрица дала указъ сенату о возстановленіи гетманскаго правленія на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ оно существовало при Скоропадскомъ, но самый выборъ былъ еще отложенъ на нѣсколько лѣтъ и произведенъ только въ 1750 г., когда съ этою миссіею былъ высланъ въ Глуховъ полномочный министръ императрицы графъ Гендриковъ

Кириллъ Разумовскій.—Подносная гравюра.

Старшина, для которой не были тайною виды императрицы, конечно, заявила единодушно, что желаетъ имѣть гетманомъ Кирилла Разумовскаго и такъ было осуществлено избраніе послѣдняго украинскаго гетмана. Утверждая его въ этомъ званіи, императрица повелѣла считать его въ рангѣ фельдмаршала, а при отпускѣ на Украину въ 1751 г. дана была ему жалованная грамота по образцу данной Скоропадскому. Учрежденія также возстановлены были болѣе или менѣе въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали передъ реформою 1722 г. Особою грамотою подчинена была власти гетмана Запорожская Січ, и Украина снова переведена въ вѣдомство иностранной коллегіи. Но Разумовскій поссорившись съ президентомъ послѣдней, самъ просилъ потомъ перевести его въ вѣдомство сената, что и было исполнено.

Безъ малаго пятнадцать лѣтъ продолжалось правленіе этого послѣдняго гетмана. Самъ онъ вполнѣ отличался отъ прежнихъ гетмановъ:

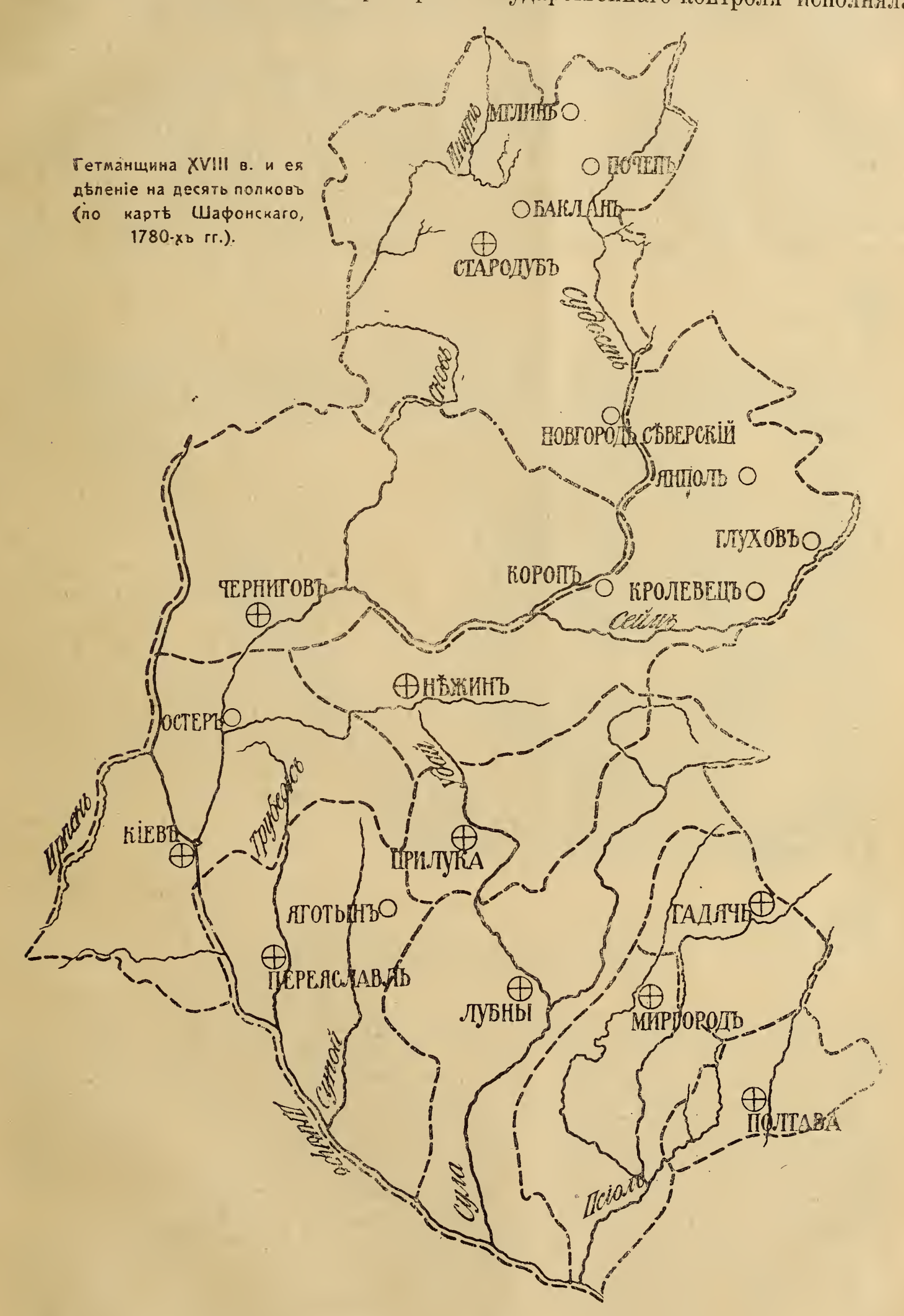
воспитанный въ средѣ петербургской аристократіи и за границей, женатый на великороссійской аристократкѣ, родственницѣ императрицы Екатеринѣ Нарышкиной, онъ скучалъ въ своей украинской резиденціи и жилъ большею частью въ Петербургѣ. На Украинѣ онъ держалъ себя en grand seigneur и устроилъ въ своей украинской столицѣ копію петербургскаго двора въ миніатюрѣ. Краемъ правила украинская старшина, имѣя дѣло только съ центральнымъ правительствомъ. Вслѣдствіе вліянія, какимъ пользовался новый гетманъ въ правящихъ сферахъ, вмѣшательства въ украинскія дѣла разныхъ постороннихъ лицъ прекратились. Хлопоты гетманскому правленію доставляли только Запорожцы. Съ сѣвера стѣснила ихъ новая оборонительная линія, сооруженная правительствомъ и захватившая часть запорожскихъ земель: дѣлать нападенія на польскія и турецкія владѣнія имъ запрещалось. Подчинить січевую братію желаемой регламентаціи въ этихъ условіяхъ запорожской старшинѣ было слишкомъ затруднительно, и гетманское правленіе безъ конца получало напоминанія изъ Петербурга объ умиротвореніи Запорожцевъ.

Этимъ періодомъ сравнительно значительной власти и вліянія украинская старшина воспользовалась не только для своего обогащенія и закрѣпленія своихъ сословныхъ преимуществъ (надъ этимъ она, подъ покровительствомъ и при благосклонномъ содѣйствіи русскаго правительства, работала неустанно), но также и для упорядоченія административно-судебной организаціи края. Конкурренція великорусской администраціи и централистическая политика правительства, враждебная старому украинскому строю, до сихъ поръ очень сильно мѣшали такому упорядоченію. Достаточно вспомнить, что Полуботокъ за свои очень раціональныя реформы судопроизводства подвергся обвиненію въ самовластіи, а реформы были отмѣнены. Между тѣмъ, первоначальное военное устройство Украины, очень примитивное, приноровленное болѣе къ потребностямъ военной мобилизаціи, чѣмъ администраціи, настоятельно требовало дальнѣйшей организаціонной работы. Лишенное ея, оно давало широкій просторъ самовластію и всякаго рода злоупотребленіямъ, а конкурренція великорусской администраціи производила еще большій сумбуръ, тѣмъ болѣе, что качества послѣдней также отнюдь не были высоки: взяточничество и произволъ были въ ея средѣ распространены чрезвычайно сильно.

Въ центральномъ управленіи Гетманщины изъ первоначальной организаціи развилось два главныхъ, вполнѣ опредѣленно сформировавшихся учрежденія—генеральная или войсковая канцелярія и генеральный судъ. Войсковая канцелярія изъ канцеляріи въ собственномъ смыслѣ, какой она была первоначально, впродолженіе послѣдняго столѣтія развилась въ нѣчто болѣе близкое понятію министерства внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь сосредоточивалось завѣдываніе обще-административными и войсковыми дѣлами. По смерти Апостола она формально была объединена съ правящей коллегіей, какъ высшее управленіе Гетмащины, подъ именемъ войсковой генеральной канцеляріи; генеральный писарь сталъ въ сущности вершителемъ всѣхъ дѣлъ, по сколько они оставалась въ рукахъ старшины; такой именно характеръ имѣлъ долголѣтній носитель этого званія Андрей Безбородько, занимавшій этотъ постъ въ 1741—1762 гг. Войсковой судъ первоначально былъ единоличнымъ судомъ генеральнаго судьи; со временъ реформы Полуботка-Апостола онъ превращается въ судъ коллегіальный и получаетъ значеніе исключительно апелляціонной палаты.

Затѣмъ при избраніи Апостола выдѣлены были въ отдѣльное вѣдомство финансы, находившіеся въ прежнія времена въ непосредственномъ распоряженіи гетмана, для завѣдыванія ими были учреждены

должности двухъ подскарбіевъ; но должности эти остались въ значительной степени титулярными. Счетоводствомъ завѣдывала особая скарбоая канцелярія, при которой роль государственнаго контроля исполняла

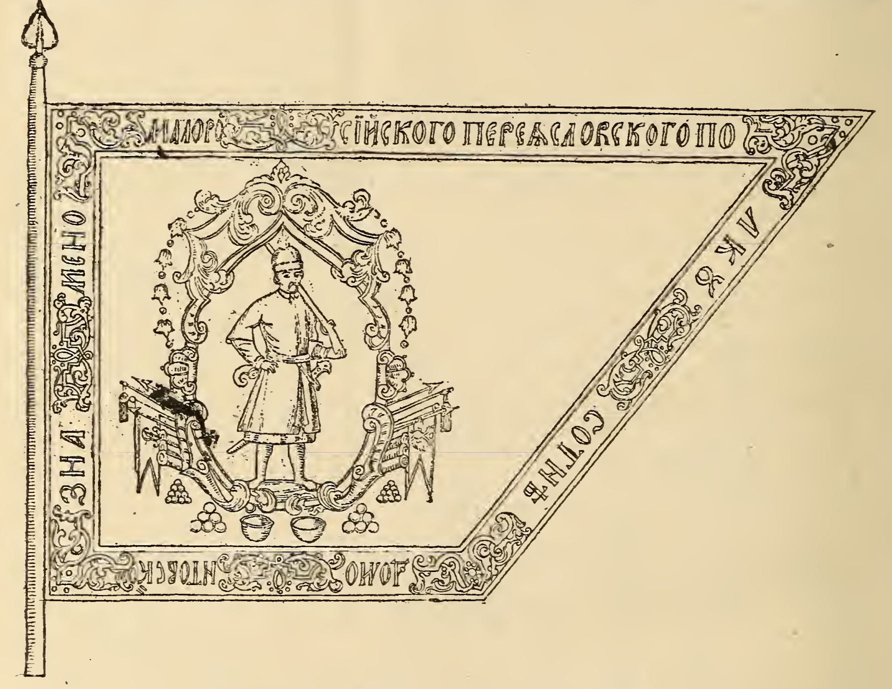


Карта Гетманщины,—(крестикомъ въ кружкѣ обозначены полковые города).

отдѣльная „счетная комиссія“. Наконецъ отдѣльная „артиллерійская канцелярія“ завѣдывала войсковой артиллеріей и предназначенными на ея содержаніе имѣніями и доходными статьями. Войсковая рада съ

послѣдней четвертью XVII в. вовсе перестаетъ функціонировать внѣ чисто декоративной роли при выборѣ гетмана и ее вполнѣ замѣщаетъ рада старшины, собиравшаяся по приглашенію гетмана; особенно сложныя или менѣе спѣшныя дѣла рѣшала рада генеральной старшины и полковниковъ.

Полки остались основаніемъ провинціальнаго управленія послѣ того, какъ правобережная Украина окончательно отошла къ Польшѣ. Гетманщина (Лѣвобережная Украина) дѣлилась на десять полковъ — Стародубскій, Черниговскій, Кіевскій, Нѣжинскій, Прилуцкій, Переяславскій, Лубенскій, Гадячскій, Миргородскій и Полтавскій. Территорія, составъ, козачьи контингенты и численность населенія ихъ оставались по прежнему чрезвычайно разнородными. Такъ, напр. въ 1723 г. въ Нѣжинскомъ



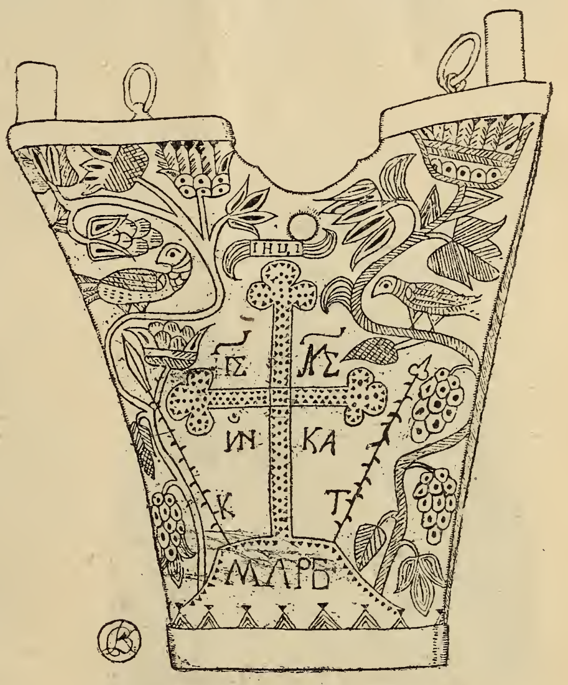
Казацкое знамя (Домонтовской сотни), 1762 г.

полку было 19 сотень, въ нихъ ок. 10 тыс. козаковъ (6.586 конныхъ и 3.379 пѣшихъ), въ Черниговскомъ 16 сотень и 6.400 козаковъ, въ Кіевскомъ 8 сотенъ и менѣе 3 тыс. козаковъ; всего въ 10 полкахъ было 114 сотенъ и 57 тыс. козаковъ (позже, въ 1735 г. этотъ козацкій контингентъ былъ уменьшенъ почти въ половину: для дѣйствительной службы должны были быть выбраны 30 тыс. козаковъ, т. н. выборныхъ, остальные менѣе достаточные, подъ именемъ подпомощчиковъ, были предназначены для матеріальной помощи несшимъ службу).

Управленіе полкомъ лежало всецѣло въ рукахъ полковника. Вообще съ тѣхъ поръ, какъ назначеніе полковниковъ присвоило себѣ правительство и запретило смѣщать ихъ безъ указа, значеніе и власть полковниковъ чрезвычайно усилились. Ихъ зависимость отъ гетмана стала очень невелика. Съ другой стороны сформировавшійся постепенно по образцу генеральной старшины штатъ старшины полковой не имѣлъ большого значенія въ управленіи полкомъ и въ значительной степени полковникъ правилъ самовластно. Сотниковъ полковники очень часто фактически назначаютъ сами. Города съ магдебургскимъ правомъ, хотя подчиняются непосред-

ственно гетману, но также стоятъ въ сильной зависимости отъ полковника, а иногда подпадаютъ въ полное «послушаніе» ему. Болѣе мелкіе города, съ упрощеннымъ, «ратушнымъ» управленіемъ, находятся въ полномъ подчиненіи у полковниковъ. Козацкое населеніе стояло въ полной зависимости отъ него. Крестьяне «посполитые», подсусѣдки подчинялись власти и юрисдикціи своихъ помѣщиковъ и державцевъ.

У козаковъ осталось самоуправленіе лишь въ границахъ ихъ сельскихъ «громадъ», во главѣ которыхъ стояли атаманы, подчинявшіеся сотнику. Замѣщеніе сотничьей должности по праву принадлежало козачьему населенію сотни, но на дѣлѣ это право далеко не всегда осуществлялось. Въ одной инструкціи Разумовскому приходится возстановлять законный порядокъ выбора сотника, установленный рѣшительными пунктами 1728 г., потому что на дѣлѣ онъ не соблюдался: сотня должна выбирать двухъ или трехъ кандидатовъ, полковникъ съ полковою старшиною предлагаетъ ихъ со своими отзывами гетману для утвержденія одного изъ нихъ. Но изъ той же инструкціи вытекаетъ, что въ дѣйствительности выборъ кандидатовъ имѣетъ производиться собственно старшиною данной сотни, а не козаками.



Запорожская пороховница (1726 г.).

Вообще принципъ козацкаго самоуправленія совершенно выродился, вся власть перешла фактически въ руки старшины, и, по скольку не ограничивала ее конкурренція великороссійской администраціи и центральное правительство, управленіе имѣло характеръ аристократическій, старшинскій.

Наиболѣе слабую сторону устройства гетманщины составлялъ судъ. Судебныхъ инстанцій было много, но всѣ эти суды были организованы плохо, не было ни опредѣленнаго порядка инстанцій, ни границъ компетенцій каждаго рода суда; минуя суды сельскіе и сотенные, можно было начинать дѣло не только въ полковомъ, но и прямо въ генеральномъ судѣ, или даже у самого гетмана; высшія инстанціи часто вмѣшивались въ дѣла, которыя велись въ низшихъ, суды козацкіе и городскіе (ратушные) конкуррировали между собой, хотя впрочемъ очень часто эта конкурренція разрѣшалась тѣмъ, что эти суды функціонировали совмѣстно. Въ судахъ царило и взяточничество и произволъ, тѣмъ болѣе, что за неимѣніемъ своего кодекса употреблялись польскія изданія Литовскаго Статута и Магдебургскаго права—мало понятныя и по духу своему совершенно чуждыя мѣстной жизни и отношеніямъ.

Рѣшительными пунктами 1728 г. центральное правительство поручило гетману составить сводъ дѣйствующаго въ Гетманщинѣ права, составленіе его было поручено комиссіи украинскихъ юристовъ и сводъ

этотъ былъ дѣйствительно составленъ Но въ основаніе его положены были не нормы обычнаго права, а все тоже Магдебургское право въ польскихъ обработкахъ, сохранившееся въ практикѣ городскихъ судовъ, изъ времени, предшествовавшаго возстанію Хмельницкаго, и Литовскій Статутъ, въ качествѣ вспомогательнаго кодекса вошедшій постепенно въ судебную практику Гетманщины, и то не въ первой редакціи, болѣе близкой старому украинскому праву, а въ позднѣйшихъ, 1566 и 1588 гг., вполнѣ подпавшихъ вліяніямъ шляхетскаго польскаго права. Въ виду этого составляемый комиссіей сводъ не могъ имѣть никакой цѣнности. Работа ея была закончена въ 1743 г. Сводъ утвержденія не получилъ [1]), но въ смыслѣ укрѣпленія авторитета статутоваго и магдебургскаго права въ судебной практикѣ Гетманщины безъ результатовъ онъ не остался. И ни въ чемъ, быть можетъ, не обнаружился такъ ярко внутренній крахъ предпринятой украинскимъ народомъ соціальной революціи XVII в., какъ въ этомъ возвращеніи къ жизни сословныхъ кодексовъ польскаго режима.

Запорожскій соборъ въ Новомосковскѣ (шедевръ украинской деревянной архитектуры).

Послѣ неосуществившейся реформы Полуботка украинское судоустройство было реформировано по возстановленіи гетманства при Апостолѣ. Генеральный судъ получилъ коллегіальное устройство и въ томъ же духѣ коллегіальности реформированы были инструкціею Апостола 1730 г. суды полковые, сотенные и сельскіе. Установленъ былъ порядокъ апелляціи сотенныхъ судовъ въ полковые, изъ полковыхъ въ генеральный, который становился инстанціею исключительно апелляціонною. Сдѣланы были позже указанія относительно разграниченія компетенціи судовъ войсковыхъ и ратушныхъ и упорядоченія судопроизводства вообще. Эта инструкція дѣйствительно дѣлала шагъ впередъ въ упорядоченіи судопроизводства [1]).

Дальнѣйшею реформою его занялась старшина при Разумовскомъ. Иниціатива принадлежала одному изъ образованнѣйшихъ украинскихъ юристовъ Фед. Чуйкевичу, который въ своемъ разсужденіи «Судъ и расправа въ правахъ малороссійскихъ» (1750 г.), посвященномъ Разумовскому, указалъ на недостатки украинскаго судоустройства и предложилъ проектъ его реформы. Образцомъ для него, впрочемъ, послужило судоустройство все того же Литовскаго Статута и въ этомъ духѣ въ послѣдніе годы правленія Разумовскаго была производена реформа: генеральный судъ былъ дополненъ выборными депутатами отъ полковъ, введены были

[1]) Онъ былъ изданъ, какъ историческій памятникъ, въ 1879 г. проф. Кистяковскимъ п. н. „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ" (это названіе сводъ носитъ въ оригиналѣ).

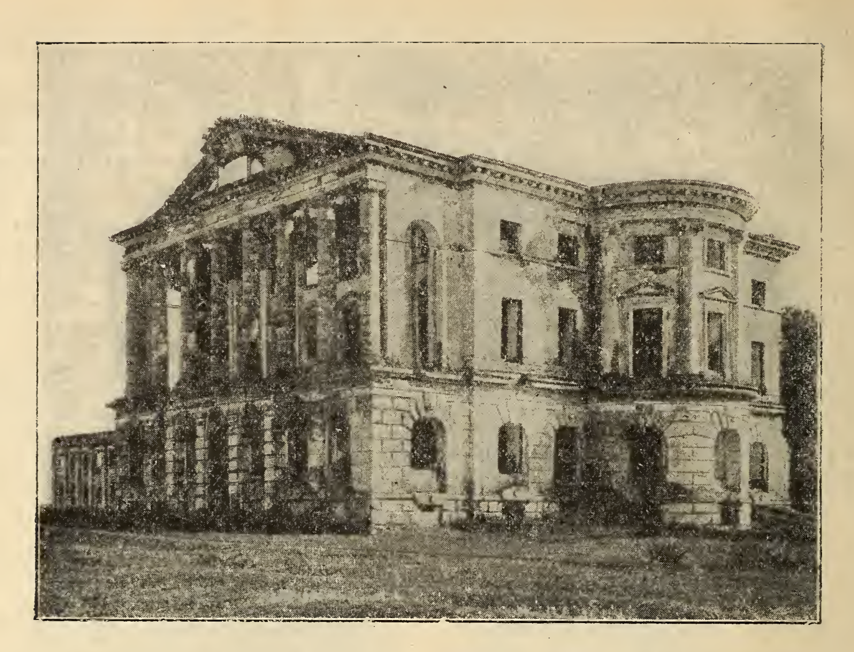
[1]) Издана въ „Кіевской старинѣ" 1887. кн. I.

суды подкоморскіе и земскіе для поземельныхъ тяжбъ и гражданскихъ дѣлъ, съ выборнымъ шляхетскимъ персоналомъ; суды полковые переименованы въ городскіе; Украина раздѣлена на 20 повѣтовъ.

Эта реформа, дѣлавшая послѣдній шагъ въ возвращенію дореволюціоннаго строя, была, конечно, логическимъ послѣдствіемъ примѣненія дореволюціонныхъ юридическихъ кодексовъ—Литовскаго Статута прежде всего. Но она оказалась недолговѣчною—дни гетманства были уже сочтены, и въ программѣ центральнаго правительства стоялъ на очереди вопросъ о полной отмѣнѣ стараго строя Гетманщины, а не развитіи его.

Для исторіи Гетманщины послѣ Мазепы не имѣется новыхъ болѣе общихъ работъ. Нѣкоторый фактическій матеріалъ можно найти въ старыхъ трудахъ Бантыша Каменскаго (недавно переизданномъ) и Маркевича. Объ отношеніяхъ 1720—1730 гг. работы Джиджоры: „Нові причинки до історії відносин російського правительства до України“ (Записки Н. тов. ім. Шевченка т. 61) и „Економічна політика російського правительства супроти України в 1710—1730 рр.“ (т. 98 и сл. и отдѣльно). О Разумовскомъ-Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ. Литературу внутренняго строя см. выше ст. 252. Отраженія соціальныхъ и политическихъ перемѣнъ жизни Гетманщины въ народномъ творчествѣ въ извѣстномъ трудѣ Драгоманова „Політичні пісні українського народа“ (1883—5).

Печати запорожскихъ паланокъ—Самарской и Кодацкой.



Гетманскій дворецъ въ Батуринѣ К. Разумовскаго--нынѣшній видъ.

XXIV. Ликвидація стараго строя Гетманщины

Ликвидація Гетманщины была рѣшена имп. Екатериною уже съ первыхъ шаговъ правленія. Излагая въ своей извѣстной инструкціи оберъ-прокурору программу правительственной политики, она высказываетъ свое непреклонное рѣшеніе привести къ «обрусѣнію» провинціи, имѣющія свои мѣстные законы—Украину, Лифляндію и Финляндію, и въ частности относительно Украины считаетъ необходимымъ принять мѣры къ тому: «чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бъ персона какая была произведена въ оное достоинство».

Но Кир. Разумовскій былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ партизановъ Екатерины. Она многимъ была ему обязана еще предъ своимъ воцареніемъ, и едва-ли подняла бы на него руку, если бы обстоятельства не дали къ тому благопріятныхъ поводовъ. Но за ними дѣло не стало. Въ концѣ 1763 г. императрицѣ донесено было изъ Кіева, что среди старшины собираются подписи для петиціи объ учрежденіи наслѣдственнаго гетманства въ родѣ Разумовскаго: просьба мотивировалась испытанною вѣрностью этого рода и примѣромъ Хмельницкаго, при жизни котораго былъ выбранъ гетманомъ его сынъ. Разумовскій, если не былъ иниціаторомъ этой петиціи, то во всякомъ случаѣ принималъ въ ней участіе, склоняя старшину къ подписямъ. Украинская молва считала виновникомъ злого генія гетмана, его воспитателя и главнаго совѣтника Теплова: говорили, что онъ былъ иниціаторомъ этой петиціи, а затѣмъ использовалъ ее противъ гетмана и далъ правительству обвинительный матеріалъ противъ гетманскаго правленія, когда правительство рѣшило съ нимъ покончить.

Генеральная старшина, предчувствуя опасность, петиціи не подписала, поддержали ее только полковники, вслѣдствіе чего петиція и не была подана. Можно было бы считать инцидентъ исчерпаннымъ, но Ека-

терина рѣшила использовать его какъ благопріятный предлогъ покончить съ Разумовскимъ. Изготовленный Тепловымъ меморіалъ «О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи» приготовилъ богатый, хотя и не всегда вѣрный и вообще очень односторонній матеріалъ о грѣхахъ старшинскаго управленія. Императрица предложила Разумовскому отказаться отъ гетманства.

Разумовскій однако не имѣлъ къ этому желанія и медлилъ прошеніемъ. Тогда ему пригрозили обвиненіемъ въ противогосударственныхъ замыслахъ, что повлекло бы за собою смѣщеніе и опалу. Ввиду этого онъ уступилъ, подавъ прошеніе объ увольненіи отъ «столь тяжелой и опасной должности», и взамѣнъ просилъ милости къ своей «многолюдной фамиліи». Просьба была немедленно исполнена. 10 ноября 1764 г. опубликованъ манифестъ «малороссійскому народу», извѣщавшій объ увольненіи Разумовскаго отъ гетманскихъ обязанностей и учреждавшій правленіе малороссійской коллегіи въ видѣ временной мѣры, «пока время и опытъ дастъ намъ о его (малороссійскаго народа) благѣ лучшій учинить промыселъ». Разумовскому въ награду за покорность была пожалована пожизненная пенсія въ 60 тыс. рублей и огромныя имѣнія на Украинѣ: Гадячскій ключъ, со временъ Хмельницкаго предназначенный на содержаніе гетмана, и Быковская волость, пожалованная на гетманское содержаніе при Скоропадскомъ.

Типы украинской старшины XVIII в. (съ современныхъ рисунковъ): одинъ изъ «значныхъ товарищей».

По словамъ автора «Исторіи Руссовъ», эти пожалованія внушили надежду и прочей старшинѣ, что съ отмѣною гетманскаго правленія «ранговыя» имѣнія, приписанныя къ отдѣльнымъ должностямъ, будутъ пожалованы лицамъ, занимавшимъ эти должности въ данный моментъ, поэтому старшина не напоминала о замѣщеніи гетманскато уряда. Но это было и безполезно!

Малороссійская коллегія, которой передано было управленіе, составлена была изъ четырехъ членовъ-Украинцевъ и четырехъ Великороссіянъ съ предсѣдателемъ и прокуроромъ изъ Великороссіянъ же, причемъ велѣно было великороссійскимъ и малороссійскимъ членамъ сидѣть на засѣданіяхъ вперемежку, по старшинству, а не такъ, какъ было прежде, согласно инструкціи имп. Анны, что Великороссіяне сидѣли по правую, а Малороссіяне по лѣвую сторону стола, «что утверждало въ Малороссіянахъ развратное мнѣніе, по коему поставляютъ себя народомъ отъ здѣшняго совсѣмъ отличнымъ».

Малороссійская коллегія учреждалась, впрочемъ, больше для формы: въ настоящіе правители Украины собственно предназначался ея председатель—гр. Петръ Румянцевъ, талантливый генералъ, обнаружившій недюжинныя административныя способности въ осуществленіи программы Екатерины по отношенію Украины.

Въ инструкціи, данной ему императрицею, обращалось вниманіе на то, что имперія доселѣ не получала доходовъ съ этой провинціи: въ виду этого ему поручалась произвести ревизію и перепись Украины. Указывались недостатки управленія и общественныхъ отношеній—особенно свобода перехода крестьянъ отъ помѣщика къ помѣщику, сохранившаяся въ Гетманщинѣ, раздражала императрицу, и Румянцеву поручалось ее прекратить. Бдительному надзору новаго правителя поручалось духовенство, въ которомъ просвѣщенный абсолютизмъ Екатерины вообще подозрѣвалъ опаснаго врага. Но особенное вниманіе обращалось на „внутреннюю ненависть" Украины, особенно старшины противъ великороссійскаго народа.

Чтобы отнять у старшины почву для противодѣйствія, императрица рекомендовала Румянцеву тщательно слѣдить за настроеніемъ ея и снискивать расположеніе народныхъ массъ, такъ чтобы онѣ чувствовали себя центалистическими мѣрами правительства „избавленными отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тирановъ", т. е. старшины и помѣщиковъ: мы знаемъ уже эту традиціонную политику россійскаго правительства по отношенію къ украинской старшинѣ.

Народнымъ массамъ реформа и на этотъ разъ не принесла въ дѣйствительности никакого облегченія. Румянцевъ, получивъ большія имѣнія на Украинѣ, самъ вошелъ въ кругъ общественныхъ и экономическихъ интересовъ старшины и сталъ смотрѣть на общественныя отношенія ея глазами. Произведенная имъ „генеральная опись Малороссіи" (весьма важный историческій памятникъ) до нѣкоторой степени остановила дальнѣйшее расхищеніе ранговыхъ земель и закрѣпощеніе козаковъ, но съ другой стороны утвердила за старшиною ея пріобрѣтенія—въ земляхъ и людяхъ. Нѣкоторыя мѣры правительства, какъ прекращеніе свободныхъ переходовъ, признаніе дворянскихъ правъ за старшиною—прямо укрѣпляли крѣпостное право на Украинѣ, и вообще непосредственное вліяніе великороссійскаго законодательства и практики, воспитанной на крѣпостномъ правѣ, отнюдь не улучшило, а, наоборотъ, ухудшило положеніе народныхъ массъ на Украинѣ.

Больше усердія показывалъ Румянцевъ въ преслѣдованіи украинскаго „сепаратизма". Много хлопотъ доставилъ ему 1767 годъ, когда украинскія сословія были призваны, вмѣстѣ съ прочими провинціями имперіи, выбрать своихъ депутатовъ въ такъ называемую комиссію уложенія и снабдить ихъ инструкціей, „наказомъ", въ которомъ избиратели должны были изложить свои нужды и желанія. Въ украинскомъ обществѣ при этомъ съ неожиданной силой и единодушіемъ проявились стремленія къ возстановленію украинской автономіи. Не только въ инструкціяхъ старшины, но даже мѣщанъ и козаковъ, почти безъ исключенія, весьма опредѣленно высказывались желанія, чтобы Украина была возстановлена въ своихъ старыхъ правахъ—по статьямъ Богдана Хмельницкаго, чтобы былъ возстановленъ выборъ гетмановъ и т. п. На пунктѣ возстановленія украинской автономіи сошлись желанія всѣхъ сословій. Даже маленькія захолустныя мѣстечки во главу тѣхъ мѣръ, которыя могли бы привести ихъ къ процвѣтанію, ставили возстановленіе условій, на которыхъ „гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ приступилъ подъ державу всероссійскую". Не отставало отъ другихъ сословій и украинское духовенство, также домогавшееся возстановленія старыхъ порядковъ.

Раздраженный Румянцевъ пускалъ въ ходъ „начальническій тонъ", какъ онъ выражался, старался непосредственно и черезъ разосланныхъ офицеровъ вліять на выборъ депутатовъ и составленіе наказовъ, подвергалъ цензурѣ, кассировалъ и конфисковалъ инструкціи, въ которыхъ автономныя стремленія проявлялись особенно сильно, привлекалъ наиболѣе горячихъ сторонниковъ автономіи къ отвѣтственности. Все было напрасно, общій тонъ наказовъ остался вполнѣ опредѣленнымъ. Въ наказахъ 1767 г. Украина выразила единодушный протестъ противъ ценралистической политики правительства, а дѣйствія тѣхъ немногихъ лицъ изъ старшины, которыя старались вліять въ духѣ Румянцева, встрѣчены были въ обществѣ съ всеобщимъ осужденіемъ и негодованіемъ.

Наиболѣе рѣзкій эпизодъ въ этомъ конфликтѣ новой администраціи съ общественнымъ мнѣніемъ Украины извѣстенъ намъ въ Нѣжинскомъ полку. Нѣжинское „шляхетство" избрало депутатомъ нѣкоего Селецкаго, но этотъ депутатъ, одинъ изъ немногихъ „резонабельныхъ" представителей политики Румянцева, не согласился принять инструкціи, написанной въ автономномъ духѣ, и ходатайствовавшей о возстановленіи гетманства и стараго строя. Тогда шляхетство выбрало другого депутата. Румянцевъ былъ этимъ чрезвычайно разгнѣванъ, нарядилъ военный судъ надъ лицами, принимавшими участіе въ составленіи наказа и отрѣшеніи Селецкаго, и этотъ судъ приговорилъ 33 лица ни болѣе ни менѣе какъ— къ смертной казни! Этотъ драконовскій приговоръ впрочемъ былъ смягченъ, но смертная казнь все-таки была замѣнена 8-ми мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Типы украинской старшины XVIII-в.— Польковникъ.

Екатерина вообще отнеслась къ этому проявленію украинскихъ стремленій гораздо спокойнѣе Румянцева. Въ отвѣтъ на его жалобы на украинское „коварство и своевольство", „фальшивыя и имъ несвойственныя республиканскія мысли", она не придавала особаго значенія этимъ „умоначертаніямъ прежнихъ временъ". Она надѣялась, что „желанія къ чинамъ, а особливо къ жалованію" побѣдятъ эти стремленія къ автономности, къ особности — и не ошиблась. Пожеланія 1767 года остались безъ послѣдствій; встрѣтившись съ непреклоннымъ рѣшеніемъ правительства — покончить съ украинскими старыми порядками, украинская старшина въ большинствѣ удовольствовалась предоставленными ей сословными правами и выгодами и примирилась съ утратою автономіи.

Шагъ за шагомъ правительство разрушало старый строй украинскихъ земель. Въ 1764 г., одновременно съ уничтоженіемъ гетманства.

организованы были губерніи—Слободская, изъ полковъ Слободской Украины, и Новороссійская, основаніе которой составили городки и поселенія укрѣпленныхъ пограничныхъ линій, но въ которую включены были также и значительныя пространства запорожскихъ земель. Січ протестовала противъ этого захвата, сопротивлялась всячески, но все это ничего не помогло и только обострило еще болѣе отношенія къ ней центральнаго правительства и создало еще одинъ лишній поводъ думать о скорѣйшемъ уничтоженіи этого послѣдняго гнѣзда ощипанной и опутанной козацкой вольности.

Новая Січ, выпросившая усердными мольбами у россійскаго правительства право вернуться на старое пепелище, была только слабою тѣнью Січи Сірка и Гордіенка. Примѣняясь къ новымъ условіямъ, січевая старшина покорно исполняла требованія россійскаго правительства, усердно служила на войнѣ, несла сторожевую службу и по мѣрѣ силъ старалась удерживать запорожскую вольницу отъ неугодныхъ правительству нападеній на сосѣднія земли. Но обуздать ее было все-таки невозможно, и ея набѣги на турецкія и татарскія владѣнія и участіе въ гайдамацкихъ ватагахъ сосѣдней Польской Украины подавали поводъ къ неудовольствіямъ петербургскаго правительства. Затѣмъ больнымъ мѣстомъ были пререканія изъ-за захватовъ запорожскихъ земель.

Уже при устройствѣ т. н. украинской линіи рядъ пограничныхъ укрѣпленій, сооружавшихся въ 1720—30-хъ гг., захватилъ сѣверныя части „запорожскихъ вольностей", къ величайшему неудовольствію Запорожья. Затѣмъ, начиная съ 1730-хъ гг., правительство начало заселять эту линію поселеніемъ разныхъ колонистовъ, между прочимъ сербскихъ выходцевъ, въ большомъ количествѣ. Первыя партіи ихъ были поселены въ 1732 г., а затѣмъ въ 1750-хъ г. снова прибыло сюда и было разселено большое количество эмигрантовъ-Сербовъ, организованныхъ въ военныя поселенія съ подраздѣленіемъ на полки и роты. Эта „Новая Сербія" захватила весь сѣверный край запорожскихъ земель и вызвала новыя пререканія со стороны запорожцевъ, съ большимъ недружелюбіемъ принявшихъ новыхъ сосѣдей. Затѣмъ правительство начало организовывать тутъ пикинерскіе и козачьи полки изъ разнаго пришлаго люда, привлекаемаго обѣщаніями всяческихъ льготъ, и наконецъ изъ этихъ поселеній было образована Новороссійская губернія, въ составъ которой были зачислены сосѣднія территоріи Гетманщины и новыя порціи запорожскихъ земель.

Запорожцы пробовали силою отстоять свои земли, не пускали межевщиковъ, разгоняли слободы, переманивали къ себѣ поселенцевъ и тѣмъ возбуждали все большія неудовольствія въ правительственныхъ сферахъ Правительство Екатерины, подъ вліяніемъ Потемкина носившееся съ широкими планами, для которыхъ опорной базой должно было послужить черноморское побережье, все болѣе приходило къ мысли о необходимости покончить съ Запорожьемъ.

Напрасно его послѣдній кошевой Петръ Калнышевскій, талантливый администраторъ, старался удерживать січовиковъ отъ всякихъ конфликтовъ съ правительственною политикою, колонизировалъ запорожскія земли и содѣйствовалъ переходу Запорожья отъ исключительно военнаго и уходническаго быта къ сельскохозяйственнымъ занятіямъ, заводилъ земледѣльческіе поселки. Правительство поставило Запорожью въ вину и эти культурные успѣхи—его конкурренцію съ собственными колонизаторскими начинаніями, видя въ ней препятствія для своихъ плановъ [1]), и въ концѣ концовъ рѣшило задавить Січ вооруженною рукою. Въ 1775 г. разосланы

---

[1]) Перечень неудобствъ, происходящихъ отъ Запорожцевъ см. въ безыменной запискѣ, Кіев. Старина 1889, XII.

были военные отряды, которые должны были разоружить, заставъ врасплохъ, Запорожцевъ, находившихся на промыслахъ, а ген. Текели, съ большими силами [2]), занявъ запорожскія „паланки", окружилъ Січ 5 іюня 1775 г. и объявилъ Запорожцамъ, что запорожское козачество упраздняется. Послѣ нѣкотораго колебанія среди Запорожцевъ, верхъ одержали сторонники покорности, съ кошевымъ Калнышевскимъ во главѣ: Січ покорилась и была разрушена.

Императорскимъ манифестомъ отъ 3 августа 1775 г. было объявлено объ упраздненіи Січи „съ уничтоженіемъ самого имени запорожскихъ козаковъ". Мѣра эта мотивировалась однако самимъ противорѣчивымъ образомъ: съ одной стороны тѣмъ, что Запорожцы, уклоняясь отъ семейнаго и хозяйственнаго быта, задерживаютъ въ дикомъ состояніи занятый ими край, препятствуя распространенію сельскохозяйственной культуры и торговли; съ другой стороны имъ ставилось въ вину, что они въ послѣднее время измѣнили своимъ традиціямъ, начали переходить къ сельскому хозяйству, поселили уже до 50 тыс. земледѣльческаго населенія и такимъ образомъ обезпечивая себѣ пропитаніе, ослабляютъ свою зависимость отъ Россіи. Съ уничтоженіемъ Січи, Запорожцамъ предоставлено было зачисляться въ козацкіе полки или въ крестьянское званіе. Калнышевскаго же и нѣкоторыхъ другихъ старшинъ правительство распорядилось отправить въ ссылку, — вѣроятно опасаясь съ ихъ стороны какого-либо противодѣйствія своимъ планамъ въ будущемъ. Калнышевскій — человѣкъ, достойный всякаго уваженія и ничѣмъ передъ правительствомъ не провинившійся, содержался тѣмъ не менѣе въ ужасающей обстановкѣ одиночнаго заключенія въ Соловецкомъ монастырѣ до самой самой смерти (1801 г.).

Украинская знатная дама XVIII в.

Въ 1776 г. Запорожье считалось уже вполнѣ ликвидированнымъ и въ этомъ смыслѣ Потемкинъ доносилъ императрицѣ. Запорожцы, по его словамъ, частью разселились по городамъ и селамъ, частью вступили въ пикинеры; изъ конфискованнаго имущества запорожской старшины образованъ капиталъ для содѣйствія колонизаціи и т. п. Однако на дѣлѣ ликвидація далеко не была осуществлена. Потемкинъ писалъ свой рапортъ, не подозрѣвая, что огромное большинство Запорожцевъ въ дѣйствительности уходило за россійскую границу, не мирясь съ уничтоженіемъ Січи.

---

[2]) Подъ его начальствомъ противъ Запорожья было послано: 10 пѣхотныхъ полковъ, 8 кавалерійскихъ, 13 донскихъ и 37 гусарскихъ и пикинерскихъ эскадроновъ. Кромѣ того въ случаѣ надобности ген. Прозоровскому поручено было произвести диверсію со стороны Слободской Украины.

Подъ предлогомъ рыбной ловли и другихъ промысловъ они добывали паспорты и подъ ихъ прикрытіемъ проходили черезъ заставы и команды, которыми были обставлены старыя запорожскія владѣнія, и собирались у Днѣпровскаго лимана на турецкой территоріи. Лѣтомъ 1776 г. собралось здѣсь уже до 7.000 этихъ запорожцевъ-бѣглецовъ и они расчитывали основаться тамъ, подъ верховенствомъ Порты. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до россійскаго правительства, оно вызвало здѣсь большую тревогу. Чрезъ разныхъ посредниковъ и агентовъ начали склонять бѣглецовъ къ возвращенію въ Россію, а Потемкинъ выступилъ съ планомъ возобновленія запорожскаго войска подъ властью Россіи на какой-либо другой территоріи, чтобы привлечь туда бѣглецовъ. Въ 1783 г. уцѣлѣвшимъ запорожскимъ старшинамъ поручено было собирать охотниковъ для этого новаго „черноморскаго войска". Съ другой стороны дѣлались усиленныя представленія султану о выдачѣ Запорожцевъ или по крайней мѣрѣ воспрещеніи имъ основываться вблизи границъ Россіи. Ввиду этихъ настояній Порта распорядилась перевести Запорожцевъ за Дунай. Это не понравилось Запорожцамъ, и значительная часть ихъ обратилась къ австрійскому правительству съ просьбою принять ихъ для поселенія въ предѣлахъ Австріи. Эта просьба была принята, Запорожцамъ были предоставлены для поселенія и устройства ихъ коша земли въ Банатѣ, на низовьяхъ Тисы, и въ 1785 году 8.000 Запорожцевъ поселилось здѣсь. Но пробыли они и здѣсь недолго, и скоро ушли; обстоятельства ухода остаются ближе неизвѣстными, очевидно одни Запорожцы ушли въ Россію, другіе въ Турцію, гдѣ устроились въ низовьяхъ Дуная.

Черноморскому войску, сформированному въ Россіи, по окончаніи турецкой войны, въ которой оно принимало весьма дѣятельное участіе, были отведены для населенія земли на низовьяхъ Кубани, гдѣ оно и основалось, въ числѣ 17 тысячъ, получивъ разрѣшеніе возстановить прежнее січевое устройство и безданно и безпошлинно заниматься хозяйствомъ и промыслами. Запорожцевъ дунайскихъ русская администрація продолжала переманивать въ Россію, и въ 1828 г., когда открылась новая война съ Турціей, тогдашній кошевой дунайской Січи Осипъ Гладкій, задумалъ возвратиться съ войскомъ въ Россію. Чтобы расположить къ этому Запорожцевъ, онъ распустилъ слухъ, якобы турецкое правительство намѣрено переселить Запорожцевъ въ Египетъ, и воспользовавшись походомъ противъ русскихъ войскъ, присоединился со своимъ отрядомъ къ русской арміи. Это навлекло большую бѣду на оставшихся въ Турціи дунайцевъ: Турки уничтожили запорожское войско, разрушили кошъ и разселили ихъ остатки. А Гладкій со своимъ отрядомъ положилъ начало отдѣльному небольшому войску, такъ наз. азовскому; просуществовало оно до 1860-хъ годовъ, когда было присоединено къ черноморскому и переселено на Кубань. Такъ закончилась запорожская одиссея.

Несмотря на всѣ эти усложненія и хлопоты, къ которымъ привело уничтоженіе Запорожья, россійское правительство не отступало отъ своихъ плановъ ликвидаціи старыхъ формъ украинской жизни.

Къ 1780-мъ годамъ оно считало Гетманщину уже достаточно приготовленною къ окончательному преобразованію по великорусскому образцу и приступило къ послѣднимъ реформамъ. При образованіи губерній Новороссійской и затѣмъ Азовской въ составъ ихъ была включена южная часть Гетманщины (Полтавскій и часть Миргородскаго полка). Въ концѣ 1780 г. объявлено введеніе губернскихъ учрежденій въ остальной Гетманщинѣ. Самая реформа произведена была въ 1781 г.; малороссійская коллегія, генеральный судъ и полковое правленіе было отмѣнено; Гетманщина раздѣлена на три намѣстничества—Кіевское, Черниговское и Новгородсѣверское; въ нихъ введены губернскія учрежденія. Въ 1783 г.

украинскіе козацкіе полки преобразованы въ карабинерскіе, имперскаго типа; полковники были уволены въ отставку съ производствомъ въ чинъ бригадира, остальной старшинѣ предоставлено на выборъ—служить-ли въ офицерскомъ званіи и, въ новыхъ чинахъ или уволиться въ отставку.

Козаки составили особое военнослужебное сословіе, изъ котораго должны были комплектоваться помянутые полки; прочее, крестьянское населеніе было приравнено къ положенію крѣпостного сословія Россіи. Уже указъ 1763 г., рѣшительно ограничивавшій свободу перехода, сдѣлалъ крупный шагъ въ этомъ направленіи, а указъ 1783 г., вводившій новое податное обложеніе, закрѣпилъ крестьянство Гетманщины окончательно и подвелъ подъ общеимперскія нормы. Наконецъ въ 1785 г., съ дарованіемъ жалованной грамоты дворянству, были введены въ Гетманщинѣ дворянскія учрежденія, а козацкіе чины переименованы въ ранги имперіи.

Дѣвица изъ знатной семьи XVIII в.

Ликвидація стараго строя Гетманщины вызывала, несомнѣнно, сильное недовольство. Въ болѣе смѣлыхъ головахъ бродили мысли о борьбѣ съ правительствомъ, оживали старые планы искать поддержки противъ Россіи у другихъ державъ. Такъ, напр., въ 1791 г., въ Берлинъ явился одинъ изъ выдающихся представителей тогдашней украинской интеллигенціи Василій Капнистъ (извѣстный писатель) и, получивъ ауденцію у министра Герцберга, заявилъ ему, что присланъ своими земляками, доведенными до отчаянія „тиранніей русскаго правительства и кн. Потемкина". Отъ имени земляковъ онъ спрашивалъ, могутъ-ли они разсчитывать на протекцію Пруссіи на случай возстанія, если попытаются сбросить съ себя „русское иго?". По его словамъ козацкое войско, лишенное своихъ старыхъ вольностей и привилегій и преобразованное въ регулярные общеимперскіе полки, очень недовольно своимъ положеніемъ и страстно желаетъ возстановленія стараго строя, ancienne constitution des Cosaques. Герцбергъ далъ на это уклончивый отвѣтъ и вообще не показалъ желанія вести дальнѣйшія сношенія съ украинскимъ эмиссаромъ. Капнистъ въ виду этого уѣхалъ, заявивъ, что дальнѣйшія сношенія, если бы въ нихъ представилась надобность, могутъ вестись черезъ его брата, путешествовавшаго тогда по Европѣ [1]). Немного позже встрѣчаемъ слѣды подобныхъ информацій въ распоряженіяхъ французскаго правительства, поручавшаго своимъ дипломатамъ использовать эту украинскую ирреденту противъ русскаго правительства.

---

[1]) Документы въ Źródła do dziejów drugiego i trzeciego rozbioru Polski т. I (1902), с. 375—6.

Ни къ какому серьезному противодѣйствію этотъ прредентизмъ, однако, не привелъ. „Желаніе къ чинамъ и особливо къ жалованію“, къ карьерѣ и пожалованіямъ, къ расширенію и укрѣпленію сословныхъ преимуществъ—всѣ эти перспективы, которыя открывало передъ украинскою старшиною центральное правительство, преодолѣвали „умоначертанія прежнихъ временъ“, какъ выражалась имп. Екатерина. Большинство украинскаго общества среди этихъ нивелляційныхъ реформъ было озабочено главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы протиснуться въ верхнія, привилегированныя сферы той имперской организаціи, въ которую эти реформы ввели Гетманщину.

Правленіе преемника Екатерины, имп. Павла, въ связи съ общею реакціею направленію предшествующаго царствованія, имѣло въ виду возстановить старую организацію въ аннектированныхъ провинціяхъ Россіи. По отношенію къ Украинѣ правительство возвратилось также къ козацкому управленію (это объясняли также вліяніемъ одна изъ довѣреннѣйшихъ министровъ императора—Безбородька, сына извѣстнаго намъ генеральнаго писаря временъ Разумовскаго). Были возстановлены суды эпохи Разумовскаго и нѣкоторыя другія учрежденія. Но эта реакція была очень непродолжительна: со смертью имп. Павла (1801) начался поворотъ къ екатерининскимъ порядкамъ.

Соборъ въ Козельцѣ, построенный К. Разумовскимъ.

Надежды на возстановленіе стараго строя, однако, долго не угасали. Правительство само еще не разъ вызывало предположенія о возобновленія козачества, прибѣгая въ трудныя минуты къ набору козацкихъ полковъ, причемъ для привлеченія населенія мѣстная администрація подавала ему надежды на возстановленіе стараго козацкаго устройства, уничтоженіе податей, рекрутскаго набора и т. п., но затѣмъ все оставалось по старому. Это имѣло мѣсто во время войны 1812 года и затѣмъ во время польскаго возстанія 1830 г. Но этотъ послѣдній эпизодъ окончился для козаковъ очень печально: правительство, недовольное, вѣроятно, козацкими мечтами, распорядилось перечислить этихъ козаковъ

добровольцевъ въ регулярную службу на 18 лѣтъ! Нѣсколько полковъ было отправлено на Кавказъ и тамъ эти козаки должны были остаться на жительство.

По ироніи судьбы, наиболѣе прочнымъ наслѣдіемъ стараго строя оказалось статутовое право, усвоенное Гетманщиной: гражданское право Литовскаго Статута осталось въ силѣ и послѣ реформы и въ нѣкоторомъ объемѣ сохранилось и до настоящаго времени въ качествѣ мѣстнаго права старой Гетманщины: Черниговской и Полтавской губерніи.

О Румянцевѣ, какъ правителѣ Украины—Лазаревскаго въ К. Старинѣ 1896, XII; о наказахъ 1767 г. статья Теличенка—Сословныя нужды и желанія Малороссіянъ въ эпоху Екатерининской комиссіи, тамъ же 1890—91; о послѣднихъ дняхъ Запорожья, кромѣ старой работы Скальковскаго: Исторія Новой Сѣчи и статьи Надхина (Чтенія московскія, 1876, III), много матеріала въ Кіев. Старинѣ; о Калнышевскомъ—Ефименка („Рус. Старина", 1875, XII). Много статей о позднѣйшихъ запорожскихъ скитаніяхъ: Иванова въ одесскихъ Запискахъ т. XXV, Кондратовича въ Кіев. Старинѣ 1883, П. Короленка также 1891 и др.

Печать Черноморскаго войска (1792 г.).

Церковь въ с. Россошкахъ, постр. Ив. Гонтою.

XXV. Правобережная Украина.

Еще несравненно скорѣе, чѣмъ въ лѣвобережной Украинѣ, исчезли формы общественныхъ и экономическихъ отношеній, созданныя великимъ народнымъ движеніемъ, на правомъ берегу Днѣпра.

Уже во время „руины“ 1660—70-хъ гг., какъ называется это время въ народной традиціи, козачество и вообще населеніе въ правобережной Украинѣ очень уменьшилось численно и ослабѣло. Съ капитуляціей Дорошенка и переходомъ остатковъ козаковъ и прочаго населенія изъ Приднѣпровья на лѣвый берегъ, законченнымъ Самойловичевскимъ „згономъ“ 1679 г., козачество вовсе прекратило свое существованіе въ правобережной Украинѣ, за исключеніемъ Кіева съ его округомъ, принадлежавшимъ къ лѣвобережной Гетманщинѣ. Но это пока былъ только недолгій перерывъ.

Старанія Москвы—оставить правобережное Приднѣпровье въ состояніи незаселенной пустыни, не увѣнчались успѣхомъ. Турція не согласилась на это требованіе при ратификаціи тракта 1681 г., а хотя при заключеніи „вѣчнаго мира“ 1686 г. съ Польшею московское правительство выговорило, что впредь до рѣшенія вопроса о приднѣпровской полосѣ она должна остаться незаселенною [1]), но польское правительство вовсе не придавало серьезнаго значенія этому условію.

Турки вслѣдъ за трактатомъ 1681 г. сдѣлали было попытку возобновить гетманство и снова колонизировать Приднѣпровье, но эта попытка имѣла очень эфемерное значеніе. Зазывы на слободы, правда привлекали значительное количество переселенцевъ изъ лѣвобережной Украины: правобережные эмигранты, не найдя въ лѣвобережной Украинѣ свободныхъ земель и встрѣчаясь съ притязаніямя зарождавша-

[1]) Въ трактатѣ было постановлено оставить правый берегъ Днѣпра незаселеннымъ впредь до новаго рѣшенія о немъ, и такъ какъ такого рѣшенія не состоялось, то этотъ край по буквѣ трактата должень былъ остаться незаселеннымъ.

гося помѣщичьяго класса и крѣпостническими отношеніями, въ большомъ числѣ уходили назадъ на правый берегъ; возвращались и старые поселенцы. Эту перспективу предвидѣлъ Самойловичъ, и потому при заключеніи трактата съ Турціей такъ горячо возражалъ противъ требованія Турціи, чтобы лѣвобережному населенію не ставились препятствія перехода за Днѣпръ; но Турція тогда настояла на своемъ. Однако удержать подъ своею властью эту колонизацію турецкое правительство не сумѣло. Польское правительство, перешедшее уже передъ тѣмъ въ наступательную борьбу противъ турецкой оккупаціи, разрушило турецкія попытки козацкой организаціи и тогда же, въ 1680-хъ гг., онѣ прекратились. Больше значенія имѣли попытки возобновленія козачества со стороны Польши.

Такія попытки польское правительство начало дѣлать съ самаго возобновленія войны съ Турціей, послѣ бучацкаго трактата, цѣня въ козакахъ незамѣнимый военный элементъ, особенно въ борьбѣ съ Турками и Татарами. Въ извѣстномъ походѣ Собѣскаго для освобожденія Вѣны 1683 г. навербованные козацкіе отряды сыграли очень выдающуюся роль. Затѣмъ отъ вербованья такихъ козацкихъ полковъ Собѣскій перешелъ къ возобновленію поселеній. Благодаря его стараніямъ сеймъ 1685 г. издалъ конституцію, возстановлявшую козачество и обѣщавшую ему возвращеніе давнихъ вольностей. Собѣскій предназначилъ для этого новаго возобновленнаго козачества земли на югъ отъ р. Роси; онъ разослалъ универсалы, обѣщавшія всякія льготы поселенцамъ, и выславъ агентовъ въ Запорожье, призывалъ поселенцевъ.

Этотъ призывъ Собѣскаго нашелъ живой откликъ. Нашлись люди съ организаціонными талантами, съ большимъ успѣхомъ занявшіеся заселеніемъ запустѣвшаго Приднѣпровья и Побожья, привлекая въ большомъ числѣ поселенцевъ и изъ украинскихъ земель, находившихся подъ властью Польши, и изъ-за Днѣпра. Таковы были полковники (какъ они себя титуловали)—Зах. Искра въ Корсунѣ, Самусь Ивановичъ въ Богуславѣ, Абазинъ на Побожьѣ, и особенно Семенъ Палій, наиболѣе популярный изъ нихъ, расположившійся на сѣверъ отъ Роси въ мѣстечкѣ Фастовѣ. Опустѣлыя пространства заселялись быстро. Изъ лѣвобережной Украины, особенно изъ сосѣднихъ полковъ: Гадяцкаго, Миргородскаго, Лубенскаго посполитые шли массами, несмотря на разставленныя надъ Днѣпромъ заставы. „У всѣхъ одна мысль—идти за Днѣпръ“,—доносили въ Москву. Это была стихійная реакція противъ панскихъ порядковъ Гетманщины, противъ экономической политики старшины, и она очень встревожила послѣднюю. Палій рисовался въ представленіи народныхъ массъ идеальнымъ козакомъ, сверхъестественнымъ героемъ, носителемъ народныхъ идеаловъ справедливаго устройства общества, и противоставлялся съ этой точки зрѣнія „Поляку“ Мазепѣ. Для послѣдующихъ поколѣній онъ остался излюбленнымъ героемъ народныхъ пѣсенъ и разсказовъ; вѣроломный захватъ его Мазепою одѣлся легендарными и сказочными подробностями и доселѣ въ этомъ видѣ живетъ въ народной традиціи.

Быстрый ростъ колонизаціи въ правобережномъ Приднѣпровьи доставилъ значительныя силы полковникамъ этого возрожденнаго правобережнаго козачества. Они оказывали цѣнныя услуги польскому правительству въ борьбѣ съ Татарами, и оно склонно было относиться къ нимъ снисходительно. Жалобы шляхты сосѣднихъ областей, много терпѣвшей отъ нападеній возрожденнаго козачества, „козаченья“ ихъ подданныхъ и побѣговъ крестьянъ, долго оставались безъ откликовъ. Но въ концѣ концовъ конфликтъ былъ неизбѣженъ. Вся эта возрожденная козаччина и ея колонизація проникнуты были величайшимъ нерасположеніемъ къ Польшѣ и шляхтѣ, и это нерасположеніе раздѣляли и вожди

ея. Уже въ 1688 г. Палій обращается къ гетману Мазепѣ съ просьбою взять на себя посредничество въ переговорахъ съ московскимъ правительствомъ, чтобы оно приняло подъ свою протекцію его Фастовщину. Но московское правительство тогда было уже въ союзѣ съ Польшей и не хотѣло портить отношеній: оно предложило Палію перейти со своими козаками на Запорожье и оттуда на лѣвый берегъ, если они хотятъ быть подъ московскою протекціею. Такого проекта Палій принять, конечно, не могъ: ему хотѣлось сохранить территорію.

Сношенія Палія между тѣмъ стали извѣстны Полякамъ: онъ былъ арестованъ, однако успѣлъ бѣжать. Послѣ этого онъ переходитъ уже къ болѣе открытымъ дѣйствіямъ противъ Польши, хотя до поры до времени старается избѣгать рѣзкихъ конфликтовъ. Онъ повторяетъ старую козацкую тактику—старается расширить возможно больше территорію козацкихъ поселеній за счетъ сосѣдней помѣщичьей колонизаціи: крестьяне „козачатся", прогоняютъ помѣщиковъ и начинаютъ поговаривать о томъ, что „Ляховъ нужно прогнать за Вислу, чтобъ и ноги ихъ не осталось". Польское правительство пыталось остановить Палія, посылало противъ него военные отряды—особенно съ тѣхъ поръ, какъ перестало нуждаться въ козакахъ для борьбы съ Татарами, послѣ прекращенія войны съ Турками. Послѣдняя окончательно закончилась карловицкимъ трактатомъ 1699 г., возвратившимъ Подолье обратно Польшѣ, и сеймъ рѣшилъ съ 1700 года упразднить козацкое войско. Это былъ открытый вызовъ—и козаки не замедлили перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Обстоятельства имъ благопріятствовали — польское войско было занято войною со Шведами. Палію удалось овладѣть важной крѣпостью—Бѣлой Церковью, въ то время составлявшей опору польской власти на Украинѣ: онъ перенесъ сюда свою резиденцію. Самусь взялъ другую важную позицію—Немировъ. Возстаніе распространилось на Подолье. Но здѣсь на югѣ козацкая колонизація была довольно слаба, и когда въ 1703 г. двинулось на Подолье польское войско подъ начальствомъ польнаго гетмана Сенявскаго, ему безъ труда удалось разсѣять слабые отряды Абазина и Самуся. Абазинъ былъ казненъ, Немировъ взятъ. Подолье залито кровью возставшихъ. Но на Кіевщину, на Палія Сенявскій напасть не отважился, удовольствовавшись дешевыми лаврами подольской кампаніи.

Но на Палія пришла бѣда оттуда, откуда онъ менѣе всего могъ ея ожидать. Вмѣстѣ съ прочими полковниками онъ продолжалъ просить русское правительство о принятіи его подъ свою протекцію, и Мазепа поддерживалъ эту просьбу, желая присоединить подъ свой региментъ правобережныя земли. Но русское правительство каждый разъ отказывало, а съ тѣхъ поръ, какъ Польша стала союзницею Россіи противъ Шведовъ, оно даже совѣтовало Палію оставаться покорнымъ по отношенію къ Польшѣ. Наконецъ, уступая просьбамъ Поляковъ о помощи для усмиренія Палія, Петръ пообѣщалъ имъ, въ 1704 г., принудить его къ покорности. Тогда Мазепа, не желая упускать правобережную Украину изъ своихъ рукъ, а съ другой стороны—опасаясь Палія, какъ небезопаснаго демагога и соперника, далъ дѣлу совсѣмъ неожиданный оборотъ.

Мазепа находился тогда за Днѣпромъ, въ походѣ противъ шведскихъ партизановъ въ Польшѣ; пригласивъ къ себѣ въ лагерь Палія, онъ распорядился его арестовать, а полковникомъ въ Бѣлую Церковь, на мѣсто Палія, послалъ своего родственника Омельченка. Паліевы козаки, большая часть которыхъ, впрочемъ, въ моментъ этого неожиданнаго удара находилась въ войскѣ Мазепы, хотѣли было сопротивляться. Но бѣлоцерковскіе мѣщане, не ожидая отъ этого сопротивленія ничего хорошаго для себя, сдали городъ, и Омельченко сталъ правителемъ Фастов-

щины. Передъ Петромъ Мазепа обвинилъ Палія въ сношеніяхъ съ шведскою партіею въ Польшѣ. Это было совершенно неосновательное обвиненіе, но тѣмъ не менѣе Палій былъ сосланъ въ Сибирь (въ Тобольскъ) и возвращенъ оттуда только послѣ перехода Мазепы на сторону Швеціи. По своемъ возвращеніи разбитый ссылкой старикъ не игралъ уже никакой роли и управленіе правобережными козаками было поручено его зятю Танскому.

Хотя Мазепа поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно несогласно съ намѣреніями Петра (это былъ первый случай, гдѣ онъ позволилъ себѣ явно разойтись съ планами центральнаго правительства), но благодаря тогдашнимъ смутамъ въ Польшѣ, его поступокъ не вызвалъ неудовольствія у Петра. На требованіе польскаго правительства, чтобы правобережное Приднѣпровье было передано ему, Петръ отвѣтилъ, что это было бы несвоевременно въ виду существованія сильной шведской партіи среди польскихъ магнатовъ.

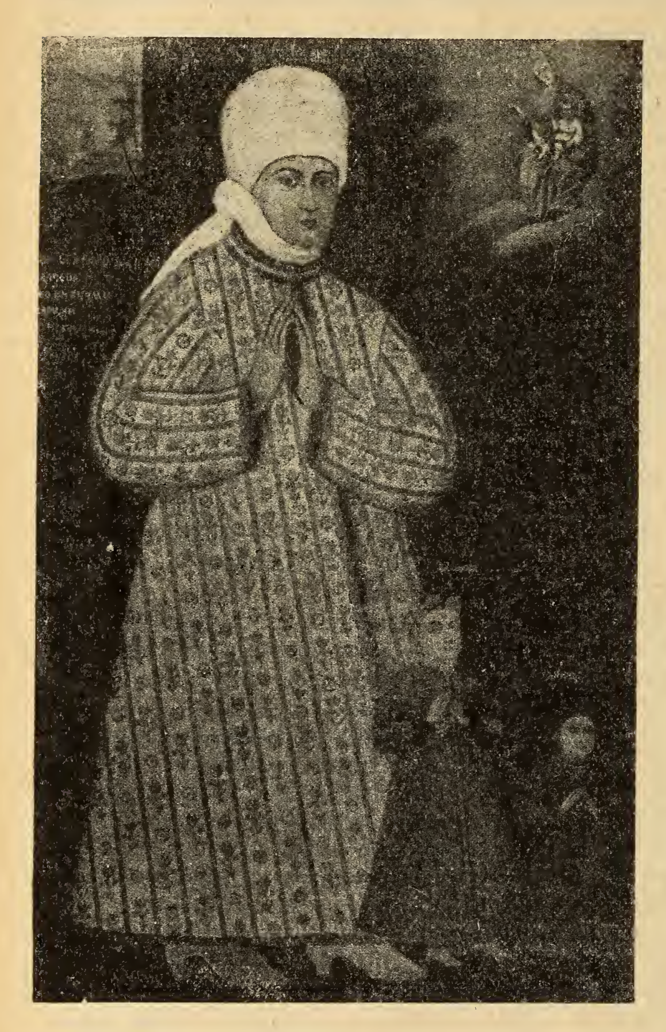
Правобережное козачество не только сохранило свою территорію, но даже расширило ее: не только кіевскіе и браславскіе полки перешли подъ регименть Мазепы, но и Поднѣстровье окозачилось и примкнуло къ нимъ. Мы видимъ теперь полки: Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Богуславскій, Чигиринскій, Браславскій и Могилевскій, хотя и съ численно слабымъ населеніемъ и очень небольшими козачьими контингентами. Съ принципіальной точки зрѣнія Мазепа очень дорожилъ этимъ пріобрѣтеніемъ, и когда Петръ, на конференціи съ польскими магнатами въ Жолквѣ, въ 1707 г., далъ обѣщаніе немедленно вернуть правобережныя земли Польшѣ и велѣлъ Мазепѣ передать Бѣлую Церковь польскимъ войскамъ, Мазепа подъ разными предлогами не исполнилъ этого распоряженія и удержалъ эти земли подъ своею властью до конца.

Послѣ паденія Мазепы и избранія Скоропадскаго правобережные полки, какъ я упоминалъ, также признали гетманомъ послѣдняго. Но Скоропадскій не обладалъ достаточною энергіею, чтобы отстоять эту правобережную Украину, какъ отстаивалъ ее Мазепа. Въ 1711 г., послѣ неудачнаго прутскаго похода, Петръ отказался отъ правобережной Украины; Турція предназначала ее для независимой Украины Орлика, но—какъ мы знаемъ—не поддержала его энергично и не воспрепятствовала завладѣть правобережной Украиной Польшѣ, непосредственно послѣ этого трактата заявившей на нее свои притязанія. Однако отказываясь отъ правобережныхъ полковъ въ пользу Польши, Петръ возвратился къ старому плану: опустошить ихъ и перегнать населеніе въ лѣвобережную Украину. Объ этомъ было объявлено населенію еще осенью 1711 г. и затѣмъ, въ продолженіе 1711—4 гг., воинскія команды выселяли и переводили за Днѣпръ населеніе правобережныхъ полковъ. По окончаніи выселенія, въ 1714 г. сдана была Полякамъ Бѣлая Церковь, и Поляки вступили окончательно во владѣніе правобережнымъ Поднѣпровьемъ.

Козачество здѣсь было уничтожено теперь окончательно. Населеніе долю ждало его возстановленія извнѣ: возлагались надежды на зятя Палія полк. Танскаго, послѣ передачи Полякамъ Бѣлой Церкви получившаго отъ русскаго правительства въ управленіе сосѣдній Кіевскій полкъ. При немъ доживала свой вѣкъ вдова Палія, энергичная подвижница въ дѣятельности своего мужа по колонизаціи и возстановленію козачества на Правобережьи. На Танскомъ поэтому почили традиціи козачества и въ тревожные моменты распространялись слухи о данномъ ему порученіи возстановить козацкіе полки на правомъ берегу. Но этимъ надеждамъ не было суждено сбыться.

Небольшіе козацкіе контингенты, возобновленные позже въ приднѣпровскихъ староствахъ и сохранившіеся въ нихъ до второй половины

XVIII в. [1]), не имѣли значенія. Тѣмъ менѣе могли идти въ счетъ т. н. „надворные козаки“: такъ назывались вооруженные отряды, содержавшіеся каждымъ магнатомъ и вообще каждымъ значительнымъ помѣщикомъ для надобности „двора“; такіе отряды „дворовыхъ козаковъ“, рекрутировавшіеся изъ мѣстнаго населенія, снаряженные по-козацки, появляются уже въ концѣ XVI в. и существуютъ до конца XVIII в. Во время народныхъ движеній этого столѣтія они нерѣдко примыкали къ послѣднимъ, представляя довольно небезопасный для своихъ польскихъ хозяевъ горючій матеріалъ, но самостоятельнаго значенія не имѣли. Планы возстановленія настоящаго козачества, козацкой организаціи всплывали во время народныхъ движеній XVIII—XIX в., но осуществить ихъ не пришлось.



Вдова Палія Федосія со своими внуками Танскими.

Со вторымъ десятилѣтіемъ XVIII в. потомки и наслѣдники шляхтичей - землевладѣльцевъ правобережной Украины могли, наконецъ, безпрепятственно вернуться въ свои имѣнія и заняться возстановленіемъ прежняго хозяйства. Кіевскія, браславскія, подольскія земли покрылись „слободами“, куда обѣщаніемъ долголѣтней свободы отъ повинностей и всякими льготами спеціальные агенты зазывали крестьянъ изъ населенныхъ мѣстностей, а такъ называемыя „выкотцы“ сманивали и вывозили этотъ рабочій инвентарь въ новооснованныя имѣнія. Массы народа двинулись снова — главнымъ образомъ изъ Полѣсья и Западной Украины, и очень скоро, уже во второй четверти XVIII в., правобережныя земли получили очень значительное населеніе.

Возобновилось помѣщичье хозяйство, а съ истеченіемъ льготныхъ сроковъ вошли въ полную силу и помѣщичьи порядки Польши. Впрочемъ, въ виду тѣхъ смутъ, о которыхъ я буду говорить ниже, и вообще непроч-

[1]) О нихъ статья В. Щербины въ Трудахъ XI археол. съѣзда т. II.

ности здѣшнихъ отношеній, помѣщичья власть и эксплоатація крестьянскаго труда все-таки были здѣсь значительно слабѣе, чѣмъ въ Западной Украинѣ. Не только на самомъ театрѣ движеній, но и въ мѣстностяхъ, сравнительно удаленныхъ отъ этихъ движеній, напр., въ Житомирскомъ повѣтѣ еще въ третьей четверти XVIII в. панщина часто ограничивается двумя днями въ недѣлю съ хозяйства, при небольшихъ сравнительно денежныхъ и натуральныхъ даняхъ, и только по переходѣ этихъ земель подъ власть Россіи достигли такого же, какъ и тамъ, напряженія и силы.

Причина лежала въ томъ, что возобновленіе шляхетскаго господства въ правобережной Украинѣ вызывало по свѣжимъ традиціямъ недавняго прошлаго довольно сильный хотя и неорганизованный народный протестъ, выразившійся въ движеніяхъ получившихъ общее названіе „гайдамачины". Этимъ именемъ называли съ начала XVIII в. разбойничьи ватаги, рекрутировавшіяся преимущественно изъ крестьянъ. Такія ватаги не переводились въ украинскихъ земляхъ, подъ разными именами дейнекъ, левенцовъ, опрышковъ, а въ правобережномъ Поднѣпровьѣ XVIII в. ихъ обыкновенно называютъ гайдамаками [1]). Подобно южнославянскимъ гайдукамъ и ускокамъ, они послѣ исчезновенія козачества служили выраженіемъ народной оппозиціи ненавистному общественному строю и потому находили широкое сочувствіе въ народныхъ массахъ. Съ 1730-хъ гг., когда Січ, перейдя изъ татарскихъ владѣній на старыя мѣста, придвинулась къ границамъ правобережной Украины, гайдамацкія ватаги находятъ въ ней сильную опору; отсюда онѣ выходятъ и сюда затѣмъ укрываются, и Запорожцы въ большомъ числѣ принимаютъ участіе въ гайдамацкихъ отрядахъ.

Вступая въ правобережныя земли, эти гайдамацкіе „загоны" находили широкое сочувствіе и пособничество; къ нимъ присоединялись не только авантюристы изъ разнаго рода бездомныхъ людей всѣхъ сословій, но и масса крестьянъ. Жажда добычи и приключеній смѣшивалась съ мотивами національной и соціальной борьбы и мести. Изъ такихъ же національно-религіозныхъ мотивовъ дѣятельными пособниками гайдамаковъ являлись кіевскіе мѣщане и монахи кіевскихъ и другихъ пограничныхъ православныхъ монастырей. Благодаря слабости администраіци и отсутствію войскъ, эти гайдамацкія движенія въ правобережномъ Поднѣпровьѣ во второй и третьей четверти XVIII в. стали хроническимъ явленіемъ, а временами проявляли очень значительную силу, обнимая большія территоріи и приводя въ движеніе огромныя массы крестьянскаго населенія. Эти обстоятельства и послужили сильнымъ препятствіемъ къ развитію шляхетскаго хозяйства и крѣпостническихъ отношеній въ Правобережьи.

Въ первый разъ гайдамацкое движеніе приняло широкіе размѣры въ 1734 г. Безкоролевье по смерти кор. Августа II († 1733), сопровождавшееся вооруженною борьбою партій на польской территоріи съ участіемъ иностранныхъ войскъ—междоусобныя смуты среди Поляковъ, образованіе въ пользу кандидатуры Стан. Лещинскаго конфедераціи (вооруженной лиги) въ воеводствахъ Кіевскомъ, Подольскомъ, Браславскомъ и Волынскомъ, сопровождавшееся вооруженными наѣздами шляхты на своихъ противниковъ и полною анархіею,—все это весьма благопріятствовало гайдамакамъ. Когда русскія и украинскія войска для борьбы съ партіей Лещинскаго были введены въ правобережную Украину, это послужило сигналомъ для массового возстанія, охватившаго Кіевское, Браславское и Подольское воеводство. Украинское населеніе сочло приходъ этихъ войскъ за предвѣстіе оккупаціи, освобожденія отъ польскаго шля-

[1]) Значеніе названія неясно—производятъ это слово отъ арабско-турецкаго *гайда*, *гайде-мак*, въ значеніи: смутьянить, своевольничать.

хотскаго владычества, а призывъ къ борьбѣ съ партіей Лещинскаго—за призывъ къ возстанію.

Особенно сильное движеніе развилось въ Браславщинѣ. Тутъ нѣкто Верланъ, начальникъ дворовыхъ козаковъ кн. Любомирскаго, ссылаясь на грамоту имп. Анны, якобы призывающую крестьянъ истреблять Ляховъ и Евреевъ и формироваться въ козацкіе полки,—вызвалъ чрезвычайно сильное и довольно организованное возстаніе. Изъ Браславщины онъ затѣмъ перешелъ въ Подолію и южную Волынь, взялъ Жванецъ и Броды, а его отряды проникали въ окрестности Каменца и Львова. Конецъ возстанію положило только прекращеніе безкоролевья, когда русскія войска, въ качествѣ союзниковъ новаго правительства (короля Августа III), сами занялись усмиреніемъ возставшихъ. Верланъ съ товарищами, полковниками сформированныхъ имъ козацкихъ полковъ ушелъ въ Молдавію, другіе укрылись въ запорожскихъ владѣніяхъ.

Новое напряженіе гайдамацкихъ движеній имѣло мѣсто въ 1750 г. На этотъ разъ оно не имѣло внѣшнихъ благопріятныхъ условій, а было результатомъ прогрессивнаго усиленія гайдамацкихъ ватагъ, послѣ 1734 г. почти непрерывно вторгавшихся въ правобережную Украину, при полномъ отсутствіи обороны. Въ продолженіе почти всего 1750 года Кіевское и Браславское воеводства, на всемъ почти протяженіи—до границъ Полѣсья, были во власти гайдамацкихъ ватагъ и возставшихъ крестьянъ. Цѣлый рядъ городовъ и замковъ, даже болѣе значительныхъ, какъ Умань, Винница, Летичевъ, Фастовъ, Радомысль, были взяты и разграблены гайдамацкими отрядами. Только отсутствіе организаціи въ возстаніи было причиною, что оно само собою отшумѣло и улеглось, не встрѣтивъ никакого отпора ни со стороны правительства, ни со стороны мѣстной шляхты.

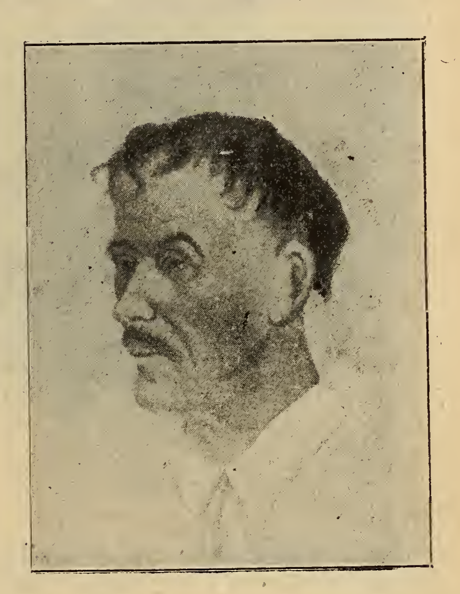
Но наиболѣе сильно было движеніе 1768 г.—так. наз. Коліивщина (отъ слова: колій, коліі, какъ назывались отряды возставшихъ) [1]). Почва для его развитія на этотъ разъ была приготовлена опять внѣшними событіями. Такъ наз. радомская конфедерація, созданная при участіи Россіи въ интересахъ диссидентовъ, противъ короля и его партіи, призвала на помощь русское правительство, которое снова ввело свои войска въ границы Польши, въ правобережныя земли. Противъ радомской конфедераціи, противъ диссидентовъ и Россіи создана была другая конфедерація въ Барѣ, на Подоліи. Настала полная анархія, особенно дававшая себя чувствовать въ украинскихъ провинціяхъ Польши, и среди этой сумятицы широко разыгралось народное движеніе. Диссидентскій вопросъ, послужившій Россіи поводомъ для вмѣшательства въ польскія дѣла, борьба между православнымъ и уніатскимъ духовенствомъ, происходившая въ это время въ Кіевскомъ воеводствѣ и сопровождавшаяся притѣсненіями и истязаніями сопротивлявшихся православныхъ —придали движенію религіозную окраску. Выдающуюся роль въ мѣстномъ религіозномъ движеніи игралъ игуменъ Мотронинскаго монастыря (около Чигирина) Мельхиседекъ Значко-Яворскій, бывшій наблюдателемъ православныхъ приходовъ правобережной Украины, и его же считали однимъ изъ иниціаторовъ народнаго движенія, во главѣ котораго сталъ запорожецъ Максимъ Зелизнякъ, проживавшій, въ качествѣ послушника, въ томъ же монастырѣ.

Для привлеченія народа, какъ и въ 1734 г., пущены были слухи о „золотой грамотѣ“ имп. Екатерины, призывавшей къ возстанію. Сохра-

[1]) Обыкновенно производятъ отъ слова „колоти“, колоть—такъ сказать „колотель“, избиватель.

нившіяся копіи этой грамоты подложны, и самое движеніе съ точки зрѣнія политики правительства Екатерины было нежелательно; но это не исключаетъ возможности, что со стороны россійскихъ властей дѣйствительно допущены были заявленія, которыя содѣйствовали народному движенію, вселяя убѣжденіе, что ему сочувствуетъ сама императрица.

Движеніе началось въ концѣ апрѣля 1768 г., когда Зелизнякъ изъ Мотронинскаго лѣса со своимъ отрядомъ вышелъ въ Медведивку и отсюда призывая народъ къ возстанію, собирая всякій охочій людъ, прошелъ черезъ южную часть Кіевскаго воеводства въ окрестности Умани, наиболѣе значительнаго въ то время города этого края, розоряя по дорогѣ панскія усадьбы, помогая крестьянамъ громить и изгонять уніатскихъ священниковъ и т. п. Въ окрестностяхъ Умани къ нему присоединился сотникъ надворныхъ козаковъ Потоцкаго, владѣльца Умани. Человѣкъ взысканный милостями своего помѣщика, онъ однако рѣшилъ примкнуть къ возстанію, вошелъ въ сношенія съ Зелизнякомъ, и когда послѣдній приступилъ къ Умани, Гонта присоединился къ нему со своими козаками. Это рѣшило судьбу Умани, она была взята гайдамаками и собравшіеся здѣсь изъ окрестныхъ мѣстностей Поляки и Евреи подверглись избіенію; впрочемъ, размѣры этой рѣзни несомнѣнно, сильно преувеличены въ мемуарахъ, на которыхъ главнымъ образомъ опираются наши свѣдѣнія объ этомъ, все еще не разъясненномъ достаточно эпизодѣ.

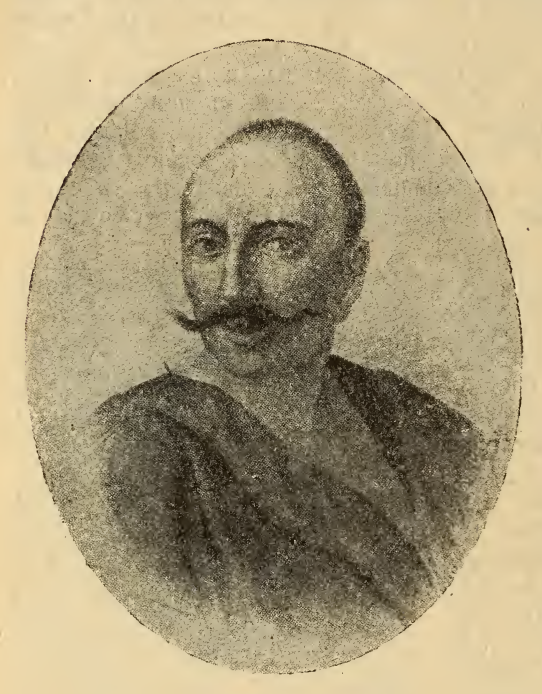


Максимъ Зелизнякъ.

Другіе вожди гайдамаковъ въ это время подобнымъ же образомъ „очищали“ Кіевское воеводство отъ Поляковъ и Евреевъ въ другихъ направленіяхъ: Семенъ Неживый громилъ католиковъ и уніатовъ въ окрестностяхъ Черкасъ, Иванъ Бондаренко—въ Полѣсьѣ, въ окрестностяхъ Радомысля, Яковъ Швачка въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви; послѣдній считался особенно жестокимъ истребителемъ Поляковъ и Евреевъ, и въ Фастовѣ, гдѣ находилась его квартира, позднѣйшая слѣдственная комиссія насчитывала осужденныхъ имъ и убитыхъ до 700 душъ.

Но движенію не суждено было продолжаться долго. Барская конфедерація была усмирена и польское правительство обратилось къ русскому съ просьбою подавить гайдамацкое движеніе. Екатерина отозвалась на эту просьбу съ полною готовностью, такъ какъ движеніе не отвѣчало ея планамъ, а вдобавокъ она хотѣла очистить себя отъ подозрѣній въ изданіи агитаціонной грамоты. Русскія войска обращены были на усмиреніе возстанія, оно было залито кровью и закончилось массовыми казнями предводителей и участниковъ: захваченные русскими войсками или укрывшіеся на территорію украинскихъ провинцій имперіи, въ надеждѣ на покровительство русскихъ властей, участники движенія были выдаваемы польскимъ властямъ и подвергались казнямъ, нерѣдко изысканно-мучительнымъ. Польская военно-судная комиссія, засѣдавшая въ Коднѣ (въ Житомирскомъ пов.), оставила о себѣ страшную память въ населеніи.

Это было послѣднее массовое движеніе. Правда, въ 1788—9 г. еще разъ распространились слухи, что на Украинѣ готовится новая коліивщина „сыномъ Гонты“, и эти разсказы навели большой страхъ на шляхту: были учреждены судебныя комиссіи, арестовавшія и даже казнившія множество людей; но въ концѣ концовъ эти слухи оказались ложными. Польско-русскій терроръ 1768 г. возмѣлъ очевидное дѣйствіе. Съ переходомъ же правобережной Украины подъ власть Россіи, массовыя народныя движенія не могли уже имѣть мѣста. Въ Галиціи также австрійское правительство положило конецъ разбоямъ „опрышковъ“, гнѣздившихся въ Карпатскихъ горахъ, у венгерской и молдавской границы. Они занимались разбоемъ проѣзжихъ купцовъ, шляхты и Евреевъ и, благодаря своей смѣлости и разнымъ приключеніямъ, пользовались сочувствіемъ и популярностью у народа, идеализировавшаго ихъ въ своихъ разсказахъ и пѣсняхъ. Главнымъ героемъ ихъ остался Олекса Довбушъ, воспѣтый въ пѣсняхъ, опоэтизированный въ многочисленныхъ преданіяхъ; въ качествѣ предводителя опрышковъ онъ извѣстенъ по документамъ съ 1738 г. до 1745, когда его убили изъ засады.



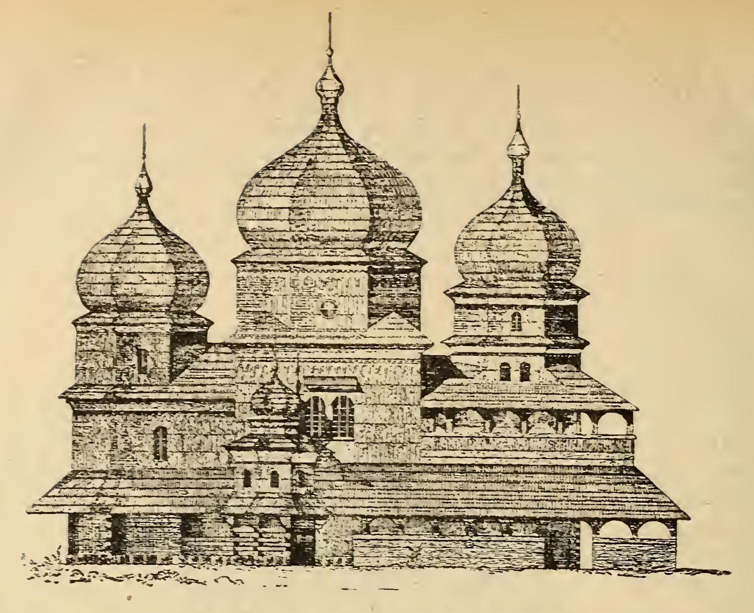
Иванъ Гонта.

Старыя традиціи козачества однако не умирали долго и въ правобережной Украинѣ. Такъ, Крымская война и формированіе крестьянскихъ ополченій въ 1855 г. вызвали въ Кіевской губерніи своеобразное народное движеніе съ цѣлью освободиться отъ крѣпостного гнета путемъ возстановленія козачества. Чтеніе въ церквяхъ манифестовъ, въ которыхъ правительство призывало населеніе къ участію въ оборонѣ государства, вызвало во многихъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи своеобразныя заявленія со стороны крестьянъ: они изъявляли свою готовность идти на защиту Россіи и для этого просили записать ихъ въ козаки. Въ качествѣ козаковъ они надѣялись, по старой традиціи, освободиться отъ власти помѣщиковъ и администраціи, отъ барщины и другихъ повинностей; прорывались и болѣе радикальные планы перестройки общественныхъ и политическихъ отношеній. Администраціи, пытавшейся доказать неумѣстность этихъ желаній, крестьяне не хотѣли вѣрить и подозрѣвали, что она затаивала „царскую грамату“, поголовно призывавшую народъ „въ козаки“ совершенно также какъ въ 1734 и 1768 г. Мѣстами дошло въ концѣ концовъ до кровавыхъ сценъ и битвъ съ войсками.

Литература: Антоновичъ, Послѣднія времена козачества на правомъ берегу Днѣпра, 1868 (Архивъ Юго-Зап. Рос. III, т. 2), его же статьи о гайдамацкихъ движеніяхъ въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи III, т. 3 и о тревогѣ 1789 г. вызванной слухами о приготовленіи новой коліївщини тамъ же въ ч. III т. V. Я Шульгинъ.- Очеркъ коліивщины, 1890. Матеріалы до історії коліїв-

щини, I—VI въ Запискахъ Н. тов. Шевченка т. 57 и сл. Объ опрышкахъ статьи Ю. Целевича, собранныя въ XIX т. Руськоï історичноï бібліотеки (тамъ же въ т. XVII—XX упомянутыя изслѣдованія Антоновича и Шульгина въ переводѣ). О положеніи крестьянъ въ XVIII в статья Антоновича въ Архивѣ, VI т. II (переводъ въ XXII т. Рус. іст. біб.). О „козацкомъ" движеніи 1855 р.—Томашівський Киïвська козачина 1855 р. (Літерат.-наук бібліотека видавничоï спілки кн. 55, 1902).

«Гайдамацкая сосна» въ Субботовѣ.



Церковь св. Юрія въ Дрогобычѣ, замѣчательнѣйшій архитектурный памятникъ Зап. Украины.

XXVI. Западная Украина.

Итакъ, чрезвычайныя усилія, предпринятыя въ XVII в. украинскими народными массами, чтобы разбить сковывавшія народную жизнь соціальныя и національныя пута, какъ мы видѣли, ни къ какимъ существеннымъ улучшеніямъ въ сферѣ соціальныхъ отношеній не привели.

Національныя и культурно-религіозныя стремленія, связывавшіяся съ этимъ народнымъ движеніемъ, также не выиграли въ общей сложности ничего: если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно было констатировать извѣстный успѣхъ (напр., восточная Украина ушла отъ уніи и насильственнаго ополяченія), то въ другихъ отношеніяхъ положеніе дѣлъ еще бoлѣе ухудшилось, и даже весьма существенно.

Послѣ того какъ усилія, предпринятыя украинскимъ обществомъ для защиты своей національной религіи и равноправности въ концѣ XVI и началѣ XVII в., оказались безсильными сломить упорство правительства и клерикально настроенныхъ польскихъ элементовъ,—подъ вліяніемъ сознанія этой безвыходности начинается замѣтный приливъ украинскихъ культурныхъ силъ и вообще элементовъ наиболѣе радикально и непримиримо настроенныхъ въ восточную Украину, гдѣ подъ покровомъ козачества открывалась новая арена національнаго движенія и борьбы. Выше было отмѣчено, что національное культурное движеніе, создающееся въ Кіевѣ во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XVII в., было подготовлено и создано руками галицкихъ выходцевъ. Создавая новые, очень цѣнные съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ очаги украинской жизни въ восточной Украинѣ, этотъ отливъ культурныхъ силъ все же рѣшительнымъ образомъ ослаблялъ украинскую жизнь на Западѣ: не только внѣшними неблагопріятными условіями, но и этимъ исходомъ наиболѣе дѣятельныхъ и энергическихъ работниковъ объясняется паденіе культурной и національной жизни, замѣчающееся въ XVII в. въ Галиціи.

Затѣмъ пришло великое народное движеніе середины XVII вѣка. Западную Украину—Галичину, Подолію, Волынь, Побужье оно только

задѣло, и пронеслось мимолетною бурею. При первыхъ извѣстіяхъ о побѣдахъ Хмельницкаго началось тутъ броженіе, перешедшее въ бурное движеніе съ приближеніемъ его къ границамъ Галиціи. Въ Сокалѣ, Тернополѣ, Заболотовѣ, Товмачѣ, Яновѣ, Яворовѣ, Рогатинѣ, Калушѣ и ихъ окрестностяхъ поднимаются болѣе или менѣе значительныя движенія, охватывавшія нерѣдко значительныя пространства; мѣстная украинская шляхта, и мѣщанская старшина становятся во главѣ возставшихъ крестьянъ, организовываютъ ихъ въ военные отряды, разрушаютъ католическіе церкви и монастыри, разоряютъ помѣщичьи усадьбы и замки, вводятъ козацкое устройство. Почва для соціальнаго переворота оказалась благодарная, но Хмельницкій, далекій въ этотъ моментъ отъ такихъ широкихъ плановъ, жаждавшій поскорѣе уладить этотъ неожиданно затянувшійся и обострившійся инцидентъ, нисколько не позаботился о томъ, чтобы поддержать начавшееся движеніе. Онъ оставилъ западную Украину внѣ сферы своего вліянія, и лишенное поддержки движеніе скоро упало и улеглось. Въ окончательномъ своемъ результатѣ не поколебавъ сколько-нибудь существующаго строя, оно обострило еще болѣе національныя отношенія и непосредственно за этимъ обнаружилось съ полною очевидностью ослабленіе украинскаго элемента и ухудшеніе условій его жизни.

Движеніе это ослабило мѣстный украинскій элементъ, какъ новое кровопусканіе. Все болѣе энергичное было увлечено возстаніемъ, и послѣ его неудачи ушло туда, гдѣ кипѣла борьба; то, что осталось, подверглось еще большему гнету восторжествовавшихъ польско-шляхетско-католическихъ элементовъ. Эти элементы выступаютъ теперь съ особенной силой и нетерпимостью. Народныя движенія даютъ имъ богатый арсеналъ подозрѣній и аргументовъ противъ украинскаго населенія, противъ признанія за нимъ какихъ-либо правъ. Украинскіе же элементы, утративъ ту моральную поддержку, какую давала имъ восточная Украина, не пользуются у правительства даже тѣмъ небольшимъ вниманіемъ и защитою, какую они находили, когда за ихъ плечами стояло козачество и населеніе восточныхъ провинцій. Остатки православной шляхты, не примкнувшіе къ козацкому движенію, оттолкнутые рѣзкими формами его, сами, въ значительной степени, примыкаютъ тѣснѣе къ господствующей, польской національности. А люди, болѣе живо чувствовавшія свою національность и ея униженіе, продолжали и позже отливать туда, гдѣ украинская національность жила полнѣе и свободнѣе.

Въ результатѣ, начиная съ половины XVII в., западная Украина въ верхнихъ слояхъ своего населенія ополячивается чрезвычайно скоро и сильно. Если уже въ 1610 г. авторъ Треноса оплакивалъ утрату цѣлаго ряда выдающихся православныхъ магнатскихъ родовъ, то къ концу XVIII в. даже на Волыни осталась только небольшая горсть православныхъ шляхетскихъ родовъ, а въ Галичинѣ и на Подоліи они исчезли почти безъ остатка,—уцѣлѣли только мелкіе роды, бытомъ и достаткомъ стоявшіе ближе къ крестьянству, чѣмъ къ шляхтѣ. Это было очень неблагопріятное обстоятельство, такъ какъ голосъ въ государствѣ имѣла вѣдь только шляхта. Прежде шляхетскіе сеймики Волыни и восточныхъ земель были передовыми бойцами за интересы національной жизни,—во второй половинѣ XVII в. голоса ихъ раздаются все слабѣе и слабѣе въ защиту украинской народности и вовсе замолкаютъ съ концомъ столѣтія.

Рѣдѣютъ и ряды мѣщанъ—ополячиваются зажиточные, вліятельные роды большихъ городовъ, отстаивавшіе права своей національности: остается безпомощная и безгласная misera plebs. Представителемъ украинской народности остается главнымъ образомъ крестьянская масса, инертная и темная, сохраняющая свою національность именно только силою этой темноты и косности, и почти такое же темное сельское духовенство.

Все, что хотя нѣсколько поднималось надъ этимъ уровнемъ, увлекалось потокомъ полонизаціи. Національное самосознаніе понизилось до неяснаго инстинкта или подмѣнивалось религіознымъ сознаніемъ. Вмѣсто различія національностей, фигурировало различіе религій—православной и католической, такъ что переходъ изъ православія въ католичество понимался какъ отреченіе отъ своей національности. Да такимъ онъ и былъ въ дѣйствительности, такъ какъ перешедшій въ католичество принималъ обыкновенно польскій языкъ и культуру, становился Полякомъ самъ и въ томъ же направленіи воспитывалъ и свое потомство.

Культурное оживленіе, литературное и просвѣтительное движеніе, проявившееся въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в., заглохло, не успѣвъ выйти изъ тѣснаго круга чисто религіозныхъ, полемическихъ интересовъ. Какъ ни жизненны были въ свое время вопросы религіозной полемики, ихъ было недостаточно, чтобы эта литература могла стать мощнымъ двителемъ національной культуры. Даже народнаго языка не ввело въ литературу это движеніе, довольствуясь макароническимъ церковно-славянскимъ, съ примѣсью народныхъ—украинскихъ, бѣлорусскихъ и польскихъ элементовъ, а сплошь да рядомъ пользовалось и польскимъ языкомъ въ интересахъ болѣе успѣшной полемики. И по мѣрѣ того какъ литературная работа сосредоточивалась въ Кіевѣ, въ западной Украинѣ она глохнетъ все болѣе и болѣе.

Между тѣмъ Кіевъ съ 1648 года фактически выходитъ изъ Польскаго государства, и связи съ нимъ западныхъ украинскихъ земель постепенно ослабѣваютъ все болѣе и болѣе. Польско-русское соглашеніе 1667 г. отрѣзало новой границей западную часть Украины отъ восточной, гдѣ сосредоточивалась тогда вся украинская жизнь. Взрывъ негодованія, вызванный этимъ фактомъ, былъ отзвукомъ вѣрной оцѣнки этого факта, по живому тѣлу разрѣзывавшаго украинскую территорію. Со своей стороны польское правительство приложило свои старанія къ тому, чтобы ослабить сношенія и связи украинскихъ земель, оставшихся въ составѣ Польши, съ восточной Украинской и другими православными землями. Въ 1676 г. сеймъ издаетъ законъ, подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества воспрещавшій православнымъ выѣзжать за границу и пріѣзжать изъ-за границы, поддерживать сношенія съ патріархами и обращаться къ нимъ за рѣшеніемъ вопросовъ религіи; братствамъ велѣно было подчиняться своимъ епископамъ, а въ спорныхъ вопросахъ обращаться не къ патріархамъ, а къ польскимъ судамъ.

Съ другой стороны насильственное подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху, котораго не хотѣли знать западныя украинскія земли (1685), создавало внутреннее отчужденіе въ нѣдрахъ самой православной украинской церкви, которое не замедлили использовать враждебныя силы. По мѣрѣ того какъ церковь и школа восточной Украины волею и неволею подпадали вліяніямъ московскимъ, обрусѣнію,—онѣ неизбѣжно становились по духу чуждыми западной Украины, остававшейся подъ польскими вліяніями. Наростало все большее внутреннее расхожденіе, которое могло бы быть нейтрализовано только развитіемъ національной культуры, но именно она переживала тогда періодъ своего паденія въ восточной Украинѣ и еще болѣе въ западной.

Здѣшнія братства, служившія очагами національной жизни въ продолженіе предшествовавшаго столѣтія, теперь падаютъ и теряютъ значеніе. Въ періодъ своего развитія они были сильны поддержкой шляхты и родовитаго мѣщанства, а съ ополяченіемъ тѣхъ и другихъ, приходятъ въ упадокъ—впрочемъ падаетъ вообще городская жизнь подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій шляхетскаго режима. Львовское украинское мѣщанство, на плечахъ своихъ вынесшее львовское братство и сдѣлав-

шее его національнымъ центромъ западной Украины, страдаетъ одновременно отъ общаго захуданія города и отъ спеціальныхъ репрессій, падавшихъ на православныхъ. Братская школа, составлявшая его украшеніе и гордость, совершенно упадаетъ. Издательская дѣятельность сводится почти исключительно къ изданію богослужебныхъ книгъ, которыми она снабжала всю западную Украину. Эти книги служили для братства источникомъ дохода, и братчики ревниво слѣдили, чтобы во Львовѣ не появлялось другой славянской типографіи; но культурное значеніе братскихъ изданій было очень невелико, и авторитетъ братства въ національной жизни все болѣе отходилъ въ область преданій.

Это паденіе національной жизни, ея моральныхъ силъ, и особенно внутренее расхожденіе, нароставшее между Украиной западной и восточной, съ новою силою вызываетъ усыпленные предшествующими неудачами аппетиты, спекулировавшіе на паденіе украинской жизни.

Церковная унія, такъ дружно отраженная въ началѣ XVII в. и приведенная на край гибели, такъ какъ во время переговоровъ польскаго правительства съ козаками (1649—1658) ей грозило даже полное уничтоженіе,—въ послѣдней четверти XVII в. съ новой силой надвигается на западно-украинскія земли. У польскаго правительства оказались усердные и искусные приспѣшники среди самой украинской іерархіи. Первую роль среди нихъ сыгралъ Іосифъ Шумлянскій, православный галицкій шляхтичъ, перешедшій на унію, потомъ снова возвратившійся въ православную церковь, чтобы стать епископомъ львовскимъ. Осуществивъ свое намѣреніе, онъ съ другими подобными спекулянтами начинаетъ подготовлять почву для введенія уніи въ западныхъ епархіяхъ. Его союзникомъ является Иннокентій Винницкій, нареченный епископъ перемышльскій, Варлаамъ Шептицкій, претендовавшій на каѳедру холмскую и др. Самъ Шумлянскій стремился получить митрополичьи права и бенефиціи, послѣ того какъ польское правительство, арестовавъ митр. Тукальскаго, оставило православныхъ Польши безъ митрополита.

Узнавъ о такихъ настроеніяхъ епископовъ, тогдашній король Янъ Собесскій расчитывалъ привести православныхъ къ уніи и съ этою цѣлью въ 1680 г. назначилъ соборъ во Львовѣ, для православныхъ и уніатовъ. Но Шумлянскій и его товарищи, наученные исторіею брестской уніи, не считали возможнымъ вести дѣло соборнымъ путемъ. Уклонившись отъ участія въ соборѣ, они рекомендовали правительству приготовить унію фактически, замѣщая всѣ вліятельныя позиціи людьми склонными къ уніи и располагая къ ней населеніе всяческими льготами для уніатовъ и стѣсненіями для православныхъ. Правительство приняло этотъ планъ и начало этимъ путемъ приготовлять почву для уніи. Православное населеніе подвергается цѣлому ряду новыхъ стѣсненій. Такъ, въ 1699 году сеймъ издаетъ законъ, разрѣшающій занимать выборныя городскія должности только уніатамъ, но не православнымъ; въ Каменцѣ, возвращенномъ въ это время Польшѣ, воспрещено жить православнымъ, наравнѣ съ Евреями. Съ другой стороны стараніями правительства, шляхты и епископовъ уніатовъ ряды православнаго духовенства все болѣе разрѣжаются болѣе или менѣе горячими сторонниками уніи.

Такъ подкапывалось постепенно положеніе православной церкви, и когда епископы-заговорщики рѣшились снять маску, дѣйствительно провозглашеніе уніи не встрѣчаетъ нигдѣ сколько-нибудь энергическаго сопротивленія. Первымъ сдѣлалъ это Винницкій, провозгласившій унію въ своей епархіи открыто въ 1691 г. Упорствовавшее духовенство подвергалось репрессіямъ со стороны духовной и свѣтской власти и помѣщиковъ, и это воздѣйствіе дѣлало настолько успѣшно свое дѣло, что въ 1761 г. въ

перемышльской епархіи уже не было на лицо (или по крайней мѣрѣ считалось, что не было) ни одной православной церкви.

Болѣе осторожный Шумлянскій медлилъ, считаясь съ возможной оппозиціи стараго и ослабѣвшаго, но все еще не потерявшаго окончательно своего значенія львовскаго братства. Онъ провозгласилъ унію въ

ЕѴЛІЕ
УЧИТЕЛЬНОЕ
НАВСЯКѪ НЕДѢЛЮ: И НАГДЬОКІЯ
ПРАЗДНИКИ, И НАРОЧИТЫХЪ СТЫХЪ.
ИЗБРАНО Ѿ СТАГО ЕѴЛІЯ СТѢЙШИМЪ
КАЛИСТОМЪ АРХІЕППОМЪ КОНСТАН
ТИНА ГРАДА.
ПОВЕЛѢНІЕМЪ ЖЕ КУР ГЕДЕѠНА БОЛОБАНА
ЕППА ГАЛИЦКАГО. ЛЬВОВСКАГО. И КАМЕНЦА
ПОДОЛЬСКАГО. ЕЗАРХИ ВЕЛИКАГО ДРОНУ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО. ИЗСЛѢДОВАНА.
И НАМНОГИХЪ МѢСТЦАХЪ ИСПРАВЛЕНА. НОВО
ВЫДАНА.
ЗДРУКАРНЕ КРИЛОСКОВ
ВЛѢТО ѾСЪЗДАНІЯ МИРУ, ЗРЕІ.
А ѾВЪПЛОЩЕНІЯ ІС ХА СНА БЖІЯ. АХЅ.
МЦА ОКТОВРІЯ. А ДНЯ.

Украинская графика XVII в.—Галицкое учительное евангеліе 1606 г.

своей епархіи въ 1700 г. Братство дѣйствительно пробовало игнорировать этотъ фактъ, тогда Шумлянскій обратился къ открытому насилію, захвативъ при помощи военной силы братскую церковь. Братчики пытались бороться, но обстоятельства были слишкомъ противъ нихъ. Когда въ 1704 г. Шведы обложили Львовъ и потребовали контрибуцію, поглотившую всѣ средства братства (120 тыс. золотыхъ), а Шумлянскій вслѣдъ затѣмъ устроилъ при своей каѳедральной церкви типографію, грозившую

своею конкурренціею подорвать окончательно самое существованіе братства, братчики не выдержали и смирились. Унія утвердилась въ епархіи Шумлянскаго—въ восточной Галиціи и Подоліи. Только Великій Скитъ въ Манявѣ, основанный въ 1611 г. другомъ Вышенскаго Іовомъ Княгиницкимъ, остался при православіи до самаго конца польской Рѣчи Посполитой и былъ закрытъ уже австрійскимъ правительствомъ въ 1785 г.

Немного позже, съ 1711 г., окончательно попала въ руки уніатскаго духовенства также Волынь. Уже въ 1680-хъ гг. на луцкую каѳедру Шумлянскій провелъ своего брата Аѳанасія, но онъ не рѣшался открыто выступить со своимъ уніатскимъ исповѣданіемъ вѣры. Его преемники тоже не желали или не рѣшались стать на сторону уніи и въ концѣ концовъ дѣло окончилось насильственнымъ изгнаніемъ послѣдняго православнаго епископа Кирилла Шумлянскаго въ 1711 г., послѣ чего епархія всецѣло переходитъ въ руки уніатовъ. Утвердившись на Волыни, они въ половинѣ XVIII в., съ перенесеніемъ резиденціи уніатскихъ митрополитовъ въ Радомысль, весьма энергически принимаются за подчиненіе уніи кіевскихъ земель,—но здѣсь гайдамацкія движенія, поддерживавшія православную оппозицію, представляли серьезное препятствіе, особенно въ ближайшихъ къ Днѣпру мѣстностяхъ.

Одновременно подобная же борьба, окончившаяся также торжествомъ уніи, разыгрывалась и въ закарпатской, угорской Украйнѣ.

До сихъ поръ, слѣдя за историческимъ процессомъ, развивавшимся въ украинскихъ земляхъ, мы не имѣли случая говорить объ ихъ закарпатской окраинѣ: отчужденная политически, она жила своей особой жизнью, не участвуя въ тѣхъ перипетіяхъ, какія переживала остальная Украина, и не вносила почти ничего въ общую жизнь Украины. Впрочемъ ея жизнь въ предшествующихъ столѣтіяхъ очень мало намъ извѣстна: даже по основнымъ пунктамъ ея исторіи—о началѣ и развитіи украинской колонизаціи за Карпатами, существуютъ большія разногласія. Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій эта территорія занимала межеумочное положеніе между Венгріей, съ одной стороны, и государственными организаціями украинскими—съ другой. Въ моменты усиленія Венгріи венгерскіе короли, какъ мы знали, стремились переступить за Карпатскій хребетъ и присоединить галицкія земли къ своему государству, и наоборотъ—въ моменты ослабленія послѣдняго видимъ попытки присоединенія закарпатскихъ земель къ галицкимъ. Наконецъ послѣ неудачи, постигшей планы Людовика анжуйскаго, съ концомъ XIV столѣтія Карпатскій хребетъ раздѣлилъ украинскія провинціи Польши и Венгріи на цѣлый рядъ вѣковъ. Еще раньше, въ XI—XIII в. закарпатская Украина была включена въ систему комитетовъ или столицъ, на которыя подраздѣлялось Венгерское королевство, и это дѣленіе, раздѣливъ по рѣчнымъ долинамъ и связавъ отдѣльныя части украинской территоріи съ территоріями словацкими, мадьярскими, румынскими, еще болѣе раздробило и безъ того разрозненную географическими и колонизаційными условіями закарпатскую Украину. Мы почти не встрѣчаемъ фактовъ, гдѣ бы она выступала какъ цѣлое. Впрочемъ она вообще слабо проявляла себя, такъ какъ украинскій элементъ былъ представленъ подавленною крестьянскою массою и почти такимъ же темнымъ и забитымъ духовенствомъ, а отклики народныхъ движеній Украины сюда не долетали.

Единственнымъ проявленіемъ національной жизни и здѣсь, какъ въ сосѣдней Галиціи, стала православная религія, точнѣе—обрядность и связанные съ нею убогіе обрывки старой книжности. Но и въ этой области, судя по наличному матеріалу, все еще весьма бѣдному, угорская Украинъ не играла самостоятельной роли, примыкая—совершенно естественно—къ сосѣдней Галиціи. Мѣстными центрами церковно-религіозной жизни долгое

время выступаютъ два монастыря: св. Николая на Чернечей горѣ въ Мункачѣ, въ Бережскомъ комитетѣ, и св. Михаила въ Грушевѣ, въ Мармарошскомъ комитетѣ. Основателемъ перваго считался Федоръ Коріатовичъ, послѣ своего изгнанія изъ Подоліи (1393) переселившійся въ Венгрію и получившій во владѣніе Мункачъ. Въ позднѣйшей традиціи Угорской Украины съ нимъ, какъ наиболѣе замѣтною историческою особою, связывались разныя мѣстныя учрежденія и даже само украинское разселеніе за Карпатами; въ дѣйствительности не только разселеніе, но и Мункачскій монастырь существовали прежде прибытія Коріатовича и лишь въ позднѣйшей традиціи послѣдній явился его основателемъ. Также точно выходитъ за предѣлы позднѣйшей традиціи и начало Грушевскаго монастыря. Въ концѣ XIV в. послѣдній получилъ отъ патріарха ставропигіальныя права и его игуменамъ принадлежало право наблюденія надъ православными приходами Марамароша и Угочи. Западная часть Угорской Украины, вѣроятно, находилась подъ верховенствомъ перемышльскихъ епископовъ.

Въ концѣ XV в. появляется первый извѣстный намъ епископъ въ Мункачскомъ монастырѣ; но сколько-нибудь прочно мункачская епархія стала организоваться лишь со второй половины XVI в. Однако положеніе мункачской каѳедры и послѣ того было довольно тяжелое, такъ какъ она не располагала почти никакими ресурсами, кромѣ доходовъ съ приходовъ: имѣнія Мункачскаго монастыря, оставшагося резиденціею епископовъ, подвергались сильнѣйшему расхищенію во время смутъ XVII в. Всего въ этой епархіи, охватывавшей все украинское закарпатское подгорье, въ XVII в. считали 200 тыс. провославныхъ и 400 священниковъ. За неимѣніемъ собственныхъ школъ, духовенство отличалось весьма низкимъ уровнемъ просвѣщенія и пополнялось разными захожими выучениками изъ Галиціи и Молдавіи. Просвѣтительное украинское движеніе конца XVI в., новидимому, не захватило сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ украинскаго Закарпатья. Есть извѣстія о существованіи типографіи въ Грушевскомъ монастырѣ, но ясныхъ доказательствъ этого существованія пока не имѣемъ.

Зато уніатскіе планы изъ Галиціи не замедлили переброситься въ Закарпатье. Изъ второго десятилѣтія XVII в. намъ извѣстенъ такой эпизодъ: одинъ изъ мѣстныхъ магнатовъ Гомонай, имѣвшій въ своихъ имѣніяхъ до 70 православныхъ приходовъ, проникшись ревностью къ уніи, пригласилъ уніатскаго перемышльскаго владыку Крупецкаго и вмѣстѣ съ нимъ занялся обращеніемъ въ унію населенія своихъ имѣній. Духовенство не рѣшалось сопротивляться настояніямъ своего помѣщика и изъявляло согласіе на унію, но крестьяне, согнанные на эту религіозную церемонію, возмутились, бросились на податливыхъ духовныхъ и самого Крупецкаго и дѣло кончилось кровавою свалкою, принудившею къ бѣгству и Крупецкаго, и другихъ ревнителей уніи.

Однако такое отрицательное отношеніе народа не остановило дальнѣйшихъ попытокъ; оно только заставило вести дѣло не путемъ открытой проповѣди, а тайными вліяніями, не давая дѣлу большой огласки. Католическое духовенство и свѣтскіе поборники уніи разсчитывали, что народъ въ безпросвѣтномъ своемъ невѣжествѣ пойдетъ слѣпо за своимъ духовенствомъ, если послѣднее удастся переманить на унію, и вовсе не замѣтитъ догматическихъ перемѣнъ подъ сохраненнымъ въ цѣлости внѣшнимъ покровомъ обрядности. Для привлеченія духовенства были пущены въ ходъ обѣщанія улучшенія его тяжелаго матеріальнаго положенія путемъ уравненія съ католическимъ духовенствомъ. Положеніе православныхъ духовныхъ дѣйствительно было крайне тяжело. Весьма значительная часть священниковъ и церковнослужителей, происходившихъ изъ крестьянъ оставалась и послѣ своего посвященія въ крѣпостной зависимости, должна

была исполнять всякаго рода крестьянскія работы и службы, отрывавшія священниковъ буквально отъ алтаря, и за неисправность подвергалась помѣщичьему суду и всякаго рода унизительнымъ наказаніямъ наравнѣ съ крестьянами. Матеріальныя условія существованія были также крайне тяжелы. Обѣщанія уравненія съ католическимъ духовенствомъ въ виду этого являлись чрезвычайно соблазнительными и противъ нихъ было трудно устоять. Въ продолженіе 1630—1640-хъ гг. сторонникамъ уніи удалось склонить весьма значительное количество духовенства мункачской епархіи: въ 1649 г. на съѣздѣ въ Унгварѣ эти привлеченные приняли формально рѣшеніе присоединиться къ католической церкви и въ 1652 г. актъ присоединенія былъ предложенъ на утвержденіе папы.

Этимъ однако вопросъ еще не былъ рѣшенъ окончательно. Съ одной стороны среди духовенства оставалось немало сторонниковъ православія, не желавшихъ играть такую двуличную роль предъ своимо прихожанами; съ другой стороны не благопріятствовали уніи и внѣшнія обстоятельства: украинское закарпатье лежало въ сферѣ вліянія политическихъ смутъ, раздиравшихъ Венгрію въ XVII в., и приверженцы независимости, придерживаясь протестантизма, со своей стороны противодѣйствовали распространенію уніи въ Угорской Украинѣ. Во второй половинѣ XVII в. обыкновенно видимъ одновременно двухъ владыкъ, одного уніата, другого православнаго, и Мункачскій монастырь, эта твердыня церковной и національной жизни венгерскихъ Украинцевъ, еще долго остается въ рукахъ православныхъ. Только съ 1680-хъ гг., когда австрійскія вліянія утверждаются въ восточной Венгріи, при помощи австрійскаго правительства, путемъ всякаго рода репрессій и принужденій, унія прочно основывается въ западныхъ украинскихъ комитатахъ. Несмотря на глубокое отвращеніе, какое она вызывала среди украинскаго населенія, въ XVIII в. западная часть мункачской епархіи вполнѣ была уже въ рукахъ уніатскихъ владыкъ. Много значило тутъ и окончательное утвержденіе уніи въ сосѣдней Галиціи.

На востокѣ, въ Марамарошѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ православной Молдавіи, православіе существовало дольше; до 1735 г. здѣсь продолжали держаться православные владыки, и позже не было недостатка въ священникахъ, получавшихъ посвященіе отъ сосѣднихъ епископовъ молдавскихъ и сербскихъ, а въ 1760 г. среди румынскаго и украинскаго населенія прорвалось довольно широкое и энергическое движеніе къ возстановленію „старой вѣры", охватившее главнымъ образомъ восточную часть украинскаго разселенія, но находившее отклики также и въ западной. Среди православныхъ распространялись своеобразныя прокламаціи; агитаціонными мотивами служили увѣренія, что австрійское правительство предоставляетъ свободу исповѣданія и не препятствуетъ возвратиться къ православной вѣрѣ; распускались глухіе слухи о покровительствѣ оказываемомъ православію „восточными государями" и спеціальныхъ льготахъ, предназначенныхъ для православныхъ.

Австрійское правительство было очень встревожено этимъ движеніемъ и политическими элементами, проскальзывавшими въ немъ. Для подавленія его были пущены въ ходъ самыя „энергическія" мѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ администраціи поручено было прослѣдить возможно глубже причины, вызвавшія это движеніе и условія ему благопріятствовавшія. Эти разслѣдованія дали чрезвычайно сильную картину съ одной стороны—кромѣшной тьмы, въ которой жило населеніе, съ другой—его стихійной привязанности къ своей національной святынѣ. По словамъ намѣстника Марамарошскаго комитета, имя уніи населенію было въ высокой степени ненавистно, оно подозрѣвало въ ней всякіе ужасы, и хотя безъ своего вѣдома само уже въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій при-

надлежало къ уніатскому исповѣданію, но имя уніатовъ отвергало съ отвращеніемъ. На допросахъ представители возмутившихся общинъ за-

Кіевскія изданія XVII в. Страница изъ „Бесѣдъ на дѣянія“, 1624 г. (Гравюра изображаетъ ап. Павла на о. Мальтѣ).

являли, что они до сихъ поръ были убѣждены въ своей принадлежности „къ старой греческой вѣрѣ“, „узнавъ же, что находятся въ худой вѣрѣ

вернулись къ старой“. Общимъ выводомъ изъ этихъ разслѣдованій было убѣжденіе въ необходимости подъема просвѣщенія, въ особенности среди духовенства, улучшенія его быта и вообще положенія уніатской церкви, такъ какъ надежды, подававшіяся на улучшеніе положенія духовенства съ переходомъ въ унію, въ дѣйствительности не осуществились и въ довершеніе всего уніатское духовенство попало еще въ стѣснительную зависимость отъ католической іерархіи.

Унія такимъ образомъ въ серединѣ XVIII в. утвердилась на всемъ пространствѣ западной Украины, за исключеніемъ только сѣверной Молдавіи (позднѣйшей Буковины) и приднѣпровской полосы Правобережья. Это была громкая побѣда надъ украинской жизнью—не только надъ ея церковью, но и надъ національными традиціями, надъ душею народа: у народа отнято было то, что являлось его святынею. Съ этой точки зрѣнія торжество уніи было новымъ паденіемъ національной жизни: ея торжество созидалось на отступничествѣ малодушныхъ, на разгромѣ стойкихъ и насильственномъ подавленіи, путемъ всякихъ репрессій, народнаго самоопредѣленія. Но надежды на полную денаціонализацію украинскаго поселенія при посредствѣ уніи—не оправдались.

Не были исполнены обѣщанія и увѣренія убѣждавшихъ, для привлеченія къ уніи, въ провинціяхъ польскихъ точно также какъ въ провинціяхъ венгерскихъ,—что переходъ въ унію избавитъ украинскую церковь и украинское духовенство отъ тѣхъ униженій, какія оно испытывала въ католической Польшѣ. Въ дѣйствительности унія не избавила украинское духовенство и ея паству отъ притѣсненій и униженій, отъ жалкаго прозябанія,—зато она, съ другой стороны, не оправдала и надеждъ, возлагавшихся на нее съ католической стороны. Расчеты, что унія послужитъ прочнымъ мостомъ къ тѣснѣйшему сближенію къ католицкой церкви и господствующей народности—не сбылись. Вслѣдствіе того, что уніатское духовенство и уніатская церковь фактически не была уравнена съ католическою и осталась въ положеніи низшей, простонародной церкви,—она сдѣлалась вскорѣ народнымъ украинскимъ атрибутомъ въ западной Украинѣ и не замедлила превратиться въ такую же національную церковь, какою до тѣхъ поръ была православная. Благодаря сохраненію обряда не произошло разрыва въ традиціяхъ, не чувствовалось во всей силѣ и то разъединеніе, какое долженъ былъ произвести этотъ религіозный расколъ съ остальною, православною Украиною. Обрядовая внѣшность все покрывала въ глазахъ низшихъ классовъ; не только въ какой-нибудь глуши Марамароша, но и въ огромномъ большинствѣ всего украинскаго населенія совершенно не сознавался разрывъ „со своей старой греческой вѣрой“ и соединеніе съ церковью латинской, и если для болѣе сознательныхъ, интеллигентныхъ элементовъ этотъ религіозный переломъ былъ источникомъ страданій и безвыходныхъ униженій, то для преобладающаго большинства прошелъ онъ болѣе или менѣе незамѣтно.

Но съ другой стороны и ничего положительнаго не принесъ онъ съ собою. Переходъ въ унію самъ по себѣ не поднялъ украинской церкви. Уровень культуры украинской жизни продолжаетъ понижаться. Книжность, по прежнему служитъ почти исключительно потребностямъ обряда, богослуженія: книги выходили главнымъ образомъ богослужебныя, рѣже каноническаго или религіозно-нравоучительнаго содержанія; о свѣтской литературѣ нечего и говорить. Культурное содержаніе этой книжности было чрезвычайно невелико. Самымъ популярнымъ — и единственнымъ популярнымъ продуктомъ ея были канты религіознаго содержанія, разнаго времени и разныхъ авторовъ: сборникъ ихъ, въ первый разъ изданный съ нотами въ Почаевѣ уніатскими монахами, такъ наз. базиліа-

нами [1]), въ 1790 г., подъ названіемъ „Богогласника", много разъ повторялся впослѣдствіи. Благодаря своей близости къ народному пѣснетворчеству и устной литературѣ нѣкоторые изъ этихъ кантовъ пріобрѣли неумирающую популярность.

Вообще на линіи соприкосновенія книжности и устной литературы главнымъ образомъ и теплился огонекъ національной культурной традиціи, а въ безыменномъ творчествѣ и непрерывной эволюціи народной словесности, пѣсенной и прозаической, поглощавшей и своеобразно перерабатывавшей все новые и новые продукты близкаго ей литературнаго творчества, находила себѣ выраженіе духовная жизнь народа, единству которой не ставили преграды ни политическія границы, ни разстоянія, не разрывавшія обмѣна въ сферѣ произведеній этой литературы. Не подлежитъ сомнѣнію, что это глухое столѣтіе было временемъ высокаго развитія народной пѣсни, въ богатомъ репертуарѣ которой и въ высокихъ поэтическихъ достоинствахъ черпали потомъ начинатели національнаго возрожденія свою увѣренность въ духовныхъ силахъ народа и возможности его возрожденія.

Но съ книжностью и книжнымъ просвѣщеніемъ дѣло стояло плачевно. Книга становилась не только мало содержательною, но и мало доступною Церковный (славяно-русскій) языкъ дѣлался все менѣе понятнымъ, и уже въ первой четверти XVIII в. былъ изданъ въ Супрасли словарикъ славянскихъ словъ съ переводомъ на польскій языкъ, въ виду того, какъ объясняютъ издатели, что изъ священниковъ едва сотый понимаетъ по-славянски. Народный же языкъ не успѣлъ завоевать себѣ права гражданства ни въ книжности, ни въ школѣ. Школы уцѣлѣли въ концѣ концовъ только сельскія—гдѣ училъ дьячекъ. Нѣсколько лучшія монастырскія (базиліанскія) школы были сильно ополячены, какъ и сами базиліане вообще. И вообще все хотя немного образованное среди украинскаго общества—даже не разорвавшее со своею національностью—говорило и писало по-польски: это былъ „культурный языкъ" самого украинскаго населенія западной, польской Украины. По-польски или латыни писали даже наиболѣе патріотически настроенные люди второй половины XVIII и первой половины XIX стол.; на польскомъ языкѣ обращались духовныя украинскія власти къ подвластному духовенству; даже знаніе русскаго алфавита не было удѣломъ всего духовенства!

И что всего хуже—никакого выхода изъ этого убійственнаго положенія не предвидѣлось подъ польскимъ господствомъ. „Я совершенно свыкся съ мыслью,—писалъ одинъ изъ представителей уніатскихъ духовныхъ круговъ въ моментъ перехода Галичины подъ власть Австріи,—что скорѣе Русь погибнетъ, чѣмъ мы достигнемъ чего-нибудь... Жаль, что конфедератамъ не удалось насъ (уніатское духовенство) перерѣзать—тогда бы успокоились, а такъ бьютъ, а не убьютъ" [2]).

Неожиданно Польша пала. Въ виду грозившаго сближенія Австріи съ Турціей, русское правительство принуждено было согласиться на предложенный прусскимъ правительствомъ проектъ компенсацій за счетъ Польши и состоявшимся въ августѣ 1772 г. соглашеніемъ рѣшенъ былъ такъ называемый первый раздѣлъ Польши, по которому Австрія должна была получить западныя украинскія земли, Россія—восточную Бѣлоруссію. Затѣмъ при второмъ раздѣлѣ 1793 г. Россія заняла воеводство Кіевское, Подольское, значительную часть Волынскаго и бѣлорусскія земли, по линію, проведенную отъ границъ Австріи на границу Курляндіи. Затѣмъ

---

[1]) Базиліанами назывались уніатскіе монахи, такъ какъ считались „чиномъ св. Василія".

[2]) Галичанинъ, 1872, I, ст. 140—1.

при третьемъ раздѣлѣ Польши, 1795 г. были закруглены эти бѣлорусскія и украинскія пріобрѣтенія Россіи (окончательно распредѣлены они были постановленіями вѣнскаго конгресса 1815 г.).

Австрія свои пріобрѣтенія въ украинскихъ земляхъ заокруглила еще сѣверною Молдавіею: это было признано необходимымъ для того, чтобы обезпечить сообщеніе Галиціи съ Трансильваніей, и вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Галиціи въ 1774 г. австрійскія войска заняли пограничные города Молдавіи—позднѣйшую Буковину. Австрійское правительство ссылалось при этомъ на то обстоятельство, что эта область издревне принадлежала къ Галицкому княжеству: присоединивъ Галицію къ Австріи на основаніи старыхъ „историческихъ правъ“ венгерской короны на Галицію—старыхъ претензій венгерскихъ королей [1]), Австрія дополняла ее изстари принадлежавшими къ ней землями. Дѣйствительно въ XII и XIII в. города по среднему Пруту стояли въ зависимости отъ галицкихъ князей, входили въ составъ такъ называемаго Понизья; затѣмъ все Понизье перешло подъ непосредственную власть Татаръ, а когда въ половинѣ XIV в. организовалось воеводство Молдавское, то молдавскіе воеводы захватили и земли между Серетомъ и Днѣстромъ, т. н. Покутье и Шипинскую землю. Нѣкоторое время земли эти были предметомъ соперничества между Польшею и Молдавіею, пока наконецъ установилась польско-молдавская граница, раздѣлившая спорную территорію, и южная часть этой спорной территоріи (сѣверная часть нынѣшней Буковины) осталась въ составѣ Молдавіи до австрійской оккупаціи 1774 г. Господарь молдавскій опротестовалъ этотъ захватъ его владѣній, но турецкое правительство не поддержало его достаточно энергично и въ 1775 г. состоялось соглашеніе, по которому занятая австрійскими войсками территорія была уступлена турецкимъ правительствомъ. Новая провинція, получившая названіе Буковины, сначала находилась подъ военнымъ управленіемъ, а въ 1786 г. была присоединена къ Галиціи.

Такимъ образомъ, западныя Украинскія земли объединились подъ владѣніемъ Австріи, центральныя—Кіевщина, Волынь и Подолье, къ которымъ въ 1815 г. присоединилась еще Холмская земля и Подляшье,—вошли въ составъ Россіи, снова объединившись съ восточною Украиною, отдѣленною отъ нихъ трактатомъ 1667 г.

Паденіе польской государственной власти однако не произвело рѣзкаго переворота въ мѣстной жизни. Сословныя отношенія, помѣщичій режимъ, власть и господство шляхты, созданныя польскими порядками, остались въ цѣлости и силѣ. И даже гораздо болѣе: шляхетскій режимъ только выигралъ отъ перехода украинскихъ провинцій изъ состава Польскаго королевства, съ его хроническимъ отсутствіемъ полицейской и исполнительной власти, въ составъ государствъ съ очень сильными правительствами, съ развитою бюрократическою и полицейскою организаціею, каковы были Австрія и Россія. Новыя правительства склонны были прежде всего смотрѣть на помѣщика, какъ на блюстителя порядка—какъ на „полицмейстера“, по выраженію имп. Павла, и въ охраненіи престижа помѣщичьей власти и покорности ей крестьянъ видѣли одну изъ существеннѣйшихъ своихъ задачъ [2]). Бюрократическая машина и воинскія команды охраняли помѣщика отъ проявленій малѣйшаго недовольства народныхъ массъ, и помѣщичье „хозяйство“ польской шляхты подъ новымъ господ-

---

[1]) Объ этихъ претензіяхъ Венгріи на Галицію см. выше стр. 75.

[2]) Характерную иллюстрацію этихъ отношеній даетъ недавно опубликованное дѣло Сем. Олійничука, крѣпостного интеллигента, попавшаго въ Шлюссельбургъ за свой протестъ противъ господства Поляковъ и другихъ чужеродцевъ надъ украинскимъ крестьянствомъ—Былое 1906, IV.

ствомъ могло процвѣтать свободнѣе, чѣмъ когда-либо подъ польскимъ правленіемъ.

СЛОВО НА НЛЮ ГІ. ПОСОШЕСТВІ С͠ДХА.
Ѡ НАСАЖДЕНІИ ВИНОГРАДА.
ЧЛКЪ НѢКІИ БѢ ДОМОВИТЪ,
иже насади виноградъ.
Слово есть съ Хвы написаным ѿ нынѣшнѧ Еѵанелисты Ма:
в Главѣ, ка. в Зачалѣ, пз.
Тои иже рече: Всѧк садъ егоже не насади Оцъ мой Нбный, искоренитсѧ; извѣствуетъ въ нынѣшнем Еѵліи, ѿ садѣ винограда Оцемъ своимъ Нбным насажденна. Слышателю возлюбленный. Не благоволитъ
благіи

Кіевскія изданія XVII в. Гравюра изъ Учительнаго Евангелія 1637 г. (Притча о виноградаряхъ).

Еще австрійское правительство, особенно во время недолгаго правленія Іосифа II (1780—1790), сдѣлало нѣсколько цѣнныхъ попытокъ къ

ограниченію власти помѣщика надъ крестьяниномъ, къ освобожденію личности послѣдняго и къ ослабленію его экономической зависимости отъ помѣщика. Правда, реформы Іосифа,—между ними нѣкоторыя очень цѣнныя,—были сильно урѣзаны при ихъ осуществленіе на практикѣ и заглохли при послѣдующемъ, реакціонномъ правительствѣ. Но все же нѣкоторое благожелательное настроеніе къ русинскому крестьянству (точнѣе—неблагопріятное настроеніе по отношенію къ шляхетскому самовластію и всевластію) чувствовалось и позже въ правительственныхъ сферахъ. Нѣмецкая бюрократія, правившая Галиціей до 1850-хъ гг., представляла извѣстную сдержку шляхетскому самовластію; крестьянское землевладѣніе, крестьянскія повинности по отношенію къ помѣщику находились подъ контролемъ государственной власти и гарантировались не только въ теоріи, но до нѣкоторой степени и на практикѣ отъ правонарушеній со стороны помѣщика.

Въ Россіи же, при общемъ напряженіи крѣпостническихъ отношеній въ имперіи, при весьма низкихъ качествахъ введенной теперь великорусской администраціи (несомнѣнно—гораздо худшей сравнительно съ нѣмецкою администраціею Галиціи), при царившихъ среди нея подкупности, взяточничествѣ и произволѣ,—польская шляхта властвовала въ краѣ безгранично и безконтрольно. При малѣйшемъ проявленіи какой-либо оппозиціи среди крестьянъ, какого-либо вполнѣ законнаго протеста противъ крайнихъ злоупотребленій помѣщичьей властью, преходившихъ мѣру долготерпѣнія даже здѣшняго многострадальнаго крестьянина,—полиція и воинскія команды были къ услугамъ помѣщика, если онъ исправно исполнялъ свои „обязанности“ по отношенію къ предержащей власти, и по мановенію его готовы были со всеусердіемъ засвидѣтельствовать права „кичливаго Ляха“ на тѣло и душу „вѣрнаго Росса“, выражаясь терминологіей извѣстной пушкинской оды. Благодаря этому, крѣпостное право въ правобережной Украинѣ за это время россійскаго владѣнія достигло такого напряженія и развитія, какого здѣшнее крестьянское населеніе не знало никогда раньше и какого не достигли также и крѣпостныя отношенія восточной Украины.

Только польское возстаніе 1831 г., вызвавъ со стороны правительства рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ польской шляхты, побудило его обратить вниманіе на отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Оно сочло нужнымъ сдѣлать кое-что для облегченія участи крестьянъ, чтобы расположить ихъ къ правительству и Россіи и этимъ путемъ ослабить силу польской шляхты. Съ этой цѣлью изданы были такъ называемыя инвентари, нормировавшія крестьянскія повинности по отношенію къ помѣщикамъ. Но подкупность администраціи лишила значенія и эти скромныя попытки облегченія участи крестьянъ.

Тоже самое приходится отмѣтить и въ сферѣ культурной.

Въ земляхъ вошедшихъ въ составъ Австріи мѣры, принятыя австрійскимъ правительствомъ для подъема украинской (русинской) народности вообще, а въ частности ея духовенства непосредствено послѣ присоединенія новыхъ украинскихъ провинцій, стали исходнымъ моментомъ подъема украинской народности изъ культурнаго и національнаго паденія, къ которому оно было приведено польскимъ режимомъ. Австрійское правительство было до нѣкоторой степени приготовлено или даже наведено на этотъ вопросъ церковными отношеніями угорской Украины. Движеніе 1760 г. заставило его серьезно задуматься надъ положеніемъ здѣшней уніатской церкви и результатомъ былъ рядъ мѣръ направленныхъ къ культурному подъему мѣстнаго духовенства и улучшенію его положенія. Мункачская епархія была изъята изъ власти и зависимости отъ католическаго епископата; для приготовленія священниковъ былъ учрежденъ въ

Мункачѣ лицей; приняты были мѣры для улучшенія матеріальнаго положенія уніатскаго духовенства.

Когда среди этихъ мѣропріятій послѣдовало присоединеніе Галиціи, съ ея аналогическими церковными и національными отношеніями, она была также включена въ сферу этихъ реформъ. Въ 1774 г., два года спустя послѣ присоединенія Галиціи, императрица учреждаетъ въ Вѣнѣ духовную семинарію для уніатовъ Австріи (такъ называемую Barbareum). Десять лѣтъ спустя, при ея сынѣ, имп. Іосифѣ, учреждена была семинарія также во Львовѣ. Религіозный фондъ, составленный изъ имуществъ упраздняемыхъ монастырей, долженъ былъ послужить для улучшенія положенія и подъема сельскаго духовенства.

Но мѣрами къ поднятію духовенства дѣло не ограничивалось. Отчасти по принципамъ просвѣщеннаго абсолютизма, которыми руководились тогда австрійскія правительственныя сферы, отчасти изъ желанія противоставить польской шляхтѣ, естественно тяготѣвшей къ Польшѣ, украинскую „русинскую“ національность, австрійское правительство старалось поднять эту послѣднюю. Объ эмансипаціонныхъ реформахъ въ сферѣ крѣпостного права я уже упоминалъ; кромѣ того, приняты были мѣры для организаціи народныхъ школъ низшаго и высшаго типа, причемъ преподаваніе въ школѣ должно было вестись на „мѣстномъ“ языкѣ (Landes-Volks und Nationalsprache), а основывая въ 1784 г. львовскій университетъ правительство имп. Іосифа учредило въ немъ нѣсколько русинскихъ каѳедръ и при университетѣ лицей спеціально для приготовленія русинской молодежи къ университетскимъ курсамъ.

Правда, эти благія намѣренія правительства относительно Русинъ, не говоря уже о томъ, что осуществлялись не всегда удачно, просуществовали недолго. Они скоро заглохли среди общей реакціи, начавшейся въ Австріи со смертью Іосифа (1790 г.). Польская шляхта успѣла пріобрѣсти вліяніе на галицкую администрацію и чтобы воспрепятствовать возрожденію мѣстной украинской народности, начала уже въ 90-хъ гг. XVIII в. пугать правительство призракомъ россійской ирреденты, стараясь убѣдить его, что русинскій языкъ—нарѣчіе великорусскаго, что Русины-уніаты тяготѣютъ къ православію и т. п.—пѣсенка которая съ неослабѣвающимъ успѣхомъ пѣлась затѣмъ до самого послѣдняго времени. О томъ, какъ парализовано было всѣми этими причинами освобожденіе крестьянства отъ помѣщичьяго режима, я уже упоминалъ: подобнымъ образомъ затормозилась и организація школьнаго дѣла. Шляхта здѣсь играла также видную роль: подъ ея вліяніемъ вводится польскій языкъ вмѣсто русинскаго въ народныхъ школахъ—сначала высшихъ типовъ, затѣмъ (1816) и въ сельскихъ начальныхъ училищахъ. Въ виду ходатайства митрополита сдѣлана была только та уступка, что предоставлено сельскимъ обществамъ, буде пожелаютъ, заводить себѣ параллельныя школы съ русинскимъ языкомъ, причемъ однако, духовенству преподавался совѣтъ не вліять на населеніе въ этомъ смыслѣ, чтобы не причинять ему излишнихъ тратъ, и т. д.

Была, впрочемъ, доля вины и самой русинской интеллигенціи—она была ослаблена слишкомъ долгою летаргіею и не всегда умѣла воспользоваться и тѣмъ немногимъ, что дѣлало или готово было сдѣлать для нея правительство. Народный языкъ—„простый и посполитый“ казался ей слишкомъ низкимъ, и она не воспользовалась открывавшеюся возможностью его употребленія и развитія. Профессора новооснованныхъ каѳедръ и лицея старались читать и писать возможно высокимъ стилемъ, мертвеннымъ макароническимъ „язычіемъ“, которое само по себѣ сковывало всякое просвѣтительное движеніе. Когда вскорѣ затѣмъ прекратилъ свое существованіе лицей (1804) и русинскія каѳедры львовскаго уни-

версситета (1806), какъ временныя, предназначенныя для слушателей недостаточно приготовленныхъ для лекцій на латинскомъ языкѣ,—не возникло сколько-нибудь серьезныхъ стараній относительно дальнѣйшихъ, болѣе нормальныхъ русинскихъ преподаваній.

Въ концѣ концовъ нѣкоторое улучшеніе осталось лишь въ положеніи крестьянъ и въ образованіи духовенства, которое проходитъ теперь черезъ университетъ, каковъ бы онъ ни былъ, и постепенно даетъ начало новой украинской интеллигенціи Галиціи. Наростаетъ эта интеллигенція очень медленно; выигравъ въ образовательномъ, культурномъ цензѣ, она много проиграла въ своихъ отношеніяхъ къ народности: простонародная масса казалась слишкомъ грубою для „культурныхъ" вкусовъ новоиспеченныхъ „образованныхъ" русинскихъ круговъ и, не будучи достаточно культурными для того, чтобы культивировать свою народность, они шли за Поляками, какъ элементомъ болѣе культурнымъ. Польскій языкъ по старому царствовалъ и среди этой новой „интеллигенціи". Были такіе священники, которые не умѣли читать славянскаго письма.

Но все же извѣстный ростъ несомнѣнно существовалъ, нѣкоторая ферментація давала себя чувствовать. Извѣстное культурное и литературное движеніе замѣчаемъ прежде всего въ Угорской Руси, раньше подвергшейся воздѣйствію австрійскаго правительства. Вокругъ тогдашняго мункачскаго епископа Андрея Бачинскаго (1772—1809), организатора мукачевскаго лицея и основателя значительной библіотеки, группируется небольшой кружокъ дѣятелей на поприщѣ народнаго просвѣщенія и литературы. Угорская Русь даетъ первыхъ профессоровъ-Русинъ львовскому университету и людей, замѣтныхъ на иныхъ поприщахъ. Затѣмъ у нихъ являются непосредственные преемники и продолжатели и въ Галиціи. Національный характеръ въ этомъ небольшомъ движеніи уже даетъ себя чувствовать, хотя ясностью его національное сознаніе отнюдь не отличается.

Въ земляхъ западной Украины, отошедшихъ къ Россіи, русское правительство—совершенно логически съ своей точки зрѣнія занялось прежде всего уничтоженіемъ уніи. Но вмѣсто нея не возстановлялись старыя традиціи національной украинской церкви, а вводились новыя, совершенно чуждыя имъ обрусительныя формы. Особенности мѣстной церковной и религіозной жизни подводились подъ понятія уніатства или латинства и искоренялись самымъ усерднымъ образомъ—вплоть до украинскаго произношенія богослужебныхъ возгласовъ и текстовъ: епархіальное начальство особенное вниманіе обратило на то, чтобы священнослужители произносили свои возгласы „голосомъ свойственнымъ россійскому нарѣчію". Возставленная православная церковь сдѣлалась такимъ образомъ сознательнымъ орудіемъ обрусенія и для утвержденія этой тенденціи умышленно наводнялась пришлыми людьми, переводимыми изъ великорусскихъ мѣстностей. Съ другой стороны, остатки уніатской церкви, не присоединявшіеся къ православію, русскимъ правительствомъ отданы были подъ начальство польской католической іерархіи и подвергались такимъ образомъ сильнѣйшему давленію полонизаторскихъ тенденцій послѣдней.

Мѣстный украинскій элементъ такимъ образомъ подвергся одновременному натиску съ двухъ сторонъ—со стороны польскаго помѣщичьяго класса и польской культуры, до возстанія 1831 г. да и послѣ него царившей почти безраздѣльно внѣ небольшихъ островковъ казенной великорусской культуры,—и со стороны этой послѣдней. Вплоть до 1830-хъ гг. свѣтское воспитаніе и образованіе въ Правобережной Украинѣ почти исключительно находилось въ рукахъ Поляковъ, съ небывалой энергіей занявшихся здѣсь организаціей учебно-воспитательнаго дѣла въ націо-

нальномъ польскомъ направленіи и достигшихъ дѣйствительно большихъ успѣховъ въ развитіи польской культуры на украинской почвѣ, какими она не могла похвалиться во времена польской Рѣчи Посполитой (дѣятельность Ѳ. Чацкаго и его преемниковъ). Съ другой стороны казенная великорусская школа, церковь и государственность тѣснили всякое проявленіе украинской жизни еще болѣе безжалостно, чѣмъ культура польская.

И въ результатѣ правобережныя украинскія земли, перешедшія подъ власть Россіи, надолго остались болѣе отсталыми и забитыми чѣмъ какія-либо другія украинскія области.

В. Антоновичъ: Очеркъ состоянія православной церкви съ пол. XVII до конца XVIII в. (Монографіи, I). Для Галиціи спеціально—матеріалы и замѣтки по исторіи культуры и быта въ V т. „Збірника іст.-філ. секції Наук. тов. ім. Шевченка“ и въ IV т. „Украін.-рус. архива“. Для Угорской Украины: Дулишковичъ: Историческіе черты Угро-русскихъ, 1874—7; А. Петровъ: Матеріалы для исторіи Угорской Руси, 1905 и сл. Популярная исторія Буковины: М. Кордуба „Ілюстрована історія Буковини“, 1906.

Церковь въ мѣстечкѣ Яруни.

Кіевскій братскій монастырь (академія), гравюра полов. XIX в.

XXVII. Паденіе національной и культурной жизни въ восточной Украинѣ.

Немногимъ лучше было положеніе, въ какомъ оказалась восточная Украина, вышедшая изъ состава Польскаго государства съ половины XVII в. Избѣгнувъ ополяченья, верхніе слои украинскаго населенія подвергаются здѣсь сильному обрусѣнію, развивавшемуся тѣмъ легче еще, что оно не встрѣчалось съ внѣшними отличіями, какія по отношенію къ Полякамъ давала религія и книжность. Наоборотъ, эти моменты сближали украинское населеніе съ великороссійскимъ и затирали національныя различія, а слабое развитіе національной украинской культуры не давало ей возможности устоять въ конкурренціи съ великорусскими вліяніями, имѣвшими на своей сторонѣ и преимущества большихъ средствъ и политическій перевѣсъ, и наконецъ—непосредственное воздѣйствіе центральнаго правительства. Послѣднее, не довольствуясь добровольнымъ тяготѣніемъ украинскаго общества къ великорусской жизни, развивающимся въ продолженіи XVIII в., старается воздѣйствовать въ томъ же направленіи всѣми силами государственнаго механизма. Разрушивъ политическую обособленность Украины, оно стремится стереть особенности мѣстной жизни и культуры, ея національный обликъ, обезличить и слить съ великорусскою народностью. Въ такомъ смыслѣ дѣйствуетъ оно ограничительными и запретительными мѣрами, дѣйствительно весьма сильно подрывающими мѣстную культурную жизнь и усиливающими „обрусѣніе“ украинскаго общества.

Центромъ украинской культуры и послѣ перехода восточной Украины подъ верховенство Москвы по-прежнему оставался Кіевъ. Во второй половинѣ XVII в. и первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII онъ былъ источникомъ просвѣщенія и для Московскаго государства. Отсюда выходили піонеры культуры, насаждавшейся московскимъ правительствомъ и духовенствомъ, отсюда шла книжность и образцы школьной организаціи, и въ общемъ

украинская ученость оказала весьма замѣтное воздѣйствіе на подъемъ культурной жизни Москвы, несмотря на недружелюбное вообще отношеніе послѣдней къ ея представителямъ и произведеніямъ. Кіевскія книги, напримѣръ, довольно часто подвергались болѣе или менѣе строгимъ запрещеніямъ въ Москвѣ, а при патріархѣ Іоакимѣ въ 1670—80-хъ гг. послѣдовало настоящее гоненіе на произведенія украинской книжности.

Главный очагъ кіевской культурной жизни—кіевская коллегія—въ третьей четверти XVII в. пережила періодъ упадка, причиненнаго тогдашними безпрерывными войнами, и московскіе политики, вообще недоброжелательно относившіеся къ украинскимъ школамъ, хотѣли даже воспользоваться этимъ, чтобы вовсе закрыть ее (1666), но должны были отказаться отъ этого намѣренія въ виду неудовольствія, какое могло бы возбудить это распоряженіе на Украинѣ. Въ 1670-хъ гг. коллегія организовалась наново, расширила свою программу, присоединивъ къ преподаваемымъ ранѣе наукамъ курсы философіи и богословія, и получила, наконецъ, права и титулъ „академіи" (1694).

Время Мазепы, усерднаго покровителя культуры (какъ ее разумѣли въ тѣхъ кругахъ), было временемъ процвѣтанія академіи. Изъ нея вышелъ рядъ видныхъ церковныхъ и общественныхъ дѣятелей. Она служила почти до половины XVIII в. школою, гдѣ получала образованіе украинская интеллигенція вообще — не только духовная, но и свѣтская. Гетманъ Апостолъ, подтверждая за нею ея маетности въ 1728 г., называетъ ее „всему обществу нашему благопотребною, гдѣ малороссійскіе сыны въ наукахъ свободныхъ имѣютъ наставленіе", и дѣйствительно, въ сохранившемся „реестрѣ" учениковъ академіи 1729 г. находимъ среди нихъ представителей почти всѣхъ важнѣйшихъ старшинскихъ семей. Число учениковъ было очень велико: въ среднихъ десятилѣтіяхъ XVIII в. оно переходило за тысячу[1]), и большинство учениковъ было изъ свѣтскаго званія. По образцу кіевской академіи организовались высшія школы въ земляхъ великорусскихъ (начиная съ московской академіи) и украинскихъ—коллегіи и семинаріи въ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ, Бѣлгородѣ, Харьковѣ, и рядъ менѣе значительныхъ. Но при всемъ томъ и академія съ организованными по ея образцу коллегіями, и ихъ ученость все болѣе и болѣе оставались такъ, сказать, за флагомъ: потребности времени и запросы жизни обгоняли ихъ все замѣтнѣе.

Кіевская академія была организована по образцу польскихъ, главнымъ образомъ іезуитскихъ школъ. Ея наука носила преобладающій церковный, богословскій характеръ, и притомъ въ формахъ схоластическихъ. Ея ученость опиралась на средневѣковыхъ методахъ и знаніяхъ и для XVII—XVIII вв. была совершенно устарѣвшею. Въ богословіи до начала XVIII в. и даже позже господствовалъ здѣсь Ѳома Аквинскій, въ философіи—средневѣковые комментаторы Аристотеля. Новыя теченія европейской мысли совершенно не захватывали кіевской школы, и бывшій професоръ философіи въ академіи Георгій Конисскій, уже по выходѣ изъ состава ея преподавателей случайно ознакомившись съ новыми западно-европейскими учебниками философіи, выражалъ искреннее сожалѣніе, что онъ еще въ 1740-хъ гг., преподавая философію, терялъ время „на смѣшныхъ интерпретовъ Аристотелевыхъ". Тѣ же схоластическія формы господствовали въ преподаваніи риторики и піитики—предметовъ, игравшихъ важную роль въ программѣ академіи. Все вообще образованіе, которое давала академія и основывавшіяся по ея образцу коллегіи, имѣло чисто формальный характеръ. Оно давало возможность своему воспитан-

---

1) Вотъ нѣсколько цифръ: въ 1742 г. учениковъ было 1243, въ 1744 г.—1160, въ 1751 г.—1193, въ 1765 г.—1099.

нику пустить тучу художества по всякому поводу и безъ повода, не оставить безъ отвѣта, хотя бы чисто формальнаго, никакого возраженія, говорить рѣчисто и высокопарно, но реальныхъ знаній давало чрезвычайно мало. Да и тѣ были невысокаго качества, такъ какъ академія, повторяю, совершенно не слѣдила и не шла за движеніемъ европейской науки.

То же самое было и съ украинскою книжностью XVII—XVIII вв. Мы встрѣчаемъ выдающихся богослововъ, проповѣдниковъ и полемистовъ, какъ Іоанникій Галятовскій, Иннокентій Гизель, Димитрій Туптало, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Георгій Конисскій. Но тѣ времена, когда религіозные и полемическіе вопросы царили надъ умами, для лѣвобережной Украины особенно, гдѣ православіе господствовало спокойно и прочно, — прошли безвозвратно. А внѣ религіозныхъ вопросовъ украинская книжность давала очень мало. Напримѣръ, изъ сохранившагося рукописнаго матеріала убѣждаемся, что общество очень интересовалось своей исторіей: сохранилось немало списковъ старыхъ историческихъ памятниковъ, сдѣланныхъ въ XVII—XVIII в. (есть даже нѣсколько списковъ большого лѣтописнаго кіево-галицкаго свода XIII в.), есть много компиляцій позднѣйшаго времени; но изъ этого богатаго матеріала ничего не прошло въ печать. Единственная историческая книга, удостоившаяся изданія, — Синопсисъ (1679), краткая исторія Руси, написанная чрезвычайно мертвенно и сухо; достаточно сказать, что въ ней совершенно пройдено молчаніемъ козачество и національная борьба съ Польшею, хотя она составила эпоху въ исторіи народа, и памятью о ней полна была современная Украина. Богатая историческая письменность, посвященная этой борьбѣ,—между ними чрезвычайно интересные мемуары, какъ напр. т. наз. Львовская лѣтопись, лѣтопись Самовидца, оригинальный памфлетъ Величка, многочисленные хронографы, историческія компиляціи и хроники (какъ такъ наз. Супрасльская, Густынская, Сафоновича, Кохановскаго, Боболинскаго и др.), цѣлый рядъ козацкихъ лѣтописей, какъ Грабянки, Лизогуба, Лукомскаго и др.,—всѣ эти произведенія, болѣе или менѣе отражавшія біеніе пульса украинской жизни, не удостоивались вниманія книжниковъ, располагавшихъ издательскими средствами.

Безъ вниманія остался и превосходный историческій эпосъ, слагающійся въ продолженіи XVII в. изъ взаимодѣйствія „элементовъ книжныхъ и народнаго пѣснетворчества, вырабатывающій для себя новую характеристическую форму такъ называемой „думы“. Онъ сохранился только въ остаткахъ задержавшихся въ народной памяти (главнымъ образомъ циклъ думъ о Хмельницкомъ, въ значительной мѣрѣ вытѣснившій изъ обращенія болѣе старыя произведенія) и въ этомъ видѣ составляетъ настоящую гордость украинскаго народа, благодаря своимъ высокимъ поэтическимъ достоинствамъ и живому историческому колориту. Въ устномъ обращеніи осталась и вся превосходная украинская лирика. Немногое изъ поэтическихъ произведеній тогдашнихъ „литературныхъ“ круговъ, удостоенное печати, отличается большею частью крайней безжизненностью: и здѣсь произведенія, болѣе близкія къ жизни и ея интересамъ, большею частью не удостаивались печати; издавались панегирики въ честь высокопоставленныхъ лицъ, убогія вирши высокихъ представителей церкви, а не произведенія, представлявшія болѣе живой интересъ.

Правда, даже болѣе жизненныя произведенія этой схоластической литературы производятъ выгодное впечатлѣніе только по сравненію съ полною безжизненностью большинства—разныхъ панегирическихъ произведеній, виршъ религіознаго или нравоучительнаго содержанія и схоластическихъ школьныхъ драмъ, подражавшихъ давно отжившимъ образцамъ латино-польской схоластики. Но въ значительной степени тутъ сказывалась не только схоластическая отсталость и односторонность школы,

Академическая гравюра въ честь ректора Колачинскаго (1697—1702). Внизу изображенie академическаго зданія и группы студентовъ.

но и политическій режимъ—неблагопріятное отношеніе правительства, чувствовавшееся на Украинѣ очень живо и отражавшееся на литературѣ весьма сильно. Рѣдко касалась она темъ болѣе живыхъ, общественныхъ и національныхъ, да и касаясь ихъ, обыкновенно держалась безобидныхъ общихъ фразъ, не грозившихъ конфликтомъ съ политическими и общественными стремленіями правящихъ и руководящихъ сферъ, и обрабатывала свои темы съ тою же чрезвычайною вялостью и напыщенностью, вообще характерными для схоластической манеры.

Это приходится сказать даже о лучшихъ произведеніяхъ эпохи, какъ, напр., довольно талантливо и сравнительно живо написанное драматическое дѣйствіе: „Милость Божія, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ черезъ Богдана Зѣновія Хмельницкаго свободившая“, неизвѣстнаго автора, вызванное возстановленіемъ гетманства въ 1728 г., оживившимъ надежды украинскаго общества на лучшее будущее, не говоря о несравненно слабѣйшей аналогической „Трагедокомедіи“ Ляскоронскаго, 1729 г., написанной для прославленія Петра II и верховнаго тайнаго совѣта. Бытовыми и общественными элементами наиболѣе (опять-таки—сравнительно) богата драма Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ“ (1747).

Большею жизненностью отличались шутливыя интермедіи, вставлявшіяся въ антрактахъ школьныхъ драмъ для развлеченія удрученныхъ напыщенною схоластикою слушателей, сатирическія произведенія, стихи легкаго содержанія, пародіи. Въ такихъ произведеніяхъ часто употреблялась чистая народная рѣчь, на которую вообще смотрѣли не серьезно: „настоящія“ литературныя произведенія писались макароническимъ языкомъ, все болѣе и болѣе подпадавшимъ вліянію великорусскаго. Впрочемъ со второго десятилѣтія XVIII в. перестаютъ появляться въ печати даже такія „серьозныя“ произведенія: произведенія украинской книжности вообще не печатаются больше; они остаются въ рукописяхъ, и самое „творчество“ въ этой сферѣ совершенно ослабѣваетъ. Причиною были цензурныя стѣсненія россійскаго правительства.

Уже въ XVII в., какъ было упомянуто, въ Москвѣ смотрѣли недоброжелательно на украинскую книгу, подвергали ограниченіямъ ея распространеніе, и съ подчиненіемъ украинской церкви московскому патріархату подчинили московской цензурѣ украинскія изданія. При Петрѣ пошли еще дальше въ этомъ направленіи, осудивъ на смерть вообще украинскую книгу. Въ 1720 г. было издано правительственное распоряженіе, запрещавшее печатать на Украинѣ какія либо книги, кромѣ церковныхъ, съ прежнихъ изданій, „а и оныя церковныя старыя книги съ такими же церковными книгами справливать, прежде печати, съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія не было“ [1]). Этого распоряженія правительство затѣмъ держалось очень строго; особо учрежденный цензоръ занимался исправленіемъ украинскихъ текстовъ и только послѣ такой процедуры книги разрѣшались къ печатанію. Когда въ 1726 г. одинъ изъ кіевскихъ игуменовъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи напечатать акаѳистъ св. Варварѣ, написанный кіевскимъ митрополитомъ, на это дано было разрѣшеніе подъ условіемъ, что акаѳистъ будетъ для изданія переведенъ „на великороссійское нарѣчіе“. То же повторялось и позже. Въ 1769 г. кіевская лавра ходатайствовала предъ синодомъ о разрѣшеніи напечатать украинскій букварь, въ виду того, что московскіе буквари на Украинѣ не покупаются, но синодъ въ разрѣшеніи отказалъ. Даже старыя церковныя книги украинской печати было приказано епархіальному начальству отбирать и замѣнять книгами московской печати.

Какое вліяніе оказывали на литературное творчество эти условія,

[1]) Пекарскій—Наука и литература при Петрѣ, II стр. 193.

Гравюры кіевскихъ изданій XVIII в.—Апостолъ Іуда, Григорія Левицкаго.

легко себѣ представить. А одновременно украинская книжность и украинскій языкъ вытѣснялись также и изъ школы.

Съ послѣдней четверти XVIII в. кіевскіе митрополиты, слѣдуя видамъ и желаніямъ правительства, вводятъ великорусскій языкъ въ преподаваніе кіевской академіи, и она служитъ въ этомъ отношеніи примѣромъ для другихъ духовныхъ школъ. Особенную ревность объ успѣхахъ великорусскаго языка проявлялъ въ 1780-хъ гг. митр. Самуилъ Миславскій, вводившій въ преподаваніе академіи великорусскіе учебники, выписывавшій великорусскихъ преподавателей и прилагавшій всяческія старанія къ тому, чтобы преподаваніе происходило на чистомъ великорусскомъ языкѣ. Было отправлено нѣсколько студентовъ въ московскій университетъ для возможно лучшаго усвоенія великорусскаго языка для преподаванія. Какъ полстолѣтія предъ тѣмъ преподаватели-Украинцы въ великорусскихъ школахъ пріучали учениковъ къ украинскому произношенію—къ большому ихъ неудовольствію, такъ теперь прилагаются попеченія къ усвоенію великорусскаго произношенія въ украинскихъ школахъ. Украинское произношеніе подвергается гоненію; печатаются спеціальныя руководства, даются инструкціи преподавателямъ въ этомъ отношеніи. Епархіальное начальство слѣдитъ, чтобы священники и дьячки читали по-церковно-славянски съ соблюденіемъ великорусскаго, а не украинскаго произношенія; а по присоединеніи правобережной Украины къ Россіи, какъ мы уже знаемъ, особенное вниманіе было обращено также на то, чтобы и здѣсь священники произносили молитвы на великорусскій образецъ.

При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о какомъ либо развитіи украинской національной культуры и жизни.

Старая школа разлагалась, старая литература вымирала. Такая школа и такая литература не могли удовлетворять украинскую интеллигенцію. Начиная уже со второй четверти XVII в., украинскіе юноши не только аристократическихъ, но и просто зажиточныхъ фамилій нерѣдко отправляются въ заграничные школы и университеты (особенно геттингенскій), а когда во второй половинѣ XVIII в. организуются порядочныя училища въ Петербургѣ, туда въ большомъ числѣ направляется и украинская молодежь.

Желали основанія такихъ же школъ и на Украинѣ. До насъ сохранился весьма интересный проектъ основанія университета въ Батуринѣ, составленный въ 1760 г. Тепловымъ, очевидно по порученію гетмана, для представленія императрицѣ. Это долженъ былъ быть, по мысли проекта, свѣтскій университетъ съ кафедрами философскими (историко-филологическими), юридическими, математическими, естественно-историческими и медицинскими, по образцу западныхъ университетовъ, съ приготовительной семинаріей, для приготовленія изъ лицъ недостаточныхъ классовъ спеціалистовъ-ученыхъ. Въ петиціи нѣсколько позже поданной отъ гетмана Разумовского и старшины имп. Екатеринѣ, между прочимъ, содержалось ходатайство объ открытіи въ Кіевѣ взамѣнъ академіи университета съ богословскимъ факультетомъ и другого университета—въ Батуринѣ, безъ богословскаго факультета, а также свѣтскихъ гимназій, однимъ словомъ—высказывались стремленія къ полной секуляризаціи образованія.

Эти ходатайства однако не были осуществлены и за неимѣніемъ свѣтскихъ высшихъ школъ на мѣстѣ, украинская молодежь во множествѣ отправлялась въ столицы. Тогдашняя великорусская школа и литература, имѣвшія совершенно свѣтскій характеръ, съ тѣмъ предпочтеніемъ знаній практическихъ, прикладныхъ, какое получила она подъ вліяніемъ реформъ Петра, подходила гораздо лучше къ потребностямъ времени, чѣмъ

Гравюры кіевскихъ изданій XVIII в.—Апостолъ Павелъ, і Макарія.

богословско-схоластическое направленіе старыхъ украинскихъ школъ, и кто не могъ послать своихъ дѣтей куда-нибудь дальше, большею частью обращался къ столичнымъ великорусскимъ школамъ.

Украинскіе высшіе классы вообще очень цѣнили образованіе. Людей съ европейскимъ образованіемъ среди нихъ было немало уже въ половинѣ XVIII в. Кромѣ чисто-культурныхъ запросовъ, здѣсь сказывалось и желаніе свѣжеиспеченнаго „шляхетства" придать себѣ „благородный" лоскъ, подчеркнулъ свое отличіе отъ сѣрой козацкой массы, изъ которой оно такъ недавно выдѣлилось. Поэтому въ культурности оно не цѣнило національныхъ элементовъ, которые могли бы тѣснѣе привязать его къ почвѣ, къ народу. Наоборотъ, оно тѣмъ болѣе готово было цѣнить образованіе, чѣмъ болѣе послѣднее отдѣляло его отъ народа; отдавали дѣтей даже въ польскіе коллегіумы, хотя они по существу не отличались отъ украинскихъ школъ и ничѣмъ ихъ не превосходили.

Въ результатѣ образованіе, культурные интересы довершали рознь этой интеллигенціи съ народомъ. А такъ какъ изъ всѣхъ чужихъ культуръ у украинской интеллигенціи, и спеціально старшины, было болѣе всего разныхъ связей съ культурою великорусскою, то въ концѣ концовъ она подпадаетъ весьма сильному вліянію этой послѣдней и постепенно „русѣетъ". Ища опоры своимъ сословнымъ стремленіямъ у русскаго правительства, стремясь добиться уравненія въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ, гоняясь за карьерой—въ великорусскихъ правительственныхъ кругахъ и учрежденіяхъ, послѣ уничтоженія украинской автономіи, украинская старшина все болѣе и болѣе втягивалась въ теченіе великорусской культурной жизни, тѣмъ болѣе, что въ этомъ же направленіи воздѣйствовало на нее цѣлымъ рядомъ мѣръ и само правительство, сознательно стремившееся къ „обрусѣнію" Украины.

То же было и съ духовенствомъ, которое, какъ мы знаемъ, еще въ послѣдней четверти XVII в. утратило свою автономію и было непосредственно подчинено великорусскимъ церковнымъ властямъ. Съ началомъ XVIII в. множество духовныхъ лицъ изъ Украины разошлось по всей Россіи на всякія должности, включая самыя высшія и вліятельныя въ церковномъ управленіи. Правительство Петра и его преемниковъ предпочитало болѣе терпѣливыхъ и покладистыхъ Украинцевъ консервативнымъ представителямъ великорусскаго духовенства. Благодаря этому Украинцы почувствовали себя какъ дома въ великорусскихъ земляхъ, смотрѣли на церковное упрявленіе имперіи какъ на свою сферу. Но въ концѣ концовъ это сближеніе тоже повліяло лишь на обрусѣніе украинской церкви и школы. Когда въ срединѣ XVIII в. великорусское духовенство стало выходить изъ роли учениковъ Украинцевъ, эти послѣдніе оказались въ очень тѣсной зависимости отъ него и подъ тѣснымъ вліяніемъ великорусской культуры.

Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. воспитанники кіевскихъ школъ играли роль проводниковъ просвѣщенія и культурности въ великорусскихъ земляхъ, прививая здѣсь многое изъ своей украинской культуры, и еще во второй четверти XVIII в. такой крупный въ исторіи великорусской литературы дѣятель, какъ Кантемиръ, колебался въ своихъ стихахъ между произношеніемъ украинскимъ и великорусскимъ. Но во второй половинѣ XVIII в. украинская книжность, придавленная репрессіями и общимъ обѣднѣніемъ украинской жизни, пошла уже въ хвостѣ литературы великорусской. И по мѣрѣ того, какъ изъ подъ церковнаго языка у великорусскихъ писателей постепенно выступала живая великорусская рѣчь, ее усвояли и писатели изъ Украинцевъ, бросая свою книжную макароническую рѣчь—добровольно и недобровольно, подъ вліяніемъ цензурныхъ запрещеній, тяготѣвшихъ на украинской рѣчи. Общность

церковныхъ элементовъ рѣчи великорусской и украинской послужила мостомъ, незамѣтно приводившимъ украинскихъ писателей къ великорусской письменности.

Съ половины XVIII в. великорусская канцелярская рѣчь господствуетъ въ дѣлопроизводствѣ на Украинѣ. Книжная рѣчь рѣшительно сближается съ великорусской. Старая макароническая рѣчь вымираетъ

Гравюры кіевскихъ изданій XVIII в.: Св. Елена, Аверкія Козачковскаго.

въ половинѣ XVIII в. Она держится нѣкоторое время еще въ домашней перепискѣ, въ средѣ людей, вышедшихъ изъ мѣстныхъ школъ. Пишутъ народнымъ языкомъ, но больше въ шутку: веселыя интермедіи, непритязательныя пародіи, шуточныя и сатирическія стихотворенія. Какъ я уже сказалъ, на народный языкъ смотрятъ не серьезно, онъ представлялся

„просвѣщеннымъ“ Украинцамъ провинціализмомъ, не имѣющимъ никакой будущности. Это „простонародное старинное здѣшнее, съ польскимъ и славянскимъ смѣшанное нарѣчіе“, какъ величалъ его кіевскій митрополитъ Гавр. Кременецкій, находившій необходимымъ даже историческіе украинскіе памятники переводить „на чистый россійской слогъ“. Болѣе внимательнымъ наблюдателямъ народный украинскій языкъ представлялся интереснымъ, но вымирающимъ явленіемъ, и авторъ первой грамматики народнаго языка Павловскій (1818 г.) мотивировалъ свой трудъ чисто-антикварными мотивами, называя украинскій языкъ „ни живымъ, ни мертвымъ“, „исчезающимъ нарѣчіемъ“.

Сознаніе своей особности было довольно сильно, но своеобразно. Не было недостатка въ людяхъ, которые „при всѣхъ наукахъ и въ чужихъ краяхъ обращеніяхъ остались козаками“, какъ аттестовалъ одного изъ нихъ Румянцевъ, и питали горячую любовь къ „своей собственной націи“ и „сладкой отчизнѣ“. При всей зависимости отъ великорусской культуры и народности, они были о себѣ высокаго мнѣнія.

„Эта небольшая частица людей,—писалъ въ 1760-хъ годахъ раздраженный Румянцевъ,—инако не отзывается, что они изъ всего свѣта отличные люди, и что нѣтъ ихъ сильнѣе, нѣтъ ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе, и нигдѣ нѣтъ ничего хорошаго, ничего полезнаго, ничего прямо свободнаго, чтобъ имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть—то лучше всего“.

Подчиняясь авторитету россійскаго правительства, Украинцы отнюдь не признавали первенства великорусской народности предъ своею и склонны были смотрѣть на Великороссовъ свысока.

„Не думай, чтобы ты сама была мой властитель,
Но государь твой и мой—общій повелитель“,—

говоритъ Великороссіи Украина въ діалогѣ „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“, сочиненномъ въ 1762 г. „въ честь и славу и защищеніе всей Малороссіи“ чиновникомъ войсковой канцеляріи.

Очень жива была скорбь объ утраченныхъ правахъ, о потерѣ автономіи. Болѣе смѣлые, какъ мы видѣли, возвращались къ старымъ планамъ автономистовъ. Но все это не было достаточно серьезно, не мѣшало имъ идти по дорожкѣ, указанной изъ Москвы, и, какъ надѣялась Екатерина, стремленіе къ карьерѣ и сословному благосостоянію преодолѣвало „умоначертаніе прежнихъ временъ“. Изъ школы Румянцева вышелъ рядъ чиновниковъ, которымъ ихъ романтическія мечты не мѣшали ревностно тащить государственную колесницу. Украинскіе патріоты ревностно трудились надъ развитіемъ великорусской культуры; извѣстный намъ Капнистъ, съ такою смѣлою миссіею являвшійся въ Берлинъ, составилъ себѣ имя, какъ видный великорусскій писатель, и вообще со второй половины XVIII в. выступаетъ въ великорусской литературѣ цѣлый рядъ болѣе и менѣе замѣтныхъ писателей-Украинцевъ, какъ Рубанъ, Туманскій, Максимовичъ-Амбодикъ, Козицкій, Бантышъ-Каменскій, Хмѣльницкій, Сохацкій, Богдановичъ и множество другихъ, немало потрудившихся для нея, въ большинствѣ ничѣмъ не заявивъ своего украинскаго происхожденія.

Представителемъ этого національнаго упадка выступаетъ предъ нами и наиболѣе крупная фигура украинской культурной жизни второй половины XVIII в.—украинскій философъ Григорій Сковорода. Воспитанникъ кіевской академіи, окончившій свое образованіе за границею, онъ въ самой формѣ своихъ произведеній является характернымъ представителемъ этого переходнаго времени, пиша смѣсью стараго макароническаго языка съ великорусскимъ. Время крушенія стараго строя отразилось на

немъ равнодушіемъ къ національнымъ и соціальнымъ вопросамъ, полнымъ отсутствіемъ національнаго сознанія и исторической традиціи, и этотъ „гражданинъ всемірный“ несомнѣнно отражаетъ въ этомъ отношеніи настроеніе большинства.

Историческая традиція вообще была очень слаба. Живо помнили борьбу съ Польшею, хотя украинскому „шляхетству“ она представлялась также своеобразно—какъ борьба благороднаго (шляхетскаго) козацко-русскаго народа съ шляхтою польскою за свои сословныя привилегіи. Памятны были главнымъ образомъ войны Хмельницкаго, воспѣвавшіяся народными пѣвцами—кобзарями въ циклѣ думъ, своею популярностью заглушившихъ не только болѣе древній эпосъ, но даже въ значительной степени думы болѣе ранней эпохи козачества. За этою героическою эпохою совершенно поблѣднѣла память о болѣе древней исторіи и ею интересовались все меньше и меньше. Авторъ популярнаго „Синопсиса“ черпаетъ свѣдѣнія о древней исторіи Руси изъ польскихъ компиляцій, а XIV—XVI вѣка украинской исторіи для него почти не существуютъ. Такъ какъ исторію древней Руси между тѣмъ включили въ свои компиляціи московскіе компиляторы, то и на Украинѣ вслѣдъ за ними привыкаютъ смотрѣть на эту старую Русь, какъ на часть исторіи Москвы. Утрачено было въ связи съ этимъ и національное имя; послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ терминологіи принимается для украинскаго народа имя „малороссійскаго“, обновленное отношеніями къ Московскому государству—„Великой Россіи“, и подъ „русскимъ“, „россійскимъ“ народомъ начинаютъ разумѣть не Украинцевъ, какъ раньше, а Великороссіянъ.

Такимъ образомъ украинскому народу, повидимому,—судя по его верхнимъ слоямъ,—угрожало окончательное превращеніе въ аморфную этнографическую массу, обреченную на денаціонализацію. Національная смерть, казалось уже вѣяла надъ нимъ. Но народныя массы нашли въ въ себѣ неисчерпаемую силу возрожденія, и то же XVIII столѣтіе, которое видѣло наибольшій упадокъ украинскаго народа послѣ предшествующаго подъема,—принесло съ концомъ своимъ начатки возрожденія. Правда, они были такъ слабы, что получаютъ свое значеніе лишь въ сопоставленіи съ позднѣйшимъ возрожденіемъ.

Литература: П. Житецкаго: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., 1883, Мысли о малорусскихъ думахъ, 1893, Энеида Котляревскаго въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в., 1900 (въ этихъ книгахъ много свѣдѣній о культурной жизни Украины въ XVII—XVIII вв.). Н. Петровъ: Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII и XVIII в., 1911. Перетцъ: Историко-литературныя изслѣдованія, 1900—2. Значительную литературу имѣетъ исторія кіевской академіи; назову Петрова: Кіевская академія во второй пол. XVII в., 1895, Серебренникова: Кіевская академія съ полов. XVIII в., 1897, Вишневскаго: Кіевская академія съ пол. XVIII в., 1904.

Дворецъ Кирилла Разумовскаго въ Почепѣ.

XXVIII. Украинское возрожденіе въ Россіи.

Я отмѣтилъ уже выше, что, несмотря на обрусѣніе высшихъ классовъ Украины, у нихъ оставался извѣстный областный патріотизмъ, скорбь по гетманщинѣ, романтическія воспоминанія о былой славѣ козачества. Легкость, съ которою теряли они свой національной обликъ, не исключила извѣстной національной гордости, а отчужденіе отъ народа не мѣшало съ симпатіею относиться къ особенностямъ, хотя бы и внѣшнимъ, украинскаго быта, къ украинской народной словесности и ея языку.

Такія мѣстныя симпатіи у обрусѣвшей интеллигенціи восточной Украины сами по себѣ однако не имѣли особаго значенія. Они значили не болѣе, чѣмъ подобныя же мѣстныя симпатіи польской и ополяченной интеллигенціи западныхъ украинскихъ земель, выразившіяся въ этнографическихъ и антикварныхъ работахъ въ области украиновѣдѣнія и въ опытахъ поэтической обработки мотивовъ украинской народной словесности. Свое значеніе эти симпатіи получаютъ только съ обращеніемъ подобныхъ украинофиловъ къ народному языку.

Употребленіе этого народнаго языка не прерывалось въ продолженіе всего XVIII в. Къ нему обращались изъ практическихъ соображеній, въ интересахъ удобопонятности для простого народа; такъ, въ руководствахъ для священниковъ мы встрѣчаемъ наставленіе приноравливаться даже къ діалектическимъ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ, такъ какъ они „на Волыни иншіи, на Подолю и на Украинѣ иншіи, въ Полѣсю иншіи“ [1]). Съ другой стороны, самыя руководства поэтики рекомендовали въ извѣстныхъ родахъ творчества, для достиженія комическаго эффекта, выводить какъ простонародныя фигуры, такъ и простонародную рѣчь. Уже начиная съ первой половины XVII в. намъ извѣстны комическія сцены изъ украинскаго простонароднаго быта, вводившіяся въ школьныя представленія; старѣйшія принадлжатъ 1619 г.—это два комическія діалога украинскихъ крестьянъ при трагедіи о смерти Іоанна Крестителя,

[1]) Науки парохіальнія, 1794.

сочиненные галицкимъ Полякомъ Гавватовичемъ. Изъ первой половины XVIII в. имѣемъ рядъ интермедій въ пьесахъ Митрофана Довгалевскаго (1730-хъ гг.) и Георгія Конисскаго (1740-хъ гг.), интересныхъ не только языкомъ, но и комическими типами и положеніями, составляющими прототипъ позднѣйшихъ украинскихъ опереттъ и комедій XIX в.

Въ тѣсной связи съ этими школьными интермедіями стоитъ широко распространенная украинская вертепная драма, представляющая рождество Христово въ лицахъ и наряду съ кантами церковными вводящая также сцены и пѣсни на языкѣ народномъ. Наконецъ болѣе или менѣе на народномъ языкѣ, а очень часто—и на чистой народной рѣчи слагаются стихотворенія различнаго содержанія: религіозно-нравственныя произведенія въ духѣ болѣе старыхъ, макароническихъ кантовъ, лирика личнаго чувства, стихотворныя обработки новеллистическихъ сюжетовъ, посланія и привѣтственныя стихотворенія, сатиры и пародіи. Эти произведенія слагаются то для забавы, чтобы щегольнуть народнымъ языкомъ и простонародными формами, какъ комическимъ средствомъ, соотвѣтствующимъ комическому содержанію, то обращаются къ народному языку, какъ болѣе близкому и въ своей безыскусственности и непосредственности болѣе искреннему и сильному орудію для выраженія чувства.

Эта послѣдняя сфера творчества, заключающая въ себѣ, подобно драматической, также зародыши позднѣйшаго украинской лирики (XIX в.), была особенно широка, но мы совершенно не имѣемъ возможности дать понятія о ея размѣрахъ и развитіи. Впрочемъ, вообще вся эта литература на народномъ языкѣ, оставаясь неизданною, осужденною на распространеніе устное, а самое большее—въ рукописныхъ копіяхъ, гибла и утрачивалась очень скоро. Мы находимъ эти произведенія большею частью случайно, среди сохранившихся въ рукописныхъ сборникахъ стихотвореній, начиная съ наиболѣе старыхъ—XVII и начала XVIII в. Множество ихъ перешло въ устную традицію народа, смѣшавшись съ его поэтическимъ репертуаромъ и утративъ со временемъ первоначальныя, болѣе замѣтныя черты литературнаго, книжнаго сочиненія. Въ огромномъ большинствѣ эта литература осталась анонимною; сохранились лишь немногія имена вродѣ козака Климовскаго (первой пол. XVIII в.), сочинителя лирическихъ стихотвореній, къ числу которыхъ относили извѣстнѣйшую пѣснь „Їхав козак за Дунай [1]), или Некрашевича, священника изъ окрестностей Кіева, второй половины XVIII в., произведенія котораго (діалоги и стихотворныя посланія) отчасти сохранились съ его именемъ, или случайно переданныя въ сборникахъ имена вродѣ Ник. Мазалевскаго, сельскаго дьячка изъ Черниговщины, и др

Эти указанія на сословное положеніе авторовъ вводятъ насъ въ ту среду, въ которой развивалось это творчество. Это та же линія соприкосновенія книжности и народности, книжнаго народнаго творчества, которая дала намъ многочисленныхъ авторовъ популярныхъ книжныхъ кантовъ „Богогласника“. Подвизаются на ней представители низшаго духовенства, дяки бакаляры, учителя сельскихъ школъ, и болѣе зажиточные представители мѣщанскаго и козачьяго сословій, вкусившіе школьной науки.

Вообше старая школа была гораздо демократичнѣе нынѣшней, и

[1]) Никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о Климовскомъ доселѣ однако не удалось собрать, единственно что мы имѣемъ достовѣрнаго—это два стихотворенія, поднесенныя имъ имп. Петру въ 1724 г.: „О правосудію начальствующихъ“ и „О смиреніѣ высочайшихъ“; авторъ подписался на нихъ какъ „харковскій козакъ Семенъ Климовъ“ (см. статьи проф. Перетца въ Извѣстіяхъ отд. русск. языка 1903, I, и В. Срезневскаго въ Сборникѣ харьков. ист.-фил. общества, т. XVI, 1905).

въ кіевской академіи, до ея превращенія въ спеціально-духовное учебное заведеніе (къ концу XVIII в.), среди тысячъ ея учениковъ большинство составляли представители козачьяго и мѣщанскаго сословій. Сельскія же школы съ преподавателями дяками въ XVIII в. были болѣе распространены, чѣмъ нынѣшнія министерскія и земскія школы, какъ показываютъ цифры старыхъ переписей: каждое село обыкновенно имѣло школу, хотя села эти были гораздо меньше нынѣшнихъ. Напр., по переписямъ 1740—1748 гг., въ семи полкахъ Гетманщины было 866 школъ на общео число 35 городовъ, 61 мѣстечекъ, 792 селъ и 206 деревень. По Румянцевской описи, въ Черниговскомъ полку было 142 села и 143 школы. Сравнивая эти данныя съ нынѣшнимъ состояніемъ видимъ воочію, насколько старая школа была доступнѣе нынѣшней: на пространствѣ нынѣшнихъ Черниговскаго, Городенскаго и Сосницкаго у. въ 1768 г. было 134 школы, причемъ одна школа приходилась на 746 душъ населенія, а въ 1875[2] г. было на этой территоріи 52 школы, изъ которыхъ одна приходилась на 6730 душъ). Искавшіе образованія ученики, не имѣвшіе средствъ отправиться въ высшія учебныя заведенія, учились по многу лѣтъ въ такихъ „дяковкахъ“ и нерѣдко „выполировывались“ очень порядочно. Такимъ образомъ школы высшія и низшія создавали довольно широкую среду, гдѣ создавались и распространялись начатки народнаго творчества XVIII в., пока старая школа Гетманщины не погибла подъ давленіемъ регламентаціи, проведенной въ мѣстныхъ отношеніяхъ центральнымъ правительствомъ: введеніемъ церковныхъ штатовъ, закрѣпленіемъ за приходами дьячковъ и стѣсненіемъ ихъ свободнаго передвиженія.

Георгій Конисскій.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія употребленіе народнаго языка въ восточной Украинѣ дѣлается даже болѣе значительнымъ, благодаря тому, что послѣдній не встрѣчаетъ себѣ соперника въ украинскомъ книжномъ (макароническомъ) языкѣ, замирающемъ здѣсь въ срединѣ XVIII в. подъ вліяніемъ цензурныхъ гоненій. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить восточную Украину съ западной, гдѣ книжный языкъ, не подвергаясь спеціальнымъ гоненіямъ, задерживалъ въ большей степени развитіе народнаго. Въ восточной Украинѣ книжный языкъ подвергался гоненіямъ наравнѣ съ народнымъ и такъ какъ изъ этихъ двухъ непризнанныхъ языковъ народный, конечно, имѣлъ въ себѣ гораздо болѣе жизненности, тѣмъ искусственный продуктъ школы—языкъ книжный, то по мѣрѣ того, какъ послѣдній вытѣснялся изъ школы языкомъ великороссійскимъ, старый украинскій книжный языкъ постепенно вовсе выходилъ изъ употребленія. Поэтому тотъ, кто желалъ придать своему произведенію мѣстный, украинскій характеръ, долженъ былъ отнынѣ обращаться къ народному языку.

Послѣдній находитъ также извѣстную поддержку благодаря псевдоклассическимъ теченіямъ, господствующимъ во второй половинѣ XVIII в. въ великорусскомъ и украинскомъ обществѣ. Самъ по себѣ вообще вра-

[2]) См. статьи Лазаревскаго въ Основѣ 1853, кн. V, Павловскаго въ Кіевск. Старинѣ 1904, кн, I, также Земскій Сборникъ Черниг. губ. 1877, кн. II.

ждебный народности, псевдоклассицизмъ однако признавалъ простонародный элементъ въ комическомъ и идиллическомъ родѣ, а его неизбѣжными спутниками являлись пародіи и передѣлки псевдоклассическихъ сюжетовъ на простонародный ладъ. Эти роды творчества прививаются также и на украинской почвѣ. Знаменитая пародія Котляревскаго далеко не была единственнымъ, ни самимъ раннимъ произведеніемъ этого рода. Такъ, мы случайно узнаемъ изъ письма одного изъ представителей новой украинской интеллигенціи Аѳанасія Лобысевича къ Георгію Конисскому (1794), что онъ написалъ передѣлку Буколикъ Виргилія на украинскій ладъ: Лобысевичъ посылаетъ Конисскому своихъ „Виргиліевыхъ пастуховъ, въ малороссійскій кобенякъ переодѣтыхъ", и проситъ у него взамѣнъ копіи украинскихъ интермедій, слышанныхъ имъ въ бытность въ кіевской академіи 1740-хъ гг. Онъ ставитъ очень высоко эти интермедіи и намѣренъ ихъ опубликовать:

„Какъ во всякомъ покроѣ платьевъ,—пишетъ онъ,—такъ во всякомъ нарѣчіи есть своя красота, а къ тому когда и дымъ отечества сладокъ, то сія вонь благоуханія мыслей отечественныхъ есть наисладчайшая; для чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученостью великихъ людей имѣвшей, столько свѣтилъ выпустившей,—для любителей своего отечества, для знающихъ подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнность мыслей, прошу ваше преосвященство велико одолжить меня—интермедіи, Танскаго то или ваши, приказавъ списать по почтѣ мнѣ въ Санктпетербургъ доставить, да изыдетъ въ свѣтъ, да дастъ величіе отечеству своему нашъ Плавтъ, нашъ Мольеръ, ежели что не болѣ [1]); ибо я помню нѣкоторые стихи: описаніе Великодня, бѣгство сатаны и смерти, смерть Іуды—прекрасныя описанія!"

Этотъ интересный отзывъ пріобрѣтаетъ еще болѣе значенія, если мы примемъ въ соображеніе личность его автора. Это представитель высшаго слоя современной украинской интеллигенціи, не только по своему званію полковника русской службы, но и по образованію; онъ закончилъ свое образованіе въ петербургскомъ „академическомъ университетѣ", довольно долго „вояжировалъ" за границей, сотрудничалъ въ великороссійскихъ изданіяхъ. Съ другой стороны, онъ представитель украинскаго патріотическаго круга, какъ человѣкъ, служившій въ гетманскомъ управленіи, близкій къ послѣднему гетману Разумовскому. Въ его лицѣ мы, такимъ образомъ, видимъ сліяніе старыхъ традицій Гетманщины съ новыми культурными теченіями, характеризующее вообще начатки украинскаго возрожденія; новыя теченія, какъ видимъ, не исключаютъ, а наоборотъ поднимаютъ уваженіе и вниманіе къ проявленіямъ украинской національной жизни. Отзывъ Лобысевича объ украинскихъ интермедіяхъ показываетъ, что среди украинскаго образованнаго общества, въ большинствѣ склоннаго смотрѣть на произведенія писанныя на украинскомъ языкѣ какъ на вещи только забавныя, а не настоящую литературу, существовали уже люди иного склада. Они смотрѣли на народныя произведенія серьезнѣе и глубже, какъ на вещи, не уступающія классическимъ образцамъ и могущія составить славу украинскаго „отечества". Если ихъ оцѣнка литературныхъ достоинствъ украинскихъ произведеній преувеличена, то увѣренность, что

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Лобысевичъ называетъ этого Танскаго, автора интермедій (очевидно—вовсе не дошедшихъ до насъ, если только онъ не былъ авторомъ интермедій, вставленныхъ въ пьесу Конисскаго), „славнымъ природнымъ стихотворцемъ, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ". Письмо Лобысевича въ т. II Сборника документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверозап. Руси. Подробности о Лобысевичѣ въ статьѣ Петрова въ I т. сборника: Статьи по славяновѣдѣнію, 1904.

въ этомъ направленіи могутъ быть созданы вещи, могущія занять мѣсто рядомъ съ европейскими образцами, была, конечно, очень цѣнна.

Первое произведеніе, изданное и доступное широкой публикѣ, должно было поддержать эту увѣренность и научить широкую публику смотрѣть серьезнѣе на творчество на украинскомъ народномъ языкѣ. Примѣръ того же Лобысевича, съ такимъ трудомъ старавшагося достать копію такого громкаго произведенія, какъ пьеса Конисскаго, показываетъ ясно, насколько важнымъ тормазомъ развитія украинскаго творчества было отсутствіе печатныхъ изданій, созданное старыми цензурными запрещеніями и затѣмъ державшееся или въ силу инерціи, или въ силу цензурныхъ препятствій (трудно рѣшить). По этому примѣру можно судить, какъ слабо было распространеніе произведеній на украинскомъ языкѣ и какъ легко они утрачивались. Обращеніе народныхъ произведеній къ услугамъ печатнаго станка имѣла въ виду этого очень большое значеніе.

Рядъ талантливыхъ произведеній на народномъ украинскомъ языкѣ, появляющихся въ печати въ послѣднихъ годахъ XVIII и первыхъ десятилѣтіяхъ XIX в. дѣйствительно создаетъ и укрѣпляетъ новое отношеніе къ украинскому слову. Къ нему обращаются все болѣе и болѣе серьезно, какъ къ наиболѣе полному выраженію украинофильскихъ симпатій, какъ къ наилучшему средству общенія со своимъ народомъ, своими земляками.

Такой поворотъ имѣлъ чрезвычайно важное значеніе. Народный языкъ, утраченный уже интеллигенціей и сохраненный только народомъ, обратилъ украинскую интеллигенцію лицомъ къ народу послѣ вѣкового отчужденія отъ него. Научивъ цѣнить и уважать не только языкъ, но и его носителя, онъ послужилъ могущественнымъ средствомъ взаимнаго сближенія. Языкъ рѣшилъ судьбу украинскаго возрожденія, возстановивъ разорванную связь интеллигенціи съ народомъ, открывъ дорогу къ народной душѣ, къ общенію съ нею. Отсюда оригинальное содержаніе, характеризующее эту новую украинскую литературу уже съ первыхъ шаговъ ея—народныя темы творчества, реализмъ и демократизмъ. Языку была обязана Украина тѣмъ, что украинофильство не ограничилось собираніемъ произведеній народной словесности, составленіемъ грамматикъ и словарей, а перешло въ настоящее національное возрожденіе. Съ этой точки зрѣнія первыя литературныя произведенія, вызвавшія серьезное вниманіе къ народному языку и послужившія началомъ литературной обработки его, составили эпоху въ исторіи украинскаго народа.

Нѣсколько позже этотъ поворотъ къ народному украинскому языку, въ значительной степени еще стихійный, мало сознательный, находитъ свое истолкованіе и санкцію въ идеяхъ народности, въ романтическомъ увлеченіи послѣднею, распространяющемся со второй четверти XIX в. въ украинскомъ, такъ точно какъ и въ великорусскомъ и польскомъ обществѣ и въ отзвукахъ славянскаго возрожденія.

Нелегко установить моментъ, съ какого начинается воздѣйствіе этихъ идей на украинское возрожденіе, но значеніе ихъ въ исторіи послѣдняго вполнѣ несомнѣнно. Начавшееся въ Англіи, еще въ первой половинѣ XVIII в., обращеніе къ народности начинаетъ воздѣйствовать на славянскія земли съ концомъ XVIII в., главнымъ образомъ чрезъ посредство германской среды, въ которой идеи народности начинаютъ культивироваться преимущественно съ послѣдней четверти XVIII в. Переходя къ Славянамъ, онѣ встрѣчуются здѣсь съ подобными полустихійными національными теченіями, какія мы видимъ на Украинѣ конца XVIII в., и поддерживаютъ ихъ, давая извѣстную моральную санкцію. Въ этомъ же направленіи воздѣйствуетъ затѣмъ національное движеніе наполеоновской эпохи, и еще позже - начинаютъ взаимно воздѣйствовать симптомы національнаго пробужденія у разныхъ славянскихъ нородностей. Вліяніе балладъ Перси,

Макферсонова Оссіана, „Идей“ Гердера встрѣчается съ первыми попытками собиранія славянскихъ пѣсенъ, начинающимися съ концомъ XVIII в., и болѣе серьезными трудами первой четверти XIX в., какъ сборникъ сербскихъ пѣсенъ Караджича, и немногимъ позднѣйшіе сборники украинскихъ пѣсенъ и статьи Ходаковскаго, Цертелева и др. [1]).

Развивается небывалый дотолѣ интересъ къ народной словесности, къ этнографіи, къ историческимъ традиціямъ, къ національнымъ особенностямъ. „Народность“ становится боевымъ кликомъ культурнаго движенія, предметомъ восторженнаго культа. Въ ея идеяхъ находитъ себѣ подкрѣпленіе и—такъ сказать—теоретическое оправданіе и обращеніе къ народной стихіи, развивающееся среди украинскаго общества, а примѣръ другихъ славянскихъ народностей помогаетъ ему оріентироваться въ задачахъ и потребностяхъ національго возрожденія.

А это обращеніе къ народной словесности, къ изученію народной жизни имѣло на украинской почвѣ опять таки чрезвычайно важныя послѣдствія для украинскаго возрожденія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Украинская народная поэзія, за исключеніемъ сербской, не имѣетъ соперника среди народовъ Европы, а народная жизнь Украины отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ, богатствомъ и колоритностью содержанія. Богатство и высокія качества украинской народной словесности поражали первыхъ собирателей народныхъ произведеній. Украинскій народъ оказывался обладателемъ несравненныхъ сокровищъ поэзіи, творцомъ произведеній, которыя по силѣ и красотѣ можно было смѣло поставить на ряду съ наилучшими образцами народной поэзіи Европы, сопоставить съ выдающимися произведеніями не только народнаго, а и вообще поэтическаго творчества. И этимъ творцомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, была именно сѣрая, безыменная народная масса, порабощенное и угнетенное простонародье, на которое была склонна такъ свысока смотрѣть украинская интеллигенція съ высоты своего невысокаго европеизма.

Какой переворотъ должно было произвести это открытіе въ болѣе чуткихъ и вдумчивыхъ представителяхъ украинской интеллигенціи! Народъ въ ихъ глазахъ становится носителемъ правды и красоты жизни. Возможное приближеніе къ нему становится руководящею идеею творчества, а народная словесность – неистощимою сокровищницею, изъ которой черпаются мотивы и краски творчества.

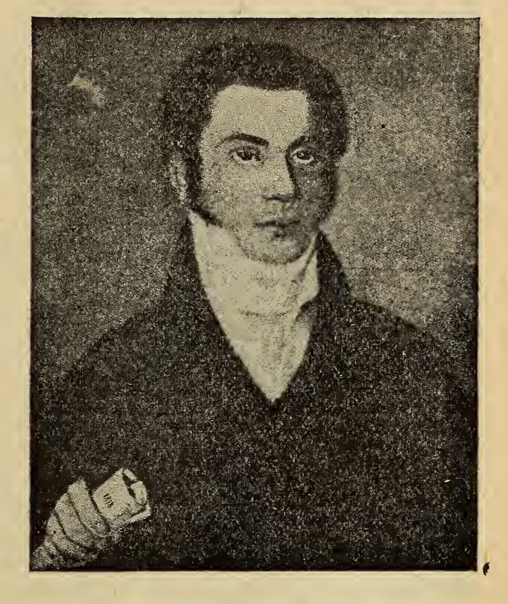
Съ концомъ 20-хъ гг. это теченіе начинаетъ проявляться уже вполнѣ опредѣленно у представителей украинской интеллигенціи. „Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну народности“, пишетъ Максимовичъ въ предисловіи къ первому своему сборнику украинскихъ пѣсенъ“ (1827). „Знаете-ли“,—пишетъ въ открытомъ письмѣ къ нему въ томъ же году другой собиратель произведеній украинской народной поэзіи, Цертелевъ,—„что сію безыскусственную поэзію (народную) предпочитаю я большей части нашихъ романовъ, балладъ и (слушайте. слушайте!) даже многимъ романтическимъ нашимъ поэмамъ“. Благодаря своей оригинальности и колоритности, украинская народная жизнь и прошлое украинскаго народа возбуждаютъ большой интересъ среди великорусскаго общества. Молодой Гоголь, пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 20-хъ гг., съ удивленіемъ замѣчаетъ моду на все украинское среди пе-

---

[1]) Старѣйшій изъ сборниковъ украинскихъ пѣсенъ—Ходаковскаго, собранный главнымъ образомъ въ 1814—1817 гг., не былъ своевременно изданъ (о немъ работа Доманицкаго въ LXV т. Записок Н. т. ім. Ш), такъ что первымъ печатнымъ сборникомъ былъ Опытъ собранія старинныхъ малорос. пѣсней Цертелева, 1819 г. За нимъ послѣдовалъ первый сборникъ Максимовича (1827), „Запорожская Старина“ Срезневскаго (съ 1833 г.) и второй сборникъ Максимовича (1834).

тербургскаго общества и начинаетъ осаждать своихъ родныхъ требованіями присылки этнографическихъ и историческихъ матеріаловъ. Спросъ вызываетъ появленіе множества произведеній на украинскія темы изъ прошлаго и настоящаго. И опять этотъ интересъ въ великорусской литературѣ, несомнѣнно, поощрялъ и ободрялъ Украинцевъ въ ихъ обращеніи къ народной жизни, народному творчеству, народному языку.

Но начавшееся такимъ образомъ на почвѣ языка и литературнаго творчества сближеніе съ народными массами не ограничивалось чисто литературной областью. Оно постепенно вводило представителей украинской интеллигенціи въ пониманіе и соціальныхъ условій народной жизни. Традиціи козацкой эпохи, жившія среди интеллигенціи и весьма живучія въ то время среди народа, съ ихъ амальгамою національно-политическихъ и соціальныхъ мотивовъ, сослужили тутъ также немалую службу. Затѣмъ воздѣйствовало западно-европейское наслѣдіе великой французской революціи, соціальныя теоріи первой половины XIX в., и идеи національнаго освобожденія. Проблески участія къ тяжелому соціальному положенію народныхъ массъ, встрѣчающіеся съ первыхъ страницъ возрождающейся украинской литературы, съ концомъ второй четверти начинаютъ переходить въ вполнѣ сознательные взгляды на соціальное и политическое положеніе народныхъ массъ и кладутъ первыя основы соціальной и политической программы украинства.



Иванъ Котляревскій.

Таковы были общія условія, подъ вліяніемъ которыхъ складывалось и развивалось украинское движеніе.

Долгое время оно было почти исключительно литературнымъ, и ростъ народной литературы создавалъ его этапы.

Какъ я уже сказалъ, появленіе нѣсколькихъ талантливыхъ произведеній на рубежѣ XVIII и XIX вѣка, заставившихъ вдумчиво и серьезно отнестись къ народному языку и народной стихіи въ литературѣ, было первымъ такимъ этапомъ.

Первымъ произведеніемъ въ этомъ рядѣ была пародированная Энеида Ивана Котляревскаго. Авторъ ея происходилъ изъ небогатой дворянской (т. е. признанной въ дворянскихъ правахъ при послѣднихъ реформахъ) семьи, былъ воспитанникомъ старой украинской школы (переяславской семинаріи). Свою пародію онъ написалъ въ молодости, подражая подобной же великорусскій пародіи и едва ли преслѣдуя при этомъ какія-либо цѣли, кромѣ простой шутки. Однако на нее обратилъ вниманіе одинъ изъ образованныхъ и богатыхъ его земляковъ, С. Парпура, и безъ вѣдома автора издалъ его въ Петербургѣ въ 1798 г. Пародія произвела впечатлѣніе и дѣйствительно имѣла полное право на вниманіе: авторъ обнаружилъ въ ней большой литературный талантъ, непринужденный юморъ. Но что главнымъ образомъ создало популярность пародіи Котляревскаго—это талантливые штрихи и цѣлыя картины украинской жизни, которыми авторъ наполнилъ свое произведеніе, представивъ Энея и его

спутниковъ въ видѣ ватаги украинскихъ бродягъ-козаковъ [1]), а также чистый и прекрасный народный языкъ, которымъ оно было написано. Такой большой и талантливой вещи еще не видѣла Украина--въ печати вдобавокъ! [2]) Изъ-за пародированной фабулы Энеиды показалась картина украинской жизни, какой не знала украинская письменность—картина небывалая по широтѣ, реалиму и артистическому исполненію. Перелицьована Енеіда" быстро разошлась и потребовала новаго изданія.

Это внушило Котляревскому желаніе продолжить свое произведеніе: первое изданіе заключало только три пѣсни, впослѣдствіи онъ присоединилъ къ нимъ новыя три. Кромѣ того, онъ написалъ для сцены оперетту „Наталка Полтавка", появившуюся на сценѣ впервые въ 1819 г., и водевиль „Москаль Чарівник". Здѣсь на ряду съ талантливымъ изображеніемъ украинской жизни мы встрѣчаемъ уже сознательное стремленіе автора выдвинуть положительныя стороны народнаго быта и симпатичныя черты народнаго характера. Пьесы эти имѣли огромный и прочный успѣхъ,—онѣ не сошли съ репертуара до сихъ поръ.

Однако, несмотря на громкій успѣхъ Энеиды, мы не видимъ, чтобы она вызвала какое либо литературное движеніе непосредственно уже однимъ своимъ появленіемъ, хотя и встрѣчаются отдѣльныя произведенія, навѣянныя ею. Павловскій, составитель первой грамматики украинскаго языка, изданной въ 1818 г., т. е. двадцать лѣтъ послѣ появленія Энеиды, все еще называетъ украинскій языкъ „исчезающимъ нарѣчіемъ". Впервые то, что можно уже назвать украинскимъ литературнымъ движеніемъ, видимъ мы въ концѣ второго десятилѣтія XIX в., и то не на родинѣ Котляревскаго — въ Полтавѣ, а внѣ границъ старой Гетманщины: въ столицѣ слободской Украины—Харьковѣ. Послѣдній съ основаніемъ здѣсь университета (1805), а потомъ женскаго института становится первымъ культурнымъ центромъ восточной Украины, тѣмъ болѣе, что названныя просвѣтительныя учрежденія были созданы усиліями и матеріальными жертвами самого мѣстнаго общества, а не просто открыты правительствомъ. Въ связи съ этимъ развивается здѣсь весьма оживленная для своего времени литературная и просвѣтительная дѣятельность.

Правда и эти школы, и это движеніе были великорусскими, съ очень слабою мѣстною окраскою. Культура, которая развивалась въ этомъ украинскомъ центрѣ, была также великорусской. Украинское теченіе проявляется очень скромно, въ видѣ нѣсколькихъ украинскихъ книгъ и брошюръ, раздѣленныхъ годами, отдѣльныхъ украинскихъ стихотвореній и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ мѣстныхъ журналахъ и альманахахъ, издаваемыхъ на великорусскомъ языкѣ. Рядомъ съ „настоящею" великорусскою культурою, къ которой серьезно относилось не только правительство, но и мѣстное украинское общество, это украинское теченіе могло считаться еще мелкимъ провинціализмомъ, забавою или капризомъ этнографовъ и антикваріевъ. Но все же, хоть и въ скромныхъ размѣрахъ, это былъ первый литературный украинскій кружокъ, первая „школа". Въ Харьковѣ одинъ за другимъ выступаетъ рядъ писателей съ большими или меньшими дарованіями, пишущихъ по-украински въ харьковскихъ изданіяхъ: Петръ Гулакъ-Артемовскій, авторъ нѣсколькихъ прекрасныхъ

---

[1]) Такіе бездомные козаки были предъ глазами—въ видѣ скитавшихся Запорожцевъ разрушенной Сѣчи.

[2]) Ранѣе Энеиды Котляревскаго изъ произведеній на народномъ языкѣ, не говоря о народныхъ пѣсняхъ, включавшихся въ пѣсенники, напечатана была только небольшая пѣсня основателя Кубанскаго войска А. Головатаго— „Пѣсня Черноморскаго войска, по полученіи на землю высочайшихъ граматъ", напечатанная въ 1792 г., какъ выраженіе лойяльныхъ чувствъ кубанскихъ Запорожцевъ.

стихотвореній (балладъ, сатирическихъ разсказовъ и лирическихъ произведеній, печатавшихся съ 1817 г.), Григорій Квитка — авторъ первыхъ украинскихъ повѣстей, Амвросій Метлинскій и Николай Костомаровъ— украинскіе поэты и этнографы. Харькову же принадлежали и такіе дѣятели, какъ помянутый авторъ первой украинской грамматики Павловскій (1818), издатели украинскихъ пѣсенъ Цертелевъ (1819), Срезневскій (1833) и др.

Въ концѣ 1820 хъ и въ 1830-хъ гг. тутъ уже дѣйствительно есть вполнѣ осязательная украинская группа, при томъ представленная людьми образованными и уважаемыми, къ дѣятельности которыхъ общество должно было относиться съ подобающею серьезностью. Въ чисто-литературномъ отношеніи они дѣлаютъ большой шагъ впередъ и въ отношеніи разнообразія творчества, и въ смыслѣ сознательности его. Появляются теоретическія оправданія писательства на народномъ языкѣ (статья Квитки, 1833 г.). Украинскіе писатели подаютъ руку славянскому возрожденію и романтическимъ интересамъ къ народности. Но болѣе широкой постановки національной украинской идеи здѣсь еще нѣтъ; не только политической, но и опредѣленно выраженной общественной окраски въ произведеніяхъ этой школы мы еще не видимъ.

Т. Шевченко.

Появленіе между украинскими писателями съ конца тридцатыхъ годовъ такого первостепеннаго дарованія, какъ Тарасъ Шевченко, завершаетъ образованіе украинской народной литературы. Для украинскаго возрожденія такое быстрое—въ сорокъ лѣтъ спустя послѣ первыхъ серьезныхъ шаговъ возрожденія народной литературы— появленіе геніальнаго поэта было большимъ счастьемъ. Совершенно справедливо было замѣчено, что съ появленіемъ Шевченка украинская литература не нуждалась въ рекомендаціяхъ. Уже оно одно давало полное оправданіе новой литературѣ—въ глазахъ тѣхъ, кому такое оправданіе было нужно, и полагало прочное основаніе не только народной литературѣ, но и народному возрожденію. Въ тѣхъ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ, въ какихъ стояла украинская народность, состоявшая изъ безгласной, закрѣпощенной и темной народной массы съ одной стороны, и денаціонализованной, потерявшей національное чувство и историческую традицію интеллигенціи,—съ другой, появленіе Шевченка, повторяю, было чрезвычайнымъ успѣхомъ.

Этотъ крѣпостной козачекъ (мальчикъ для посылокъ) и малярскій ученикъ [1]), не получившій никакого правильнаго образованія, но геніаль-

[1]) Онъ родился въ 1814 г. въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи; въ 1838 г. выкупленъ былъ на свободу покровителями его поэтическаго и художественнаго дарованія (онъ былъ также и даровитымъ художникомъ).

ною интуиціею восполнявшій пробѣлы своихъ знаній—составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе во всемірной литературѣ. Какъ лирическій поэтъ глубиною, непринужденностью и непосредственностью чувства и красотой формы онъ не уступаетъ никому, и при этомъ остается уникатомъ по своей народности. Его творчество—это творчество народа, достигающаго сразу, безъ посредствующихъ степеней, высокаго интеллектуальнаго развитія и индивидуальнаго сознанія и соединяющаго въ своихъ созданіяхъ непосредственность народной поэзіи съ сознательностью литературнаго творчества. Въ украинскую литературу Шевченко внесъ новое содержаніе, цѣлый рядъ новыхъ мотивовъ. Укажу только наиболѣе выдающіяся стороны, какъ обращеніе къ прошлому, невиданный предъ тѣмъ энтузіазмъ для народныхъ войнъ XVII—XVIII вв. и козачества, въ идеализаціи котораго, согласно народной традиціи, поэтъ отыскиваетъ мотивы, созвучные его идеаламъ общественной справедливости, свободы и независимости; протестъ противъ крѣпостного права, вытекающій изъ тѣхъ же идеаловъ, и по силѣ и напряженію не имѣющій ничего себѣ равнаго; такой же протестъ противъ политическаго гнета и всякаго посягательства на свободу и достоинство человѣческой личности.

Въ 1845 г., находясь въ зенитѣ своего творчества, Шевченко переселяется въ Кіевъ, гдѣ встрѣчается съ другими двумя корифеями украинскаго возрожденія—историкомъ Костомаровымъ и этнографомъ, позже также выдающимся поэтомъ и историческимъ писателемъ Пантелеймономъ Кулишемъ. Вокругъ основаннаго незадолго передъ тѣмъ кіевскаго университета [1]) собирается кружокъ украинофиловъ, организующихъ такъ наз. Кирилло-меѳодіевское братство. Оно просуществовало недолго, но въ исторіи украинскаго народа имѣетъ то важное значеніе, что здѣсь мы впервые видимъ попытки теоретическаго формулированія украинской идеи въ политической и общественной сферѣ въ духѣ прогресса и свободы. Программа Кирилло-меѳодіевскаго братства возрождала идеи старыхъ „Соединенныхъ Славянъ" 1820-хъ, но со многими существенными поправками. Славянскіе народы, въ число которыхъ, какъ полноправный членъ, включалась также украинская народность, должны были составить федерацію, слагающуюся изъ самостоятельныхъ національныхъ государствъ, объединенныхъ федеральнымъ правительствомъ—„общимъ славянскимъ соборомъ изъ представителей всѣхъ племенъ". Каждая народность должна была „составлять особенную рѣчь-посполитую" (республику), и такимъ же демократическимъ республиканскимъ устройствомъ—„правленіемъ народнымъ, съ правителемъ, избраннымъ на время", должна была вѣнчаться федерація. Во внутреннемъ строѣ національныхъ государствъ должно было быть проведено „всеобщее равенство"—никакого различія сословій, полная свобода вѣры, мысли и слова, и ближайшей своей цѣлью братство ставило „искорененіе рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ" [2]).

Въ литературѣ программа кружка проявить себя не успѣла. Въ 1847 г., по доносу одного студента кіевскаго университета, кружокъ былъ открытъ, участники арестованы и подверглись болѣе или менѣе тяжелымъ наказаніямъ. Шевченко былъ отданъ въ солдаты и сосланъ на азіатскую границу, съ воспрещеніемъ писать и рисовать; Костомаровъ и Кулишъ были высланы, съ воспрещеніемъ литературной дѣятельности, и тому под. Въ развитіи украинской литературы и народнаго возрожденія наступаетъ невольный перерывъ, и только въ концѣ 1850-хъ гг. кирилло-

[1]) Кіевскій университетъ былъ открытъ въ 1834 г. взамѣнъ польскаго университета въ Вильнѣ и такого же лицея въ Кременцѣ (на Волыни), закрытыхъ во время возстанія 1831 г., и съ самаго начала получилъ очень офиціозный характеръ, отъ котораго и позже не успѣлъ освободиться.

[2]) „Уставъ" и „Правила" братства въ журналѣ „Былое", 1906, II.

меѳодіевскіе братчики получають возможность собраться въ Петербургѣ и вернуться къ литературнымъ и ученымъ занятіямъ.

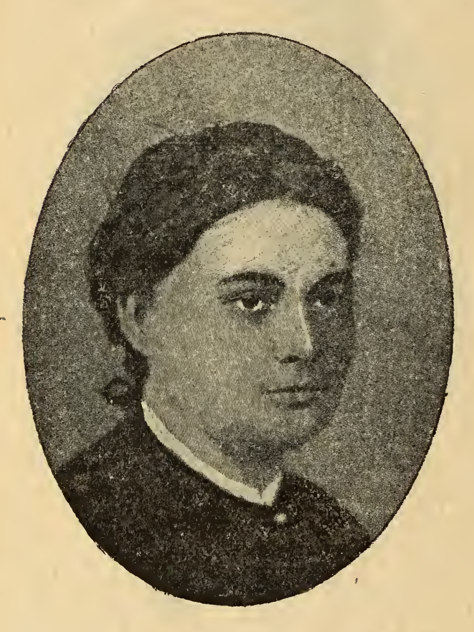
Кулишъ, ранѣе другихъ освобожденный изъ ссылки, развиваетъ весьма энергическую издательскую дѣятельность, собираетъ литературныя силы и послѣ ряда болѣе мелкихъ изданій, въ 1861 г. налаживаетъ съ кружкомъ земляковъ, собравшихся въ Петербургѣ, изданіе перваго литературнаго и общественнаго украинскаго журнала „Основа". Кулишъ и Костомаровъ стояли во главѣ изданія, а умершій въ началѣ 1861 г. Шевченко былъ въ немъ представленъ обильнымъ посмертнымъ своимъ литературнымъ наслѣдіемъ. Журналъ такимъ образомъ являлся органомъ Кирилло-меѳодіевскаго кружка. Но полнаго своего развитія идеи кирилло-меѳодіевской программы въ дѣятельности петербургскаго кружка не нашли, и сдержанность „Основы" во многихъ пунктахъ политическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, очевидно, нельзя объяснять одними цензурными стѣсненіями. Вѣроятно, жизненный опытъ охладилъ мечты юности, а очередныя, существенно важныя для украинскаго народа задачи, выдвинутыя ходомъ русской жизни, заставили стушеваться далекія мечты объ устройствѣ славянскаго міра. Но съ другой стороны очевидно также, что идея полнаго и всесторонняго національнаго развитія украинской народности не представлялась еще съ полною ясностью кружку „Основы".

П. Кулишъ.

Самый фактъ, что центромъ украинскаго движенія конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ сдѣлался Петербургъ—правительственный центръ, удаленный отъ украинской территоріи, показываетъ, какъ слабо было еще это движеніе, какъ связано съ дѣятельностью немногихъ единицъ. Но самъ по себѣ этотъ петербургскій періодъ остается свѣтлымъ моментомъ въ его развитіи. „Основа", несмотря на свое кратковременное существованіе и ограниченность своей національной программы, сдѣлала большое дѣло, впервые объединивъ національные элементы Украины на довольно прогрессивной платформѣ и связавъ украинское движеніе съ прогрессивными и демократическими теченіями великорусскаго общества.

Украинское движеніе, подготовившее въ своей литературѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ гораздо раньше и глубже, чѣмъ это было сдѣлано въ литературѣ великорусской, въ этотъ моментъ, когда освобожденіе крестьянъ стало злобою дня для всей интеллигенціи въ Россіи (въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ), очутилось въ первыхъ рядахъ освободительнаго движенія и въ тѣсномъ общеніи съ нимъ. Въ усиліяхъ,

направленныхъ къ просвѣщенію народныхъ массъ, украинская интеллигенція шла тоже впереди великорусской, напр. въ развитіи воскресныхъ школъ, въ проведеніи народнаго языка въ начальномъ обученіи, и находила полное сочувствіе поддержку въ тогдашнихъ великорусскихъ дѣятеляхъ по народному образованію. Петербургскій комитетъ грамотности ходатайствовалъ въ 1862 г. о введеніи въ народныхъ школахъ Украины преподаванія на украинскомъ языкѣ. Въ его спискѣ рекомендованныхъ для народнаго чтенія книгъ этого года число украинскихъ книгъ почти равнялось числу великорусскихъ (позже, въ изданіи списка 1867 г., когда направленіе комитета измѣнилось, украинскихъ книгъ уже не было).



Марко Вовчокъ (Марія Вилинская. по первому мужу Марковичъ, по второму—Лобачъ-Жученко).

Вообще это время отличается отрадною близостью и солидарностью представителей украинскаго и великорусскаго прогрессивнаго движенія. Въ „Основѣ“ принимали участіе и великорусскіе ученые и писатели: съ другой стороны, петербургскій украинскій кружокъ принималъ участіе въ предпріятіяхъ и манифестаціяхъ прогрессивнаго характера, предпринимавшихся великорусскими писателями. Такъ, напр., имена Шевченка, Костомарова, Кулиша Марка Вовчка и др. виднѣлись среди подписей подъ протестомъ противъ юдофобскихъ выходокъ извѣстной части печати въ 1858 г. Это было очень цѣнное единеніе, такъ какъ раньше украинскіе народники нерѣдко тяготѣли въ сторону реакціоннаго великорусскаго славянофильства, встрѣчая со стороны „западниковъ“ иногда довольно и рѣзкое непріязненное отношеніе (какъ рѣзкая до неприличія выходка Бѣлинскаго по адресу Шевченка). Теперь завязываются прочныя связи украинства съ прогрессивными великорусскими теченіями, много обѣщавшія той и другой сторонѣ.

Съ этой точки зрѣнія перерывъ, произведенный цензурными стѣсненіями, разсѣявшими петербургскій кружокъ, былъ особенно неблагопріятенъ для украинскаго движенія. Интеллигенція великорусская, а съ нею и украинская (въ Россіи) продолжала жить кипучею жизнью; время выдвигало одинъ за другимъ новые вопросы политическаго и общественнаго характера. Украинское же національное движеніе, прерванное въ своемъ органическомъ развитіи почти десятилѣтнимъ антрактомъ, когда получило возможность проявить признаки жизни, принуждено было начать съ того, на чемъ его представители остановились во время „Основы“, т. е. историко-этнографическихъ интересовъ и элементарныхъ для этого нового времени, неясныхъ народническихъ стремленій. Вслѣдствіе этого прогрессивной части общества оно казалось какимъ-то анахронизмомъ и съ тѣхъ поръ сдѣлалось для нея предметомъ снисходительнаго сожалѣнія—или даже извѣстной непріязни.

Дѣятельность кружка „Основы“ была прекращена въ 1863 г., когда на украинофиловъ было брошено подозрѣніе въ связяхъ съ польскимъ

движеніемъ, и „польская интрига“ стала съ тѣхъ поръ для извѣстной части печати въ Россіи обычнымъ оружіемъ борьбы противъ украинскаго движенія. Этихъ глашатаевъ „польской интриги“ не смущало то обстоятельство, что именно съ польской стороны новое украинство встрѣчалось съ ожесточенной враждой. Въ разгаръ украинофильскаго движенія въ началѣ 1860-хъ гг. польскіе помѣщики Кіевской губ. засыпали администрацію доносами на украинофиловъ, обвиняя ихъ въ стремленіи ниспровергнуть существующій строй, а галицкіе Поляки, считая мѣстное украинское движеніе интригою австрійскаго правительства, усердно стараются вооружить это послѣднее противъ представителей украинскаго движенія, обвиняя ихъ въ анархизмѣ и тяготѣніи къ Россіи.

Неосвѣдомленность правительственныхъ сферъ давала благопріятную почву для противоукраинской агитаціи. Подвергались запрещенію такіе вполнѣ невинные украинофильскіе органы, какъ „Черниговскій Листокъ“. Изданіе украинскихъ учебниковъ встрѣтилось съ неопреодолимыми затрудненіями. Начались гоненія на воскресныя школы. Цѣлый рядъ представителей украинскаго движенія подвергся административнымъ высылкамъ и разнымъ преслѣдованіямъ.

Наконецъ, на украинскую литературу обрушивается полная проскрипція. Министръ внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ), ссылаясь на мнѣніе „большинства Малороссіянъ“, которые якобы „весьма основательно доказываютъ, что никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ“, полагаетъ начало новому курсу правительственной политики по отношенію къ украинскому движенію. Подозрѣвая въ украинскомъ движеніи вліяніе „политическихъ замысловъ Польши“, а въ распространеніи грамотности и просвѣщенія среди народа лишь благовидный предлогъ для политической пропаганды, онъ въ 1863 г. предлагаетъ цензурному вѣдомству разрѣшать къ печати на украинскомъ языкѣ только беллетристику, а книгъ учебныхъ, популярно-научнаго и религіознаго содержанія и вообще предназначаемыхъ для народа не разрѣшать впредь до сношенія министра съ другими вѣдомствами [1]).

Противъ такого огульнаго воспрещенія рѣшительно возсталъ министръ народнаго просвѣщенія (Головинъ), находя неумѣстнымъ проектированный министромъ внутреннихъ дѣлъ походъ противъ украинскаго языка, какъ таковаго. „Сущность сочиненія“,—писалъ онъ въ своемъ возраженіи—„мысли, изложенныя въ ономъ, и вообще ученіе, которое оно распространяетъ, а отнюдь не языкъ или нарѣчіе, на которомъ оно написано, составляютъ основаніе къ запрещенію или дозволенію той или другой книги, и стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ или нарѣчіе и для сего писать на немъ и печатать—весьма полезно въ видахъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія“[2]). Тѣмъ не менѣе, распоряженіе Валуева осталось въ силѣ, было очень энергично поддержано со стороны духовнаго вѣдомства, наложившаго въ это время свое veto на изданіе священнаго писанія на украинскомъ языкѣ, а не въ мѣру ретивая цензура перестала разрѣшать къ печати вообще все написанное на украинскомъ языкѣ—даже и беллетристику.

Литературная работа была остановлена въ Россіи почти на цѣлое

---

[1]) „Чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ (малороссійскомъ) языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы, пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться. (Отношеніе министра въ книгѣ М. Лемке: Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 302).

[2]) Тамъ же, стр. 305.

десятилѣтіе. Но развернувшуюся энергію движенія нельзя было остановить этими репрессіями и въ результатѣ эта первая проскрипція украинскаго слова въ Россіи вывзала первый исходъ украинскихъ дѣятелей изъ Россіи въ Галицію.

Литература: о начаткахъ литературы на народномъ языкѣ упомянутая работа П. Житецкаго объ „Энеидѣ" и указанныя выше работы Н. Петрова и В. Перетца. Для литературы XIX в.: Н. Петровъ; „Очерки украинской литературы XIX в.,1883, и обширный разборъ это книги Н. Дашкевича въ отчетѣ о 18 присужденіи преміи Уварова петербургской академіей; Огоновскій: „Історія литературы русскои", Львовъ, II—IV, 1886—1894, и новые, болѣе популярные очерки Ів. Франка: Нарис українсько-руськоі літератури (1910) и С. Ефремова: Історія украинського письменства (1911). Для 40-х годовъ; Ал. Грушевскій: З сороковихъ років (Записки тов. Шевченка т. 83, 85 и 89), и статьи въ Журналѣ Мин. нар. просв. и Извѣстіяхъ петерб. академіи (1908—1913). О кружкѣ „Основы"—И. Стешенко „Украïнські шестидесятники", въ Запискахъ Кіев. укр. н. тов. т. II.

Памятникъ Котляревскому въ Полтавѣ.

„Святий Юр“, львовская митрополичья резиденція.

XXIX. Украинское возрожденіе въ Австро-Венгріи.

Въ Галиціи наличность извѣстнаго культурнаго и національнаго роста, созданнаго подъемомъ ея единственной тогдашней интеллигенціи — уніатскаго духовенства, вполнѣ опредѣленно даетъ себя чувствовать въ первые десятилѣтія XIX в. Вопросъ о преподавательскомъ языкѣ въ народныхъ школахъ, въ которыхъ польская шляхта хотѣла замѣнить украинскій языкъ польскимъ, существенно задѣвъ національные интересы Русинъ, послужилъ поводомъ къ первымъ вполнѣ опредѣленнымъ выступленіямъ съ ихъ стороны въ защиту своихъ національныхъ правъ. Въ 1816 г. митрополитъ Левицкій по иниціативѣ каноника Могильницкаго, крупнѣйшаго изъ представителей наростающаго культурно-національнаго движенія, обратился къ правительству съ ходатайствомъ о введеніи преподаванія на русинскомъ языкѣ во всѣхъ народныхъ школахъ. Когда же комиссія по школьному вопросу постановила уже извѣстное намъ рѣшеніе о введеніи въ народныхъ школахъ преподаванія на польскомъ языкѣ, митрополитъ внесъ протестъ противъ этого. Нѣсколько позже (1822) Могильницкій предложилъ меморіалъ въ защиту полноправности и важности русинскаго (украинскаго) языка; выраженныя тутъ мысли были затѣмъ развиты имъ въ трактатѣ „Вѣдомость о русскомъ языкѣ“ [1]), изданномъ въ 1829 г. въ польскомъ извлеченіи, по адресу польской шляхты, подъ названіемъ: „Rozprawa o jezyku ruskim“. Это былъ первый ученый трактатъ въ защиту украинскаго языка и поэтому перепечатывался много разъ въ Австріи и въ Россіи—все въ томъ же сокращенномъ видѣ [2]). По иниціативѣ того же Могильницкаго основано было въ Перемышлѣ въ 1816 г. первое русинское общество для распространенія просвѣщенія среди народа на народномъ языкѣ; впрочемъ, несмотря на свой очень скромный, клерикальный характеръ, общество это встрѣтило сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны польскаго духовенства и базиліанъ и сразу же заглохло.

Гораздо успѣшнѣе были труды по организаціи русинскихъ частныхъ (церковныхъ) школъ, которыми приходилось вознаграждать населеніе за утрату офиціальной народной школы, получившей польскій характеръ

[1]) Напомню, что въ этомъ „этимологическомъ“ правописаніи ѣ нужно читать какъ и.

[2]) Полный текстъ изданъ только теперь—Українсько-Руський Архив т. V, 1910.

послѣ извѣстнаго намъ рѣшенія школьной комиссіи. Стараніями духовенства, душею которыхъ былъ тотъ же Могильницкій, въ короткое время создана была очень значительная сѣть начальныхъ (приходскихъ) и низшихъ (т. н. тривіальныхъ) школъ: напр. въ 1833 г. въ перемышльской епархіи считалось 385 приходскихъ („парохіальныхъ") и 24 „тривіальныя" школы. Для приготовленія учителей была организована своего рода учительская семинарія въ Перемышлѣ. Для потребностей этой новой школы составлялись учебники; являлась надобность въ грамматикѣ языка, который долженъ былъ служить и языкомъ преподаванія и предметомъ литературной обработки, и это обстоятельство ставило на очередь вопросъ объ отношеніи литературнаго и преподавательскаго языка къ народной стихіи.

Въ 1820-хъ годахъ этотъ вопросъ еще не имѣетъ позднѣйшей остроты и принципіальности. Авторы первыхъ извѣстныхъ намъ грамматикъ склоняются къ народной стихіи, хотя и считаютъ нужнымъ „очищать отъ грубыхъ заблужденій простонародной рѣчи", приближая ее къ старой книжной и церковнославянской рѣчи. На такой точкѣ зрѣнія стоитъ Могильницкій въ своей оставшейся неизданной, недавно отысканной „Граматикѣ языка словено-руского", составленной въ 1820-хъ гг., и другой перемышльскій каноникъ Лаврівскій, приготовлявшій также грамматику (извѣстную лишь въ рукописныхъ фрагментахъ).

Яковъ Головацкій.

Принципіальнымъ и жгучимъ вопросъ дѣлается въ 1830-хъ гг., когда народный языкъ получаетъ новыхъ убѣжденныхъ и горячихъ сторонниковъ. Тутъ сказывалось уже непосредственное вліяніе и славянскаго возрожденія, одинъ изъ видныхъ дѣятелей котораго Б. Копитаръ спеціально интересовался украинскою народностью и усиленно совѣтовалъ галицкимъ Русинамъ развивать книжный языкъ на чистой основѣ народнаго. Еще болѣе вліяли, конечно первыя пробы литературной обработки народнаго языка въ восточной Украинѣ. Начинается полемика между защитниками церковнаго книжнаго языка и народной рѣчи. Авторъ первой печатной западно-украинской грамматики, Мих. Лучкай, изъ угорской Украины, и авторъ первой галицкой грамматики Іосифъ Левицкій, склонявшіеся въ сторону книжнаго языка (а первый и въ сторону литературнаго великорусскаго), вызываютъ протестъ со стороны галицкаго грамматика Іосифа Лозинскаго, довольно рѣшительно (не безъ непосредственнаго вліянія Копитара) ставшаго на стону народнаго языка (1833—34).

Еще болѣе рѣшительную позицію занимаетъ въ этомъ смыслѣ кружокъ молодыхъ богослововъ, образовавшійся въ львовской семинаріи въ 1830-хъ гг., и подъ вліяніемъ указанныхъ выше факторовъ, а также тогдашней революціонной польской пропаганды въ Галиціи, усвоившій народническіе и вообще прогрессивные взгляды. Во главѣ его стояла такъ называемая „русская троица" [1]), отъ которой выводится обыкновенно національное возрожденіе галицкихъ Русинъ: Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ, въ началѣ 30-хъ гг. слушавшіе философію и богословіе во Львовѣ. Подъ вліяніемъ первыхъ литератур-

---

[1]) Я напомню еще разъ, что въ Галиціи удержалась и доселѣ традиція русскаго имени, и тутъ называютъ „руским" языкъ и племя украинское.

ныхъ произведеній и опытовъ народоизученія въ восточной Украинѣ, кружокъ этотъ также занимается изученіемъ исторіи и словесности украинскаго народа, собираетъ этнографическій матеріалъ и пробуетъ свои силы на народномъ языкѣ, который стремится провести въ церковную проповѣдь и практику. Шашкевичъ потомъ пріобрѣлъ значеніе перваго народнаго поэта Галиціи; Головацкому выпало на долю стать первымъ патентованнымъ ученымъ украиновѣдомъ—профессоромъ украинскаго языка и литературы на новооснованной каѳедрѣ львовскаго университета; Вагилевичъ, живой, импульсивный, занимался по немногу всѣмъ: исторіей, словесностью, археологіей, этнографіей.

Но ихъ начинанія были встрѣчены въ офиціальныхъ кругахъ очень неблагопріятно: настроеніе здѣсь съ 1780-хъ годовъ измѣнилось радикально. Мѣстная австрійская администрація подозрительно отнеслось къ симптомомъ нового украинскаго движенія. Имѣя достаточно хлопотъ съ польскимъ національнымъ движеніемъ, она опасалась новыхъ затрудненій съ оживленіемъ русинскаго общества, проявленій съ его стороны какихъ либо свободолюбивыхъ стремленій и въ результатѣ—національныхъ конфликтовъ.

Тотъ же Копитаръ, о которомъ мы только что говорили какъ о сторонникѣ національнаго возрожденія галицкихъ Украинцевъ, какъ ревностный австріякъ, подалъ австрійскому правительству мысль обезопасить австрійскихъ Украинцевъ отъ нежелательныхъ вліяній россійской Украины, и результатомъ его представленій было послѣдовавшее въ 1822 г. воспрещеніе ввоза въ Австрію книгъ церковной и гражданской печати. Первый альманахъ „Зоря“, составленный кружкомъ Шашкевича, попавши въ руки Копитара какъ цензора былъ отосланъ имъ, для большей надежности, на заключеніе митрополита и въ концѣ концовъ запрещенъ (1834) Свой новый альманахъ—„Русалка Днистрова“, составленный изъ народныхъ пѣсенъ и собственныхъ произведеній еще болѣе осторожно, чѣмъ „Зоря“, кружокъ Шашкевича, чтобы избѣжать австрійской цензуры, издалъ въ Пештѣ, но когда книгу прислали во Львовъ, всю ее конфисковала цензура, и только въ 1848 г. добились ея выдачи.

Спеціальная цензура, учрежденная для мѣстныхъ украинскихъ изданій и порученная одному изъ наиболѣе реакціонно настроеныхъ представителей уніатскаго духовенства Вен. Левицкому, съ величайшею подозрительностью относилась ко всему, что выходило изъ рамокъ традиціи. Грамматика Лозинскаго подвергалась запрещенію, потому что цензура замѣтила въ ней реформаціонныя тенденціи въ области языка, нарушающія „основную черту русинскаго характера—консервативность“! Совершенно невинныя вещи: книги церковнаго содержанія, оды въ честь императорскаго дома конфисковались потому, что были написаны недостаточно архаическимъ церковнымъ языкомъ или напечатаны не церковнымъ, а гражданскимъ шрифтомъ. Строго лойяльныя историческія произведенія отдавались на всякій случай на просмотръ Полякамъ, „чтобы предотвратить тренія между обѣими сторонами“.

Не удивительно послѣ этого, что кружокъ Шашкевича подвергся всяческимъ гоненіямъ. Самъ Шашкевичъ—талантливый писатель, первый національный поэтъ Галицкой Руси, умеръ отъ лишеній черезъ нѣсколько лѣтъ на „голодовкѣ“. Вагилевичъ также не вынесъ этихъ преслѣдованій и погибъ. Все затихло.

Движеніе было придавлено. Но національная идея не умерла, тѣмъ болѣе, что среди этихъ гоненій на галицкихъ народниковъ крѣпла и выходила на широкую дорогу народная украинская литература въ восточной Украинѣ, служа постояннымъ стимуломъ галицкому народничеству. Гробовое молчаніе реакціи, которая погребла первые начатки галицкаго возрожденія, нарушила буря 1848 г. Но галицкая Украина была

слишкомъ задавлена, слишкомъ окоченѣла, чтобы принять участіе въ освободительномъ движеніи. Къ тому же революціонное движеніе въ Галиціи представляли Поляки, ихъ цѣлью было возстановленіе Польши въ историческихъ границахъ, чему Русины, разумѣется, не могли сочувствовать. Правительство искало въ нихъ опоры противъ Поляковъ, и они откликнулись ня этотъ призывъ съ полною готовностью. Не безъ участія тогдашняго австрійскаго намѣстника Стадіона (о которомъ долго потомъ Поляки говорили, что онъ „изобрѣлъ" Русинъ въ Галиціи), началась организація ихъ: основанъ политическій клубъ „Головна Рада", начала выходить газета „Зоря Галицька".

Отчасти вслѣдствіе такой поддержки правительства, отчасти изъ оппозиціи Полякамъ, русинское движеніе 1848 г. получило характеръ чрезвычайно консервативный и лояльный—австрійскій. Это направленіе его находило свое оправданіе въ благихъ намѣреніяхъ австрійскаго правительства, заявлявшаго твердое намѣреніе ввести украинскій (русинскій) языкъ въ средней и высшей школѣ восточной Галиціи, отдѣлить ее въ административномъ отношеніи отъ польскихъ областей (западной Галиціи), съ которыми она оказалась совершенно случайнымъ образомъ связанной. Въ этомъ смыслѣ и дѣлались нѣкоторыя начинанія (позже, въ 1850 г. даже былъ изданъ законъ, размежевавшій Галицію на три національныя территоріи, двѣ однородныя по національному составу и третью—смѣшанную). Большое впечатлѣніе произвела послѣдовавшая въ томъ же 1848 году отмѣна „панщины" (барщины) и крѣпостной зависимости и призывъ украинскаго населенія въ организаціи своей національной гвардіи, въ противовѣсъ организаціямъ польскимъ.

Осипъ Федьковичъ, знаменитый буковинскій поэтъ.

Не безъ вліянія такихъ офиціальныхъ теченій украинское общество Галиціи взяло довольно опредѣленную національную ноту. Помянутая „Головна Рада" и созванный осенью того же года „Соборъ русскихъ ученыхъ" поставили цѣлый рядъ весьма раціональныхъ требованій и резолюцій, предвосхищавшихъ во многомъ позднѣйшую программу галицкаго возрожденія. Таково, напр., было помянутое требованіе, чтобы Галиція была раздѣлена на двѣ національныя территоріи; чтобы въ школахъ былъ введенъ русинскій языкъ; чтобы было организовано просвѣтительное учрежденіе по образцу чешской „Матицы"; чтобы установлена была единообразная грамматика и правописаніе для „рускаго" (т. е. украинскаго) языка и онъ былъ ясно отграниченъ отъ польскаго и великорусскаго,—соборъ, какъ и вообще все это движеніе, стремился къ отграниченію украинской народности и отъ польской и отъ великорусской. Но въ концѣ концовъ офиціозный характеръ движенія еще болѣе содѣйствовалъ тому, что во главѣ украинскаго движенія стали элементы крайне консервативные, реакціонные, которые очень скоро задавили все свѣжее, возрождающее въ новомъ движеніи, когда правительство перестало поддерживать своими вліяніями чисто народные, національные элементы этого движенія.

Австрійское правительство послѣ подавленія революціоннаго движенія, переставъ нуждаться въ Русинахъ, вообще перестало ими интере

соваться и оказывать имъ свою поддержку, и русинское движеніе, опиравшее всѣ свои расчеты на его поддержку, падаетъ и глохнетъ. Клерикально-консервативные элементы, игравшіе роль вождей и представителей русинскаго народа, его единственная тогда „интеллигенція", на 9/10 состоявшая изъ священниковъ и смотрѣвшая на митрополита съ его соборнымъ капитуломъ, какъ на вождей народа, почувствовали себя безсильными и безпомощными безъ правительственной поддержки. Они остались пассивными зрителями важныхъ перемѣнъ, совершавшихся во внутреннихъ отношеніяхъ Галиціи среди затишья реакціи, воцарившейся во всей Австріи послѣ бурь 1848 г. На ихъ глазахъ выплывали снова наверхъ реакціонные, клерикально-шляхетскіе польскіе элементы и снискавъ довѣріе центральнаго правительства, получали край въ свое полное, безраздѣльное и безконтрольное управленіе. Правительство головою выдавало польской шляхтѣ своихъ вѣрныхъ слугъ, „восточныхъ Тирольцевъ", какъ называли Русинъ за оказанную въ 1848 г. вѣрность Австріи.

Иванъ Франко.

Должность намѣстника Галиціи начинаетъ замѣщаться по рекомендаціи польскихъ аристократовъ. Вся администрація переходитъ въ руки шляхты. Польскій языкъ становится языкомъ дѣлопроизводства и сношеній, вводится въ гимназіяхъ и университетѣ для всѣхъ предметовъ. Русины увидѣли себя во власти своихъ вѣковѣчныхъ враговъ, которые пошли на службу правительству за цѣну безконтрольнаго господства въ Галиціи и приступили къ систематической работѣ (praca organiczna) надъ подавленіемъ русинскаго народа, осмѣлившагося имъ показать рога въ 1848 г.,—надъ превращеніемъ его въ аморфный строительный матеріалъ будущей, возобновленной Польши.

Русины немного выиграли и отъ введенія конституціи, представительнаго правленія и самоуправленія провинцій, начатаго октябрьскимъ патентомъ 1860-го и законченнаго австро-венгерскимъ соглашеніемъ 1867 г. При представительномъ образѣ правленія польская шляхта, захватившая въ свои руки представительство Галиціи, имѣла возможность оказывать правительству цѣнныя услуги въ общеимперскихъ дѣлахъ и зато могла разсчитывать съ его стороны на еще большую поддержку въ своихъ планахъ утвержденія польскаго господства въ Галиціи. Задержавъ въ своихъ рукахъ управленіе краемъ, получивъ подавляющее большинство въ новоучрежденномъ галицкомъ сеймѣ, польская шляхта отгораживаетъ Галицію непроницаемой стѣною отъ всякихъ вмѣшательствъ центральнаго правительства и парламента и, не считаясь ни съ законами; ни съ конституціей, которую на галицкой почвѣ она сводитъ къ чистой пародіи, стремится къ тому, чтобы превратить Русинъ въ покорныхъ подданныхъ польскаго господства.

Русинская интеллигенція долго ограничивалась вздохами и глухими жалобами на это усиливающееся польское преобладаніе. 1850-е года, когда начинается эта перестройка галицкихъ отнощеній, были глухимъ и темнымъ періодомъ въ жизни русинскаго общества. Начатки народничества были чрезвычайно слабы. Сравнительно смѣлыя требованія и взгляды 1848 года были забыты. Въ литературѣ и публицистикѣ, чрезвычайно

жалкихъ и бѣдныхъ, снова возникли споры между сторонниками сближенія съ народомъ и его языкомъ и приверженцами „книжнаго“ языка и „высшей“ культуры, образцомъ которой являлась то старорусская книжность, то великорусская—преимущественно XVIII вѣка. Самые эти споры велись такъ вяло и съ такимъ слабымъ культурнымъ аппаратомъ, что совершенно не подвигали вопроса, обращавшагося въ зачарованномъ кругу. Вопросъ объ очищеніи уніатскаго обряда въ дѣйствительности занималъ умы русинскихъ интеллигентовъ-священниковъ гораздо сильнѣе, чѣмъ эти принципіальные вопросы. Сколько нибудь активная политика ихъ пугала, такъ какъ Русины боялись усилить шансы Поляковъ, прогнѣвивъ центральное правительство, въ ихъ глазахъ все еще остававшееся единственнымъ якоремъ спасенія.

Наконецъ, такъ называемая „азбучная война“, возгорѣвшаяся въ 1859 году по поводу предложенія намѣстника Галиціи гр. Голуховскаго—ввести латинскій алфавитъ въ русинскую письменность, вывела Галицкую Русь изъ оцѣпененія. Введеніе латинскаго „абецадла“ казалось заупокойнымъ звономъ по русинской душѣ. Съ большимъ единодушіемъ, забывъ свои распри, Русины выступили противъ этого проекта и успѣли убить его: встрѣтивъ рѣшительный протестъ, правительство не настаивало на этомъ нововведеніи.

Ольга Кобылянская.

Этотъ эпизодъ яснѣе поставилъ передъ глазами русинской интеллигенціи опасность, грозившую имъ отъ возрождающейся Польши. Бездѣйствіе грозило гибелью, нужно было искать выхода. Къ активной борьбѣ, къ организаціи украинскаго народа противъ польскаго господства эти священники и чиновники были органически неспособны. Имъ нужна была внѣшняя опора. Извѣрившись въ австрійскомъ правительствѣ, вполнѣ подпавшемъ подъ вліянія польской аристократіи и администраціи, систематически оклеветывавшей ее въ отсутствіи австрійской лойяльности, въ тяготѣніи къ Россіи и православію, галицкая интеллигенція дѣйствительно все сильнѣе начинаетъ обращать свои взоры къ этому исконному сопернику Польши—Россіи.

Этотъ поворотъ подготовлялся постепенно. Приверженцы высшей культуры и „салоннаго языка“, за неимѣніемъ таковаго на мѣстѣ, дѣйствительно давно уже стали обращаться къ великорусской книжной рѣчи, и свое „язычіе“ уподоблять этой послѣдней. Это тяготѣніе было поддержано сношеніями съ нѣкоторыми русскими панславистами, особенно Погодинымъ. За чисто литературнымъ тяготѣніемъ пошло и политическое. Русское вмѣшательство въ венгерскую кампанію надолго оставило импозантое впечатлѣніе въ Галиціи, черезъ которую проходили русскія войска. Они напоминали о существованіи въ могущественномъ сосѣднемъ государствѣ „русской вѣры“ и „русскаго языка“ (сумароковскаго типа), довольно близкаго къ книжнымъ упражненіямъ Галичанъ. Вздыхая подъ гнетомъ польской шляхты, галицкіе „патріоты“ съ удовольствіемъ останавливали свои мечты на русскомъ царствѣ, такъ рѣзко и безпощадно подавлявшемъ у себя стремленія Поляковъ къ возстановленію исторической Польши. Николаевская Россія рисовалась мечтающимъ Галичанамъ—священникамъ

и чиновникамъ —въ идеальныхъ чертахъ. Погромъ Австріи подъ Садовой оживлялъ надежды на вмѣшательство русскаго правительства въ австрійскія дѣла. Ожидали близкаго разрушенія Австріи, и русская оккупація Галиціи казалась совсѣмъ близкой.

Въ такихъ обстоятельствахъ представители „москвофильскаго“ теченія (какъ оно было названо) въ львовской газетѣ „Слово“ 27/VII 1866, подъ впечатлѣніемъ Кенигреца, выступили съ новымъ credo, которое затѣмъ было разработано въ подробностяхъ. Галицкіе Русины, гласило оно—одинъ народъ съ Великоруссами; нѣтъ никакихъ Русинъ, есть только одинъ „русскій“ народъ, отъ Карпатъ до Камчатки. Украинская рѣчь — говоръ „русскаго языка“, отличающійся только произношеніемъ, и „въ одинъ часъ“ Галичанинъ можетъ научиться говорить по-великорусски; подъ такимъ заглавіемъ вышло тогда и руководство: „Въ одинъ часъ выучиться Малорусину по великорусски“. Въ виду всего этого трудиться надъ созданіемъ народной украинской литературы—праздная затѣя: есть готовая великорусская литература, которую нужно только усвоить.

Въ этомъ направленіи пошло большинство галицкаго общества, въ числѣ его и люди, такъ недавно (на Соборѣ 1848 г. и въ тоговременныхъ изданіяхъ) защищавшіе самобытность и отдѣльность украинскаго языка, необходимость національнаго развитія Русинъ на народной основѣ и поддержанія тѣсныхъ связей съ Украиною. Во главѣ ихъ оказался одинъ изъ представителей „троицы“ Яковъ Головацкій, занявшій новооткрытую кафедру украинскаго языка и литературы во львовскомъ университетѣ (1849) и возвеличившій тогда украинскій языкъ громкою фразою, получившею значительную популярность [1]). Теперь и его, какъ многихъ другихъ, подхватила москвофильская волна. Къ консервативнымъ, бюрократическимъ симпатіямъ этой священнической и чиновничьей „интеллигенціи“ какъ нельзя больше подходила дореформенная Россія (прогрессивная Россія 60-хъ и послѣдующихъ годовъ была и осталась имъ неизвѣстною и чуждою), а общественной инерціи и лѣности мысли этихъ косныхъ, реакціонныхъ элементовъ чрезвычайно благопріятствовала москвофильская постановка русинскаго вопроса.

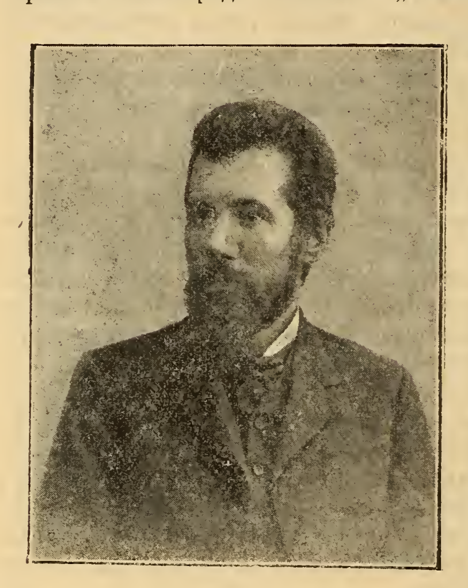
„Патріотамъ“ этого калибра она чрезвычайно облегчала положеніе: несомнѣнно, легче было признать положеніи Галиціи безвыходнымъ и возложить надежду на оккупацію ею Россіею, чѣмъ работать надъ организаціею народныхъ силъ, развитіемъ просвѣщенія и экономическаго благосостоянія народа и рисковать личнымъ благосостояніемъ, вступая въ борьбу за народные интересы съ Поляками и правительствомъ. Русскій путешественникъ, посѣтившій въ 1860-хъ гг. Львовъ, разсказываетъ о галицкихъ патріотахъ, встрѣченныхъ имъ на замковой горѣ: они объяснили ему, что на своихъ прогулкахъ высматриваютъ, не приближаются ли освободители—русскія войска!.. Въ ожиданіи этой блаженной минуты считалось достаточнымъ пріобщиться общерусской культурѣ, посвятивъ „одинъ часъ“, не болѣе, изученію великорусскаго языка [2]), и почивать подъ сѣнью польско-австрійскаго режима, устраивая подъ ея покровомъ свое собственное благосостояніе.

---

[1]) „Бандтке называетъ его прекраснѣйшимъ изъ славянскихъ, Мицкевичъ—изъ русскихъ языковъ, Бодянскій превозноситъ его поэтичность и музыкальность и ставитъ наравнѣ съ греческимъ и итальянскимъ, Коубекъ и Мацеевскій считаютъ его лучшимъ чешскаго, Раковецкій сожалѣетъ, что онъ не сдѣлался господствующимъ во всей Россіи, а знаменитый великорусскій писатель Даль Луганскій признаетъ ему первенство предъ великорусскимъ народнымъ и книжнымъ языкомъ“. („Розправа о языцѣ южнорусскимъ“, 1850).

[2]) Это изученіе ограничивалось обыкновенно усвоеніемъ нѣсколькихъ

Но рядомъ съ этимъ клерикально-бюрократическимъ большинствомъ выступаетъ меньшинство—особенно изъ тогдашней молодежи. Послѣдней украинское движеніе въ Россіи, оживившееся какъ разъ тогда, съ конца 50-хъ годовъ, было симпатичнѣе офиціальной Россіи, а народная украинская литература съ ея демократическимъ и народническимъ направленіями и романтическими мечтами о козачествѣ—ближе и понятнѣе и по языку, и по содержанію. чѣмъ великорусская литература „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма", съ которой носились москвофилы (иначе „староруссы" или „твердые" Русины). Эта молодежь находила болѣе достойнымъ работать надъ улучшеніемъ положенія своей порабощенной народности, чѣмъ желать расплыться въ „русскомъ морѣ", и предпочитала брабатывать народный языкъ—„языкъ пастуховъ и свинопасовъ", какъ его презрительно называли приверженцы „салоннаго" языка, чѣмъ „штокать" и „какать" съ изучившими „въ одинъ часъ" великорусскій языкъ своими „твердыми" земляками. Среди этой молодежи широко распространяется идеализація козачины (студенты и гимназисты даже одѣвались „по-козацки"). Украина для нея является священною землею, „Кобзарь" Шевченка—евангеліемъ. Представители этого направленія стараются приблизиться къ языку украинскихъ писателей, какъ образцовой обработкѣ народнаго языка, и въ своей литературной дѣятельности примыкаютъ къ украинскому литературному движенію, получивъ и названіе „украинцевъ" или „народовцевъ".



Василь Стефаникъ.

Въ 1862 г. выходитъ первый литературный органъ этого направленія—„Вечерниці", литературный еженедѣльникъ, въ значительной степени заполненный перепечатками произведеній украинскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Но этотъ кружокъ народовцевъ былъ еще слишкомъ слабъ; „Вечерниці" не просуществовали и года, и журналы, основывавшіеся взамѣнъ ихъ (Мета, Нива, Русалка, 1863—66), были тоже не долговѣчны. Только съ 1867 г. налаживается журналъ „Правда" и издается потомъ до 1880 г. Такъ какъ въ Россіи украинскія періодическія изданія не могли выходить вовсе, то „Правда" до нѣкоторой степени служила органомъ всеукраинскимъ, насколько это возможно было при цензурныхъ стѣсненіяхъ, не допускавшихъ ее, какъ и другихъ галицкихъ украинофильскихъ изданій, въ Россію.

Это было именно время, когда поборники національнаго развитія украинской народности въ Россіи, встрѣтясь съ категорическими запрещеніями правительства, приходятъ постепенно къ сознанію необходимости перенести свою дѣятельность въ Галицію, создавъ изъ нея своего рода духовный украинскій Пьемонтъ,—пріютъ, гдѣ бы украинство могло дви-

---

словъ, употреблявшихся гдѣ попало, когда „изучившій" хотѣлъ щегольнуть своимъ образованіемъ Вслѣдствіе этого великорусскій языкъ „твердыхъ" Галичанъ сдѣлался притчею во языцѣхъ. Только въ самое послѣднее время москвофильская молодежь нѣсколько основательнѣе усвояетъ великорусскій языкъ.

гаться и развиваться. не испытывая перерывовъ и крушеній, постигавшихъ его въ Россіи. Между тѣмъ, какъ правительственеые и офиціозные круги Россіи поддерживали москвофильскія изданія и организаціи Галиціи[1]), приверженцы украинскаго возрожденія въ Россіи приходятъ на помощь неокрѣпшимъ, медленно развивавшимся побѣгамъ галицкаго народовства. Матеріальною и моральною поддержкою, личнымъ вліяніемъ, перепиской, сочиненіями, сотрудничествомъ въ галицкихъ изданіяхъ они содѣйствуютъ развитію національнаго движенія въ Галиціи и создаютъ почву, на которой оно могло осуществлять свою національную программу въ культурной, соціальной и политической сферѣ.

Конечно, это развитіе украинства въ Галиціи, плоды котораго обыкновенно оставались совершенно недоступными для болѣе широкихъ круговъ въ Россіи, далеко не вознаграждало за лишеніе возможности работать въ этомъ направленіи у себя дома, непосредственно для украинскаго населенія Россіи,—но все же давало возможность движенія, прогресса. Поэтому наиболѣе дѣятельные и энергическіе приверженцы украинскаго движенія переносятъ свою дѣятельность въ Галицію, особенно въ періоды наиболѣе рѣзкихъ и полныхъ запрещеній украинскаго слова въ Россіи.

Уже послѣ перваго запрещенія украинской литературы въ Россіи (1863 г.) многіе украинскіе писатели входятъ въ сношенія съ народовскими кружками Галиціи, принимаютъ участіе въ ихъ изданіяхъ, оказываютъ имъ моральную и матеріальную поддержку, особенно на первыхъ порахъ, когда народовство опиралось на небольшихъ кружкахъ, преимущественно молодежи. И въ борьбѣ, которую повела эта молодежь съ консервативнымъ большинствомъ, со всѣмъ, что тогда представляло собою общественное мнѣніе Галиціи для нея чрезвычайно важно было чувствовать, такъ сказать, въ своихъ рядахъ представителей зарубежной, великой „соборной" Украины, рисовавшейся сквозь дымку романтической идеализаціи царствомъ украинской славы, безграничной—только временно усыпленной силы и могущества. Непосредственное участіе представителей украинскаго движенія такихъ, какъ Кулишъ, Марко Вовчокъ и другіе, давало драгоцѣнное освященіе этимъ первымъ и робкимъ шагамъ піонеровъ галицкаго движенія. Галиція, нѣкогда своими культурными силами создавшая кіевское національное движеніе начала XVII вѣка, имѣло возможность теперь съ помощью украинскихъ силъ возрожденной Украины укрѣпить свою національную позицію и перейти къ болѣе широкой національной дѣятельности.

Особенно дѣятельное участіе въ галицкихъ изданіяхъ этого перваго періода, 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, принималъ П. Кулишъ и пользовался большимъ вліяніемъ и авторитетомъ. На немъ почила слава украинскаго возрожденія, кружка кирилло-меѳодіевцевъ, Шевченка и „Основы", которой онъ являлся представителемъ. Его разностороніе таланты и свѣдѣнія дѣлали его чрезвычайно цѣннымъ двигателемъ начинающагося литературнаго движенія, хотя его политическія идеи этой эпохи въ Галиціи не были къ двору. Кулиша занимали національныя отношенія Украины, такъ сказать ликвидація національныхъ споровъ съ Польшею и Москвою, и онъ дѣлалъ попытки устроить союзъ украинства съ правящею польскою партіею Галиціи. Эти попытки, какъ можно было предвидѣть, окончились полной неудачей: украинское возрожденіе и польская шляхта, вѣр-

---

[1]) Такъ, напр., особое совѣщаніе по вопросу объ украинствѣ 1875 г. вырабатывавшее запретительныя мѣры противъ украинскаго движенія въ Россіи, одновременно признало необходимымъ субсидировать „Слово"—главный органъ галицкихъ москвофиловъ, для противодѣйствія развитію украинства въ Галиціи.

ная идеѣ исторической Польши,—это были элементы несоединимые, и Кулишъ самъ въ концѣ-концовъ въ этомъ убѣдился; но независимо отъ этого его дѣятельность имѣла большое значеніе въ исторіи галицкаго возрожденія 1860—70-хъ гг. Кромѣ него усердно работаютъ въ галицкихъ изданіяхъ другіе писатели изъ россійской Украины, какъ Кониссkій, Нечуй-Левицкій и др. При слабости культурныхъ силъ галицкаго народовства эта поддержка возрожденной галицкой литературѣ была чрезвычайно цѣнна. Въ значительной степени ей было обязано своимъ ростомъ галицкое „народовство".

Выросши изъ незначительныхъ кружковъ молодежи 60 хъ гг., въ 70-хъ годахъ оно становится уже значительною силою. Это—меньшинство въ сравненіи съ представителями „твердаго" или москвофильскаго направленія, но меньшинство сильное, жизненное, привлекавшее къ себѣ все болѣе живое въ обществѣ. Въ то время какъ партія „твердыхъ" коснѣла и разлагалась въ своемъ реакціонерствѣ и отчужденіи отъ народа, народовство крѣпло и разрасталось. Начавъ съ дѣятельности литературной (журналъ „Правда", общество Просвіта для изданія книжекъ для народа съ 1868 г., Товариство імени Шевченка, основанное на капиталъ, собранный Украинцами въ Россіи), оно затѣмъ начинаетъ принимать участіе и въ политической жизни края. Изъ культурныхъ центровъ Галиціи переходитъ онъ въ провинцію, постепенно дѣлаетъ завоеванія среди мѣщанскаго и крестьянскаго населенія, пріобщаетъ къ общей національной жизни Буковину (не успѣваетъ только достигнуть того же въ наиболѣе закоснѣвшей, захваченной москвофильствомъ и мадьяризаціею угорской Украинѣ).

Однако этотъ внѣшній ростъ грозилъ цѣнности внутренняго содержанія. Элементы нейтральные, пассивные, переходившіе на сторону „народовцевъ" по мѣрѣ того, какъ послѣдніе пріобрѣтали нравственное преобладаніе,—массы духовенства и чиновничьей интелигенціи, принимая національную форму, неизбѣжно вкладывали въ нее въ весьма значительной степени свое старое содержаніе, вынесенное изъ эпохи клерикально-бюрократической реакціи, и передвигали вправо центръ тяжести національнаго движенія. Непосредственное участіе украинскихъ силъ въ галицкомъ движеніи было чрезвычайно цѣнно въ томъ отношеніи, что оно нейтрализовало вліяніе этихъ правыхъ элементовъ галицкой интеллигенціи и заставляло послѣднюю двигаться по равнодѣйствующей, приспособляясь къ прогрессивнымъ идеямъ и стремленіямъ украинскато движенія Россіи.

Литература: кромѣ названныхъ въ предыдущей главѣ трудовъ Огоновскаго, Франка и др., еще Украïнсько-руський архив т. III и IV, Збірник фільольгічноі секціі Наук. тов. ім Шевченка т. VIII—XII (документы и переписка), много статей и замѣтокъ, въ Запискахъ Наук. тов. Шевченка. Кромѣ того Свѣн-цицкій: Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси, I—II, (Львовъ, 1906—8). Ост. Терлецький—Літературні стремління галицьких Русиніи (въ журналѣ Жите і Слово, 1894), и его-же Галіцько-руське письменство 1848—1865 (Львовъ, 1903) (книга даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе, заключая въ себѣ очеркъ жизни галицкаго общества этого времени).

Украинская труппа Кропивницкаго 1887—88 гг. (въ центрѣ Кропивницкій, Заньковецкая, Садовскій, ниже Саксаганскій).

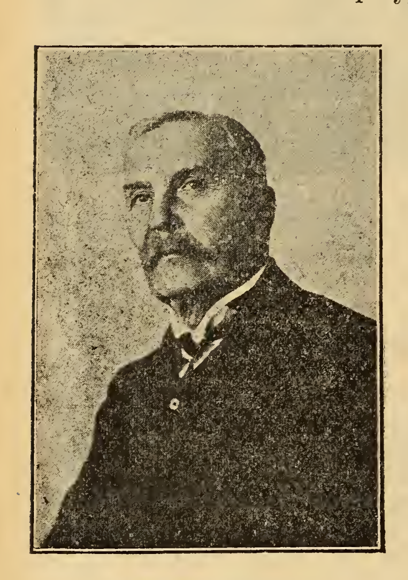
XXX. Послѣднія десятилѣтія.

Цензурныя и административныя репрессіи, которымъ подверглось украинское движеніе въ Россіи въ 1863 г., нѣсколько ослабѣли къ началу 1870-хъ гг., и это дало украинцамъ нѣкоторую возможность литературной и организаціонной дѣятельности. Центромъ ея въ это время становится Кіевъ, на смѣну ослабѣвшему и разрѣженному петербургскому кружку. Подъ воздѣйствіями послѣдняго въ теченіе 1860 гг. въ Кіевѣ успѣли нарости значительныя группы Украинцевъ изъ воспитанниковъ мѣстнаго университета, преданныя интересамъ украинскаго возрожденія, и среди нихъ возникаетъ мысль объ образованіи научнаго общества, которое объединило бы и дало извѣстныя организованныя формы работѣ по изученію прошлаго и настоящаго украинскаго народа.

Сравнительно съ кружкомъ петербургскимъ, занятымъ главнымъ образомъ созидательною дѣятельностью въ широкихъ народныхъ массахъ, въ новомъ кіевскомъ замѣчалось усиленное тяготѣніе въ сторону научныхъ изученій. Отчасти это объясняется обиліемъ въ кіевскомъ кружкѣ крупныхъ научныхъ силъ, стоявшихъ во главѣ его и естественно дававшихъ тонъ и направленіе его интересамъ (историки Антоновичъ и Драгомановъ, филологи Житецкій и Михальчукъ, этнографы Рудченко и Чубинскій, извѣстный юристъ и изслѣдователь обычнаго права Кистяковскій, и наряду съ этими извѣстными уже въ то время учеными много начинавшихъ талантливыхъ ихъ учениковъ). Съ другой стороны здѣсь сказывались общія теченія тогдашней жизни Россіи, изъ періода усиленнаго общественнаго строительства начала 1860-хъ гг. попавшей въ полосу все усиливавшейся реакціи. Революціонное движеніе, выражавшее протестъ наиболѣе радикально настроенныхъ общественныхъ элементовъ противъ этой реакціи, не привлекало національно-настроенные украинскіе элементы, особенно въ виду рѣзко выраженныхъ имъ централистическихъ тенденцій.

Въ противовѣсъ революціоннымъ теченіямъ кіевскій кружокъ усиленно выдвигаетъ культурную и въ особенности научную сторону—развитіе украиновѣдѣнія.

Въ 1872 г. ему удалось получить разрѣшеніе на открытіе въ Кіевѣ юго-западнаго отдѣла географическаго общества и послѣдній послужилъ центромъ, вокругъ котораго сгруппировались мѣстныя украинскія силы и организовалась живая научная работа, давшая рядъ весьма цѣнныхъ и важныхъ изданій по исторіи, этнографіи, языку („Записки юго-запад. отдѣла“, „Труды экспедиціи въ юго-западный край“, организованной Чубинскимъ, „Историческія пѣсни малорусскаго народа“ Антоновича и Драгоманова, труды Антоновича, Житецкаго и др.). Собранный въ Кіевъ въ 1874 г. археологическій съѣздъ, вызвавъ чрезвычайный интересъ въ обществѣ, далъ блестящій смотръ украинскимъ изученіямъ. Одновременно начинаетъ оживать и литературная дѣятельность, украсившаяся рядомъ болѣе или менѣе крупныхъ талантовъ, какъ авторы повѣстей —Нечуй-Левицкій, П. Мирный, Ал. Конисскій, поэтъ и драматургъ Мих. Старицкій; полагаются начатки серьезной разработки народной музыки и украинской оперы (сборники Лысенка и его же опера „Різдвяна ніч“).



Микола Лысенко.

Но эта передышка была непродолжительна — продолжалась всего нѣсколько лѣтъ и была прервана новыми репрессіями. Правительство было обезпокоено донесеніями объ успѣхахъ украинской идеи, которыми его засыпалъ особенно тогдашній предсѣдатель кіевской археографической комиссіи, Мих. Юзефовичъ, взявшій на себя роль блюстителя государственныхъ интересовъ на Украинѣ. Несмотря на весь аполитизмъ кіевскаго украинскаго кружка, возбуждавшій среди самихъ Украинцевъ недовольство своимъ одностороннимъ „культурничествомъ“, дѣятельность его была признана опасной съ государственной точки зрѣнія. Юзефовичъ настаивалъ, что и украинское національное движеніе составляетъ измышленіе австрійско-польской интриги и проводитъ замаскированный соціализмъ.

Это сопоставленіе соціализма съ австрійской интригой получаетъ необыкновенную пикантность, если вспомнить, какой воистину безграничный страхъ въ австрійскихъ административныхъ сферахъ того времени чувствовали предъ всѣмъ, могущимъ хотя бы отдаленно напоминать соціализмъ. Тѣмъ не менѣе эти безграмотныя выдумки производили впечатлѣніе въ правящихъ сферахъ. Въ началѣ 1875 г. правительствомъ было организовано особое совѣщаніе, съ участіемъ Юзефовича. Въ виду представленій Юзефовича и донесеній цензурнаго вѣдомства, усматривавшаго въ украинофильствѣ стремленіе къ политическому обособленію, „скрытое посягательство на государственное единство Россіи“, совѣщаніе рѣшило употребить всѣ усилія къ тому, чтобы остановить украинское движеніе. Кіевское отдѣленіе географическаго общества было закрыто, надъ учебными заведеніями украинскихъ губерній установленъ особый надзоръ, а относительно литературы были выработаны весьма строгія стѣсненія, утвержденныя въ 1876 г. и извѣстныя по имени своего иниціатора подъ на-

званіемъ „закона Юзефовича“. Въ виду того значенія, какое онъ получилъ въ исторіи украинской жизни, я приведу его цѣликомъ:

Государь Императоръ 18 минувшаго мая Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ:

1. Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи.

2. Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь:

а) историческихъ документовъ и памятниковъ,

б) произведеній изящной словесности,

но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній русской словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати,—и

3. Воспретить различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ языкѣ, а равно и печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ.

Хотя это распоряженіе, какъ видимъ, не воспрещало украинской беллетристики, но и на этотъ разъ, какъ послѣ запрещенія 1863 г., цензурная практика шла гораздо дальше буквы распоряженія, и никакія украинскія книги, если не считать нѣкоторыхъ случайныхъ появленій, совершенно не пропускались цензурою. Доходило до неимовѣрныхъ курьезовъ, вродѣ вычеркиванія украинскихъ словъ изъ разсказовъ, писанныхъ по-великорусски, или требованія, чтобы при исполненіи на концертахъ украинскихъ пѣсенъ или романсовъ слова были переведены на великорусскій или французскій языкъ, и т. д. Только въ связи съ общимъ смягченіемъ цензурныхъ условій время принесло нѣкоторое облегченіе этихъ стѣсненій. Генералъ-губернаторы—кіевскій (Чертковъ) и харьковскій (Дондуковъ-Корсаковъ) возбудили вопросъ объ отмѣнѣ ограниченія украинскаго слова, указывая на то, что распоряженія 1876 г., не подавляя національнаго движенія, своими ничѣмъ не оправдываемыми крайностями вызываютъ лишь ненужное раздраженіе среди украинскаго общества; ген.-губ. Чертковъ считалъ необходимымъ, для возстановленія нормальныхъ отношеній, освободить украинское слово вообще отъ всякихъ спеціальныхъ ограниченій, поставивъ его въ одинаковыя условія съ великорусскимъ.

Въ виду этихъ компетентныхъ представленій въ 1881 г. было образовано новое совѣщаніе, которое, однако, не нашло возможнымъ отмѣнить стѣсненій украинскаго слова и ограничилось лишь нѣкоторыми частичными льготами: разрѣшило печатать украинскіе словари, представлять украинскія пьесы, исполнять произведенія на украинскомъ языкѣ.

Впрочемъ, и эти украинскіе спектали были обставлены цѣлымъ рядомъ стѣсненій. Циркуляръ 1881 г. требовалъ для каждаго спектакля особаго разрѣшенія губернатора или генералъ-губернатора и запрещалъ организацію спеціальныхъ украинскихъ театровъ и труппъ. Въ виду этого, напримѣръ, разрѣшали ставить украинскія пьесы только съ тѣмъ, чтобы кромѣ украинской пьесы въ тотъ же вечеръ была дана и великорусская пьеса, притомъ не меньшей величины. Начальникамъ губерній поручалось внимательно слѣдить за украинофилами, „избравшими сцену орудіемъ сввоей пропаганды“ (циркуляръ 1881 г.). Долгое время всякія украинскія представленія были совершенно воспрещены въ предѣлахъ кіевскаго генералъ-губернаторства, къ которому принадлежали тогда губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Черниговская и Полтавская, т. е. большая часть украинской территоріи Россіи, и украинскія труппы

„для пропитанія" принуждены были скитаться по великорусскимъ городамъ, и т. п.

По отношенію ко всякаго рода украинскимъ произведеніямъ печати цензурѣ внушалось особенная строгость, даже по отношенію къ беллетристикѣ, и давалась свобода совершенно безграничному усмотрѣнію, такъ какъ цензорамъ поручалось не только запрещать все противорѣчащее общимъ цензурнымъ правиламъ, „но при малѣйшемъ къ тому поводу сократить число такихъ произведеній въ цѣляхъ чисто-государственныхъ" [1]). И цензура усердно дѣйствовала въ этомъ направленіи.

Конечно въ подобныхъ условіяхъ сколько-нибудь правильное развитіе украинской литературы и украинскаго движенія было немыслимо. Оно, правда, обнаруживало свою жизненность очень сильно. Въ продолженіе 1870-хъ и 1880-хъ годовъ появился цѣлый рядъ крупныхъ изслѣдованій, касающихся Украины; созданъ былъ спеціальный органъ для ея изученія взамѣнъ закрытаго въ 1876 г. кіевскаго географическаго отдѣла („Кіевская Старина", съ 1882 г.). Выступилъ цѣлый рядъ талантливыхъ беллетристовъ и и драматурговъ; развился украинскій театръ, пріобрѣвшій, несмотря на всѣ стѣсненія, широкую популярность въ цѣлой Россіи; явилась украинская музыка. Но никакое правильное развитіе было невозможно тамъ, гдѣ появленіе украинской книги было счастливой случайностью; гдѣ изъ беллетристическихъ произведеній большинству не суждено было увидѣть свѣта и именно—наиболѣе серьезнымъ, идейнымъ произведеніямъ; гдѣ не допускалось изданіе на украинскомъ языкѣ сочиненій научныхъ, популярныхъ книгъ для народа и т. п.; гдѣ даже сочувствіе украинству, участіе въ украинской литературѣ—хотя бы въ формахъ самыхъ невинныхъ, доставляло непріятности иногда даже очень серьезныя.

Ив. Карпенко-Карый, крупнѣйшій представитель бытовой украинской драмы.

Поэтому передвиженіе украинской культурной и общественной работы изъ Россіи въ зарубежную Украину, начавшееся послѣ первой проскрипціи 1863 г., продолжало усиливаться въ продолженіе 1870-хъ гг. Еще до появленія указа 1876 г. полная необезпеченность судьбы украинскаго движенія въ Россіи, въ окружавшей его атмосферѣ инсинуаціи и доносовъ, чувствовалась настолько живо, что созданіе органовъ украинскаго движенія внѣ предѣловъ досягаемости уже тогда являлось для многихъ неотложной необходимостью. Тогда явилась мысль объ основаніи въ Львовѣ украинскаго литературно-научнаго общества, и результатомъ было упомянутое уже „Товарищество імени Шевченка", учрежденное въ 1873 г. На собранныя въ Россіи средства была устроена при немъ типографія, имѣвшая служить цѣлямъ украинской литературы и науки. Но собранныхъ небольшихъ средствъ (около 9.000 гульденовъ), не хватило на оборудованіе типографіи, она долго еще была принуждена обращать всю энергію на расплату съ наиболѣе неотложными долгами

---

[1]) Предложеніе петербургскому цензурному комитету отъ 8 января 1892 г. — см. въ запискѣ Петербургской академіи (Императорская академія Наукъ отъ отмѣнѣ стѣсненій украинскаго слова, 1905).

и не могла думать о собственныхъ изданіяхъ литературныхъ или научныхъ: только въ 1880 гг. „Товариство" могло приступить къ осуществленію, хотя бы скромному, своихъ задачъ. До тѣхъ поръ роль всеукраинскаго литературно-общественнаго органа играла „Правда", въ которой довольно дѣятельное участіе принимали и украинскіе писатели и публицисты изъ Россіи.

Цензурныя условія тогдашней Галиціи впрочемъ тоже не отличались либеральностью, въ особенности по отношенію къ всему, что имѣло хотя бы отдаленное сродство съ соціализмомъ или „колебало основы" въ какихъ-либо другихъ отношеніяхъ; поэтому наряду съ галицкими изданіями появляются украинскія изданія въ Швейцаріи, въ Женевѣ. Эмигрировавшій въ 1876 г. изъ Россіи М. П. Драгомановъ съ другими украинскими эмигрантами основались тутъ, предпринявъ изданіе русско-украинскаго журнала „Громада", посвященнаго главнымъ образомъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ украинской жизни. Это былъ органъ кіевскихъ „политиковъ", въ противовѣсъ „культурникамъ" выдвигавшихъ вопросы политическіе и общественные. Въ Россіи, по цензурнымъ условіямъ, онъ не имѣлъ большого распространенія, но въ Галиціи женевскій кружокъ, путемъ изданій и личныхъ сношеній, пріобрѣлъ большое вліяніе, въ особенности среди молодежи.

Въ особенности имѣло здѣсь большое значеніе воздѣйствіе самого Драгоманова. Онъ еще въ Кіевѣ очень интересовался зарубежной Украиной и придавалъ большое значеніе связямъ съ ней. Затѣмъ выѣхавъ изъ Россіи и поселившись въ Вѣнѣ, потомъ въ Женевѣ, онъ поддерживаетъ отсюда живыя сношенія съ галицкой интеллигенціей и галицкими изданіями и оказываетъ большое вліяніе на галицкихъ народовцевъ, хотя и въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ, напримѣръ, Кулишъ. Собственно національныя отношенія не особенно занимали Драгоманова, онъ былъ неустаннымъ и очень рѣзкимъ проповѣдникомъ европеизаціи народовства и украинофильства, сообщенія ему прогрессивнаго характера, соціальнаго содержанія, въ духѣ умѣреннаго („постепеновскаго") соціализма, и въ этомъ смыслѣ оставилъ глубокіе слѣды въ исторіи украинскаго, спеціально галицкаго возрожденія, которое дѣйствительно нуждалось въ воздѣйствіи въ такомъ направленіи.

Его дѣятельность въ этомъ направленіи была затѣмъ поддержана рядомъ энергическихъ послѣдователей въ самой Галиціи, среди которыхъ первое мѣсто по разносторонности дарованій и вліянію занялъ Иванъ Франко, въ 1870-хъ гг. начавшій свою литературную дѣятельность.

Скоро обнаружилось рѣзкое расхожденіе между все наростапшими умѣренными, или точнѣе консервативными элементами среди народовцевъ и приверженцами идей Драгоманова и женевскаго кружка.

Около 1890 г. вожди народовцевъ разорвали блокъ съ москвофилами, въ который вошли въ интересахъ общей борьбы съ польскимъ режимомъ, и заключили союзъ съ правительствомъ, привлеченные обѣщаніемъ существенныхъ національныхъ уступокъ. Этотъ оппортунизмъ былъ очень несочувственно принятъ галицкимъ обществомъ, такъ какъ на дѣлѣ это оказалось союзомъ съ польскою шляхтою, представлявшею правительство для Галиціи и за цѣну довольно незначительныхъ уступокъ въ сферѣ національной культуры, вродѣ открытія еще одной украинской гимназіи, одной каѳедры въ львовскомъ университетѣ и тому под., требовавшей отъ народовцевъ отреченія отъ ихъ оппозиціи польско-шляхетскому режиму, капитуляціи предъ нимъ. Кружокъ Драгоманова, незадолго передъ тѣмъ отдѣлившійся отъ народовцевъ и организовавшійся въ отдѣльную партію такъ называемыхъ радикаловъ, нашелъ живое сочувствіе своею критикою народовскаго оппортунизма (т. *н.* но-

новой эры или „угоды“), и это много содѣйствовало успѣхамъ новой партіи. Какъ партія, впрочемъ, она не процвѣла, но имѣла немалое значеніе какъ стимулъ прогрессивности для народовцевъ, лѣвое крыло которыхъ она фактически собою представляла.

Подъ давленіемъ радикальной полемики и стоявшаго подъ ея вліяніемъ общественнаго мнѣнія украинскаго общества, руководители украинской политики скоро разорвали „угоду“ съ польскими правящими кругами и стали въ довольно рѣзкой оппозиціи къ послѣднимъ и поддерживавшему ихъ центральному правительству. По примѣру радикаловъ, стремившихся опереться на крестьянскія массы, и народовцы идутъ въ народъ, организуютъ его для борьбы съ шляхетскимъ режимомъ, стремятся поднять его общественное и политическое сознаніе. Въ продолженіе 1890-хъ гг. народовцы подъ вліяніемъ этого стимула подвинулись влѣво настолько, что въ концѣ 1900 г. могло произойти ихъ сліяніе съ радикалами: народовская партія приняла всѣ главные пункты радикальной программы — соціальнаго и прогрессивнаго характера. Хотя нельзя сказать, чтобы эти принципы дѣйствительно проникли въ толщу народовской партіи — послѣ этой реформы, принявшей офиціальное названіе „національно-демократической“ — но само офиціальное принятіе этихъ принциповъ въ ея программу было интереснымъ симптомомъ.

Эта борьба радикальныхъ и консервативныхъ теченій на галицкой почвѣ, захватившая конецъ 1880-хъ и затѣмъ 1890-ые годы, велась при живѣйшемъ участіи украинцевъ россійскихъ и имѣла не только мѣстный, а и болѣе общій интересъ. Если симпатіи „политиковъ“, лежали на сторонѣ галицкихъ „радикаловъ“, то среди „культурниковъ“ не было недостатка въ людяхъ оправдывавшихъ компромиссъ въ интересахъ національныхъ пріобрѣтеній. „Угода“ 1890 г. была заключена при непосредственномъ участіи выдающихся украинскихъ дѣятелей Россіи и находила у нихъ и позже сочувствіе и оправданіе. На галицкой почвѣ, на конкретныхъ примѣрахъ галицкой политики ставились и рѣшались вопросы о сравнительной цѣнности національныхъ формъ и ихъ соціальнаго и политическаго содержанія, сталкивались и боролись національзмъ консервативный и радикально-прогрессивный. При полной невозможности свободнаго обсужденія политическихъ и общественныхъ вопросовъ съ украинской точки зрѣнія въ Россіи, галицкая жизнь и ея борьба теченій и направленій внушала чрезвычайный интересъ украинскому обществу Россіи, не только съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившему за ней, но и принимавшему въ ней посильное участіе. Она служила чрезвычайно цѣнной поправкой и дополненіемъ культурническаго направленія, сосредоточившагося въ концѣ 1880-хъ гг. около журнала „Кіевская Старина“, съ 1888 г. перешедшаго въ руки кіевскаго кружка и ставшаго настоящимъ органомъ его, а также нѣкоторыхъ другихъ литературно-просвѣтительныхъ предпріятій.

Вполнѣ понятно, что въ этой средѣ „галицкія увлеченія“ вызывали довольно сильное неудовольствіе, но въ концѣ концовъ несостоятельность культурническаго аполитизма обнаружилась съ полной очевидностью для всѣхъ. Съ одной стороны никакими отмежеваніями слѣва, никакими пониженіями украинскихъ національныхъ запросовъ и заключеніемъ его въ тѣсные предѣлы внутреннихъ отношеній Россіи—на чемъ настаивали противники галицкой политики—не удавалось создать почвы для легальнаго украинства въ Россіи. Правительственныя сферы не оставляли мѣста для компромиссовъ, не желая видѣть никакого украинства, ни радикальнаго, ни умѣреннаго, добиваясь полнаго національнаго или точнѣе — этнографическаго унитаризма. Съ другой стороны выяснилась невозможность отмежевать культурно-національные запросы украинства отъ политическихъ и

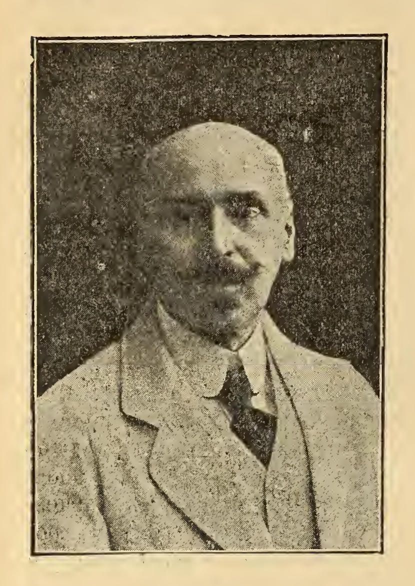
общественныхъ. Даже чисто научная работа начинала все болѣе хирѣть въ кіевскомъ кружкѣ, не находя преемниковъ въ наростающихъ поколѣніяхъ, и названіе „украинофиловъ“ стало въ устахъ послѣдних получать отрицательное значеніе, для характеристики несерьезнаго и неглубокаго аполитичеткаго украинства.

Одновременно на почвѣ политической и общественной борьбы Галиціи какъ разъ въ это время, съ конца 1890-хъ годовъ поднимались всходы культурнаго движенія и національное украинское движеніе принимало все болѣе импозантные размѣры. Изъ скромныхъ народническихъ опытовъ и начатковъ изученія Украины, въ которыхъ обращалось украинство 1860-хъ и начала 1870-хъ гг. въ Россіи (не говоря уже о Галиціи), на галицкой почвѣ, благодаря соединеннымъ усиліямъ галицкихъ украинскихъ дѣятелей, оно выросло до размѣровъ настоящаго національнаго движенія, развившаго во всей широтѣ національную программу и вступившаго на путь ея осуществленія. Развитіе на національной украинской основѣ различныхъ партій—съ болѣе умѣренными и съ крайними программами и требованіями, политическая, экономическая и просвѣтительная организація народныхъ массъ, начатки политической и національной борьбы, сильный культурный ростъ, сказавшійся въ успѣхахъ научной дѣятельности на народномъ языкѣ и расцвѣтѣ литературы,—все это должно было внушить иныя понятія объ украинствѣ и разсѣять много ошибочныхъ мнѣній о немъ у чужихъ и своихъ. Должны были вполнѣ исчезнуть предубѣжденія тѣхъ, которые смотрѣли на украинство, какъ на романтическій архаизмъ, несовмѣстимый съ прогрессивнымъ движеніемъ, и страхи тѣхъ украинофиловъ, которые хотѣли оградить украинскіе круги отъ вліянія современныхъ теченій, боясь, что увлеченіе ими будетъ имѣть результатомъ равнодушіе къ украинскому національному вопросу и украинскому національному вопросу и украинской національной жизни. Мотивы, руководившіе украинскими дѣятелями 1860—1890-хъ гг., переносившими центръ тяжести украинскаго движенія на галицкую почву, вполнѣ оправдали себя. Ихъ энергія и средства, вложенныя въ развитіе украинства въ Галиціи, приносили желанные плоды, и успѣхи достигнутые украинскимъ національнымъ движеніемъ, становились могущественнымъ стимуломъ для украинскаго общества Россіи, призывавшимъ къ полнотѣ національной жизни и непосредственнымъ усиліямъ къ ея достиженію.

Рѣзко-опозиціонное направленіе, которое получило украинское движеніе Галиціи съ 1890-хъ гг., въ противоположность старому, правительственному украинству 1848 года, поставило его впервые на твердую почву, научивъ расчитывать только на собственныя силы, а не на милости правительства. Работа, направленная на развитіе и организацію народныхъ массъ, впродолженіе 1890-хъ и 1900-хъ годовъ дала очень внушительные результаты, создавъ реальныя силы въ сознательныхъ народныхъ массахъ, на которыхъ могла опереться въ своихъ политическихъ и національныхъ запросахъ украинская интеллигенція. Съ другой стороны культурный и экономическій ростъ сообщалъ увѣренность въ возможности движенія даже при самыхъ неблагопріятныхъ политическихъ условіяхъ собственными силами общества.

Какъ разъ на это время, конецъ 1890-хъ и 1900-хъ годовъ приходятся первые успѣхи научной работы, украинской не только по темамъ, но и по внѣшней формѣ—украинскому языку. „Товариство имени Шевченка“, довольно скромно прозябавшее въ 1880-хъ гг., преобразовалось въ научное общество въ 1892 г. и затѣмъ въ 1898 г. реформировалось по образцу академій наукъ, сгруппировавъ вокругъ себя научныя украинскія силы Галиціи и Россіи. Скоро оно обратило вниманіе ученыхъ круговъ своими многочисленными научными изданіями (ученый журналъ „Записки“, посвященный главнымъ образомъ украинской исторіи, фило-

логіи и этнографіи, археографическія изданія, „Етнографічний збірникъ“, „Матеріали по етнольогії“ и др.). Большое значеніе имѣли также его литературныя изданія. Съ 1885 г. Товариство взяло на себя изданіе литературнаго еженедѣльнаго журнала „Зоря“. До 1894 г. это изданіе допускалось въ Россію и въ 90-хъ годахъ получило довольно широкое распространеніе, привлекая одновременно къ сотрудничеству литературныя силы россійской Украины. Основанный Товариствомъ Шевченка въ 1898 г. взамѣнъ „Зори“, литературно-научный журналъ „Літературно-Науковий Вістник“, допускавшійся въ продолженіе трехъ лѣтъ въ Россію довольно свободно, имѣлъ для россійской Украины еще большее значеніе въ томъ же смыслѣ. Эти новыя связи съ Галиціей оживили литературную дѣятельность среди Украинцевъ въ Россіи, подняли ея уровень, расширили кругозоръ, вообще дали сильный толчокъ украинству. Въ Галиціи этотъ моментъ совпалъ также съ появленіемъ цѣлаго ряда новыхъ литературныхъ силъ—а можетъ быть въ значительной степени и вызвалъ это появленіе. Мѣстная культурная жизнь, довольно безцвѣтная до тѣхъ поръ, расцвѣтилась яркими талантами, внесшими новое содержаніе и сообщившими новую значительность мѣстной жизни.



Корифеи новѣйшей украинской литературы: Мих. Коцюбинскій († 1913).

Этотъ приливъ новыхъ силъ сильно повліялъ на самочувствіе украинскаго общества, поднялъ уровень его стремленій и дерзновеній. Въ Галиціи съ концомъ 1890 гг. выступаетъ на очередь и пріобрѣтаетъ все большую жгучесть вопросъ объ украинскомъ университетѣ. Выдвинутый украинскими университетскими кругами, онъ затѣмъ становится достояніемъ самыхъ широкихъ круговъ украинскаго населенія, какъ завершеніе культурной программы національнаго возрожденія, полноты національной культуры. Когда осенью 1902 г. украинское студенчество львовскаго университета, встрѣтивъ рѣзкій отпоръ со стороны университетскихъ властей своимъ требованіямъ расширенія правъ украинскаго языка и увеличенія числа каѳедръ, устроило сецессію, поголовно вышедши (въ числѣ 600) изъ университета, — это произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Украинское населеніе Галиціи безъ различія сословій и партій чрезвычайно сильно и дружно отозвалось на солидарную манифестацію студенчества, собирая деньги для сецессіонистовъ и домогаясь основанія отдѣльнаго университета, въ виду враждебнаго отношенія польскаго университетскаго большинства къ національнымъ требованіямъ Русинъ. Послѣдовавшія затѣмъ бурныя сцены, отъ времени до времени постоянно повторявшіяся въ эти годы вплоть до кровавой перестрѣлки 1 іюля (н. с.) 1910 г., держали все время въ напряженіи университетскій вопросъ, сдѣлавъ изъ него очередное требованіе украинской политики.

Наряду съ этимъ въ эти же годы большое вниманіе было обращено также на созданіе частной украинской средней школы. Благодаря тому, что польскимъ правящимъ классамъ еще въ 1860-хъ годахъ, непосредственно послѣ введенія областной автономіи, удалось провести законъ, — уникатъ въ законодательствѣ Австріи, по которому

учрежденіе казенной украинской гимназіи можетъ состояться не иначе какъ съ согласія галицкаго сейма, т. е. его польскаго большинства,—въ рукахъ послѣдняго оказалось veto, противъ котораго стали безсильными даже благія пожеланія правительства. Поэтому учрежденіе каждой новой украинской гимназіи приходилось выторговывать у польскаго большинства цѣною разныхъ уступокъ, и этотъ вопросъ объ украинскихъ гимназіяхъ служилъ однимъ изъ камней преткновенія, о которые не разъ спотыкалась оппозиціонная энергія украинской политики (напр. открытіе одной изъ гимназій, коломыйской, должно было послужить компенсаціей угоды 1890 г., а вопросъ объ открытіи гимназіи въ Станиславовѣ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, 1901—4, служилъ настоящимъ центромъ польско-украинской борьбы). Единственнымъ выходомъ изъ этой необходимости позорнаго выпрашиванія среднихъ школъ изъ рукъ польскаго большинства явилась организація частной украинской средней школы и въ этомъ направленіи въ 1907 и послѣдующихъ гг. было приложено много энергіи и старанія. Въ результатѣ создалась значительная сѣть среднихъ школъ и подготовительныхъ къ нимъ курсовъ, планомѣрно развиваемая спеціальными органами—обществами и союзами.

Въ области экономическихъ отношеній большое значеніе имѣло грандіозное стачечное движеніе, развившееся въ 1902 г. среди сельскохозяйственныхъ рабочихъ; никѣмъ не руководимое, своею стихійною силою оно захватило даже заброшенныя и отсталыя мѣстности, сильнѣйшимъ образомъ взбудоражило крестьянское населеніе и несмотря на чрезвычайныя репрессіи со стороны администраціи и судебныхъ инстанцій, подняло инстинктъ организаціи и самопомощи среди народныхъ массъ. Въ томъ же направленіи вліяло чрезвычайно успѣшное распространеніе гимнастическихъ обществъ, „Січей“ и „Соколовъ“, сельскихъ читален и общественныхъ лавокъ, приготовившее импозантное развитіе коопераціи въ послѣднихъ годахъ, характеризовавшихся особеннымъ, даже преувеличеннымъ интересомъ руководящихъ украинскихъ круговъ Галиціи къ экономическому развитію, созданію финансовыхъ учрежденій и разнаго рода кооперативовъ.

Эта общественная организаціонная волна поднялась особенно высоко подъ конецъ перваго десятилѣтія новаго столѣтія, послѣ того, какъ разочарованіе въ такъ долго жданной реформѣ избирательнаго права заставило отложить надежды на скорое удовлетвореніе національныхъ и соціальныхъ нуждъ украинскаго населенія путемъ законодательныхъ реформъ. Неожиданно надвинувшаяся въ 1905 г., благодаря австро-венгерскому кризису и вліяніямъ освободительнаго движенія въ Россіи, эта реформа была чрезвычайно горячо и энергически поддержана населеніемъ Австріи, въ томъ числѣ украинскимъ населеніемъ Галиціи, но уже въ самомъ осуществленіи была такъ жестоко искалѣчена приноровленіемъ ея къ интересамъ привилегированныхъ народностей и классовъ, что должна была сильно расхолодить горячія надежды, возлагавшіяся на нее. А затѣмъ „первый народный парламентъ“ Австріи, созванный въ 1906 г. на основаніи новаго избирательнаго закона, не замедлилъ показать, что новый избирательный законъ нисколько не сдѣлалъ его работо-

Корифеи новѣйшей украинской литературы: Леся Украинка (Ларисса Косачъ-Квитка) † 1913.

способнѣе, не вывелъ изъ дебрей національныхъ преній, тормозящихъ разрѣшеніе общественныхъ и культурныхъ вопросовъ. Національныя меньшинства оказались и въ новомъ парламентѣ въ такомъ же неблагопріятномъ положеніи относительно крупныхъ національныхъ и партійныхъ группъ, на которыхъ опиралось правительство. Украинское представительство хотя и возросло численно противъ прежняго, по прежнему оказывалось безсильнымъ противъ вліяній польскаго кола и вступивъ на старую дорожку оппортунизма, скоро запуталась въ его дебряхъ. Въ концѣ концовъ новый парламентъ совершенно безславно окончилъ свое существованіе, распущенный досрочно (весною 1911 г.), подъ знакомъ „неработоспособности" не давъ ничего реальнаго ни въ сферѣ общеимперской жизни, ни для улучшенія національныхъ и общественныхъ отношеній Галиціи въ частности и разочаровавъ сильнѣйшимъ образомъ въ парламентаризмѣ вообще. То, что было достигнуто за эти годы въ Галиціи, было достигнуто самодѣятельностью самого украинскаго общества, украинскаго населенія, продолжавшею развиваться со стихійною силою не смотря на неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства и неувѣренность политическаго курса своихъ парламентарныхъ представителей. Но въ послѣдніе годы и въ немъ становится все болѣе замѣтнымъ паденіе энергіи и иниціативы этой культурной и общественной работы, подъ неблагопріятными вліяніями затяжной національной борьбы, среди которой въ концѣ концовъ утратились и общіе руководящіе принципы и интересъ ко всему, что не служило непосредственно національнымъ или точнѣе — партійнымъ интересамъ. И Галицкая Украйна, на которой такъ недавно почивали надежды украинскаго движенія, видимо теряетъ свою первенствующую, руководящую роль въ національной украинской жизни.

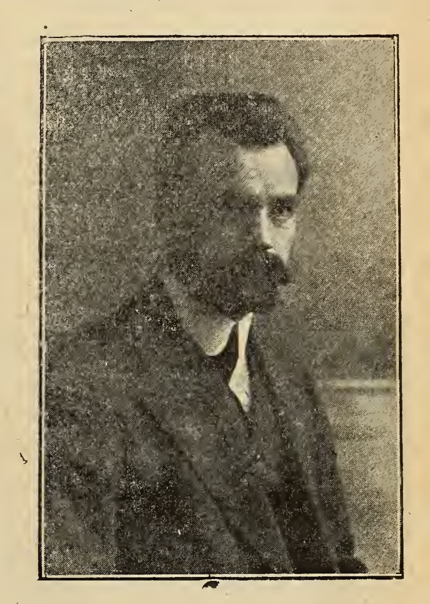
Еще большія разочарованія пришлось пережить за послѣднее десятилѣтіе украинскому обществу въ Россіи, параллельно съ галицкимъ развивавшимъ широкую программу національнаго развитія.

Наростаніе украинскаго движенія, подъ вліяніемъ его успѣховъ въ Галиціи и благодаря нѣкоторому ослабленію цензурнаго режима въ Россіи, стало замѣтнымъ уже со второй половины 1890 хъ гг. Издательскія общества и кружки въ Кіевѣ и Петербургѣ дали рядъ популярныхъ изданій для народа и интеллигенціи. Вопросъ о допущеніи украинскаго языка на археологическихъ съѣздахъ неожиданно съ новой силой поднялъ горячіе споры о культурной правоспособности украинскаго языка (1899). Широкая струя общественныхъ и политическихъ интересовъ врывается въ украинскіе круги, захватывая даже старыя аполитическія изданія; „Кіевская Старина" вводитъ у себя публицистическіе отдѣлы, даетъ много мѣста украинской беллетристикѣ. Появляются попытки партійной организаціи на украинской почвѣ. Позже колебанія бюрократическаго режима, эпоха тревожныхъ ожиданій и надеждъ, охватившихъ всѣ круги Россіи въ годы непосредственно предшествовавшіе русско-японской войнѣ и впродолженіе этой послѣдней, заставили украинское общество приложить усилія къ тому, чтобы вдвинуть украинскій вопросъ въ общую проблему „обновленія Россіи".

Кардинальные вопросы общаго переустройства въ этотъ рѣшающій, какъ казалось, моментъ грозили отодвинуть на второй планъ національныя нужды, въ особенности „менѣе благопріятствуемыхъ" народностей, къ числу которыхъ неизмѣнно принадлежала украинская. Народныя массы были захвачены аграрнымъ вопросомъ, интеллигенція—гарантіями политической свободы. Представители украинскаго движенія прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы въ общемъ планѣ созданія новаго строя не были упущены изъ виду интересы національнаго развитія государственныхъ народностей. Принимая живѣйшее участіе въ общемъ конституціонномъ движеніи, они выдвигали на ряду съ ближайшими вопросами,

требовавшими безотлагательнаго разрѣшенія, также и раскрѣпощеніе украинства. Такой характеръ имѣло участіе національно-сознательныхъ представителей украинскаго общества въ движеніи передднумья, 1904—6 гг.

На первой очереди стояла отмѣна указа 1876 года, которой приходилось добиваться путемъ прессы, резолюцій, петицій къ правительству. Принципіально оно было обѣщано кабинетомъ Витте, и въ декабрѣ 1904 г. комитетъ министровъ, въ связи съ пересмотромъ существующихъ „излишнихъ стѣсненій печати", подвергнувъ спеціальному обсужденію существующія стѣсненія украинскаго слова, пришелъ къ убѣжденію, что эти стѣсненія не оправдываются какою-либо дѣйствительною опасностью „украинофильскаго движенія", между тѣмъ существеннымъ образомъ тормозятъ культурное развитіе украинскаго населенія, „затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи книгъ". Однако „въ видахъ вящей осторожности, для большаго разъясненія практическаго значенія упомянутаго запрета и проистекающихъ изъ него неудобствъ", комитетъ рѣшилъ все-таки еще собрать компетентныя свѣдѣнія по этому вопросу, и на этотъ разъ обратился дѣйствительно къ источникамъ болѣе компетентнымъ, чѣмъ тѣ специалисты по украинскому вопросу, трудами которыхъ сочинялись запретительныя мѣры 1860—70 хъ годовъ.



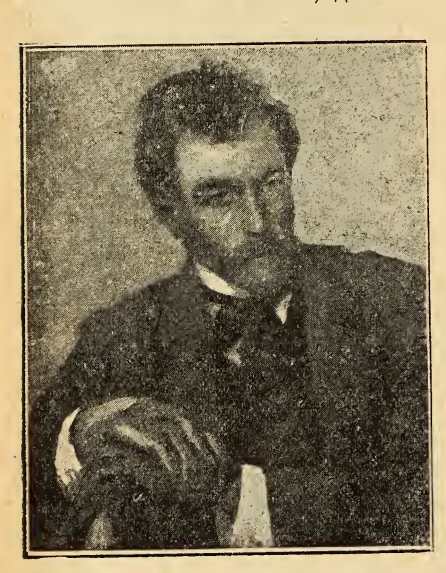
Корифеи новѣйшей украинской литературы: Влад. Винниченко.

Запрошенные комитетомъ учрежденія—академія наукъ, кіевскій и харьковскій университеты и кіевскій генералъ-губернаторъ дали отзывы, подтверждавшіе настоятельную необходимость отмѣны запрещеній 1876—1881 гг. Академія наукъ въ обширной запискѣ потрудилась при этомъ выяснить также полную неосновательность ходячаго въ офиціальныхъ кругахъ положенія, что такъ называемый „русскій литературный языкъ" есть языкъ общерусскій, вполнѣ удовлетворяющій и потребности украинскаго населенія въ культурѣ родного слова. Особое вниманіе посвятила она также выясненію нежелательныхъ обостреній въ отношеніяхъ украинской народности къ великорусскому языку, культурѣ и государственности, создаваемыхъ запретительными мѣрами правительства. Но несмотря на то, что соображенія комитета министровъ о необходимости отмѣны запрещеній украинскаго слова получили такимъ образомъ самыя вѣскія и категорическія подтвержденія, у него не нашлось рѣшимости все-таки покончить съ этими запрещеніями: вопросъ „по несвоевременности" былъ снова отложенъ—и больше уже не поднимался. Запрещенія были сняты общими положеніями о печати—спеціальнаго раскрѣпощенія украинскаго слова правительство такъ и не успѣло осуществить. Изданныя осенью 1905 г. временныя правила о періодической печати открыли возможность изданія періодическихъ изданій на украинскомъ языкѣ, а апрѣльскія правила 1906 г. о неповременныхъ изданіяхъ, отмѣнивъ всѣ исключительныя правила для произведеній „на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ", молчаливо сдали въ архивъ всѣ ограниченія украинскаго слова, созданныя предшествующими правилами.

Конечно, дѣйствительнаго не только освобожденія, но даже и урав-

ненія украинскаго печатнаго слова съ великорусскимъ эти правила не дали. Этого трудно было и ожидать въ виду того, что хозяиномъ положенія осталась все таже всевластная бюрократія, вооруженная безграничнымъ правомъ усмотрѣнія. Въ продолженіи десятилѣтій искореняла она украинскій сепаратизмъ и ея отношеніе къ украинству не могло переродиться отъ одного слова временныхъ правилъ. Если для великорусской прессы и великорусскаго слова у нея оказались бичи, то для украинскаго не было недостатка въ скорпіонахъ. Ея представители совершенно откровенно заявляли, что таже самая мысль, изложенная на великорусскомъ языкѣ, не производитъ на нихъ такого неблагопріятнаго впечатлѣнія, какъ передача ея въ украинской формѣ. Какъ языкъ доступный массамъ, способный проникать въ самыя широкіе круги, украинская рѣчь не переставала возбуждать тревожную подозрительность, и нарождающаяся съ 1905 г. украинская пресса, раскрѣпощенная правилами 1908 г. украинская книга-фактически не переставали подвергаться усиленному надзору и усиленнымъ ограниченіемъ даже сравнительно съ великорусскими изданіями.

Еще менѣе благопріятно былъ разрѣшенъ другой кардинальный съ точки зрѣнія интересовъ развитія украинскихъ массъ—вопросъ объ украинской школѣ. Украинской интеллигенціей онъ выдвигался постоянно, какъ первое условіе улучшенія условій народной жизни и „нужды украинской школы“, наравнѣ съ „нуждами украинской печати“, были предметомъ усиленныхъ петицій и представленій въ періодъ передумья и затѣмъ не переставали волновать украинское общество во время всѣхъ трехъ думъ. Тотъ печальный конецъ, какой встрѣтило это требованіе въ осеннюю сессію 1910 г., далъ только сильную иллюстрацію общему неблагопріятному положенію украинскаго вопроса при нынѣшнемъ „представительствѣ“ Россіи. Въ первыхъ двухъ думахъ, благодаря болѣе демократическому характеру избирательнаго закона, постоянно оказывались въ достаточномъ количествѣ люди хотя не сознательно-національные, но органически связанные съ украинскимъ населеніемъ, и сознаніе нуждъ послѣдняго въ концѣ концовъ объединяло ихъ на почвѣ необходимости свободнаго національнаго развитія и самоопредѣленія украинскаго народа [1]). Только кратковременное существованіе первыхъ двухъ думъ не дало возможности ихъ „украинскимъ фракціямъ“ сорганизоваться окончательно и выступить со своими національными требованіями. Но законъ 3 іюня лишилъ самостоятельнаго представительства народныя массы, а съ тѣмъ отнята была возможность представительства и украинскихъ національныхъ интересовъ.



Корифеи новѣйшей украинской литературы: О. Олесь (Александръ Кандыба).

1) См. украинскую платформу, выработанную во время первой думы, въ журналѣ „Украинскій Вѣстникъ“ 1906, V, и въ моемъ сборникѣ „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“—статья „Наши требованія“: „Вѣрные завѣтамъ украинскаго освободительнаго движенія, выдвинувшаго федеративный принципъ, какъ основаніе будущаго устроенія отношеній политическихъ и національныхъ и неизмѣнно проводившаго его начиная съ т. н.

Националистическій курсъ, принятый тогдашнимъ правительствомъ, выразился въ весьма рѣзкомъ и неблагопріятномъ отношеніи его къ украинскому національному движенію. Отрицательное отношеніе административныхъ органовъ, не допускавшихъ основанія никакихъ украинскихъ обществъ, ни изданій, было санкціонировано сенатомъ, лѣтомъ 1908 г., по поводу отказа въ регистраціи украинской „Просвіты" полтавскимъ губернскимъ присутствіемъ. Сенатъ утвердилъ рѣшеніе присутствія, признавъ что цѣль поставленная проектированною „Просвітою"—помощь культурно-просвѣтительному развитію мѣстнаго украинскаго населенія, заключаетъ въ себѣ сепаратистическія стремленія и можетъ привести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Правительственныя сферы возвращались такимъ образомъ на позицію крайняго унитаризма, принося въ ему жертву насущные интересы украинскаго населенія, во имя которымъ комитетъ министровъ 1904 г. признавалъ необходимой отмѣну запрещеній украинскаго слова. Эту точку зрѣнія развилъ затѣмъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ 20 янв. 1910 г., предлагавшій представителямъ мѣстной администраціи украинскихъ губерній не допускать обществъ и союзовъ „инородческихъ, въ томъ числѣ украинскихъ и еврейскихъ, независимо отъ преслѣдуемыхъ ими цѣлей", въ виду того, что „объединеніе на почвѣ національныхъ интересовъ ведетъ къ усугубленію національной обособленности въ Россіи". Наконецъ рапортъ того-же министра сенату (февраль 1911) по поводу регистраціи общества „Украінская Хата" въ Москвѣ далъ пространную мотивировку этого новаго правительственнаго курса, признающаго традиціонной задачей россійской государственности „борьбу съ движеніемъ, извѣстнымъ въ наше время подъ именемъ украинскаго и олицетворяющаго собою идею возрожденія прежней Украины и устройства малорусской Украины на автономныхъ національно-территоріальныхъ началахъ". Не считая возможнымь розграничить національныя и политическія стремленія украинской интеллигенціи, правительство устами этого рапорта признавало нужнымъ стремиться къ устраненію всякихъ особенностей, раздѣляющихъ восточно-славянскія народности.

Эта декларація, вполнѣ принятая сенатомъ, даетъ общее освѣщеніе тому репрессивному направленію внутренней политики, которая вы-

---

кирилло-меѳодіевскаго братства, мы признаемъ федеративныя формы наиболѣе совершеннымъ способомъ сочетанія государственнаго союза съ интересами свободнаго и нестѣсненнаго развитія національной жизни, но въ настоящемъ настаиваемъ на осуществленіи принципа національно-территоріальной автономіи, какъ одного изъ основаній новаго государственнаго устройства. Сообразно этому территорія съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ должна быть выдѣлена изъ нынѣшнихъ административныхъ подраздѣленій и наряду съ преобразованіемъ органовъ мѣстнаго самоуправленія на широкихъ демократическихъ началахъ должна получить общіе органы областного законодательства и самоуправленія, руководимые народнымъ представительствомъ въ видѣ украинскаго сейма, избираемаго всеобщимъ, равнымъ прямымъ и тайнымъ голосованіемъ.

„Организація областнаго украинскаго сейма и связанныхъ съ нимъ органовъ управленія и контроля съ широкими полномочіями въ мѣстномъ законодательствѣ, въ распоряженіи мѣстными финансами и областнымъ земельнымъ фондомъ, въ мѣстномъ управленіи, въ организаціи просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, общественной безопасности и средствъ экономическаго развитія,—по аналогіи другихъ наиболѣе крупныхъ автономныхъ областей Россіи должна послѣдовать одновременно съ ними...

„Особыми общеимперскими законами должны быть установлены права, которыми пользуются языки и нарѣчія не государственныя въ учрежденіяхъ, находящихся въ вѣдѣніи общеимперскихъ министерствъ, а также обезпечены права національностей, находящихся на извѣстной территоріи въ меньшинствѣ, по отношенію къ учрежденіемъ общимъ и мѣстнымъ, и указаны нормы, гарантирующія имъ возможность нестѣсняемаго существованія и осуществленія своихъ національныхъ и культурныхъ запросовъ", и т. д. (Освобожденіе Россіи с. 89—90).

разилась въ послѣдніе годы въ цѣломъ рядѣ репрессій противъ невиннѣйшихъ проявленій украинской національной жизни: закрытіе въ цѣломъ рядѣ городовъ легальнѣйшихъ „Просвѣтъ", не преслѣдовавшихъ иныхъ цѣлей, кромѣ содѣйствія просвѣщенію и самообразованію широкихъ массъ, запрещеніе украинскихъ клубовъ, гоненія на украинскія афиши, вывѣски, аншлаги, искорененіе всякихъ намековъ на украинскую манифестацію, вродѣ надгробныхъ рѣчей, всяческія кляузы, которыми было окружено разрѣшеніе на постановку памятника Шевченку, и т. под., и т. под. Не разрѣшается никакихъ новыхъ украинскихъ обществъ, хотя бы въ такомъ родѣ, какъ общество охраны могилы Шевченка. Подвергаются всяческимъ преслѣдованіямъ служащіе на государственной или общественной службѣ лица за подписку на легальнѣйшія украинскія періодическія изданія, за держаніе цензурнѣйшихъ украинскихъ книгъ. Заграничные украинскіе книги и журналы противозаконно облагаются огромнѣйшею пошлиною, совершенно преграждающею имъ доступъ въ Россіи и т. под.

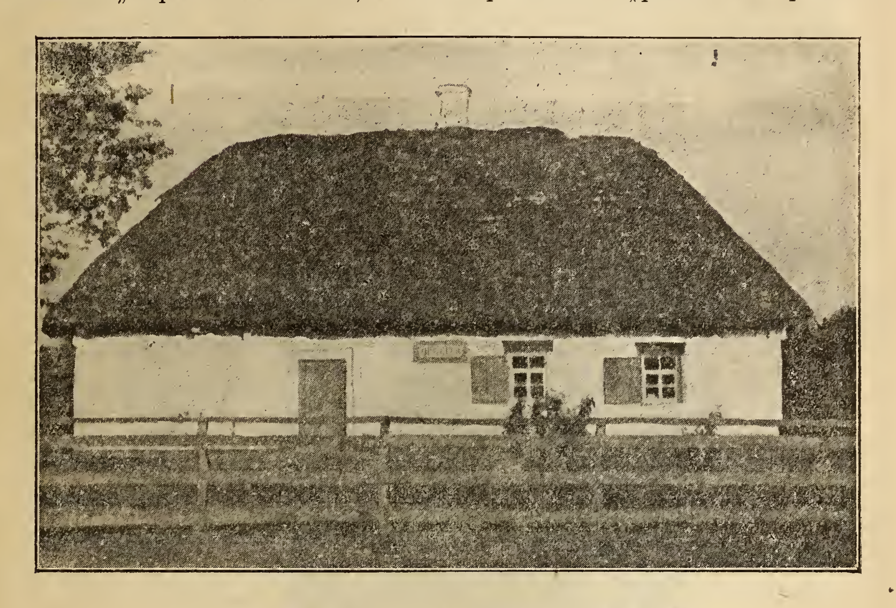
Всѣ эти репрессія и гоненія — на которыя наконецъ стало обращаться все чаще и чаще вниманіе и думской трибуны, какъ на крайній предѣлъ абсурднѣйшей националистической политики—создаютъ специфическую атмосферу вокругъ россійскаго украинства. Не будучи въ состояніи убить украинскаго движенія, которое на всякомъ шагу обнаруживаетъ свою жизненность—въ наростаніи сознательности украинскихъ массъ, въ распространеніи національнаго сознанія, въ ростѣ литературы, распространеніи книги, въ всевозможныхъ откликахъ на событія, затрогивающія національное самочувствіе. — они даютъ постоянно чувствовать непрочность всѣхъ этихъ пріобрѣтеній, осязать дамокловъ мечъ усмотрѣнія, висящій надъ всѣми сколько нибудь конкретными формами и держать украинское общество въ постоянно напряженномъ, тревожномъ и неизбѣжно-раздраженномъ состояніи.

На протяженіи послѣдняго десятилѣтія (1904 — 1913) украинская жизнь въ Россіи сдѣлала большіе успѣхи. Это бросается въ глаза и въ литературѣ, гдѣ на ряду съ рядомъ выдающихся талантовъ образовались кадры литературныхъ работниковъ вмѣсто прежнихъ любителей-одиночекъ, это чувствуется и въ подъемѣ политической и общественной жизни,— бурный періодъ 1905 — 1906 гг. не прошелъ безслѣдно, создавъ совершенно новое самочувствіе, рѣзко отличающееся отъ настроеній послѣдней четверти XIX в. Политическій моментъ начинаетъ все болѣе опредѣленно проявлять себя во всякаго рода общественныхъ организаціяхъ, стремящихся опереться на широкіе общественные круги, на народныя массы (взять для примѣра кооперативное движеніе, широко развивающееся на Украинѣ). Но политика репрессій и запрещеній продолжаетъ въ сильнѣйшей степени парализовать ту организацію общественной самодѣятельности, которая дала выходъ галицкой Украинѣ изъ тупика политическихъ отношеній, и дѣлаетъ положеніе „Великой Украины" россійской и сейчасъ болѣе тяжелымъ даже въ сравненіи съ малой Украиной австрійской, несмотря на всѣ тяжелыя условія существованія этой послѣдней.

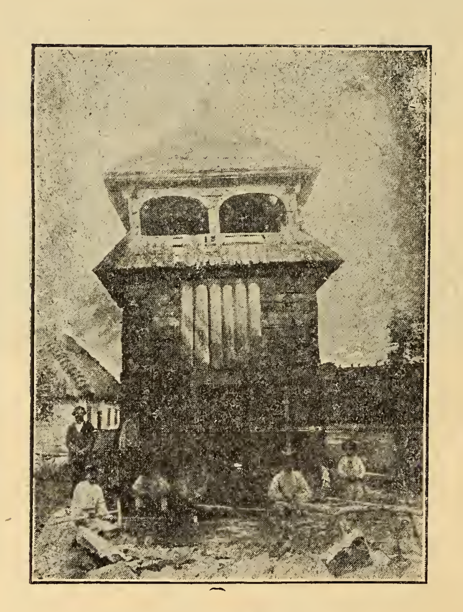
Необходимость перестройки Россіи не только въ плоскости гражданской и политической свободы, но и въ плоскости широкаго національнаго самоопредѣленія даетъ себя чувствовать живо и настоятельно все болѣе широкимъ общественнымъ кругомъ.

Литература. Моя книга „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ" 1907; брошюра „Украинство въ Россіи" (оттискъ изъ 2 изд. „Очерка"), 1906; для галицкихъ отношеній много цѣннаго въ изданіи Наук. тов. им. Шев-

ченка: Студії з поля суспіальныхъ наук і статистики. О литературномъ движеніи: Франко, Молода Украіна (1910). Для Буковины: С. Смаль-Стопький Буковинська Русь, 1897. Для Угорской Руси: В. Лукич, Угорська Русь 1887, Еган: Економічне положенне руських селян в Угорищині, 1901. Для современнаго положенія украинства — обзоры въ журналѣ „Літературно-Науковий Вістник". „Украинская жизнь", также сборникъ С. Ефремова: „За рік" 1912.



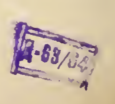
„Просвѣта" въ с. Перещиппнѣ (Екатеринославской губ.).



Старинная колоколенка въ
Волынской губ.

Заставка изъ изданій Кіевской лавры (1667 г.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.



Проф. Л. Блохъ.

СОСЛОВНАЯ
и
ЦІАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ
Римской Республики,

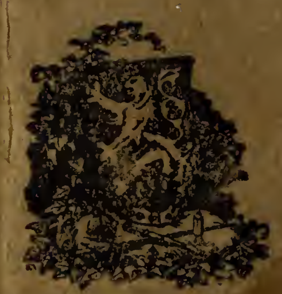
20 рисунками и карт.

я книга, о которой печать ото-
ь, какъ о цѣнномъ вкладѣ въ
ческую науку. Авторъ стоитъ
кѣ зрѣнія матеріалистическаго
пониманія исторіи.

ѣна 70 коп., перес. 15 коп.

АНТОШКА

СТОРІЯ ЧЕХІИ



ДАТЕЛЬСТВО

Цѣна 45 к., перес. 15 к.

Проф. Р. Арнольдъ.

КУЛЬТУРА
ХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

а 50 коп., перес 15 коп.

ізмъ — это та эпоха, съ
й началась борьба за сво-
мысли и совѣсти, борьба,
ъ поръ не прекращающаяся.
мство съ первыми мучени-
а правду и свободу является
всякаго обязательнымъ.

Проф. Андерсонъ.

ИСТОРІЯ ПОГИБШИХЪ ЦИВИЛИЗАЦІЙ ВОСТОКА,

съ 59 рисунк.. порт. и картин.

СОДЕРЖАНІЕ:

Введеніе. — Происхожденіе человѣческихъ расъ. — Халдея и Вавилонія. — Древній Египетъ. — Хитты, финикіяне и евреи. — Иранъ, или древняя Персія.

Цѣна 80 коп., перес. 17 коп.

ИСТОРІЯ РУССКАГО НАРОДА.

4 популя... ...хъ л...кціи
съ 6... и 24 раскр.
...ая волш. фонаря.

Эти очерки отличаются отъ обычныхъ популярныхъ чтеній по русской исторіи тѣмъ, что въ нихъ роль народа ставится на первый планъ, и событія нашей исторіи оцѣниваются съ точки зрѣнія ихъ значенія для народа.

Цѣна 1 руб. 50 коп., перес. 18 коп.

Проф. Лау...

ЧУДЕСА ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА.

Четыре популярныя лекціи по исторіи культуры,

съ 42 рис. и 12 раскрашен. картинами для волшебнаго фонаря.

Цѣна 1 руб., перес. 17 коп.

...фі
дѣл